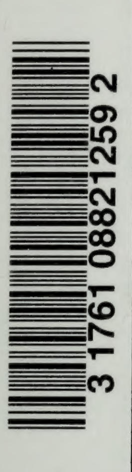

3 1761 08821259 2

ИП
Л

А. П. ЧЕХОВЪ

СТЕПЬ

РАЗСКАЗЫ И ПОВѢСТИ

Приложеніе къ журналу
«ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ РОССІЯ»
на 1931 годъ

БЕРЛИНЪ 1920
Издательство И. П. Ладыжникова

Типографія Шпамера въ Лейпцигѣ

Степь

Исторія одной поѣздки

I

Изъ N., уѣзднаго города Z—ой губерніи, раннимъ іюльскимъ утромъ выѣхала и съ громомъ покатила по почтовому тракту безрессорная ошарпанная бричка, одна изъ тѣхъ допотопныхъ бричекъ, на которыхъ ѣздятъ теперь на Руси только купеческіе приказчики, гуртовщики и небогатые священники. Она тарахтѣла и взвизгивала при малѣйшемъ движеніи; ей угрюмо вторило ведро, привязанное къ ея задку, — и по однимъ этимъ звукамъ, да по жалкимъ, кожанымъ тряпочкамъ, болтавшимся на ея облѣзломъ тѣлѣ, можно было судить о ея ветхости и готовности идти въ сломъ.

Въ бричкѣ сидѣло двое N—скихъ обывателей: N—скій купецъ Иванъ Иванычъ Кузьмичовъ, бритый, въ очкахъ и въ соломенной шляпѣ, больше похожій на чиновника, чѣмъ на купца, и другой — отецъ Христофоръ Сирійскій, настоятель N—ской Николаевской церкви, маленькій, длинноволосый старичокъ, въ сѣромъ парусиновомъ кафтанѣ, въ широкополомъ цилиндрѣ и въ шитомъ, цвѣтномъ поясѣ. Первый о чемъ-то сосредоточенно думалъ и встряхивалъ головою, чтобы прогнать дремоту; на лицѣ его привычная дѣловая сухость боролась съ благодушіемъ человѣка, только-что простившагося съ

родней и хорошо выпившаго; второй же влажными глазками удивленно глядѣлъ на міръ Божій и улыбался такъ широко, что, казалось, улыбка захватывала даже поля цилиндра; лицо его было красно и имѣло озябшій видъ. Оба они, какъ Кузьмичовъ, такъ и о. Христофоръ, ѣхали теперь продавать шерсть. Прощаясь съ домочадцами, они только-что сытно закусили пышками со сметаной и, несмотря на раннее утро, выпили... Настроеніе духа у обоихъ было прекрасное.

Кромѣ только-что описанныхъ двухъ и кучера Дениски, неутомимо стегавшаго по парѣ шустрыхъ гнѣдыхъ лошадокъ, въ бричкѣ находился еще одинъ пассажиръ — мальчикъ лѣтъ девяти, съ темнымъ отъ загара и мокрымъ отъ слезъ лицомъ. Это былъ Егорушка, племянникъ Кузьмичова. Съ разрѣшенія дяди и съ благословенія о. Христофора, онъ ѣхалъ куда-то поступать въ гимназію. Его мамаша, Ольга Ивановна, вдова коллежскаго секретаря и родная сестра Кузьмичова, любившая образованныхъ людей и благородное общество, умолила своего брата, ѣхавшаго продавать шерсть, взять съ собою Егорушку и отдать его въ гимназію; и теперь мальчикъ, не понимая, куда и зачѣмъ онъ ѣдетъ, сидѣлъ на облучкѣ рядомъ съ Дениской, держался за его локоть, чтобъ не свалиться, и подпрыгивалъ, какъ чайникъ на конфоркѣ. Отъ быстрой ѣзды его красная рубаха пузыремъ вздувалась на спинѣ, и новая, ямщицкая шляпа съ павлиньимъ перомъ то-и-дѣло сползала на затылокъ. Онъ чувствовалъ себя въ высшей степени несчастнымъ человѣкомъ и хотѣлъ плакать.

Когда бричка проѣзжала мимо острога, Егорушка взглянулъ на часовыхъ, тихо ходившихъ около высокой, бѣлой стѣны, на маленькія, рѣшетчатыя окна, на крестъ, блестѣвшій на крышѣ, и вспомнилъ, какъ недѣлю тому назадъ, въ день Казанской Божіей Матери, онъ ходилъ съ мамашей въ острожную церковь на престольный праздникъ; а еще ранѣе, на Пасху, онъ приходилъ въ острогъ съ кухаркой Людмилой и съ Дениской и приносилъ сюда куличи, яйца, пироги и жареную говядину; арестанты благодарили и крестились, а одинъ изъ нихъ подарилъ Егорушкѣ оловянныя запонки собственнаго издѣлія.

Мальчикъ всматривался въ знакомыя мѣста, а ненавистная бричка бѣжала мимо и оставляла все позади. За острогомъ промелькнули черныя, закопченыя кузницы, за ними уютное, зеленое кладбище, обнесенное оградой изъ булыжника; изъ-за ограды весело выглядывали бѣлые кресты и памятники, которые прячутся въ зелени вишневыхъ деревьевъ и издали кажутся бѣлыми пятнами. Егорушка вспомнилъ, что когда цвѣтетъ вишня, эти бѣлыя пятна мѣшаются съ вишневыми цвѣтами въ бѣлое море; а когда она спѣетъ, бѣлые памятники и кресты бываютъ усыпаны багряными, какъ кровь, точками. За оградой подъ вишнями день и ночь спали Егорушкинъ отецъ и бабушка Зинаида Даниловна. Когда бабушка умерла, ее положили въ длинный, узкій гробъ и прикрывали двумя пятаками ея глаза, которые не хотѣли закрываться. До своей смерти она была жива и носила съ базара мягкіе бублики, посыпанные макомъ, теперь же она спитъ, спитъ...

А за кладбищемъ дымились кирпичные заводы. Густой, черный дымъ большими клубами шелъ изъ-подъ длинныхъ камышевыхъ крышъ, приплюснутыхъ къ землѣ, и лѣниво поднимался вверхъ. Небо надъ заводами и кладбищемъ было смугло, и большія тѣни отъ клубовъ дыма ползли по полю и черезъ дорогу. Въ дыму около крышъ двигались люди и лошади, покрытые красной пылью...

За заводами кончался городъ и начиналось поле. Егорушка въ послѣдній разъ оглянулся на городъ, припалъ лицомъ къ локтю Дениски и горько заплакалъ...

— Ну, не отревѣлся еще, рёва! — сказалъ Кузьмичовъ. — Опять, баловникъ, слюни распустилъ! Не хочешь ѣхать, такъ оставайся. Никто силой не тянетъ!

— Ничего, ничего, братъ Егоръ, ничего... — забормоталъ скороговоркой о. Христофоръ. — Ничего, братъ... Призывай Бога... Не за худомъ ѣдешь, а за добромъ. Ученье, какъ говорится, свѣтъ, а неученье — тьма... Истинно такъ.

— Хочешь вернуться? — спросилъ Кузьмичовъ.

— Хо...хочу... — отвѣтилъ Егорушка, всхлипывая.

— И вернулся бы. Все равно попусту ѣдешь, за семь верстъ киселя хлебать.

— Ничего, ничего, братъ... — продолжалъ о. Христофоръ. — Бога призывай... Ломоносовъ такъ же вотъ съ рыбарями ѣхалъ, однако изъ него вышелъ человѣкъ на всю Европу. Умственность, воспринимаемая съ вѣрой, даетъ пло-

ды, Богу угодные. Какъ сказано въ молитвѣ? Создателю во славу, родителямъ же нашимъ на утѣшеніе, церкви и отечеству на пользу... Такъ-то.

— Польза разная бываетъ... — сказалъ Кузьмичовъ, закуривая дешевую сигару. — Иной двадцать лѣтъ обучается, а никакого толку.

— Это бываетъ.

— Кому наука въ пользу, а у кого только умъ путается. Сестра — женщина не понимающая, норовитъ все по благородному и хочетъ, чтобъ изъ Егорки ученый вышелъ, а того не понимаетъ, что я и при своихъ занятіяхъ могъ бы Егорку на вѣкъ осчастливить. Я это къ тому вамъ объясняю, что ежели всѣ пойдутъ въ ученые да въ благородные, тогда некому будетъ торговать и хлѣбъ сѣять. Всѣ съ голоду поумираютъ.

— А ежели всѣ будутъ торговать и хлѣбъ сѣять, тогда некому будетъ ученія постигать.

И думая, что оба они сказали нѣчто убѣдительное и вѣское, Кузьмичовъ и о. Христофоръ сдѣлали серьезныя лица и одновременно кашлянули. Дениска, прислушивавшійся къ ихъ разговору и ничего не понявшій, встряхнулъ головой и, приподнявшись, стегнулъ по обѣимъ гнѣдымъ. Наступило молчаніе.

Между тѣмъ передъ глазами ѣхавшихъ разстилалась уже широкая, безконечная равнина, перехваченная цѣпью холмовъ. Тѣснясь и выглядывая другъ изъ-за друга, эти холмы сливаются въ возвышенность, которая тянется вправо отъ дороги до самаго горизонта и исчезаетъ въ лиловой дали; ѣдешь-ѣдешь и никакъ не раз-

берешь, гдѣ она начинается и гдѣ кончается... Солнце уже выглянуло сзади изъ-за города и тихо, безъ хлопотъ принялось за свою работу. Сначала далеко впереди, гдѣ небо сходится съ землею, около курганчиковъ и вѣтряной мельницы, которая издали похожа на маленькаго человѣчка, размахивающаго руками, поползла по землѣ широкая ярко-желтая полоса; черезъ минуту такая же полоса засвѣтилась нѣсколько ближе, поползла вправо и охватила холмы; что-то теплое коснулось Егорушкиной спины, полоса свѣта, подкравшись сзади, шмыгнула черезъ бричку и лошадей, понеслась навстрѣчу другимъ полосамъ, и вдругъ вся широкая степь сбросила съ себя утреннюю полутѣнь, улыбнулась и засверкала росой.

Сжатая рожь, бурьянъ, молочай, дикая конопля — все, побурѣвшее отъ зноя, рыжее и полумертвое, теперь омытое росою и обласканное солнцемъ, оживало, чтобъ вновь зацвѣсти. Надъ дорогой съ веселымъ крикомъ носились старички, въ травѣ перекликались суслики, гдѣ-то далеко влѣво плакали чибисы. Стадо куропатокъ, испуганное бричкой, вспорхнуло и со своимъ мягкимъ «тррр» полетѣло къ холмамъ. Кузнечики, сверчки, скрипачи и медвѣдки затянули въ травѣ свою скрипучую, монотонную музыку.

Но прошло немного времени, роса испарилась, воздухъ застылъ, и обманутая степь приняла свой унылый іюльскій видъ. Трава поникла, жизнь замерла. Загорѣлые холмы, буро-зеленые, вдали лиловые, со своими покойными, какъ тѣнь, тонами, равнина съ туманной далью и опро-

кинутое надъ ними небо, которое въ степи, гдѣ нѣтъ лѣсовъ и высокихъ горъ, кажется страшно глубокимъ и прозрачнымъ, представлялись теперь безконечными, оцѣпенѣвшими отъ тоски...

Какъ душно и уныло! Бричка бѣжитъ, а Егорушка видитъ все одно и то же — небо, равнину, холмы... Музыка въ травѣ пріутихла. Старички улетѣли, куропатокъ не видно. Надъ поблекшей травой, отъ нечего дѣлать, носятся грачи; всѣ они похожи другъ на друга и дѣлаютъ степь еще болѣе однообразной.

Летитъ коршунъ надъ самой землей, плавно взмахивая крыльями, и вдругъ останавливается въ воздухѣ, точно задумавшись о скукѣ жизни, потомъ встряхиваетъ крыльями и стрѣлою несется надъ степью, и непонятно, зачѣмъ онъ летаетъ и что ему нужно. А вдали машетъ крыльями мельница...

Для разнообразія мелькнетъ въ бурьянѣ бѣлый черепъ или булыжникъ; выраститъ на мгновеніе сѣрая каменная баба или высохшая ветла съ синей ракшей на верхней вѣткѣ, перебѣжитъ дорогу сусликъ — и опять бѣгутъ мимо глазъ бурьянъ, холмы, грачи...

Но вотъ, слава Богу, навстрѣчу ѣдетъ возъ со снопами. На самомъ верху лежитъ дѣвка. Сонная, изморенная зноемъ, поднимаетъ она голову и глядитъ на встрѣчныхъ. Дениска зазѣвался на нее, гнѣдыя протягиваютъ морды къ снопамъ, бричка, взвизгнувъ, цѣлуется съ возомъ, и колючіе колосья, какъ вѣникомъ, проѣзжаютъ по цилиндру о. Христофора.

— На людей ѣдешь, пухлая! — кричитъ Де-

ниска. — Ишь, рожу-то раскорячило, словно шмель укусилъ!

Дѣвка сонно улыбается и, пошевеливъ губами, опять ложится... А вотъ на холмѣ показывается одинокій тополь; кто его посадилъ и зачѣмъ онъ здѣсь — Богъ его знаетъ. Отъ его стройной фигуры и зеленой одежды трудно оторвать глаза. Счастливъ ли этотъ красавецъ? Лѣтомъ зной, зимой стужа и метели, осенью страшныя ночи, когда видишь только тьму и не слышишь ничего, кромѣ безпутнаго, сердито воющаго вѣтра, а главное — всю жизнь одинъ, одинъ... За тополемъ ярко-желтымъ ковромъ, отъ верхушки холма до самой дороги, тянутся полосы пшеницы. На холмѣ хлѣбъ уже скошенъ и убранъ въ копны, а внизу еще только косятъ... Шесть косарей стоятъ рядомъ и взмахиваютъ косами, а косы весело сверкаютъ и въ тактъ, всѣ вмѣстѣ, издаютъ звукъ: «вжжи, вжжи!» По движеніямъ бабъ, вяжущихъ снопы, по лицамъ косарей, по блеску косъ видно, что зной жжетъ и душитъ. Черная собака съ высунутымъ языкомъ бѣжитъ отъ косарей навстрѣчу къ бричкѣ, вѣроятно съ намѣреніемъ залаять, но останавливается на полдорогѣ и равнодушно глядитъ на Дениску, грозящаго ей кнутомъ: жарко лаять! Одна баба поднимается и, взявшись обѣими руками за измученную спину, провожаетъ глазами кумачовую рубаху Егорушки. Красный ли цвѣтъ ей понравился, или вспомнила она про своихъ дѣтей, только долго стоитъ она неподвижно и смотритъ вслѣдъ...

Но вотъ промелькнула и пшеница. Опять тянется выжженная равнина, загорѣлые холмы,

знойное небо, опять носится надъ землею коршунъ. Вдали попрежнему машетъ крыльями мельница и все еще она похожа на маленькаго человѣка, размахивающаго руками. Надоѣло глядѣть на нее, и кажется, что до нея никогда не доѣдешь, что она бѣжитъ отъ брички.

О. Христофоръ и Кузьмичовъ молчали. Дениска стегалъ по гнѣдымъ и покрикивалъ, а Егорушка ужъ не плакалъ, а равнодушно глядѣлъ по сторонамъ. Зной и степная скука утомили его. Ему казалось, что онъ давно уже ѣдетъ и подпрыгиваетъ, что солнце давно уже печетъ ему въ спину. Не проѣхали еще и десяти верстъ, а онъ уже думалъ: «Пора бы отдохнуть!» Съ лица дяди мало-по-малу сошло благодушіе и осталась одна только дѣловая сухость, а бритому, тощему лицу, въ особенности когда оно въ очкахъ, когда носъ и виски покрыты пылью, эта сухость придаетъ неумолимое инквизиторское выраженіе. Отецъ же Христофоръ не переставалъ удивленно глядѣть на міръ Божій и улыбаться. Молча, онъ думалъ о чемъ-то хорошемъ и веселомъ, и добрая, благодушная улыбка застыла на его лицѣ. Казалось, что и хорошая, веселая мысль застыла въ его мозгу отъ жары...

— А что, Дениска, догонимъ нынче обозы? — спросилъ Кузьмичовъ.

Дениска поглядѣлъ на небо, приподнялся, стегнулъ по лошадямъ и потомъ уже отвѣтилъ:

— Къ ночи, Богъ дастъ, догонимъ...

Послышался собачій лай. Штукъ шесть громадныхъ степныхъ овчарокъ вдругъ, высокчивъ точно изъ засады, съ свирѣпымъ воющимъ лаемъ бросились навстрѣчу бричкѣ. Всѣ онѣ, необык-

новенно злыя, съ мохнатыми паучьими мордами и съ красными отъ злобы глазами, окружили бричку и, ревниво толкая другъ друга, подняли хриплый ревъ. Онѣ ненавидѣли страстно и, кажется, готовы были изорвать въ клочья и лошадей, и бричку, и людей... Дениска, любившій дразнить и стегать, обрадовался случаю и, придавъ своему лицу злорадное выраженіе, перегнулся и хлестнулъ кнутомъ по овчаркѣ. Псы пуще захрипѣли, лошади понесли; и Егорушка, еле державшійся на передкѣ, глядя на глаза и зубы собакъ, понималъ, что свались онъ, его моментально разнесутъ въ клочья, но страха не чувствовалъ, а глядѣлъ такъ же злорадно, какъ Дениска, и жалѣлъ, что у него въ рукахъ нѣтъ кнута.

Бричка поровнялась съ отарой овецъ.

— Стой! — закричалъ Кузьмичовъ. — Держи! Тпрр...

Дениска подался всѣмъ туловищемъ назадъ и осадилъ гнѣдыхъ. Бричка остановилась.

— Поди сюда! — крикнулъ Кузьмичовъ чебану. — Уйми собакъ, будь онѣ прокляты!

Старикъ-чебанъ, оборванный и босой, въ теплой шапкѣ, съ грязнымъ мѣшкомъ у бедра и съ крючкомъ на длинной палкѣ — совсѣмъ ветхозавѣтная фигура — унялъ собакъ и, снявши шапку, подошелъ къ бричкѣ. Точно такая же ветхозавѣтная фигура стояла, не шевелясь, на другомъ краю отары и равнодушно глядѣла на проѣзжихъ.

— Чья это отара? — спросилъ Кузьмичовъ.

— Варламовская! — громко отвѣтилъ старикъ.

— Варламовская! — повторилъ чебанъ, стоявшій на другомъ краю отары.

— Что, проѣзжалъ тутъ вчерась Варламовъ, или нѣтъ?

— Никакъ нѣтъ... Приказчикъ ихній проѣзжали, это точно...

— Трогай!

Бричка покатила дальше, и чебаны со своими злыми собаками остались позади. Егорушка нехотя глядѣлъ впередъ на лиловую даль, и ему уже начинало казаться, что мельница, машущая крыльями, приближается. Она становилась все больше и больше, совсѣмъ выросла, и ужъ можно было отчетливо разглядѣть ея два крыла. Одно крыло было старое, заплатанное, другое только недавно сдѣлано изъ новаго дерева и лоснилось на солнцѣ.

Бричка ѣхала прямо, а мельница почему-то стала уходить влѣво. Ѣхали, ѣхали, а она все уходила влѣво и не исчезала изъ глазъ.

— Славный вѣтрякъ поставилъ сыну Болтва! — замѣтилъ Дениска.

— А что-то хутора его не видать.

— Онъ туда, за балочкой.

Скоро показался и хуторъ Болтвы, а вѣтрякъ все еще не уходилъ назадъ, не отставалъ, глядѣлъ на Егорушку своимъ лоснящимся крыломъ и махалъ. Какой колдунъ!

II

Около полудня бричка свернула съ дороги вправо, проѣхала немного шагомъ и остановилась. Егорушка услышалъ тихое, очень ласко-

вое журчанье и почувствовалъ, что къ его лицу прохладнымъ бархатомъ прикоснулся какой-то другой воздухъ. Изъ холма, склееннаго природой изъ громадныхъ, уродливыхъ камней, сквозь трубочку изъ болиголова, вставленную какимъ-то невѣдомымъ благодѣтелемъ, тонкой струйкой бѣжала вода. Она падала на землю и, прозрачная, веселая, сверкающая на солнцѣ и тихо ворча, точно воображая себя сильнымъ и бурнымъ потокомъ, быстро бѣжала куда-то влѣво. Недалеко отъ холма маленькая рѣчка расползалась въ лужицу; горячіе лучи и раскаленная почва, жадно выпивая ее, отнимали у нея силу; но немножко далѣе она, вѣроятно, сливалась съ другой такою же рѣчонкой, потому что шагахъ въ ста отъ холма по ея теченію зеленѣла густая, пышная осока, изъ которой, когда подъѣзжала бричка, съ крикомъ вылетѣло три бекаса.

Путники расположились у ручья отдыхать и кормить лошадей. Кузьмичовъ, о. Христофоръ и Егорушка сѣли въ жидкой тѣни, бросаемой бричкою и распряженными лошадьми, на разостланномъ войлокѣ и стали закусывать. Хорошая, веселая мысль, застывшая отъ жары въ мозгу о. Христофора, послѣ того, какъ онъ напился воды и съѣлъ одно печеное яйцо, запросилась наружу. Онъ ласково взглянулъ на Егорушку, пожевалъ и началъ:

— Я самъ, братъ, учился. Съ самаго ранняго возраста Богъ вложилъ въ меня смыслъ и понятіе, такъ что я не въ примѣръ прочимъ, будучи еще такимъ, какъ ты, утѣшалъ родителей и наставниковъ своимъ разумѣніемъ. Пятнадцати лѣтъ мнѣ еще не было, а я ужъ гово-

рилъ и стихи сочинялъ по-латынски все равно, какъ по-русски. Помню, былъ я жезлоносцемъ у преосвященнаго Христофора. Разъ послѣ обѣдни, какъ теперь помню, въ день тезоименитства благочестивѣйшаго Государя Александра Павловича Благословеннаго онъ разоблачался въ алтарѣ, поглядѣлъ на меня ласково и спрашиваетъ: «Puer bone, quam appellaris?» А я отвѣчаю: «Christophorus sum» А онъ: «Ergo connominati sumus», то-есть мы, значитъ, тезки... Потомъ спрашиваетъ по-латынски: «Чей ты?» Я и отвѣчаю тоже по-латынски, что я сынъ діакона Сирійскаго въ селѣ Лебединскомъ. Видя такую мою скороспѣшность и ясность отвѣтовъ, преосвященный благословилъ меня и сказалъ: «Напиши отцу, что я его не оставлю, а тебя буду имѣть въ виду». Протоіереи и священники, которые въ алтарѣ были, слушая латинскій диспутъ, тоже не мало удивлялись и каждый въ похвалу мнѣ изъявилъ свое удовольствіе. Еще у меня усовъ не было, а я ужъ, братъ, читалъ и по-латынски, и по-гречески, и по-французски, зналъ философію, математику, гражданскую исторію и всѣ науки. Память мнѣ Богъ далъ на удивленіе. Бывало, которое прочту раза два, наизусть помню. Наставники и благодѣтели мои удивлялись и такъ предполагали, что изъ меня выйдетъ ученѣйшій мужъ, свѣтильникъ церкви. Я и самъ думалъ въ Кіевъ ѣхать, науки продолжать, да родители не благословили. «Ты, говорилъ отецъ, весь вѣкъ учиться будешь, когда же мы тебя дождемся?» Слыша такія слова, я бросилъ науки и поступилъ на мѣсто. Оно, конечно, ученый изъ меня не вышелъ, да зато я родителей

не ослушался, старость ихъ успокоилъ, похоронилъ съ честью. Послушаніе паче поста и молитвы!

— Должно быть, вы ужъ всѣ науки забыли! — замѣтилъ Кузьмичовъ.

— Какъ не забыть? Слава Богу, ужъ восьмой десятокъ пошелъ! Изъ философіи и риторики кое-что еще помню, а языки и математику совсѣмъ забылъ.

О. Христофоръ зажмурилъ глаза, подумалъ и сказалъ вполголоса:

— Что такое существо? Существо есть вещь самобытна, не требуя иного ко своему исполненію.

Онъ покрутилъ головой и засмѣялся отъ умиленія.

— Духовная пища! — сказалъ онъ. — Истинно, матерія питаетъ плоть, а духовная пища душу!

— Науки науками, — вздохнулъ Кузьмичовъ: — а вотъ какъ не догонимъ Варламова, такъ и будетъ намъ наука.

— Человѣкъ — не иголка, найдемъ. Онъ теперь въ этихъ мѣстахъ кружится.

Надъ осокой пролетѣли знакомые три бекаса, и въ ихъ пискѣ слышались тревога и досада, что ихъ согнали съ ручья. Лошади степенно жевали и пофыркивали; Дениска ходилъ около нихъ и, стараясь показать, что онъ совершенно равнодушенъ къ огурцамъ, пирогамъ и яйцамъ, которые ѣли хозяева, весь погрузился въ избіеніе слѣпней и мухъ, облѣплявшихъ лошадиные животы и спины. Онъ апатично, издавая горломъ какой-то особенный, ехидно-по-

бѣдный звукъ, хлопалъ по своимъ жертвамъ, а въ случаѣ неудачи досадливо крякалъ и провожалъ глазами всякаго счастливца, избѣжавшаго смерти.

— Дениска, гдѣ ты тамъ! Поди ѣшь! — сказалъ Кузьмичовъ, глубоко вздыхая и тѣмъ давая знать, что онъ уже наѣлся.

Дениска несмѣло подошелъ къ войлоку и выбралъ себѣ пять крупныхъ и желтыхъ огурцовъ, такъ-называемыхъ «желтяковъ» (выбрать помельче и посвѣжѣе онъ посовѣстился), взялъ два печеныхъ яйца, черныхъ и съ трещинами, потомъ нерѣшительно, точно боясь, чтобы его не ударили по протянутой рукѣ, коснулся пальцемъ пирожка.

— Бери, бери! — поторопилъ его Кузьмичовъ.

Дениска рѣшительно взялъ пирогъ и, отойдя далеко въ сторону, сѣлъ на землѣ, спиной къ бричкѣ. Тотчасъ же послышалось такое громкое жеванье, что даже лошади обернулись и подозрительно поглядѣли на Дениску.

Закусивши, Кузьмичовъ досталъ изъ брички мѣшокъ съ чѣмъ-то и сказалъ Егорушкѣ:

— Я буду спать, а ты поглядывай, чтобы у меня изъ-подъ головы этого мѣшка не вытащили.

О. Христофоръ снялъ рясу, поясъ и кафтанъ, и Егорушка, взглянувъ на него, замеръ отъ удивленія. Онъ никакъ не предполагалъ, что священники носятъ брюки, а на о. Христофорѣ были настоящія, парусиновыя брюки, засунутыя въ высокіе сапоги, и кургузая пестрядинная курточка. Глядя на него, Егорушка нашелъ, что въ этомъ

неподобающемъ его сану костюмѣ онъ, со своими длинными волосами и бородой, очень похожъ на Робинзона Крузе. Разоблачившись, о. Христофоръ и Кузьмичовъ легли въ тѣнь подъ бричкой, лицомъ другъ къ другу, и закрыли глаза. Дениска, кончивъ жевать, растянулся на припекѣ животомъ вверхъ и тоже закрылъ глаза.

— Поглядывай, чтобъ кто коней не увелъ! — сказалъ онъ Егорушкѣ и тотчасъ же заснулъ.

Наступила тишина. Слышно было только, какъ фыркали и жевали лошади, да похрапывали спящіе; гдѣ-то не близко плакалъ одинъ чибисъ и изрѣдка раздавался пискъ трехъ бекасовъ, прилетавшихъ поглядѣть, не уѣхали ли непрошенные гости; мягко картавя, журчалъ ручеекъ, но всѣ эти звуки не нарушали тишины, не будили застывшаго воздуха, а напротивъ, вгоняли природу въ дремоту.

Егорушка, задыхаясь отъ зноя, который особенно чувствовался теперь послѣ ѣды, побѣжалъ къ осокѣ и отсюда оглядѣлъ мѣстность. Увидѣлъ онъ то же самое, что видѣлъ и до полудня: равнину, холмы, небо, лиловую даль; только холмы стояли поближе, да не было мельницы, которая осталась далеко назади. Изъ-за скалистаго холма, гдѣ текъ ручей, возвышался другой поглаже и пошире; на немъ лѣпился небольшой поселокъ изъ пяти-шести дворовъ. Около избъ не было видно ни людей, ни деревьевъ, ни тѣней, точно поселокъ задохнулся въ горячемъ воздухѣ и высохъ. Отъ нечего дѣлать Егорушка поймалъ въ травѣ скрипача, поднесъ его въ кулакѣ къ уху и долго слушалъ, пока тотъ игралъ на своей скрипкѣ. Когда надоѣла му-

зыка, онъ погнался за толпой желтыхъ бабочекъ, прилетавшихъ къ осокѣ на водопой, и самъ не замѣтилъ, какъ очутился опять возлѣ брички. Дядя и о. Христофоръ крѣпко спали; сонъ ихъ долженъ былъ продолжаться часа два-три, пока не отдохнутъ лошади... Какъ же убить это длинное время и куда дѣваться отъ зноя? Задача мудреная... Машинально Егорушка подставилъ ротъ подъ струйку, бѣжавшую изъ трубочки; во рту его стало холодно и запахло болиголовомъ; пилъ онъ сначала съ охотой, потомъ черезъ силу и до тѣхъ поръ, пока острый холодъ изо рта не побѣжалъ по всему тѣлу и пока вода не полилась по сорочкѣ. Затѣмъ онъ подошелъ къ бричкѣ и сталъ глядѣть на спящихъ. Лицо дяди попрежнему выражало дѣловую сухость. Фанатикъ своего дѣла, Кузьмичовъ всегда, даже во снѣ и за молитвой въ церкви, когда пѣли «Иже херувимы», думалъ о своихъ дѣлахъ, ни на минуту не могъ забыть о нихъ, и теперь, вѣроятно, ему снились тюки съ шерстью, подводы, цѣны, Варламовъ... Отецъ же Христофоръ, человѣкъ мягкій, легкомысленный и смѣшливый, во всю свою жизнь не зналъ ни одного такого дѣла, которое, какъ удавъ, могло бы сковать его душу. Во всѣхъ многочисленныхъ дѣлахъ, за которыя онъ брался на своемъ вѣку, его прельщало не столько само дѣло, сколько суета и общеніе съ людьми, присущія всякому предпріятію. Такъ, въ настоящей поѣздкѣ его интересовали не столько шерсть, Варламовъ и цѣны, сколько длинный путь, дорожные разговоры, спанье подъ бричкой, ѣда не во-время... И теперь, судя по его лицу, ему снились, должно

быть, преосвященный Христофоръ, латинскій диспутъ, его попадья, пышки со сметаной и все такое, что не могло сниться Кузьмичову.

Въ то время, какъ Егорушка смотрѣлъ на сонныя лица, неожиданно послышалось тихое пѣніе. Гдѣ-то не близко пѣла женщина, а гдѣ именно и въ какой сторонѣ, трудно было понять. Пѣсня тихая, тягучая и заунывная, похожая на плачъ и едва уловимая слухомъ, слышалась то справа, то слѣва, то сверху, то изъ-подъ земли, точно надъ степью носился невидимый духъ и пѣлъ. Егорушка оглядывался и не понималъ, откуда эта странная пѣсня; потомъ же, когда онъ прислушался, ему стало казаться, что это пѣла трава; въ своей пѣснѣ она, полумертвая, уже погибшая, безъ словъ, но жалобно и искренно убѣждала кого-то, что она ни въ чемъ не виновата, что солнце выжгло ее понапрасну; она увѣряла, что ей страстно хочется жить, что она еще молода и была бы красивой, если бы не зной и не засуха; вины не было, но она все-таки просила у кого-то прощенія и клялась, что ей невыносимо больно, грустно и жалко себя...

Егорушка послушалъ немного, и ему стало казаться, что отъ заунывной, тягучей пѣсни воздухъ сдѣлался душнѣе, жарче и неподвижнѣе... Чтобы заглушить пѣсню, онъ, напѣвая и стараясь стучать ногами, побѣжалъ къ осокѣ. Отсюда онъ поглядѣлъ во всѣ стороны и нашелъ того, кто пѣлъ. Около крайней избы поселка стояла баба въ короткой исподницѣ, длинноногая и голенастая, какъ цапля, и что-то просѣивала; изъ-подъ ея рѣшета внизъ по бугру лѣниво

шла бѣлая пыль. Теперь было очевидно, что пѣла она. На сажень отъ нея неподвижно стоялъ маленькій мальчикъ въ одной сорочкѣ и безъ шапки. Точно очарованный пѣснею, онъ не шевелился и глядѣлъ куда-то внизъ, вѣроятно на кумачовую рубаху Егорушки.

Пѣсня стихла. Егорушка поплелся къ бричкѣ и опять, отъ нечего дѣлать, занялся струйкой воды.

И опять послышалась тягучая пѣсня. Пѣла все та же голенастая баба за бугромъ въ поселкѣ. Къ Егорушкѣ вдругъ вернулась его скука. Онъ оставилъ трубочку и поднялъ глаза вверхъ. То, что увидѣлъ онъ, было такъ неожиданно, что онъ немножко испугался. Надъ его головой на одномъ изъ большихъ неуклюжихъ камней стоялъ маленькій мальчикъ въ одной рубахѣ, пухлый, съ большимъ, оттопыреннымъ животомъ и на тоненькихъ ножкахъ, тотъ самый, который раньше стоялъ около бабы. Съ тупымъ удивленіемъ и не безъ страха, точно видя передъ собой выходцевъ съ того свѣта, онъ, не мигая и разинувъ ротъ, оглядывалъ кумачовую рубаху Егорушки и бричку. Красный цвѣтъ рубахи манилъ и ласкалъ его, а бричка и спавшіе подъ ней люди возбуждали его любопытство; быть можетъ, онъ и самъ не замѣтилъ, какъ пріятный красный цвѣтъ и любопытство притянули его изъ поселка внизъ, и, вѣроятно, теперь удивлялся своей смѣлости. Егорушка долго оглядывалъ его, а онъ Егорушку. Оба молчали и чувствовали нѣкоторую неловкость. Послѣ долгаго молчанія Егорушка спросилъ:

— Тебя какъ звать?

Щеки незнакомца еще больше распухли; онъ прижался спиной къ камню, выпучилъ глаза, пошевелилъ губами и отвѣтилъ сиплымъ басомъ:

— Титъ.

Больше мальчишки не сказали другъ другу ни слова. Помолчавъ еще немного и не отрывая глазъ отъ Егорушки, таинственный Титъ задралъ вверхъ одну ногу, нащупалъ пяткой точку опоры и взобрался на камень; отсюда онъ, пятясь назадъ и глядя въ упоръ на Егорушку, точно боясь, чтобы тотъ не ударилъ его сзади, поднялся на слѣдующій камень и такъ поднимался до тѣхъ поръ, пока совсѣмъ не исчезъ за верхушкой бугра.

Проводивъ его глазами, Егорушка обнялъ колѣни руками и склонилъ голову... Горячіе лучи жгли ему затылокъ, шею и спину. Заунывная пѣсня то замирала, то опять проносилась въ стоячемъ, душномъ воздухѣ, ручей монотонно журчалъ, лошади жевали, а время тянулось безконечно, точно и оно застыло и остановилось. Казалось, что съ утра прошло уже сто лѣтъ... Не хотѣлъ ли Богъ, чтобы Егорушка, бричка и лошади замерли въ этомъ воздухѣ и, какъ холмы, окаменѣли бы и остались навѣки на одномъ мѣстѣ?

Егорушка поднялъ голову и посоловѣвшими глазами поглядѣлъ впередъ себя; лиловая даль, бывшая до сихъ поръ неподвижною, закачалась и вмѣстѣ съ небомъ понеслась куда-то еще дальше... Она потянула за собою бурую траву, осоку, и Егорушка понесся съ необычайною быстротою за убѣгавшею далью. Какая-то сила

безшумно влекла его куда-то, а за нимъ вдогонку неслись зной и томительная пѣсня. Егорушка склонилъ голову и закрылъ глаза...

Первый проснулся Дениска. Его что-то укусило, потому что онъ вскочилъ, быстро почесалъ плечо и проговорилъ:

— Анаѳема идолова, нѣтъ на тебя погибели!

Затѣмъ онъ подошелъ къ ручью, напился и долго умывался. Его фырканье и плескъ воды вывели Егорушку изъ забытья. Мальчикъ поглядѣлъ на его мокрое лицо, покрытое каплями и крупными веснушками, которыя дѣлали лицо похожимъ на мраморъ, и спросилъ:

— Скоро поѣдемъ?

Дениска поглядѣлъ, какъ высоко стоитъ солнце, и отвѣтилъ:

— Должно, скоро.

Онъ вытерся подоломъ рубахи и, сдѣлавъ очень серьезное лицо, запрыгалъ на одной ногѣ.

— А ну-ка, кто скорѣй доскачетъ до осоки! — сказалъ онъ.

Егорушка былъ изнеможенъ зноемъ и полусномъ, но все-таки поскакалъ за нимъ. Денискѣ было уже около 20-ти лѣтъ, служилъ онъ въ кучерахъ и собирался жениться, но не пересталъ еще быть маленькимъ. Онъ очень любилъ пускать змѣи, гонять голубей, играть въ бабки, бѣгать въ догонки и всегда вмѣшивался въ дѣтскія игры и ссоры. Нужно было только хозяевамъ уйти или уснуть, чтобы онъ занялся чѣмъ-нибудь въ родѣ прыганья на одной ножкѣ или подбрасыванья камешковъ. Всякому взрослому, при видѣ того искренняго увлеченія, съ какимъ онъ рѣзвился въ обществѣ малолѣтковъ, трудно

было удержаться, чтобы не проговорить: «Этакая дубина!» Дѣти же во вторженіи большого кучера въ ихъ области не видѣли ничего страннаго: пусть играетъ, лишь бы не дрался! Точно такъ маленькія собаки не видятъ ничего страннаго, когда въ ихъ компанію затесывается какой-нибудь большой, искренній песъ и начинаетъ играть съ ними.

Дениска перегналъ Егорушку и, повидимому, остался этимъ очень доволенъ. Онъ подмигнулъ глазомъ и, чтобы показать, что онъ можетъ проскакать на одной ножкѣ какое угодно пространство, предложилъ Егорушкѣ, не хочетъ ли тотъ проскакать съ нимъ по дорогѣ и оттуда, не отдыхая, назадъ къ бричкѣ? Егорушка отклонилъ это предложеніе, потому что очень запыхался и ослабѣлъ.

Вдругъ Дениска сдѣлалъ очень серьезное лицо, какого онъ не дѣлалъ, даже когда Кузьмичовъ распекалъ его или замахивался на него палкой; прислушиваясь, онъ тихо опустился на одно колѣно, и на лицѣ его показалось выраженіе строгости и страха, какое бываетъ у людей, слышащихъ ересь. Онъ нацѣлился на одну точку глазами, медленно поднялъ вверхъ кисти руки, сложенную лодочкой, и вдругъ упалъ животомъ на землю и хлопнулъ лодочкой по травѣ.

— Есть! — прохрипѣлъ онъ торжествующе и, вставши, поднесъ къ глазамъ Егорушки большого кузнечика.

Думая, что это пріятно кузнечику, Егорушка и Дениска погладили его пальцами по широкой, зеленой спинѣ и потрогали его усики. Потомъ Дениска поймалъ жирную муху, насосав-

шуюся крови, и предложилъ ее кузнечику. Тотъ очень равнодушно, точно давно уже былъ знакомъ съ Дениской, задвигалъ своими большими, похожими на забрало челюстями и отъѣлъ мухѣ животъ. Его выпустили, онъ сверкнулъ розовой подкладкой своихъ крыльевъ и, опустившись въ траву, тотчасъ же затрещалъ свою пѣсню. Выпустили и муху; она расправила крылья и безъ живота полетѣла къ лошадямъ.

Изъ-подъ брички послышался глубокій вздохъ. Это проснулся Кузьмичовъ. Онъ быстро поднялъ голову, безпокойно поглядѣлъ вдаль, и по этому взгляду, безучастно скользнувшему мимо Егорушки и Дениски, видно было, что, проснувшись, онъ думалъ о шерсти и Варламовѣ.

— О. Христофоръ, вставайте, пора! — заговорилъ онъ встревоженно. — Будетъ спать, и такъ ужъ дѣло проспали! Дениска, запрягай!

О. Христофоръ проснулся съ такою же улыбкою, съ какою уснулъ. Лицо его отъ сна помялось, поморщилось и, казалось, стало вдвое меньше. Умывшись и одѣвшись, онъ неспѣша вытащилъ изъ кармана маленькій засаленный псалтирь и, ставъ лицомъ къ востоку, началъ шопотомъ читать и креститься.

— О. Христофоръ! — сказалъ укоризненно Кузьмичовъ. — Пора ѣхать, ужъ лошади готовы, а вы ей-Богу...

— Сейчасъ, сейчасъ... — забормоталъ о. Христофоръ. — Каѳизмы почитать надо... Не читалъ еще нынче.

— Можно и послѣ съ каѳизмами.

— Иванъ Иванычъ, на каждый день у меня положеніе... Нельзя.

— Богъ не взыскалъ бы.

Цѣлую четверть часа о. Христофоръ стоялъ неподвижно лицомъ къ востоку и шевелилъ губами, а Кузьмичовъ почти съ ненавистью глядѣлъ на него и нетерпѣливо пожималъ плечами. Особенно его сердило, когда о. Христофоръ послѣ каждой «славы» втягивалъ въ себя воздухъ, быстро крестился и намѣренно громко, чтобъ другіе крестились, говорилъ трижды:

— Аллилуя, аллилуя, аллилуя, слава Тебѣ Боже!

Наконецъ онъ улыбнулся, поглядѣлъ вверхъ на небо и, кладя псалтирь въ карманъ, сказалъ:

— Fini!

Черезъ минуту бричка тронулась въ путь. Точно она ѣхала назадъ, а не дальше, путники видѣли то же самое, что и до полудня. Холмы все еще тонули въ лиловой дали и не было видно ихъ конца; мелькалъ бурьянъ, булыжникъ, проносились сжатыя полосы, и все тѣ же грачи да коршунъ, солидно взмахивающій крыльями, летали надъ степью. Воздухъ все больше застывалъ отъ зноя и тишины, покорная природа цѣпенѣла въ молчаніи... Ни вѣтра, ни бодраго, свѣжаго звука, ни облачка.

Но вотъ, наконецъ, когда солнце стало спускаться къ западу, степь, холмы и воздухъ не выдержали гнета и, истощивши терпѣніе, измучившись, попытались сбросить съ себя иго. Изъза холмовъ неожиданно показалось пепельно-сѣдое кудрявое облако. Оно переглянулось со степью — я, молъ, готово — и нахмурилось. Вдругъ въ стоячемъ воздухѣ что-то порвалось, сильно рванулъ вѣтеръ и съ шумомъ, со сви-

стомъ закружился по степи. Тотчасъ же трава и прошлогоднiй бурьянъ подняли ропотъ, на дорогѣ спирально закружилась пыль, побѣжала по степи и, увлекая за собой солому, стрекозъ и перья, чернымъ, вертящимся столбомъ поднялась къ небу и затуманила солнце. По степи, вдоль и поперекъ, спотыкаясь и прыгая, побѣжали перекати-поле, а одно изъ нихъ попало въ вихрь, завертѣлось, какъ птица, полетѣло къ небу и, обратившись тамъ въ черную точку, исчезло изъ виду. За нимъ понеслось другое, потомъ третье, и Егорушка видѣлъ, какъ два перекати-поле столкнулись въ голубой вышинѣ и вцѣпились другъ въ друга, какъ на поединкѣ.

У самой дороги вспорхнулъ стрепетъ. Мелькая крыльями и хвостомъ, онъ, залитый солнцемъ, походилъ на рыболовную блесну или на прудового мотылька, у котораго, когда онъ мелькаетъ надъ водой, крылья сливаются съ усиками и кажется, что усики растутъ у него и спереди, и сзади, и съ боковъ... Дрожа въ воздухѣ, какъ насѣкомое, играя своей пестротой, стрепетъ поднялся высоко вверхъ по прямой линiи, потомъ, вѣроятно испуганный облакомъ пыли, понесся въ сторону, и долго еще было видно его мельканiе...

А вотъ, встревоженный вихремъ и не понимая, въ чемъ дѣло, изъ травы вылетѣлъ коростель. Онъ летѣлъ за вѣтромъ, а не противъ, какъ всѣ птицы; отъ этого его перья взъерошились, весь онъ раздулся до величины курицы и имѣлъ очень сердитый, внушительный видъ. Одни только грачи, состарившiеся въ степи и привыкшiе къ степнымъ переполохамъ, покойно

носились надъ травой, или же равнодушно, ни на что не окращая вниманія, долбили своими толстыми клювами черствую землю.

За холмами глухо прогремѣлъ громъ: подуло свѣжестью. Дениска весело свистнулъ и стегнулъ по лошадямъ. О. Христофоръ и Кузьмичовъ, придерживая свои шляпы, устремили глаза на холмы... Хорошо, если бы брызнулъ дождь!

Еще бы, кажется, небольшое усиліе, одна потуга, и степь взяла бы верхъ. Но невидимая гнетущая сила мало-по-малу сковала вѣтеръ и воздухъ, уложила пыль и опять, какъ будто ничего не было, наступила тишина. Облако спряталось, загорѣлые холмы нахмурились, воздухъ покорно застылъ, и одни только встревоженные чибисы гдѣ-то плакали и жаловались на судьбу...

Затѣмъ скоро наступилъ вечеръ.

III

Въ вечернихъ сумеркахъ показался большой одноэтажный домъ съ ржавой желѣзной крышей и съ темными окнами. Этотъ домъ назывался постоялымъ дворомъ, хотя возлѣ него никакого двора не было и стоялъ онъ посреди степи, ничѣмъ не огороженный. Нѣсколько въ сторонѣ отъ него темнѣлъ жалкій вишневый садикъ съ плетнемъ, да подъ окнами, склонивъ свои тяжелыя головы, стояли спавшіе подсолнечники. Въ садикѣ трещала маленькая мельничка, поставленная для того, чтобы пугать стукомъ зайцевъ. Больше же около дома не было видно и слышно ничего, кромѣ степи.

Едва бричка остановилась около крылечка съ навѣсомъ, какъ въ домѣ послышались радостные голоса — одинъ мужской, другой женскій — завизжала дверь на блокѣ, и около брички въ одно мгновеніе выросла высокая тощая фигура, размахивавшая руками и фалдами. Это былъ хозяинъ постоялаго двора Мойсей Мойсеичъ, немолодой человѣкъ съ очень блѣднымъ лицомъ и съ черной, какъ тушь, красивой бородой. Одѣтъ онъ былъ въ поношенный черный сюртукъ, который болтался на его узкихъ плечахъ, какъ на вѣшалкѣ, и взмахивалъ фалдами, точно крыльями, всякій разъ, какъ Мойсей Мойсеичъ отъ радости или въ ужасѣ всплескивалъ руками. Кромѣ сюртука, на хозяинѣ были еще широкія, бѣлыя панталоны на выпускъ и бархатная жилетка съ рыжими цвѣтами, похожими на гигантскихъ клоповъ.

Мойсей Мойсеичъ, узнавъ пріѣхавшихъ, сначала замеръ отъ наплыва чувствъ, потомъ всплеснулъ руками и простоналъ. Сюртукъ его взмахнулъ фалдами, спина согнулась въ дугу и блѣдное лицо покривилось такой улыбкой, какъ будто видѣть бричку для него было не только пріятно, но и мучительно сладко.

— Ахъ, Боже мой, Боже мой! — заговорилъ онъ тонкимъ, пѣвучимъ голосомъ, задыхаясь, суетясь и своими тѣлодвиженіями мѣшая пассажирамъ вылѣзти изъ брички. — И такой сегодня для меня счастливый день! Ахъ, да что же я таперичка долженъ дѣлать! Иванъ Иванычъ! Отецъ Христофоръ! Какой же хорошенькій паничокъ сидитъ на козлахъ, накажи меня Богъ! Ахъ, Боже жъ мой, да что же я стою на одномъ

мѣстѣ и не зову гостей въ горницу? Пожалуйте, покорнѣйше прошу... милости просимъ! Давайте мнѣ всѣ ваши вещи... Ахъ, Боже мой!

Мойсей Мойсеичъ, шаря въ бричкѣ и помогая пріѣзжимъ вылѣзать, вдругъ обернулся назадъ и закричалъ такимъ дикимъ, придушеннымъ голосомъ, какъ будто тонулъ и звалъ на помощь!

— Соломонъ! Соломонъ!

— Соломонъ! Соломонъ! — повторилъ въ домѣ женскій голосъ.

Дверь на блокѣ завизжала, и на порогѣ показался невысокій молодой еврей, рыжій, съ большимъ птичьимъ носомъ и съ плѣшью среди жесткихъ, кудрявыхъ волосъ; одѣтъ онъ былъ въ короткій, очень поношенный пиджакъ, съ закругленными фалдами и съ короткими рукавами, и въ короткія, триковыя брючки, отчего самъ казался короткимъ и кургузымъ, какъ ощипанная птица. Это былъ Соломонъ, братъ Мойсея Мойсеича. Онъ, молча, не здороваясь, а только какъ-то странно улыбаясь, подошелъ къ бричкѣ.

— Иванъ Иванычъ и отецъ Христофоръ пріѣхали! — сказалъ ему Мойсей Мойсеичъ такимъ тономъ, какъ будто боялся, что тотъ ему не повѣритъ. — Ай, вай, удивительное дѣло, такіе хорошіе люди взяли да пріѣхали! Ну, бери, Соломонъ, вещи! Пожалуйте, дорогіе гости!

Немного погодя, Кузьмичовъ, о. Христофоръ и Егорушка сидѣли уже въ большой, мрачной и пустой комнатѣ за старымъ дубовымъ столомъ. Этотъ столъ былъ почти одинокъ, такъ какъ въ большой комнатѣ, кромѣ него, широкаго дивана съ дырявой клеенкой да трехъ стульевъ, не было никакой другой мебели. Да и стулья

не всякій рѣшался бы назвать стульями. Это было какое-то жалкое подобіе мебели съ отжившей свой вѣкъ клеенкой и съ неестественно сильно загнутыми назадъ спинками, придававшими стульямъ большое сходство съ дѣтскими санями. Трудно было понять, какое удобство имѣлъ въ виду невѣдомый столяръ, загибая такъ немилосердно спинки, и хотѣлось думать, что тутъ виноватъ не столяръ, а какой-нибудь проѣзжій силачъ, который, желая похвастать своей силой, согнулъ стульямъ спины, потомъ взялся поправлять и еще больше согнулъ. Комната казалась мрачной. Стѣны были сѣры, потолокъ и карнизы закопчены, на полу тянулись щели и зіяли дыры непонятнаго происхожденія (думалось, что ихъ пробилъ каблукомъ все тотъ же силачъ), и, казалось, если бы въ комнатѣ повѣсили десятокъ лампъ, то она не перестала бы быть темной. Ни на стѣнахъ, ни на окнахъ не было ничего похожаго на украшенія. Впрочемъ, на одной стѣнѣ въ сѣрой деревянной рамѣ висѣли какія-то правила съ двуглавымъ орломъ, а на другой, въ такой же рамѣ, какая-то гравюра съ надписью: «Равнодушіе человѣковъ». Къ чему человѣки были равнодушны, — понять было невозможно, такъ какъ гравюра сильно потускнѣла отъ времени и была щедро засижена мухами. Пахло въ комнатѣ чѣмъ-то затхлымъ и кислымъ.

Введя гостей въ комнату, Мойсей Мойсеичъ продолжалъ изгибаться, всплескивать руками, пожиматься и радостно восклицать — все это считалъ онъ нужнымъ продѣлывать для того, чтобы казаться необыкновенно вѣжливымъ и любезнымъ.

— Когда проѣхали тутъ наши подводы? — спросилъ его Кузьмичовъ.

— Одна партія проѣхала нынче утречкомъ, а другая, Иванъ Иванычъ, отдыхала тутъ въ обѣдъ и передъ вечеромъ уѣхала.

— А... Проѣзжалъ тутъ Варламовъ, или нѣтъ?

— Нѣтъ, Иванъ Иванычъ. Вчера утречкомъ проѣзжалъ его приказчикъ Григорій Егорычъ и говорилъ, что онъ, надо быть, таперичка на хуторѣ у молокана.

— Отлично. Значитъ, мы сейчасъ догонимъ обозы, а потомъ и къ молокану.

— Да Богъ съ вами, Иванъ Иванычъ! — ужаснулся Мойсей Мойсеичъ, всплескивая руками. — Куда вы на ночь поѣдете? Вы поужинайте на здоровьечко и переночуйте, а завтра, Богъ дастъ, утречкомъ поѣдете и догоните кого надо!

— Некогда, некогда... Извините, Мойсей Мойсеичъ, въ другой разъ какъ-нибудь, а теперь не время. Посидимъ четверть часика и поѣдемъ, а переночевать и у молокана можно.

— Четверть часика! — взвизгнулъ Мойсей Мойсеичъ. — Да побойтесь вы Бога, Иванъ Иванычъ! Вы меня заставите, чтобъ я ваши шапке спряталъ и заперъ на замокъ дверь! Вы хоть закусите и чаю покушайте!

— Некогда намъ съ чаями да съ сахарàми, — сказалъ Кузьмичовъ.

Мойсей Мойсеичъ склонилъ голову на бокъ, согнулъ колѣни и выставилъ впередъ ладони, точно обороняясь отъ ударовъ, и съ мучительно-сладкой улыбкой сталъ умолять:

— Иванъ Иванычъ! Отецъ Христофоръ! Будьте же такіе добрые, покушайте у меня чайку! Неужели я ужъ такой нехорошій человѣкъ, что у меня нельзя даже чай пить? Иванъ Иванычъ!

— Что жъ, чайку можно попить, — сочувственно вздохнулъ отецъ Христофоръ. — Это не задержитъ.

— Ну, ладно! — согласился Кузьмичовъ.

Мойсей Мойсеичъ встрепенулся, радостно ахнулъ и, пожимаясь такъ, какъ будто онъ только-что выскочилъ изъ холодной воды въ тепло, побѣжалъ къ двери и закричалъ дикимъ придушеннымъ голосомъ, какимъ раньше звалъ Соломона:

— Роза! Роза! Давай самоваръ!

Черезъ минуту отворилась дверь, и въ комнату съ большимъ подносомъ въ рукахъ вошелъ Соломонъ. Ставя на столъ подносъ, онъ насмѣшливо глядѣлъ куда-то въ сторону и попрежнему странно улыбался. Теперь при свѣтѣ лампочки можно было разглядѣть его улыбку; она была очень сложной и выражала много чувствъ, но преобладающимъ въ ней было одно — явное презрѣніе. Онъ какъ будто думалъ о чемъ-то смѣшномъ и глупомъ, кого-то терпѣть не могъ и презиралъ, чему-то радовался и ждалъ подходящей минуты, чтобы уязвить насмѣшкой и покатиться со смѣху. Его длинный носъ, жирныя губы и хитрые, выпученные глаза, казалось, были напряжены отъ желанія расхохотаться. Взглянувъ на его лицо, Кузьмичовъ насмѣшливо улыбнулся и спросилъ:

— Соломонъ, отчего же ты этимъ лѣтомъ

не пріѣзжалъ къ намъ въ И. на ярмарку жидовъ представлять?

Года два назадъ, что отлично помнилъ и Егорушка, Соломонъ въ N. на ярмаркѣ, въ одномъ изъ балагановъ, разсказывалъ сцены изъ еврейскаго быта и пользовался большимъ успѣхомъ. Напоминаніе объ этомъ не произвело на Соломона никакого впечатлѣнія. Ничего не отвѣтивъ, онъ вышелъ и, немного погодя, вернулся съ самоваромъ.

Сдѣлавъ около стола свое дѣло, онъ пошелъ въ сторону и, скрестивъ на груди руки, выставивъ впередъ одну ногу, уставился своими насмѣшливыми глазами на о. Христофора. Въ его позѣ было что-то вызывающее, надменное и презрительное, и въ то же время въ высшей степени жалкое и комическое, потому что чѣмъ внушительнѣе становилась его поза, тѣмъ ярче выступали на первый планъ его короткія брючки, куцый пиджакъ, карикатурный носъ и вся его птичья, ощипанная фигурка.

Мойсей Мойсеичъ принесъ изъ другой комнаты табуретъ и сѣлъ на нѣкоторомъ разстояніи отъ стола.

— Пріятнаго аппетиту! Чай да сахаръ! — началъ онъ занимать гостей. — Кушайте на здоровьечко. Такіе рѣдкіе гости, такіе рѣдкіе, а отца Христофора я ужъ пять годовъ не видалъ. И никто не хочетъ мнѣ сказать, чей это такой паничокъ хорошій? — спросилъ онъ, нѣжно поглядывая на Егорушку.

— Это сынокъ сестры Ольги Ивановны, — отвѣтилъ Кузьмичовъ.

— А куда же онъ ѣдетъ?

— Учиться. Въ гимназію его веземъ.

Мойсей Мойсеичъ изъ вѣжливости изобразилъ на лицѣ своемъ удивленіе и значительно покрутилъ головой.

— О, это хорошо! — сказалъ онъ, грозя самовару пальцемъ. — Это хорошо! Изъ гимназіи выйдешь такой господинъ, что всѣ мы будемъ шапке снимать. Ты будешь умный, богатый, съ амбиціей, а маменька будетъ радоваться. О, это хорошо!

Онъ помолчалъ немного, погладилъ себѣ колѣни и заговорилъ въ почтительно-шутливомъ тонѣ:

— Ужъ вы меня извините, отецъ Христофоръ, а я собираюсь написать бумагу архіерею, что вы у купцовъ хлѣбъ отбиваете. Возьму гербовую бумагу и напишу, что у отца Христофора, значитъ, своихъ грошей мало, что онъ занялся коммерціей и сталъ шерсть продавать.

— Да, вздумалъ вотъ на старости лѣтъ... — сказалъ о. Христофоръ и засмѣялся. — Записался, братъ, изъ поповъ въ купцы. Теперь бы дома сидѣть да Богу молиться, а я скачу, аки фараонъ на колесницѣ... Суета!

— Зато грошей будетъ много!

— Ну да! Дулю мнѣ подъ носъ, а не гроши. Товаръ-то вѣдь не мой, а зятя Михайлы!

— Отчего же онъ самъ не поѣхалъ?

— А оттого... Матернее молоко на губахъ еще не обсохло. Купить-то купилъ шерсть, а чтобъ продать — ума нѣтъ, молодъ еще. Всѣ деньги свои потратилъ, хотѣлъ нажиться и пыль пустить, а сунулся туда-сюда, ему и своей цѣны никто не даетъ. Этакъ помыкался парень съ

годъ, потомъ приходитъ ко мнѣ и — «Папаша, продайте шерсть, сдѣлайте милость! Ничего я въ этихъ дѣлахъ не понимаю!» То-то вотъ и есть. Какъ что, такъ сейчасъ и папаша, а прежде и безъ папаши можно было. Когда покупалъ, не спрашивался, а теперь, какъ приспичило, такъ и папаша. А что папаша? Коли бъ не Иванъ Иванычъ, такъ и папаша ничего бъ не сдѣлалъ. Хлопоты съ ними!

— Да, хлопотно съ дѣтьми, я вамъ скажу! — вздохнулъ Мойсей Мойсеичъ. — У меня у самого шесть человѣкъ. Одного учи, другого лѣчи, третьяго на рукахъ носи, а когда выростутъ, такъ еще больше хлопотъ. Не только таперичка, даже въ священномъ писаніи такъ было. Когда у Іакова были маленькія дѣти, онъ плакалъ, а когда они выросли, еще хуже сталъ плакать!

— М-да... — согласился о. Христофоръ, задумчиво глядя на стаканъ. — Мнѣ-то собственно нечего Бога гнѣвить, я достигъ предѣла своей жизни, какъ дай Богъ всякому... Дочекъ за хорошихъ людей опредѣлилъ, сыновъ въ люди вывелъ и теперь свободенъ, свое дѣло сдѣлалъ, хоть на всѣ четыре стороны иди. Живу со своей попадьей потихоньку, кушаю, пью да сплю, на внучатъ радуюсь да Богу молюсь, а больше мнѣ ничего и не надо. Какъ сыръ въ маслѣ катаюсь и знать никого не хочу. Отродясь у меня никакого горя не было и теперь ежели бъ, скажемъ, царь спросилъ: «Что тебѣ надобно? Чего хочешь?» Да ничего мнѣ не надобно! Все у меня есть и все слава Богу. Счастливѣй меня во всемъ городѣ человѣка нѣтъ. Только вотъ

грѣховъ много, да вѣдь и то сказать, одинъ Богъ безъ грѣха. Вѣдь вѣрно?

— Стало быть, вѣрно.

— Ну, конечно, зубовъ нѣтъ, спину отъ старости ломитъ, то да се... одышка и всякое тамъ... Болѣю, плоть немощна, ну, да вѣдь, самъ посуди, пожилъ! Восьмой десятокъ! Не вѣкъ же вѣковать, надо и честь знать.

О. Христофоръ вдругъ что-то вспомнилъ, прыснулъ въ стаканъ и закашлялся отъ смѣха. Мойсей Мойсеичъ изъ приличія тоже засмѣялся и закашлялся.

— Потѣха! — сказалъ о. Христофоръ и махнулъ рукой. — Пріѣзжаетъ ко мнѣ въ гости старшій сынъ мой Гаврила. Онъ по медицинской части и служитъ въ Черниговской губерніи въ земскихъ докторахъ... Хорошо-съ... Я ему и говорю: «Вотъ, говорю, одышка, то да се... Ты докторъ, лѣчи отца!» Онъ сейчасъ меня раздѣлъ, постукалъ, послушалъ, разныя штуки... животъ помялъ, потомъ и говоритъ: — «Вамъ, папаша, надо, говоритъ, лѣчиться сжатымъ воздухомъ».

О. Христофоръ захохоталъ судорожно, до слезъ и поднялся.

— А я ему и говорю: «Богъ съ нимъ, съ этимъ сжатымъ воздухомъ!» — выговорилъ онъ сквозь смѣхъ и махнулъ обѣими руками. — Богъ съ нимъ, съ этимъ сжатымъ воздухомъ!

Мойсей Мойсеичъ тоже поднялся и, взявшись за животъ, залился тонкимъ смѣхомъ, похожимъ на лай болонки.

— Богъ съ нимъ, съ этимъ сжатымъ воздухомъ! — повторилъ о. Христофоръ, хохоча.

Моисей Моисеичъ взялъ двумя нотами выше и закатился такимъ судорожнымъ смѣхомъ, что едва устоялъ на ногахъ.

— О, Боже мой... — стоналъ онъ среди смѣха. — Дайте вздохнуть... Такъ насмѣшили, что... охъ!.. — смерть моя.

Онъ смѣялся и говорилъ, а самъ между тѣмъ пугливо и подозрительно посматривалъ на Соломона. Тотъ стоялъ въ прежней позѣ и улыбался. Судя по его глазамъ и улыбкѣ, онъ презиралъ и ненавидѣлъ серьезно, но это такъ не шло къ его ощипанной фигуркѣ, что, казалось Егорушкѣ, вызывающую позу и ѣдкое, презрительное выраженіе придалъ онъ себѣ нарочно, чтобы разыграть шута и насмѣшить дорогихъ гостей.

Выпивъ молча стакановъ шесть, Кузьмичовъ расчистилъ передъ собой на столѣ мѣсто, взялъ мѣшокъ, тотъ самый, который, когда онъ спалъ подъ бричкой, лежалъ у него подъ головой, развязалъ на немъ веревочку и потрясъ имъ. Изъ мѣшка посыпались на столъ пачки кредитныхъ бумажекъ.

— Пока время есть, давайте, о. Христофоръ, посчитаемъ, — сказалъ Кузьмичовъ.

Увидѣвъ деньги, Моисей Моисеичъ сконфузился, всталъ и, какъ деликатный человѣкъ, не желающій знать чужихъ секретовъ, на цыпочкахъ и балансируя руками, вышелъ изъ комнаты. Соломонъ остался на своемъ мѣстѣ.

— Въ рублевыхъ пачкахъ по скольку? — началъ о. Христофоръ.

— По пятьдесятъ... Въ трехрублевыхъ по девяносто... Четвертныя и сторублевыя по тыся-

чамъ сложены. Вы отсчитайте семь тысячъ восемьсотъ для Варламова, а я буду считать для Гусевича. Да глядите, не просчитайте...

Егорушка отродясь не видалъ такой кучи денегъ, какая лежала теперь на столѣ. Денегъ, вѣроятно, было очень много, такъ какъ пачка въ семь тысячъ восемьсотъ, которую о. Христофоръ отложилъ для Варламова, въ сравненіи со всей кучей казалась очень маленькой. Въ другое время такая масса денегъ, быть можетъ, поразила бы Егорушку и вызвала его на размышленія о томъ, сколько на эту кучу можно купить бубликовъ, бабокъ, маковниковъ; теперь же онъ глядѣлъ на нее безучастно и чувствовалъ только противный запахъ гнилыхъ яблокъ и керосина, шедшій отъ кучи. Онъ былъ измученъ тряской ѣздой на бричкѣ, утомился и хотѣлъ спать. Его голову тянуло внизъ, глаза слипались и мысли путались, какъ нитки. Если бъ можно было, онъ съ наслажденіемъ склонилъ бы голову на столъ, закрылъ бы глаза, чтобъ не видѣть лампы и пальцевъ, двигавшихся надъ кучей, и позволилъ бы своимъ вялымъ, соннымъ мыслямъ еще больше запутаться. Когда онъ силился не дремать, ламповый огонь, чашки и пальцы двоились, самоваръ качался, а запахъ гнилыхъ яблокъ казался еще острѣе и противнѣе.

— Ахъ, деньги, деньги! — вздыхалъ о. Христофоръ, улыбаясь. — Горе съ вами! Теперь мой Михайло, небось, спитъ и видитъ, что я ему такую кучу привезу.

— Вашъ Михайло Тимофеичъ человѣкъ не понимающій, — говорилъ вполголоса Кузьмичовъ: — не за свое дѣло берется, а вы понимаете

и можете разсудить. Отдали бы вы мнѣ, какъ я говорилъ, вашу шерсть и ѣхали бы себѣ назадъ, а я бъ вамъ, такъ и быть ужъ, далъ бы по полтиннику поверхъ своей цѣны, да и то только изъ уваженія...

— Нѣтъ, Иванъ Ивановичъ, — вздыхалъ о. Христофоръ. — Благодаримъ васъ за вниманіе... Конечно, ежели бъ моя воля, я бъ и разговаривать не сталъ, а то вѣдь, сами знаете, товаръ не мой...

Вошелъ на цыпочкахъ Мойсей Мойсеичъ. Стараясь изъ деликатности не глядѣть на кучу денегъ, онъ подкрался къ Егорушкѣ и дернулъ его сзади за рубаху.

— А пойдемъ-ка, паничокъ, — сказалъ онъ вполголоса: — какого я тебѣ медвѣдика покажу! Такой страшный, сердитый! У-у!

Сонный Егорушка всталъ и лѣниво поплелся за Мойсеемъ Мойсеичемъ смотрѣть медвѣдя. Онъ вошелъ въ небольшую комнатку, гдѣ, прежде чѣмъ онъ увидѣлъ что-нибудь, у него захватило дыханіе отъ запаха чего-то кислаго и затхлаго, который здѣсь былъ гораздо гуще, чѣмъ въ большой комнатѣ, и, вѣроятно, отсюда распространялся по всему дому. Одна половина комнатки была занята большою постелью, покрытой сальнымъ стеганымъ одѣяломъ, а другая комодомъ и горами всевозможнаго тряпья, начиная съ жестко накрахмаленныхъ юбокъ и кончая дѣтскими штанишками и помочами. На комодѣ горѣла сальная свѣчка.

Вмѣсто обѣщаннаго медвѣдя, Егорушка увидѣлъ большую, очень толстую еврейку, съ распущенными волосами и въ красномъ фланелевомъ

платьѣ съ черными крапинками; она тяжело поворачивалась въ узкомъ проходѣ между постелью и комодомъ и издавала протяжные, стонущіе вздохи, точно у нея болѣли зубы. Увидѣвъ Егорушку, она сдѣлала плачущее лицо, протяжно вздохнула и, прежде чѣмъ онъ успѣлъ оглядѣться, поднесла къ его рту ломоть хлѣба, вымазанный медомъ.

— Кушай, дѣтка, кушай! — сказала она. — Ты здѣсь безъ маменьке и тебя некому покормить. Кушай.

Егорушка сталъ ѣсть, хотя послѣ леденцовъ и маковниковъ, которые онъ каждый день ѣлъ у себя дома, не находилъ ничего хорошаго въ меду, наполовину смѣшанномъ съ воскомъ и съ пчелиными крыльями. Онъ ѣлъ, а Мойсей Мойсеичъ и еврейка глядѣли и вздыхали.

— Ты куда ѣдешь, дѣтка? — спросила еврейка.

— Учиться, — отвѣтилъ Егорушка.

— А сколько васъ у маменьке?

— Я одинъ. Больше нѣтъ никого.

— А-охъ! — вздохнула еврейка и подняла вверхъ глаза. — Бѣдная маменьке, бѣдная маменьке! Какъ же она будетъ скучать и плакать! Черезъ годъ мы тоже повеземъ въ ученье своего Наума! Охъ!

— Ахъ, Наумъ, Наумъ! — вздохнулъ Мойсей Мойсеичъ, и на его блѣдномъ лицѣ нервно задрожала кожа. — А онъ такой больной.

Сальное одѣяло зашевелилось, и изъ-подъ него показалась кудрявая дѣтская голова на очень тонкой шеѣ; два черныхъ глаза блеснули и съ любопытствомъ уставились на Егорушку. Мойсей Мойсеичъ и еврейка, не переставая вздыхать,

подошли къ комоду и стали говорить о чемъ-то по-еврейски. Мойсей Мойсеичъ говорилъ вполголоса, низкимъ баскомъ, и въ общемъ его еврейская рѣчь походила на непрерывное «гал-гал-гал-гал...», а жена отвѣчала ему тонкимъ индюшечьимъ голоскомъ, и у нея выходило что-то въ родѣ «ту-ту-ту-ту...» Пока они совѣщались, изъ-подъ сальнаго одѣяла выглянула другая кудрявая головка на тонкой шеѣ, за ней третья, потомъ четвертая... Если бы Егорушка обладалъ богатой фантазіей, то могъ бы подумать, что подъ одѣяломъ лежала стоглавая гидра.

— Гал-гал-гал-гал... — говорилъ Мойсей Мойсеичъ.

— Ту-ту-ту-ту... — отвѣчала ему еврейка.

Совѣщаніе кончилось тѣмъ, что еврейка съ глубокимъ вздохомъ полѣзла въ комодъ, развернула тамъ какую-то зеленую тряпку и достала большой ржаной пряникъ, въ видѣ сердца.

— Возьми, дѣтка, — сказала она, подавая Егорушкѣ пряникъ. — У тебя теперь нѣту маменьке, некому тебѣ гостинца дать.

Егорушка сунулъ въ карманъ пряникъ и попятился къ двери, такъ какъ былъ уже не въ силахъ дышать затхлымъ и кислымъ воздухомъ, въ которомъ жили хозяева. Вернувшись въ большую комнату, онъ поудобнѣй примостился на диванѣ и ужъ не мѣшалъ себѣ думать.

Кузьмичовъ только-что кончилъ считать деньги и клалъ ихъ обратно въ мѣшокъ. Обращался онъ съ ними не особенно почтительно и валилъ ихъ въ грязный мѣшокъ безъ всякой церемоніи съ такимъ равнодушіемъ, какъ будто это были не деньги, а бумажный хламъ.

О. Христофоръ бесѣдовалъ съ Соломономъ.

— Ну, что, Соломонъ премудрый? — спрашивалъ онъ, зѣвая и крестя ротъ. — Какъ дѣла?

— Это вы про какія дѣла говорите? — спросилъ Соломонъ и поглядѣлъ такъ ехидно, какъ будто ему намекали на какое-нибудь преступленіе.

— Вообще... Что подѣлываешь?

— Что я подѣлываю? — переспросилъ Соломонъ и пожалъ плечами. — То же, что и всѣ... Вы видите: я лакей. Я лакей у брата, братъ лакей у проѣзжающихъ, проѣзжающіе лакеи у Варламова, а если бы я имѣлъ денегъ десять милліоновъ, то Варламовъ былъ бы у меня лакеемъ.

— То-есть почему же это онъ былъ бы у тебя лакеемъ?

— Почему? А потому, что нѣтъ такого барина или милліонера, который изъ-за лишней копейки не сталъ бы лизать рукъ у жида пархатаго. Я теперь жидъ пархатый и нищій, всѣ на меня смотрятъ, какъ на собаке, а если бъ у меня были деньги, то Варламовъ передо мной ломалъ бы такого дурака, какъ Мойсей передъ вами.

О. Христофоръ и Кузьмичовъ переглянулись. Ни тотъ, ни другой не поняли Соломона. Кузьмичовъ строго и сухо поглядѣлъ на него и спросилъ:

— Какъ же ты, дуракъ этакой, равняешь себя съ Варламовымъ?

— Я еще не настолько дуракъ, чтобы равнять себя съ Варламовымъ, — отвѣтилъ Соломонъ, насмѣшливо оглядывая своихъ собесѣдниковъ. — Варламовъ хоть и русскій, но въ душѣ онъ жидъ пархатый; вся жизнь у него въ деньгахъ и въ

наживѣ, а я свои деньги спалилъ въ печкѣ. Мнѣ не нужны ни деньги, ни земля, ни овцы, и не нужно, чтобъ меня боялись и снимали шапки, когда я ѣду. Значитъ, я умнѣй вашего Варламова и больше похожъ на человѣка!

Немного погодя, Егорушка сквозь полусонъ слышалъ, какъ Соломонъ голосомъ глухимъ и сиплымъ отъ душившей его ненависти, картавя и спѣша, заговорилъ объ евреяхъ; сначала говорилъ онъ правильно, по-русски, потомъ же впалъ въ тонъ разсказчиковъ изъ еврейскаго быта и сталъ говорить какъ когда-то въ балаганѣ, съ утрированнымъ еврейскимъ акцентомъ.

— Постой . . . — перебилъ его о. Христофоръ. — Если тебѣ твоя вѣра не нравится, такъ ты ее перемѣни, а смѣяться грѣхъ; тотъ послѣднiй человѣкъ, кто надъ своей вѣрой глумится.

— Вы ничего не понимаете! — грубо оборвалъ его Соломонъ. — Я вамъ говорю одно, а вы другое . . .

— Вотъ и видно сейчасъ, что ты глупый человѣкъ, — вздохнулъ о. Христофоръ. — Я тебя наставляю, какъ умѣю, а ты сердишься. Я тебѣ по-стариковски, потихоньку, а ты, какъ индюкъ: бла-бла-бла! Чудакъ, право . . .

Вошелъ Мойсей Мойсеичъ. Онъ встревоженно поглядѣлъ на Соломона и на своихъ гостей, и опять на его лицѣ нервно задрожала кожа. Егорушка встряхнулъ головой и поглядѣлъ вокругъ себя; мелькомъ онъ увидѣлъ лицо Соломона и какъ разъ въ тотъ моментъ, когда оно было обращено къ нему въ три четверти и когда тѣнь отъ его длиннаго носа пересѣкла всю лѣвую щеку; презрительная улыбка, смѣшанная съ

этою тѣнью, блестящіе, насмѣшливые глаза, надменное выраженіе и вся его ощипанная фигурка, двоясь и мелькая въ глазахъ Егорушки, дѣлали его теперь похожимъ не на шута, а на что-то такое, что иногда снится, вѣроятно, на нечистаго духа.

— Какой-то онъ у васъ бѣсноватый, Мойсей Мойсеичъ, Богъ съ нимъ! — сказалъ съ улыбкой о. Христофоръ. — Вы бы его пристроили куда-нибудь, или женили, что ли... На человѣка не похожъ...

Кузьмичовъ сердито нахмурился. Мойсей Мойсевичъ опять встревоженно и пытливо поглядѣлъ на брата и на гостей.

— Соломонъ, выйди отсюда! — строго сказалъ онъ. — Выйди!

И онъ прибавилъ еще что-то по-еврейски. Соломонъ отрывисто засмѣялся и вышелъ.

— А что такое? — испуганно спросилъ Мойсей Мойсеичъ о. Христофора.

— Забывается, — отвѣтилъ Кузьмичовъ. — Грубитель и много о себѣ понимаетъ.

— Такъ и зналъ! — ужаснулся Мойсей Мойсеичъ, всплескивая руками. — Ахъ, Боже мой! Боже мой! — забормоталъ онъ вполголоса. — Ужъ вы будьте добрые, извините и не серчайте. Это такой человѣкъ, такой человѣкъ! Ахъ, Боже мой! Боже мой! Онъ мнѣ родной братъ, но, кромѣ горя, я отъ него ничего не видѣлъ. Вѣдь онъ, знаете...

Мойсей Мойсеичъ покрутилъ пальцемъ около лба и продолжалъ:

— Не въ своемъ умѣ... пропащій человѣкъ. И что мнѣ съ нимъ дѣлать, не знаю! Никого

онъ не любитъ, никого не почитаетъ, никого не боится... Знаете, надъ всѣми смѣется, говоритъ глупости, всякому въ глаза тычетъ. Вы не можете повѣрить, разъ пріѣхалъ сюда Варламовъ, а Соломонъ такое ему сказалъ, что тотъ ударилъ кнутомъ и его, и мене... А мене за что? Развѣ я виноватъ? Богъ отнялъ у него умъ, значитъ, это Божья воля, а я развѣ виноватъ?

Прошло минутъ десять, а Мойсей Мойсеичъ все еще бормоталъ вполголоса и вздыхалъ:

— Ночью онъ не спитъ и все думаетъ, думаетъ, думаетъ, а о чемъ онъ думаетъ, Богъ его знаетъ. Подойдешь къ нему ночью, а онъ сердится и смѣется. Онъ и меня не любитъ... И ничего онъ не хочетъ! Папаша, когда помиралъ, оставилъ ему и мнѣ по шести тысячъ рублей. Я купилъ себѣ постоялый дворъ, женился и таперичка дѣточекъ имѣю, а онъ спалилъ свои деньги въ печкѣ. Такъ жалко, такъ жалко! Зачѣмъ палить? Тебѣ не надо, такъ отдай мнѣ, а зачѣмъ же палить?

Вдругъ завизжала дверь на блокѣ и задрожалъ полъ отъ чьихъ-то шаговъ. На Егорушку пахнуло легкимъ вѣтеркомъ, и показалось ему, что какая-то большая, черная птица пронеслась мимо и у самаго лица его взмахнула крыльями. Онъ открылъ глаза... Дядя съ мѣшкомъ въ рукахъ, готовый въ путь, стоялъ возлѣ дивана. О. Христофоръ, держа широкополый цилиндръ, кому-то кланялся и улыбался не мягко и не умиленно, какъ всегда, а почтительно и натянуто, что очень не шло къ его лицу. А Мойсей Мойсеичъ, точно его тѣло разломалось на три части, балансировалъ и всячески старался не раз-

сыпаться. Одинъ только Соломонъ, какъ ни въ чемъ не бывало, стоялъ въ углу, скрестивъ руки, и попрежнему презрительно улыбался.

— Ваше сіятельство, извините, у насъ не чисто! — стоналъ Мойсей Мойсеичъ съ мучительно-сладкой улыбкой, уже не замѣчая ни Кузьмичова, ни о. Христофора, а только балансируя всѣмъ тѣломъ, чтобы не разсыпаться. — Мы люди простые, ваше сіятельство!

Егорушка протеръ глаза. Посреди комнаты стояло, дѣйствительно, сіятельство въ образѣ молодой, очень красивой и полной женщины въ черномъ платьѣ и въ соломенной шляпѣ. Прежде чѣмъ Егорушка успѣлъ разглядѣть ея черты, ему почему-то пришелъ на память тотъ одинокій, стройный тополь, который онъ видѣлъ днемъ на холмѣ.

— Проѣзжалъ здѣсь сегодня Варламовъ? — спросилъ женскій голосъ.

— Нѣтъ, ваше сіятельство! — отвѣтилъ Мойсей Мойсеичъ.

— Если завтра увидите его, то попросите, чтобы онъ ко мнѣ заѣхалъ на минутку.

Вдругъ, совсѣмъ неожиданно, на полвершка отъ своихъ глазъ Егорушка увидѣлъ черныя, бархатныя брови, большіе каріе глаза и выхоленныя женскія щеки съ ямочками, отъ которыхъ, какъ лучи отъ солнца, по всему лицу разливалась улыбка. Чѣмъ-то великолѣпно запахло.

— Какой хорошенькій мальчикъ! — сказала дама. — Чей это? Казимиръ Михайловичъ, посмотрите, какая прелесть! Боже мой, онъ спитъ! Бутузъ ты мой милый...

И дама крѣпко поцѣловала Егорушку въ обѣ

щеки, и онъ улыбнулся и, думая, что спитъ, закрылъ глаза. Дверной блокъ завизжалъ и послышались торопливые шаги: кто-то входилъ и выходилъ.

— Егорушка! Егорушка! — раздался густой шопотъ двухъ голосовъ. — Вставай, ѣхать!

Кто-то, кажется, Дениска, поставилъ Егорушку на ноги и повелъ его за руку; на пути онъ открылъ на половину глаза и еще разъ увидѣлъ красивую женщину въ черномъ платьѣ, которая цѣловала его. Она стояла посреди комнаты и, глядя, какъ онъ уходилъ, улыбалась и дружелюбно кивала ему головой. Подходя къ двери, онъ увидѣлъ какого-то красиваго и плотнаго брюнета въ шляпѣ котелкомъ и въ крагахъ. Должно быть, это былъ провожатый дамы.

«Тпрр!» — донеслось со двора.

У порога дома Егорушка увидѣлъ новую, роскошную коляску и пару черныхъ лошадей. На козлахъ сидѣлъ лакей въ ливреѣ и съ длиннымъ хлыстомъ въ рукахъ. Провожать уѣзжающихъ вышелъ одинъ только Соломонъ. Лицо его было напряжено отъ желанія расхохотаться; онъ глядѣлъ такъ, какъ будто съ большимъ нетерпѣніемъ ждалъ отъѣзда гостей, чтобы вволю посмѣяться надъ ними.

— Графиня Драницкая, — прошепталъ о. Христофоръ, полѣзая въ бричку.

— Да, графиня Драницкая, — повторилъ Кузьмичовъ тоже шопотомъ.

Впечатлѣніе, произведенное пріѣздомъ графини, было, вѣроятно, очень сильно, потому что даже Дениска говорилъ шопотомъ и только тогда

рѣшился стегнуть по гнѣдымъ и крикнуть, когда бричка проѣхала съ четверть версты и когда далеко назади вмѣсто постоялаго двора виденъ ужъ былъ одинъ только тусклый огонекъ.

IV.

Кто же, наконецъ, этотъ неуловимый, таинственный Варламовъ, о которомъ такъ много говорятъ, котораго презираетъ Соломонъ и который нуженъ даже красивой графинѣ? Сѣвши на передокъ рядомъ съ Дениской, полусонный Егорушка думалъ именно объ этомъ человѣкѣ. Онъ никогда не видѣлъ его, но очень часто слышалъ о немъ и нерѣдко рисовалъ его въ своемъ воображеніи. Ему извѣстно было, что Варламовъ имѣетъ нѣсколько десятковъ тысячъ десятинъ земли, около сотни тысячъ овецъ и очень много денегъ; объ его образѣ жизни и занятіяхъ Егорушкѣ было извѣстно только то, что онъ всегда «кружился въ этихъ мѣстахъ» и что его всегда ищутъ.

Много слышалъ у себя дома Егорушка и о графинѣ Драницкой. Она тоже имѣла нѣсколько десятковъ тысячъ десятинъ, много овецъ, конскій заводъ и много денегъ, но не «кружилась», а жила у себя въ богатой усадьбѣ, про которую знакомые и Иванъ Иванычъ, не разъ бывавшій у графини по дѣламъ, разсказывали много чудеснаго; такъ, говорили, что въ графининой гостиной, гдѣ висятъ портреты всѣхъ польскихъ королей, находились большіе столовые часы, имѣвшіе форму утеса, на утесѣ стоялъ дыбомъ золотой конь съ брилліантовыми глазами,

а на конѣ сидѣлъ золотой всадникъ, который всякій разъ, когда часы били, взмахивалъ шашкой направо и налѣво. Разсказывали также, что раза два въ годъ графиня давала балъ, на который приглашались дворяне и чиновники со всей губерніи и пріѣзжалъ даже Варламовъ; всѣ гости пили чай изъ серебряныхъ самоваровъ, ѣли все необыкновенное (напримѣръ, зимою, на Рождество, подавались малина и клубника) и плясали подъ музыку, которая играла день и ночь...

«А какая она красавица!» — думалъ Егорушка, вспоминая ея лицо и улыбку.

Кузьмичовъ, вѣроятно, тоже думалъ о графинѣ, потому что, когда бричка проѣхала версты двѣ, онъ сказалъ:

— Да и здорово же обираетъ ее этотъ Казимиръ Михайлычъ! Въ третьемъ годѣ, когда я у нея, помните, шерсть покупалъ, онъ на одной моей покупкѣ тысячи три нажилъ.

— Отъ ляха иного и ждать нельзя, — сказалъ о. Христофоръ.

— А ей и горюшка мало. Сказано, молодая да глупая. Въ головѣ вѣтеръ такъ и ходитъ!

Егорушкѣ почему-то хотѣлось думать только о Варламовѣ и графинѣ, въ особенности о послѣдней. Его сонный мозгъ совсѣмъ отказался отъ обыкновенныхъ мыслей, туманился и удерживалъ одни только сказочные, фантастическіе образы, которые имѣютъ то удобство, что какъ-то сами собой, безъ всякихъ хлопотъ со стороны думающаго, зарождаются въ мозгу и сами — стоитъ только хорошенько встряхнуть головой — исчезаютъ безслѣдно; да и все, что было кругомъ, не располагало къ обыкновеннымъ мыс-

лямъ. Направо темнѣли холмы, которые, казалось, заслоняли собой что-то невѣдомое и страшное, налѣво все небо надъ горизонтомъ было залито багровымъ заревомъ, и трудно было понять, былъ ли то гдѣ-нибудь пожаръ, или же собиралась восходить луна. Даль была видна, какъ и днемъ, но ужъ ея нѣжная лиловая окраска, затушеванная вечерней мглой, пропала, и вся степь пряталась во мглѣ, какъ дѣти Мойсея Мойсеича подъ одѣяломъ.

Въ іюльскіе вечера и ночи уже не кричатъ перепела и коростели, не поютъ въ лѣсныхъ балочкахъ соловьи, не пахнетъ цвѣтами, но степь все еще прекрасна и полна жизни. Едва зайдетъ солнце и землю окутаетъ мгла, какъ дневная тоска забыта, все прощено, и степь легко вздыхаетъ широкою грудью. Какъ будто отъ того, что травѣ не видно въ потемкахъ своей старости, въ ней поднимается веселая, молодая трескотня, какой не бываетъ днемъ; трескъ, подсвистыванье, царапанье, степные басы, тенора и дисканты — все мѣшается въ непрерывный, монотонный гулъ, подъ который хорошо вспоминать и грустить. Однообразная трескотня убаюкиваетъ, какъ колыбельная пѣсня; ѣдемь и чувствуешь, что засыпаешь, но вотъ откуда-то доносится отрывистый, тревожный крикъ не уснувшей птицы, или раздается неопредѣленный звукъ, похожій на чей-то голосъ, въ родѣ удивленнаго «а-а!» — и дремота опускаетъ вѣки. А то, бывало, ѣдешь мимо балочки, гдѣ есть кусты, и слышишь, какъ птица, которую степняки зовутъ сплюкомъ, кому-то кричитъ: «сплю! сплю! сплю!», а другая хохочетъ или заливается истерическимъ пла-

чемъ — это сова. Для кого онѣ кричатъ и кто ихъ слушаетъ на этой равнинѣ, Богъ ихъ знаетъ, но въ крикѣ ихъ много грусти и жалобы... Пахнетъ сѣномъ, высушенной травой и запоздалыми цвѣтами, но запахъ густъ, сладко-приторенъ и нѣженъ.

Сквозь мглу видно все, но трудно разобрать цвѣтъ и очертанія предметовъ. Все представляется не тѣмъ, что оно есть. Ѣдешь и вдругъ видишь, впереди у самой дороги стоитъ силуэтъ, похожій на монаха; онъ не шевелится, ждетъ и что-то держитъ въ рукахъ... Не разбойникъ ли это? Фигура приближается, растетъ, вотъ она поровнялась съ бричкой, и вы видите, что это не человѣкъ, а одинокій кустъ или большой камень. Такія неподвижныя, кого-то поджидающія фигуры стоятъ на холмахъ, прячутся за курганами, выглядываютъ изъ бурьяна, и всѣ онѣ походятъ на людей и внушаютъ подозрѣніе.

А когда восходитъ луна, ночь становится блѣдной и темной. Мглы какъ не бывало. Воздухъ прозраченъ, свѣжъ и тепелъ, всюду хорошо видно и даже можно различить у дороги отдѣльные стебли бурьяна. На далекое пространство видны черепа и камни. Подозрительныя фигуры, похожія на монаховъ, на свѣтломъ фонѣ ночи кажутся чернѣе и смотрятъ угрюмѣе. Чаще и чаще среди монотонной трескотни, тревожа неподвижный воздухъ, раздается чье-то удивленное «а-а!» и слышится крикъ не уснувшей или бредящей птицы. Широкія тѣни ходятъ по равнинѣ, какъ облака по небу, а въ непонятной дали, если долго всматриваться въ нее, высятся и громоздятся другъ на друга туманные, причудливые

образы... Немножко жутко. А взглянешь на блѣдно-зеленое, усыпанное звѣздами небо, на которомъ ни облачка, ни пятна, и поймешь, почему теплый воздухъ недвижимъ, почему природа насторожѣ и боится шевельнуться: ей жутко и жаль утерять хоть одно мгновеніе жизни. О необъятной глубинѣ и безграничности неба можно судить только на морѣ, да въ степи ночью, когда свѣтитъ луна. Оно страшно, красиво и ласково, глядитъ томно и манитъ къ себѣ, а отъ ласки его кружится голова.

Ѣдешь часъ-другой... Попадается на пути молчаливый старикъ-курганъ, или каменная баба, поставленная Богъ вѣдаетъ кѣмъ и когда, безшумно пролетитъ надъ землею ночная птица, и мало-по-малу на память приходятъ степныя легенды, разсказы встрѣчныхъ, сказки нянькистепнячки и все то, что самъ сумѣлъ увидѣть и постичь душою. И тогда въ трескотнѣ насѣкомыхъ, въ подозрительныхъ фигурахъ и курганахъ, въ голубомъ небѣ, въ лунномъ свѣтѣ, въ полетѣ ночной птицы, во всемъ, что видишь и слышишь, начинаютъ чудиться торжество красоты, молодость, расцвѣтъ силъ и страстная жажда жизни; душа даетъ откликъ прекрасной, суровой родинѣ, и хочется летѣть надъ степью вмѣстѣ съ ночной птицей. И въ торжествѣ красоты, въ излишкѣ счастья чувствуешь напряженіе и тоску, какъ будто степь сознаетъ, что она одинока, что богатство ея и вдохновеніе гибнутъ даромъ для міра, никѣмъ не воспѣтыя и никому ненужныя, и сквозь радостный гулъ слышишь ея тоскливый, безнадежный призывъ: пѣвца! пѣвца!

— Тпрр! Здорово, Пантелей! Все благополучно?

— Слава Богу, Иванъ Иванычъ!

— Не видали, ребята, Варламова?

— Нѣтъ, не видали.

Егорушка проснулся и открылъ глаза. Бричка стояла. Направо, по дорогѣ далеко впередъ тянулся обозъ, около котораго сновали какіе-то люди. Всѣ возы, потому что на нихъ лежали большіе тюки съ шерстью, казались очень высокими и пухлыми, а лошади — маленькими и коротконогими.

— Такъ мы, значитъ, теперь къ молокану поѣдемъ! — громко говорилъ Кузьмичовъ. — Жидъ сказывалъ, что Варламовъ у молокана ночуетъ. Въ такомъ случаѣ прощайте, братцы! Съ Богомъ!

— Прощайте, Иванъ Иванычъ! — отвѣтило нѣсколько голосовъ.

— Вотъ что, ребята, — живо сказалъ Кузьмичовъ: — вы бы взяли съ собой моего парнишку! Что ему съ нами зря болтаться? Посади его, Пантелей, къ себѣ на тюкъ и пусть себѣ ѣдетъ по-маленьку, а мы догонимъ. Ступай, Егоръ! Иди, ничего!..

Егорушка слѣзъ съ передка. Нѣсколько рукъ подхватило его, подняло высоко вверхъ, и онъ очутился на чемъ-то большомъ, мягкомъ и слегка влажномъ отъ росы. Теперь ему казалось, что небо было близко къ нему, а земля далеко.

— Эй, возьми свою пальтишку! — крикнулъ гдѣ-то далеко внизу Дениска.

Пальто и узелокъ, подброшенные снизу, упали возлѣ Егорушки. Онъ быстро, не желая ни

о чемъ думать, положилъ подъ голову узелокъ, укрылся пальто и, протягивая ноги во всю длину, пожимаясь отъ росы, засмѣялся отъ удовольствія.

«Спать, спать, спать...» — думалъ онъ.

— Вы же, черти, его не забижайте! — послышался снизу голосъ Дениски.

— Прощайте, братцы! Съ Богомъ! — крикнулъ Кузьмичовъ. — Я на васъ надѣюсь!

— Будьте покойны, Иванъ Иванычъ!

Дениска ахнулъ на лошадей, бричка взвизгнула и покатила, но ужъ не по дорогѣ, а куда-то въ сторону. Минуты двѣ было тихо, точно уснулъ, и только слышалось, какъ вдали мало-по-малу замирало лязганье ведра, привязаннаго къ задку брички. Но вотъ впереди обоза кто-то крикнулъ:

— Кирюха, тро-о-гай!

Заскрипѣлъ самый передній возъ, за нимъ другой, третій... Егорушка почувствовалъ, какъ возъ, на которомъ онъ лежалъ, покачнулся и тоже заскрипѣлъ. Обозъ тронулся. Егорушка покрѣпче взялся рукой за веревку, которою былъ перевязанъ тюкъ, еще засмѣялся отъ удовольствія, поправилъ въ карманѣ пряникъ и сталъ засыпать такъ, какъ онъ обыкновенно засыпалъ у себя дома въ постели...

Когда онъ проснулся, уже восходило солнце; курганъ заслонялъ его собою, а оно, стараясь брызнуть свѣтомъ на міръ, напряженно пялило свои лучи во всѣ стороны и заливало горизонтъ золотомъ. Егорушкѣ показалось, что оно было не на своемъ мѣстѣ, такъ какъ вчера оно восходило сзади за его спиной, а сегодня много лѣ-

вѣе... Да и вся мѣстность не походила на вчерашнюю. Холмовъ уже не было, а всюду, куда ни взглянешь, тянулась безъ конца бурая, невеселая равнина; кое-гдѣ на ней высились небольшіе курганы, и летали вчерашніе грачи. Далеко впереди бѣлѣли колокольни и избы какой-то деревни; по случаю воскреснаго дня хохлы сидѣли дома, пекли и варили — это видно было по дыму, который шелъ изо всѣхъ трубъ и сизой, прозрачной пеленой висѣлъ надъ деревней. Въ промежуткахъ между избъ и за церковью синѣла рѣка, а за нею туманилась даль. Но ничто не походило такъ мало на вчерашнее, какъ дорога. Что-то необыкновенно широкое, размашистое и богатырское тянулось по степи вмѣсто дороги; то была сѣрая полоса, хорошо выѣзженная и покрытая пылью, какъ всѣ дороги, но шириною въ нѣсколько десятковъ саженъ. Своимъ просторомъ она возбудила въ Егорушкѣ недоумѣніе и навела его на сказочныя мысли. Кто по ней ѣздитъ? Кому нуженъ такой просторъ? Непонятно и странно. Можно, въ самомъ дѣлѣ, подумать, что на Руси еще не перевелись громадные, широко-шагающіе люди, въ родѣ Ильи Муромца и Соловья Разбойника, и что еще не вымерли богатырскіе кони. Егорушка, взглянувъ на дорогу, вообразилъ штукъ шесть высокихъ, рядомъ скачущихъ колесницъ, въ родѣ тѣхъ, какія онъ видывалъ на рисункахъ въ Священной исторіи; заложены эти колесницы въ шестерки дикихъ бѣшеныхъ лошадей и своими высокими колесами поднимаютъ до неба облака пыли, а лошадьми правятъ люди, какіе могутъ сниться или вырастать въ сказочныхъ мысляхъ. И какъ

бы эти фигуры были къ лицу степи и дорогѣ, если бы онѣ существовали!

По правой сторонѣ дороги на всемъ ея протяженіи стояли телеграфные столбы съ двумя проволоками. Становясь все меньше и меньше, они около деревни исчезали за избами и зеленью, а потомъ опять показывались въ лиловой дали въ видѣ очень маленькихъ, тоненькихъ палочекъ, похожихъ на карандаши, воткнутые въ землю. На проволокахъ сидѣли ястребы, кобчики и вороны и равнодушно глядѣли на двигавшійся обозъ.

Егорушка лежалъ на самомъ заднемъ возу и могъ поэтому видѣть весь обозъ. Всѣхъ подводъ въ обозѣ было около двадцати и на каждыя три подводы приходилось по одному возчику. Около задняго воза, гдѣ былъ Егорушка, шелъ старикъ съ сѣдой бородой, такой же тощій и малорослый, какъ о. Христофоръ, но съ лицомъ бурымъ отъ загара, строгимъ и задумчивымъ. Очень можетъ быть, что этотъ старикъ не былъ ни строгъ, ни задумчивъ, но его красныя вѣки и длинный, острый носъ придавали его лицу строгое, сухое выраженіе, какое бываетъ у людей, привыкшихъ думать всегда о серьезномъ и въ одиночку. Какъ и на о. Христофорѣ, на немъ былъ широкополый цилиндръ, но не барскій, а войлочный и бурый, похожій скорѣе на усѣченный конусъ, чѣмъ на цилиндръ. Ноги его были босы. Вѣроятно, по привычкѣ, пріобрѣтенной въ холодныя зимы, когда не разъ, небось, приходилось ему мерзнуть около обоза, онъ на ходу похлопывалъ себя по бедрамъ и притопывалъ ногами. Замѣтивъ, что Егорушка

проснулся, онъ поглядѣлъ на него и сказалъ, пожимаясь какъ отъ мороза:

— А, проснулся, молодчикъ! Сынкомъ Ивану Ивановичу-то доводишься?

— Нѣтъ, племянникъ...

— Ивану Иванычу-то? А я вотъ сапожки снялъ и босикомъ прыгаю. Ножки у меня больныя, стуженыя, а безъ сапогъ оно выходитъ слободнѣе... Слободнѣе, молодчикъ... То-есть безъ сапоговъ-то... Значитъ, племянникъ? А онъ хорошій человѣкъ, ничего... Дай Богъ здоровья... Ничего... Я про Ивана Иваныча-то... Къ молокану поѣхалъ... О, Господи помилуй!

Старикъ и говорилъ такъ, какъ будто было очень холодно, съ разстановками и не раскрывая какъ слѣдуетъ рта; и губныя согласныя выговаривалъ онъ плохо, заикаясь на нихъ, точно у него замерзли губы. Обращаясь къ Егорушкѣ, онъ ни разу не улыбнулся и казался строгимъ.

Дальше черезъ двѣ подводы шелъ съ кнутомъ въ рукѣ человѣкъ въ длинномъ рыжемъ пальто, въ картузѣ и сапогахъ съ опустившимися голенищами. Этотъ былъ не старъ, лѣтъ сорока. Когда онъ оглянулся, Егорушка увидѣлъ длинное, красное лицо съ жидкой козлиной бородкой и съ губчатой шишкой подъ правымъ глазомъ. Кромѣ этой очень некрасивой шишки, у него была еще одна особая примѣта, рѣзко бросавшаяся въ глаза: въ лѣвой рукѣ держалъ онъ кнутъ, а правою помахивалъ такимъ образомъ, какъ будто дирижировалъ невидимымъ хоромъ; изрѣдка онъ бралъ кнутъ подъ мышку и тогда ужъ дирижировалъ обѣими руками и что-то гудѣлъ себѣ подъ носъ.

Слѣдующій за нимъ подводчикъ представлялъ изъ себя длинную, прямолинейную фигуру съ сильно покатыми плечами и съ плоской, какъ доска, спиной. Онъ держался прямо, какъ будто маршировалъ или проглотилъ аршинъ, руки у него не болтались, а отвисали, какъ прямыя палки, и шагалъ онъ какъ-то деревянно, на манеръ игрушечныхъ солдатиковъ, почти не сгибая колѣнъ и стараясь сдѣлать шагъ возможно пошире; когда старикъ или обладатель губчатой шишки дѣлали по два шага, онъ успѣвалъ дѣлать только одинъ, и потому казалось, что онъ идетъ медленнѣе всѣхъ и отстаетъ. Лицо у него было подвязано тряпкой и на головѣ торчало что-то въ родѣ монашеской скуфейки; одѣтъ онъ былъ въ короткую хохлацкую чумарку, всю усыпанную латками, и въ синіе шаровары на выпускъ, а обутъ въ лапти.

Тѣхъ, кто былъ дальше, Егорушка уже не разглядывалъ. Онъ легъ животомъ внизъ, расковырялъ въ тюкѣ дырочку и отъ нечего дѣлать сталъ вить изъ шерсти ниточки. Старикъ, шагавшій внизу, оказался не такимъ строгимъ и серьезнымъ, какъ можно было судить по его лицу. Разъ начавши разговоръ, онъ ужъ не прекращалъ его.

— Ты куда же ѣдешь? — спросилъ онъ, притопывая ногами.

— Учиться, — отвѣтилъ Егорушка.

— Учиться? Ага... Ну, помогай Царица Небесная. Такъ. Умъ хорошо, а два лучше. Одному человѣку Богъ одинъ умъ даетъ, а другому два ума, а иному и три... Иному три, это вѣрно... Одинъ умъ, съ какимъ мать ро-

дила, другой отъ ученія, а третій отъ хорошей жизни. Такъ вотъ, братуша, хорошо, ежели у котораго человѣка три ума. Тому, не то что жить, и помирать легче. Помирать-то... А помремъ всѣ какъ есть.

Старикъ почесалъ себѣ лобъ, взглянулъ красными глазами вверхъ на Егорушку и продолжалъ:

— Максимъ Николаичъ, баринъ изъ-подъ Славяносербска, въ прошломъ годѣ тоже повезъ своего парнишку въ ученіе. Не знаю, какъ онъ тамъ въ разсужденіи наукъ, а парнишка ничего, хорошій... Дай Богъ здоровья, славные господа. Да, тоже вотъ повезъ въ ученье... Въ Славяносербскомъ нѣту такого заведенія, чтобъ, стало быть, до науки доводить. Нѣту... А городъ ничего, хорошій... Школа обыкновенная, для простого званія есть, а чтобъ насчетъ большого ученья, такихъ нѣту... Нѣту, это вѣрно. Тебя какъ звать?

— Егорушка.

— Стало быть, Егорій... Святаго великомученика Егорія Побѣдоносца числа двадцать третьяго апрѣля. А мое святое имя Пантелей... Пантелей Захаровъ Холодовъ... Мы Холодовы будемъ... Самъ я уроженный, можетъ, слыхалъ, изъ Тима, Курской губерніи. Браты мои въ мѣщане отписались и въ городѣ мастерствомъ занимаются, а я мужикъ... Мужикомъ остался. Годовъ семь назадъ ѣздилъ я туда... домой то-есть. И въ деревнѣ былъ, и въ городѣ... Въ Тимѣ, говорю, былъ. Тогда, благодарить Бога, всѣ живы и здоровы были, а теперь не знаю... Можетъ, кто и померъ... А помирать ужъ вре-

мя, потому всѣ старые, есть которые постаршѣе меня. Смерть ничего, оно хорошо, да только бы, конечно, безъ покаянія не помереть. Нѣтъ пуще лиха, какъ наглая смерть. Наглая-то смерть бѣсу радость. А коли хочешь съ покаяніемъ помереть, чтобы, стало быть, въ чертоги Божіи запрету тебѣ не было, Варварѣ великомученицѣ молись. Она ходатайница. Она, это вѣрно... Потому ей Богъ въ небесѣхъ такое положеніе опредѣлилъ, чтобъ, значитъ, каждый имѣлъ полную праву ее насчетъ покаянія молитъ.

Пантелей бормоталъ и, повидимому, не заботился о томъ, слышитъ его Егорушка, или нѣтъ. Говорилъ онъ вяло, себѣ подъ носъ, не повышая и не понижая голоса, но въ короткое время успѣлъ разсказать о многомъ. Все разсказанное имъ состояло изъ обрывковъ, имѣвшихъ очень мало связи между собой и совсѣмъ неинтересныхъ для Егорушки. Быть можетъ, онъ говорилъ только для того, чтобы теперь утромъ послѣ ночи, проведенной въ молчаніи, произвести вслухъ провѣрку своимъ мыслямъ: всѣ ли онѣ дома? Кончивъ о покаяніи, онъ опять заговорилъ о какомъ-то Максимѣ Николаевичѣ изъ-подъ Славяносербска:

— Да, повезъ парнишку... Повезъ, это вѣрно...

Одинъ изъ подводчиковъ, шедшихъ далеко впереди, рванулся съ мѣста, побѣжалъ въ сторону и сталъ хлестать кнутомъ по землѣ. Это былъ рослый, широкоплечій мужчина лѣтъ тридцати, русый, кудрявый и, повидимому, очень сильный и здоровый. Судя по движеніямъ его плечъ и кнута, по жадности, которую выражала

его поза, онъ билъ что-то живое. Къ нему подбѣжалъ другой подводчикъ, низенькій и коренастый, съ черной окладистой бородой, одѣтый въ жилетку и рубаху на выпускъ. Этотъ разразился басистымъ кашляющимъ смѣхомъ и закричалъ:

— Братцы, Дымовъ змѣя убилъ! Ей-Богу!

Есть люди, объ умѣ которыхъ можно вѣрно судить по ихъ голосу и смѣху. Чернобородый принадлежалъ именно къ такимъ счастливцамъ: въ его голосѣ и смѣхѣ чувствовалась непроходимая глупость. Кончивъ хлестать, русый Дымовъ поднялъ кнутомъ съ земли и со смѣхомъ швырнулъ къ подводамъ что-то похожее на веревку.

— Это не змѣя, а ужъ, — крикнулъ кто-то.

Деревянно шагавшій человѣкъ съ подвязаннымъ лицомъ быстро зашагалъ къ убитой змѣѣ, взглянулъ на нее и всплеснулъ своими палкообразными руками.

— Каторжный! — закричалъ онъ глухимъ, плачущимъ голосомъ. — За что ты ужика убилъ? Что онъ тебѣ сдѣлалъ, проклятый ты? Ишь, ужика убилъ! А ежели бы тебя такъ?

— Ужа нельзя убивать, это вѣрно... — покойно забормоталъ Пантелей. — Нельзя... Это не гадюка. Онъ хоть по виду змѣя, а тварь тихая, безвинная... Человѣка любитъ... Ужъ-то...

Дымову и чернобородому, вѣроятно, стало совѣстно, потому что они громко засмѣялись и, не отвѣчая на ропотъ, лѣниво поплелись къ своимъ возамъ. Когда задняя подвода поровнялась съ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ лежалъ убитый ужъ, че-

ловѣкъ съ подвязаннымъ лицомъ, стоящій надъ ужомъ, обернулся къ Пантелею и спросилъ плачущимъ голосомъ:

— Дѣдъ, ну за что онъ убилъ ужика?

Глаза у него, какъ теперь разглядѣлъ Егорушка, были маленькіе, тусклые, лицо сѣрое, больное и тоже какъ будто тусклое, а подбородокъ былъ красенъ и представлялся сильно опухшимъ.

— Дѣдъ, ну за что убилъ? — повторилъ онъ, шагая рядомъ съ Пантелеемъ.

— Глупый человѣкъ, руки чешутся, оттого и убилъ, — отвѣтилъ старикъ. — А ужа бить нельзя... Это вѣрно... Дымовъ, извѣстно, озорникъ, все убьетъ, что подъ руку попадется, а Кирюха не вступился. Вступиться бы надо, а онъ — ха-ха-ха, да хо-хо-хо... А ты, Вася, не серчай... Зачѣмъ серчать? Убили, ну и Богъ съ ними... Дымовъ озорникъ, а Кирюха отъ глупаго ума... Ничего... Люди глупые, не понимающіе, ну и Богъ съ ними. Вотъ Емельянъ никогда не тронетъ, что не надо... Никогда, это вѣрно... Потому человѣкъ образованный, а они глупые... Емельянъ-то... Онъ не тронетъ.

Подводчикъ въ рыжемъ пальто и съ губчатой шишкой, дирижировавшій невидимымъ хоромъ, услышавъ свое имя, остановился и, выждавъ, когда Пантелей и Вася поровнялись съ нимъ, пошелъ рядомъ.

— О чемъ разговоръ? — спросилъ онъ сиплымъ придушеннымъ голосомъ.

— Да вотъ Вася серчаетъ, — сказалъ Пантелей. — Я ему разныя слова, чтобы онъ не сер-

чалъ, значитъ... Эхъ, ножки мои больныя, стуженыя! Э-эхъ! Раззудѣлись ради воскресенья, праздничка Господня!

— Это отъ ходьбы, — замѣтилъ Вася.

— Нѣ, паря, нѣ... Не отъ ходьбы. Когда хожу, словно легче, когда ложусь да согрѣюсь — смерть моя. Ходить мнѣ вольготнѣй.

Емельянъ въ рыжемъ пальто сталъ между Пантелеемъ и Васей и замахалъ рукой, какъ будто тѣ собирались пѣть. Помахавъ немножко, онъ опустилъ руку и безнадежно крякнулъ.

— Нѣтъ у меня голосу! — сказалъ онъ. — Чистая напасть! Всю ночь и утро мерещится мнѣ тройное «Господи помилуй», что мы на вѣнчаніи у Мариновскаго пѣли; сидитъ оно въ головѣ и въ глоткѣ... такъ бы, кажется, и спѣлъ, а не могу! Нѣту голосу!

Онъ помолчалъ минуту, о чемъ-то думая, и продолжалъ:

— Пятнадцать лѣтъ былъ въ пѣвчихъ, во всемъ Луганскомъ заводѣ, можетъ, ни у кого такого голоса не было, а какъ, чтобъ его шутъ, выкупался въ третьемъ году въ Донцѣ, такъ съ той поры ни одной ноты не могу взять чисто. Глотку застудилъ. А мнѣ безъ голосу все равно, что работнику безъ руки.

— Это вѣрно, — согласился Пантелей.

— Объ себѣ я такъ понимаю, что я пропащій человѣкъ и больше ничего.

Въ это время Вася нечаянно увидѣлъ Егорушку. Глаза его замаслились и стали еще меньше.

— И паничокъ съ нами ѣдетъ! — сказалъ онъ и прикрылъ носъ рукавомъ, точно засты-

дившись. — Какой извозчикъ важный! Оставайся съ нами, будешь съ обозомъ ѣздить, шерсть возить.

Мысль о совмѣстимости въ одномъ тѣлѣ паничка съ извозчикомъ показалась ему, вѣроятно, очень курьезной и остроумной, потому что онъ громко захихикалъ и продолжалъ развивать эту мысль. Емельянъ тоже взглянулъ вверхъ на Егорушку, но мелькомъ и холодно. Онъ былъ занятъ своими мыслями и, если бы не Вася, то не замѣтилъ бы присутствія Егорушки. Не прошло и пяти минутъ, какъ онъ опять замахалъ рукой, потомъ, расписывая своимъ спутникамъ красоты вѣнчальнаго «Господи помилуй», которое ночью пришло ему на память, взялъ кнутъ подъ мышку и замахалъ обѣими руками.

За версту отъ деревни обозъ остановился около колодца съ журавлемъ. Опуская въ колодецъ свое ведро, чернобородый Кирюха легъ животомъ на срубъ и сунулъ въ темную дыру свою мохнатую голову, плечи и часть груди, такъ что Егорушкѣ были видны однѣ только его короткія ноги, едва касавшіяся земли; увидѣвъ далеко на днѣ колодца отраженіе своей головы, онъ обрадовался и залился глупымъ, басовымъ смѣхомъ, а колодезное эхо отвѣтило ему тѣмъ же; когда онъ поднялся, его лицо и шея были красны, какъ кумачъ. Первый подбѣжалъ пить Дымовъ. Онъ пилъ со смѣхомъ, часто отрываясь отъ ведра и разсказывая Кирюхѣ о чемъ-то смѣшномъ, потомъ повернулся и громко, на всю степь, произнесъ штукъ пять нехорошихъ словъ. Егорушка не понималъ значенія подобныхъ словъ, но что они были дурныя, ему было хорошо извѣстно.

Онъ зналъ объ отвращенiи, которое молчаливо питали къ нимъ его родные и знакомые, самъ, не зная почему, раздѣлялъ это чувство и привыкъ думать, что одни только пьяные да буйные пользуются привилегiей произносить громко эти слова. Онъ вспомнилъ убiйство ужа, прислушался къ смѣху Дымова и почувствовалъ къ этому человѣку что-то въ родѣ ненависти. И какъ нарочно, Дымовъ въ это время увидѣлъ Егорушку, который слѣзъ съ воза и шелъ къ колодцу; онъ громко засмѣялся и крикнулъ:

— Братцы, старикъ ночью мальчишку родилъ!

Кирюха закашлялся отъ басоваго смѣха. Засмѣялся и еще кто-то, а Егорушка покраснѣлъ и окончательно рѣшилъ, что Дымовъ очень злой человѣкъ.

Русый, съ кудрявой головой, безъ шапки и съ разстегнутой на груди рубахой, Дымовъ казался красивымъ и необыкновенно сильнымъ; въ каждомъ его движенiи виденъ былъ озорникъ и силачъ, знающiй себѣ цѣну. Онъ поводилъ плечами, подбоченивался, говорилъ и смѣялся громче всѣхъ, и имѣлъ такой видъ, какъ будто собирался поднять одной рукой что-то очень тяжелое и удивить этимъ весь мiръ. Его шальной насмѣшливый взглядъ скользилъ по дорогѣ, по обозу и по небу, ни на чемъ не останавливался и, казалось, искалъ, кого бы убить отъ нечего дѣлать и надъ чѣмъ бы посмѣяться. Повидимому, онъ никого не боялся, ничѣмъ не стѣснялъ себя и, вѣроятно, совсѣмъ не интересовался мнѣнiемъ Егорушки... А Егорушка ужъ всей душой ненавидѣлъ его русую голову, чи-

тое лицо и силу, съ отвращенiемъ и страхомъ лушалъ его смѣхъ и придумывалъ, какое бы ранное слово сказать ему въ отместку.

Пантелей тоже подошелъ къ ведру. Онъ вы-улъ изъ кармана зеленый лампадный стакан-икъ, вытеръ его тряпочкой, зачерпнулъ имъ изъ едра и выпилъ, потомъ еще разъ зачерпнулъ, авернулъ стаканчикъ въ тряпочку и положилъ го обратно въ карманъ.

— Дѣдъ, зачѣмъ ты пьешь изъ лампадки? — удивился Егорушка.

— Кто пьетъ изъ ведра, а кто изъ лампадки, — отвѣтилъ уклончиво старикъ. — Каждый по-воему... Ты изъ ведра пьешь, ну и пей на доровье...

— Голубушка моя, матушка-красавица, — аговорилъ вдругъ Вася ласковымъ, плачущимъ олосомъ. — Голубушка моя!

Глаза его были устремлены вдаль, они за-аслились, улыбались и лицо приняло такое же ыраженiе, какое у него было ранѣе, когда онъ лядѣлъ на Егорушку.

— Кому это ты? — спросилъ Кирюха.

— Лисичка-матушка... легла на спину и играетъ, словно собачка...

Всѣ стали смотрѣть вдаль и искать глазами исицу, но ничего не нашли. Одинъ только Вася идѣлъ что-то своими мутными, сѣрыми глазками и восхищался. Зрѣнiе у него, какъ потомъ убѣ-дился Егорушка, было поразительно острое. Онъ идѣлъ такъ хорошо, что бурая пустынная степь ыла для него всегда полна жизни и содержанiя. Стоило ему только вглядѣться вдаль, чтобы уви-дѣть лисицу, зайца, дрохву, или другое какое-

нибудь животное, держащее себя подальше отъ людей. Немудрено увидѣть убѣгающаго зайца или летящую дрохву — это видѣлъ всякій, проѣзжавшій степью, — но не всякому доступно видѣть дикихъ животныхъ въ ихъ домашней жизни, когда они не бѣгутъ, не прячутся и не глядятъ встревоженно по сторонамъ. А Вася видѣлъ играющихъ лисицъ, зайцевъ, умывающихся лапками, дрохвъ, расправляющихъ крылья, стрепетовъ, выбивающихъ свои «точки». Благодаря такой остротѣ зрѣнія, кромѣ міра, который видѣли всѣ, у Васи былъ еще другой міръ, свой собственный, никому недоступный и, вѣроятно, очень хорошій, потому что, когда онъ глядѣлъ и восхищался, трудно было не завидовать ему.

Когда обозъ тронулся дальше, въ церкви зазвонили къ обѣднѣ.

V

Обозъ расположился въ сторонѣ отъ деревни на берегу рѣки. Солнце жгло по-вчерашнему, воздухъ былъ неподвиженъ и унылъ. На берегу стояло нѣсколько вербъ, но тѣнь отъ нихъ падала не на землю, а на воду, гдѣ пропадала даромъ, въ тѣни же подъ возами было душно и скучно. Вода, голубая оттого, что въ ней отражалось небо, страстно манила къ себѣ.

Подводчикъ Степка, на котораго только теперь обратилъ вниманіе Егорушка, восемнадцатилѣтній мальчикъ-хохолъ, въ длинной рубахѣ, безъ пояса и въ широкихъ шароварахъ на выпускъ, болтавшихся при ходьбѣ, какъ флаги, быстро

раздѣлся, сбѣжалъ внизъ по крутому бережку и бултыхнулся въ воду. Онъ раза три нырнулъ, потомъ поплылъ на спинѣ и закрылъ отъ удовольствія глаза. Лицо его улыбалось и морщилось, какъ будто ему было щекотно, больно и смѣшно.

Въ жаркій день, когда некуда дѣваться отъ зноя и духоты, плескъ воды и громкое дыханіе купающагося человѣка дѣйствуютъ на слухъ, какъ хорошая музыка. Дымовъ и Кирюха, глядя на Степку, быстро раздѣлись и одинъ за другимъ, съ громкимъ смѣхомъ и предвкушая наслажденіе, попадали въ воду. И тихая, скромная рѣчка огласилась фырканьемъ, плескомъ и крикомъ. Кирюха кашлялъ, смѣялся и кричалъ такъ, какъ будто его хотѣли утопить, а Дымовъ гонялся за нимъ и старался схватить его за ногу.

— Ге-ге-ге! — кричалъ онъ. — Лови, держи его!

Кирюха хохоталъ и наслаждался, но выраженіе лица у него было такое же, какъ и на сушѣ: глупое, ошеломленное, какъ будто кто незамѣтно подкрался къ нему сзади и хватилъ его обухомъ по головѣ. Егорушка тоже раздѣлся, но не спускался внизъ по бережку, а разбѣжался и полетѣлъ съ полутора-саженной вышины. Описавъ въ воздухѣ дугу, онъ упалъ въ воду, глубоко погрузился, но дна не досталъ; какая-то сила, холодная и пріятная на ощупь, подхватила его и понесла обратно наверхъ. Онъ вынырнулъ и, фыркая, пуская пузыри, открылъ глаза; но на рѣкѣ какъ разъ возлѣ его лица отражалось солнце. Сначала ослѣпительныя искры, потомъ радуги и темныя пятна заходили въ его глазахъ;

онъ поспѣшилъ опять нырнуть, открылъ въ водѣ глаза и увидѣлъ что-то мутно-зеленое, похожее на небо въ лунную ночь. Опять та же сила, не давая ему коснуться дна и побыть въ прохладѣ, понесла его наверхъ, онъ вынырнулъ и вздохнулъ такъ глубоко, что стало просторно и свѣжо не только въ груди, но даже въ животѣ. Потомъ, чтобы взять отъ воды все, что только можно взять, онъ позволялъ себѣ всякую роскошь: лежалъ на спинѣ и нѣжился, брызгался, кувыркался, плавалъ и на животѣ, и бокомъ, и на спинѣ, и въ стоячую — какъ хотѣлъ, пока не утомился. Другой берегъ густо поросъ камышомъ, золотился на солнцѣ, и камышевые цвѣты красивыми кистями наклонились къ водѣ. На одномъ мѣстѣ камышъ вздрагивалъ, кланялся своими цвѣтами и издавалъ трескъ — то Степка и Кирюха «драли» раковъ.

— Ракъ! Гляди, братцы: ракъ! — закричалъ торжествующе Кирюха и показалъ дѣйствительно рака.

Егорушка поплылъ къ камышу, нырнулъ и сталъ шарить около камышевыхъ кореньевъ. Копаясь въ жидкомъ, осклизломъ илѣ, онъ нащупалъ что-то острое и противное, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ рака, но въ это время кто-то схватилъ его за ногу и потащилъ наверхъ. Захлебываясь и кашляя, Егорушка открылъ глаза и увидѣлъ передъ собой мокрое, смѣющееся лицо озорника Дымова. Озорникъ тяжело дышалъ и, судя по глазамъ, хотѣлъ продолжать шалить. Онъ крѣпко держалъ Егорушку за ногу и ужъ поднялъ другую руку, чтобы схватить его за шею, но Егорушка съ отвращеніемъ и со страхомъ,

точно брезгуя и боясь, что силачъ его утопитъ, рванулся отъ него и проговорилъ:

— Дуракъ, я тебѣ въ морду дамъ!

Чувствуя, что этого недостаточно для выраженія ненависти, онъ подумалъ и прибавилъ:

— Мерзавецъ! Сукинъ сынъ!

А Дымовъ, какъ ни въ чемъ не бывало, уже не замѣчалъ Егорушки, а плылъ къ Кирюхѣ и кричалъ:

— Ге-ге-гей! Давайте рыбу ловить! Ребята, рыбу ловить!

— А что жъ? — согласился Кирюха. — Должно, тутъ много рыбы...

— Степка, побѣги на деревню, попроси у мужиковъ бредня!

— Не дадутъ!

— Дадутъ! Ты попроси! Скажи, чтобъ они замѣсто Христа-ради, потому мы все равно — странники.

— Это вѣрно!

Степка вылѣзъ изъ воды, быстро одѣлся и безъ шапки, болтая своими широкими шароварами, побѣжалъ къ деревнѣ. Послѣ столкновенія съ Дымовымъ вода потеряла уже для Егорушки всякую прелесть. Онъ вылѣзъ и сталъ одѣваться. Пантелей и Вася сидѣли на крутомъ берегу, свѣсивъ внизъ ноги, и глядѣли на купающихся. Емельянъ голый стоялъ по колѣна въ водѣ у самаго берега, держался одной рукой за траву, чтобы не упасть, а другою гладилъ себя по тѣлу. Съ костистыми лопатками, съ шишкой подъ глазомъ, согнувшійся и явно трусившій воды, онъ представлялъ изъ себя смѣшную фигуру. Лицо у него было серьезное, строгое, глядѣлъ онъ на

воду сердито, какъ будто собирался выбранить ее за то, что она когда-то простудила его въ Донцѣ и отняла у него голосъ.

— А ты отчего не купаешься? — спросилъ Егорушка у Васи.

— А такъ... Не люблю... — отвѣтилъ Вася.

— Отчего это у тебя подбородокъ распухъ?

— Болитъ... Я, паничокъ, на спичечной фабрикѣ работалъ... Докторъ сказывалъ, что отъ этого самаго у меня и черлюсть пухнетъ. Тамъ воздухъ нездоровый. А кромѣ меня, еще у троихъ ребятъ черлюсть раздуло, а у одного такъ совсѣмъ сгнила.

Скоро вернулся Степка съ бреднемъ. Дымовъ и Кирюха отъ долгаго пребыванія въ водѣ стали лиловыми и охрипли, но за рыбную ловлю принялись съ охотой. Сначала они пошли по глубокому мѣсту, вдоль камыша; тутъ Дымову было по шею, а малорослому Кирюхѣ съ головой; послѣдній захлебывался и пускалъ пузыри, а Дымовъ, натыкаясь на колючіе корни, падалъ и путался въ бреднѣ, оба барахтались и шумѣли, и изъ ихъ рыбной ловли выходила одна шалость.

— Глыбоко, — хрипѣлъ Кирюха. — Ничего не поймаешь!

— Не дергай, чортъ! — кричалъ Дымовъ, стараясь придать бредню надлежащее положеніе. — Держи руками!

— Тутъ вы не поймаете! — кричалъ имъ съ берега Пантелей. — Только рыбу пужаете, дурни! Забирайте влѣво! Тамъ мельчѣе!

Разъ надъ бреднемъ блеснула крупная рыбешка; всѣ ахнули, а Дымовъ ударилъ кулакомъ

по тому мѣсту, гдѣ она исчезла, и на лицѣ его выразилась досада.

— Эхъ! — крякнулъ Пантелей и притопнулъ ногами. — Прозѣвали чикамаса! Ушелъ!

Забирая влѣво, Дымовъ и Кирюха мало-помалу выбрались на мелкое и тутъ ловля пошла настоящая. Они забрели отъ подводъ шаговъ на триста; видно было, какъ они, молча и еле двигая ногами, стараясь забирать возможно глубже и поближе къ камышу, волокли бредень, какъ они, чтобы испугать рыбу и загнать ее къ себѣ въ бредень, били кулаками по водѣ и шуршали въ камышѣ. Отъ камыша они шли къ другому берегу, тащили тамъ бредень, потомъ съ разочарованнымъ видомъ, высоко поднимая колѣна, шли обратно къ камышу. О чемъ-то они говорили, но о чемъ — не было слышно. А солнце жгло имъ въ спины, кусались мухи, и тѣла ихъ изъ лиловыхъ стали багровыми. За ними съ ведромъ въ рукахъ, засучивъ рубаху подъ самыя подмышки и держа ее зубами за подолъ, ходилъ Степка. Послѣ каждой удачной ловли онъ поднималъ вверхъ какую-нибудь рыбу и, блестя ею на солнцѣ, кричалъ:

— Поглядите, какой чикамасъ! Такихъ ужъ штукъ пять есть!

Видно было, какъ, вытащивъ бредень, Дымовъ, Кирюха и Степка всякій разъ долго копались въ илѣ, что-то клали въ ведро, что-то выбрасывали; изрѣдка что-нибудь попавшее въ бредень они брали съ рукъ на руки, разсматривали съ любопытствомъ, потомъ тоже бросали...

— Что тамъ? — кричали имъ съ берега.

Степка что-то отвѣчалъ, но трудно было разобрать его слова. Вотъ онъ вылѣзъ изъ воды и, держа ведро обѣими руками, забывая опустить рубаху, побѣжалъ къ подводамъ.

— Уже полное! — кричалъ онъ, тяжело дыша. — Давайте другое!

Егорушка заглянулъ въ ведро: оно было полно; изъ воды высовывала свою некрасивую морду молодая щука, а возлѣ нея копошились раки и мелкія рыбешки. Егорушка запустилъ руку на дно и взболталъ воду; щука исчезла подъ раками, а вмѣсто нея всплыли наверхъ окунь и линь. Вася тоже заглянулъ въ ведро. Глаза его замаслились и лицо стало ласковымъ, какъ раньше, когда онъ видѣлъ лисицу. Онъ вынулъ что-то изъ ведра, поднесъ ко рту и сталъ жевать. Послышалось хрустѣнье.

— Братцы, — удивился Степка: — Васька пискаря живьемъ ѣстъ! Тьфу!

— Это не пискарь, а бобырикъ, — покойно отвѣтилъ Вася, продолжая жевать.

Онъ вынулъ изо рта рыбій хвостикъ, ласково поглядѣлъ на него и опять сунулъ въ ротъ. Пока онъ жевалъ и хрустѣлъ зубами, Егорушкѣ казалось, что онъ видитъ передъ собой не человѣка. Пухлый подбородокъ Васи, его тусклые глаза, необыкновенно острое зрѣніе, рыбій хвостикъ во рту и ласковость, съ какою онъ жевалъ пискаря, дѣлали его похожимъ на животное.

Егорушкѣ стало скучно возлѣ него. Да и рыбная ловля уже кончилась. Онъ прошелся около возовъ, подумалъ и отъ скуки поплелся къ деревнѣ.

Немного погодя, онъ уже стоялъ въ церкви и, положивъ лобъ на чью-то спину, пахнувшую коноплей, слушалъ, какъ пѣли на клиросѣ. Обѣдня уже близилась къ концу. Егорушка ничего не понималъ въ церковномъ пѣніи и былъ равнодушенъ къ нему. Онъ послушалъ немного, зѣвнулъ и сталъ разсматривать затылки и спины. Въ одномъ затылкѣ, рыжемъ и мокромъ отъ недавняго купанья, онъ узналъ Емельяна. Затылокъ былъ выстриженъ подъ скобку и выше, чѣмъ принято; виски были тоже выстрижены выше, чѣмъ слѣдуетъ, и красныя уши Емельяна торчали, какъ два лопуха, и, казалось, чувствовали себя не на своемъ мѣстѣ. Глядя на затылокъ и на уши, Егорушка почему-то подумалъ, что Емельянъ, вѣроятно, очень несчастливъ. Онъ вспомнилъ его дирижированіе, сиплый голосъ, робкій видъ во время купанья и почувствовалъ къ нему сильную жалость. Ему захотѣлось сказать что-нибудь ласковое.

— А я здѣсь! — сказалъ онъ, дернувъ его за рукавъ.

Люди, поющіе въ хорѣ теноромъ или басомъ, особенно тѣ, которымъ хоть разъ въ жизни приходилось дирижировать, привыкаютъ смотрѣть на мальчиковъ строго и нелюдимо. Эту привычку не оставляютъ они и потомъ, переставая быть пѣвчими. Обернувшись къ Егорушкѣ, Емельянъ поглядѣлъ на него исподлобья и сказалъ:

— Не балуйся въ церкви!

Затѣмъ Егорушка пробрался впередъ поближе къ иконостасу. Тутъ онъ увидѣлъ интересныхъ людей. Впереди всѣхъ по правую сторону на коврѣ стояли какіе-то господинъ и дама. По-

зади нихъ стояло по стулу. Господинъ былъ одѣтъ въ свѣже-выглаженную чечунчовую пару, стоялъ неподвижно, какъ солдатъ, отдающій честь, и высоко держалъ свой синій, бритый подбородокъ. Въ его стоячихъ воротничкахъ, въ синевѣ подбородка, въ небольшой лысинѣ и въ трости чувствовалось очень много достоинства. Отъ избытка достоинства шея его была напряжена и подбородокъ тянуло вверхъ съ такой силой, что голова, казалось, каждую минуту готова была оторваться и полетѣть вверхъ. А дама, полная и пожилая, въ бѣлой шелковой шали, склонила голову на бокъ и глядѣла такъ, какъ будто только-что сдѣлала кому-то одолженіе и хотѣла сказать: — «Ахъ, не безпокойтесь благодарить! Я этого не люблю...» Вокругъ ковра густой стѣной стояли хохлы.

Егорушка подошелъ къ иконостасу и сталъ прикладываться къ мѣстнымъ иконамъ. Передъ каждымъ образомъ онъ не спѣша клалъ земной поклонъ, не вставая съ земли, оглядывался назадъ на народъ, потомъ вставалъ и прикладывался. Прикосновеніе лбомъ къ холодному полу доставляло ему большое удовольствіе. Когда изъ алтаря вышелъ сторожъ съ длинными щипцами, чтобы тушить свѣчи, Егорушка быстро вскочилъ съ земли и побѣжалъ къ нему.

— Раздавали ужъ просфору? — спросилъ онъ.

— Нѣту, нѣту... — угрюмо забормоталъ сторожъ. — Нечего тутъ...

Обѣдня кончилась. Егорушка не спѣша вышелъ изъ церкви и пошелъ бродить по площади. На своемъ вѣку перевидалъ онъ не мало дере-

зень, площадей и мужиковъ, и все, что теперь попадалось ему на глаза, совсѣмъ не интересовало его. Отъ нечего дѣлать, чтобы хоть чѣмъ-нибудь убить время, онъ зашелъ въ лавку, надъ дверями которой висѣла широкая, кумачовая полоса. Лавка состояла изъ двухъ просторныхъ, плохо освѣщенныхъ половинъ: въ одной продавались красный товаръ и бакалея, а въ другой стояли бочки съ дегтемъ и висѣли на потолкѣ хомуты; изъ той, другой, шелъ вкусный запахъ кожи и дегтя. Полъ въ лавкѣ былъ политъ; поливалъ его, вѣроятно, большой фантазеръ и вольнодумецъ, потому что весь онъ былъ покрытъ узорами и кабалистическими знаками. За прилавкомъ, опершись животомъ о конторку, стоялъ откормленный лавочникъ съ широкимъ лицомъ и съ круглой бородой, повидимому, великороссъ. Онъ пилъ чай въ прикуску и послѣ каждаго глотка испускалъ глубокій вздохъ. Лицо его выражало совершенное равнодушіе, но въ каждомъ вздохѣ слышалось: «Ужо погоди, задамъ я тебѣ!»

— Дай мнѣ на копейку подсолнуховъ! — обратился къ нему Егорушка.

Лавочникъ поднялъ брови, вышелъ изъ-за прилавка и всыпалъ въ карманъ Егорушки на копейку подсолнуховъ, причемъ мѣрой служила пустая помадная баночка. Егорушкѣ не хотѣлось уходить. Онъ долго разсматривалъ ящики съ пряниками, подумалъ и спросилъ, указывая на мелкіе вяземскіе пряники, на которыхъ отъ давности лѣтъ выступила ржавчина:

— Почемъ эти пряники?

— Копейка пара.

Егорушка досталъ изъ кармана пряникъ, подаренный ему вчера еврейкой, и спросилъ:

— А такіе пряники у тебя почемъ?

Лавочникъ взялъ въ руки пряникъ, оглядѣлъ его со всѣхъ сторонъ и поднялъ одну бровь.

— Такіе? — спросилъ онъ.

Потомъ поднялъ другую бровь, подумалъ и отвѣтилъ:

— Три копейки пара...

Наступило молчаніе.

— Вы чьи? — спросилъ лавочникъ, наливая себѣ чаю изъ краснаго мѣднаго чайника.

— Племянникъ Ивана Иваныча.

— Иваны Иванычи разные бываютъ, — вздохнулъ лавочникъ; онъ поглядѣлъ черезъ Егорушкину голову на дверь, помолчалъ и спросилъ: — Чайку не желаете ли?

— Пожалуй... — согласился Егорушка съ нѣкоторой неохотой, хотя чувствовалъ сильную тоску по утреннемъ чаѣ.

Лавочникъ налилъ ему стаканъ и подалъ вмѣстѣ съ огрызеннымъ кусочкомъ сахару. Егорушка сѣлъ на складной стулъ и сталъ пить. Онъ хотѣлъ еще спросить, сколько стоитъ фунтъ миндаля въ сахарѣ и только-что завелъ объ этомъ рѣчь, какъ вошелъ покупатель, и хозяинъ, отставивъ въ сторону свой стаканъ, занялся дѣломъ. Онъ повелъ покупателя въ ту половину, гдѣ пахло дегтемъ, и долго о чемъ-то разговаривалъ съ нимъ. Покупатель, человѣкъ, повидимому, очень упрямый и себѣ на умѣ, все время въ знакъ несогласія моталъ головой и пятился къ двери. Лавочникъ убѣдилъ его въ чемъ-то и началъ сыпать ему овесъ въ большой мѣшокъ.

— Хиба це овесъ? — сказалъ печально покупатель. — Це не овесъ, а полова, курамъ на смихъ... Ни, пиду къ Бондаренку!

Когда Егорушка вернулся къ рѣкѣ, на берегу дымилъ небольшой костеръ. Это подводчики варили себѣ обѣдъ. Въ дыму стоялъ Степка и большой зазубренной ложкой мѣшалъ въ котлѣ. Нѣсколько въ сторонѣ, съ красными отъ дыма глазами, сидѣли Кирюха и Вася и чистили рыбу. Передъ ними лежалъ покрытый иломъ и водорослями бредень, на которомъ блестѣла рыба и ползали раки.

Недавно вернувшійся изъ церкви Емельянъ сидѣлъ рядомъ съ Пантелеемъ, помахивалъ рукой и едва слышно напѣвалъ сиплымъ голоскомъ: «Тебѣ поемъ...» Дымовъ бродилъ около лошадей.

Кончивъ чистить, Кирюха и Вася собрали рыбу и живыхъ раковъ въ ведро, всполоснули и изъ ведра вывалили все въ кипѣвшую воду.

— Класть сала? — спросилъ Степка, снимая ложкой пѣну.

— Зачѣмъ? Рыба свой сокъ пуститъ, — отвѣтилъ Кирюха.

Передъ тѣмъ, какъ снимать съ огня котелъ, Степка всыпалъ въ воду три пригоршни пшена и ложку соли; въ заключеніе онъ попробовалъ, почмокалъ губами, облизалъ ложку и самодовольно крякнулъ — это значило, что каша уже готова.

Всѣ, кромѣ Пантелея, сѣли вокругъ котла и принялись работать ложками.

— Вы! Дайте парнишкѣ ложку! — строго замѣтилъ Пантелей. — Чай, небось, тоже ѣсть хочетъ!

— Наша ѣда мужицкая!... — вздохнулъ Кирюха.

— И мужицкая пойдетъ во здравіе, была бы охота.

Егорушкѣ дали ложку. Онъ сталъ ѣсть, но не садясь, а стоя у самаго котла и глядя въ него, какъ въ яму. Отъ каши пахло рыбной сыростью, то-и-дѣло среди пшена попадалась рыбья чешуя: раковъ нельзя было зацѣпить ложкой, и обѣдавшіе доставали ихъ изъ котла прямо руками; особенно не стѣснялся въ этомъ отношеніи Вася, который мочилъ въ кашѣ не только руки, но и рукава. Но каша все-таки показалась Егорушкѣ очень вкусной и напоминала ему раковый супъ, который дома въ постные дни варила его мамаша. Пантелей сидѣлъ въ сторонѣ и жевалъ хлѣбъ.

— Дѣдъ, а ты чего не ѣшь? — спросилъ его Емельянъ.

— Не ѣмъ я раковъ... Ну ихъ! — сказалъ старикъ и брезгливо отвернулся.

Пока ѣли, шелъ общій разговоръ. Изъ этого разговора Егорушка понялъ, что у всѣхъ его новыхъ знакомыхъ, несмотря на разницу лѣтъ и характеровъ, было одно общее, дѣлавшее ихъ похожими другъ на друга; всѣ они были люди съ прекраснымъ прошлымъ и съ очень нехорошимъ настоящимъ; о своемъ прошломъ они, всѣ до одного, говорили съ восторгомъ, къ настоящему же относились почти съ презрѣніемъ. Русскій человѣкъ любитъ вспоминать, но не любитъ жить; Егорушка еще не зналъ этого, и прежде, чѣмъ каша была съѣдена, онъ ужъ глубоко вѣрилъ, что вокругъ котла сидятъ люди

оскорбленные и обиженные судьбой. Пантелей разсказывалъ, что въ былое время, когда еще не было желѣзныхъ дорогъ, онъ ходилъ съ обозами въ Москву и въ Нижній, зарабатывалъ такъ много, что некуда было дѣвать денегъ. А какіе въ то время были купцы, какая рыба, какъ все было дешево! Теперь же дороги стали короче, купцы скупѣе, народъ бѣднѣе, хлѣбъ дороже, все измельчало и сузилось до крайности. Емельянъ говорилъ, что прежде онъ служилъ въ Луганскомъ заводѣ въ пѣвчихъ, имѣлъ замѣчательный голосъ и отлично читалъ ноты, теперь же онъ обратился въ мужика и кормится милостями брата, который посылаетъ его со своими лошадями и беретъ себѣ за это половину заработка. Вася когда-то служилъ на спичечной фабрикѣ; Кирюха жилъ въ кучерахъ у хорошихъ людей и на весь округъ считался лучшимъ троечникомъ. Дымовъ, сынъ зажиточнаго мужика, жилъ въ свое удовольствіе, гулялъ и не зналъ горя, но едва минуло двадцать лѣтъ, какъ строгій, крутой отецъ, желая пріучить его къ дѣлу и боясь, чтобы онъ дома не избаловался, сталъ посылать его въ извозъ, какъ бобыля, работника. Одинъ Степка молчалъ, но и по его безусому лицу видно было, что прежде жилось ему гораздо лучше, чѣмъ теперь.

Вспомнивъ объ отцѣ, Дымовъ пересталъ ѣсть и нахмурился. Онъ исподлобья оглядѣлъ товарищей и остановилъ свой взглядъ на Егорушкѣ.

— Ты, нехристь, сними шапку! — сказалъ онъ грубо. — Нешто можно въ шапкѣ ѣсть? А еще тоже баринъ!

Егорушка снялъ шляпу и не сказалъ ни сло-

ва, но ужъ не понималъ вкуса каши и не слышалъ, какъ вступились за него Пантелей и Вася. Въ его груди тяжело заворочалась злоба противъ озорника, и онъ порѣшилъ во что бы то ни стало сдѣлать ему какое-нибудь зло.

Послѣ обѣда всѣ поплелись къ возамъ и повалились въ тѣнь.

— Дѣдъ, скоро мы поѣдемъ? — спросилъ Егорушка у Пантелея.

— Когда Богъ дастъ, тогда и поѣдемъ... Сейчасъ не поѣдешь, жарко... Охъ, Господи Твоя воля, Владычица... Ложись, парнишка!

Скоро изъ-подъ возовъ послышался храпъ. Егорушка хотѣлъ было опять пойти въ деревню, но подумалъ, позѣвалъ и легъ рядомъ со старикомъ.

VI

Обозъ весь день простоялъ у рѣки и тронулся съ мѣста, когда садилось солнце.

Опять Егорушка лежалъ на тюкѣ, возъ тихо скрипѣлъ и покачивался, внизу шелъ Пантелей, притопывалъ ногами, хлопалъ себя по бедрамъ и бормоталъ; въ воздухѣ по-вчерашнему стрекотала степная музыка.

Егорушка лежалъ на спинѣ и, заложивъ руки подъ голову, глядѣлъ вверхъ на небо. Онъ видѣлъ, какъ зажглась вечерняя заря, какъ потомъ она угасала; ангелы-хранители, застилая горизонтъ своими золотыми крыльями, располагались на ночлегъ; день прошелъ благополучно, наступила тихая, благополучная ночь, и они

могли спокойно сидѣть у себя дома на небѣ... Видѣлъ Егорушка, какъ мало-по-малу темнѣло небо и опускалась на землю мгла, какъ засвѣтились одна за другой звѣзды.

Когда долго, не отрывая глазъ, смотришь на глубокое небо, то почему-то мысли и душа сливаются въ сознаніе одиночества. Начинаешь чувствовать себя непоправимо одинокимъ и все то, что считалъ раньше близкимъ и роднымъ, становится безконечно далекимъ и не имѣющимъ цѣны. Звѣзды, глядящія съ неба уже тысячи лѣтъ, само непонятное небо и мгла, равнодушныя къ короткой жизни человѣка, когда остаешься съ ними съ глазу на глазъ и стараешься постигнуть ихъ смыслъ, гнетутъ душу своимъ молчаніемъ; приходитъ на мысль то одиночество, которое ждетъ каждаго изъ насъ въ могилѣ, и сущность жизни представляется отчаянной, ужасной...

Егорушка думалъ о бабушкѣ, которая спитъ теперь на кладбищѣ подъ вишневыми деревьями; онъ вспомнилъ, какъ она лежала въ гробу съ мѣдными пятаками на глазахъ, какъ потомъ ее прикрыли крышкой и опустили въ могилу; припомнился ему и глухой стукъ комковъ земли о крышку... Онъ представилъ себѣ бабушку въ тѣсномъ и темномъ гробу, всѣми оставленную и безпомощную. Его воображеніе рисовало, какъ бабушка вдругъ просыпается и, не понимая, гдѣ она, стучитъ въ крышку, зоветъ на помощь и, въ концѣ концовъ, изнемогши отъ ужаса, опять умираетъ. Вообразилъ онъ мертвыми мамашу, о. Христофора, графиню Драницкую, Соломона. Но какъ онъ ни старался вообразить себя самого

въ темной могилѣ, вдали отъ дома, брошеннымъ, безпомощнымъ и мертвымъ, это не удавалось ему; лично для себя онъ не допускалъ возможности умереть и чувствовалъ, что никогда не умретъ...

А Пантелей, которому пора уже было умирать, шелъ внизу и дѣлалъ перекличку своимъ мыслямъ.

— Ничего... хорошіе господа... бормоталъ онъ. — Повезли парнишку въ ученье, а какъ онъ тамъ, не слыхать про то... Въ Славяносербскомъ, говорю, нѣту такого заведенія, чтобъ до большого ума доводить... Нѣту, это вѣрно... А парнишка хорошій, ничего... Выростетъ, отцу будетъ помогать. Ты, Егорій, теперь махонькій, а станешь большой, отца-мать кормить будешь. Такъ отъ Бога положено... Чти отца твоего и матерь твою... У меня у самого были дѣтки, да погорѣли... И жена сгорѣла, и дѣтки... Это вѣрно, подъ Крещенье ночью загорѣлась изба... Меня-то дома не было, я въ Орелъ ѣздилъ. Въ Орелъ... Марья-то выскочила на улицу, да вспомнила, что дѣти въ избѣ спятъ, побѣжала назадъ и сгорѣла съ дѣтками... Да... На другой день однѣ только косточки нашли.

Около полуночи подводчики и Егорушка опять сидѣли вокругъ небольшого костра. Пока разгорался бурьянъ, Кирюха и Вася ходили за водой куда-то въ балочку; они исчезли въ потемкахъ, но все время слышно было, какъ они звякали ведрами и разговаривали; значитъ, балочка была недалеко. Свѣтъ отъ костра лежалъ на землѣ большимъ, мигающимъ пятномъ; хотя и

свѣтила луна, но за краснымъ пятномъ все казалось непроницаемо-чернымъ. Подводчикамъ свѣтъ билъ въ глаза, и они видѣли только часть большой дороги; въ темнотѣ едва замѣтно въ видѣ горъ неопредѣленной формы обозначались возы съ тюками и лошади. Въ двадцати шагахъ отъ костра, на границѣ дороги съ полемъ стоялъ деревянный могильный крестъ, покосившійся въ сторону. Егорушка, когда еще не горѣлъ костеръ и можно было видѣть далеко, замѣтилъ, что точно такой же старый, покосившійся крестъ стоялъ на другой сторонѣ большой дороги.

Вернувшись съ водой, Кирюха и Вася налили полный котелъ и укрѣпили его на огнѣ. Степка съ зазубренной ложкой въ рукахъ занялъ свое мѣсто въ дыму около котла и, задумчиво глядя на воду, сталъ дожидаться, пока покажется пѣна. Пантелей и Емельянъ сидѣли рядомъ, молчали и о чемъ-то думали. Дымовъ лежалъ на животѣ, подперевъ кулаками голову, и глядѣлъ на огонь; тѣнь отъ Степки прыгала по немъ, отчего красивое лицо его то покрывалось потемками, то вдругъ вспыхивало... Кирюха и Вася бродили поодаль и собирали для костра бурьянъ и берестъ. Егорушка, заложивъ руки въ карманы, стоялъ около Пантелея и смотрѣлъ, какъ огонь ѣлъ траву.

Всѣ отдыхали, о чемъ-то думали, мелькомъ поглядывали на крестъ, по которому прыгали красныя пятна. Въ одинокой могилѣ есть что-то грустное, мечтательное и въ высокой степени поэтическое... Слышно, какъ она молчитъ, и въ этомъ молчаніи чувствуется присутствіе души неизвѣстнаго человѣка, лежащаго подъ кре-

стомъ. Хорошо ли этой душѣ въ степи? Не тоскуетъ ли она въ лунную ночь? А степь возлѣ могилы кажется грустной, унылой и задумчивой, трава печальнѣй и, кажется, что кузнецы кричатъ сдержаннѣй... И нѣтъ того прохожаго, который не помянулъ бы одинокой души и не оглядывался бы на могилу до тѣхъ поръ, пока она не останется далеко позади и не покроется мглою...

— Дѣдъ, зачѣмъ это крестъ стоитъ? — спросилъ Егорушка.

Пантелей поглядѣлъ на крестъ, потомъ на Дымова и спросилъ:

— Микола, это, бываетъ, не то мѣсто, гдѣ косари купцовъ убили?

Дымовъ нехотя приподнялся на локтѣ, посмотрѣлъ на дорогу и отвѣтилъ:

— Оно самое...

Наступило молчаніе. Кирюха затрещалъ сухой травой, смялъ ее въ комъ и сунулъ подъ котелъ. Огонь ярко вспыхнулъ, Степку обдало чернымъ дымомъ, и въ потемкахъ по дорогѣ около возовъ пробѣжала тѣнь отъ креста.

— Да, убили... — сказалъ нехотя Дымовъ. — Купцы, отецъ съ сыномъ, ѣхали образа продавать. Остановились тутъ недалече въ постояломъ дворѣ, что теперь Игнатъ Ѳомичъ держитъ. Старикъ выпилъ лишнее и сталъ хвалиться, что у него съ собой денегъ много. Купцы, извѣстно, народъ хвастливый, не дай Богъ... Не утерпитъ, чтобъ не показать себя передъ нашимъ братомъ въ лучшемъ видѣ. А въ ту пору на постояломъ дворѣ косари ночевали. Ну, услы-

хали это онѝ, какъ купецъ хвастаетъ, и взяли себѣ во вниманіе.

— О, Господи... Владычица! — вздохнулъ Пантелей.

— На другой день чуть свѣтъ, — продолжалъ Дымовъ: — купцы собрались въ дорогу, а косари съ ними ввязались. «Пойдемъ, ваше степенство, вмѣстѣ. Веселѣй да и опаски меньше, потому здѣсь мѣсто глухое...» Купцы, чтобъ образовъ не побить, шагомъ ѣхали, а косарямъ это на руку...

Дымовъ сталъ на колѣни и потянулся.

— Да, — продолжалъ онъ, зѣвая. — Все ничего было, а какъ только купцы доѣхали до этого мѣста, косари и давай чистить ихъ косами. Сынъ, молодецъ былъ, выхватилъ у одного косу и тоже давай чистить... Ну, конечно, тѣ одолѣли, потому ихъ человѣкъ восемь было. Изрѣзали купцовъ такъ, что живого мѣста на тѣлѣ не осталося; кончили свое дѣло и стащили съ дороги обоихъ, отца на одну сторону, а сына на другую. Супротивъ этого креста на той сторонѣ еще другой крестъ есть... Цѣлъ ли — не знаю... Отсюда не видать.

— Цѣлъ, — сказалъ Кирюха.

— Сказываютъ, денегъ потомъ нашли мало.

— Мало, — подтвердилъ Пантелей. — Рублей сто нашли.

— Да, а трое изъ нихъ потомъ померли, потому купецъ ихъ тоже больно косой порѣзалъ... Кровью сошли. Одному купецъ руку отхватилъ, такъ тотъ, сказываютъ, версты четыре безъ руки бѣжалъ, и подъ самымъ Куриковымъ его на бугорочкѣ нашли. Сидитъ на

корточкахъ, голову на колѣни положилъ, словно задумавшись, а поглядѣли — въ немъ души нѣтъ, померъ...

— По кровяному слѣду его нашли... — сказалъ Пантелей.

Всѣ посмотрѣли на крестъ, и опять наступила тишина. Откуда-то, вѣроятно изъ балочки, донесся грустный крикъ птицы: «сплю! сплю! сплю!..»

— Злыхъ людей много на свѣтѣ, — сказалъ Емельянъ.

— Много, много! — подтвердилъ Пантелей и придвинулся поближе къ огню съ такимъ выраженіемъ, какъ будто ему становилось жутко. — Много, — продолжалъ онъ вполголоса. — Перевидалъ я ихъ на своемъ вѣку видимо-невидимо... Злыхъ-то людей... Святыхъ и праведныхъ видѣлъ много, а грѣшныхъ и не перечесть... Спаси и помилуй, Царица Небесная... Помню разъ, годовъ триддать назадъ, а можетъ и больше, везъ я купца изъ Моршанска. Купецъ былъ славный, видный изъ себя и при деньгахъ... купецъ-то... Хорошій человѣкъ, ничего... Вотъ, стало быть, ѣхали мы и остановились ночевать въ постояломъ дворѣ. А въ Россіи постоялые дворы не то, что въ здѣшнемъ краю. Тамъ дворы крытые на манеръ базовъ, или, скажемъ, какъ клуни въ хорошихъ экономіяхъ. Только клуни повыше будутъ. Ну, остановились мы и ничего себѣ. Купецъ мой въ комнаткѣ, я при лошадяхъ, и все какъ слѣдуетъ быть. Такъ вотъ, братцы, помолился я Богу, чтобъ, значитъ, спать, и пошелъ походить по двору. А ночь была темная, зги не видать, хоть

не гляди вовсе. Прошелся я этакъ немножко, вотъ какъ до возовъ, примѣрно, и вижу — огонь брезжится. Что за притча? Кажись, и хозяева давно спать положились, и акромя меня съ купцомъ другихъ постояльцевъ не было... Откуда огню быть? Взяло меня сумнѣніе... Подошелъ я поближе... къ огню-то... Господи, помилуй и спаси, Царица Небесная! Смотрю, а у самой земли окошечко съ рѣшеткой... въ домѣ-то... Легъ я на землю и поглядѣлъ; какъ поглядѣлъ, такъ по всему моему тѣлу и пошелъ морозъ...

Кирюха, стараясь не шумѣть, сунулъ въ костеръ пукъ бурьяна. Дождавшись, когда бурьянъ пересталъ трещать и шипѣть, старикъ продолжалъ:

— Поглядѣлъ я туда, а тамъ подвалъ, большой такой, темный да сумный... На бочкѣ фонарикъ горитъ. Посреди подвала стоятъ человѣкъ десять народу въ красныхъ рубахахъ, засучили рукава и длинные ножики точатъ... Эгэ! Ну, значитъ, мы въ шайку попали, къ разбойникамъ... Что тутъ дѣлать? Побѣгъ я къ купцу, разбудилъ его потихоньку и говорю: «Ты, говорю, купецъ, не пужайся, а дѣло наше плохо... Мы, говорю, въ разбойничье гнѣздо попали». Онъ смѣнился съ лица и спрашиваетъ: — «Что жъ мы теперь, Пантелей, дѣлать станемъ? При мнѣ денегъ сиротскихъ много... Насчетъ души, говоритъ, моей воленъ Господь Богъ, не боюсь помереть, а, говоритъ, страшно сиротскія деньги загубить»... Что тутъ прикажешь дѣлать? Ворота запертыя, некуда ни выѣхать, ни выйти... Будь заборъ, черезъ заборъ перелѣзть можно, а то дворъ крытый!.. —

«Ну, говорю, купецъ, ты не пужайся, а молись Богу. Можетъ, Господь не захочетъ сиротъ обижать. Оставайся, говорю, и виду не подавай, а я тѣмъ временемъ, можетъ, и придумаю что . . .» Ладно . . . Помолился я Богу, и наставилъ меня Богъ на умъ . . . Взлѣзъ я на свой тарантасъ и тихонько . . . тихонько, чтобъ никто не слыхалъ, сталъ обдирать солому въ стрехѣ, продѣлалъ дырку и вылѣзъ наружу. Наружу-то . . . Потомъ прыгнулъ я съ крыши и побѣгъ по дорогѣ, что есть духу. Бѣжалъ я, бѣжалъ, замучился до смерти . . . Можетъ, верстъ пять пробѣжалъ однимъ духомъ, а то и больше . . . Благодарить Бога, вижу — стоитъ деревня. Подбѣжалъ я къ избѣ, сталъ стучать въ окно. — «Православные, говорю, такъ и такъ, молъ, не дайте христіанскую душу загубить . . .» Побудилъ всѣхъ . . . Собрались мужики и пошли со мной . . . Кто съ веревкой, кто съ дубьемъ, кто съ вилами . . . Сломали мы это въ постоялом дворѣ ворота и сейчасъ въ подвалъ . . . А разбойники ножики-то ужъ поточили и собрались купца рѣзать. Забрали ихъ мужики всѣхъ какъ есть, перевязали и повели къ начальству. Купецъ имъ на радостяхъ три сотенныхъ пожертвовалъ, а мнѣ пять лобанчиковъ далъ и имя мое въ поминанье къ себѣ записалъ. Сказываютъ, потомъ въ подвалѣ костей человѣчьихъ нашли видимо-невидимо. Костей-то . . . Они, значитъ, грабили народъ, а потомъ зарывали, чтобъ слѣдовъ не было . . . Ну, потомъ ихъ въ Моршанскѣ черезъ палачей наказывали.

Пантелей кончилъ разсказъ и оглядѣлъ своихъ слушателей. Тѣ молчали и смотрѣли на

него. Вода уже кипѣла, и Степка снималъ пѣну.

— Сало-то готово? — спросилъ его шопотомъ Кирюха.

— Погоди маленько... Сейчасъ.

Степка, не отрывая глазъ отъ Пантелея и какъ бы боясь, чтобъ тотъ не началъ безъ него разсказывать, побѣжалъ къ возамъ; скоро онъ вернулся съ небольшой деревянной чашкой и сталъ растирать въ ней свиное сало.

— Ѣхалъ я въ другой разъ тоже съ купцомъ... — продолжалъ Пантелей попрежнему вполголоса и не мигая глазами. — Звали его, какъ теперь помню, Петръ Григорьичъ. Хорошій былъ человѣкъ... купецъ-то... Остановились мы такимъ же манеромъ на постояломъ дворѣ... Онъ въ комнаткѣ, я при лошадяхъ... Хозяева, мужъ и жена, народъ какъ будто хорошій, ласковый, работники тоже словно бы ничего, а только, братцы, не могу спать, чуетъ мое сердце! Чуетъ, да и шабашъ. И ворота отпертыя, и народу кругомъ много, а все какъ будто страшно, не по себѣ. Всѣ давно позаснули, ужъ совсѣмъ ночь, скоро вставать надо, а я одинъ только лежу у себя въ кибиткѣ и глазъ не смыкаю, словно сычъ какой. Только, братцы, это самое, слышу: тупъ! тупъ! тупъ! Кто-то къ кибиткѣ крадется. Высовываю голову, гляжу — стоитъ баба въ одной рубахѣ, босая... «Что тебѣ, говорю, бабочка?» А она вся трясется, это самое, лица на ней нѣтъ... «Вставай, говоритъ, добрый человѣкъ! Бѣда... Хозяева лихо задумали... Хотятъ твоего купца порѣшить. Сама, говоритъ, слыхала, какъ хозяинъ

съ хозяйкой шептались...» Ну, недаромъ сердце болѣло! «Кто же ты сама?» — спрашиваю. «А я, говоритъ, ихняя стряпуха...» Ладно... Вылѣзъ я изъ кибитки и пошелъ къ купцу. Разбудилъ его и говорю: «Такъ и такъ, говорю, Петръ Григорьичъ, дѣло не совсѣмъ чисто... Успѣешь, ваше степенство, выспаться, а теперь, пока есть время, одѣвайся, говорю, да по добру-здорову подальше отъ грѣха...» Только-что онъ сталъ одѣваться, какъ дверь отворилась и здравствуйте... гляжу — Мать-Царица! — входятъ къ намъ въ комнатку хозяинъ съ хозяйкой и три работника... Значитъ, и работниковъ подговорили... Денегъ у купца много, такъ вотъ, молъ, подѣлимъ... У всѣхъ у пятерыхъ въ рукахъ по ножику длинному... По ножику-то... Заперъ хозяинъ на замокъ двери и говоритъ: — «Молитесь, проѣзжіе, Богу... А ежели, говоритъ, кричать станете, то и помолиться не дадимъ передъ смертью...» Гдѣ ужъ тутъ кричать? У насъ отъ страху и глотку завалило, не до крику тутъ... Купецъ заплакалъ и говоритъ: «Православные! Вы, говоритъ, порѣшили меня убить, потому на мои деньги польстились. Такъ тому и быть, не я первый, не я послѣдній; много ужъ нашего брата-купца на постоялыхъ дворахъ перерѣзано. Но за что же, говоритъ, братцы православные, моего извозчика убивать? Какая ему надобность за мои деньги муки принимать?» И такъ это жалостно говоритъ! А хозяинъ ему: — «Ежели, говоритъ, мы его въ живыхъ оставимъ, такъ онъ первый на насъ доказчикъ. Все равно, говоритъ, что одного убить, что двухъ. Семь бѣдъ,

одинъ отвѣтъ... Молитесь Богу, вотъ и все тутъ, а разговаривать нечего!» Стали мы съ купцомъ рядышкомъ на колѣнки, заплакали и давай Бога молить. Онъ дѣтокъ своихъ вспоминаетъ, я въ ту пору еще молодой былъ, жить хотѣлъ... Глядимъ на образа, молимся, да такъ жалостно, что и теперь слеза бьетъ... А хозяйка, баба-то, глядитъ на насъ и говоритъ: «Вы же, говоритъ, добрые люди, не поминайте насъ въ томъ свѣтѣ лихомъ и не молите Бога на нашу голову, потому мы это отъ нужды». Молились мы, молились, плакали, плакали, а Богъ-то насъ и услышалъ. Сжалился, значитъ... Въ самый разъ, когда хозяинъ купца за бороду взялъ, чтобъ, значитъ, ножикомъ его по шеѣ полоснуть, вдругъ кто-то ка-акъ стукнетъ со двора по окошку! Всѣ мы такъ и присѣли, а у хозяина руки опустились... Постучалъ кто-то по окошку, да какъ закричитъ: «Петръ Григорьичъ, кричитъ, ты здѣсь? Собирайся, поѣдемъ!» Видятъ хозяева, что за купцомъ пріѣхали, испужались и давай Богъ ноги... А мы скорѣй на дворъ, запрягли и — только насъ и видѣли...

— Кто же это въ окошко стучалъ? — спросилъ Дымовъ.

— Въ окошко-то? Должно, угодникъ Божій или ангелъ. Потому акромя некому... Когда мы выѣхали со двора, на улицѣ ни одного человѣка не было... Божье дѣло!

Пантелей разсказалъ еще кое-что и во всѣхъ его разсказахъ одинаково играли роль «длинные ножики», и одинаково чувствовался вымыселъ. Слышалъ ли онъ эти разсказы отъ кого-нибудь другого, или самъ сочинилъ ихъ въ далекомъ

прошломъ и потомъ, когда память ослабѣла, перемѣшалъ пережитое съ вымысломъ и пересталъ умѣть отличать одно отъ другого? Все можетъ быть, но странно одно, что теперь и во всю дорогу онъ, когда приходилось разсказывать, отдавалъ явное предпочтенiе вымысламъ и никогда не говорилъ о томъ, что было пережито. Теперь Егорушка все принималъ за чистую монету и вѣрилъ каждому слову, впослѣдствiи же ему казалось страннымъ, что человѣкъ, изъѣздившiй на своемъ вѣку всю Россiю, видѣвшiй и знавшiй многое, человѣкъ, у котораго сгорѣли жена и дѣти, обезцѣнивалъ свою богатую жизнь до того, что всякiй разъ, сидя у костра, или молчалъ, или же говорилъ о томъ, чего не было.

За кашей всѣ молчали и думали о только-что слышанномъ. Жизнь страшна и чудесна, а потому какой страшный разсказъ ни разскажи на Руси, какъ ни украшай его разбойничьими гнѣздами, длинными ножиками и чудесами, онъ всегда отзовется въ душѣ слушателя былью, и развѣ только человѣкъ, сильно искусившiйся на грамотѣ, недовѣрчиво покосится, да и то смолчитъ. Крестъ у дороги, темные тюки, просторъ и судьба людей, собравшихся у костра — все это само по себѣ было такъ чудесно и страшно, что фантастичность небылицы или сказки блѣднѣла и сливалась съ жизнью.

Всѣ ѣли изъ котла, Пантелей же сидѣлъ въ сторонѣ особнякомъ и ѣлъ кашу изъ деревянной чашечки. Ложка у него была не такая, какъ у всѣхъ, а кипарисовая и съ крестикомъ. Егорушка, глядя на него, вспомнилъ о лампадномъ стаканчикѣ и спросилъ тихо у Степки:

— Зачѣмъ это дѣдъ особо сидитъ?

— Онъ старой вѣры, — отвѣтили шопотомъ Степка и Вася, и при этомъ они такъ глядѣли, какъ будто говорили о слабости или тайномъ порокѣ.

Всѣ молчали и думали. Послѣ страшныхъ разсказовъ не хотѣлось ужъ говорить о томъ, что обыкновенно. Вдругъ среди тишины Вася выпрямился и, устремивъ свои тусклые глаза въ одну точку, навострилъ уши.

— Что такое? — спросилъ его Дымовъ.

— Человѣкъ какой-то идетъ, — отвѣтилъ Вася.

— Гдѣ ты его видишь?

— Во-онъ онъ! Чуть-чуть бѣлѣется...

Тамъ, куда смотрѣлъ Вася, не было видно ничего, кромѣ потемокъ; всѣ прислушались, но шаговъ не было слышно.

— По шляху онъ идетъ? — спросилъ Дымовъ.

— Нѣ, полемъ... Сюда идетъ.

Прошла минута въ молчаніи.

— А можетъ, это по степи гуляетъ купецъ, что тутъ похороненъ, — сказалъ Дымовъ.

Всѣ покосились на крестъ, переглянулись и вдругъ засмѣялись; стало стыдно за свой страхъ.

— Зачѣмъ ему гулять? — сказалъ Пантелей. — Это только тѣ по ночамъ ходятъ, кого земля не принимаетъ. А купцы ничего... Купцы мученическій вѣнецъ приняли...

Но вотъ послышались шаги. Кто-то торопливо шелъ.

— Что-то несетъ, — сказалъ Вася.

Стало слышно, какъ подъ ногами шедшаго шуршала трава и потрескивалъ бурьянъ, но за свѣтомъ костра никого не было видно. Наконецъ, раздались шаги вблизи, кто-то кашлянулъ; мигавшій свѣтъ точно разступился, съ глазъ спала завѣса, и подводчики вдругъ увидѣли передъ собой человѣка.

Огонь ли такъ мелькнулъ, или оттого, что всѣмъ хотѣлось разглядѣть прежде всего лицо этого человѣка, но только странно такъ вышло, что всѣ при первомъ взглядѣ на него увидѣли прежде всего не лицо, не одежду, а улыбку. Это была улыбка необыкновенно добрая, широкая и мягкая, какъ у разбуженнаго ребенка, одна изъ тѣхъ заразительныхъ улыбокъ, на которыя трудно не отвѣтить тоже улыбкой. Незнакомецъ, когда его разглядѣли, оказался человѣкомъ лѣтъ тридцати, некрасивымъ собой и ничѣмъ не замѣчательнымъ. Это былъ высокій хохолъ, длинноносый, длиннорукій и длинноногій; вообще все у него казалось длиннымъ и только одна шея была такъ коротка, что дѣлала его сутуловатымъ. Одѣтъ онъ былъ въ чистую бѣлую рубаху съ шитымъ воротомъ, въ бѣлыя шаровары и новые сапоги и въ сравненіи съ подводчиками казался щеголемъ. Въ рукахъ онъ держалъ что-то большое, бѣлое и на первый взглядъ странное, а изъ-за его плеча выглядывало дуло ружья, тоже длинное.

Попавъ изъ потемокъ въ свѣтовой кругъ, онъ остановился, какъ вкопанный, и съ полминуты глядѣлъ на подводчиковъ такъ, какъ будто хотѣлъ сказать: «Поглядите, какая у меня

улыбка!» Потомъ онъ шагнулъ къ костру, улыбнулся еще свѣтлѣе и сказалъ:

— Хлѣбъ да соль, братцы!

— Милости просимъ! — отвѣчалъ за всѣхъ Пантелей.

Незнакомецъ положилъ около костра то, что держалъ въ рукахъ — это была убитая дрохва, — и еще разъ поздоровался.

Всѣ подошли къ дрохвѣ и стали осматривать ее.

— Важная птица! Чѣмъ это ты ее? — спросилъ Дымовъ.

— Картечью... Дробью не достанешь, не подступитъ... Купите, братцы! Я бъ вамъ за двугривенный отдалъ.

— А на что она намъ? Она жареная годится, а вареная небось жесткая — не укусишь...

— Эхъ, досадно! Ее бы къ господамъ въ экономіи снесть, тѣ бы полтинникъ дали, да далече — пятнадцать верстъ!

Неизвѣстный сѣлъ, снялъ ружье и положилъ его возлѣ себя. Онъ казался соннымъ, томнымъ, улыбался, щурился отъ огня и, повидимому, думалъ о чемъ-то очень пріятномъ. Ему дали ложку. Онъ сталъ ѣсть.

— Ты кто самъ? — спросилъ его Дымовъ.

Незнакомецъ не слышалъ вопроса; онъ не отвѣтилъ и даже не взглянулъ на Дымова. Вѣроятно, этотъ улыбающійся человѣкъ не чувствовалъ и вкуса каши, потому что жевалъ какъ-то машинально, лѣниво, поднося ко рту ложку то очень полную, то совсѣмъ пустую.

Пьянъ онъ не былъ, но въ головѣ его бродило что-то шальное.

— Я тебя спрашиваю: ты кто? — повторилъ Дымовъ.

— Я-то? — встрепенулся неизвѣстный. — Константинъ Звоныкъ, изъ Ровнаго. Отсюда версты четыре.

И, желая на первыхъ же порахъ показать, что онъ не такой мужикъ, какъ всѣ, а получше, Константинъ поспѣшилъ добавить:

— Мы пасѣку держимъ и свиней кормимъ.

— При отцѣ живешь, али самъ?

— Нѣтъ, теперь самъ живу. Отдѣлился. Въ этомъ мѣсяцѣ послѣ Петрова дня оженился. Женатый теперь!.. Нынче восемнадцатый день, какъ обзаконился.

— Хорошее дѣло! — сказалъ Пантелей. — Жена ничего... Это Богъ благословилъ...

— Молодая баба дома спитъ, а онъ по степу шатается, — засмѣялся Кирюха. — Чудакъ!

Константинъ, точно его ущипнули за самое живое мѣсто, встрепенулся, засмѣялся, вспыхнулъ...

— Да Господи, нѣту ея дома! — сказалъ онъ, быстро вынимая изо рта ложку и оглядывая всѣхъ радостно и удивленно. — Нѣту! Поѣхала къ матери на два дня! Ей-Богу, она поѣхала, а я какъ не женатый...

Константинъ махнулъ рукой и покрутилъ головою; онъ хотѣлъ продолжать думать, но радость, которою свѣтилось лицо его, мѣшала ему. Онъ, точно ему неудобно было сидѣть, принялъ другую позу, засмѣялся и опять махнулъ рукой. Совѣстно было выдавать чужимъ людямъ свои

пріятныя мысли, но въ то же время неудержимо хотѣлось подѣлиться радостью.

— Поѣхала въ Демидово къ матери! — сказалъ онъ, краснѣя и перекладывая на другое мѣсто ружье. — Завтра вернется... Сказала, что къ обѣду назадъ будетъ.

— А тебѣ скучно? — спросилъ Дымовъ.

— Да Господи, а то какъ же? Безъ году недѣля, какъ оженился, а она уѣхала... А? У, да бѣдовая, накажи меня Богъ! Тамъ такая хорошая, да славная, такая хохотунья да пѣвунья, что просто чистый порохъ! При ней голова ходоромъ ходитъ, а безъ нея вотъ словно потерялъ что, какъ дуракъ по степу хожу. Съ самаго обѣда хожу, хоть караулъ кричи.

Константинъ протеръ глаза, посмотрѣлъ на огонь и засмѣялся.

— Любишь, значитъ... — сказалъ Пантелей.

— Тамъ такая хорошая, да славная, — повторилъ Константинъ, не слушая: — такая хозяйка, умная, да разумная, что другой такой изъ простого званія во всей губерніи не сыскать. Уѣхала... А вѣдь скучаетъ, я зна-аю! Знаю, сороку! Сказала, что завтра къ обѣду вернется... А вѣдь какая исторія! — почти крикнулъ Константинъ, вдругъ беря тономъ выше и мѣняя позу: — теперь любитъ и скучаетъ, а вѣдь не хотѣла за меня выходить!

— Да ты ѣшь! — сказалъ Кирюха.

— Не хотѣла за меня выходить! — продолжалъ Константинъ, не слушая. — Три года съ ней бился. Увидалъ я ее на ярмаркѣ въ Калачикѣ, полюбилъ до смерти, хоть на шибеницу

полѣзай... Я въ Ровномъ, она въ Демидовомъ, другъ отъ дружки за двадцать пять верстъ, и нѣтъ никакой моей возможности. Засылаю къ ней сватовъ, а она: не хочу! Ахъ ты, сорока! Ужъ я ее и такъ, и этакъ, и сережки, и пряниковъ, и меду полпуда — не хочу! Вотъ тутъ и поди. Оно, ежели разсудить, то какая я ей пара? Она молодая, красивая, съ порохомъ, а я старый, скоро тридцать годовъ будетъ, да и красивъ очень, борода окладистая — гвоздемъ, лицо чистое — все въ шишкахъ. Гдѣ жъ мнѣ съ ней равняться! Развѣ вотъ только, что богато живемъ, да вѣдь и они, Вахраменки, хорошо живутъ. Три пары воловъ и двухъ работниковъ держатъ. Полюбилъ, братцы, и очумѣлъ... Не сплю, не ѣмъ, въ головѣ мысли и такой дурманъ, что не приведи Господи! Хочется ее повидать, а она въ Демидовѣ... И что жъ вы думаете? Накажи меня Богъ, не брешу, раза три на недѣлѣ туда пѣшкомъ ходилъ, чтобъ на нее поглядѣть. Дѣло бросилъ! Такое затменіе нашло, что даже въ работники въ Демидовѣ хотѣлъ наниматься, чтобъ, значитъ, къ ней поближе. Замучился! Мать знахарку звала, отецъ разъ десять бить принимался. Ну, три года промаялся и ужъ такъ порѣшилъ: будь ты трижды анаѳема, пойду въ городъ и въ извозчики... Значитъ, не судьба! На Святой пошелъ я въ Демидово въ послѣдній разочекъ на нее поглядѣть...

Константинъ откинулъ назадъ голову и закатился такимъ мелкимъ, веселымъ смѣхомъ, какъ будто только-что очень хитро надулъ кого-то.

— Гляжу, она съ парубками около рѣчки,

— продолжалъ онъ. — Взяло меня зло... Отозвалъ я ее въ сторонку и, можетъ, съ цѣлый часъ ей разныя слова... Полюбила! Три года не любила, а за слова полюбила!..

— А какія слова? — спросилъ Дымовъ.

— Слова? И не помню... Нешто вспомнишь? Тогда, какъ вода изъ жолоба, безъ передышки: та-та-та-та! А теперь ни одного слова не выговорю... Ну, и пошла за меня... Поѣхала теперь сорока къ матери, а я вотъ безъ нея по степу. Не могу дома сидѣть. Нѣтъ моей мочи!

Константинъ неуклюже высвободилъ изъ-подъ себя ноги, растянулся на землѣ и подперъ голову кулаками, потомъ поднялся и опять сѣлъ. Всѣ теперь отлично понимали, что это былъ влюбленный и счастливый человѣкъ, счастливый до тоски; его улыбка, глаза и каждое движеніе выражали томительное счастье. Онъ не находилъ себѣ мѣста и не зналъ, какую принять позу и что дѣлать, чтобы не изнемогать отъ изобилія пріятныхъ мыслей. Изливъ передъ чужими людьми свою душу, онъ, наконецъ, усѣлся покойно и, глядя на огонь, задумался.

При видѣ счастливаго человѣка всѣмъ стало скучно и захотѣлось тоже счастья. Всѣ задумались. Дымовъ поднялся, тихо прошелся около костра, и по походкѣ, по движенію его лопатокъ видно было, что онъ томился и скучалъ. Онъ постоялъ, поглядѣлъ на Константина и сѣлъ.

А костеръ уже потухалъ. Свѣтъ уже не мелькалъ, и красное пятно сузилось, потускнѣло... И чѣмъ скорѣе догоралъ огонь, тѣмъ виднѣе становилась лунная ночь. Теперь ужъ

видно было дорогу во всю ея ширь, тюки, оглобли, жевавшихъ лошадей; на той сторонѣ неясно вырисовывался другой крестъ...

Дымовъ подперъ щеку рукой и тихо запѣлъ какую-то жалостную пѣсню. Константинъ сонно улыбнулся и подтянулъ ему тонкимъ голоскомъ. Попѣли они съ полминуты и затихли... Емельянъ встрепенулся, задвигалъ локтями и зашевелилъ пальцами.

— Братцы, — сказалъ онъ умоляюще. — Давайте, споемъ что-нибудь божественное!

Слезы выступили у него на глазахъ.

— Братцы! — повторилъ онъ, прижимая руку къ сердцу. — Давайте споемъ что-нибудь божественное!

— Я не умѣю, — сказалъ Константинъ.

Всѣ отказались; тогда Емельянъ запѣлъ самъ. Онъ замахалъ обѣими руками, закивалъ головой, открылъ ротъ, но изъ горла его вырвалось одно только сиплое, беззвучное дыханіе. Онъ пѣлъ руками, головой, глазами и даже шишкой, пѣлъ страстно и съ болью, и чѣмъ сильнѣе напрягалъ грудь, чтобы вырвать изъ нея хоть одну ноту, тѣмъ беззвучнѣе становилось его дыханіе...

Егорушкой тоже, какъ и всѣми, овладѣла скука. Онъ пошелъ къ своему возу, взобрался на тюкъ и легъ. Глядѣлъ онъ на небо и думалъ о счастливомъ Константинѣ и его женѣ. Зачѣмъ люди женятся? Къ чему на этомъ свѣтѣ женщины? Егорушка задавалъ себѣ неясные вопросы и думалъ, что мужчинѣ, навѣрное, хорошо, если возлѣ него постоянно живетъ ласковая, веселая и красивая женщина. Пришла

ему почему-то на память графиня Драницкая, и онъ подумалъ, что съ такой женщиной, вѣроятно, очень пріятно жить; онъ, пожалуй, съ удовольствіемъ женился бы на ней, если бы это не было такъ совѣстно. Онъ вспомнилъ ея брови, зрачки, коляску, часы со всадникомъ... Тихая, теплая ночь спускалась на него и шептала ему что-то на ухо, а ему казалось, что это та красивая женщина склоняется къ нему, съ улыбкой глядитъ на него и хочетъ поцѣловать...

Отъ костра осталось только два маленькихъ красныхъ глаза, становившихся все меньше и меньше. Подводчики и Константинъ сидѣли около нихъ, темные, неподвижные, и казалось, что ихъ теперь было гораздо больше, чѣмъ раньше. Оба креста одинаково были видны и далеко-далеко, гдѣ-то на большой дорогѣ, свѣтился красный огонекъ — тоже, вѣроятно, кто-нибудь варилъ кашу.

«Наша матушка Расія всему свѣту га-ла-ва!» — запѣлъ вдругъ дикимъ голосомъ Кирюха, поперхнулся и умолкъ. Степное эхо подхватило его голосъ, понесло, и казалось, по степи на тяжелыхъ колесахъ покатила сама глупость.

— Время ѣхать! — сказалъ Пантелей. — Вставай, ребята.

Пока запрягали, Константинъ ходилъ около подводъ и восхищался своей женой.

— Прощайте, братцы! — крикнулъ онъ, когда обозъ тронулся. — Спасибо вамъ за хлѣбъ за соль! А я опять пойду на огонь. Нѣтъ моей мочи!

И онъ скоро исчезъ во мглѣ, и долго было слышно, какъ онъ шагалъ туда, гдѣ свѣтился

огонекъ, чтобы повѣдать чужимъ людямъ о своемъ счастьѣ.

Когда на другой день проснулся Егорушка, было раннее утро; солнце еще не всходило. Обозъ стоялъ. Какой-то человѣкъ въ бѣлой фуражкѣ и въ костюмѣ изъ дешевой сѣрой матеріи, сидя на казачьемъ жеребчикѣ, у самаго передняго воза, разговаривалъ о чемъ-то съ Дымовымъ и Кирюхой. Впереди, версты за двѣ отъ обоза, бѣлѣли длинные, невысокіе амбары и домики съ черепичными крышами; около домиковъ не было видно ни дворовъ, ни деревьевъ.

— Дѣдъ, какая это деревня? — спросилъ Егорушка.

— Это, молодчикъ, армянскіе хутора, — отвѣчалъ Пантелей. — Тутъ армяшки живутъ. Народъ ничего . . . армяшки-то.

Человѣкъ въ сѣромъ кончилъ разговаривать съ Дымовымъ и Кирюхой, осадилъ своего жеребчика и поглядѣлъ на хутора.

— Экія дѣла, подумаешь! — вздохнулъ Пантелей, тоже глядя на хутора и пожимаясь отъ утренней свѣжести. — Послалъ онъ человѣка на хуторъ за какой-то бумагой, а тотъ не ѣдетъ... Степку послать бы!

— Дѣдъ, а кто это? — спросилъ Егорушка.

— Варламовъ.

Боже мой! Егорушка быстро вскочилъ, сталъ на колѣни и поглядѣлъ на бѣлую фуражку. Въ малоросломъ сѣромъ человѣчкѣ, обутомъ въ большіе сапоги, сидящемъ на некрасивой лошаденкѣ и разговаривающемъ съ мужиками въ такое время, когда всѣ порядочные люди спятъ, трудно было узнать таинственнаго, неуловимаго Варла-

мова, котораго всѣ ищутъ, который всегда «кружится» и имѣетъ денегъ гораздо больше, чѣмъ графиня Драницкая.

— Ничего, хорошій человѣкъ... — говорилъ Пантелей, глядя на хутора. — Дай Богъ здоровья, славный господинъ... Варламовъ-то, Семенъ Александрычъ... На такихъ людяхъ, братъ, земля держится. Это вѣрно... Пѣтухи еще не поютъ, а онъ ужъ на ногахъ... Другой бы спалъ, или дома съ гостями тары-бары-растабары, а онъ цѣлый день по степу... Кружится... Этотъ ужъ не упуститъ дѣла... Нѣ-ѣтъ! Это молодчина...

Варламовъ не отрывалъ глазъ отъ хутора и о чемъ-то говорилъ; жеребчикъ нетерпѣливо переминался съ ноги на ногу.

— Семенъ Александрычъ, — крикнулъ Пантелей, снимая шляпу: — дозвольте Степку послать! Емельянъ, крикни, чтобъ Степку послать!

Но вотъ, наконецъ, отъ хутора отдѣлился верховой. Сильно накренившись на бокъ и помахивая выше головы нагайкой, точно джигитуя и желая удивить всѣхъ своей смѣлой ѣздой, онъ съ быстротою птицы полетѣлъ къ обозу.

— Это, должно, его объѣздчикъ, — сказалъ Пантелей. — У него ихъ, объѣздчиковъ-то, человѣкъ, можетъ, сто, а то и больше.

Поровнявшись съ переднимъ возомъ, верховой осадилъ лошадь и, снявши шапку, подалъ Варламову какую-то книжку. Варламовъ вынулъ изъ книжки нѣсколько бумажекъ, прочелъ ихъ и крикнулъ:

— А гдѣ же записка Иванчука?

Верховой взялъ назадъ книжку, оглядѣлъ

бумажки и пожалъ плечами; онъ сталъ говорить о чемъ-то, вѣроятно, оправдывался и просилъ позволенія съѣздить еще разъ на хутора. Жеребчикъ вдругъ задвигался такъ, какъ будто Варламовъ сталъ тяжелѣе. Варламовъ тоже задвигался.

— Пошелъ вонъ! — крикнулъ онъ сердито и замахнулся на верхового нагайкой.

Потомъ онъ повернулъ лошадь назадъ и, разсматривая въ книжкѣ бумаги, поѣхалъ шагомъ вдоль обоза. Когда онъ подъѣзжалъ къ заднему возу, Егорушка напрягъ свое зрѣніе, чтобы получше разсмотрѣть его. Варламовъ былъ уже старъ. Лицо его съ небольшой сѣдой бородкой, простое, русское, загорѣлое лицо, было красно, мокро отъ росы и покрыто синими жилочками; оно выражало такую же дѣловую сухость, какъ лицо Ивана Иваныча, тотъ же дѣловой фанатизмъ. Но все-таки какая разница чувствовалась между нимъ и Иваномъ Иванычемъ! У дяди Кузьмичова рядомъ съ дѣловою сухостью всегда были на лицѣ забота и страхъ, что онъ не найдетъ Варламова, опоздаетъ, пропуститъ хорошую цѣну; ничего подобнаго, свойственнаго людямъ маленькимъ и зависимымъ, не было замѣтно ни на лицѣ, ни въ фигурѣ Варламова. Этотъ человѣкъ самъ создавалъ цѣны, никого не искалъ и ни отъ кого не зависѣлъ; какъ ни заурядна была его наружность, но во всемъ, даже въ манерѣ держать нагайку, чувствовалось сознаніе силы и привычной власти надъ степью.

Проѣзжая мимо Егорушки, онъ не взглянулъ на него; одинъ только жеребчикъ удостоилъ Егорушку своимъ вниманіемъ и погля-

дѣлъ на него большими, глупыми глазами, да и то равнодушно. Пантелей поклонился Варламову; тотъ замѣтилъ это и, не отрывая глазъ отъ бумажекъ, сказалъ картавя:

— Здгаствуй, стагикъ!

Бесѣда Варламова съ верховымъ и взмахъ нагайкой, повидимому, произвели на весь обозъ удручающее впечатлѣніе. У всѣхъ были серьезныя лица. Верховой, обезкураженный гнѣвомъ сильнаго человѣка, безъ шапки, опустивъ поводья, стоялъ у передняго воза, молчалъ и какъ будто не вѣрилъ, что для него такъ худо начался день.

— Крутой старикъ... — бормоталъ Пантелей. — Бѣда, какой крутой! А ничего, хорошій человѣкъ... Не обидитъ задаромъ... Ничего...

Осмотрѣвъ бумаги, Варламовъ сунулъ книжку въ карманъ; жеребчикъ, точно понявъ его мысли, не дожидаясь приказа, вздрогнулъ и понесся по большой дорогѣ.

VII

И въ слѣдующую затѣмъ ночь подводчики дѣлали привалъ и варили кашу. На этотъ разъ съ самаго начала во всемъ чувствовалась какая-то неопредѣленная тоска. Было душно; всѣ много пили и никакъ не могли утолить жажду. Луна взошла сильно-багровая и хмурая, точно больная; звѣзды тоже хмурились, мгла была гуще, даль мутнѣе. Природа какъ будто что-то предчувствовала и томилась.

У костра ужъ не было вчерашняго оживле-

нія и разговоровъ. Всѣ скучали и говорили вяло и нехотя. Пантелей только вздыхалъ, жаловался на ноги и то-и-дѣло заводилъ рѣчь о наглой смерти.

Дымовъ лежалъ на животѣ, молчалъ и жевалъ соломинку; выраженіе лица у него было брезгливое, точно отъ соломинки дурно пахло, злое и утомленное... Вася жаловался, что у него ломитъ челюсть, и пророчилъ непогоду; Емельянъ не махалъ руками, а сидѣлъ неподвижно и угрюмо глядѣлъ на огонь. Томился и Егорушка. Ѣзда шагомъ утомила его, а отъ дневного зноя у него болѣла голова.

Когда сварилась каша, Дымовъ отъ скуки сталъ придираться къ товарищамъ.

— Разсѣлся, шишка, и первый лѣзетъ съ ложкой! — сказалъ онъ, глядя со злобой на Емельяна. — Жадность! Такъ и норовитъ первый за котелъ сѣсть. Пѣвчимъ былъ, такъ ужъ онъ думаетъ — баринъ! Много васъ такихъ пѣвчихъ по большому шляху милостыню проситъ!

— Да ты что присталъ? — спросилъ Емельянъ, глядя на него тоже со злобой.

— А то, что не суйся первый къ котлу. Не понимай о себѣ много.

— Дуракъ, вотъ и все, — просипѣлъ Емельянъ.

Зная по опыту, чѣмъ чаще всего оканчиваются подобные разговоры, Пантелей и Вася вмѣшались и стали убѣждать Дымова не браниться попусту.

— Пѣвчій... — не унимался озорникъ, презрительно усмѣхаясь. — Этакъ всякій можетъ пѣть. Сиди себѣ въ церкви на паперти, да и

пой: «Подайте милостыньки Христа-ради!» Эхъ, вы!

Емельянъ промолчалъ. На Дымова его молчаніе подѣйствовало раздражающимъ образомъ. Онъ еще съ бо̀льшей ненавистью поглядѣлъ на бывшаго пѣвчаго и сказалъ:

— Не хочется только связываться, а то бъ я бъ тебѣ показалъ, какъ объ себѣ понимать!

— Да что ты ко мнѣ присталъ, мазепа? — вспыхнулъ Емельянъ. — Я тебя трогаю?

— Какъ ты меня обозвалъ? — спросилъ Дымовъ, выпрямляясь, и глаза его налились кровью. — Какъ? Я мазепа? Да? Такъ вотъ же тебѣ! Ступай ищи!

Дымовъ выхватилъ изъ рукъ Емельяна ложку и швырнулъ ее далеко въ сторону. Кирюха, Вася и Степка вскочили и побѣжали искать ее, а Емельянъ умоляюще и вопросительно уставился на Пантелея. Лицо его вдругъ стало маленькимъ, поморщилось, заморгало, и бывшій пѣвчій заплакалъ, какъ ребенокъ.

Егорушка, давно уже ненавидѣвшій Дымова, почувствовалъ, какъ въ воздухѣ вдругъ стало невыносимо душно, какъ огонь отъ костра горячо жегъ лицо; ему захотѣлось скорѣе бѣжать къ обозу въ потемки, но злые, скучающіе глаза озорника тянули его къ себѣ. Страстно желая сказать что-нибудь въ высшей степени обидное, онъ шагнулъ къ Дымову и проговорилъ, задыхаясь:

— Ты хуже всѣхъ! Я тебя терпѣть не могу!

Послѣ этого надо было бы бѣжать къ обозу, а онъ никакъ не могъ сдвинуться съ мѣста и продолжалъ:

— На томъ свѣтѣ ты будешь горѣть въ аду! Я Ивану Иванычу пожалуюсь! Ты не смѣешь обижать Емельяна!

— Тоже, скажи пожалуйста! — усмѣхнулся Дымовъ. — Свиненокъ всякій, еще на губахъ молоко не обсохло, въ указчики лѣзетъ. А ежели за ухо?

Егорушка почувствовалъ, что дышать уже нечѣмъ; онъ — никогда съ нимъ этого не было раньше — вдругъ затрясся всѣмъ тѣломъ, затопалъ ногами и закричалъ пронзительно:

— Бейте его! Бейте его!

Слезы брызнули у него изъ глазъ; ему стало стыдно, и онъ, пошатываясь, побѣжалъ къ обозу. Какое впечатлѣніе произвелъ его крикъ, онъ не видѣлъ. Лежа на тюкѣ и плача, онъ дергалъ руками и ногами и шепталъ:

«Мама! Мама!»

И эти люди, и тѣни вокругъ костра, и темные тюки, и далекая молнія, каждую минуту сверкавшая вдали, — все теперь представлялось ему нелюдимымъ и страшнымъ. Онъ ужасался и въ отчаяніи спрашивалъ себя, какъ это и зачѣмъ попалъ онъ въ неизвѣстную землю, въ компанію страшныхъ мужиковъ? Гдѣ теперь дядя, о. Христофоръ и Дениска? Отчего они такъ долго не ѣдутъ? Не забыли ли они о немъ? Отъ мысли, что онъ забытъ и брошенъ на произволъ судьбы, ему становилось холодно и такъ жутко, что онъ нѣсколько разъ порывался спрыгнуть съ тюка и опрометью, безъ оглядки побѣжать назадъ по дорогѣ, но воспоминаніе о темныхъ, угрюмыхъ крестахъ, которые непремѣнно встрѣтятся ему на пути и сверкавшая вдали мол-

нія останавливали его... И только когда онъ шепталъ: «мама! мама!» — ему становилось какъ будто легче...

Должно быть, и подводчикамъ было жутко. Послѣ того, какъ Егорушка убѣжалъ отъ костра, они сначала долго молчали, потомъ вполголоса и глухо заговорили о чемъ-то, что оно идетъ, и что поскорѣе нужно собираться и уходить отъ него... Они скоро поужинали, потушили огонь и молча стали запрягать. По ихъ суетѣ и отрывистымъ фразамъ было замѣтно, что они предвидѣли какое-то несчастье.

Передъ тѣмъ, какъ трогаться въ путь, Дымовъ подошелъ къ Пантелею и спросилъ тихо:

— Какъ его звать?

— Егорій... — отвѣтилъ Пантелей.

Дымовъ сталъ одной ногой на колесо, взялся за веревку, которой былъ перевязанъ тюкъ, и поднялся. Егорушка увидѣлъ его лицо и кудрявую голову. Лицо было блѣдно, утомленно и серьезно, но уже не выражало злобы.

— Ера! — сказалъ онъ тихо. — На, бей!

Егорушка съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него; въ это время сверкнула молнія.

— Ничего, бей! — повторилъ Дымовъ.

И, не дожидаясь, когда Егорушка будетъ бить его, или говорить съ нимъ, онъ спрыгнулъ внизъ и сказалъ:

— Скушно мнѣ!

Потомъ, переваливаясь съ ноги на ногу, двигая лопатками, онъ лѣниво поплелся вдоль обоза и не то плачущимъ, не то досадующимъ голосомъ повторилъ:

— Скушно мнѣ! Господи! А ты не оби-

жайся, Емеля, — сказалъ онъ, проходя мимо Емельяна. — Жизнь наша пропащая, лютая!

Направо сверкнула молнія и, точно отразившись въ зеркалѣ, она тотчасъ же сверкнула вдали.

— Егорій, возьми! — крикнулъ Пантелей, подавая снизу что-то большое и темное.

— Что это? — спросилъ Егорушка.

— Рогожка! Будетъ дождикъ, такъ вотъ покроешься.

Егорушка приподнялся и посмотрѣлъ вокругъ себя. Даль замѣтно почернѣла и ужъ чаще, чѣмъ каждую минуту, мигала блѣднымъ свѣтомъ, какъ вѣками. Чернота ея, точно отъ тяжести, склонялась вправо.

— Дѣдъ, гроза будетъ? — спросилъ Егорушка.

— Ахъ, ножки мои больныя, стуженыя! — говорилъ нараспѣвъ Пантелей, не слыша его и притопывая ногами.

Налѣво, какъ будто кто чиркнулъ по небу спичкой, мелькнула блѣдная, фосфорическая полоска и потухла. Послышалось, какъ гдѣ-то очень далеко кто-то прошелся по желѣзной крышѣ. Вѣроятно, по крышѣ шли босикомъ, потому что желѣзо проворчало глухо.

— А онъ обложной! — крикнулъ Кирюха.

Между далью и правымъ горизонтомъ мигнула молнія и такъ ярко, что освѣтила часть степи и мѣсто, гдѣ ясное небо граничило съ чернотой. Страшная туча надвигалась не спѣша, сплошной массой; на ея краю висѣли большія, черныя лохмотья; точно такія же лохмотья, давя другъ друга, громоздились на правомъ и на лѣвомъ горизонтѣ. Этотъ оборванный, разлохмаченный

видъ тучи придавалъ ей какое-то пьяное, озорническое выраженіе. Явственно и не глухо проворчалъ громъ. Егорушка перекрестился и сталъ быстро надѣвать пальто.

— Скушно мнѣ! — донесся съ переднихъ возовъ крикъ Дымова, а по голосу его можно было судить, что онъ ужъ опять начиналъ злиться. — Скушно!

Вдругъ рванулъ вѣтеръ и съ такой силой, что едва не выхватилъ у Егорушки узелокъ и рогожу; встрепенувшись, рогожа рванулась во всѣ стороны и захлопала по тюку и по лицу Егорушки. Вѣтеръ со свистомъ понесся по степи, безпорядочно закружился и поднялъ съ травою такой шумъ, что изъ-за него не было слышно ни грома, ни скрипа колесъ. Онъ дулъ съ черной тучи, неся съ собой облака пыли и запахъ дождя и мокрой земли. Лунный свѣтъ затуманился, сталъ какъ будто грязнѣе, звѣзды еще больше нахмурились, и видно было, какъ по краю дороги спѣшили куда-то назадъ облака пыли и ихъ тѣни. Теперь, по всей вѣроятности, вихри, кружась и увлекая съ земли пыль, сухую траву и перья, поднимались подъ самое небо; вѣроятно, около самой черной тучи летали перекати-поле, и какъ, должно быть, имъ было страшно! Но сквозь пыль, залѣплявшую глаза, не было видно ничего, кромѣ блеска молній.

Егорушка, думая, что сію минуту польетъ дождь, сталъ на колѣни и укрылся рогожей.

— Пантелле-ей! — крикнулъ кто-то впереди. — А... а...ва!

— Не слыхать! — отвѣтилъ громко и нараспѣвъ Пантелей.

— А...а...ва! Аря...а!

Загремѣлъ сердито громъ, покатился по небу справа налѣво, потомъ назадъ и замеръ около переднихъ подводъ.

— Святъ, Святъ, Святъ, Господь Саваоѳъ, — прошепталъ Егорушка, крестясь: — исполнь небо и земля славы Твоея...

Чернота на небѣ раскрыла ротъ и дыхнула бѣлымъ огнемъ; тотчасъ же опять загремѣлъ громъ; едва онъ умолкъ, какъ молнія блеснула такъ широко, что Егорушка сквозь щели рогожи увидѣлъ вдругъ всю большую дорогу до самой дали, всѣхъ подводчиковъ и даже Кирюхину жилетку. Черныя лохмотья слѣва уже поднимались кверху, и одно изъ нихъ, грубое, неуклюжее, похожее на лапу съ пальцами, тянулось къ лунѣ. Егорушка рѣшилъ закрыть крѣпко глаза, не обращать вниманія и ждать, когда все кончится.

Дождь почему-то долго не начинался. Егорушка, въ надеждѣ, что туча, быть можетъ, уходитъ мимо, выглянулъ изъ рогожи. Было страшно темно. Егорушка не увидѣлъ ни Пантелея, ни тюка, ни себя; покосился онъ туда, гдѣ была недавно луна, но тамъ чернѣла такая же тьма, какъ и на возу. А молніи въ потемкахъ казались болѣе и ослѣпительнѣе, такъ что глазамъ было больно.

— Пантелей! — позвалъ Егорушка.

Отвѣта не послѣдовало. Но вотъ, наконецъ, вѣтеръ въ послѣдній разъ рванулъ рогожу и убѣжалъ куда-то. Послышался ровный, спокойный шумъ. Большая, холодная капля упала на колѣно Егорушки, другая поползла по рукѣ.

Онъ замѣтилъ, что колѣни его не прикрыты и хотѣлъ было поправить рогожу, но въ это время что-то посыпалось и застучало по дорогѣ, потомъ по оглоблямъ, по тюку. Это былъ дождь. Онъ и рогожа, какъ будто поняли другъ друга, заговорили о чемъ-то быстро, весело и препротивно, какъ двѣ сороки.

Егорушка стоялъ на колѣнахъ или, вѣрнѣе, сидѣлъ на сапогахъ. Когда дождь застучалъ по рогожѣ, онъ подался туловищемъ впередъ, чтобы заслонить собою колѣни, которыя вдругъ стали мокры; колѣни удалось прикрыть, но зато меньше чѣмъ черезъ минуту рѣзкая, непріятная сырость почувствовалась сзади, ниже спины и на икрахъ. Онъ принялъ прежнюю позу, выставилъ колѣни подъ дождь и сталъ думать, что дѣлать, какъ поправить въ потемкахъ невидимую рогожу. Но руки его были уже мокры, въ рукава и за воротникъ текла вода, лопатки зябли. И онъ рѣшилъ ничего не дѣлать, а сидѣть неподвижно и ждать, когда все кончится.

— Святъ, Святъ, Святъ... — шепталъ онъ.

Вдругъ надъ самой головой его съ страшнымъ, оглушительнымъ трескомъ разломилось небо; онъ нагнулся и притаилъ дыханіе, ожидая, когда на его затылокъ и спину посыпятся обломки. Глаза его нечаянно открылись, и онъ увидѣлъ, какъ на его пальцахъ, мокрыхъ рукавахъ и струйкахъ, бѣжавшихъ съ рогожи, на тюкѣ и внизу на землѣ вспыхнулъ и разъ пять мигнулъ ослѣпительно-ѣдкій свѣтъ. Раздался новый ударъ, такой же сильный и ужасный. Небо уже не гремѣло, не грохотало, а издавало сухіе, трескучіе, похожіе на трескъ сухого дерева звуки.

«Тррахъ! тахъ! тахъ! тахъ!» — явственно отчеканивалъ громъ, катился по небу, спотыкался и гдѣ-нибудь у переднихъ возовъ, или далеко сзади, сваливался со злобнымъ, отрывистымъ — «трра!..»

Раньше молніи были только страшны, при такомъ же громѣ онѣ представлялись зловѣщими. Ихъ колдовской свѣтъ проникалъ сквозь закрытыя вѣки и холодомъ разливался по всему тѣлу. Что сдѣлать, чтобы не видѣть ихъ? Егорушка рѣшилъ обернуться лицомъ назадъ. Осторожно, какъ будто бы боясь, что за нимъ наблюдаютъ, онъ сталъ на четвереньки и, скользя ладонями по мокрому тюку, повернулся назадъ.

«Трахъ! тахъ! тахъ!» — понеслось надъ его головой, упало подъ возъ и разорвалось — «ррра!»

Глаза опять нечаянно открылись, и Егорушка увидѣлъ новую опасность: за возомъ шли три громадныхъ великана съ длинными пиками. Молнія блеснула на остріяхъ ихъ пикъ и очень явственно освѣтила ихъ фигуры. То были люди громадныхъ размѣровъ, съ закрытыми лицами, поникшими головами и съ тяжелою поступью. Они казались печальными и унылыми, погруженными въ раздумье. Быть можетъ, шли они за обозомъ не для того, чтобы причинить вредъ, но все-таки въ ихъ близости было что-то ужасное.

Егорушка быстро обернулся впередъ и, дрожа всѣмъ тѣломъ, закричалъ:

— Пантелей! Дѣдъ!

«Трахъ! тахъ! тахъ!» — отвѣтило ему небо.

Онъ открылъ глаза, чтобы поглядѣть, тутъ ли подводчики. Молнія сверкнула въ двухъ мѣстахъ и освѣтила дорогу до самой дали, весь обозъ и всѣхъ подводчиковъ. По дорогѣ текли ручейки и прыгали пузыри. Пантелей шагалъ около воза, его высокая шляпа и плечи были покрыты небольшой рогожей; фигура не выражала ни страха, ни безпокойства, какъ будто онъ оглохъ отъ грома и ослѣпъ отъ молніи.

— Дѣдъ, великаны! — крикнулъ ему Егорушка, плача.

Но дѣдъ не слышалъ. Далѣе шелъ Емельянъ. Этотъ былъ покрытъ большой рогожей съ головы до ногъ и имѣлъ теперь форму треугольника. Вася, ничѣмъ не покрытый, шагалъ такъ же деревянно, какъ всегда, высоко поднимая ноги и не сгибая колѣнъ. При блескѣ молніи казалось, что обозъ не двигался и подводчики застыли, что у Васи онѣмѣла поднятая нога...

Егорушка еще позвалъ дѣда. Не добившись отвѣта, онъ сѣлъ неподвижно и ужъ не ждалъ, когда все кончится. Онъ былъ увѣренъ, что сію минуту его убьетъ громъ, что глаза нечаянно откроются и онъ увидитъ страшныхъ великановъ. И онъ ужъ не крестился, не звалъ дѣда, не думалъ о матери и только коченѣлъ отъ холода и увѣренности, что гроза никогда не кончится.

Но вдругъ послышались голоса.

— Егорій, да ты спишь, что ли? — крикнулъ внизу Пантелей. — Слѣзай! Оглохъ, дурачокъ!..

— Вотъ такъ гроза! — сказалъ какой-то

незнакомый басъ и крякнулъ такъ, какъ будто выпилъ хорошій стаканъ водки.

Егорушка открылъ глаза. Внизу около воза стояли Пантелей, треугольникъ-Емельянъ и великаны. Послѣдніе были теперь много ниже ростомъ и, когда вглядѣлся въ нихъ Егорушка, оказались обыкновенными мужиками, державшими на плечахъ не пики, а желѣзныя вилы. Въ промежуткѣ между Пантелеемъ и треугольникомъ свѣтилось окно невысокой избы. Значитъ, обозъ стоялъ въ деревнѣ. Егорушка сбросилъ съ себя рогожу, взялъ узелокъ и поспѣшилъ съ воза. Теперь, когда вблизи говорили люди и свѣтилось окно, ему ужъ не было страшно, хотя громъ трещалъ попрежнему и молнія полосовала все небо.

— Гроза хорошая, ничего... — бормоталъ Пантелей. — Слава Богу... Ножки маленько промякли отъ дождика, оно и ничего... Слѣзъ, Егорій? Ну, иди въ избу... Ничего...

— Святъ, Святъ, Святъ... — просипѣлъ Емельянъ. — Безпремѣнно гдѣ-нибудь ударило... Вы тутошніе? — спросилъ онъ великановъ.

— Нѣ, изъ Глинова... Мы глиновскіе. У господъ Платеровъ работаемъ.

— Молотите, что ли?

— Разное. Покеда еще пшеницу убираемъ. А молонья-то, молонья! Давно такой грозы не было...

Егорушка вошелъ въ избу. Его встрѣтила тощая, горбатая старуха съ острымъ подбородкомъ. Она держала въ рукахъ сальную свѣчку, щурилась и протяжно вздыхала.

— Грозу-то какую Богъ послалъ! — говорила она. — А наши въ степу ночуютъ, то-то натерпятся сердешные! Раздѣвайся, батюшка, раздѣвайся...

Дрожа отъ холода и брезгливо пожимаясь, Егорушка стащилъ съ себя промокшее пальто, потомъ широко разставилъ руки и ноги и долго не двигался. Каждое малѣйшее движеніе вызывало въ немъ непріятное ощущеніе мокроты и холода. Рукава и спина на рубахѣ были мокры, брюки прилипли къ ногамъ, съ головы текло...

— Что жъ, хлопчикъ, раскорякой-то стоять? — сказала старуха. — Иди, садись!

Разставя широко ноги, Егорушка подошелъ къ столу и сѣлъ на скамью около чьей-то головы. Голова задвигалась, пустила носомъ струю воздуха, пожевала и успокоилась. Отъ головы вдоль скамьи тянулся бугоръ, покрытый овчиннымъ тулупомъ. Это спала какая-то баба.

Старуха, вздыхая, вышла и скоро вернулась съ арбузомъ и дыней.

— Кушай, батюшка! Больше угощать нечѣмъ... — сказала она, зѣвая, затѣмъ порылась въ столѣ и достала оттуда длинный, острый ножикъ, очень похожій на тѣ ножи, какими на постоялыхъ дворахъ разбойники рѣжутъ купцовъ. — Кушай, батюшка!

Егорушка, дрожа какъ въ лихорадкѣ, съѣлъ ломоть дыни съ чернымъ хлѣбомъ, потомъ ломоть арбуза, и отъ этого ему стало еще холоднѣй.

— Наши въ степу ночуютъ... — вздыхала старуха, пока онъ ѣлъ. — Страсти Господни... Свѣчечку бы передъ образомъ засвѣтить, да не

шелся вокругъ мельницы, покропилъ ее святой водой и она перестала махать. Егорушка, зная, что это бредъ, открылъ глаза.

— Дѣдъ! — позвалъ онъ. — Дай воды!

Никто не отозвался. Егорушкѣ стало невыносимо душно и неудобно лежать. Онъ всталъ, одѣлся и вышелъ изъ избы. Уже наступило утро! Небо было пасмурно, но дождя уже не было. Дрожа и кутаясь въ мокрое пальто, Егорушка прошелся по грязному двору, прислушался къ тишинѣ; на глаза ему попался маленькій хлѣвокъ съ камышевой, на половину открытой дверкой. Онъ заглянулъ въ этотъ хлѣвокъ, вошелъ въ него и сѣлъ въ темномъ углу на кизякъ.

Въ его тяжелой головѣ путались мысли, во рту было сухо и противно отъ металлическаго вкуса. Онъ оглядѣлъ свою шляпу, поправилъ на ней павлинье перо и вспомнилъ, какъ ходилъ съ мамашей покупать эту шляпу. Сунулъ онъ руку въ карманъ и досталъ оттуда комокъ бурой, липкой замазки. Какъ эта замазка попала ему въ карманъ? Онъ подумалъ, понюхалъ: пахнетъ медомъ. Ага, это еврейскій пряникъ! Какъ онъ, бѣдный, размокъ!

Егорушка оглядѣлъ свое пальто. А пальто у него было сѣренькое, съ большими костяными пуговицами, сшитое на манеръ сюртука. Какъ новая и дорогая вещь, дома висѣло оно не въ передней, а въ спальной, рядомъ съ мамашиными платьями; надѣвать его позволялось только по праздникамъ. Поглядѣвъ на него, Егорушка почувствовалъ къ нему жалость, вспомнилъ, что онъ и пальто — оба брошены на произволъ

судьбы, что имъ ужъ больше не вернуться домой, а зарыдалъ такъ, что едва не свалился съ кизяка.

Большая бѣлая собака, смоченная дождемъ, съ клочьями шерсти на мордѣ, похожими на папильотки, вошла въ хлѣвъ и съ любопытствомъ уставилась на Егорушку. Она, повидимому, думала: залаять, или нѣтъ? Рѣшивъ, что лаять не нужно, она осторожно подошла къ Егорушкѣ, съѣла замазку и вышла.

— Это варламовскіе! — крикнулъ кто-то на улицѣ.

Наплакавшись, Егорушка вышелъ изъ хлѣва и, обходя лужу, поплелся на улицу. Какъ разъ передъ воротами на дорогѣ стояли возы. Мокрые подводчики съ грязными ногами, вялые и сонные, какъ осеннія мухи, бродили возлѣ, или сидѣли на оглобляхъ. Егорушка поглядѣлъ на нихъ и подумалъ: «Какъ скучно и неудобно быть мужикомъ!» Онъ подошелъ къ Пантелею и сѣлъ съ нимъ рядомъ на оглоблю.

— Дѣдъ, мнѣ холодно! — сказалъ онъ, дрожа и засовывая руки въ рукава.

— Ничего, скоро до мѣста доѣдемъ, — зѣвнулъ Пантелей. — Оно ничего, согрѣешься.

Обозъ тронулся съ мѣста рано, потому что было не жарко. Егорушка лежалъ на тюкѣ и дрожалъ отъ холода, хотя солнце скоро показалось на небѣ и высушило его одежду, тюкъ и землю. Едва онъ закрылъ глаза, какъ опять увидѣлъ Тита и мельницу. Чувствуя тошноту и тяжесть во всемъ тѣлѣ, онъ напрягалъ силы, чтобы отогнать отъ себя эти образы, но едва они исчезали, какъ на Егорушку съ ревомъ бро-

сался озорникъ Дымовъ съ красными глазами и съ подтянутыми кулаками, или же слышалось, какъ онъ тосковалъ: «Скушно мнѣ!». Проѣзжалъ на казачьемъ жеребчикѣ Варламовъ, проходилъ съ улыбкой и съ дрохвой счастливый Константинъ. И какъ всѣ эти люди были тяжелы, несносны и надоѣдливы!

Разъ — это было уже передъ вечеромъ — онъ поднялъ голову, чтобы попросить пить. Обозъ стоялъ на большомъ мосту, тянувшемся черезъ широкую рѣку. Внизу надъ рѣкой темнѣлъ дымъ, а сквозь него виденъ былъ пароходъ, тащившій на буксирѣ баржу. Впереди за рѣкой пестрѣла громадная гора, усѣянная домами и церквами; у подножія горы около товарныхъ вагоновъ бѣгалъ локомотивъ...

Раньше Егорушка не видѣлъ никогда ни пароходовъ, ни локомотивовъ, ни широкихъ рѣкъ. Взглянувъ теперь на нихъ, онъ не испугался, не удивился; на лицѣ его не выразилось даже ничего похожаго на любопытство. Онъ только почувствовалъ дурноту и поспѣшилъ лечь грудью на край тюка. Его стошнило. Пантелей, видѣвшій это, крякнулъ и покрутилъ головой.

— Захворалъ нашъ парнишка! — сказалъ онъ. — Должно, животъ застудилъ... — парнишка-то... На чужой сторонѣ... Плохо дѣло!

VIII

Обозъ остановился недалеко отъ пристани въ большомъ торговомъ подворьѣ. Слѣзая съ воза, Егорушка услышалъ чей-то очень знако-

мый голосъ. Кто-то помогалъ ему слѣзать и говорилъ:

— А мы еще вчера вечеромъ пріѣхали... Цѣлый день нынче васъ ждали. Хотѣли вчерась нагнать васъ, да не рука была, другой дорогой поѣхали. Эка, какъ ты свою пальтишку измялъ! Достанется тебѣ отъ дяденьки!

Егорушка вглядѣлся въ мраморное лицо говорившаго и вспомнилъ, что это Дениска.

— Дяденька и о. Христофоръ теперь въ номерѣ, — продолжалъ Дениска: — чай пьютъ. Пойдемъ!

И онъ повелъ Егорушку къ большому двухъэтажному корпусу, темному и хмурому, похожему на N-ское богоугодное заведеніе. Пройдя сѣни, темную лѣстницу и длинный, узкій коридоръ, Егорушка и Дениска вошли въ маленькій номерокъ, въ которомъ, дѣйствительно, за чайнымъ столомъ сидѣли Иванъ Иванычъ и о. Христофоръ. Увидѣвъ мальчика, оба старика изобразили на лицахъ удивленіе и радость.

— А-а, Егоръ Никола-аичъ! — пропѣлъ о. Христофоръ. — Господинъ Ломоносовъ!

— А, господа дворяне! — сказалъ Кузьмичовъ. — Милости просимъ.

Егорушка снялъ пальто, поцѣловалъ руку дядѣ и о. Христофору и сѣлъ за столъ.

— Ну, какъ доѣхалъ, puer bone? — засыпалъ его о. Христофоръ вопросами, наливая ему чаю и, по обыкновенію, лучезарно улыбаясь. — Небось, надоѣло? И не дай Богъ на обозѣ или на волахъ ѣхать! Ѣдешь, ѣдешь, прости Господи, взглянешь впередъ, а степь все такая жъ протяженно-сложенная, какъ и была:

конца краю не видать! Не ѣзда, а чистое поношеніе. Что жъ ты чаю не пьешь? Пей! А мы безъ тебя тутъ, пока ты съ обозомъ тащился, всѣ дѣла подъ орѣхъ раздѣлали. Слава Богу! Продали шерсть Черепахину и такъ, какъ дай Богъ всякому... Хорошо попользовались.

При первомъ взглядѣ на своихъ, Егорушка почувствовалъ непреодолимую потребность жаловаться. Онъ не слушалъ о. Христофора и придумывалъ, съ чего бы начать и на что собственно пожаловаться. Но голосъ о. Христофора, казавшійся непріятнымъ и рѣзкимъ, мѣшалъ ему сосредоточиться и путалъ его мысли. Не посидѣвъ и пяти минутъ, онъ всталъ изъ-за стола, пошелъ къ дивану и легъ.

— Вотъ-те на! — удивился о. Христофоръ. — А какъ же чай?

Придумывая, на что бы такое пожаловаться, Егорушка припалъ лбомъ къ стѣнѣ дивана и вдругъ зарыдалъ.

— Вотъ-те на! — повторилъ о. Христофоръ, поднимаясь и идя къ дивану. — Георгій, что съ тобой? Что ты плачешь?

— Я... я боленъ! — проговорилъ Егорушка.

— Боленъ? — смутился о. Христофоръ. — Вотъ это ужъ и не хорошо, братъ... Развѣ можно въ дорогѣ болѣть? Ай, ай, какой ты, братъ... а?

Онъ приложилъ руку къ Егорушкиной головѣ, потрогалъ щеку и сказалъ:

— Да, голова горячая... Это ты, должно быть, простудился, или чего-нибудь покушалъ... Ты Бога призывай.

— Хинины ему дать... — сказалъ смущенно Иванъ Иванычъ.

— Нѣтъ, ему бы чего-нибудь горяченькаго покушать... Георгій, хочешь супчику? А?

— Не... не хочу... — отвѣтилъ Егорушка.

— Тебя знобитъ, что ли?

— Прежде знобило, а теперь... теперь жаръ. У меня все тѣло болитъ...

Иванъ Иванычъ подошелъ къ дивану, потрогалъ Егорушку за голову, смущенно крякнулъ и вернулся къ столу.

— Вотъ что, ты раздѣвайся и ложись спать, — сказалъ о. Христофоръ: — тебѣ выспаться надо.

Онъ помогъ Егорушкѣ раздѣться, далъ ему подушку и укрылъ его одѣяломъ, а поверхъ одѣяла пальтомъ Ивана Иваныча, затѣмъ отошелъ на цыпочкахъ и сѣлъ за столъ. Егорушка закрылъ глаза, и ему тотчасъ же стало казаться, что онъ не въ номерѣ, а на большой дорогѣ около костра; Емельянъ махнулъ рукой, а Дымовъ съ красными глазами лежалъ на животѣ и насмѣшливо глядѣлъ на Егорушку.

— Бейте его! Бейте его! — крикнулъ Егорушка.

— Бредитъ... — проговорилъ вполголоса о. Христофоръ.

— Хлопоты! — вздохнулъ Иванъ Иванычъ.

— Надо будетъ его масломъ съ уксусомъ смазать. Богъ дастъ, къ завтраму выздоровѣетъ.

Чтобы отвязаться отъ тяжелыхъ грезъ, Егорушка открылъ глаза и сталъ смотрѣть на огонь. О. Христофоръ и Иванъ Иванычъ уже напились

чаю и о чемъ-то говорили шопотомъ. Первый счастливо улыбался и, повидимому, никакъ не могъ забыть о томъ, что взялъ хорошую пользу на шерсти; веселила его не столько сама польза, сколько мысль, что, пріѣхавъ домой, онъ соберетъ всю свою большую семью, лукаво подмигнетъ и расхохочется; сначала онъ всѣхъ обманетъ и скажетъ, что продалъ шерсть дешевле своей цѣны, потомъ же подастъ зятю Михайлѣ толстый бумажникъ и скажетъ: «На, получай! Вотъ какъ надо дѣла дѣлать!» Кузьмичовъ же не казался довольнымъ. Лицо его попрежнему выражало дѣловую сухость и заботу.

— Эхъ, кабы знатье, что Черепахинъ дастъ такую цѣну, — говорилъ онъ вполголоса: — то я бъ дома не продавалъ Макарову тѣхъ трехсотъ пудовъ! Такая досада! Но кто жъ его зналъ, что тутъ цѣну подняли?

Человѣкъ въ бѣлой рубахѣ убралъ самоваръ и зажегъ въ углу передъ образомъ лампадку. О. Христофоръ шепнулъ ему что-то на ухо; тотъ сдѣлалъ таинственное лицо, какъ заговорщикъ — понимаю молъ — вышелъ и, вернувшись немного погодя, поставилъ подъ диванъ посудину. Иванъ Иванычъ постлалъ себѣ на полу, нѣсколько разъ зѣвнулъ, лѣниво помолился и легъ.

— А завтра я въ соборъ думаю... — сказалъ о. Христофоръ. — Тамъ у меня ключарь знакомый. Къ преосвященному бы надо послѣ обѣдни, да говорятъ, боленъ.

Онъ зѣвнулъ и потушилъ лампу. Теперь ужъ свѣтила одна только лампадка.

— Говорятъ, не принимаетъ, — продолжалъ

о. Христофоръ, разоблачаясь. — Такъ и уѣду, не повидавшись.

Онъ снялъ кафтанъ, и Егорушка увидѣлъ передъ собой Робинзона Крузе. Робинзонъ что-то размѣшалъ въ блюдечкѣ, подошелъ къ Егорушкѣ и зашепталъ:

— Ломоносовъ, ты спишь? Встань-ка! Я тебя масломъ съ уксусомъ смажу. Оно хорошо, ты только Бога призывай.

Егорушка быстро поднялся и сѣлъ. О. Христофоръ снялъ съ него сорочку и, пожимаясь, прерывисто дыша, какъ будто ему самому было щекотно, сталъ растирать Егорушкѣ грудь.

— Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа... — шепталъ онъ. — Ложись спиной кверху!.. Вотъ такъ. Завтра здоровъ будешь, только впередъ не согрѣшай... Какъ огонь, горячій! Небось въ грозу въ дорогѣ были?

— Въ дорогѣ.

— Еще бы не захворать! Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа... Еще бы не захворать!

Смазавши Егорушку, о. Христофоръ надѣлъ на него сорочку, укрылъ, перекрестилъ и отошелъ. Потомъ Егорушка видѣлъ, какъ онъ молился Богу. Вѣроятно, старикъ зналъ наизусть очень много молитвъ, потому что долго стоялъ передъ образомъ и шепталъ. Помолившись, онъ перекрестилъ окна, дверь, Егорушку, Ивана Иваныча, легъ безъ подушки на диванчикъ и укрылся своимъ кафтаномъ. Въ коридорѣ часы пробили десять. Егорушка вспомнилъ, какъ еще много времени осталось до утра, въ тоскѣ припалъ лбомъ къ спинкѣ дивана и ужъ не старался

отдѣлаться отъ туманныхъ угнетающихъ грезъ. Но утро наступило гораздо раньше, чѣмъ онъ думалъ.

Ему казалось, что онъ недолго лежалъ, припавши лбомъ къ спинкѣ дивана, но когда онъ открылъ глаза, изъ обоихъ оконъ номерка уже тянулись къ полу косые солнечные лучи. О. Христофора и Ивана Иваныча не было. Въ номеркѣ было прибрано, свѣтло, уютно и пахло о. Христофоромъ, который всегда издавалъ запахъ кипариса и сухихъ васильковъ (дома онъ дѣлалъ изъ васильковъ кропила и украшенія для кіотовъ, отчего и пропахъ ими насквозь). Егорушка поглядѣлъ на подушку, на косые лучи, на свои сапоги, которые теперь были вычищены и стояли рядышкомъ около дивана, и засмѣялся. Ему казалось страннымъ, что онъ не на тюкѣ, что кругомъ все сухо и на потолкѣ нѣтъ молній и грома.

Онъ прыгнулъ съ дивана и сталъ одѣваться. Самочувствіе у него было прекрасное; отъ вчерашней болѣзни осталась одна только небольшая слабость въ ногахъ и въ шеѣ. Значитъ, масло и уксусъ помогли. Онъ вспомнилъ пароходъ, локомотивъ и широкую рѣку, которые смутно видѣлъ вчера, и теперь спѣшилъ поскорѣе одѣться, чтобы побѣжать на пристань и поглядѣть на нихъ. Когда онъ, умывшись, надѣвалъ кумачовую рубаху, вдругъ щелкнулъ въ дверяхъ замокъ, и на порогѣ показался о. Христофоръ въ своемъ цилиндрѣ, съ посохомъ и въ шелковой коричневой рясѣ поверхъ парусинковаго кафтана. Улыбаясь и сіяя (старики, только-что вернувшіеся изъ церкви, всегда испускаютъ сіяніе),

онъ положилъ на столъ просфору и какой-то свертокъ, помолился и сказалъ:

— Богъ милости прислалъ! Ну, какъ здоровье?

— Теперь хорошо, — отвѣтилъ Егорушка, цѣлуя ему руку.

— Слава Богу... А я изъ обѣдни... Ходилъ съ знакомымъ ключаремъ повидаться. Звалъ онъ меня къ себѣ чай пить, да я не пошелъ. Не люблю по гостямъ ходить спозаранку. Богъ съ ними!

Онъ снялъ рясу, погладилъ себя по груди и, не спѣша, развернулъ свертокъ. Егорушка увидѣлъ жестяночку съ зернистой икрой, кусочекъ балыка и французскій хлѣбъ.

— Вотъ, шелъ мимо живорыбной лавки и купилъ, — сказалъ о. Христофоръ. — Въ будень не изъ чего бы роскошествовать, да подумалъ, дома болящій, такъ оно какъ будто и простительно. А икра хорошая, осетровая...

Человѣкъ въ бѣлой рубахѣ принесъ самоваръ и подносъ съ посудой.

— Кушай, — сказалъ о. Христофоръ, намазывая икру на ломтикъ хлѣба и подавая Егорушкѣ. — Теперь кушай и гуляй, а настанетъ время, учиться будешь. Смотри же, учись со вниманіемъ и прилежаніемъ, чтобы толкъ былъ. Что наизусть надо, то учи наизусть, а гдѣ нужно разсказать своими словами внутренній смыслъ, не касаясь наружнаго, тамъ своими словами. И старайся такъ, чтобъ всѣ науки выучить. Иной математику знаетъ отлично, а про Петра Могилу не слыхалъ, а иной про Петра Могилу знаетъ, а не можетъ про луну объяснить. Нѣтъ, ты такъ

учись, чтобы все понимать! Выучись по-латынски, по-французски, по-нѣмецки... географію, конечно, исторію, богословіе, философію, математику... А когда всему выучишься, не спѣша, да съ молитвою, да съ усердіемъ, тогда и поступай на службу. Когда все будешь знать, тебѣ на всякой стезѣ легко будетъ. Ты только учись да благодати набирайся, а ужъ Богъ укажетъ, кѣмъ тебѣ быть. Докторомъ ли, судьей ли, инженеромъ ли...

О. Христофоръ намазалъ на маленькій кусочекъ хлѣба немножко икры, положилъ его въ ротъ и сказалъ:

— Апостолъ Павелъ говоритъ: «На ученія странна и различна не прилагайтеся». Конечно, если чернокнижіе, буесловіе, или духовъ съ того свѣта вызывать, какъ Саулъ, или такія науки учить, что отъ нихъ пользы ни себѣ, ни людямъ, то лучше не учиться. Надо воспринимать только то, что Богъ благословилъ. Ты соображайся... Святые апостолы говорили на всѣхъ языкахъ — и ты учи языки; Василій Великій училъ математику и философію — и ты учи, святый Несторъ писалъ исторію — и ты учи и пиши исторію. Со святыми соображайся...

О. Христофоръ отхлебнулъ изъ блюдечка, вытеръ усы и покрутилъ головой.

— Хорошо! — сказалъ онъ. — Я по-старинному обученъ, многое ужъ забылъ, да и то живу иначе, чѣмъ прочіе. И сравнивать даже нельзя. Напримѣръ, гдѣ-нибудь въ большомъ обществѣ, за обѣдомъ ли, или въ собраніи скажешь что-нибудь по-латынски, или изъ исторіи, или философіи, а людямъ и пріятно, да и мнѣ са-

мому пріятно... Или вотъ тоже, когда пріѣзжаетъ окружный судъ и нужно приводить къ присягѣ; всѣ прочіе священники стѣсняются, а я съ судьями, съ прокурорами, да съ адвокатами за панибрата: по-ученому поговорю, чайку съ ними попью, посмѣюсь, разспрошу, чего не знаю... И имъ пріятно. Такъ-то вотъ, братъ... Ученье свѣтъ, а неученье тьма. Учись! Оно, конечно, тяжело: въ теперешнее время ученье дорого обходится... Маменька твоя вдовица, пенсіей живетъ, ну да вѣдь...

О. Христофоръ испуганно поглядѣлъ на дверь и продолжалъ шопотомъ:

— Иванъ Иванычъ будетъ помогать. Онъ тебя не оставитъ. Дѣтей у него своихъ нѣту, и онъ тебѣ поможетъ. Не безпокойся.

Онъ сдѣлалъ серьезное лицо и зашепталъ еще тише:

— Только ты смотри, Георгій, Боже тебя сохрани, не забывай матери и Ивана Иваныча. Почитать мать велитъ заповѣдь, а Иванъ Иванычъ тебѣ благодѣтель и вмѣсто отца. Ежели ты выйдешь въ ученые и, не дай Богъ, станешь тяготиться и пренебрегать людями по той причинѣ, что они глупѣе тебя, то горе, горе тебѣ!

О. Христофоръ поднялъ вверхъ руку и повторилъ тонкимъ голоскомъ:

— Горе! Горе!

О. Христофоръ разговорился и, что называется, вошелъ во вкусъ; онъ не окончилъ бы до обѣда, но отворилась дверь, и вошелъ Иванъ Иванычъ. Дядя торопливо поздоровался, сѣлъ за столъ и сталъ быстро глотать чай.

— Ну, со всѣми дѣлами справился, — ска-

залъ онъ. — Сегодня бы и домой ѣхать, да вотъ съ Егоромъ еще забота. Надо его пристроить. Сестра говорила, что тутъ гдѣ-то ея подружка живетъ, Настасья Петровна, такъ вотъ, можетъ, она его къ себѣ на квартиру возьметъ.

Онъ порылся въ своемъ бумажникѣ, досталъ оттуда измятое письмо и прочелъ:

— «Малая Нижняя улица, Настасьѣ Петровнѣ Тоскуновой, въ собственномъ домѣ». Надо будетъ сейчасъ пойти поискать ее. Хлопоты!

Вскорѣ послѣ чаю Иванъ Иванычъ и Егорушка ужъ выходили изъ подворья.

— Хлопоты! — бормоталъ дядя. — Привязался ты ко мнѣ, какъ репейникъ, и ну тебя совсѣмъ къ Богу! Вамъ ученье да благородство, а мнѣ одна мука съ вами...

Когда они проходили дворомъ, то возовъ и подводчиковъ уже не было, всѣ они еще рано утромъ уѣхали на пристань. Въ дальнемъ углу двора темнѣла знакомая бричка; возлѣ нея стояли гнѣдыя и ѣли овесъ.

«Прощай, бричка!» — подумалъ Егорушка.

Сначала пришлось долго подниматься на гору по бульвару, потомъ идти черезъ большую базарную площадь; тутъ Иванъ Иванычъ справился у городового, гдѣ Малая Нижняя улица.

— Эва! — усмѣхнулся городовой. — Она далече, туда къ выгону!

На пути попадались навстрѣчу извозчичьи пролетки, но такую слабость, какъ ѣзда на извозчикахъ, дядя позволялъ себѣ только въ исключительныхъ случаяхъ и по большимъ праздникамъ. Онъ и Егорушка долго шли по мощенымъ улицамъ, потомъ шли по улицамъ, гдѣ были

одни только тротуары, а мостовыхъ не было, и въ концѣ концовъ попали на такія улицы, гдѣ не было ни мостовыхъ, ни тротуаровъ. Когда ноги и языкъ довели ихъ до Малой Нижней улицы, оба они были красны и, снявъ шляпы, вытирали потъ.

— Скажите, пожалуйста, — обратился Иванъ Иванычъ къ одному старичку, сидѣвшему у воротъ на лавочкѣ: — гдѣ тутъ домъ Настасьи Петровны Тоскуновой?

— Никакой тутъ Тоскуновой нѣтъ, — отвѣтилъ старикъ, подумавъ. — Можетъ, Тимошенко?

— Нѣтъ, Тоскунова...

— Извините, Тоскуновой нѣту...

Иванъ Иванычъ пожалъ плечами и поплелся дальше.

— Да не ищите! — крикнулъ ему сзади старикъ. — Говорю — нѣту, значитъ — нѣту!

— Послушай, тетенька, — обратился Иванъ Иванычъ къ старухѣ, продававшей на углу въ лоткѣ подсолнухи и груши: — гдѣ тутъ домъ Настасьи Петровны Тоскуновой?

Старуха поглядѣла на него съ удивленіемъ и засмѣялась.

— Да нешто Настасья Петровна теперь въ своемъ домѣ живетъ? — спросила она. — Господи, ужъ годовъ восемь, какъ она дочку выдала и домъ свой зятю отказала! Тамъ теперь зять живетъ.

А глаза ее говорили: — «Какъ же вы, дураки, такого пустяка не знаете?»

— А гдѣ она теперь живетъ? — спросилъ Иванъ Иванычъ.

— Господи! — удивилась старуха, всплe-

скивая руками. — Она ужъ давно на квартирѣ живетъ! Ужъ годовъ восемь, какъ свой домъ зятю отказала. Что вы!

Она, вѣроятно, ожидала, что Иванъ Иванычъ тоже удивится и воскликнетъ: «Да не можетъ быть!!», но тотъ очень покойно спросилъ:

— Гдѣ жъ ея квартира?

Торговка засучила рукава и, указывая голой рукой, стала кричать пронзительнымъ тонкимъ голосомъ:

— Идите все прямо, прямо, прямо... Вотъ какъ пройдете красненькій домичекъ, такъ на лѣвой рукѣ будетъ переулочекъ. Такъ вы идите въ этотъ переулочекъ и глядите третьи ворота справа...

Иванъ Иванычъ и Егорушка дошли до краснаго домика, повернули налѣво въ переулокъ и направились къ третьимъ воротамъ справа. По обѣ стороны этихъ сѣрыхъ, очень старыхъ воротъ тянулся сѣрый заборъ съ широкими щелями; правая часть забора сильно накренилась впередъ и грозила паденіемъ, лѣвая покосилась назадъ во дворъ, ворота же стояли прямо и, казалось, еще выбирали, куда имъ удобнѣе свалиться, впередъ, или назадъ. Иванъ Иванычъ отворилъ калитку и вмѣстѣ съ Егорушкой увидѣлъ большой дворъ, поросшій бурьяномъ и репейникомъ. Въ ста шагахъ отъ воротъ стоялъ небольшой домикъ съ красной крышей и съ зелеными ставнями. Какая-то полная женщина, съ засученными рукавами и съ поднятымъ фартукомъ, стояла среди двора, сыпала что-то на землю и кричала такъ же пронзительно-тонко, какъ и торговка:

— Цыпъ!.. цыпъ! цыпъ!

Сзади нея сидѣла рыжая собака съ острыми ушами. Увидѣвъ гостей, она побѣжала къ калиткѣ и залаяла теноромъ (всѣ рыжія собаки лаютъ теноромъ).

— Кого вамъ? — крикнула женщина, заслоняя рукой глаза отъ солнца.

— Здравствуйте! — тоже крикнулъ ей Иванъ Иванычъ, отмахиваясь палкой отъ рыжей собаки. — Скажите, пожалуйста, здѣсь живетъ Настасья Петровна Тоскунова?

— Здѣсь! А на что вамъ?

Иванъ Иванычъ и Егорушка подошли къ ней. Она подозрительно оглядѣла ихъ и проговорила:

— На что она вамъ?

— Да можетъ, вы сами Настасья Петровна?

— Ну, я!

— Очень пріятно... Видите ли, кланялась вамъ ваша давнишняя подружка, Ольга Ивановна Князева. Вотъ это ея сынокъ. А я, можетъ, помните, ея родной братъ, Иванъ Иванычъ... Вы вѣдь наша N—ская... Вы у насъ и родились, и замужъ выходили...

Наступила молчаніе. Полная женщина уставилась безсмысленно на Ивана Иваныча, какъ бы не вѣря или не понимая, потомъ вся вспыхнула и всплеснула руками; изъ фартука ея посыпался овесъ, изъ глазъ брызнули слезы.

— Ольга Ивановна! — взвизгнула она, тяжело дыша отъ волненія. — Голубушка моя родная! Ахъ, батюшки, такъ что же я, какъ дура, стою? Ангельчикъ ты мой хорошенькій...

Она обняла Егорушку, обмочила слезами его лицо и совсѣмъ заплакала.

— Господи! — сказала она, ломая руки. — Олечкинъ сыночекъ! Вотъ радость-то! Совсѣмъ мать! Чистая мать! Да что жъ вы на дворѣ стоите? Пожалуйте въ комнаты!

Плача, задыхаясь и говоря на ходу, она поспѣшила къ дому; гости поплелись за ней.

— У меня не прибрано! — говорила она, вводя гостей въ маленькій душный залъ, весь уставленный образами и цвѣточными горшками. — Ахъ, Матерь Божія! Василиса, поди, хоть ставни отвори! Ангельчикъ мой! Красота моя неописанная! Я и не знала, что у Олечки такой сыночекъ!

Когда она успокоилась и привыкла къ гостямъ, Иванъ Иванычъ пригласилъ ее поговорить наединѣ. Егорушка вышелъ въ другую комнатку; тутъ стояла швейная машина, на окнѣ висѣла клѣтка со скворцомъ и было такъ же много образовъ и цвѣтовъ, какъ и въ залѣ. Около машины неподвижно стояла какая-то дѣвочка, загорѣлая, со щеками пухлыми, какъ у Тита, и въ чистенькомъ ситцевомъ платьицѣ. Она, не мигая, глядѣла на Егорушку и, повидимому, чувствовала себя очень неловко. Егорушка поглядѣлъ на нее, помолчалъ и спросилъ:

— Какъ тебя звать?

Дѣвочка пошевелила губами, сдѣлала плачущее лицо и тихо отвѣтила:

— Атька...

Это значило: Катька.

— Онъ у васъ будетъ жить, — шепталъ въ

залѣ Иванъ Иванычъ: — ежели вы будете такія добрыя, а мы вамъ будемъ по десяти рублей въ мѣсяцъ платить. Онъ у насъ мальчикъ не балованный, тихій....

— Ужъ не знаю, какъ вамъ и сказать, Иванъ Иванычъ! — плаксиво вздыхала Настасья Петровна. — Десять рублей деньги хорошія, да вѣдь чужого-то ребенка брать страшно! Вдругъ заболѣетъ, или что...

Когда Егорушку опять позвали въ залъ, Иванъ Иванычъ уже стоялъ со шляпой въ рукахъ и прощался.

— Что жъ? Значитъ, пускай теперь и остается у васъ, — говорилъ онъ. — Прощайте! Оставайся, Егоръ! — сказалъ онъ, обращаясь къ племяннику. — Не балуй тутъ, слушайся Настасью Петровну... Прощай! Я приду еще завтра.

И онъ ушелъ. Настасья Петровна еще разъ обняла Егорушку, обозвала его ангельчикомъ и, заплаканная, стала собирать на столъ. Черезъ три минуты Егорушка ужъ сидѣлъ рядомъ съ ней, отвѣчалъ на ея безконечные разспросы и ѣлъ жирныя, горячія щи.

А вечеромъ онъ сидѣлъ опять за тѣмъ же столомъ и, положивъ голову на руку, слушалъ Настасью Петровну. Она, то смѣясь, то плача, разсказывала ему про молодость его матери, про свое замужество, про своихъ дѣтей... Въ печкѣ кричалъ сверчокъ и едва слышно гудѣла горѣлка въ лампѣ. Хозяйка говорила вполголоса и то-и-дѣло отъ волненія роняла наперстокъ, а Катя, ея внучка, лазала за нимъ подъ столъ и каждый разъ долго сидѣла подъ столомъ, вѣ-

роятно разсматривая Егорушкины ноги. А Егорушка слушалъ, дремалъ и разсматривалъ лицо старухи, ея бородавку съ волосками, полоски отъ слезъ... И ему было грустно, очень грустно! Спать его положили на сундукѣ и предупредили, что если онъ ночью захочетъ покушать, то чтобы самъ вышелъ въ коридорчикъ и взялъ тамъ на окнѣ цыпленка, накрытаго тарелкой.

На другой день утромъ приходили прощаться Иванъ Иванычъ и о. Христофоръ. Настасья Петровна обрадовалась и собралась было ставить самоваръ, но Иванъ Иванычъ, очень спѣшившій, махнулъ рукой и сказалъ:

— Некогда намъ съ чаями да съ сахарами! Мы сейчасъ уйдемъ.

Передъ прощаньемъ всѣ сѣли и помолчали минуту. Настасья Петровна глубоко вздохнула и заплаканными глазами поглядѣла на образа.

— Ну, — началъ Иванъ Иванычъ, поднимаясь: — значитъ, ты остаешься...

Съ лица его вдругъ исчезла дѣловая сухость, онъ немножко покраснѣлъ, грустно улыбнулся и сказалъ:

— Смотри же, учись... Не забывай матери и слушайся Настасью Петровну... Если будешь, Егоръ, хорошо учиться, то я тебя не оставлю.

Онъ вынулъ изъ кармана кошелекъ, повернулся къ Егорушкѣ спиной, долго рылся въ мелкой монетѣ и, найдя гривенникъ, далъ его Егорушкѣ. О. Христофоръ вздохнулъ и, не спѣша, благословилъ Егорушку.

— Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа... Учись, — сказалъ онъ. — Трудись,

братъ... Ежели помру, поминай. Вотъ прими и отъ меня гривенничекъ...

Егорушка поцѣловалъ ему руку и заплакалъ. Что-то въ душѣ шепнуло ему, что ужъ онъ больше никогда не увидится съ этимъ старикомъ.

— Я, Настасья Петровна, ужъ подалъ въ гимназію прошеніе, — сказалъ Иванъ Иванычъ такимъ голосомъ, какъ будто въ залѣ былъ покойникъ. — Седьмого августа вы его на экзаменъ сведете... Ну, прощайте! Оставайтесь съ Богомъ. Прощай, Егоръ!

— Да вы бы хоть чайку покушали! — простонала Настасья Петровна.

Сквозъ слезы, застилавшія глаза, Егорушка не видѣлъ, какъ вышли дядя и о. Христофоръ. Онъ бросился къ окну, но во дворѣ ихъ уже не было, и отъ воротъ съ выраженіемъ исполненнаго долга бѣжала назадъ только-что лаявшая рыжая собака. Егорушка, самъ не зная зачѣмъ, рванулся съ мѣста и полетѣлъ изъ комнатъ. Когда онъ выбѣжалъ за ворота, Иванъ Иванычъ и о. Христофоръ, помахивая — первый палкой съ крючкомъ, второй посохомъ, поворачивали уже за уголъ. Егорушка почувствовалъ, что съ этими людьми для него исчезло навсегда, какъ дымъ, все то, что до сихъ поръ было пережито; онъ опустился въ изнеможеніи на лавочку и горькими слезами привѣтствовалъ новую, невѣдомую жизнь, которая теперь начиналась для него...

Какова-то будетъ эта жизнь?

1888.

Неосторожность

Петръ Петровичъ Стрижинъ, племянникъ полковницы Ивановой, тотъ самый, у котораго въ прошломъ году украли новыя калоши, вернулся съ крестинъ ровно въ два часа ночи. Чтобы не разбудить своихъ, онъ осторожно раздѣлся въ передней, на цыпочкахъ, чуть дыша, пробрался къ себѣ въ спальню и, не зажигая огня, сталъ готовиться ко сну.

Стрижинъ ведетъ жизнь трезвую и регулярную, выраженіе лица у него душеспасительное, книжки онъ читаетъ только духовно-нравственныя, но на крестинахъ отъ радости, что Любовь Спиридоновна благополучно разрѣшилась отъ бремени, онъ позволилъ себѣ выпить четыре рюмки водки и стаканъ вина, напоминавшаго своимъ вкусомъ что-то среднее между уксусомъ и касторовымъ масломъ. Горячіе же напитки подобны морской водѣ или славѣ: чѣмъ больше пьешь, тѣмъ сильнѣе жаждешь... И теперь, раздѣваясь, Стрижинъ чувствовалъ непреодолимое желаніе выпить.

«У Дашеньки, кажется, есть водка въ шкапу, въ правомъ углу, — думалъ онъ. — Если я выпью одну рюмку, то она не замѣтитъ».

Послѣ нѣкотораго колебанія, пересиливъ свой страхъ, Стрижинъ направился къ шкапу. Отворивъ осторожно дверцу, онъ нащупалъ въ правомъ углу бутылку и рюмку, налилъ, поставилъ бутылку на мѣсто, потомъ перекрестился

и выпилъ. И тотчасъ же произошло нѣчто въ родѣ чуда. Со страшной силой, точно бомбу, Стрижина вдругъ отбросило отъ шкапа къ сундуку. Въ глазахъ его засверкало, дыханіе сперло, по всему тѣлу пробѣжало такое ощущеніе, какъ будто онъ упалъ въ болото, полное пьявокъ. Ему показалось, что вмѣсто водки онъ проглотилъ кусокъ динамита, который взорвалъ его тѣло, домъ, весь переулокъ... Голова, руки, ноги — все оторвалось и полетѣло куда-то къ чорту, въ пространство...

Минуты три онъ лежалъ на сундукѣ неподвижно, не дыша, потомъ поднялся и спросилъ себя:

«Гдѣ я?»

Первое, что онъ ясно ощутилъ, придя въ себя, это былъ рѣзкій запахъ керосина.

«Батюшки мои, это я вмѣсто водки керосину выпилъ! — ужаснулся онъ. — Святители угодники!»

Отъ мысли, что онъ отравился, его бросило и въ холодъ, и въ жаръ. Что ядъ былъ дѣйствительно принятъ, свидѣтельствовали, кромѣ запаха въ комнатѣ, жженіе во рту, искры въ глазахъ, звонъ колоколовъ въ головѣ и колотье въ желудкѣ. Чувствуя приближеніе смерти и не обманывая себя напрасными надеждами, онъ пожелалъ проститься съ близкими и отправился въ спальню Дашеньки. (Будучи вдовымъ, онъ у себя въ квартирѣ держалъ вмѣсто хозяйки свою свояченицу Дашеньку, старую дѣву).

— Дашенька! — сказалъ онъ плачущимъ голосомъ, входя въ спальню. — Дорогая Дашенька!

Что-то заворочалось въ потемкахъ и испустило глубокій вздохъ.

— Дашенька!

— А? Что? — быстро заговорилъ женскій голосъ. — Это вы, Петръ Петровичъ? Уже вернулись? Ну, что? Какъ назвали дѣвочку? Кто былъ кумой?

— Кумой была Наталья Андреевна Великосвѣтская, а кумомъ Павелъ Иванычъ Безсонницынъ... Я... я, Дашенька, кажется, умираю. А новорожденную назвали Олимпіадой въ честь ихней благодѣтельницы... Я... я, Дашенька, выпилъ керосину...

— Вотъ еще! Нешто тамъ подавали керосинъ?

— Признаться, я хотѣлъ, не спросясь васъ, водки выпить, и... и Богъ наказалъ: по нечаянности я въ потемкахъ керосину выпилъ... Что мнѣ дѣлать?

Дашенька, услышавъ, что безъ ея разрѣшенія отворяли шкапъ, оживилась... Она быстро зажгла свѣчку, прыгнула съ постели и въ одной сорочкѣ, весноватая, костлявая, въ папильоткахъ, зашлепала босыми ногами къ шкапу.

— Кто же это вамъ позволилъ? — спросила она строго, оглядывая внутренность шкапа. — Нешто водка для васъ поставлена?

— Я... я, Дашенька, пилъ не водку, а керосинъ... — пробормоталъ Стрижинъ, отирая холодный потъ.

— А зачѣмъ вамъ керосинъ трогать? Развѣ это ваше дѣло? Для васъ онъ поставленъ? Или, по-вашему, керосинъ денегъ не стòитъ? А? Да вы знаете, почемъ теперь керосинъ? Знаете?

— Дорогая Дашенька! — простоналъ Стрижинъ. — Вопросъ идетъ о жизни и смерти, а вы о деньгахъ!

— Напился пьяный и въ шкапъ суетъ свой носъ! — крикнула Дашенька, сердито хлопнувъ дверцей. — О, изверги, мучители! Страдалица я, несчастная, ни днемъ, ни ночью покою! Аспиды-василиски, ироды окаянные, чтобъ вамъ на томъ свѣтѣ такъ жилось! Завтра же съѣзжаю! Я дѣвица и не позволяю вамъ стоять передо мною въ одномъ нижнемъ бѣльѣ! Вы не смѣете глядѣть на меня, когда я не одѣта!

И пошла, и пошла... Зная, что разсерженную Дашеньку не уймешь ни мольбами, ни клятвами, ни даже пальбой изъ пушекъ, Стрижинъ махнулъ рукой, одѣлся и рѣшилъ сходить къ доктору. Но доктора легко найти только тогда, когда онъ не нуженъ. Избѣгавъ три улицы и позвонившись разъ пять къ доктору Чепхарьянцу и семь разъ къ доктору Бултыхину, Стрижинъ побѣжалъ въ аптеку: авось поможетъ аптекарь. Тутъ, послѣ долгаго ожиданія, къ нему вышелъ маленькій, чернявый и кудрявый фармацевтъ, заспанный, въ халатѣ, и съ такимъ серьезнымъ и умнымъ лицомъ, что даже стало страшно.

— Вамъ что угодно? — спросилъ онъ тономъ, какимъ могутъ говорить только очень умные и солидные фармацевты іудейскаго вѣроисповѣданія.

— Ради Бога... прошу васъ! — проговорилъ Стрижинъ, задыхаясь. — Дайте мнѣ чего-нибудь... Я сейчасъ по нечаянности керосину выпилъ! Умираю!

— Прошу васъ не волноваться и отвѣчать на вопросы, которые я буду вамъ задавать. Уже одинъ тотъ фактъ, что вы волнуетесь, не дозволяетъ мнѣ понимать васъ. Вы выпили керосину? Да-а?

— Да, керосину! Спасите, пожалуйста!

Фармацевтъ хладнокровно и серьезно подошелъ къ конторкѣ, раскрылъ книгу и погрузился въ чтеніе. Прочитавъ двѣ страницы, онъ пожалъ однимъ плечомъ, потомъ другимъ, состроилъ презрительную гримасу и, подумавъ, вышелъ въ смежную комнату. Часы пробили четыре. И когда они показывали десять минутъ пятаго, фармацевтъ вернулся съ другой книгой и опять погрузился въ чтеніе.

— Гм! — сказалъ онъ, какъ бы недоумѣвая. — Уже одинъ тотъ фактъ, что вы чувствуете себя нехорошо, нужно, чтобъ вы обратились не въ аптеку, а къ врачу.

— Но я уже былъ у докторовъ! Не дозвонился!

— Гм... Вы насъ, фармацевтовъ, не считаете за людей и безпокоите даже въ четыре часа ночи, а каждая собаке, каждый кошке имѣетъ покой... Вы ничего не желаете понимать, и, по-вашему, мы не люди и въ насъ нервы долженъ быть, какъ веровка.

Стрижинъ выслушалъ фармацевта, вздохнулъ и пошелъ домой.

«Стало быть, суждено умереть!» — думалъ онъ.

А во рту у него горѣло и пахло керосиномъ, въ желудкѣ рѣзало, въ ушахъ раздавалось: бумъ, бумъ, бумъ! Каждую минуту ему казалось, что

конецъ его уже близокъ, что сердце его уже не бьется...

Придя домой, онъ поспѣшилъ написать: «Прошу въ моей смерти никого не винить», потомъ помолился Богу, легъ и укрылся съ головой. До утра онъ не спалъ и ждалъ смерти, и все время ему мерещилось, какъ его могила покрывается молодой зеленью и какъ надъ нею щебечутъ птички...

А утромъ онъ сидѣлъ на кровати и, улыбаясь, говорилъ Дашенькѣ:

— Кто ведетъ правильную и регулярную жизнь, дорогая сестрица, того никакая отрава не возьметъ. Вотъ хоть бы меня взять въ примѣръ. Былъ я на краю погибели, умиралъ, мучился, а теперь ничего. Только во рту пожгло и въ глоткѣ саднитъ, а все тѣло здорово, слава Богу... А отчего? Потому что регулярная жизнь.

— Нѣтъ, это значитъ — керосинъ плохой! — вздыхала Дашенька, думая о расходахъ и глядя въ одну точку. — Значитъ, лавочникъ мнѣ далъ не лучшаго, а того, что полторы копейки фунтъ. Страдалица я, несчастная, изверги-мучители, чтобъ вамъ на томъ свѣтѣ такъ жилось, ироды, окаянные...

И пошла, и пошла...

1887.

Ненастье

Въ темныя окна стучали крупныя дождевыя капли. Это былъ одинъ изъ тѣхъ противныхъ дачныхъ дождей, которые, обыкновенно, разъ начавшись, тянутся долго, по недѣлямъ, пока озябнувшій дачникъ, привыкнувъ, не погружается въ совершенную апатію. Было холодно, чувствовалась рѣзкая, непріятная сырость. Теща присяжнаго повѣреннаго Квашина и его жена, Надежда Филипповна, одѣтыя въ ватерпруфы и шали, сидѣли въ столовой за обѣденнымъ столомъ. На лицѣ старухи было написано, что она, слава Богу, сыта, одѣта, здорова, выдала единственную дочь за хорошаго человѣка и теперь со спокойною совѣстью можетъ раскладывать пасьянсъ; дочь ея, небольшая, полная блондинка лѣтъ двадцати, съ кроткимъ, малокровнымъ лицомъ, поставивъ локти на столъ, читала книгу; судя по глазамъ, она не столько читала, сколько думала свои собственныя мысли, которыхъ не было въ книгѣ. Обѣ молчали. Слышался шумъ дождя и изъ кухни доносились протяжные зѣвки кухарки.

Самого Квашина не было дома. Въ дождливые дни онъ не пріѣзжалъ на дачу, оставался въ городѣ; сырая дачная погода дурно вліяла на его бронхитъ и мѣшала работать. Онъ держался того мнѣнія, что видъ сѣраго неба и дождевыя слезы на окнахъ отнимаютъ энергію

и нагоняютъ хандру. Въ городѣ же, гдѣ больше комфорта, ненастье почти не замѣтно.

Послѣ двухъ пасьянсовъ старуха смѣшала карты и взглянула на дочь.

— Я загадывала, будетъ ли завтра хорошая погода и пріѣдетъ ли нашъ Алексѣй Степанычъ, — сказала она. — Ужъ пятый день, какъ его нѣтъ... Наказалъ Богъ погодой...

Надежда Филипповна равнодушно поглядѣла на мать, встала и прошлась изъ угла въ уголъ.

— Вчера барометръ поднимался, — сказала она въ раздумьѣ: — а сегодня, говорятъ, опять падаетъ!

Старуха разложила карты въ три длинныхъ ряда и покачала головой.

— Соскучилась? — спросила она, взглянувъ на дочь.

— Конечно!

— То-то я вижу. Какъ не соскучиться? Ужъ пятый день его нѣтъ. Бывало, въ маѣ, самое большое два дня, ну три, а теперь — шутка ли? — пятый день! Я ему не жена и то соскучилась. А вчера, какъ сказали мнѣ, что барометръ поднимается, я для него, для Алексѣя Степаныча-то, велѣла цыпленка зарѣзать и карасей почистить. Любитъ онъ. Покойный твой отецъ видѣть рыбы не могъ, а онъ любитъ. Всегда съ аппетитомъ кушаетъ.

— У меня за него сердце болитъ, — сказала дочь. — Намъ скучно, а вѣдь ему, мама, еще скучнѣе.

— Еще бы! День-денской по судамъ, а ночью, какъ сычъ, одинъ въ пустой квартирѣ.

— И что ужасно, мама, онъ тамъ одинъ, безъ прислуги, некому самоваръ поставить или воды подать. Почему бы не нанять на лѣтніе мѣсяцы лакея? Да и вообще къ чему эта дача, если онъ не любитъ? Говорила ему — не нужно, такъ нѣтъ. «Для твоего, — говоритъ, — здоровья». А какое мое здоровье? Я и болѣю-то оттого, что онъ изъ-за меня такія муки терпитъ.

Глядя черезъ плечо матери, дочь замѣтила ошибку въ пасьянсѣ, нагнулась къ столу и стала поправлять. Наступило молчаніе. Обѣ глядѣли въ карты и воображали себѣ, какъ ихъ Алексѣй Степанычъ одинъ-одинешенекъ сидитъ теперь въ городѣ, въ своемъ мрачномъ, пустомъ кабинетѣ и работаетъ, голодный, утомленный, тоскующій по семьѣ...

— А знаешь что, мама? — сказала вдругъ Надежда Филипповна, и глаза ея засвѣтились. — Если завтра будетъ такая же погода, то я съ утреннимъ поѣздомъ поѣду къ нему въ городъ! По крайней мѣрѣ я хоть объ его здоровьѣ узнаю, погляжу на него, чаемъ его напою.

И обѣ стали удивляться, какъ эта мысль, такая простая и легко исполнимая, раньше не приходила имъ въ голову. До города всего полчаса ѣзды, да потомъ на извозчикѣ минутъ двадцать. Онѣ поговорили еще немного и, довольныя, легли спать, вмѣстѣ въ одной комнатѣ.

— Охо-хо-хо . . . Господи, прости насъ грѣшныхъ! — вздохнула старуха, когда часы въ залѣ пробили два. — Не спится!

— Ты не спишь, мама? — спросила дочь шопотомъ. — А я все объ Алешѣ думаю. Какъ

бы онъ своего здоровья не испортилъ въ городѣ! Обѣдаетъ онъ и завтракаетъ Богъ знаетъ гдѣ, въ ресторанахъ да въ трактирахъ.

— Я и сама объ этомъ думала, — вздохнула старуха. — Спаси и сохрани, Царица Небесная. А дождь-то, дождь!

Утромъ дождь уже не стучалъ въ окна, но небо по-вчерашнему было сѣро. Деревья стояли печальныя и при каждомъ налетѣ вѣтра сыпали съ себя брызги. Слѣды человѣческихъ ногъ на грязныхъ тропинкахъ, канавки и колеи были полны воды. Надежда Филипповна рѣшила ѣхать.

— Кланяйся же ему, — говорила старуха, укутывая дочь. — Скажи, чтобъ не очень-то по своимъ судамъ... И отдохнуть надо. Пускай, когда на улицу выходитъ, шею кутаетъ: погода — спаси Богъ! Да возьми ему туда цыпленка; домашнее хоть и холодное, а все же лучше, чѣмъ въ трактирѣ.

Дочь уѣхала, сказавъ, что вернется съ вечернимъ поѣздомъ или завтра утромъ.

Но вернулась она гораздо раньше, передъ обѣдомъ, когда старуха сидѣла у себя въ спальнѣ на сундукѣ и, подремывая, придумывала, что бы такое изжарить къ вечеру для зятя.

Дочь, войдя къ ней въ комнату, блѣдная, разстроенная, и не сказавъ ни слова, не снимая шляпы, опустилась на постель и прислонилась головой къ подушкѣ.

— Да что съ тобой? — изумилась старуха. — Отчего такъ скоро? Алексѣй Степанычъ гдѣ?

Надежда Филипповна подняла голову и сухими, умоляющими глазами поглядѣла на мать.

— Онъ обманываетъ насъ, мама! — проговорила она.

— Да что ты, Христосъ съ тобой! — испугалась старуха, и съ ея головы сползъ чепецъ. — Кто станетъ насъ съ тобой обманывать? Помилуй, Господи!

— Онъ обманываетъ насъ, мама! — повторила дочь, и подбородокъ у нея задрожалъ..

— Откуда ты взяла? — крикнула старуха, блѣднѣя.

— Наша квартира заперта. Дворникъ говоритъ, что въ эти пять дней Алеша ни разу домой не приходилъ. Онъ не дома живетъ! Не дома! Не дома!

Она замахала руками и громко заплакала, произнося только:

— Не дома! Не дома!

Съ нею сдѣлалась истерика.

— Что же это такое? — бормотала старуха въ ужасѣ. — Вѣдь онъ же писалъ третьяго дня, что изъ дому не выходитъ! Ночуетъ онъ гдѣ? Святители-угодники!

Надежда Филипповна ослабѣла и не могла даже снять съ себя шляпу. Точно ей дали дурману, она безсмысленно поводила глазами и судорожно хватала мать за руки.

— Нашла кому повѣрить: дворнику! — говорила старуха, суетясь около дочери и плача. — Экая ревнивая! Не станетъ онъ обманывать... Да и какъ онъ смѣетъ обманывать? Развѣ мы какія-нибудь? Мы хоть и купеческаго званія, а онъ не имѣетъ права, потому что ты ему законная жена! Мы жаловаться можемъ!

Я за тобой двадцать тысячъ дала! Ты не безприданница!

И старуха сама разрыдалась и махнула рукой, и тоже ослабѣла, и легла на свой сундукъ. Обѣ онѣ не замѣтили, какъ на небѣ показались голубыя пятна, раздѣлились облака, какъ въ саду по мокрой травѣ осторожно скользнулъ первый лучъ, какъ повеселѣвшіе воробьи запрыгали около лужъ, въ которыхъ отражались бѣгущія облака.

Къ вечеру пріѣхалъ Квашинъ. Передъ выѣздомъ изъ города онъ побывалъ у себя на квартирѣ и узналъ отъ дворника, что въ его отсутствіе пріѣзжала жена.

— А вотъ и я! — сказалъ онъ весело, входя въ комнату тещи и дѣлая видъ, какъ будто не замѣчаетъ заплаканныхъ, суровыхъ лицъ. — А вотъ и я! Пять сутокъ не видались!

Онъ быстро поцѣловалъ руки женѣ и тещѣ и, съ видомъ человѣка, который радъ, что покончилъ съ тяжелой работой, повалился въ кресло.

— Уфъ! — сказалъ онъ, выпуская изъ легкихъ весь воздухъ. — То-есть, вотъ какъ замучился! Едва сижу! Почти пять сутокъ... день и ночь жилъ, какъ на бивуакахъ! На квартирѣ ни разу не былъ, можете себѣ представить! Все время возился съ конкурсомъ Шипунова и Иванчикова, пришлось работать у Галдѣева, въ его конторѣ, при магазинѣ... Не ѣлъ, не пилъ, спалъ на какой-то скамейкѣ, весь иззябся... Минуты свободной не было, некогда было даже у себя на квартирѣ побывать. Такъ, Надюша, я и не былъ дома...

И Квашинъ, держась за бока, точно у него отъ работы болѣла поясница, искоса поглядѣлъ на жену и тещу, чтобы узнать, какъ подѣйствовала его ложь, или, какъ онъ самъ называлъ, дипломатія. Теща и жена поглядывали другъ на друга съ радостнымъ изумленіемъ, какъ будто нежданно-негаданно нашли драгоцѣнность, которую потеряли... Лица у нихъ сіяли, глаза горѣли...

— Голубчикъ ты мой, — заговорила теща, вскакивая: — что же это я сижу? Чаю! Скорѣй чаю! Можетъ, ѣсть хочешь?

— Конечно, хочетъ! — сказала жена, срывая съ своей головы платокъ, смоченный въ уксусѣ. — Мама, подавайте скорѣй вино и закуску! Наталья, собирай на столъ! Ахъ, Боже мой, ничего не готово!

И обѣ, испуганныя, счастливыя, засуетились, забѣгали по комнатамъ. Старуха не могла уже безъ смѣха глядѣть на дочь, которая оклеветала ни въ чемъ неповиннаго человѣка, а дочери было совѣстно...

Скоро столъ былъ накрытъ. Квашинъ, отъ котораго пахло мадерой и ликерами, и который еле дышалъ отъ сытости, жаловался на голодъ, насильно жевалъ и все говорилъ про конкурсъ Шипунова и Иванчикова, а жена и теща не отрывали глазъ отъ его лица и думали:

«Какой онъ у насъ умный, ласковый! Какой онъ красивый!»

«Важно! — думалъ Квашинъ, ложась послѣ ужина на большую, пухлую перину. — Хоть и купчихи онѣ, хоть Азія, а все же есть свое-

образная прелесть, и день-два въ недѣлю можно провести здѣсь со вкусомъ...»

Онъ укрылся, согрѣлся и проговорилъ, засыпая:

«Важно!»

1887.

Бѣглецъ

Это была длинная процедура. Сначала Пашка шелъ съ матерью подъ дождемъ, то по скошенному полю, то по лѣснымъ тропинкамъ, гдѣ къ его сапогамъ липли желтые листья, шелъ до тѣхъ поръ, пока не разсвѣло. Потомъ онъ часа два стоялъ въ темныхъ сѣняхъ и ждалъ, когда отопрутъ дверь. Въ сѣняхъ было не такъ холодно и сыро, какъ на дворѣ, но при вѣтрѣ и сюда залетали дождевые брызги. Когда сѣни мало-по-малу биткомъ набились народомъ, стиснутый Пашка припалъ лицомъ къ чьему-то тулупу, отъ котораго пахло сильно соленой рыбой, и вздремнулъ. Но вотъ щелкнула задвижка, дверь распахнулась, и Пашка съ матерью вошелъ въ пріемную. Тутъ опять пришлось долго ждать. Всѣ больные сидѣли на скамьяхъ, не шевелились и молчали. Пашка оглядывалъ ихъ и тоже молчалъ, хотя видѣлъ много страннаго и смѣшного. Разъ только, когда въ пріемную, подпрыгивая на одной ногѣ, вошелъ какой-то парень, Пашкѣ самому захотѣлось также попрыгать; онъ толкнулъ мать подъ локоть, прыснулъ въ рукавъ и сказалъ:

— Мама, гляди: воробей!

— Молчи, дѣтка, молчи! — сказала мать.

Въ маленькомъ окошечкѣ показался заспанный фельдшеръ.

— Подходи записываться! — пробасилъ онъ.

Всѣ, въ томъ числѣ и смѣшной подпрыгивающій парень, потянулись къ окошечку. У

каждаго фельдшеръ спрашивалъ имя и отчество, лѣта, мѣстожительство, давно ли боленъ и проч. Изъ отвѣтовъ своей матери Пашка узналъ, что зовутъ его не Пашкой, а Павломъ Галактіоновымъ, что ему семь лѣтъ, что онъ не грамотенъ и боленъ съ самой Пасхи.

Вскорѣ послѣ записыванія нужно было ненадолго встать; черезъ пріемную прошелъ докторъ въ бѣломъ фартукѣ и подпоясанный полотенцемъ. Проходя мимо подпрыгивающаго парня, онъ пожалъ плечами и сказалъ пѣвучимъ теноромъ:

— Ну, и дуракъ! Что жъ, развѣ не дуракъ? Я велѣлъ тебѣ придти въ понедѣльникъ, а ты приходишь въ пятницу. По мнѣ хоть вовсе не ходи, но вѣдь, дуракъ этакой, нога пропадетъ!

Парень сдѣлалъ такое жалостное лицо, какъ будто собрался просить милостыню, заморгалъ и сказалъ:

— Сдѣлайте такую милость, Иванъ Миколаичъ!

— Тутъ нечего — Иванъ Миколаичъ! — передразнилъ докторъ. — Сказано въ понедѣльникъ, и надо слушаться. Дуракъ, вотъ и все...

Началась пріемка. Докторъ сидѣлъ у себя въ комнаткѣ и выкликалъ больныхъ по очереди. То-и-дѣло изъ комнатки слышались пронзительные вопли, дѣтскій плачъ, или сердитые возгласы доктора:

— Ну, что орешь? Рѣжу я тебя, что ли? Сиди смирно!

Настала очередь Пашки.

— Павелъ Галактіоновъ! — крикнулъ докторъ.

Мать обомлѣла, точно не ждала этого вызова, и, взявъ Пашку за руку, повела его въ комнатку. Докторъ сидѣлъ у стола и машинально стучалъ по толстой книгѣ молоточкомъ.

— Что болитъ? — спросилъ онъ, не глядя на вошедшихъ.

— У парнишки болячка на локтѣ, батюшка, — отвѣтила мать, и лицо ея приняло такое выраженіе, какъ будто она въ самомъ дѣлѣ ужасно опечалена Пашкиной болячкой.

— Раздѣнь его!

Пашка, пыхтя, распуталъ на шеѣ платокъ, потомъ вытеръ рукавомъ носъ и сталъ не спѣша стаскивать тулупчикъ.

— Баба, не въ гости пришла! — сказалъ сердито докторъ. — Что возишься? Вѣдь ты у меня не одна тутъ.

Пашка торопливо сбросилъ тулупчикъ на землю и съ помощью матери снялъ рубаху... Докторъ лѣниво поглядѣлъ на него и похлопалъ его по голому животу.

— Важное, братъ Пашка, ты себѣ пузо отрастилъ, — сказалъ онъ и вздохнулъ. — Ну, показывай свой локоть.

Пашка покосился на тазъ съ кровяными помоями, поглядѣлъ на докторскій фартукъ и заплакалъ.

— Ме-е! — передразнилъ докторъ. — Женить пора баловника, а онъ реветъ! Безсовѣстный.

Стараясь не плакать, Пашка поглядѣлъ на мать, и въ этомъ его взглядѣ была написана просьба: «ты же не разсказывай дома, что я въ больницѣ плакалъ!»

Докторъ осмотрѣлъ его локоть, подавилъ, вздохнулъ, чмокнулъ губами, потомъ опять подавилъ.

— Бить тебя, баба, да некому, — сказалъ онъ. — Отчего ты раньше его не приводила? Рука-то вѣдь пропащая! Гляди-ка-сь, дура, вѣдь это суставъ болитъ!

— Вамъ лучше знать, батюшка... — вздохнула баба.

— Батюшка... Сгноила парню руку, да теперь и батюшка. Какой онъ работникъ безъ руки? Вотъ вѣкъ цѣлый и будешь съ нимъ няньчиться. Небось, какъ у самой прыщъ на носу вскочитъ, такъ сейчасъ же въ больницу бѣжишь, а мальчишку полгода гноила. Всѣ вы такія.

Докторъ закурилъ папироску. Пока папироска дымила, онъ распекалъ бабу и покачивалъ головой въ тактъ пѣсни, которую напѣвалъ мысленно, и все думалъ о чемъ-то. Голый Пашка стоялъ передъ нимъ, слушалъ и глядѣлъ на дымъ. Когда же папироса потухла, докторъ встрепенулся и заговорилъ тономъ ниже:

— Ну, слушай, баба. Мазями да каплями тутъ не поможешь. Надо его въ больницѣ оставить.

— Ежели нужно, батюшка, то почему не оставить?

— Мы ему операцію сдѣлаемъ. А ты, Пашка, оставайся, — сказалъ докторъ, хлопая Пашку по плечу. — Пусть мать ѣдетъ, а мы съ тобой, братъ, тутъ останемся. У меня, братъ, хорошо, разлюли малина! Мы съ тобой, Пашка, вотъ какъ управимся, чижей пойдемъ ловить,

я тебѣ лисицу покажу! Въ гости вмѣстѣ поѣдемъ! А? Хочешь? А мать за тобой завтра пріѣдетъ! А?

Пашка вопросительно поглядѣлъ на мать.

— Оставайся, дѣтка! — сказала она.

— Остается, остается! — весело закричалъ докторъ. — И толковать нечего! Я ему живую лисицу покажу! Поѣдемъ вмѣстѣ на ярмарку леденцы покупать! Марья Денисовна, сведите его наверхъ!

Докторъ, повидимому, веселый и покладистый малый, радъ былъ компаніи; Пашка захотѣлъ уважить его, тѣмъ болѣе, что отродясь не бывалъ на ярмаркѣ и охотно бы поглядѣлъ на живую лисицу, но какъ обойтись безъ матери? Подумавъ немного, онъ рѣшилъ попросить доктора оставить въ больницѣ и мать, но не успѣлъ онъ раскрыть рта, какъ фельдшерица уже вела его вверхъ по лѣстницѣ. Шелъ онъ и, разинувъ ротъ, глядѣлъ по сторонамъ. Лѣстница, полы и косяки — все громадное, прямое и яркое — были выкрашены въ великолѣпную желтую краску и издавали вкусный запахъ постнаго масла. Всюду висѣли лампы, тянулись половики, торчали въ стѣнахъ мѣдные краны. Но больше всего Пашкѣ понравилась кровать, на которую его посадили, и сѣрое шершавое одѣяло. Онъ потрогалъ руками подушки и одѣяло, оглядѣлъ палату и рѣшилъ, что доктору живется очень недурно.

Палата была не велика и состояла только изъ трехъ кроватей. Одна кровать стояла пустой, другая была занята Пашкой, а на третьей сидѣлъ какой-то старикъ съ кислыми глазами,

который все время кашлялъ и плевалъ въ кружку. Съ Пашкиной кровати видна была въ дверь часть другой палаты съ двумя кроватями: на одной спалъ какой-то очень блѣдный, тощій человѣкъ съ каучуковымъ пузыремъ на головѣ; на другой, разставивъ руки, сидѣлъ мужикъ съ повязанной головой, очень похожій на бабу.

Фельдшерица, усадивъ Пашку, вышла и немного погодя вернулась, держа въ охапкѣ кучу одежи.

— Это тебѣ, — сказала она. — Одѣвайся.

Пашка раздѣлся и не безъ удовольствія сталъ облачаться въ новое платье. Надѣвши рубаху, штаны и сѣрый халатикъ, онъ самодовольно оглядѣлъ себя и подумалъ, что въ такомъ костюмѣ недурно бы пройтись по деревнѣ. Его воображеніе нарисовало, какъ мать посылаетъ его на огородъ къ рѣкѣ нарвать для поросенка капустныхъ листьевъ; онъ идетъ, а мальчишки и дѣвчонки окружили его и съ завистью глядятъ на его халатикъ.

Въ палату вошла сидѣлка, держа въ рукахъ двѣ оловянныхъ миски, ложки и два куска хлѣба. Одну миску она поставила передъ старикомъ, другую — передъ Пашкой.

— Ѣшь! — сказала она.

Взглянувъ въ миску, Пашка увидѣлъ жирныя щи, а въ щахъ кусокъ мяса, и опять подумалъ, что доктору живется очень недурно и что докторъ вовсе не такъ сердитъ, какимъ показался сначала. Долго онъ ѣлъ щи, облизывая послѣ каждаго хлебка ложку, потомъ, когда, кромѣ мяса, въ мискѣ ничего не осталось, покосился на старика и позавидовалъ, что тотъ все

еще хлебаетъ. Со вздохомъ онъ принялся за мясо, стараясь ѣсть его возможно дольше, но старанія его ни къ чему не привели: скоро исчезло и мясо. Остался только кусокъ хлѣба. Не вкусно ѣсть одинъ хлѣбъ безъ приправы, но дѣлать было нечего, Пашка подумалъ и съѣлъ хлѣбъ. Въ это время вошла сидѣлка съ новыми мисками. На этотъ разъ въ мискахъ было жаркое съ картофелемъ.

— А гдѣ же хлѣбъ-то? — спросила сидѣлка.

Вмѣсто отвѣта Пашка надулъ щеки и выдыхнулъ воздухъ.

— Ну, зачѣмъ сожралъ? — сказала укоризненно сидѣлка. — А съ чѣмъ же ты жаркое ѣсть будешь?

Она вышла и принесла новый кусокъ хлѣба. Пашка отродясь не ѣлъ жаренаго мяса и, испробовавъ его теперь, нашелъ, что оно очень вкусно. Исчезло оно быстро, и послѣ него остался кусокъ хлѣба больше, чѣмъ послѣ щей. Старикъ, пообѣдавъ, спряталъ свой оставшійся хлѣбъ въ столикъ; Пашка хотѣлъ сдѣлать то же самое, но подумалъ и съѣлъ свой кусокъ.

Наѣвшись, онъ пошелъ прогуляться. Въ сосѣдней палатѣ, кромѣ тѣхъ, которыхъ онъ видѣлъ въ дверь, находилось еще четыре человѣка. Изъ нихъ только одинъ обратилъ на себя его вниманіе. Это былъ высокій, крайне исхудалый мужикъ съ угрюмымъ волосатымъ лицомъ; онъ сидѣлъ на кровати и все время, какъ маятникомъ, кивалъ головой и махалъ правой рукой. Пашка долго не отрывалъ отъ него глазъ. Сначала маятникообразныя, мѣрныя киванія мужика казались ему курьезными, производимыми для

всеобщей потѣхи, но когда онъ вглядѣлся въ лицо мужика, ему стало жутко, и онъ понялъ, что этотъ мужикъ нестерпимо боленъ. Пройдя въ третью палату, онъ увидѣлъ двухъ мужиковъ съ темно-красными лицами, точно вымазанными глиной. Они неподвижно сидѣли на кроватяхъ и со своими странными лицами, на которыхъ трудно было различить черты, походили на языческихъ божковъ.

— Тетка, зачѣмъ они такіе? — спросилъ Пашка у сидѣлки.

— У нихъ, парнишка, воспа.

Вернувшись къ себѣ въ палату, Пашка сѣлъ на кровать и сталъ дожидаться доктора, чтобы идти съ нимъ ловить чижей или ѣхать на ярмарку. Но докторъ не шелъ. Въ дверяхъ сосѣдней палаты мелькнулъ не надолго фельдшеръ. Онъ нагнулся къ тому больному, у котораго на головѣ лежалъ мѣшокъ со льдомъ, и крикнулъ:

— Михайло!

Спавшій Михайло не шевельнулся. Фельдшеръ махнулъ рукой и ушелъ. Въ ожиданіи доктора, Пашка осматривалъ своего сосѣда-старика. Старикъ, не переставая, кашлялъ и плевалъ въ кружку; кашель у него былъ протяжный, скрипучій. Пашкѣ понравилась одна особенность старика: когда онъ, кашляя, вдыхалъ въ себя воздухъ, то въ груди его что-то свистѣло и пѣло на разные голоса.

— Дѣдъ, что это у тебя свиститъ? — спросилъ Пашка.

Старикъ ничего не отвѣтилъ. Пашка подождалъ немного и спросилъ:

— Дѣдъ, а гдѣ лисица?

— Какая лисица?

— Живая.

— Гдѣ жъ ей быть? Въ лѣсу!

Прошло много времени, но докторъ все еще не являлся. Сидѣлка принесла чай и побранила Пашку за то, что онъ не оставилъ себѣ хлѣба къ чаю; приходилъ еще разъ фельдшеръ и принимался будить Михайлу; за окнами посинѣло, въ палатахъ зажглись огни, а докторъ не показывался. Было уже поздно ѣхать на ярмарку и ловить чижей; Пашка растянулся на постели и сталъ думать. Вспомнилъ онъ леденцы, обѣщанные докторомъ, лицо и голосъ матери, потемки въ своей избѣ, печку, ворчливую бабку Егоровну... и ему стало вдругъ скучно и грустно. Вспомнилъ онъ, что завтра мать придетъ за нимъ, улыбнулся и закрылъ глаза.

Его разбудилъ шорохъ. Въ сосѣдней палатѣ кто-то шагалъ и говорилъ полушопотомъ. При тускломъ свѣтѣ ночниковъ и лампадъ возлѣ кровати Михайлы двигались три фигуры.

— Понесемъ съ кроватью, аль такъ? — спросила одна изъ нихъ.

— Такъ. Не пройдешь съ кроватью. Эка, померъ не во-время, царство небесное!

Одинъ взялъ Михайлу за плечи, другой — за ноги и приподняли: руки Михайлы и полы его халата слабо повисли въ воздухѣ. Третій — это былъ мужикъ, похожій на бабу — закрестился, и всѣ трое, безпорядочно стуча ногами и ступая на полы Михайлу, пошли изъ палаты.

Въ груди спавшаго старика раздавались свистъ и разноголосое пѣніе. Пашка прислу-

шался, взглянулъ на темныя окна и въ ужасѣ вскочилъ съ кровати.

— Ма-а-ма! — простоналъ онъ басомъ.

И, не дожидаясь отвѣта, онъ бросился въ сосѣднюю палату. Тутъ свѣтъ лампадки и ночника еле-еле прояснялъ потемки; больные, потревоженные смертью Михайлы, сидѣли на своихъ кроватяхъ; мѣшаясь съ тѣнями, всклоченные, они представлялись шире, выше ростомъ и, казалось, становились все больше и больше; на крайней кровати въ углу, гдѣ было темнѣе, сидѣлъ мужикъ и кивалъ головой и рукой.

Пашка, не разбирая дверей, бросился въ палату оспенныхъ, оттуда въ коридоръ, изъ коридора влетѣлъ въ большую комнату, гдѣ лежали и сидѣли на кроватяхъ чудовища съ длинными волосами и со старушечьими лицами. Пробѣжавъ черезъ женское отдѣленіе, онъ опять очутился въ коридорѣ, увидѣлъ перила знакомой лѣстницы и побѣжалъ внизъ. Тутъ онъ узналъ пріемную, въ которой сидѣлъ утромъ, и сталъ искать выходной двери.

Задвижка щелкнула, пахнулъ холодный вѣтеръ, и Пашка, спотыкаясь, выбѣжалъ на дворъ. У него была одна мысль — бѣжать и бѣжать! Дороги онъ не зналъ, но былъ увѣренъ, что если побѣжитъ, то непремѣнно очутится дома у матери. Ночь была пасмурная, но за облаками свѣтила луна. Пашка побѣжалъ отъ крыльца прямо впередъ, обогнулъ сарай и наткнулся на пустые кусты; постоявъ немного и подумавъ, онъ бросился назадъ къ больницѣ, обѣжалъ ее и опять остановился въ нерѣшимости: за больничнымъ корпусомъ бѣлѣли могильные кресты.

— Ма-амка! — закричалъ онъ и бросился назадъ.

Пробѣгая мимо темныхъ, суровыхъ строеній, онъ увидѣлъ одно освѣщенное окно.

Яркое красное пятно въ потемкахъ казалось страшнымъ, но Пашка, обезумѣвшій отъ страха, не знавшій, куда бѣжать, повернулъ къ нему. Рядомъ съ окномъ было крыльцо со ступенями и парадная дверь съ бѣлой дощечкой; Пашка взбѣжалъ на ступени, взглянулъ въ окно, и острая, захватывающая радость вдругъ овладѣла имъ. Въ окно онъ увидѣлъ веселаго, покладистаго доктора, который сидѣлъ за столомъ и читалъ книгу. Смѣясь отъ счастья, Пашка протянулъ къ знакомому лицу руки, хотѣлъ крикнуть, но невѣдомая сила сжала его дыханіе, ударила по ногамъ; онъ покачнулся и безъ чувствъ повалился на ступени.

Когда онъ пришелъ въ себя, было уже свѣтло, и очень знакомый голосъ, обѣщавшій вчера ярмарку, чижей и лисицу, говорилъ возлѣ него:

— Ну, и дуракъ, Пашка! Развѣ не дуракъ? Бить бы тебя, да некому.

1887.

Происшествіе

Разсказъ ямщика

Вотъ въ этомъ лѣсочкѣ, что за балкой, случилась, сударь, исторія. Мой покойный батенька, царство имъ небесное, везли къ барину пятьсотъ цѣлковыхъ денегъ; тогда наши и шепелевскіе мужики снимали у барина землю въ аренду, такъ батенька везли деньги за полгода. Человѣкъ они были богобоязненный, писаніе читали, и чтобы обсчитать кого, или обидѣть, или, скажемъ, неровенъ часъ, обжулить — это не дай Богъ, и мужики ихъ очень обожали, и когда нужно было кого въ городъ послать — по начальству, или съ деньгами, то ихъ посылали. Были они выдѣляющее изъ обыкновеннаго, но не въ обиду будь сказано, сидѣла въ нихъ малодушная фантазія. Любили они муху зашибить. Бывало мимо кабака проѣхать нѣтъ возможности: зайдутъ, выпьютъ стаканчикъ — и унеси ты мое горе! Знали они за собой эту слабость и, когда общественныя деньги возили, то, чтобъ не заснуть, или случаемъ не обронить, завсегда брали съ собой меня, или сестрицу Анютку.

По совѣсти сказать, все наше семейство до водки очень охотники. Я грамотный, въ городѣ въ табачномъ магазинѣ служилъ шесть лѣтъ и могу поговорить со всякимъ образованнымъ господиномъ, и разныя хорошія слова могу говорить, но какъ я читалъ въ одной книжкѣ, что водка есть кровь сатаны, такъ это доподлинно

вѣрно, сударь. Отъ водки я потемнѣлъ съ лица, и нѣтъ во мнѣ никакой сообразности, и вотъ, изволите видѣть, служу въ ямщикахъ, какъ неграмотный мужикъ, какъ невѣжа.

Такъ вотъ, разсказываю я вамъ, везли батенька деньги къ барину, съ ними Анютка ѣхала, а въ тѣ поры Анюткѣ было семь годочковъ, не то восемь — дура-дурой, отъ земли не видать. До Каланчика проѣхали благополучно, тверезы были, а какъ доѣхали ло Каланчика, да зашли къ Мойсейкѣ въ кабакъ, началась у нихъ фантазія эта самая. Выпили они три стаканчика и давай похваляться при народѣ:

— Человѣкъ, говорятъ, я небольшой, простой, а въ карманѣ пятьсотъ цѣлковыхъ; захочу, говорятъ, такъ и кабакъ, и всю посуду, и Мойсейку съ его жидовкой и жиденятами куплю. Все, говорятъ, могу купить и выкупить.

Этакимъ, значитъ, манеромъ пошутили, а потомъ этого стали жаловаться:

— Бѣда, говорятъ, православные, быть богатымъ человѣкомъ, купцомъ или въ родѣ. Нѣтъ денегъ, нѣтъ и заботы, есть деньги, держись все время за карманъ, чтобъ злые люди не украли. Страшно жить на свѣтѣ, у котораго денегъ много.

Пьяный народъ, конечно, слушалъ, смекалъ и на усъ себѣ моталъ. А тогда тутъ на Каланчикѣ чугунку строили, и всякой швали и босоногой команды было видимо-невидимо, словно саранчи. Батенька потомъ спохватились, да ужъ поздно было. Слово не воробей, вылетитъ — не поймаешь. Ѣдутъ они, сударь, лѣсочкомъ, и вдругъ это самое, кто-то сзади верхомъ ска-

четъ. Батенька былъ не робкаго десятка, — этого нельзя сказать, но усумнились; тамъ, въ лѣсочкѣ, дорога непроѣзжая, только сѣно да дрова возятъ, и скакать тамъ некому и не-зачѣмъ, особливо въ рабочую пору. За хорошимъ дѣломъ не поскачешь.

— Какъ будто погоня, — говорятъ батенька Анюткѣ: — ужъ больно шибко скачутъ. Въ кабакѣ-то надо было мнѣ молчать, типунъ мнѣ на языкъ. Ой, дочка, чуетъ мое сердце, тутъ что-то недоброе!

Пораздумались они малое время насчетъ своего опаснаго положенія и говорятъ сестрицѣ моей Анюткѣ:

— Дѣло выходитъ неосновательное, можетъ, и въ самомъ дѣлѣ погоня. Какъ никакъ, милая Аннушка, возьми-ка ты, братъ, деньги, схорони ихъ себѣ въ подолъ и поди за кустъ, спрячься. Неровенъ часъ, если нападутъ, проклятые, такъ ты бѣги къ матери и отдай ей деньги, пускай она ихъ старшинѣ снесетъ. Только ты, гляди, никому на глаза не попадайся, бѣги гдѣ лѣсомъ, гдѣ балочкой, чтобъ тебя никто не увидѣлъ. Бѣги себѣ, да Бога милосерднаго призывай. Христосъ съ тобой!

Батенька сунулъ Анюткѣ узелокъ съ деньгами, а она выглядѣла кустъ, какой погуще, и спряталась. Погодя немного, подскочили къ батенькѣ трое верховыхъ; одинъ здоровый, мордастый, въ кумачовой рубахѣ и большихъ сапогахъ, и другіе два оборванные, ошарпанные, знать, съ чугунки. Какъ батенька сумнѣвались, такъ и вышло, сударь, дѣйствительно. Тотъ, что въ кумачовой рубахѣ, мужикъ здоровый, силь-

ный, выдѣляющее изъ обыкновеннаго, лошадь остановилъ и всѣ трое принялись за батеньку.

— Стой, такой-сякой! Гдѣ деньги?

— Какія такія деньги? Пошелъ къ лѣшему.

— А тѣ деньги, что барину везешь за аренду! Давай, такой-сякой, чортъ лысый, а то душу загубишь, пропадешь безъ покаянія!

И начали они надъ батенькой свою подлость показывать, а батенька замѣсто того, чтобъ просить ихъ, плакать или что, разсердились и начали ихъ отдѣлывать, по всей, значитъ, строгости.

— Что вы, говорятъ, окаянные пристали? Сволочной вы народъ, Бога въ васъ нѣтъ, нѣтъ на васъ холеры! Не денегъ вамъ надо, а розогъ, чтобъ потомъ года три спина чесалась. Уходите, болваны, а то обороняться стану! У меня пистолетъ шестистволка за пазухой есть!

А разбойники отъ такихъ словъ еще пуще, и стали бить батеньку, чѣмъ попадя.

Обыскали они всю повозку, обшарили всего батеньку и даже сапоги съ него сняли; когда увидѣли, что отъ битья батенька только пуще ругаются, стали они его на разныя манеры мучить. Анютка, тѣмъ временемъ, сидѣла за кустомъ и, сердечная, все видѣла. Когда ужъ увидѣла, что батенька лежатъ на землѣ и храпятъ, схватилась она съ мѣста и что есть духу побѣжала, гдѣ кустикомъ, гдѣ балочкой, назадъ къ дому. Дѣвчонка она была малая, безъ всякаго понятія, дороги не знала и бѣжала такъ, куда глаза глядятъ. До дому было верстъ девять. Другой бы въ одинъ часъ добѣжалъ, а малое дитя, извѣстно, шагъ впередъ, два въ сторону,

да и не всякое тебѣ можетъ босыми ногами по лѣснымъ колючкамъ; тоже надо привычку имѣть, а наши дѣвчонки все, бывало, на печкѣ гомозятся, или на дворѣ, а въ лѣсъ боялись бѣгать.

Къ вечеру Анютка кое-какъ добѣжала до жилья, глядитъ — чья-то изба. А то была изба лѣсничаго за Сухоруковымъ, въ казенномъ лѣсу, купцы тогда арендовали, уголь жгли. Постучалась. Выходитъ къ ней баба, жена лѣсника. Анютка сейчасъ, первое дѣло, въ слезы и объяснила ей все, какъ есть, все на чистоту, и даже про деньги объяснила. Лѣсничиха разжалобилась.

— Сердечная ты моя! Ягодка! Это тебя, такую махонькую, Богъ сохранилъ! Дѣточка моя родная! Пойдемъ въ избу, я тебѣ хоть поѣсть дамъ!

Значитъ, стала подъѣзжать къ Анюткѣ, покормила ее, напоила и даже поплакала съ ней вмѣстѣ и такъ ее разуважила, что дѣвчонка даже, подумай, узелокъ ей съ деньгами отдала.

— Я, ясочка, спрячу, а завтра, говоритъ, по утру отдамъ и до дому тебя провожу, касатка.

Взяла баба деньги, а Анютку уложила спать на печкѣ, гдѣ о ту пору сушились вѣники. И на этой самой печкѣ, на вѣникахъ, спала дочка лѣсника, такая же махонькая, какъ и наша Анютка. И потомъ Анютка намъ разсказывала, духъ такой отъ вѣниковъ былъ, медомъ пахло! Легла Анютка, а спать не можетъ, потихоньку плачетъ: батеньку жалко и страшно. Только, сударь, проходитъ часъ-другой, и видитъ она, въ избу входятъ тѣ три разбойника, что батеньку мучили. Вотъ тотъ, что мордастый въ кумачо-

вой рубахѣ, атаманъ ихній, подходитъ къ бабѣ и говоритъ:

— Ну, жена, только даромъ душу загубили. Нынче, говоритъ, въ обѣдъ мы человѣка убили. Убить-то убили, а денегъ ни гроша не нашли.

Стало быть, этотъ-то, въ кумачовой рубахѣ, лѣсничихинъ мужъ выходитъ.

— Пропалъ задаромъ человѣкъ, — говорятъ его товарищи, оборванные: — понапрасну мы грѣхъ на душу приняли.

Лѣсничиха поглядѣла на всѣхъ трехъ и усмѣхается.

— Чего, дура, смѣешься?

— А то смѣюсь, что вотъ я и души не сгубила, и грѣха на душеньку свою не принимала, а деньги нашла.

— Какія деньги? Что брешешь?

— А вотъ погляди, какъ я брешу.

Лѣсничиха развязала узелокъ и показала имъ, окаянная, деньги, потомъ разсказала все, какъ пришла къ ей Анютка, какъ говорила Анютка и прочее. Душегубы обрадовались, стали дѣлиться промежъ себя, чуть не подрались, потомъ, значитъ, сѣли за столъ трескать. А Анютка лежитъ, бѣдная, слышитъ всѣ ихнія слова и трясется, какъ жидъ на сковородѣ. Что тутъ дѣлать? И изъ ихнихъ словъ она узнала, что батенька померли и лежатъ поперекъ дороги, и мерещится ей, глупенькой, будто бѣднаго батеньку ѣдятъ волки и собаки, будто лошадь наша ушла далеко въ лѣсъ и ее тоже волки съѣли, и будто саму Анютку за то, что денегъ не уберегла, въ острогъ посадятъ, бить будутъ.

А разбойники налопались и послали бабу

за водкой. Пять рублей ей дали, чтобы и водки купила, и сладкаго вина. Пошло у нихъ на чужія деньги и пьянство, и пѣсни. Пили, пили, собаки, и опять бабу послали, чтобъ, значитъ, пить безъ конца краю.

— Будемъ до утра гулять! — кричатъ. — Денегъ у насъ теперь много, жалѣть нечего! Пей, да ума не пропивай!

Этакъ, къ полночи, когда всѣ были здорово урѣзавши, баба побѣжала за водкой третій разъ, а лѣсникъ прошелся раза два по избѣ, а самъ шатается.

— А что, говоритъ, братцы, вѣдь дѣвчонку прибрать надо! Ежели мы ее такъ оставимъ, такъ она на насъ будетъ первая доказчица.

Посудили, порядили и такъ рѣшили: не быть Анюткѣ живой — зарѣзать. Извѣстно, зарѣзать невиннаго младенца страшно, за такое дѣло нешто пьяный возьмется, или угорѣлый. Можетъ, съ часъ спорили, кому убивать, другъ дружку нанимали, чуть не подрались опять и — никто не согласенъ; тогда и бросили жребій. Лѣснику досталось. Выпилъ онъ еще полный стаканъ, крякнулъ и пошелъ въ сѣни за топоромъ.

А Анютка дѣвка не промахъ. Даромъ, что дура, а надумала, скажи на милость, такое, что не всякому и грамотному на умъ вскочитъ. Можетъ, Господь надъ ней сжалился и на это время разсудокъ ей послалъ, а можетъ, поумнѣла отъ страха и только, на повѣрку, вышло, что она хитрѣй всѣхъ. Встала потихоньку, Богу молилась, взяла тулупчикъ тотъ самый, что ее лѣсничиха укрыла, и, — понимаешь, съ ней на

печкѣ лѣсникова дѣвочка лежала, однихъ годочковъ съ ней, — она эту дѣвочку укрыла тулупчикомъ, а съ нея взяла бабью кофту и накинула на себя. Помѣнялась, значитъ. Накинула себѣ на голову и такъ прошла черезъ избу, мимо пьяницъ, а тѣ думали, что это лѣсникова дочка, и даже не взглянули. На ея счастье, бабы въ избѣ не было, за водкой пошла, а то бы, пожалуй, не миновать ей топора, потому бабій глазъ видючій, какъ у кобца. У бабы глазъ острый.

Вышла Анютка изъ избы и давай Богъ ноги, куда глаза глядятъ. Всю ночь по лѣсу путалась, а утромъ выбралась на опушку и побѣжала по дорогѣ. Далъ Богъ, повстрѣчался ей писарь Егоръ Данилычъ, царство небесное. Шелъ онъ съ удочками рыбу ловить. Разсказала ему Анютка все дочиста. Онъ скорѣй назадъ — до рыбы ли тутъ? — въ деревню, собралъ мужиковъ и айда къ лѣснику.

Пришли туда, а душегубы всѣ въ повалку, натрескавшись, лежатъ, гдѣ кто упалъ. Съ ними и пьяная баба. Обыскали ихъ первымъ дѣломъ, забрали деньги, а когда поглядѣли на печку, то — съ нами крестная сила! — лежитъ лѣсникова дѣвочка на вѣникахъ, подъ тулупчикомъ, а голова вся въ крови, топоромъ зарублена. Побудили мужиковъ и бабу, связали руки назадъ и повели въ волость. Баба воетъ, а лѣсникъ только мотаетъ головой и проситъ:

— Опохмелиться бы, братцы! Голова болитъ.

Потомъ своимъ порядкомъ судъ былъ въ городѣ, наказывали по всей строгости законовъ.

Такъ вотъ какая исторія случилась, сударь, за тѣмъ лѣсомъ, что за балкой. Уже еле видать его, садится за нимъ солнышко красное. Разговорился я съ вами, а лошади стали, словно и онѣ слушаютъ. Эй вы, милыя, хорошія! Бѣгите веселѣй, баринъ — господинъ хорошій, на чай пожалуетъ! Эй вы, голуби!

1887.

Зиночка

Компанія охотниковъ ночевала въ мужицкой избѣ на свѣжемъ сѣнѣ. Въ окна глядѣла луна, на улицѣ грустно пиликала гармоника, сѣно издавало приторный, слегка возбуждающій запахъ. Охотники говорили о собакахъ, о женщинахъ, о первой любви, о бекасахъ. Послѣ того, какъ были перебраны косточки всѣхъ знакомыхъ барынь и была разсказана сотня анекдотовъ, самый толстый изъ охотниковъ, похожій въ потемкахъ на копну сѣна и говорившій густымъ штабъ-офицерскимъ басомъ, громко зѣвнулъ и сказалъ:

— Не велика штука быть любимымъ: барыни на то и созданы, чтобъ любить нашего брата. А вотъ, господа, былъ ли кто-нибудь изъ васъ ненавидимъ, ненавидимъ страстно, бѣшено? Не наблюдалъ ли кто-нибудь изъ васъ восторговъ ненависти? А?

Отвѣта не послѣдовало.

— Никто, господа? — спросилъ штабъ-офицерскій басъ. — А вотъ я былъ ненавидимъ, ненавидимъ хорошенькой дѣвушкой и на себѣ самомъ могъ изучить симптомы первой ненависти. Первой, господа, потому что было нѣчто какъ разъ противоположное первой любви. Впрочемъ, то, что я сейчасъ разскажу, происходило, когда я еще ничего не смыслилъ ни въ любви, ни въ ненависти. Мнѣ было тогда лѣтъ восемь, но это не бѣда: тутъ, господа,

важенъ не онъ, а *она*. Ну-съ, прошу вниманія. Въ одинъ прекрасный лѣтній вечеръ, передъ заходомъ солнца, я и моя гувернантка Зиночка, очень милое и поэтическое созданье, незадолго передъ тѣмъ выпущенное изъ института, сидѣли въ дѣтской и занимались. Зиночка разсѣянно глядѣла въ окно и говорила:

— Такъ. Мы вдыхаемъ кислородъ. Теперь скажите мнѣ, Петя, что мы выдыхаемъ?

— Углекислоту, — отвѣчалъ я, глядя въ то же окно.

— Такъ, — соглашалась Зиночка. Растенія же наоборотъ: вдыхаютъ углекислоту и выдыхаютъ кислородъ. Углекислота содержится въ зельтерской водѣ и въ самоварномъ угарѣ... Это очень вредный газъ. Близъ Неаполя есть такъ-называемая Собачья пещера, содержащая въ себѣ углекислоту; пущенная въ нее собака задыхается и умираетъ.

Эта несчастная Собачья пещера близъ Неаполя составляетъ химическую мудрость, дальше которой не рѣшится шагнуть ни одна гувернантка. Зиночка всегда горячо отстаивала пользу естественныхъ наукъ, но едва ли знала по химіи еще что-нибудь, кромѣ этой пещеры.

Ну-съ, она приказала повторить. Я повторилъ, она спросила, что такое горизонтъ. Я отвѣтилъ. А на дворѣ въ это время, пока мы жевали горизонтъ да пещеру, мой отецъ собирался на охоту. Собаки выли, пристяжныя нетерпѣливо переминались съ ноги на ногу и кокетничали съ кучерами, лакеи начиняли тарантасъ кульками и всякой всячиной. Возлѣ тарантаса стояла линейка, въ которую садились

мать и сестры, чтобы ѣхать къ Иваницкимъ на именины. Дома оставались только я, Зиночка да мой старшій братъ — студентъ, у котораго болѣли зубы. Можете представить мою зависть и скуку!

— Такъ что же мы вдыхаемъ? — спросила Зиночка, глядя въ окно.

— Кислородъ...

— Да, а горизонтомъ называется мѣсто, гдѣ, какъ намъ кажется, земля сходится съ небомъ...

Но вотъ тронулся тарантасъ, за нимъ линейка... Я видѣла, какъ Зиночка вытащила изъ кармана какую-то записочку, судорожно скомкала ее и прижала къ виску, потомъ вспыхнула и поглядѣла на часы.

— Такъ помните же, — сказала она: — близъ Неаполя есть такъ-называемая Собачья пещера... — она опять взглянула на часы и продолжала: — гдѣ, какъ намъ кажется, небо сходится съ землею...

Бѣдняжка въ сильномъ волненіи прошлась по комнатѣ и еще разъ взглянула на часы. До конца нашего урока оставалось еще болѣе получаса.

— Теперь ариѳметика, — сказала она, тяжело дыша и перелистывая дрожащей рукой задачникъ. — Вотъ рѣшите задачу № 325, а я... сейчасъ приду...

Она вышла. Я слышалъ, какъ она спорхнула внизъ по лѣстницѣ, и затѣмъ видѣлъ въ окно, какъ ея голубое платье, промелькнувъ черезъ дворъ, исчезло въ садовой калиткѣ. Быстрота ея движеній, краска ланитъ и волненіе заинтриговали меня. Куда она побѣжала и за-

чѣмъ? Будучи уменъ не по лѣтамъ, я скоро сообразилъ и понялъ все: она побѣжала въ садъ затѣмъ, чтобы, пользуясь отсутствіемъ моихъ строгихъ родителей, забраться въ малинникъ, или же нарвать себѣ черешень! Когда такъ, и я же, чортъ возьми, пойду ѣсть черешни! Бросилъ я задачникъ и побѣжалъ въ садъ. Подбѣгаю къ черешнямъ, но ея уже тамъ нѣтъ. Миновавъ малинникъ, крыжовникъ, шалашъ сторожа, она черезъ огородъ идетъ къ пруду, блѣдная, вздрагивающая отъ малѣйшаго шума. Я крадусь за ней и вижу, господа, слѣдующее. На берегу пруда, между толстыми стволами двухъ старыхъ вербъ, стоитъ мой старшій братъ Саша; по его лицу не замѣтно, чтобы у него болѣли зубы. Онъ глядитъ навстрѣчу Зиночкѣ, и вся его фигура, какъ солнцемъ, озарена выраженіемъ счастья. А Зиночка, точно ее гонятъ въ Собачью пещеру и заставляютъ дышать углекислотой, идетъ къ нему, едва двигая ногами, тяжело дыша и закинувъ назадъ голову... По всему видно, что на рандеву она идетъ первый разъ въ жизни. Но вотъ она подходитъ... Полминуты они молча глядятъ другъ на друга и какъ будто не вѣрятъ своимъ глазамъ. Засимъ какая-то сила толкаетъ Зиночку въ спину, она кладетъ руки на плечи Саши и склоняетъ свою головку на его жилетку. Саша смѣется, бормочетъ что-то несвязное и съ неуклюжестью очень влюбленнаго человѣка кладетъ обѣ свои ладони на Зиночкину физіомордію. А погода, господа, чудесная... Бугоръ, за которымъ прячется солнце, двѣ вербы, зеленые берега, небо — все это вмѣстѣ съ Сашей и съ Зиночкой отражается

въ прудѣ. Тишина, можете себѣ представить. Надъ осокой золотятся милліоны мотыльковъ съ длинными усиками, за садомъ гонятъ стадо. Однимъ словомъ, хоть картину рисуй.

Изъ всего видѣннаго я понялъ только то, что Саша цѣловался съ Зиночкой. Это неприлично. Если узнаетъ maman, то обоимъ достанется. Чувствуя, что мнѣ почему-то стыдно, я ушелъ къ себѣ въ дѣтскую, не дожидаясь конца рандеву. Потомъ я сидѣлъ надъ задачникомъ, думалъ и соображалъ. По моей рожѣ плавала побѣдоносная улыбка. Съ одной стороны, пріятно быть владѣльцемъ чужой тайны, съ другой — тоже весьма пріятно сознавать, что такіе авторитеты, какъ Саша и Зиночка, во всякую минуту могутъ быть уличены мною въ незнаніи свѣтскихъ приличій. Теперь они въ моей власти и ихъ спокойствіе находится въ полной зависимости отъ моего великодушія. Я же имъ покажу!

Когда я ложился спать, Зиночка, по обыкновенію, зашла въ дѣтскую узнать, не уснулъ ли я въ одеждѣ и молился ли Богу. Я посмотрѣлъ на ея хорошенькое, счастливое лицо и ухмыльнулся. Тайна распирала меня и просилась наружу. Нужно было намекнуть и насладиться эффектомъ.

— А я знаю! — сказалъ я, ухмыляясь. — Гы-ы!

— Что вы знаете?

— Гы-ы! Я видѣлъ, какъ около вербъ вы цѣловались съ Сашей. Я пошелъ за вами и все видѣлъ...

Зиночка вздрогнула, вся покраснѣла и, по-

раженная моимъ намекомъ, опустилась на стулъ, на которомъ стояли стаканъ съ водой и подсвѣчникъ.

— Я видѣлъ, какъ вы... цѣловались... — повторилъ я, хихикая и наслаждаясь ея смущеніемъ. — Ага! Вотъ я скажу мамѣ!

Малодушная Зиночка пристально посмотрѣла на меня и, убѣдившись, что я дѣйствительно все знаю, въ отчаяніи схватила меня за руку и забормотала дрожащимъ шопотомъ:

— Петя, это низко... Я васъ умоляю, ради Бога... Будьте мужчиной... не говорите никому... Порядочные люди не шпіонятъ... Это низко... умоляю васъ...

Бѣдняжка, какъ огня, боялась моей матери, дамы добродѣтельной и строгой — это разъ; во-вторыхъ, мое ухмыляющееся рыло не могло не осквернять ея первой, чистенькой и поэтической любви, а потому можете себѣ представить состояніе ея духа. По моей милости, она не спала всю ночь и на утро явилась къ чаю съ синими кругами подъ глазами... Встрѣтясь послѣ чая съ Сашей, я не вытерпѣлъ, чтобъ не ухмыльнуться и не похвастать:

— А я знаю! Я видѣлъ, какъ ты вчера цѣловался съ m-lle Зиной!

Саша посмотрѣлъ на меня и сказалъ:

— Ты глупъ.

Онъ не былъ такъ малодушенъ, какъ Зиночка, а потому эффектъ не удался. Это меня еще больше подзадорило. Если Саша не испугался, то, очевидно, онъ не вѣрилъ, что я все видѣлъ и знаю; такъ постой же, я тебѣ докажу!

Занимаясь со мной до обѣда, Зиночка не

глядѣла на меня и заикалась. Вмѣсто того, чтобы припугнуть, она всячески заискивала у меня, ставя мнѣ пятерки и не жалуясь отцу на мои шалости. Будучи уменъ не по лѣтамъ, я эксплоатировалъ ея тайну, какъ хотѣлъ: не училъ уроковъ, ходилъ въ классной вверхъ ногами и говорилъ дерзости. Однимъ словомъ, продолжай я въ такомъ духѣ до сегодня, изъ меня выработался бы прекрасный шантажистъ. Ну-съ, прошла недѣля. Чужая тайна подзадоривала и мучила меня, какъ заноза въ душѣ. Мнѣ, во что бы то ни стало, хотѣлось выболтать ее и полюбоваться эффектомъ. И вотъ однажды за обѣдомъ, когда у насъ было много гостей, я преглупо ухмыльнулся, ехидно поглядѣлъ на Зиночку и сказалъ:

— А я знаю... Гы-ы! Я видѣлъ...

— Что ты знаешь? — спросила мать.

Я еще ехиднѣе поглядѣлъ на Зиночку и Сашу. Надо было видѣть, какъ вспыхнула дѣвушка и какіе злые глаза сдѣлалъ Саша! Я прикусилъ языкъ и не продолжалъ. Зиночка постепенно поблѣднѣла, стиснула зубы и ужъ ничего не ѣла. Въ тотъ же день во время вечернихъ занятій, я въ лицѣ Зиночки замѣтилъ рѣзкую перемѣну. Оно казалось строже, холоднѣе, какъ будто мраморнѣе, а глаза глядѣли странно, прямо мнѣ въ лицо, и, я вамъ даю честное слово, даже у гончихъ, когда онѣ догоняютъ волка, я никогда не видѣлъ такихъ поражающихъ, уничтожающихъ глазъ! Выраженіе ихъ я отлично понялъ, когда она среди урока вдругъ стиснула зубы и процѣдила:

— Ненавижу! О, если бъ вы, гадкій, отвра-

тительный, знали, какъ я васъ ненавижу, какъ мнѣ противна ваша стриженная голова, ваши пошлыя, оттопыренныя уши!

Но тотчасъ же она испугалась и сказала:

— Это я не вамъ говорю, а повторяю роль...

Потомъ, господа, ночью я видѣлъ, какъ она подходила къ моей постели и долго глядѣла мнѣ въ лицо. Она ненавидѣла страстно и ужъ не могла жить безъ меня. Созерцаніе моей ненавистной рожи стало для нея необходимостью. А то, помню, былъ прелестный лѣтній вечеръ. Пахло сѣномъ, была тишина и прочее. Свѣтила луна. Я ходилъ по аллеѣ и думалъ о вишневомъ вареньѣ. Вдругъ подходитъ ко мнѣ блѣдная, прекрасная Зиночка, хватаетъ меня за руки и, задыхаясь, начинаетъ объясняться:

— О, какъ я тебя ненавижу! Никому я не желала столько зла, какъ тебѣ! Пойми это! Мнѣ хочется, чтобы ты понялъ это!

Понимаете ли, луна, блѣдное лицо, дышащее страстью, тишина... даже мнѣ, свиненку, стало пріятно. Слушалъ я ее, глядѣлъ на ея глаза... Сначала мнѣ было пріятно и ново, но потомъ пробралъ страхъ, я вскрикнулъ и, сломя голову, побѣжалъ въ домъ.

Я рѣшилъ, что самое лучшее, это — пожаловаться maman. И я пожаловался, разсказавъ кстати и о томъ, какъ Саша цѣловался съ Зиночкой. Я былъ глупъ и не зналъ послѣдствій, иначе бы я оставилъ тайну при себѣ. Maman, выслушавъ меня, вспыхнула негодованіемъ и сказала:

— Не твое дѣло говорить объ этомъ, ты еще

очень молодъ... Но, однако, какой примѣръ для дѣтей!

Моя maman была не только добродѣтельна, но и тактична. Она, чтобы не поднимать скандала, выжила Зиночку не сразу, а постепенно, систематически, какъ вообще выживаютъ порядочныхъ, но нетерпимыхъ людей. Помню, когда уѣзжала отъ насъ Зиночка, то послѣдній ея взглядъ, который она бросила на домъ, былъ направленъ къ окну, гдѣ я сидѣлъ, и, увѣряю васъ, я до сихъ поръ помню этотъ взглядъ.

Зиночка скоро стала женою брата. Это Зинаида Николаевна, которую вы знаете. Потомъ я встрѣтился съ нею, когда уже былъ юнкеромъ. При всемъ ея стараніи, она никакъ не могла узнать въ усатомъ юнкерѣ ненавистнаго Петю, но все же обошлась со мной не совсѣмъ по родственному... И теперь даже, несмотря на мою добродушную плѣшь, смиренное брюшко и покорный видъ, она все еще косо глядитъ на меня и чувствуетъ себя не въ своей тарелкѣ, когда я заѣзжаю къ брату. Очевидно, ненависть такъ же не забывается, какъ и любовь... Чу! Я слышу, поетъ пѣтухъ. Спокойной ночи! Милордъ, на мѣсто!

1887.

Дорогіе уроки

Для человѣка образованнаго незнаніе языковъ составляетъ большое неудобство. Воротовъ сильно почувствовалъ это, когда, выйдя изъ университета со степенью кандидата, занялся маленькой научной работкой.

— Это ужасно! — говорилъ онъ, задыхаясь (несмотря на свои 26 лѣтъ, онъ пухлъ, тяжелъ и страдаетъ одышкой). — Это ужасно! Безъ языковъ я, какъ птица безъ крыльевъ. Просто хоть работу бросай!

И онъ рѣшилъ во что бы то ни стало побороть свою врожденную лѣнь и изучить французскій и нѣмецкій языки, и сталъ искать учителей.

Въ одинъ зимній полдень, когда Воротовъ сидѣлъ у себя въ кабинетѣ и работалъ, лакей доложилъ, что его спрашиваетъ какая-то барышня.

— Проси, — сказалъ Воротовъ.

И въ кабинетъ вошла молодая, по послѣдней модѣ, изысканно одѣтая барышня. Она отрекомендовалась учительницей французскаго языка Алисой Осиповной Анкетъ и сказала, что ее прислалъ къ Воротову одинъ изъ его друзей.

— Очень пріятно! Садитесь! — сказалъ Воротовъ, задыхаясь и прикрывая ладонью воротникъ своей ночной сорочки. (Чтобы легче дышалось, онъ всегда работаетъ въ ночной сорочкѣ). — Васъ прислалъ ко мнѣ Петръ Сер-

что я хорошо знаю русскій, латинскій и греческій языки... изучалъ сравнительное языковѣдѣніе, и, мнѣ кажется, мы можемъ, минуя Margot, прямо приступить къ чтенію какого-нибудь автора.

И онъ объяснилъ француженкѣ, какъ взрослые люди изучаютъ языки.

— Одинъ мой знакомый, — сказалъ онъ: — желая изучить новые языки, положилъ передъ собой французское, нѣмецкое и латинское Евангелія, читалъ ихъ параллельно, при чемъ кропотливо разбиралъ каждое слово, и что жъ? Онъ достигъ своей цѣли меньше, чѣмъ въ одинъ годъ. Сдѣлаемъ и мы такъ. Возьмемъ какого-нибудь автора и будемъ читать.

Француженка съ недоумѣніемъ посмотрѣла на него. Повидимому, предложеніе Воротова показалось ей очень наивнымъ и вздорнымъ. Если бы это странное предложеніе было сдѣлано малолѣтнимъ, то, навѣрное, она разсердилась бы и крикнула, но такъ какъ тутъ былъ человѣкъ взрослый и очень толстый, на котораго нельзя было кричать, то она только пожала плечами едва замѣтно и сказала:

— Какъ хотите.

Воротовъ порылся у себя въ книжномъ шкапу и досталъ оттуда истрепанную французскую книгу.

— Это годится? — спросилъ онъ.

— Все равно.

— Въ такомъ случаѣ давайте начинать. Господи благослови. Начнемъ съ заглавія... Mémoires.

— Воспоминанія... — перевела m-lle Анкетъ.

— Воспоминанія... — повторилъ Воротовъ.

Добродушно улыбаясь и тяжело дыша, онъ четверть часа провозился со словомъ mémoires и столько же со словомъ de, и это утомило Алису Осиповну. Она отвѣчала на вопросы вяло, путалась и, повидимому, плохо понимала своего ученика и не старалась понять. Воротовъ предлагалъ ей вопросы, а самъ между тѣмъ поглядывалъ на ея бѣлокурую голову и думалъ:

«Ея волосы кудрявы не отъ природы, она завивается. Удивительно! Работаетъ съ утра до ночи и успѣваетъ еще завиваться».

Ровно въ восемь часовъ она поднялась и, сказавъ сухое, холодное «au revoir, monsieur», пошла изъ кабинета; и послѣ нея остался все тотъ же нѣжный, тонкій, волнующій запахъ. Ученикъ опять долго ничего не дѣлалъ, сидѣлъ у стола и думалъ.

Въ слѣдующіе за тѣмъ дни онъ убѣдился, что его учительница барышня милая, серьезная и аккуратная, но что она очень необразована и учить взрослыхъ не умѣетъ; и онъ рѣшилъ не тратить попусту времени, разстаться съ ней и пригласить другого учителя. Когда она пришла въ седьмой разъ, онъ досталъ изъ кармана конвертъ съ семью рублями и, держа его въ рукахъ, очень сконфузился и началъ такъ:

— Извините, Алиса Осиповна, но я долженъ вамъ сказать... поставленъ въ тяжелую необходимость...

Взглянувъ на конвертъ, француженка догадалась, въ чемъ дѣло, и въ первый разъ за все

время уроковъ ея лицо дрогнуло и холодное, дѣловое выраженіе исчезло. Она слегка зарумянилась и, опустивъ глаза, стала нервно перебирать пальцами свою тонкую золотую цѣпочку. И Воротовъ, глядя на ея смущеніе, понялъ, какъ для нея дорогъ былъ рубль и какъ ей тяжело было бы лишиться этого заработка.

— Я долженъ вамъ сказать... — пробормоталъ онъ, смущаясь еще больше, и въ груди у него что-то екнуло; онъ торопливо сунулъ конвертъ въ карманъ и продолжалъ: — Извините, я... я оставлю васъ на десять минутъ...

И дѣлая видъ, что онъ вовсе не хотѣлъ отказывать ей, а только просилъ позволенія оставить ее не надолго, онъ вышелъ въ другую комнату и высидѣлъ тамъ десять минутъ. И потомъ вернулся еще болѣе смущенный; онъ сообразилъ, что этотъ его уходъ на короткое время она можетъ объяснить какъ-нибудь по-своему, и ему было неловко.

Уроки начались опять.

Воротовъ занимался ужъ безъ всякой охоты. Зная, что изъ занятій не выйдетъ никакого толку, онъ далъ француженкѣ полную волю, ужъ ни о чемъ не спрашивалъ ее и не перебивалъ. Она переводила, какъ хотѣла, по десяти страницъ въ одинъ урокъ, а онъ не слушалъ, тяжело дышалъ, и отъ нечего дѣлать разсматривалъ то кудрявую голову, то шею, то нѣжныя бѣлыя руки, вдыхалъ запахъ ея платья...

Онъ ловилъ себя на нехорошихъ мысляхъ, и ему становилось стыдно, или уже онъ умилялся и тогда чувствовалъ огорченіе и досаду отъ того, что она держала себя съ нимъ такъ

холодно, дѣловито, какъ съ ученикомъ, не улыбаясь и точно боясь, какъ бы онъ не прикоснулся къ ней нечаянно. Онъ все думалъ: какъ бы такъ внушить ей довѣріе, познакомиться съ нею покороче, потомъ помочь ей, дать ей понять, какъ дурно она преподаетъ, бѣдняжка.

Алиса Осиповна явилась однажды на урокъ въ нарядномъ розовомъ платьѣ, съ маленькимъ декольте, и отъ нея шелъ такой ароматъ, что казалось, будто она окутана облакомъ, будто стоитъ только дунуть на нее, какъ она полетитъ или разсѣется, какъ дымъ. Она извинилась и сказала, что можетъ заниматься только полчаса, такъ какъ съ урока пойдетъ прямо на балъ.

Онъ смотрѣлъ на ея шею и на спину, оголенную около шеи, и, казалось ему, понималъ, отчего это француженки пользуются репутаціей легкомысленныхъ и легко падающихъ созданій; онъ тонулъ въ этомъ облакѣ ароматовъ, красоты, наготы, а она, не зная его мыслей и, вѣроятно, нисколько не интересуясь ими, быстро перелистывала страницы и переводила на всѣхъ парахъ:

— «Онъ ходилъ на улицѣ и встрѣчалъ господина своего знакомаго и сказалъ: Куда вы устремляетесь, видя ваше лицо такое блѣдное, это дѣлаетъ мнѣ больно».

Mémoires давно уже были кончены и теперь Алиса переводила какую-то другую книгу. Разъ она пришла на урокъ часомъ раньше, извиняясь тѣмъ, что въ семь часовъ ей нужно ѣхать въ Малый театръ. Проводивъ ее послѣ урока, Воротовъ одѣлся и тоже поѣхалъ въ театръ. Онъ поѣхалъ, какъ казалось ему, только затѣмъ, что-

бы отдохнуть, развлечься, а объ Алисѣ у него не было и мыслей. Онъ не могъ допустить, чтобы человѣкъ серьезный, готовящійся къ ученой карьерѣ, тяжелый на подъемъ, бросилъ дѣло и поѣхалъ въ театръ только затѣмъ, чтобы встрѣтиться тамъ съ мало знакомой, не умной, мало интеллигентной дѣвушкой . . .

Но почему-то въ антрактахъ у него билось сердце, онъ, самъ того не замѣчая, какъ мальчикъ бѣгалъ по фойэ и по коридорамъ, нетерпѣливо отыскивая кого-то: и ему становилось скучно, когда антрактъ кончался; а когда онъ увидѣлъ знакомое розовое платье и красивыя плечи подъ тюлемъ, сердце его сжалось, точно отъ предчувствія счастья, онъ радостно улыбнулся, и первый разъ въ жизни испыталъ ревнивое чувство.

Алиса шла съ какими-то двумя некрасивыми студентами и съ офицеромъ. Она хохотала, громко говорила, видимо, кокетничала; такою никогда не видѣлъ ея Воротовъ. Очевидно, она была счастлива, довольна, искренна, тепла. Отчего? Почему? Оттого, быть можетъ, что эти люди были близки ей, изъ того же круга, что и она . . . И Воротовъ почувствовалъ страшную пропасть между собой и этимъ кругомъ. Онъ поклонился своей учительницѣ, но та холодно кивнула ему и быстро прошла мимо; ей, повидимому, не хотѣлось, чтобы ея кавалеры знали, что у нея есть ученики и что она отъ нужды даетъ уроки.

Послѣ встрѣчи въ театрѣ, Воротовъ понялъ, что онъ влюбленъ . . . Во время слѣдующихъ уроковъ, пожирая глазами свою изящную учительницу, онъ уже не боролся съ собою, а давалъ полный ходъ своимъ чистымъ и нечистымъ мыс-

лямъ. Лицо Алисы Осиповны не переставало быть холоднымъ, ровно въ восемь часовъ каждаго вечера она спокойно говорила «au revoir, monsieur», и онъ чувствовалъ, что она равнодушна къ нему и будетъ равнодушной и — положеніе его безнадежно.

Иногда среди урока онъ начиналъ мечтать, надѣяться, строить планы, сочинялъ мысленно любовное объясненіе, вспоминалъ, что француженки легкомысленны и податливы, но достаточно ему было взглянуть на лицо учительницы, чтобы мысли его мгновенно потухли, какъ потухаетъ свѣча, когда на дачѣ во время вѣтра выносишь ее на террасу. Разъ онъ, опьянѣвъ, забывшись, какъ въ бреду, не выдержалъ и загораживая ей дорогу, когда она выходила послѣ урока изъ кабинета въ переднюю, задыхаясь и заикаясь, сталъ объясняться въ любви:

— Вы мнѣ дороги! Я... я люблю васъ! Позвольте мнѣ говорить!

А Алиса поблѣднѣла — вѣроятно отъ страха, соображая, что послѣ этого объясненія ей ужъ нельзя будетъ ходить сюда и получать рубль за урокъ; она сдѣлала испуганные глаза и громко зашептала:

— Ахъ, это нельзя! Не говорите, прошу васъ! Нельзя!

И потомъ Воротовъ не спалъ всю ночь, мучился отъ стыда, бранилъ себя, напряженно думалъ. Ему казалось, что своимъ объясненіемъ онъ оскорбилъ дѣвушку, что она уже больше не придетъ къ нему.

Онъ рѣшилъ узнать утромъ въ адресномъ столѣ ея адресъ и написать ей извинительное

письмо. Но Алиса пришла и безъ письма. Первую минуту она чувствовала себя неловко, но потомъ раскрыла книгу и стала переводить быстро и бойко, какъ всегда:

«О, молодой господинъ, не разрывайте эти цвѣты въ моемъ саду, которые я хочу давать своей больной дочери»...

Ходитъ она до сегодня. Переведены уже четыре книги, а Воротовъ не знаетъ ничего, кромѣ слова «mémoires», и когда его спрашиваютъ объ его научной работкѣ, то онъ машетъ рукой и, не отвѣтивъ на вопросъ, заводитъ рѣчь о погодѣ.

1887.

Въ сараѣ

Былъ десятый часъ вечера. Кучеръ Степанъ, дворникъ Михайло, кучеровъ внукъ Алешка, пріѣхавшій погостить къ дѣду изъ деревни, и Никандръ, семидесятилѣтній старикъ, приходившій каждый вечеръ во дворъ продавать селедки, сидѣли вокругъ фонаря въ большомъ каретномъ сараѣ и играли въ короли. Въ открытую настежь дверь виденъ былъ весь дворъ, большой домъ, гдѣ жили господа, видны были ворота, погреба, дворницкая. Все было покрыто ночными потемками, и только четыре окна одного изъ флигелей, занятыхъ жильцами, были ярко освѣщены. Тѣни колясокъ и саней съ приподнятыми вверхъ оглоблями тянулись отъ стѣнъ къ дверямъ, перекрещивались съ тѣнями, падавшими отъ фонаря и игроковъ, дрожали... За тонкой перегородкой, отдѣлявшей сарай отъ конюшни, были лошади. Пахло сѣномъ, да отъ стараго Никандра шелъ непріятный селедочный запахъ.

Въ короли вышелъ дворникъ; онъ принялъ позу, какая, по его мнѣнію, подобаетъ королю, и громко высморкался въ красный, клѣтчатый платокъ.

— Теперь, кому хочу, тому голову срублю, — сказалъ онъ.

Алешка, мальчикъ лѣтъ восьми, съ бѣлобрысой, давно нестриженной головой, у котораго до короля не хватало только двухъ взятокъ, сер-

дито и съ завистью поглядѣлъ на дворника. Онъ надулся и нахмурился.

— Я, дѣдъ, подъ тебя буду ходить, — сказалъ онъ, задумываясь надъ картами. — Я знаю, у тебя дамка бубней.

— Ну, ну, дурачокъ, будетъ тебѣ думать! Ходи!

Алешка не смѣло пошелъ съ бубноваго валета. Въ это время со двора послышался звонокъ.

— А, чтобъ тебя . . . — проворчалъ дворникъ, поднимаясь. — Иди, король, ворота отворять.

Когда онъ, немного погодя, вернулся, Алешка былъ уже принцемъ, селедочникъ — солдатомъ, а кучеръ — мужикомъ.

— Дѣло выходитъ дрянь, — сказалъ дворникъ, опять усаживаясь за карты. — Сейчасъ докторовъ выпустилъ. Не вытащили.

— Гдѣ имъ! Почитай, только мозги расковыряли. Ежели пуля въ голову попала, то ужъ какіе тамъ доктора . . .

— Безъ памяти лежитъ, — продолжалъ дворникъ. — Должно, помретъ. Алешка, не подглядывай въ карты, псенокъ, а то за ухи! Да, доктора со двора, а отецъ съ матерью во дворъ... Только-что пріѣхали. Вою этого, плачу — не приведи Богъ! Сказываютъ, одинъ сынъ... Горе!

Всѣ, кромѣ Алешки, погруженнаго въ игру, оглянулись на ярко освѣщенныя окна флигеля.

— Завтра велѣно въ участокъ, — сказалъ дворникъ. — Допросъ будетъ . . . А я что знаю? Нешто я видѣлъ? Зоветъ меня нынче утромъ, подаетъ письмо и говоритъ: «Опусти, говоритъ, въ почтовый ящикъ». А у самого глаза запла-

каны. Жены и дѣтей дома не было, гулять пошли... Пока, значитъ, я ходилъ съ письмомъ, онъ и выпалилъ изъ левольвера себѣ въ високъ. Прихожу, а ужъ его кухарка на весь дворъ голоситъ.

— Великій грѣхъ, — проговорилъ сиплымъ голосомъ селедочникъ и покрутилъ головой. — Великій грѣхъ!

— Отъ большой науки, — сказалъ дворникъ, подбирая взятку. — Умъ за разумъ зашелъ. Бывало, по ночамъ сидитъ и все бумаги пишетъ... Ходи, мужикъ!.. А хорошій былъ баринъ. Изъ себя бѣлый, чернявый, высокій!.. Порядочный былъ жилецъ.

— Будто всему тутъ причина женскій полъ, — сказалъ кучеръ, хлопая козырной девяткой по бубновому королю. — Будто чужую жену полюбилъ, а своя опостылѣла. Бываетъ.

— Король бунтуется! — сказалъ дворникъ.

Въ это время со двора опять послышался звонокъ. Взбунтовавшійся король досадливо сплюнулъ и вышелъ. Въ окнахъ флигеля замелькали тѣни, похожія на танцующія пары. Раздались во вдорѣ встревоженные голоса, торопливые шаги.

— Должно, опять доктора пришли, — сказалъ кучеръ. — Забѣгается нашъ Михайло...

Странный воющій голосъ прозвучалъ на мгновеніе въ воздухѣ. Алешка испуганно поглядѣлъ на своего дѣда, кучера, потомъ на окна и сказалъ:

— Вчерась около воротъ онъ меня по головѣ погладилъ. Ты, говоритъ, мальчикъ, изъ какого уѣзда? Дѣдъ, кто это выль сейчасъ?

Дѣдъ ничего не отвѣтилъ и поправилъ огонь въ фонарѣ.

— Пропалъ человѣкъ, — сказалъ онъ немного погодя и зѣвнулъ. — И онъ пропалъ, и дѣтки его пропали. Теперь дѣтямъ на всю жизнь срамъ.

Дворникъ вернулся и сѣлъ около фонаря.

— Померъ! — сказалъ онъ. — Послали за старухами въ богадѣльню.

— Царство небесное, вѣчный покой! — прошепталъ кучеръ и перекрестился.

Глядя на него, Алешка тоже перекрестился.

— Нельзя такихъ поминать, — сказалъ селедочникъ.

— Отчего?

— Грѣхъ.

— Это вѣрно, — согласился дворникъ. — Теперь его душа прямо въ адъ, къ нечистому.

— Грѣхъ, — повторилъ селедочникъ. — Такихъ ни хоронить, ни отпѣвать, а все равно какъ падаль, безъ всякаго вниманія.

Старикъ надѣлъ картузъ и всталъ.

— У нашей барыни-генеральши тоже вотъ, — сказалъ онъ, надвигая глубже картузъ: — мы еще тогда крѣпостными были, меньшой сынъ тоже вотъ такъ отъ большого ума изъ пистолета себѣ въ ротъ выпалилъ. По закону выходитъ, надо хоронить такихъ безъ поповъ, безъ панихиды, за кладбищемъ, а барыня, значитъ, чтобъ сраму отъ людей не было, подмазала полицейскихъ и докторовъ, и такую бумагу ей дали, будто сынъ въ горячкѣ это самое, въ безпамятствѣ. За деньги все можно. Похоронили его,

значитъ, съ попами, честь честью, музыка играла, и положили подъ церковью, потому покойный генералъ эту церковь на свои деньги выстроилъ, и вся его тамъ родня похоронена. Только вотъ это, братцы, проходитъ мѣсяцъ, проходитъ другой и ничего. На третій мѣсяцъ докладываютъ генеральшѣ, изъ церкви этой самой сторожа пришли. Что надо? Привели ихъ къ ней; они ей въ ноги. «Не можемъ, говорятъ, ваше превосходительство, служить... Ищите другихъ сторожей, а насъ, сдѣлайте милость, увольте». — Почему такое? — «Нѣтъ, говорятъ, никакой возможности. Вашъ сынокъ всю ночь подъ церковью воетъ».

Алешка вздрогнулъ и припалъ лицомъ къ спинѣ кучера, чтобы не видѣть оконъ.

— Генеральша сначала слушать не хотѣла, — продолжалъ старикъ. — Все это, говоритъ, у васъ, у простонародья, отъ мнѣнія. Мертвый человѣкъ не можетъ выть. Спустя время, сторожа опять къ ней, а съ ними и дьячокъ. Значитъ, и дьячокъ слышалъ, какъ тотъ воетъ. Видитъ генеральша, дѣло плохо, заперлась со сторожами у себя въ спальнѣ и говоритъ: «Вотъ вамъ, друзья, 25 рублей, говоритъ, а за это вы ночью потихоньку, чтобъ никто не видѣлъ и не слыхалъ, выройте моего несчастнаго сына и закопайте его, говоритъ, за кладбищемъ». И должно, по стаканчику имъ поднесла... Сторожа такъ и сдѣлали. Плита-то съ надписомъ подъ церковью и посейчасъ, а онъ-то самъ, генеральскій сынъ, за кладбищемъ... Охъ, Господи, прости насъ, грѣшныхъ! — вздохнулъ селедочникъ. — Въ году только одинъ день,

когда за такихъ молиться можно: Троицына суббота... Нищимъ за нихъ подавать нельзя, грѣхъ, а можно за упокой души птицъ кормить. Генеральша каждые три дня на перекрестокъ выходила и птицъ кормила. Разъ на перекресткѣ, откуда ни возьмись, черная собака; подскочила къ хлѣбу и была такова... Извѣстно, какая это собака. Генеральша потомъ дней пять, какъ полуумная, не пила, не ѣла... Вдругъ это упадаетъ въ саду на колѣни и молится, молится... Ну, прощайте, братцы, дай вамъ Богъ, Царица Небесная. Пойдемъ, Михайлушка, отворишь мнѣ ворота.

Селедочникъ и дворникъ вышли. Кучеръ и Алешка тоже вышли, чтобы не оставаться въ сараѣ.

— Жилъ человѣкъ и померъ! — сказалъ кучеръ, глядя на окна, въ которыхъ все еще мелькали тѣни. — Сегодня утромъ тутъ по двору ходилъ, а теперь мертвый лежитъ.

— Придетъ время и мы помремъ, — сказалъ дворникъ, уходя съ селедочникомъ, и ихъ обоихъ уже не было видно въ потемкахъ.

Кучеръ, а за нимъ Алешка, не смѣло подошли къ освѣщеннымъ окнамъ. Очень блѣдная дама, съ большими заплаканными глазами и сѣдой, благообразный мужчина сдвигали среди комнаты два ломберныхъ стола, вѣроятно, затѣмъ, чтобы положить на нихъ покойника, и на зеленомъ сукнѣ столовъ видны были еще цифры, написанныя мѣломъ. Кухарка, которая утромъ бѣгала по двору и голосила, теперь стояла на стулѣ и, вытягиваясь, старалась закрыть простынею зеркало.

— Дѣдъ, что они дѣлаютъ? — спросилъ шопотомъ Алешка.

— Сейчасъ его на столы класть будутъ, — отвѣтилъ дѣдъ. — Пойдемъ, дѣтка, пора спать.

Кучеръ и Алешка вернулись въ сарай. Помолились Богу, разулись. Степанъ легъ въ углу на полу. Алешка въ саняхъ. Сарайныя двери были уже закрыты, сильно воняло гарью отъ потушеннаго фонаря. Немного погодя Алешка поднялъ голову и поглядѣлъ вокругъ себя; сквозь щели дверей виденъ былъ свѣтъ все отъ тѣхъ же четырехъ оконъ.

— Дѣдъ, мнѣ страшно! — сказалъ онъ.

— Ну, спи, спи...

— Тебѣ говорю, страшно!

— Что тебѣ страшно? Экой баловникъ!

Помолчали.

Алешка вдругъ выскочилъ изъ саней и, громко заплакавъ, подбѣжалъ къ дѣду.

— Что ты? Чего тебѣ? — испугался кучеръ, тоже поднимаясь.

— Воетъ!

— Кто воетъ?

— Страшно, дѣдъ... Слышь?

Кучеръ прислушался.

— Это плачутъ, — сказалъ онъ. — Ну, поди, дурачокъ. Имъ жалко, ну и плачутъ.

— Я въ деревню хочу... — продолжалъ внукъ, всхлипывая и дрожа всѣмъ тѣломъ. — Дѣдъ, поѣдемъ въ деревню къ мамкѣ; поѣдемъ, дѣдъ, милый, Богъ тебѣ за это пошлетъ царство небесное...

— Экой дуракъ, а! Ну, молчи, молчи... Молчи, я фонарь засвѣчу... Дуракъ!

Кучеръ нащупалъ спички и зажегъ фонарь. Но свѣтъ не успокоилъ Алешку.

— Дѣдъ Степанъ, поѣдемъ въ деревню! — просилъ онъ, плача. — Мнѣ тутъ страшно... и-и, какъ страшно! И зачѣмъ ты, окаянный, меня изъ деревни выписалъ?

— Кто это окаянный? А нешто можно законному дѣду такія неосновательныя слова! Выпорю!

— Выпори, дѣдъ, выпори, какъ Сидорову козу, а только свези меня къ мамкѣ, сдѣлай божескую милость...

— Ну, ну, внучекъ, ну! — зашепталъ ласково кучеръ. — Ничего, не бойся... Мнѣ и самому страшно... Ты Богу молись!

Скрипнула дверь и показалась голова дворника.

— Не спишь, Степанъ? — спросилъ онъ. — А мнѣ всю ночь не спать, — сказалъ онъ, входя. — Всю ночь отворяй ворота, да запирай... Ты, Алешка, что плачешь?

— Страшно, — отвѣтилъ за внука кучеръ.

Опять въ воздухѣ не надолго пронесся воющій голосъ. Дворникъ сказалъ:

— Плачутъ. Мать глазамъ не вѣритъ... Страсть какъ убивается.

— И отецъ тутъ?

— И отецъ... Отецъ ничего. Сидитъ въ уголушкѣ и молчитъ. Дѣтей къ роднымъ унесли... Что жъ, Степанъ? Въ своего козыря сыграемъ, что ли?

— Давай, — согласился кучеръ, почесываясь. — А ты, Алешка, ступай спи. Женить

пора, а ревешь, подлецъ. Ну, ступай, внучекъ, иди...

Присутствіе дворника успокоило Алешку; онъ не смѣло пошелъ къ санямъ и легъ. И пока онъ засыпалъ, ему слышался полушопотъ.

— Бью и наваливаю... — говорилъ дѣдъ.

— Бью и наваливаю... — повторялъ дворникъ.

Во дворѣ позвонили, дверь скрипнула и тоже, казалось, проговорила: «Бью и наваливаю». Когда Алешка увидѣлъ во снѣ барина и, испугавшись его глазъ, вскочилъ и заплакалъ, было уже утро, дѣдъ храпѣлъ и сарай не казался страшнымъ.

1887.

Разсказъ госпожи NN.

Лѣтъ девять назадъ, какъ-то разъ передъ вечеромъ, во время сѣнокоса, я и Петръ Сергѣичъ, исправляющій должность судебнаго слѣдователя, поѣхали верхомъ на станцію за письмами.

Погода была великолѣпная, но на обратномъ пути послышались раскаты грома, и мы увидѣли сердитую черную тучу, которая шла прямо на насъ. Туча приближалась къ намъ, а мы къ ней. На ея фонѣ бѣлѣли нашъ домъ и церковь, серебрились высокіе тополи. Пахло дождемъ и скошеннымъ сѣномъ. Мой спутникъ былъ въ ударѣ. Онъ смѣялся и говорилъ всякій вздоръ. Онъ говорилъ, что было бы не дурно, если бы на пути намъ вдругъ встрѣтился какой-нибудь средневѣковый замокъ съ зубчатыми башнями, съ мохомъ, съ совами, чтобы мы спрятались туда отъ дождя и чтобы насъ въ концѣ концовъ убилъ громъ...

Но вотъ по ржи и по овсяному полю пробѣжала первая волна, рванулъ вѣтеръ и въ воздухѣ закружилась пыль. Петръ Сергѣичъ разсмѣялся и пришпорилъ лошадь.

— Хорошо! — крикнулъ онъ. — Очень хорошо!

Я, зараженная его веселостью, и отъ мысли, что сейчасъ промокну до костей и могу быть убита молніей, тоже стала смѣяться.

Этотъ вихрь и быстрая ѣзда, когда зады-

хаешься отъ вѣтра и чувствуешь себя птицей, волнуютъ и щекочутъ грудь. Когда мы въѣхали въ нашъ дворъ, вѣтра уже не было, и крупныя брызги дождя стучали по травѣ и по крышамъ. Около конюшни не было ни души.

Петръ Сергѣичъ самъ разнуздалъ лошадей и повелъ ихъ къ стойламъ. Ожидая, когда онъ кончитъ, я стояла у порога и смотрѣла на косыя дождевыя полосы; приторный, возбуждающій запахъ сѣна чувствовался здѣсь сильнѣе, чѣмъ въ полѣ; отъ тучъ и дождя было сумеречно.

— Вотъ такъ ударъ! — сказалъ Петръ Сергѣичъ, подходя ко мнѣ послѣ одного очень сильнаго, раскатистаго громового удара, когда, казалось, небо треснуло пополамъ. — Каково?

Онъ стоялъ рядомъ на порогѣ и, тяжело дыша отъ быстрой ѣзды, глядѣлъ на меня. Я замѣтила, что онъ любуется.

— Наталья Владиміровна, — сказалъ онъ: — я отдалъ бы все, чтобы только подольше стоять такъ и глядѣть на васъ. Сегодня вы прекрасны.

Глаза его глядѣли восторженно и съ мольбой, лицо было блѣдно, на бородѣ и усахъ блестѣли дождевыя капли, которыя тоже, казалось, съ любовью глядѣли на меня.

— Я люблю васъ, — сказалъ онъ. — Люблю и счастливъ, что вижу васъ. Я знаю, вы не можете быть моей женой, но ничего я не хочу, ничего мнѣ не нужно, только знайте, что я люблю васъ. Молчите, не отвѣчайте, не обращайте вниманія, а только знайте, что вы мнѣ дороги, и позвольте смотрѣть на васъ.

Его восторгъ сообщился и мнѣ. Я глядѣла

на его вдохновенное лицо, слушала голосъ, который мѣшался съ шумомъ дождя и, какъ очарованная, не могла шевельнуться.

Мнѣ безъ конца хотѣлось глядѣть на блестящіе глаза и слушать.

— Вы молчите — и прекрасно! — сказалъ Петръ Сергѣичъ. — Продолжайте молчать.

Мнѣ было хорошо. Я засмѣялась отъ удовольствія и побѣжала подъ проливнымъ дождемъ къ дому; онъ тоже засмѣялся и, подпрыгивая, побѣжалъ за мной.

Оба мы шумно, какъ дѣти, мокрые, запыхавшіеся, стуча по лѣстницамъ, влетѣли въ комнаты. Отецъ и братъ, не привыкшіе видѣть меня хохочущей и веселой, удивленно поглядѣли на меня и тоже стали смѣяться.

Грозовыя тучи ушли, громъ умолкъ, а на бородѣ Петра Сергѣича все еще блестѣли дождевыя капли. Весь вечеръ до ужина онъ пѣлъ, насвистывалъ, шумно игралъ съ собакой, гоняясь за нею по комнатамъ, такъ что едва не сбилъ съ ногъ человѣка съ самоваромъ. А за ужиномъ онъ много ѣлъ, говорилъ глупости и увѣрялъ, что когда зимою ѣшь свѣжіе огурцы, то во рту пахнетъ весной.

Ложась спать, я зажгла свѣчку и отворила настежъ свое окно, и неопредѣленное чувство овладѣло моей душой. Я вспомнила, что я свободна, здорова, знатна, богата, что меня любятъ, а главное, что я знатна и богата, — знатна и богата — какъ это хорошо, Боже мой!.. Потомъ, пожимаясь въ постели отъ легкаго холода, который пробирался ко мнѣ изъ сада вмѣстѣ съ росой, я старалась понять,

люблю я Петра Сергѣича, или нѣтъ... И не понявши ничего, уснула.

А когда утромъ увидала на своей постели дрожащія солнечныя пятна и тѣни липовыхъ вѣтвей, въ моей памяти живо воскресло вчерашнее. Жизнь показалась мнѣ богатой, разнообразной, полной прелести. Напѣвая, я быстро одѣлась и побѣжала въ садъ...

А потомъ что было? А потомъ — ничего. Зимою, когда мы жили въ городѣ, Петръ Сергѣичъ изрѣдка пріѣзжалъ къ намъ. Деревенскіе знакомые очаровательны только въ деревнѣ и лѣтомъ, въ городѣ же и зимою они теряютъ половину своей прелести. Когда въ городѣ поишь ихъ чаемъ, то кажется, что на нихъ чужіе сюртуки и что они слишкомъ долго мѣшаютъ ложечкой свой чай. И въ городѣ Петръ Сергѣичъ иногда говорилъ о любви, но выходило совсѣмъ не то, что въ деревнѣ. Въ городѣ мы сильнѣе чувствовали стѣну, которая была между нами: я знатна и богата, а онъ бѣденъ, онъ не дворянинъ даже, сынъ дьякона, онъ исправляющій должность судебнаго слѣдователя и только; оба мы — я по молодости лѣтъ, а онъ Богъ знаетъ почему — считали эту стѣну очень высокой и толстой, и онъ, бывая у насъ въ городѣ, натянуто улыбался и критиковалъ высшій свѣтъ, и угрюмо молчалъ, когда при немъ былъ кто-нибудь въ гостиной. Нѣтъ такой стѣны, которой нельзя было бы пробить, но герои современнаго романа, насколько я ихъ знаю, слишкомъ робки, вялы, лѣнивы и мнительны, и слишкомъ скоро мирятся съ мыслью о томъ, что они неудачники, что личная жизнь обманула

ихъ; вмѣсто того, чтобы бороться, они лишь критикуютъ, называя свѣтъ пошлымъ и забывая, что сама ихъ критика мало-по-малу переходитъ въ пошлость.

Меня любили, счастье было близко и, казалось, жило со мной плечо о плечо; я жила припѣваючи, не стараясь понять себя, не зная, чего я жду и чего хочу отъ жизни, а время шло и шло... Проходили мимо меня люди со своей любовью, мелькали ясные дни и теплыя ночи, пѣли соловьи, пахло сѣномъ — и все это, милое, изумительное по воспоминаніямъ, у меня, какъ у всѣхъ, проходило быстро, безслѣдно, не цѣнилось и исчезало, какъ туманъ... Гдѣ все оно?

Умеръ отецъ, я постарѣла; все, что нравилось, ласкало, давало надежду — шумъ дождя, раскаты грома, мысли о счастьѣ, разговоры о любви, — все это однимъ воспоминаніемъ, и я вижу впереди ровную, пустынную даль: на равнинѣ ни одной живой души, а тамъ на горизонтѣ темно, страшно...

Вотъ звонокъ... Это пришелъ Петръ Сергѣичъ. Когда я зимою вижу деревья и вспоминаю, какъ они зеленѣли для меня лѣтомъ, я шепчу:

«О, мои милые!»

А когда я вижу людей, съ которыми я провела свою весну, мнѣ становится грустно, тепло и я шепчу то же самое.

Его давно уже, по протекціи моего отца, перевели въ городъ. Онъ немножко постарѣлъ, немножко осунулся. Онъ давно уже пересталъ объясняться въ любви, не говоритъ уже вздора,

службы своей не любитъ, чѣмъ-то боленъ, въ чемъ-то разочарованъ, махнулъ на жизнь рукой и живетъ нехотя. Вотъ онъ сѣлъ у камина; молча глядитъ на огонь... Я, не зная, что сказать, спросила:

— Ну, что?

— Ничего... — отвѣтилъ онъ.

И опять молчанiе. Красный свѣтъ отъ огня запрыгалъ по его печальному лицу.

Вспомнилось мнѣ прошлое, и вдругъ мои плечи задрожали, голова склонилась, и я горько заплакала. Мнѣ стало невыносимо жаль самоё себя и этого человѣка и страстно захотѣлось того, что прошло и въ чемъ теперь отказываетъ намъ жизнь. И теперь я уже не думала о томъ, какъ я знатна и богата.

Я громко всхлипывала, сжимая себѣ виски, и бормотала:

— Боже мой, Боже мой, погибла жизнь...

А онъ сидѣлъ, молчалъ и не сказалъ мнѣ: «не плачьте». Онъ понималъ, что плакать нужно и что для этого наступило время. Я видѣла по его глазамъ, что ему жаль меня; и мнѣ тоже было жаль его и досадно на этого робкаго неудачника, который не сумѣлъ устроить ни моей жизни, ни своей.

Когда я провожала его, то онъ въ передней, какъ мнѣ показалось, нарочно долго надѣвалъ шубу. Раза два молча поцѣловалъ мнѣ руку и долго глядѣлъ мнѣ въ заплаканное лицо. Я думаю, что въ это время вспомнилъ онъ грозу, дождевыя полосы, нашъ смѣхъ, мое тогдашнее лицо. Ему хотѣлось сказать мнѣ что-то, и онъ былъ бы радъ сказать, но ничего не сказалъ,

а только покачалъ головой и крѣпко пожалъ руку. Богъ съ нимъ!

Проводивъ его, я вернулась въ кабинетъ и опять сѣла на коврѣ передъ каминомъ. Красные уголья подернулись пепломъ и стали потухать. Морозъ еще сердитѣе застучалъ въ окно, и вѣтеръ запѣлъ о чемъ-то въ каминной трубѣ.

Вошла горничная и, думая, что я уснула, окликнула меня...

1887.

Выигрышный билетъ

Иванъ Дмитричъ, человѣкъ средній, проживающій съ семьей тысячу двѣсти рублей въ годъ и очень довольный своей судьбой, какъ-то послѣ ужина сѣлъ на диванъ и сталъ читать газету.

— Забыла я сегодня въ газету поглядѣть, — сказала его жена, убирая со стола. — Посмотри, нѣтъ ли тамъ таблицы тиражей?

— Да, есть, — отвѣтилъ Иванъ Дмитричъ. — А развѣ твой билетъ не пропалъ въ залогѣ?

— Нѣтъ, я во вторникъ носила проценты.

— Какой номеръ?

— Серія 9.499, билетъ 26.

— Такъ-съ... Посмотримъ-съ... 9.499 и 26.

Иванъ Дмитричъ не вѣрилъ въ лотерейное счастіе и въ другое время ни за что не сталъ бы глядѣть въ таблицу тиражей, но теперь отъ нечего дѣлать и — благо, газета была передъ глазами — онъ провелъ пальцемъ сверху внизъ по номерамъ серій. И тотчасъ же, точно въ насмѣшку надъ его невѣріемъ, не дальше какъ во второй строкѣ сверху, рѣзко бросилась въ глаза цифра 9.499! Не поглядѣвъ, какой номеръ билета, не провѣряя себя, онъ быстро опустилъ газету на колѣни и, какъ будто кто плеснулъ ему на животъ холодной водой, почувствовалъ подъ ложечкой пріятный холодокъ: и щекотно, и страшно, и сладко!

— Маша, 9.499 есть! — сказалъ онъ глухо.

Жена поглядѣла на его удивленное, испуганное лицо и поняла, что онъ не шутитъ.

— 9.499? — спросила она, блѣднѣя и опуская на столъ сложенную скатерть.

— Да, да... Серьезно есть!

— А номеръ билета?

— Ахъ, да! Еще номеръ билета. Впрочемъ, постой... погоди. Нѣтъ, каково? Все-таки номеръ нашей серіи есть! Все-таки понимаешь...

Иванъ Дмитричъ, глядя на жену, улыбался широко и безсмысленно, какъ ребенокъ, которому показываютъ блестящую вещь. Жена тоже улыбалась: ей, какъ и ему, пріятно было, что онъ назвалъ только серію и не спѣшитъ узнать номеръ счастливаго билета. Томить и дразнить себя надеждой на возможное счастіе — это такъ сладко, жутко!

— Наша серія есть, — сказалъ Иванъ Дмитричъ послѣ долгаго молчанія. — Значитъ, есть вѣроятность, что мы выиграли. Только вѣроятность, но все же она есть!

— Ну, теперь взгляни.

— Постой. Еще успѣемъ разочароваться. Это во второй строкѣ сверху, значитъ, выигрышъ въ 75.000. Это не деньги, а сила, капиталъ! И вдругъ я погляжу сейчасъ въ таблицу, а тамъ — 26! А? Послушай, а что если мы въ самомъ дѣлѣ выиграли?

Супруги стали смѣяться и долго глядѣли другъ на друга молча. Возможность счастья отуманила ихъ, они не могли даже мечтать, сказать, на что имъ обоимъ нужны эти 75.000, что они купятъ, куда поѣдутъ. Думали они только о цифрахъ 9.499 и 75.000, рисовали ихъ въ сво-

емъ воображеніи, а о самомъ счастьѣ, которое было такъ возможно, имъ какъ-то не думалось.

Иванъ Дмитричъ, держа въ рукахъ газету, нѣсколько разъ прошелся изъ угла въ уголъ, и только, когда успокоился отъ перваго впечатлѣнія, сталъ понемногу мечтать.

— А что, если мы выиграли? — сказалъ онъ. — Вѣдь это новая жизнь, эта катастрофа! Билетъ твой, но если бы онъ былъ моимъ, то я прежде всего, конечно, купилъ бы тысячъ за 25 какую-нибудь недвижимость въ родѣ имѣнія; тысячъ 10 на единовременные расходы; новая обстановка... путешествіе, долги заплатить и прочее... Остальныя 40 тысячъ въ банкъ подъ проценты...

— Да, имѣніе — это хорошо, — сказала жена, садясь и опуская на колѣни руки.

— Гдѣ-нибудь въ Тульской или Орловской губерніи... Во-первыхъ, дачи не нужно, во-вторыхъ, все-таки доходъ.

И въ его воображеніи затолпились картины, одна другой ласковѣй, поэтичнѣй, и во всѣхъ этихъ картинахъ онъ видѣлъ себя самого сытымъ, спокойнымъ, здоровымъ, ему тепло, даже жарко! Вотъ онъ, поѣвши холодной, какъ ледъ, окрошки, лежитъ вверхъ животомъ на горячемъ пескѣ у самой рѣчки, или въ саду подъ липой... Жарко... Сынишка и дочь ползаютъ возлѣ, роются въ пескѣ, или ловятъ въ травѣ козявокъ. Онъ сладко дремлетъ, ни о чемъ не думаетъ и всѣмъ тѣломъ чувствуетъ, что ему не идти на службу ни сегодня, ни завтра, ни послѣзавтра. А надоѣло лежать, онъ идетъ на сѣнокосъ, или въ лѣсъ за грибами, или же глядитъ, какъ му-

жики ловятъ неводомъ рыбу. Когда садится солнце, онъ беретъ простыню, мыло и плетется въ купальню, гдѣ не спѣша раздѣвается, долго разглаживаетъ ладонями свою голую грудь и лѣзетъ въ воду. А въ водѣ, около матовыхъ мыльныхъ круговъ суетятся рыбешки, качаются зеленыя водоросли. Послѣ купанья чай со сливками и со сдобными кренделями... Вечеромъ прогулка, или винтъ съ сосѣдями.

— Да, хорошо бы купить имѣніе, — говоритъ жена, тоже мечтая, и по лицу ея видно, что она очарована своими мыслями.

Иванъ Дмитричъ рисуетъ себѣ осень съ дождями, съ холодными вечерами и съ бабьимъ лѣтомъ. Въ это время нужно нарочно подольше гулять по саду, огороду, по берегу рѣки, чтобы хорошенько озябнуть, а потомъ выпить большую рюмку водки и закусить соленымъ рыжикомъ, или укропнымъ огурчикомъ и — выпить другую. Дѣтишки бѣгутъ съ огорода и тащутъ морковь и рѣдьку, отъ которой пахнетъ свѣжей землей... А послѣ развалиться на диванѣ и не спѣша разсматривать какой-нибудь иллюстрированный журналъ, а потомъ прикрыть журналомъ лицо, разстегнуть жилетку, отдаться дремотѣ...

За бабьимъ лѣтомъ слѣдуетъ хмурое, ненастное время. Днемъ и ночью идетъ дождь, голыя деревья плачутъ, вѣтеръ сыръ и холоденъ. Собаки, лошади, куры — все мокро, уныло, робко. Гулять негдѣ, изъ дому выходить нельзя, цѣлый день приходится шагать изъ угла въ уголъ и тоскливо поглядывать на пасмурныя окна. Скучно!

Иванъ Дмитричъ остановился и посмотрѣлъ на жену.

— Я, знаешь, Маша, за границу поѣхалъ бы, — сказалъ онъ.

И онъ сталъ думать о томъ, что хорошо бы поѣхать глубокой осенью за границу, куда-нибудь въ южную Францію, Италію... Индію!

— Я тоже непремѣнно бы за границу поѣхала, — сказала жена. — Ну, посмотри номеръ билета!

— Постой! Погоди...

Онъ ходилъ по комнатѣ и продолжалъ думать. Ему пришло на мысль: а что если въ самомъ дѣлѣ жена поѣдетъ за границу? Путешествовать пріятно одному, или же, въ обществѣ женщинъ легкихъ, беззаботныхъ, живущихъ минутой, а не такихъ, которыя всю дорогу думаютъ и говорятъ только о дѣтяхъ, вздыхаютъ, пугаются и дрожатъ надъ каждой копейкой. Иванъ Дмитричъ представилъ себѣ свою жену въ вагонѣ со множествомъ узелковъ, корзинокъ, свертковъ; она о чемъ-то вздыхаетъ и жалуется, что у нея отъ дороги разболѣлась голова, что у нея ушло много денегъ; то-и-дѣло приходится бѣгать на станцію за кипяткомъ, бутербродами, водой... Обѣдать она не можетъ, потому что это дорого...

«А вѣдь она бы меня въ каждой копейкѣ усчитывала, — подумалъ онъ, взглянувъ на жену. — Билетъ-то ея, а не мой! Да и зачѣмъ ей за границу ѣхать? Чего она тамъ не видала? Будетъ въ номерѣ сидѣть, да меня не отпускать отъ себя... Знаю!»

И онъ первый разъ въ жизни обратилъ вни-

маніе на то, что его жена постарѣла, подурнѣла, вся насквозь пропахла кухней, а самъ онъ еще молодъ, здоровъ, свѣжъ, хоть женись во второй разъ.

«Конечно, все это пустяки и глупости, — думалъ онъ: — но... зачѣмъ бы она поѣхала за границу? Что она тамъ понимаетъ? А вѣдь поѣхала бы... Воображаю... А на самомъ дѣлѣ для нея что Неаполь, что Клинъ — все едино. Только бы мнѣ помѣшала. Я бы у нея въ зависимости былъ. Воображаю, какъ бы только получила деньги, то сейчасъ бы ихъ по-бабьи подъ шесть замковъ... Отъ меня будетъ прятать... Роднѣ своей будетъ благотворить, а меня въ каждой копейкѣ усчитаетъ».

Вспомнилъ Иванъ Дмитричъ родню. Всѣ эти братцы, сестрицы, тетеньки, дяденьки, узнавъ про выигрышъ, приползутъ, начнутъ нищенски клянчить, маслено улыбаться, лицемѣрить. Противные, жалкіе люди! Если имъ дать, то они еще попросятъ; а отказать — будутъ клясть, сплетничать, желать всякихъ напастей.

Иванъ Дмитричъ припоминалъ своихъ родственниковъ, и ихъ лица, на которыя онъ прежде глядѣлъ безразлично, казались ему теперь противными, ненавистными.

«Это такія гадины!» — думалъ онъ.

И лицо жены стало казаться тоже противнымъ, ненавистнымъ. Въ душѣ его закипала противъ нея злоба, и онъ со злорадствомъ думалъ:

«Ничего не смыслитъ въ деньгахъ, а потому скупа. Если бы выиграла, дала бы мнѣ только сто рублей, а остальныя — подъ замокъ».

И онъ уже не съ улыбкой, а съ ненавистью глядѣлъ на жену. Она тоже взглянула на него и тоже съ ненавистью и со злобой. У нея были свои радужныя мечты, свои планы, свои соображенія; она отлично понимала, о чемъ мечтаетъ ея мужъ. Она знала, кто первый протянулъ бы лапу къ ея выигрышу.

«На чужой-то счетъ хорошо мечтать! — говорилъ ея взглядъ. — Нѣтъ, ты не смѣешь!»

Мужъ понялъ ея взглядъ; ненависть заворочалась у него въ груди и, чтобы досадить своей женѣ, онъ назло ей быстро заглянулъ на четвертую страницу газеты и провозгласилъ съ торжествомъ:

— Серія 9.499, билетъ 46! Но не 26!

Надежда и ненависть — обѣ разомъ исчезли, и тотчасъ же Ивану Дмитричу и его женѣ стало казаться, что ихъ комнаты темны, малы и низки, что ужинъ, который они съѣли, не насыщаетъ, а только давитъ подъ желудкомъ, что вечера длинны и скучны...

— Чортъ знаетъ что, — сказалъ Иванъ Дмитричъ, начиная капризничать. — Куда ни ступишь, вездѣ бумажки подъ ногами, крошки, какая-то скорлупа. Никогда не подметаютъ въ комнатахъ! Придется изъ дому уходить, чортъ меня подери совсѣмъ. Уйду и повѣшусь на первой попавшейся осинѣ.

1887.

Морозъ

На крещенье въ губернскомъ городѣ N. было устроено съ благотворительной цѣлью «народное» гулянье. Выбрали широкую часть рѣки между рынкомъ и архіерейскимъ дворомъ, огородили его канатомъ, елками и флагами, и соорудили все, что нужно для катанья на конькахъ, на саняхъ и съ горъ. Праздникъ предполагался въ возможно широкихъ размѣрахъ. Выпущенныя афиши были громадны и обѣщали не мало удовольствій: катокъ, оркестръ военной музыки, безпроигрышную лотерею, электрическое солнце и проч. Но все это едва не рушилось, благодаря сильному морозу. На Крещенье съ самаго кануна стоялъ морозъ градусовъ въ 28 съ вѣтромъ, и гулянье хотѣли отложить, но не сдѣлали этого только потому, что публика, долго и нетерпѣливо ожидавшая гулянья, не соглашалась ни на какія отсрочки.

— Подумайте, на то теперь и зима, чтобъ былъ морозъ! — убѣждали дамы губернатора, который стоялъ за то, чтобы гулянье было отложено. — Если кому будетъ холодно, тотъ можетъ гдѣ-нибудь погрѣться!

Отъ мороза побѣлѣли деревья, лошади, бороды; казалось, даже самъ воздухъ трещалъ, не вынося холода, но несмотря на это, тотчасъ же послѣ водосвятія озябшая полиція была уже на каткѣ, и ровно въ часъ дня началъ играть военный оркестръ.

Въ самый разгаръ гулянья, часу въ четвертомъ, въ губернаторскомъ павильонѣ, построенномъ на берегу рѣки, собралось грѣться мѣстное отборное общество. Тутъ были старикъ-губернаторъ съ женой, архіерей, предсѣдатель суда, директоръ гимназіи и многіе другіе. Дамы сидѣли въ креслахъ, а мужчины толпились около широкой стеклянной двери и глядѣли на катокъ.

— Ай, батюшки, — изумлялся архіерей: — ногами-то, ногами какія ноты выводятъ! Ей-же-ей, иной пѣвецъ голосомъ того не выведетъ, что эти головорѣзы ногами... Ай, убьется!

— Это Смирновъ... Это Груздевъ, — говорилъ директоръ, называя по фамиліи гимназистовъ, летавшихъ мимо павильона.

— Ба, живъ Курилка! — засмѣялся губернаторъ. — Господа, поглядите, наша городская голова идетъ... Сюда идетъ. Ну, бѣда: заговоритъ онъ насъ теперь!

Съ другого берега, сторонясь отъ конькобѣжцевъ, шелъ къ павильону маленькій, худенькій старикъ въ лисьей шубѣ нараспашку и въ большомъ картузѣ. Это былъ городской голова, купецъ Еремѣевъ, милліонеръ, N—скій старожилъ. Растопыривъ руки и пожимаясь отъ холода, онъ подпрыгивалъ, стучалъ калошей о калошу и видимо спѣшилъ убраться отъ вѣтра. На полдорогѣ онъ вдругъ согнулся, подкрался сзади къ какой-то дамѣ и дернулъ ее за рукавъ. Когда та оглянулась, онъ отскочилъ и, вѣроятно, довольный тѣмъ, что сумѣлъ испугать, разразился громкимъ старческимъ смѣхомъ.

— Живой старикашка! — сказалъ губерна-

торъ. — Удивительно, какъ это онъ еще на конькахъ не катается.

Подходя къ павильону, голова засѣменилъ мелкой рысцой, замахалъ руками и, разбѣжавшись, подползъ по льду на своихъ громадныхъ калошахъ къ самой двери.

— Егоръ Иванычъ, коньки вамъ надо купить! — встрѣтилъ его губернаторъ.

— Я и самъ-то думаю! — отвѣтилъ онъ крикливымъ, немного гнусавымъ теноркомъ, снимая шапку. — Здравія желаю, ваше превосходительство! Ваше преосвященство, владыко святый! Всѣмъ прочимъ господамъ — многая лѣта! Вотъ такъ морозъ! Ну, да и морозъ же, Богъ съ нимъ! Смертъ!

Мигая красными, озябшими глазами, Егоръ Иванычъ застучалъ по полу калошами и захлопалъ руками, какъ озябшій извозчикъ.

— Такой проклятущій морозъ, что хуже собаки всякой! — продолжалъ онъ говорить, улыбаясь во все лицо. — Сущая казнь!

— Это здорово, — сказалъ губернаторъ. — Морозъ укрѣпляетъ человѣка, бодритъ.

— Хоть и здорово, но лучше бъ его вовсе не было, — сказалъ голова, утирая краснымъ платкомъ свою клиновидную бородку. — Богъ съ нимъ! Я такъ понимаю, ваше превосходительство, Господь въ наказаніе намъ его посылаетъ, морозъ-то. Лѣтомъ грѣшимъ, а зимою казнимся... да!

Егоръ Иванычъ быстро оглядѣлся и всплеснулъ руками.

— А гдѣ же это самое... чѣмъ грѣться-то? — спросилъ онъ, испуганно глядя то на губер-

натора, то на архіерея. — Ваше превосходительство! Владыко святый! Чай и мадамы озябли! Надо что-нибудь! Такъ невозможно!

Всѣ замахали руками, стали говорить, что они пріѣхали на катокъ не за тѣмъ, чтобы грѣться, но голова, никого не слушая, отворилъ дверь и закивалъ кому-то согнутымъ въ крючокъ пальцемъ. Къ нему подбѣжали артельщикъ и пожарный.

— Вотъ что, бѣгите къ Саватину, — забормоталъ онъ: — и скажите, чтобъ какъ можно скорѣй прислалъ сюда того... Какъ его? Чего бы такое? Стало быть, скажи, чтобъ десять стакановъ прислалъ... десять стакановъ глинтвейнцу... самаго горячаго, или пуншу, что ли...

Въ павильонѣ засмѣялись.

— Нашелъ, чѣмъ угощать!

— Ничего, выпьемъ... — бормоталъ голова. — Стало быть, десять стакановъ... Ну, еще бенедиктинцу, что ли... красненькаго вели согрѣть бутылки двѣ... Ну, а мадамамъ чего? Ну, скажещь тамъ, чтобъ пряниковъ, орѣшковъ... конфетовъ какихъ тамъ, что ли... Ну, ступай! Живо!

Голова минуту помолчалъ, а потомъ опять сталъ бранить морозъ, хлопая руками и стуча калошами.

— Нѣтъ, Егоръ Иванычъ, — убѣждалъ его губернаторъ: — не грѣшите, русскій морозъ имѣетъ свои прелести. Я недавно читалъ, что многія хорошія качества русскаго народа обусловливаются громаднымъ пространствомъ земли и климатомъ, жестокой борьбой за существованіе... Это совершенно справедливо!

— Можетъ и справедливо, ваше превосходительство, но лучше бъ его вовсе не было. Оно, конечно, морозъ и французовъ выгналъ, и всякія кушанья заморозить можно, и дѣточки на конькахъ катаются... все это вѣрно! Сытому и одѣтому морозъ — одно удовольствіе, а для человѣка рабочаго, нищаго, странника, блаженнаго — онъ первѣйшее зло и напасть. Горе, горе, владыко святый! При такомъ морозѣ и бѣдность вдвое, и воръ хитрѣе, и злодѣй лютѣе. Что и говорить! Мнѣ теперь седьмой десятокъ пошелъ, у меня теперь вотъ шуба есть, а дôма печка, всякіе ромы и пунши. Теперь мнѣ морозъ нипочемъ, я безъ всякаго вниманія, знать его не хочу. Но прежде-то что было, Мать Пречистая! Вспомнить страшно! Память у меня съ лѣтами отшибло, и я все позабылъ: и враговъ, и грѣхи свои, и напасти всякія — все позабылъ, но морозъ — ухъ какъ помню! Остался я послѣ маменьки вотъ этакимъ махонькимъ бѣсенкомъ, безпріютнымъ сиротою... Ни родныхъ, ни ближнихъ, одежонка рваная, кушать хочется, ночевать негдѣ, однимъ словомъ не имамы здѣ пребывающаго града, но грядущаго взыскуемъ. Довелось мнѣ тогда за пятачокъ въ день водить по городу одну старушку слѣпую... Морозы были жестокіе, злющіе. Выйдешь, бывало, со старушкой и начинаешь мучиться. Создатель мой! Спервоначалу задаешь дрожака, какъ въ лихорадкѣ, жмешься и прыгаешь, потомъ начинаютъ у тебя уши, пальцы и ноги болѣть. Болятъ, словно кто ихъ клещами жметъ. Но это все бы ничего, пустое дѣло, не суть важное. Бѣда, когда все тѣло стынетъ. Часика три по-

ходишь по морозу, владыко святый, и потеряешь всякое подобіе. Ноги сводитъ, грудь давитъ, животъ вытягиваетъ, главное, въ сердцѣ такая боль, что хуже и быть не можетъ. Болитъ сердце, нѣтъ мочи терпѣть, а во всемъ тѣлѣ тоска, словно ты ведешь за руку не старуху, а саму смерть. Весь онѣмѣешь, одеревянѣешь, какъ статуй, идешь и кажется тебѣ, что не ты это идешь, а кто-то другой замѣсто тебѣ ногами двигаетъ. Какъ застыла душа, то ужъ себя не помнишь: норовишь или старуху безъ водителя оставить, или горячій калачъ съ лотка стащить, или подраться съ кѣмъ. А придешь съ мороза на ночлегъ въ тепло, тоже мало радости! Почитай, до полночи не спишь и плачешь, а отчего плачешь, и самъ не знаешь...

— Пока еще не стемнѣло, нужно по катку пройтись, — сказала губернаторша, которой скучно стало слушать. — Кто со мной?

Губернаторша вышла, и за нею повалила изъ павильона вся публика. Остались только губернаторъ, архіерей и голова.

— Царица Небесная! А что было, когда меня въ сидѣльцы въ рыбную лавку отдали! — продолжалъ Егоръ Иванычъ, поднимая вверхъ руки, причемъ лисья шуба его распахнулась. — Бывало, выходишь въ лавку чуть свѣтъ... къ девятому часу я ужъ совсѣмъ озябши, рожа посинѣла, пальцы растопырены, такъ что пуговицы не застегнешь и денегъ не сосчитаешь. Стоишь на холодѣ, костенѣешь и думаешь: «Господи, вѣдь до самаго вечера такъ стоять придется!» Къ обѣду ужъ у меня животъ втянуло и сердце болитъ... да-съ! Когда потомъ самъ

хозяиномъ былъ, не легче жилось. Морозы до чрезвычайности, а лавка, словно мышеловка, со всѣхъ сторонъ ее продуваетъ; шубенка на мнѣ, извините, паршивая, на рыбьемъ мѣху, сквозная... Застынешь весь, обалдѣешь и самъ станешь жесточѣе мороза: одного за ухо дернешь, такъ что чуть ухо не оторвешь, другого по затылку хватишь, на покупателя злодѣемъ этакимъ глядишь, звѣремъ, и норовишь съ него кожу содрать, а домой ввечеру придешь, надо бы спать ложиться, но ты не въ духахъ и начинаешь свое семейство кускомъ хлѣба попрекать, шумѣть, и такъ разойдешься, что пяти городовыхъ мало. Отъ морозу и золъ становишься, и водку пьешь не въ мѣру.

Егоръ Иванычъ всплеснулъ руками и продолжалъ:

— А что было, когда мы зимой въ Москву рыбу возили! Мать Пречистая!

И онъ, захлебываясь, сталъ описывать ужасы, которые переживалъ со своими приказчиками, когда возилъ въ Москву рыбу...

— Н-да, — вздохнулъ губернаторъ: — удивительно выносливъ человѣкъ! Вы, Егоръ Иванычъ, рыбу въ Москву возили, а я въ свое время на войну ходилъ. Припоминается мнѣ одинъ необыкновенный случай...

И губернаторъ разсказалъ, какъ во время послѣдней русско-турецкой войны, въ одну морозную ночь отрядъ, въ которомъ онъ находился, стоялъ неподвижно тринадцать часовъ въ снѣгу подъ пронзительнымъ вѣтромъ; изъ страха быть замѣченнымъ отрядъ не разводилъ огня, молчалъ, не двигался; запрещено было курить...

Начались воспоминанія. Губернаторъ и голова оживились, повеселѣли и, перебивая другъ друга, стали припоминать пережитое. И архіерей разсказалъ, какъ онъ, служа въ Сибири, ѣздилъ на собакахъ, какъ онъ однажды сонный, во время сильнаго мороза, вывалился изъ возка и едва не замерзъ; когда тунгузы вернулись и нашли его, то онъ былъ едва живъ. Потомъ, словно сговорившись, старики вдругъ умолкли, сѣли рядышкомъ и задумались.

— Эхъ! — прошепталъ голова. — Кажется, пора бы забыть, но какъ взглянешь на водовозовъ, на школьниковъ, на арестантиковъ въ халатишкахъ, все припомнишь! Да взять хоть этихъ музыкантовъ, что играютъ сейчасъ. Небось ужъ и сердце болитъ у нихъ, и животы втянуло, и трубы къ губамъ примерзли... Играютъ и думаютъ: — «Мать Пречистая, а вѣдь намъ еще три часа тутъ на холодѣ сидѣть!»

Старики задумались. Думали они о томъ, что въ человѣкѣ выше происхожденія, выше сана, богатства и знаній, что послѣдняго нищаго приближаетъ къ Богу: о немощи человѣка, о его боли, о терпѣніи...

Между тѣмъ воздухъ синѣлъ... Отворилась дверь, и въ павильонъ вошли два лакея отъ Саватина, внося подносы и большой окутанный чайникъ. Когда стаканы наполнились и въ воздухѣ сильно запахло корицей и гвоздикой, опять отворилась дверь, и въ павильонъ вошелъ молодой, безусый околоточный съ багровымъ носомъ и весь покрытый инеемъ. Онъ подошелъ къ губернатору и, дѣлая подъ козырекъ, сказалъ:

— Ея превосходительство приказали доложить, что онѣ уѣхали домой.

Глядя, какъ околоточный дѣлалъ озябшими, растопыренными пальцами подъ козырекъ, глядя на его носъ, мутные глаза и башлыкъ, покрытый около рта бѣлымъ инеемъ, всѣ почему-то почувствовали, что у этого околоточнаго должно болѣть сердце, что у него втянутъ животъ и онѣмѣла душа...

— Послушайте, — сказалъ нерѣшительно губернаторъ: — выпейте глинтвейну.

— Ничего, ничего... выпей! — замахалъ голова. — Не стѣсняйся!

Околоточный взялъ въ обѣ руки стаканъ, отошелъ въ сторону и, стараясь не издавать звуковъ, сталъ чинно отхлебывать изъ стакана. Онъ пилъ и конфузился, а старики молча глядѣли на него, и всѣмъ казалось, что у молодого околоточнаго отъ сердца отходитъ боль, мякнетъ душа. Губернаторъ вздохнулъ.

— Пора по домамъ! — сказалъ онъ, поднимаясь. — Прощайте! Послушайте, — обратился онъ къ околоточному: — скажите тамъ музыкантамъ, чтобы они... перестали играть, и попросите отъ моего имени Павла Семеновича, чтобы онъ распорядился дать имъ... пива или водки.

Губернаторъ и архіерей простились съ «городской головой» и вышли изъ павильона.

Егоръ Иванычъ принялся за глинтвейнъ и, пока околоточный допивалъ свой стаканъ, успѣлъ разсказать ему очень много интереснаго. Молчать онъ не умѣлъ.

1887

Нищій

— Милостивый государь! Будьте добры, обратите вниманіе на несчастнаго, голоднаго человѣка. Три дня не ѣлъ... не имѣю пятака на ночлегъ... клянусь Богомъ! Восемь лѣтъ служилъ сельскимъ учителемъ и потерялъ мѣсто по интригамъ земства. Палъ жертвою доноса. Вотъ ужъ годъ, какъ хожу безъ мѣста.

Присяжный повѣренный Скворцовъ поглядѣлъ на сизое, дырявое лицо просителя, на его мутные, пьяные глаза, красныя пятна на щекахъ, и ему показалось, что онъ раньше уже видѣлъ гдѣ-то этого человѣка.

— Теперь мнѣ предлагаютъ мѣсто въ Калужской губерніи, — продолжалъ проситель: — но у меня нѣтъ средствъ, чтобы поѣхать туда. Помогите, сдѣлайте милость! Стыдно просить, но... вынуждаютъ обстоятельства.

Скворцовъ поглядѣлъ на калоши, изъ которыхъ одна была глубокая, а другая мелкая, и вдругъ вспомнилъ.

— Послушайте, третьяго дня, кажется, я встрѣтилъ васъ на Садовой, — сказалъ онъ: — но тогда вы говорили мнѣ, что вы не сельскій учитель, а студентъ, котораго исключили. Помните?

— Нѣ... нѣтъ, не можетъ быть! — пробормоталъ проситель, смущаясь. — Я сельскій учитель и, ежели желаете, могу документы показать.

— Будетъ вамъ лгать! Вы называли себя студентомъ и даже разсказали мнѣ, за что васъ исключили. Помните?

Скворцовъ покраснѣлъ и съ выраженіемъ гадливости на лицѣ отошелъ отъ оборвыша.

— Это подло, милостивый государь! — крикнулъ онъ сердито. — Это мошенничество! Я васъ въ полицію отправлю, чортъ бы васъ взялъ! Вы бѣдны, голодны, но это не даетъ вамъ права такъ нагло, безсовѣстно лгать!

Оборвышъ взялся за ручку двери и растерянно, какъ пойманный воръ, оглядѣлъ переднюю.

— Я... я не лгу-съ... — пробормоталъ онъ. — Я могу документы показать.

— Кто вамъ повѣритъ? — продолжалъ возмущаться Скворцовъ. — Эксплуатировать симпатіи общества къ сельскимъ учителямъ и студентамъ — вѣдь это такъ низко, подло, грязно! Возмутительно!

Скворцовъ разошелся и самымъ безжалостнымъ образомъ распекъ просителя. Своею наглою ложью оборвышъ возбудилъ въ немъ гадливость и отвращеніе, оскорбилъ то, что онъ, Скворцовъ, такъ любилъ и цѣнилъ въ себѣ самомъ: доброту, чувствительное сердце, состраданіе къ несчастнымъ людямъ; своею ложью, покушеніемъ на милосердіе «субъектъ» точно осквернилъ ту милостыню, которую онъ отъ чистаго сердца любилъ подавать бѣднякамъ. Оборвышъ сначала оправдывался, божился, но потомъ умолкъ и пристыженный поникъ головой.

— Сударь! — сказалъ онъ, прикладывая руку къ сердцу. — Дѣйствительно, я... солгалъ! Я не студентъ и не сельскій учитель. Все это

одна выдумка! Я въ русскомъ хорѣ служилъ и оттуда меня за пьянство выгнали. Но что же мнѣ дѣлать? Вѣрьте Богу, нельзя безъ лжи! Когда я говорю правду, мнѣ никто не подаетъ. Съ правдой умрешь съ голоду и замерзнешь безъ ночлега! Вы вѣрно разсуждаете, я понимаю, но... что же мнѣ дѣлать?

— Что дѣлать? Вы спрашиваете, что вамъ дѣлать? — крикнулъ Скворцовъ, подходя къ нему близко. — Работайте, вотъ что дѣлать! Работать нужно!

— Работать... Я и самъ это понимаю, но гдѣ же работы взять?

— Вздоръ! Вы молоды, здоровы, сильны и всегда найдете работу, была бы лишь охота. Но вѣдь вы лѣнивы, избалованы, пьяны! Отъ васъ, какъ изъ кабака, разитъ водкой! Вы изолгались и истрепались до мозга костей, и способны только на попрошайничество и ложь! Если вы и соблаговолите когда-нибудь снизойти до работы, то подавай вамъ канцелярію, русскій хоръ, маркерство, гдѣ бы вы ничего не дѣлали и получали бы деньги! А не угодно ли вамъ заняться физическимъ трудомъ? Небось, не пойдете въ дворники, или фабричные! Вы вѣдь съ претензіями!

— Какъ вы разсуждаете, ей-Богу... — проговорилъ проситель и горько усмѣхнулся. — Гдѣ же мнѣ взять физическаго труда? Въ приказчики мнѣ уже поздно, потому что въ торговлѣ съ мальчиковъ начинать надо, въ дворники никто меня не возьметъ, потому что на меня тыкать нельзя... а на фабрику не примутъ, надо ремесло знать, а я ничего не знаю.

— Вздоръ! Вы всегда найдете оправданіе! А не угодно ли вамъ дрова колоть?

— Я не отказываюсь, но нынче и настоящіе дровоколы сидятъ безъ хлѣба.

— Ну, всѣ тунеядцы такъ разсуждаютъ. Предложи вамъ, такъ откажетесь. Не хотите ли у меня поколоть дрова?

— Извольте, поколю...

— Хорошо, посмотримъ... Отлично... Увидимъ!

Скворцовъ заторопился и, не безъ злорадства потирая руки, вызвалъ изъ кухни кухарку.

— Вотъ, Ольга, — обратился онъ къ ней: — поведи этого господина въ сарай и пусть онъ дрова поколетъ.

Оборвышъ пожалъ плечами, какъ бы недоумѣвая, и нерѣшительно пошелъ за кухаркой. По его походкѣ видно было, что согласился онъ идти колоть дрова не потому, что былъ голоденъ и хотѣлъ заработать, а просто изъ самолюбія и стыда, какъ пойманный на словѣ. Замѣтно было также, что онъ сильно ослабѣлъ отъ водки, былъ нездоровъ и не чувствовалъ ни малѣйшаго расположенія къ работѣ.

Скворцовъ поспѣшилъ въ столовую. Тамъ изъ оконъ, выходившихъ на дворъ, виденъ былъ дровяной сарай и все, что происходило на дворѣ. Стоя у окна, Скворцовъ видѣлъ, какъ кухарка и оборвышъ вышли чернымъ ходомъ на дворъ и по грязному снѣгу направились къ сараю. Ольга, сердито оглядывая своего спутника и тыча въ стороны локтями, отперла сарай и со злобой хлопнула дверью.

«Вѣроятно, мы помѣшали бабѣ кофе пить, — подумалъ Скворцовъ. — Экое злое созданіе!»

Далѣе онъ видѣлъ, какъ лже-учитель и лже-студентъ усѣлся на колоду и, подперевъ кулаками свои красныя щеки, о чемъ-то задумался. Баба швырнула къ его ногамъ топоръ, со злобой плюнула и, судя по выраженію губъ, стала браниться. Оборвышъ нерѣшительно потянулъ къ себѣ одно полѣно, поставилъ его между ногъ и несмѣло тяпнулъ по немъ топоромъ. Полѣно закачалось и упало. Оборвышъ потянулъ его къ себѣ, подулъ на свои озябшія руки и опять тяпнулъ топоромъ съ такою осторожностью, какъ будто боялся хватить себя по калошѣ, или обрубить пальцы. Полѣно опять упало.

Гнѣвъ Скворцова уже прошелъ и ему стало немножко больно и стыдно за то, что онъ заставилъ человѣка избалованнаго, пьянаго и, можетъ быть, больного заниматься на холодѣ черной работой.

«Ну, ничего, пусть... — подумалъ онъ, идя изъ столовой въ кабинетъ. — Это я для его же пользы».

Черезъ часъ явилась Ольга и доложила, что дрова уже порублены.

— На, отдай ему полтинникъ, — сказалъ Скворцовъ. — Если онъ хочетъ, то пусть приходитъ колоть дрова каждое первое число... Работа всегда найдется.

Перваго числа явился оборвышъ и опять заработалъ полтинникъ, хотя едва стоялъ на ногахъ. Съ этого раза онъ сталъ часто показываться на дворѣ и всякій разъ для него находили работу: то онъ снѣгъ сгребалъ въ кучи,

то прибиралъ въ сараѣ, то выбивалъ пыль изъ ковровъ и матрацевъ. Всякій разъ онъ получалъ за свои труды копеекъ 20—40, и разъ даже ему были высланы старыя брюки.

Перебираясь на другую квартиру, Скворцовъ нанялъ его помогать при укладкѣ и перевозкѣ мебели. Въ этотъ разъ оборвышъ былъ трезвъ, угрюмъ и молчаливъ; онъ едва прикасался къ мебели, ходилъ, понуря голову, за возами и даже не старался казаться дѣятельнымъ, а только пожимался отъ холода и конфузился, когда извозчики смѣялись надъ его праздностью, безсиліемъ и рванымъ, благороднымъ пальто. Послѣ перевозки Скворцовъ велѣлъ позвать его къ себѣ.

— Ну, я вижу, мои слова на васъ подѣйствовали, — сказалъ онъ, подавая ему рубль. — Вотъ вамъ за труды. Я вижу, вы трезвы и не прочь поработать. Какъ васъ зовутъ?

— Лушковъ.

— Я, Лушковъ, могу теперь предложить вамъ другую работу, почище. Вы можете писать?

— Могу-съ.

— Такъ вотъ съ этимъ письмомъ вы завтра отправитесь къ моему товарищу и получите отъ него переписку. Работайте, не пьянствуйте, не забывайте того, что я говорилъ вамъ. Прощайте!

Скворцовъ, довольный тѣмъ, что поставилъ человѣка на путь истины, ласково потрепалъ Лушкова по плечу и даже подалъ ему на прощанье руку. Лушковъ взялъ письмо, ушелъ и ужъ больше не приходилъ на дворъ за работой.

Прошло два года. Однажды, стоя у театральной кассы и расплачиваясь за билетъ, Скворцовъ увидѣлъ рядомъ съ собой маленькаго человѣка съ барашковымъ воротникомъ и въ поношенной котиковой шапкѣ. Человѣкъ робко попросилъ у кассира билетъ на галерку и заплатилъ мѣдными пятаками.

— Лушковъ, это вы? — спросилъ Скворцовъ, узнавъ въ человѣкѣ своего давнишняго дровокола. — Ну какъ? Что подѣлываете? Хорошо живется?

— Ничего... Служу теперь у нотаріуса, получаю 35 рублей-съ.

— Ну, и слава Богу. И отлично! Радуюсь за васъ. Очень, очень радъ, Лушковъ! Вѣдь вы нѣкоторымъ образомъ мой крестникъ. Вѣдь это я васъ на настоящую дорогу толкнулъ. Помните, какъ я васъ распекалъ, а? Чуть вы у меня тогда сквозь землю не провалились. Ну, спасибо, голубчикъ, что моихъ словъ не забывали.

— Спасибо и вамъ, — сказалъ Лушковъ. — Не приди я къ вамъ тогда, пожалуй, до сихъ поръ назывался бы учителемъ, или студентомъ. Да, у васъ спасся, выскочилъ изъ ямы.

— Очень, очень радъ.

— Спасибо за ваши добрыя слова и за дѣла. Вы отлично тогда говорили. Я благодаренъ и вамъ, и вашей кухаркѣ, дай Богъ здоровья этой доброй, благородной женщинѣ. Вы отлично говорили тогда, я вамъ обязанъ, конечно, по гробъ жизни, но спасла-то меня собственно ваша кухарка Ольга.

— Какимъ это образомъ?

— А такимъ образомъ. Бывало, придешь къ вамъ дрова колоть, и она начнетъ: «Ахъ, ты пьяница! Окаянный ты человѣкъ! И нѣтъ на тебя погибели!» А потомъ сядетъ противъ, пригорюнится, глядитъ мнѣ въ лицо и плачется: «Несчастный ты человѣкъ! Нѣтъ тебѣ радости на этомъ свѣтѣ, да и на томъ свѣтѣ, пьяница, въ аду горѣть будешь! Горемычный ты!» И все въ такомъ родѣ, знаете. Сколько она себѣ крови испортила и слезъ пролила ради меня, я вамъ и сказать не могу. Но главное — вмѣсто меня дрова колола! Вѣдь я, сударь, у васъ ни одного полѣна не раскололъ, а все она! Почему она меня спасла, почему я измѣнился, глядя на нее, и пить пересталъ, не могу вамъ объяснить. Знаю только, что отъ ея словъ и благородныхъ поступковъ въ душѣ моей произошла перемѣна, она меня исправила, и никогда я этого не забуду. Одначе пора, уже звонокъ подаютъ.

Лушковъ поклонился и отправился на галерку.

1887.

Пьяные

Фабрикантъ Фроловъ, красивый брюнетъ съ круглой бородкой и съ мягкимъ, бархатнымъ выраженіемъ глазъ, и его повѣренный адвокатъ Альмеръ, пожилой мужчина, съ большой, жесткой головой, кутили въ одной изъ общихъ залъ загороднаго ресторана. Оба они пріѣхали въ ресторанъ прямо съ бала, а потому были во фракахъ и въ бѣлыхъ галстукахъ. Кромѣ нихъ и лакеевъ у дверей, въ залѣ не было ни души; по приказанію Фролова никого не впускали.

Начали съ того, что выпили по большой рюмкѣ водки и закусили устрицами.

— Хорошо! — сказалъ Альмеръ. — Это, братъ, я пустилъ въ моду устрицами закусывать. Отъ водки пожжетъ, подеретъ тебѣ въ горлѣ, а какъ проглотишь устрицу, въ горлѣ чувствуешь сладострастіе. Не правда ли?

Солидный лакей съ бритыми усами и съ сѣдыми бакенами поставилъ на столъ соусникъ.

— Что это ты подаешь? — спросилъ Фроловъ.

— Соусъ провансаль для селедки-съ...

— Что? Развѣ такъ подаютъ? — крикнулъ фабрикантъ, не поглядѣвъ въ соусникъ. — Развѣ это соусъ? Подавать не умѣешь, болванъ!

Бархатные глаза Фролова вспыхнули. Онъ обмоталъ вокругъ пальца уголъ скатерти, сдѣлалъ легкое движеніе, и закуски, подсвѣчники,

бутылки — все со звономъ и съ визгомъ загремѣло на полъ.

Лакеи, давно уже привыкшіе къ кабацкимъ катастрофамъ, подбѣжали къ столу и серьезно, хладнокровно, какъ хирурги во время операціи, стали подбирать осколки.

— Какъ это ты хорошо умѣешь съ ними, — сказалъ Альмеръ и засмѣялся. — Но... отойди немножко отъ стола, а то въ икру наступишь.

— Позвать сюда инженера! — крикнулъ Фроловъ.

Инженеромъ назывался дряхлый, кислолицый старикъ, въ самомъ дѣлѣ бывшій когда-то инженеромъ и богатымъ человѣкомъ; онъ промоталъ все свое состояніе и подъ конецъ жизни попалъ въ ресторанъ, гдѣ управлялъ лакеями и пѣвицами и исполнялъ разныя порученія по части женскаго пола. Явившись на зовъ, онъ почтительно склонилъ голову на бокъ.

— Послушай, любезный, — обратился къ нему Фроловъ: — что это за безпорядки? Какъ они у тебя подаютъ? Развѣ ты не знаешь, что я этого не люблю? Чортъ васъ подери, я перестану къ вамъ ѣздить!

— Прошу великодушно извинить, Алексѣй Семенычъ! — сказалъ инженеръ, прижимая руку къ сердцу. — Я немедленно приму мѣры и всѣ ваши малѣйшія желанія будутъ исполняемы самымъ лучшимъ и скорымъ образомъ.

— Ну, ладно, ступай...

Инженеръ поклонился, попятился назадъ, все въ наклонномъ положеніи, и исчезъ за дверью,

сверкнувъ въ послѣдній разъ своими фальшивыми брильянтами на сорочкѣ и пальцахъ.

Закусочный столъ опять былъ накрытъ. Альмеръ пилъ красное, съ аппетитомъ ѣлъ какую-то птицу съ трюфелями и заказалъ себѣ еще матлотъ изъ налимовъ и стерлядку кольчикомъ. Фроловъ пилъ одну водку и закусывалъ хлѣбомъ. Онъ мялъ ладонями лицо, хмурился, пыхтѣлъ и, видимо, былъ не въ духѣ. Оба молчали. Было тихо. Два электрическихъ фонаря въ матовыхъ колпакахъ мелькали и сипѣли, точно сердились. За дверями, тихо подпѣвая, проходили цыганки.

— Пьешь и никакой веселости, — сказалъ Фроловъ. — Чѣмъ больше въ себя вливаю, тѣмъ становлюсь трезвѣе. Другіе веселѣютъ отъ водки, а у меня злоба, противныя мысли, безсонница. Отчего это, братъ, люди кромѣ пьянства и безпутства не придумаютъ другого какого-нибудь удовольствія? Противно вѣдь!

— А ты цыганокъ позови.

— Ну ихъ!

Въ дверяхъ изъ коридора показалась голова старухи цыганки.

— Алексѣй Семенычъ, цыгане просятъ чаю и коньяку, — сказала старуха. — Можно потребовать?

— Можно! — отвѣтилъ Фроловъ. — Ты знаешь, вѣдь они съ хозяина ресторана проценты берутъ за то, что требуютъ съ гостей угощенія. Нынче нельзя вѣрить даже тому, кто на водку проситъ. Народъ все низкій, подлый, избалованный. Взять хоть этихъ вотъ лакеевъ. Физіономіи, какъ у профессоровъ, сѣдые, по

двѣсти рублей въ мѣсяцъ добываютъ, своими домами живутъ, дочекъ въ гимназіяхъ обучаютъ, но ты можешь ругаться и тонъ задавать, сколько угодно. Инженеръ за цѣлковый слопаетъ тебѣ банку горчицы и пѣтухомъ пропоетъ. Честное слово, если бъ хоть одинъ обидѣлся, я бы ему тысячу рублей подарилъ!

— Что съ тобой? — спросилъ Альмеръ, глядя на него съ удивленіемъ. — Откуда эта меланхолія? Ты красный, звѣремъ смотришь... Что съ тобой?

— Скверно. Штука одна въ головѣ сидитъ. Засѣла гвоздемъ, и ничѣмъ ее оттуда не выковыряешь.

Въ залу вошелъ маленькій, кругленькій, заплывшій жиромъ старикъ, совсѣмъ лысый и облѣзлый, въ кургузомъ пиджакѣ, въ лиловой жилеткѣ съ гитарой. Онъ состроилъ идіотское лицо и вытянулся, сдѣлавъ подъ козырекъ, какъ солдатъ.

— А, паразитъ! — сказалъ Фроловъ. — Вотъ рекомендую: состояніе нажилъ тѣмъ, что свиньей хрюкалъ. Подойди-ка сюда!

Фабрикантъ налилъ въ стаканъ водки, вина, коньяку, насыпалъ соли и перцу, смѣшалъ все это и подалъ паразиту. Тотъ выпилъ и ухарски крякнулъ.

— Онъ привыкъ бурду пить, такъ что его отъ чистаго вина мутитъ, — сказалъ Фроловъ. — Ну, паразитъ, садись и пой.

Паразитъ сѣлъ, потрогалъ жирными пальцами струны и запѣлъ:

Нитка-нитка, Маргаритка...

Выпивъ шампанскаго, Фроловъ опьянѣлъ. Онъ стукнулъ кулакомъ по столу и сказалъ:

— Да, штука въ головѣ сидитъ! Ни на минуту покоя не даетъ!

— Да въ чемъ дѣло?

— Не могу сказать. Секретъ. Это у меня такая тайна, которую я только въ молитвахъ могу говорить. Впрочемъ, если хочешь, по-дружески, между нами... только ты смотри, никому — ни-ни-ни... Я тебѣ выскажу, мнѣ легче станетъ, но ты... ради Бога выслушай и забудь....

Фроловъ нагнулся къ Альмеру и полминуты дышалъ ему въ ухо.

— Жену свою ненавижу! — проговорилъ онъ.

Адвокатъ поглядѣлъ на него съ удивленіемъ.

— Да, да, жену свою, Марью Михайловну, — забормоталъ Фроловъ, краснѣя. — Ненавижу, и все тутъ.

— За что же?

— Самъ не понимаю! Женатъ только два года, женился, самъ знаешь, по любви, а теперь ненавижу ее уже какъ врага постылаго, какъ этого самаго, извини, паразита. И причинъ вѣдь нѣтъ, никакихъ причинъ! Когда она около меня сидитъ, ѣстъ, или если говоритъ что, то вся душа моя кипитъ, сдержать себя едва могу, чтобы не сгрубить ей. Просто такое дѣлается, что и сказать нельзя. Уйти отъ нея, или сказать ей правду никакъ не возможно, потому что скандалъ, а жить съ ней для меня хуже ада. Не могу сидѣть дома! Такъ, днемъ все по дѣламъ да по ресторанамъ, а ночью по вертепамъ пу-

таюсь. Ну, чѣмъ эту ненависть объяснишь? Вѣдь не какая-нибудь, а красавица, умная, тихая.

Паразитъ топнулъ ногой и запѣлъ:

Съ офицеромъ я ходила,
Съ нимъ секреты говорила...

— Признаться, мнѣ всегда казалось, что Марья Михайловна тебѣ совсѣмъ не пара, — сказалъ Альмеръ послѣ нѣкотораго молчанія и вздохнулъ.

— Скажешь, образованная? Послушай... Самъ я въ коммерческомъ съ золотою медалью кончилъ, раза три въ Парижѣ былъ. Я не умнѣе тебя, конечно, но не глупѣе жены. Нѣтъ, братъ, не въ образованіи загвоздка! Ты послушай, съ чего началась-то вся эта музыка. Началось съ того, что стало мнѣ вдругъ казаться, что вышла она не по любви, а ради богатства. Засѣла мнѣ эта мысль въ башку. Ужъ я и такъ и этакъ — сидитъ проклятая! А тутъ еще жену жадность одолѣла. Послѣ бѣдности-то попала она въ золотой мѣшокъ и давай сорить направо и налѣво. Ошалѣла, забылась до такой степени, что каждый мѣсяцъ по двадцати тысячъ раскидывала. А я мнительный человѣкъ. Никому я не вѣрю, всѣхъ подозрѣваю, и чѣмъ ты ласковѣй со мной, тѣмъ мнѣ мучительнѣе. Все мнѣ кажется, что мнѣ льстятъ изъ-за денегъ. Никому не вѣрю! Тяжелый я, братъ, человѣкъ, очень тяжелый!

Фролсвъ выпилъ залпомъ стаканъ вина и продолжалъ:

— Впрочемъ, все это чепуха, — сказалъ

онъ. — Объ этомъ никогда не слѣдуетъ говорить. Глупо. Я спьяна проболтался, а ты на меня теперь адвокатскими глазами глядишь — радъ, что чужую тайну узналъ. Ну, ну... оставимъ этотъ разговоръ. Будемъ пить! Послушай, — обратился онъ къ лакею: — у васъ Мустафа? Позови его сюда!

Немного погодя, въ залу вошелъ маленькій татарченокъ, лѣтъ двѣнадцати, во фракѣ и въ бѣлыхъ перчаткахъ.

— Поди сюда! — сказалъ ему Фроловъ. — Объясняй намъ слѣдующій фактъ. Было время, когда вы, татары, владѣли нами и брали съ насъ дань, а теперь вы у русскихъ въ лакеяхъ служите и халаты продаете. Чѣмъ объяснить такую перемѣну?

Мустафа поднялъ вверхъ брови и сказалъ тонкимъ голосомъ нараспѣвъ:

— Превратность судьбы!

Альмеръ поглядѣлъ на его серьезное лицо и покатился со смѣха.

— Ну, дай ему рубль! — сказалъ Фроловъ. — Этой превратностью судьбы онъ капиталъ наживаетъ. Только изъ-за этихъ двухъ словъ его и держатъ тутъ. Выпей, Мустафа! Бо-ольшой изъ тебя подлецъ выйдетъ! То-есть страсть сколько вашего брата, паразитовъ, около богатаго человѣка трется. Сколько васъ мирныхъ разбойниковъ и грабителей развелось — ни проѣхать, ни пройти! Нешто еще цыганъ позвать? А? Вали сюда цыганъ!

Цыгане, давно уже томившіеся въ коридорахъ, съ гиканьемъ ворвались въ залу и начался дикій разгулъ.

— Пейте! — кричалъ имъ Фроловъ. — Пей, фараоново племя! Пойте! И-и-хъ!

Зимнею порою . . . и-и-хъ! . . . саночки летѣли . . .

Цыгане пѣли, свистали, плясали . . . Въ изступленіи, которое иногда овладѣваетъ очень богатыми, избалованными «широкими натурами», Фроловъ сталъ дурить. Онъ велѣлъ подать цыганамъ ужинъ и шампанскаго, разбилъ матовый колпакъ у фонаря, швырялъ бутылками въ картины и зеркала, и все это, видимо, безъ всякаго удовольствія, хмурясь и раздраженно прикрикивая, съ презрѣніемъ къ людямъ, съ выраженіемъ ненавистничества въ глазахъ и въ манерахъ. Онъ заставлялъ инженера пѣть solo, поилъ басовъ смѣсью вина, водки и масла . . .

Въ шесть часовъ ему подали счетъ.

— 925 руб. 40 коп.! — сказалъ Альмеръ и пожалъ плечами. — За что это? Нѣтъ, постой, надо провѣрить!

— Оставь! — забормоталъ Фроловъ, вытаскивая бумажникъ. — Ну . . . пусть грабятъ . . . На то я и богатый, чтобъ меня грабили . . . Безъ паразитовъ . . . нельзя . . . Ты у меня повѣренный . . . шесть тысячъ въ годъ берешь, а . . . а за что? Впрочемъ, извини . . . я самъ не знаю, что говорю.

Возвращаясь съ Альмеромъ домой, Фроловъ бормоталъ:

— Ѣхать домой мнѣ — это ужасно! Да . . . Нѣтъ у меня человѣка, которому я могъ бы душу свою открыть . . . Все грабители . . . предатели . . . Ну, зачѣмъ я тебѣ свою тайну разсказалъ? За . . . зачѣмъ? Скажи: зачѣмъ?

У подъѣзда своего дома, онъ потянулся къ Альмеру и, пошатываясь, поцѣловалъ его въ губы, по старой московской привычкѣ — цѣловаться безъ разбора, при всякомъ случаѣ.

— Прощай... Тяжелый, скверный я человѣкъ, — сказалъ онъ. — Нехорошая, пьяная, безстыдная жизнь. Ты образованный, умный человѣкъ, а только усмѣхаешься и пьешь со мной, ни... никакой помощи отъ всѣхъ васъ... А ты бы, если ты мнѣ другъ, если ты честный человѣкъ, по-настоящему должепъ былъ бы сказать: «Эхъ, подлый, скверный ты человѣкъ! Гадина ты!»

— Ну, ну... — забормоталъ Альмеръ. — Иди спать.

— Никакой помощи отъ васъ. Только и надежды, что вотъ, когда лѣтомъ буду на дачѣ, выйду въ поле, и надвинетъ гроза, ударитъ громъ и разразитъ меня на мѣстѣ... Про... прощай...

Фроловъ еще разъ поцѣловался съ Альмеромъ и, засыпая на ходу, бормоча, поддерживаемый двумя лакеями, сталъ подниматься по лѣстницѣ.

1887.

Слѣдователь

Уѣздный врачъ и судебный слѣдователь ѣхали въ одинъ хорошій, весенній полдень на вскрытіе. Слѣдователь, мужчина лѣтъ тридцати пяти, задумчиво глядѣлъ на лошадей и говорилъ:

— Въ природѣ есть очень много загадочнаго и темнаго, но и въ обыденной жизни, докторъ, часто приходится наталкиваться на явленія, которыя рѣшительно не поддаются объясненію. Такъ, я знаю нѣсколько загадочныхъ, странныхъ смертей, причину которыхъ возьмутся объяснить только спириты и мистики, человѣкъ же со свѣжей головой въ недоумѣніи разведетъ руками и только. Напримѣръ, я знаю одну очень интеллигентную даму, которая предсказала себѣ смерть и умерла безъ всякой видимой причины именно въ назначенный ею день. Сказала, что умретъ тогда-то, и умерла.

— Нѣтъ дѣйствія безъ причины, — сказалъ докторъ. — Есть смерть, значитъ, есть и причина. А что касается предсказанія, то вѣдь тутъ мало диковиннаго. Всѣ наши дамы и бабы обладаютъ даромъ пророчества и предчувствія.

— Такъ-то такъ, но моя дама, докторъ, совсѣмъ особенная. Въ ея предсказаніи и смерти не было ничего ни бабьяго, ни дамскаго. Молодая женщина, здоровая, умница, безъ всякихъ предразсудковъ. У нея были такіе умные, ясные, честные глаза; лицо открытое, разумное, съ легкой, чисто русской усмѣшечкой во взглядѣ

и на губахъ. Дамскаго, или бабьяго, если хотите, въ ней было только одно — красота. Вся стройная, граціозная, какъ вотъ эта береза, волоса удивительные! Чтобы она не оставалась для васъ непонятной, прибавлю еще, что это былъ человѣкъ, полный самой заразительной веселости, безпечности и того умнаго, хорошаго легкомыслія, которое бываетъ только у мыслящихъ, простодушныхъ, веселыхъ людей. Можетъ ли тутъ быть рѣчь о мистицизмѣ, спиритизмѣ, дарѣ предчувствія, или о чемъ-нибудь подобномъ? Надъ всѣмъ этимъ она смѣялась.

Докторская бричка остановилась около колодца. Слѣдователь и докторъ напились воды, потянулись и стали ждать, когда кучеръ кончитъ поить лошадей.

— Ну-съ, отчего же умерла та дама? — спросилъ докторъ, когда бричка опять покатила по дорогѣ.

— Умерла она странно. Въ одинъ прекрасный день входитъ къ ней мужъ и говоритъ, что не дурно бы къ веснѣ продать старую коляску, а вмѣсто нея купить что-нибудь поновѣе и легче, и что не мѣшало бы перемѣнить лѣвую пристяжную, а Бобчинскаго (была у мужа такая лошадь) пустить въ корень.

Жена выслушала его и говоритъ:

— Дѣлай, какъ знаешь, мнѣ теперь все равно. Къ лѣту я буду уже на кладбищѣ.

Мужъ, конечно, пожимаетъ плечами и улыбается.

— Я нисколько не шучу, — говоритъ она. — Объявляю тебѣ серьезно, что я скоро умру.

— То-есть какъ скоро?

— Сейчасъ же послѣ родовъ. Рожу и умру.

Словамъ этимъ мужъ не придалъ никакого значенія. Онъ не вѣритъ ни въ какія предчувствія и къ тому же отлично знаетъ, что женщины въ интересномъ положеніи любятъ капризничать и вообще предаваться мрачнымъ мыслямъ. Прошелъ день, и жена опять ему о томъ, что умретъ тотчасъ же послѣ родовъ, и потомъ каждый день все о томъ же, а онъ смѣялся и обзывалъ ее бабой, гадалкой, кликушей. Близкая смерть стала idée fixe жены. Когда мужъ не слушалъ ее, она шла въ кухню и говорила тамъ о своей смерти съ няней и кухаркой:

— Не много еще мнѣ осталось жить, нянюшка. Какъ только рожу, сейчасъ же и умру. Не хотѣлось бы умирать такъ рано, да ужъ знать судьба моя такая.

Нянька и кухарка, конечно, въ слезы. Бывало, пріѣдетъ къ ней попадья, или помѣщица, а она отведетъ ее въ уголъ и давай душу отводить — все о томъ же, о близкой смерти. Говорила она серьезно, съ непріятной улыбкой, даже со злымъ лицомъ, не допуская возраженій. Была она модницей, щеголихой, но тутъ въ виду скорой смерти все бросила и стала ходить неряхой; уже не читала, не смѣялась, не мечтала вслухъ... Мало того, поѣхала съ теткой на кладбище и облюбовала тамъ мѣсто для своей могилки, а дней за пять до родовъ написала завѣщаніе. И имѣйте въ виду, все это творилось при отличномъ здоровьѣ, безъ малѣйшихъ намековъ на болѣзнь или какую-нибудь опасность. Роды — трудная штука, иногда смертельная, но у той, про которую я вамъ говорю, все обстояло благо-

получно и бояться было рѣшительно нечего. Мужу въ концѣ концовъ вся эта исторія надоѣла. Какъ-то за обѣдомъ онъ разсердился и спросилъ:

— Послушай, Наташа, когда же будетъ конецъ этимъ глупостямъ?

— Это не глупости. Я говорю серьезно.

— Вздоръ! Я бы тебѣ совѣтовалъ перестать глупить, чтобы потомъ самой не было совѣстно.

Но вотъ наступили и роды. Мужъ привезъ изъ города самую лучшую акушерку. Роды были у жены первые, но сошли какъ нельзя лучше. Когда все кончилось, роженица пожелала взглянуть на младенца. Поглядѣла и сказала:

— Ну, а теперь и умереть можно.

Простилась, закрыла глаза и черезъ полчаса отдала Богу душу. До самой послѣдней минуты она была въ сознаніи. По крайней мѣрѣ, когда ей вмѣсто воды подали молока, то она тихо прошептала:

— Зачѣмъ же вы мнѣ вмѣсто воды молока даете?

Такъ вотъ какая исторія. Какъ предсказала, такъ и умерла.

Слѣдователь помолчалъ, вздохнулъ и сказалъ:

— Вотъ и объясните, отчего она умерла? Увѣряю васъ честнымъ словомъ, это не выдумка, а фактъ.

Размышляя, докторъ поглядѣлъ на небо.

— Надо было бы вскрыть ее, — сказалъ онъ.

— Зачѣмъ?

— А затѣмъ, чтобы узнать причину смерти.

Не отъ предсказанія же своего она умерла. Отравилась, по всей вѣроятности.

Слѣдователь быстро повернулся лицомъ къ доктору и, прищуривъ глаза, спросилъ:

— Изъ чего же вы заключаете, что она отравилась?

— Я не заключаю, а предполагаю. Она хорошо жила съ мужемъ?

— Гм... не совсѣмъ. Недоразумѣнія начались вскорѣ же послѣ свадьбы. Было такое несчастное стеченіе обстоятельствъ. Покойница однажды застала мужа съ одной дамой... Впрочемъ, она скоро простила ему.

— А что раньше было, измѣна мужа, или появленіе идеи о смерти?

Слѣдователь пристально поглядѣлъ на доктора, какъ бы желая разгадать, зачѣмъ онъ задаетъ такой вопросъ.

— Позвольте, — отвѣтилъ онъ не сразу. — Позвольте, дайте припомнить. — Слѣдователь снялъ шляпу и потеръ себѣ лобъ. — Да, да... она стала говорить о смерти именно въ скорости послѣ того случая. Да, да.

— Ну, вотъ видите ли... По всей вѣроятности, она тогда же рѣшила отравиться, но такъ какъ ей, вѣроятно, вмѣстѣ съ собой не хотѣлось убивать ребенка, то она отложила самоубійство до родовъ.

— Едва ли, едва ли... Это невозможно. Она тогда же простила.

— Скоро простила, значитъ, думала что-нибудь недоброе. Молодыя жены прощаютъ не скоро.

Слѣдователь насильно улыбнулся и, чтобы скрыть свое слишкомъ замѣтное волненіе, сталъ закуривать папиросу.

— Едва ли, едва ли... — продолжалъ онъ. — Мнѣ и въ голову не приходила мысль о такой возможности... Да и къ тому же... онъ не такъ ужъ виноватъ, какъ кажется... Измѣнилъ какъ-то странно, самъ того не желая: пришелъ домой ночью навеселѣ, хочется приласкать кого-нибудь, а жена въ интересномъ положеніи, а тутъ, чортъ ее побери, навстрѣчу попадается дама, пріѣхавшая погостить на три дня, бабенка пустая, глупая, некрасивая. Это даже и измѣной считать нельзя. Жена и сама такъ взглянула на это и скоро... простила; потомъ объ этомъ и разговора не было...

— Люди безъ причины не умираютъ, — сказалъ докторъ.

— Это такъ, конечно, но все-таки... не могу допустить, чтобы она отравилась. Но странно, какъ это до сихъ поръ мнѣ въ голову не приходило о возможности такой смерти!.. И никто не думалъ объ этомъ! Всѣ были удивлены, что ея предсказаніе сбылось, и мысль о возможности... такой смерти была далекой... Да и не можетъ быть, чтобъ она отравилась! Нѣтъ!

Слѣдователь задумался. Мысль о странно умершей женщинѣ не оставляла его и во время вскрытія. Записывая то, что диктовалъ ему докторъ, онъ мрачно двигалъ бровями и теръ себѣ лобъ.

— А развѣ есть такіе яды, которые убиваютъ въ четверть часа, мало-по-малу и безъ вся-

кой боли? — спросилъ онъ у доктора, когда тотъ вскрывалъ черепъ.

— Да, есть. Морфій, напримѣръ.

— Гм... Странно... Помню, она держала у себя что-то подобное... Но едва ли!

На обратномъ пути слѣдователь имѣлъ утомленный видъ, нервно покусывалъ усы и говорилъ неохотно.

— Давайте немного пѣшкомъ пройдемся, — попросилъ онъ доктора. — Надоѣло сидѣть.

Пройдя шаговъ сто, слѣдователь, какъ показалось доктору, совсѣмъ ослабѣлъ, какъ будто взбирался на высокую гору. Онъ остановился и, глядя на доктора странными, точно пьяными глазами, сказалъ:

— Боже мой, если ваше предположеніе справедливо, то вѣдь это... это жестоко, безчеловѣчно! Отравила себя, чтобы казнить этимъ другого! Да развѣ грѣхъ такъ великъ! Ахъ, Боже мой! И къ чему вы мнѣ подарили эту проклятую мысль, докторъ.

Слѣдователь въ отчаяніи схватилъ себя за голову и продолжалъ:

— Это я разсказывалъ вамъ про свою жену, про себя. О, Боже мой! Ну, я виноватъ, я оскорбилъ, но неужели умереть легче, чѣмъ простить! Вотъ ужъ именно бабья логика, жестокая, немилосердная логика. О, она и тогда при жизни была жестокой! Теперь я припоминаю! Теперь для меня все ясно!

Слѣдователь говорилъ и — то пожималъ плечами, то хваталъ себя за голову. Онъ то садился въ экипажъ, то шелъ пѣшкомъ. Новая мысль, сообщенная ему докторомъ, казалось, ошe-

ломила его, отравила; онъ растерялся, ослабѣлъ душой и тѣломъ, и когда вернулись въ городъ, простился съ докторомъ, отказавшись отъ обѣда, хотя еще наканунѣ далъ слово доктору пообѣдать съ нимъ вмѣстѣ.

1887.

Старый домъ

Разсказъ домовладѣльца

Нужно было сломать старый домъ, чтобы на мѣстѣ его построить новый. Я водилъ архитектора по пустымъ комнатамъ и между дѣломъ разсказывалъ ему разныя исторіи. Рваные обои, тусклыя окна, темныя печи — все это носило слѣды недавней жизни и вызывало воспоминанія. По этой, напримѣръ, лѣстницѣ однажды пьяные люди несли покойника, спотыкнулись и вмѣстѣ съ гробомъ полетѣли внизъ; живые больно ушиблись, а мертвый, какъ ни въ чемъ не бывало, былъ очень серьезенъ и покачивалъ головой, когда его поднимали съ пола и опять укладывали въ гробъ. Вотъ три подърядъ двери: тутъ жили барышни, которыя часто принимали у себя гостей, а потому одѣвались чище всѣхъ жильцовъ и исправно платили за квартиру. Дверь, что въ концѣ коридора, ведетъ въ прачечную, гдѣ днемъ мыли бѣлье, а ночью шумѣли и пили пиво. А въ этой квартиркѣ изъ трехъ комнатъ все насквозь пропитано бактеріями и бациллами. Тутъ не хорошо. Тутъ погибло много жильцовъ, и я положительно утверждаю, что эта квартира кѣмъ-то когда-то была проклята и что въ ней вмѣстѣ съ жильцами всегда жилъ еще кто-то, невидимый. Особенно памятна мнѣ судьба одной семьи. Представьте вы себѣ ничѣмъ не замѣчательнаго, обыкновеннаго человѣчка, у котораго есть мать, жена и четверо

ребятъ. Звали его Путохинымъ, служилъ онъ писцомъ у нотаріуса и получалъ 35 рублей въ мѣсяцъ. Это былъ человѣкъ трезвый, религіозный, серьезный. Когда онъ приносилъ ко мнѣ деньги за квартиру, то всегда извинялся, что плохо одѣтъ; извинялся, что просрочилъ пять дней, и, когда я давалъ ему расписку въ полученіи, то онъ добродушно улыбался и говорилъ: «Ну, вотъ еще! Не люблю я этихъ расписокъ!» Жилъ онъ бѣдно, но чисто. Въ этой средней комнатѣ помѣщались четверо ребятъ и ихъ бабушка: тутъ варили, спали, принимали гостей и даже танцовали. Въ этой комнатѣ жилъ самъ Путохинъ; у него былъ столъ, за которымъ онъ исполнялъ частные заказы: переписывалъ роли, доклады и т. п. Тутъ, направо, обиталъ его жилецъ, слесарь Егорычъ — степенный, но пьющій человѣкъ; всегда ему было жарко, и оттого онъ всегда ходилъ босикомъ и въ одной жилеткѣ. Егорычъ починялъ замки, пистолеты, дѣтскіе велосипеды, не отказывался чинить дешевые стѣнные часы, дѣлалъ за четвертакъ коньки, но эту работу онъ презиралъ и считалъ себя спеціалистомъ по части музыкальныхъ инструментовъ. На его столѣ, среди стального и желѣзнаго хлама, всегда можно было увидѣть гармонику съ отломаннымъ клапаномъ, или трубу съ вогнутыми боками. Платилъ онъ за комнату Путохину два съ полтиной, всегда былъ около своего верстака и выходилъ только для того, чтобы сунуть въ печку какую-нибудь желѣзку.

Когда я, что бывало очень рѣдко, заходилъ вечерами въ эту квартиру, то всякій разъ заставалъ такую картину: Путохинъ сидѣлъ за

своимъ столомъ и переписывалъ что-нибудь, его мать и жена, тощая женщина съ утомленнымъ лицомъ, сидѣли около лампы и шили; Егорычъ визжалъ терпугомъ. А горячая, еще не совсѣмъ потухшая печка испускала изъ себя жаръ и духоту; въ тяжеломъ воздухѣ пахло щами, пеленками и Егорычемъ. Бѣдно и душно, но отъ рабочихъ лицъ, отъ дѣтскихъ штанишекъ, развѣшанныхъ вдоль печки, отъ желѣзокъ Егорыча вѣяло все-таки миромъ, лаской, довольствомъ... За дверями, въ коридорѣ бѣгали дѣтишки, причесанныя, веселыя и глубоко убѣжденныя въ томъ, что на этомъ свѣтѣ все обстоитъ благополучно и такъ будетъ безъ конца, стоитъ только по утрамъ и ложась спать молиться Богу.

Теперь представьте себѣ, что посреди этой самой комнаты, въ двухъ шагахъ отъ печки, стоитъ гробъ, въ которомъ лежитъ жена Путохина. Нѣтъ того мужа, жена котораго жила бы вѣчно, но тутъ эта смерть имѣла что-то особенное. Когда я во время панихиды взглянулъ на серьезное лицо мужа, на его строгіе глаза, то подумалъ:

«Эге, братъ!»

Мнѣ казалось, что онъ самъ, его дѣти, бабушка, Егорычъ — уже намѣчены тѣмъ невидимымъ существомъ, которое жило съ ними въ этой квартирѣ. Я глубоко суевѣрный человѣкъ, быть можетъ, оттого, что я домовладѣлецъ и сорокъ лѣтъ имѣлъ дѣло съ жильцами. Я вѣрю въ то, что если вамъ не везетъ въ карты съ самаго начала, то вы будете проигрывать до конца; когда судьбѣ нужно стереть съ лица земли васъ и вашу семью, то все время она

остается неумолимо послѣдовательной, и первое несчастье обыкновенно бываетъ только началомъ длинной цѣпи... По своей природѣ несчастья — тѣ же камни. Нужно только одному камню свалиться съ высокаго берега, чтобы за нимъ посыпались другіе. Однимъ словомъ, уходя послѣ панихиды отъ Путохина, я вѣрилъ, что ему и его семьѣ не сдобровать...

Дѣйствительно, проходитъ недѣля, и нотаріусъ неожиданно даетъ Путохину отставку и на его мѣсто сажаетъ какую-то барышню. И что же? Путохина взволновала не столько потеря мѣста, какъ то, что вмѣсто него посадили именно барышню, а не мужчину. Почему барышню? Это его такъ оскорбило, что онъ, вернувшись домой, пересѣкъ своихъ ребятишекъ, обругалъ мать и напился пьянъ. За компанію съ нимъ напился и Егорычъ.

Путохинъ принесъ мнѣ плату за квартиру, но уже не извинялся, хотя просрочилъ 18 дней, и молчалъ, когда бралъ отъ меня расписку въ полученіи. На слѣдующій мѣсяцъ деньги принесла уже мать; она дала мнѣ только половину, а другую половину обѣщала черезъ недѣлю. На третій мѣсяцъ я не получилъ ни копейки, и дворникъ сталъ мнѣ жаловаться, что жильцы квартиры № 23 ведутъ себя «неблагородно». Это были нехорошіе симптомы.

Представьте вы себѣ такую картину. Хмурое, петербургское утро глядитъ въ эти тусклыя окна. Около печки старуха поитъ дѣтей чаемъ. Только старшій внукъ Вася пьетъ изъ стакана, а остальнымъ чай наливается прямо въ блюдечки. Передъ печкой сидитъ на корточкахъ Егорычъ

и суетъ желѣзку въ огонь. Отъ вчерашняго пьянства у него тяжела голова и мутны глаза; онъ крякаетъ, дрожитъ и кашляетъ.

— Совсѣмъ съ пути сбилъ, дьяволъ! — ворчитъ онъ. — Самъ пьетъ и другихъ въ грѣхъ вводитъ.

Путохинъ сидитъ въ своей комнатѣ на кровати, на которой давно уже нѣтъ ни одѣяла, ни подушекъ и, запустивъ руки въ волоса, тупо глядитъ себѣ подъ ноги. Онъ оборванъ, нечесанъ, боленъ.

— Пей, пей скорѣй, а то въ школу опоздаешь! — торопитъ старуха Васю. — Да и мнѣ время идти къ жидамъ полы мыть...

Во всей квартирѣ только одна старуха не падаетъ духомъ. Она вспомнила старину и занялась грязной, черной работой. По пятницамъ она моетъ у евреевъ въ ссудной кассѣ полы, по субботамъ ходитъ къ купцамъ стирать, и по воскресеньямъ, съ утра до вечера, бѣгаетъ по городу и разыскиваетъ благодѣтельницъ. Каждый день у нея какая-нибудь работа. Она и стираетъ, и полы моетъ, и младенцевъ принимаетъ, и сватаетъ, и нищенствуетъ. Правда, и она не прочь выпить съ горя, но и въ пьяномъ видѣ не забываетъ своихъ обязанностей. На Руси много такихъ крѣпкихъ старухъ, и сколько благополучій держится на нихъ!

Напившись чаю, Вася укладываетъ въ сумку свои книги и идетъ за печку; тутъ рядомъ съ платьями бабушки должно висѣть его пальто. Черезъ минуту онъ выходитъ изъ-за печки и спрашиваетъ:

— А гдѣ же мое пальто?

Бабушка и остальные ребятишки начинаютъ вмѣстѣ искать пальто, ищутъ долго, но пальто какъ въ воду кануло. Гдѣ оно? Бабушка и Вася блѣдны, испуганы. Даже Егорычъ удивленъ. Молчитъ и не двигается одинъ только Путохинъ. Чуткій ко всякаго рода безпорядкамъ, на этотъ разъ онъ дѣлаетъ видъ, что ничего не видитъ и не слышитъ. Это подозрительно.

— Онъ пропилъ! — заявляетъ Егорычъ.

Путохинъ молчитъ, значитъ, это правда. Вася въ ужасѣ. Его пальто, прекрасное пальто, сшитое изъ суконнаго платья покойной матери, пальто на прекрасной коленкоровой подкладкѣ, пропито въ кабакѣ! А вмѣстѣ съ пальто, значитъ, пропитъ и синій карандашъ, лежавшій въ боковомъ карманѣ, и записная книжка съ золотыми буквами: «Nota bene»! Въ книжкѣ засунутъ другой карандашъ съ резинкой и кромѣ того въ ней лежатъ переводныя картинки.

Вася охотно бы заплакалъ, но плакать нельзя. Если отецъ, у котораго болитъ голова, услышитъ плачъ, то закричитъ, затопаетъ ногами и начнетъ драться, а съ похмелья дерется онъ ужасно. Бабушка вступится за Васю, а отецъ ударитъ и бабушку; кончится тѣмъ, что Егорычъ вмѣшается въ драку, вцѣпится въ отца и вмѣстѣ съ нимъ упадетъ на полъ. Оба валяются на полу, барахтаются и дышатъ пьяной, животной злобой, а бабушка плачетъ, дѣти визжатъ, сосѣди посылаютъ за дворникомъ. Нѣтъ, лучше не плакать.

Оттого, что нельзя плакать и возмущаться вслухъ, Вася мычитъ, ломаетъ руки и дрыгаетъ

ногами, или, укусивъ себѣ рукавъ, долго треплетъ его зубами, какъ собака зайца. Глаза его безумны и лицо искривлено отчаяніемъ. Глядя на него, бабушка вдругъ срываетъ со своей головы платокъ и начинаетъ тоже выдѣлывать руками и ногами разныя штуки, молча, уставившись глазами въ одну точку. И въ это время, я думаю, въ головахъ мальчика и старухи сидитъ ясная увѣренность, что ихъ жизнь погибла, что надежды нѣтъ...

Путохинъ не слышитъ плача, но ему изъ его комнатки все видно. Когда, полчаса спустя, Вася, окутанный въ бабушкину шаль, уходитъ въ школу, онъ съ лицомъ, которое я не берусь описать, выходитъ на улицу и идетъ за нимъ. Ему хочется окликнуть малчика, утѣшить, попросить прощенія, дать ему честное слово, призвать покойную мать въ свидѣтели, но изъ груди вмѣсто словъ вырываются одни рыданія. Утро сырое, холодное. Дойдя до городского училища, Вася, чтобы товарищи не сказали, что онъ похожъ на бабу, распутываетъ шаль и входитъ въ училище въ одной только курткѣ. А Путохинъ, вернувшись домой, рыдаетъ, бормочетъ какія-то несвязныя слова, кланяется въ ноги и матери, и Егорычу, и его верстаку. Потомъ, немного придя въ себя, онъ бѣжитъ ко мнѣ и, задыхаясь, ради Бога проситъ у меня какого-нибудь мѣста. Я его обнадеживаю, конечно.

— Наконецъ-таки я очнулся! — говоритъ онъ. — Пора ужъ и за умъ взяться. Побезобразничалъ и будетъ съ меня.

Онъ радуется и благодаритъ меня, а я, который за все время, пока владѣю домомъ, от-

лично изучилъ этихъ господъ жильцовъ, гляжу на него, и такъ и хочется мнѣ сказать ему:

— Поздно, голубчикъ! Ты уже умеръ!

Отъ меня Путохинъ бѣжитъ къ городскому училищу. Тутъ онъ шагаетъ и ждетъ, когда выпустятъ его мальчика.

— Вотъ что, Вася! — говоритъ онъ радостно, когда Вася наконецъ выходитъ. — Мнѣ сейчасъ обѣщали мѣсто. Погоди, я куплю тебѣ отличную шубу... я тебя въ гимназію отдамъ! Понимаешь? Въ гимназію! Я тебя въ дворяне выведу! А пить больше не буду. Честное слово, не буду.

И онъ глубоко вѣритъ въ свѣтлое будущее. Но вотъ наступаетъ вечеръ. Старуха, вернувшись отъ жидовъ съ двугривеннымъ, утомленная и разбитая, принимается за стирку дѣтскаго бѣлья. Вася сидитъ и рѣшаетъ задачу. Егорычъ не работаетъ. По милости Путохина онъ спился и теперь чувствуетъ неодолимую жажду выпить. Въ комнатахъ душно, жарко. Отъ корыта, въ которомъ старуха моетъ бѣлье, валитъ паръ.

— Пойдемъ, что ли? — угрюмо спрашиваетъ Егорычъ.

Мой жилецъ молчитъ. Послѣ возбужденія ему становится невыносимо скучно. Онъ борется съ желаніемъ выпить, съ тоской и... и, конечно, тоска беретъ верхъ. Исторія извѣстная...

Къ ночи Егорычъ и Путохинъ уходятъ, а утромъ Вася не находитъ бабушкиной шали.

Вотъ какая исторія происходила въ этой квартирѣ. Пропивши шаль, Путохинъ ужъ боль-

ше не возвращался домой. Куда онъ исчезъ, я не знаю. Послѣ того, какъ онъ пропалъ, старуха сначала запила, а потомъ слегла. Ее свезли въ больницу, младшихъ ребятъ взяла какая-то родня, а Вася поступилъ вотъ въ эту прачечную. Днемъ онъ подавалъ утюги, а ночью бѣгалъ за пивомъ. Когда изъ прачечной его выгнали, онъ поступилъ къ одной изъ барышень, бѣгалъ по ночамъ, исполняя какія-то порученія, и его звали уже «вышибалой». Что дальше было съ нимъ, я не знаю.

А въ этой вотъ комнатѣ десять лѣтъ жилъ нищій-музыкантъ. Когда онъ умеръ, въ его перинѣ нашли двадцать тысячъ.

1887.

Беззаконіе

Совершая свою вечернюю прогулку, коллежскій асессоръ Мигуевъ остановился около телеграфнаго столба и глубоко вздохнулъ. Недѣлю тому назадъ, на этомъ самомъ мѣстѣ, когда онъ вечеромъ возвращался съ прогулки къ себѣ домой, его догнала бывшая его горничная Агнія и сказала со злобой:

— Ужо, погоди! Такого тебѣ рака испеку, что будешь знать, какъ невинныхъ дѣвушекъ губить! И младенца тебѣ подкину, и въ судъ пойду, и женѣ твоей объясню...

И она потребовала, чтобы онъ положилъ въ банкъ на ея имя пять тысячъ рублей. Мигуевъ вспомнилъ это, вздохнулъ и еще разъ съ душевнымъ раскаяніемъ упрекнулъ себя за минутное увлеченіе, доставившее ему такую массу хлопотъ и страданій.

Дойдя до своей дачи, Мигуевъ сѣлъ на крылечко отдохнуть. Было ровно десять часовъ, и изъ-за облаковъ выглядывалъ кусочекъ луны. На улицѣ и возлѣ дачъ не было ни души: старые дачники уже ложились спать, а молодые гуляли въ рощѣ. Ища въ обоихъ карманахъ спичку, чтобы закурить папиросу, Мигуевъ толкнулся локтемъ обо что-то мягкое; отъ нечего дѣлать онъ взглянулъ подъ свой правый локоть, и вдругъ лицо его перекосило такимъ ужасомъ, какъ будто онъ увидѣлъ возлѣ себя змѣю. На крылечкѣ, у самой двери, лежалъ какой-то

узелъ. Что-то продолговатое было завернуто во что-то, судя на ощупь, похожее на стеганое одѣяльце. Одинъ конецъ узла былъ слегка открытъ, и коллежскій асессоръ, сунувъ въ него руку, осязалъ что-то теплое и влажное. Въ ужасѣ вскочилъ онъ на ноги и оглядѣлся, какъ преступникъ, собирающійся бѣжать отъ стражи...

«Подкинула-таки! — со злобой процѣдилъ онъ сквозь зубы, сжимая кулаки. — Вотъ оно лежитъ... лежитъ беззаконіе! О, Господи!»

Отъ страха, злобы и стыда онъ оцѣпенѣлъ... Что теперь дѣлать? Что скажетъ жена, если узнаетъ? Что скажутъ сослуживцы? Его превосходительство навѣрное похлопаетъ его теперь по животу, фыркнетъ и скажетъ: — «Поздравляю... Хе-хе-хе... Сѣдина въ бороду, а бѣсъ въ ребро... шалунъ, Семенъ Эрастовичъ!» Весь дачный поселокъ узнаетъ теперь его тайну и, пожалуй, почтенныя матери семействъ откажутъ ему отъ дому. О подкидышахъ печатаютъ во всѣхъ газетахъ, и такимъ образомъ смиренное имя Мигуева пронесется по всей Россіи...

Среднее окно дачи было открыто, и явственно слышалось изъ него, какъ Анна Филипповна, жена Мигуева, собирала столъ къ ужину; во дворѣ, сейчасъ же за воротами, дворникъ Ермолай жалобно побренкивалъ на балалайкѣ... Стоило младенцу только проснуться и запищать, и тайна была бы обнаружена. Мигуевъ почувствовалъ непреодолимое желаніе торопиться.

«Скорѣе, скорѣе... — бормоталъ онъ. — Сію минуту, пока никто не видитъ. Занесу его куда-нибудь, положу на чужое крыльцо...»

Мигуевъ взялъ въ одну руку узелъ и тихо, мѣрнымъ шагомъ, чтобы не казаться подозрительнымъ, пошелъ по улицѣ...

«Удивительно мерзкое положеніе, — думалъ онъ, стараясь придать себѣ равнодушный видъ. — Коллежскій асессоръ съ младенцемъ идетъ по улицѣ! О, Господи, ежели кто увидитъ и пойметъ, въ чемъ дѣло, я погибъ... Положу-ка я его на это крыльцо... Нѣтъ, постой, тутъ окна открыты и, можетъ быть, глядитъ кто-нибудь. Куда бы его? Ага, вотъ что, снесу-ка я его на дачу купца Мѣлкина... Купцы народъ богатый и сердобольный; можетъ быть, еще спасибо скажутъ и на воспитаніе его къ себѣ возьмутъ».

И Мигуевъ рѣшилъ снести младенца непремѣнно къ Мѣлкину, хотя купеческая дача находилась на крайней улицѣ дачнаго поселка, у самой рѣки.

«Только бы онъ у меня не разревѣлся и не вывалился изъ узла, — думалъ коллежскій асессоръ. — Вотъ ужъ именно: благодарю, — не ожидалъ! Подъ мышкой несу живого человѣка, словно портфель. Человѣкъ живой, съ душой, съ чувствами, какъ и всѣ... Ежели, чего добраго, Мѣлкины возьмутъ его на воспитаніе, то, пожалуй, изъ него выйдетъ какой-нибудь этакой... Пожалуй, выйдетъ изъ него какой-нибудь профессоръ, полководецъ, писатель... Вѣдь все бываетъ на свѣтѣ! Теперь я несу его подъ мышкой, какъ дрянь какую-нибудь, а лѣтъ черезъ 30—40, пожалуй, придется передъ нимъ на вытяжку стоять...»

Когда Мигуевъ проходилъ узкимъ, пустын-

нымъ переулочкомъ мимо длинныхъ заборовъ подъ густою, черною тѣнью липъ, ему вдругъ стало казаться, что онъ дѣлаетъ что-то очень жестокое и преступное.

«А вѣдь какъ это, въ сущности, подло! — думалъ онъ. — Такъ подло, что подлѣе и придумать ничего нельзя... Ну, за что мы несчастнаго младенца швыряемъ съ крыльца на крыльцо? Развѣ онъ виноватъ, что родился? И что онъ намъ худого сдѣлалъ? Подлецы мы... Любимъ кататься на саночкахъ, а возить саночки приходится невиннымъ дѣточкамъ... Вѣдь только вдуматься нужно во всю эту музыку! Я безпутничалъ, а вѣдь ребеночка ожидаетъ лютая судьба... Подброшу я его Мѣлкинымъ, Мѣлкины пошлютъ его въ воспитательный домъ, а тамъ все чужіе, все по-казенному... ни ласкъ, ни любви, ни баловства... Отдадутъ его потомъ въ сапожники... сопьется, научится сквернословить, будетъ околѣвать съ голоду... Въ сапожники, а вѣдь онъ сынъ коллежскаго асессора, благородной крови... Онъ плоть и кровь моя...»

Мигуевъ изъ тѣни липъ вышелъ на дорогу, залитую луннымъ свѣтомъ, и, развернувъ узелъ, поглядѣлъ на младенца.

«Спитъ, — прошепталъ онъ. — Ишь ты, носъ у подлеца съ горбинкой, отцовскій... Спитъ и не чувствуетъ, что на него глядитъ родной отецъ... Драма, братъ... Ну, что жъ, извини... Прости, братъ... Такъ ужъ тебѣ, значитъ, на роду написано...»

Коллежскій асессоръ заморгалъ глазами и почувствовалъ, что по его щекамъ ползетъ что-

то въ родѣ мурашекъ... Онъ завернулъ младенца, взялъ его подъ мышку и зашагалъ дальше. Всю дорогу, до самой дачи Мѣлкина, въ его головѣ толпились соціальные вопросы, а въ груди царапала совѣсть.

«Будь я путевымъ, честнымъ человѣкомъ, — думалъ онъ: — наплевалъ бы я на все, пошелъ бы съ этимъ младенчикомъ къ Аннѣ Филипповнѣ, сталъ бы передъ ней на колѣни и сказалъ: «Прости! Грѣшенъ! Терзай меня, но невиннаго младенца губить не будемъ. Дѣточекъ у насъ нѣтъ; возьмемъ его къ себѣ на воспитаніе!» Она добрая баба, согласилась бы... И было бы тогда мое дитя при мнѣ... Эхъ!»

Онъ подошелъ къ дачѣ Мѣлкина и остановился въ нерѣшимости... Ему представлялось, какъ онъ сидитъ у себя въ залѣ и читаетъ газету, а возлѣ него трется мальчишка съ горбатымъ носомъ и играетъ кистями его халата; въ то же время въ воображеніе лѣзли подмигивающіе сослуживцы и его превосходительство, фыркающее, хлопающее по животу... Въ душѣ же, рядомъ съ царапающею совѣстью, сидѣло что-то нѣжное, теплое, грустное...

Коллежскій асессоръ осторожно положилъ младенца на ступень террасы и махнулъ рукой. Опять по его лицу сверху внизъ поползли мурашки...

«Прости, братъ, меня, подлеца! — пробормоталъ онъ. — Не поминай лихомъ!»

Онъ сдѣлалъ шагъ назадъ, но тотчасъ же рѣшительно крякнулъ и сказалъ:

«Э, была не была! Плевать я на все хо-

тѣлъ! Возьму его, и пускай люди говорятъ, что хотятъ!»

Мигуевъ взялъ младенца и быстро зашагалъ назадъ.

«Пускай говорятъ, что хотятъ, — думалъ онъ. — Пойду сейчасъ, стану на колѣнки и скажу: «Анна Филипповна!» Она баба добрая, пойметъ... И будемъ мы воспитывать... Ежели онъ мальчикъ, то назовемъ — Владиміръ, а ежели онъ дѣвочка, то Анной... По крайности въ старости будетъ утѣшеніе...»

И онъ сдѣлалъ такъ, какъ рѣшилъ. Плача, замирая отъ страха и стыда, полный надеждъ и неопредѣленнаго восторга, онъ вошелъ въ свою дачу, направился къ женѣ и сталъ передъ ней на колѣни...

— Анна Филипповна! — сказалъ онъ, всхлипывая и кладя младенца на полъ. — Не вели казнить, вели слово вымолвить... Грѣшенъ! Это мое дитя... Ты Агнюшку помнишь, такъ вотъ... нечистый попуталъ...

И не помня себя отъ стыда и страха, не дожидаясь отвѣта, онъ вскочилъ и, какъ высѣченный, побѣжалъ на чистый воздухъ...

«Буду здѣсь на дворѣ, пока она не позоветъ меня, — думалъ онъ. — Дамъ ей придти въ чувство и одуматься...»

Дворникъ Ермолай съ балалайкой прошелъ мимо, взглянулъ на него и пожалъ плечами... Черезъ минуту онъ опять прошелъ мимо и опять пожалъ плечами.

— Вотъ исторія, скажи на милость, — пробормоталъ онъ, усмѣхаясь. — Приходила сейчасъ, Семенъ Эрастычъ, сюда баба, прачка Ак-

синья. Положила, дура, своего ребенка на крыльцѣ, на улицѣ, и покуда тутъ у меня сидѣла, кто-то взялъ да и унесъ ребенка... Вотъ оказія!

— Что? Что ты говоришь? — крикнулъ во все горло Мигуевъ.

Ермолай, по-своему объяснившій гнѣвъ барина, почесалъ затылокъ и вздохнулъ.

— Извините, Семенъ Эрастычъ, — сказалъ онъ: — но таперича время дачное... безъ эстого нельзя... безъ бабы, то-есть...

И взглянувъ на вытаращенные, злобно удивленные глаза барина, онъ виновато крякнулъ и продолжалъ:

— Оно, конечно, грѣхъ, да вѣдь что подѣлаешь... Вы не приказывали во дворъ чужихъ бабъ пущать, оно точно, да вѣдь гдѣ жъ своихъ-то взять. Прежде, когда жила Агнюшка, не пускалъ чужихъ, потому — своя была, а теперя, сами изволите видѣть... безъ чужихъ не обойдешься... И при Агнюшкѣ, это точно, безпорядковъ не было, потому...

— Пошелъ вонъ, мерзавецъ! — крикнулъ на него Мигуевъ, затопалъ ногами и пошелъ назадъ въ комнаты.

Анна Филипповна, удивленная и разгнѣванная, сидѣла на прежнемъ мѣстѣ и не спускала заплаканныхъ глазъ съ младенца...

— Ну, ну... — забормоталъ блѣдный Мигуевъ, кривя ротъ улыбкой. — Я пошутилъ... Это не мой, а... а прачки Аксиньи. Я... я пошутилъ... Снеси его дворнику.

1887.

Недоброе дѣло

— Кто идетъ?

Отвѣта нѣтъ. Сторожъ не видитъ ничего, но сквозь шумъ вѣтра и деревьевъ ясно слышитъ, что кто-то идетъ впереди него по аллеѣ. Мартовская ночь, облачная и туманная, окутала землю, и сторожу кажется, что земля, небо и онъ самъ со своими мыслями слились во что-то одно громадное, непроницаемо-черное. Идти можно только ощупью.

— Кто идетъ? — повторяетъ сторожъ, и ему начинаетъ казаться, что онъ слышитъ и шопотъ, и сдержанный смѣхъ. — Кто тутъ?

— Я, батюшка... — отвѣчаетъ старческій голосъ.

— Да кто ты?

— Я... прохожій.

— Какой такой прохожій? — сердито кричитъ сторожъ, желая замаскировать крикомъ свой страхъ. — Носитъ тебя здѣсь нелегкая! Таскаешься, лѣшій, ночью по кладбищу!

— Нешто тутъ кладбище?

— А то что же? Стало быть, кладбище! Не видишь?

— О-хо-хо-ххъ... Царица Небесная! — слышится старческій вздохъ. — Ничего не вижу, батюшка, ничего... Ишь, темень-то какая, темень. Зги не видать, темень-то, батюшка! О-хо-хо-хххъ...

— Да ты кто такой?

— Я — странникъ, батюшка, странный человѣкъ.

— Черти этакіе, полунощники... Странники тоже! Пьяницы... — бормочетъ сторожъ, успокоенный тономъ и вздохами прохожаго. — Согрѣшишь съ вами! День-деньской пьютъ, а ночью носитъ ихъ нелегкая. А словно какъ будто я слыхалъ, что тутъ ты не одинъ, а словно васъ двое-трое.

— Одинъ, батюшка, одинъ. Какъ есть одинъ... О-хо-хо-хъ, грѣхи наши...

Сторожъ натыкается на человѣка и останавливается.

— Какъ же ты сюда попалъ? — спрашиваетъ онъ.

— Заблудился, человѣкъ хорошій. Шелъ на Митріевскую мельницу и заблудился.

— Эва! Нешто тутъ дорога на Митріевскую мельницу? Голова ты баранья! На Митріевскую мельницу надо идтить много лѣвѣй, прямо изъ города по казенной дорогѣ. Ты спьяна-то лишнихъ версты три сдѣлалъ. Надо быть, нализался въ городѣ?

— Былъ грѣхъ, батюшка, былъ... Истинно, былъ, не стану грѣха таить. А какъ же мнѣ теперь-то идтить?

— А иди все прямо и прямо по этой аллеѣ, пока въ тупикъ не упрешься, а тамъ сейчасъ бери влѣво и иди покеда все кладбище пройдешь, до самой калитки. Тамъ калитка будетъ... Отопри и ступай съ Богомъ. Гляди, въ ровъ не упади. А тамъ за кладбищемъ иди все полемъ, полемъ, полемъ, пока не выйдешь на казенную дорогу.

— Дай Богъ здоровья, батюшка. Спаси, Царица Небесная, и помилуй. А то проводилъ бы, добрый человѣкъ! Будь милостивъ, проводи до калитки!

— Ну, есть мнѣ время! Иди самъ!

— Будь милостивъ, заставь Бога молить. Не вижу ничего, не видать зги, ни синь-пороха, батюшка... Темень-то, темень! Проводи, сударикъ!

— Да, есть мнѣ время провожаться! Ежели съ каждымъ няньчиться, то этакъ не напровожаешься.

—Христа ради проводи. И не вижу, и боюсь одинъ кладбищемъ идтить. Жутко, батюшка, жутко, боюсь, жутко, добрый человѣкъ.

— Навязался ты на мою голову, — вздыхаетъ сторожъ. — Ну, ладно, пойдемъ!

Сторожъ и прохожій трогаются съ мѣста. Они идутъ рядомъ, плечо о плечо и молчатъ. Сырой, пронзительный вѣтеръ бьетъ имъ прямо въ лица, и невидимыя деревья, шумя и потрескивая, сыплютъ на нихъ крупные брызги... Аллея почти всплошную покрыта лужами.

— Одно мнѣ невдомекъ, — говоритъ сторожъ послѣ долгаго молчанія: — какъ ты сюда попалъ? Вѣдь ворота на замокъ заперты. Черезъ ограду перелѣзъ, что ли? Ежели черезъ ограду, то старому человѣку этакое занятіе — послѣднее дѣло!

— Не знаю, батюшка, не знаю. Какъ сюда попалъ, и самъ не знаю. Навожденіе. Наказалъ Господь. Истинно, навожденіе, лукавый попуталъ. А ты, батюшка, стало быть, тутъ въ сторожахъ?

— Въ сторожахъ.

— Одинъ на все кладбище?

Напоръ вѣтра такъ силенъ, что оба на минуту останавливаются. Сторожъ, выждавъ, когда ослабѣетъ порывъ вѣтра, отвѣчаетъ:

— Насъ тутъ трое, да одинъ въ горячкѣ лежитъ, а другой спитъ. Мы съ нимъ чередуемся.

— Такъ, такъ, батюшка, такъ. Вѣтеръ-то, вѣтеръ какой! Чай, покойники слышатъ! Гудётъ, словно звѣрь лютой... О-хо-хо-х...

— А ты самъ откуда?

— Издалече, батюшка. Вологодскій я, дальній. По святымъ мѣстамъ хожу и за добрыхъ людей молюсь. Спаси и помилуй, Господи.

Сторожъ ненадолго останавливается, чтобы закурить трубку. Онъ присѣдаетъ за спиной прохожаго и сожигаетъ нѣсколько спичекъ. Свѣтъ первой спички, мелькнувъ, освѣщаетъ на одно мгновеніе кусокъ аллеи справа, бѣлый памятникъ съ ангеломъ и темный крестъ; свѣтъ второй спички, сильно вспыхнувшей, и потухшей отъ вѣтра, скользитъ, какъ молнія, по лѣвой сторонѣ и изъ потемокъ выдѣляется только угловая часть какой-то рѣшетки; третья спичка освѣщаетъ и справа, и слѣва бѣлый памятникъ, темный крестъ и рѣшетку вокругъ дѣтской могилки.

— Спятъ покойнички, спятъ родимые! — бормочетъ прохожій, громко вздыхая. — Спятъ и богатые, и бѣдные, и мудрые, и глупые, и добрые, и лютые. Всѣмъ имъ одна цѣна. И будутъ спать до гласа трубнаго. Царство имъ небесное, вѣчный покой.

— Теперь вотъ идемъ, а будетъ время, когда и сами лежать будемъ, — говоритъ сторожъ.

— Такъ, такъ. Всѣ, всѣ будемъ. Нѣтъ того человѣка, который не помретъ. О-хо-хо-хъ. Дѣла наши лютыя, помышленія лукавыя! Грѣхи, грѣхи! Душа моя окаянная, ненасытная, утроба чревоугодная! Прогнѣвалъ Господа и не будетъ мнѣ спасенія ни на этомъ, ни на томъ свѣтѣ. Завязъ въ грѣхи, какъ червякъ въ землю.

— Да, а умирать надо.

— То-то что надо.

— Страннику, чай, легче помирать, чѣмъ нашему брату... — говоритъ сторожъ.

— Странники разные бываютъ. Есть и настоящіе, которые богоугодные, блюдутъ свою душу, а есть и такіе, что по кладбищу ночью путаются, чертей тѣшатъ... да-а! Иной, который странникъ, ежели пожелаетъ, хватитъ тебя по башкѣ топорищемъ, а изъ тебя и духъ вонъ.

— Зачѣмъ ты такія слова?

— А такъ... Ну, вотъ, кажись, и калитка. Она и есть. Отвори-ка, любезный!

Сторожъ ощупью отворяетъ калитку, выводитъ странника за рукавъ и говоритъ:

— Тутъ и конецъ кладбищу. Теперь иди все полемъ и полемъ, покеда не упрешься въ казенную дорогу. Только сейчасъ тутъ межевой ровъ будетъ, не упади... А выйдешь на дорогу, возьми вправо и такъ до самой мельницы...

— О-хо-хо-хх... — вздыхаетъ странникъ, помолчавъ. — А я теперь такъ разсуждаю, что мнѣ не-зачѣмъ на Митріевскую мельницу ид-

тить... За какимъ лѣшимъ я туда пойду? Я лучше, старикъ, здѣсь съ тобой постою...

— Зачѣмъ тебѣ со мной стоять?

— А такъ... съ тобой веселѣй...

— Тоже, нашелъ себѣ весельщика! Странникъ, ты, я вижу, любишь шутки шутить...

— Извѣстно, люблю! — говоритъ прохожій, сипло хихикая. — Ахъ ты, милый мой, любезный! Чай, долго теперь будешь вспоминать странника!

— Зачѣмъ мнѣ тебя вспоминать?

— Да такъ, обошелъ я тебя ловко... Нешто я странникъ? Я вовсе не странникъ.

— Кто же ты?

— Покойникъ... Изъ гроба только-что всталъ... Помнишь слесаря Губарева, что на масленой завѣсился? Такъ вотъ я самый и есть Губаревъ...

— Ври больше!

Сторожъ не вѣритъ, но чувствуетъ во всемъ тѣлѣ такой тяжелый и холодный страхъ, что срывается съ мѣста и начинаетъ быстро нащупывать калитку.

— Постой, куда ты? — говоритъ прохожій, хватая его за руку. — Э-э-э... ишь ты какой! На кого же ты меня покидаешь?

— Пусти! — кричитъ сторожъ, стараясь вырвать руку.

— Сто-ой! Велю стоять и стой... Не рвись, песъ поганый! Хочешь въ живыхъ быть, такъ стой и молчи, покеда велю... Не хочется только кровь проливать, а то давно бы ты у меня издохъ, паршивый... Стой!

У сторожа подгибаются колѣна. Онъ въ

страхѣ закрываетъ глаза и, дрожа всѣмъ тѣломъ, прижимается къ оградѣ. Онъ хотѣлъ бы закричать, но знаетъ, что его крикъ не долетитъ до жилья... Возлѣ стоитъ прохожій и держитъ его за руку... Минуты три проходитъ въ молчаніи.

— Одинъ въ горячкѣ, другой спитъ, а третій странниковъ провожаетъ, — бормочетъ прохожій. — Хорошіе сторожа, можно жалованье платить! Нѣ-ѣтъ, братъ, воры завсегда проворнѣй сторожовъ были! Стой, стой, не шевелись...

Проходитъ въ молчаніи пять, десять минутъ. Вдругъ вѣтеръ доноситъ свистъ.

— Ну, теперь ступай, — говоритъ прохожій, отпуская руку. — Иди и Бога моли, что живъ остался.

Прохожій тоже свиститъ, отбѣгаетъ отъ калитки, и слышно, какъ онъ прыгаетъ черезъ ровъ. Предчувствуя что-то очень недоброе и все еще дрожа отъ страха, сторожъ нерѣшительно отворяетъ калитку и, закрывъ глаза, бѣжитъ назадъ. У поворота на большую аллею онъ слышитъ чьи-то торопливые шаги, и кто-то спрашиваетъ его шипящимъ голосомъ:

— Это ты, Тимоѳей? А гдѣ Митька?

А пробѣжавъ всю большую аллею, онъ замѣчаетъ въ потемкахъ маленькій тусклый огонекъ. Чѣмъ ближе къ огоньку, тѣмъ страшнѣе дѣлается и тѣмъ сильнѣе предчувствіе чего-то недобраго.

«Огонь, кажись, въ церкви, — думаетъ онъ. — Откуда ему быть тамъ? Спаси и помилуй, Владычица! Такъ оно и есть!»

Минуту сторожъ стоитъ передъ выбитымъ окномъ и съ ужасомъ глядитъ въ алтарь... Маленькая восковая свѣчка, которую забыли потушить воры, мелькаетъ отъ врывающагося въ окно вѣтра и бросаетъ тусклыя, красныя пятна на разбросанныя ризы, поваленный шкапчикъ, на многочисленные слѣды ногъ около престола и жертвенника...

Проходитъ еще немного времени, и воющій вѣтеръ разноситъ по кладбищу торопливые, неровные звуки набата...

1887.

Дома

— Приходилъ отъ Григорьевыхъ за какой-то книгой, но я сказала, что васъ нѣтъ дома. Почтальонъ принесъ газеты и два письма. Кстати, Евгеній Петровичъ, я просила бы васъ обратить ваше вниманіе на Сережу. Сегодня и третьяго дня я замѣтила, что онъ куритъ. Когда я стала его усовѣщивать, то онъ, по обыкновенію, заткнулъ уши и громко запѣлъ, чтобы заглушить мой голосъ.

Евгеній Петровичъ Быковскій, прокуроръ окружнаго суда, только-что вернувшійся изъ засѣданія и снимавшій у себя въ кабинетѣ перчатки, поглядѣлъ на докладывавшую ему гувернантку и засмѣялся.

— Сережа куритъ... — пожалъ онъ плечами. — Воображаю себѣ этого карапуза съ папиросой! Да ему сколько лѣтъ?

— Семь лѣтъ. Вамъ кажется это не серьезнымъ, но въ его годы куреніе составляетъ вредную и дурную привычку, а дурныя привычки слѣдуетъ искоренять въ самомъ началѣ.

— Совершенно вѣрно. А гдѣ онъ беретъ табакъ?

— У васъ въ столѣ.

— Да? Въ такомъ случаѣ пришлите его ко мнѣ.

По уходѣ гувернантки, Быковскій сѣлъ въ кресло передъ письменнымъ столомъ, закрылъ глаза и сталъ думать. Онъ рисовалъ въ во-

ображеніи своего Сережу почему-то съ громадной, аршинной папироской, въ облакахъ табачнаго дыма, и эта карикатура заставляла его улыбаться; въ то же время серьезное, озабоченное лицо гувернантки вызвало въ немъ воспоминанія о давно прошедшемъ, на половину забытомъ времени, когда куреніе въ школѣ и въ дѣтской внушало педагогамъ и родителямъ странный, не совсѣмъ понятный ужасъ. То былъ именно ужасъ. Ребятъ безжалостно пороли, исключали изъ гимназіи, коверкали имъ жизни, хотя ни одинъ изъ педагоговъ и отцовъ не зналъ, въ чемъ именно заключается вредъ и преступность куренія. Даже очень умные люди не затруднялись воевать съ порокомъ, котораго не понимали. Евгеній Петровичъ вспомнилъ своего директора гимназіи, очень образованнаго и добродушнаго старика, который такъ пугался, когда заставалъ гимназиста съ папироской, что блѣднѣлъ, немедленно собиралъ экстренный педагогическій совѣтъ и приговаривалъ виновнаго къ исключенію. Ужъ таковъ, вѣроятно, законъ общежитія: чѣмъ непонятнѣе зло, тѣмъ ожесточеннѣе и грубѣе борются съ нимъ.

Вспомнилъ прокуроръ двухъ-трехъ исключенныхъ, ихъ послѣдующую жизнь и не могъ не подумать о томъ, что наказаніе очень часто приноситъ гораздо больше зла, чѣмъ само преступленіе. Живой организмъ обладаетъ способностью быстро приспособляться, привыкать и принюхиваться къ какой угодно атмосферѣ, иначе человѣкъ долженъ былъ бы каждую минуту чувствовать, какую неразумную подкладку нерѣдко имѣетъ его разумная дѣятельность и какъ

еще мало осмысленной правды и увѣренности даже въ такихъ отвѣтственныхъ, страшныхъ по результатамъ дѣятельностяхъ, какъ педагогическая, юридическая, литературная...

И подобныя мысли, легкія и расплывчатыя, какія приходятъ только въ утомленный, отдыхающій мозгъ, стали бродить въ головѣ Евгенія Петровича; являются онѣ неизвѣстно откуда и зачѣмъ, недолго остаются въ головѣ и, кажется, ползаютъ по поверхности мозга, не заходя далеко вглубь. Для людей, обязанныхъ по цѣлымъ часамъ и даже днямъ думать казенно, въ одномъ направленіи, такія вольныя, домашнія мысли составляютъ своего рода комфортъ, пріятное удобство.

Былъ девятый часъ вечера. Наверху, за потолкомъ, во второмъ этажѣ кто-то ходилъ изъ угла въ уголъ, а еще выше, на третьемъ этажѣ, четыре руки играли гаммы. Шаганье человѣка, который, судя по нервной походкѣ, о чемъ-то мучительно думалъ, или же страдалъ зубною болью, и монотонныя гаммы придавали тишинѣ вечера что-то дремотное, располагающее къ лѣнивымъ думамъ. Черезъ двѣ комнаты въ дѣтской разговаривали гувернантка и Сережа.

— Па-па пріѣхалъ! — запѣлъ мальчикъ. — Папа прі-ѣ-халъ! Па! па! па!

— Votre père vous appelle, allez vite! — крикнула гувернантка, пискнувъ, какъ испуганная птица. — Вамъ говорятъ!

«Что же я ему, однако, скажу?» — подумалъ Евгеній Петровичъ.

Но прежде чѣмъ онъ успѣлъ надумать что-либо, въ кабинетъ уже входилъ его сынъ Се-

режа, мальчикъ семи лѣтъ. Это былъ человѣкъ, въ которомъ только по одеждѣ и можно было угадать его полъ: тщедушный, бѣлолицый, хрупкій... Онъ былъ вялъ тѣломъ, какъ парниковый овощъ, и все у него казалось необыкновенно нѣжнымъ и мягкимъ: движенія, кудрявые волосы, взглядъ, бархатная куртка.

— Здравствуй, папа! — сказалъ онъ мягкимъ голосомъ, полѣзая къ отцу на колѣни и быстро цѣлуя его въ шею. — Ты меня звалъ?

— Позвольте, позвольте, Сергѣй Евгеньичъ, — отвѣтилъ прокуроръ, отстраняя его отъ себя. — Прежде, чѣмъ цѣловаться, намъ нужно поговорить, и поговорить серьезно... Я на тебя сердитъ и больше тебя не люблю. Такъ и знай, братецъ: я тебя не люблю, и ты мнѣ не сынъ... Да.

Сережа пристально поглядѣлъ на отца, потомъ перевелъ взглядъ на столъ и пожалъ плечами.

— Что же я тебѣ сдѣлалъ? — спросилъ онъ въ недоумѣніи, моргая глазами. — Я сегодня у тебя въ кабинетѣ ни разу не былъ и ничего не трогалъ.

— Сейчасъ Наталья Семеновна жаловалась мнѣ, что ты куришь... Это правда? Ты куришь?

— Да, я разъ курилъ... Это вѣрно!..

— Вотъ видишь, ты еще и лжешь вдобавокъ, — сказалъ прокуроръ, хмурясь и тѣмъ маскируя свою улыбку. — Наталья Семеновна два раза видѣла, какъ ты курилъ. Значитъ, ты уличенъ въ трехъ нехорошихъ поступкахъ: куришь, берешь изъ стола чужой табакъ и лжешь. Три вины!

— Ахъ, да-а! — вспомнилъ Сережа, и глаза его улыбнулись. — Это вѣрно, вѣрно! Я два раза курилъ: сегодня и прежде.

— Вотъ видишь, значитъ, не разъ, а два раза... Я очень, очень тобой недоволенъ! Прежде ты былъ хорошимъ мальчикомъ, но теперь, я вижу, испортился и сталъ плохимъ.

Евгеній Петровичъ поправилъ на Сережѣ воротничокъ и подумалъ:

«Что же еще сказать ему?»

— Да, не хорошо, — продолжалъ онъ. — Я отъ тебя не ожидалъ этого. Во-первыхъ, ты не имѣешь права брать табакъ, который тебѣ не принадлежитъ. Каждый человѣкъ имѣетъ право пользоваться только своимъ собственнымъ добромъ, ежели же онъ беретъ чужое, то... онъ нехорошій человѣкъ! (Не то я ему говорю! — подумалъ Евгеній Петровичъ). — Напримѣръ, у Натальи Семеновны есть сундукъ съ платьями. Это ея сундукъ, и мы, то-есть ни я, ни ты, не смѣемъ трогать его, такъ какъ онъ не нашъ. Вѣдь правда? У тебя есть лошадки и картинки... Вѣдь я ихъ не беру? Можетъ быть, я и хотѣлъ бы ихъ взять, но... вѣдь онѣ не мои, а твои!

— Возьми, если хочешь! — сказалъ Сережа, поднявъ брови. — Ты, пожалуйста, папа, не стѣсняйся, бери! Эта желтенькая собачка, что у тебя на столѣ, моя, но вѣдь я ничего... Пусть себѣ стоитъ!

— Ты меня не понимаешь, — сказалъ Быковскій. — Собачку ты мнѣ подарилъ, она теперь моя, и я могу дѣлать съ ней все, что хочу; но вѣдь табаку я не дарилъ тебѣ! Табакъ мой!

(Не такъ я ему объясняю! — подумалъ прокуроръ. — Не то! Совсѣмъ не то!) Если мнѣ хочется курить чужой табакъ, то я, прежде всего, долженъ попросить позволенія...

Лѣниво цѣпляя фразу къ фразѣ и поддѣлываясь подъ дѣтскій языкъ, Быковскій сталъ объяснять сыну, что значитъ собственность. Сережа глядѣлъ ему въ грудь и внимательно слушалъ (онъ любилъ по вечерамъ бесѣдовать съ отцомъ), потомъ облокотился о край стола и началъ щурить свои близорукіе глаза на бумагу и чернильницу. Взглядъ его поблуждалъ по столу и остановился на флаконѣ съ гумми-арабикомъ.

— Папа, изъ чего дѣлается клей? — вдругъ спросилъ онъ, поднося флаконъ къ глазамъ.

Быковскій взялъ изъ его рукъ флаконъ, поставилъ на мѣсто и продолжалъ:

— Во-вторыхъ, ты куришь... Это очень не хорошо! Если я курю, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что курить можно. Я курю и знаю, что это не умно, браню и не люблю себя за это... (Хитрый я педагогъ! — подумалъ прокуроръ). — Табакъ сильно вредитъ здоровью, и тотъ, кто куритъ, умираетъ раньше, чѣмъ слѣдуетъ. Особенно же вредно курить такимъ маленькимъ, какъ ты. У тебя грудь слабая, ты еще не окрѣпъ, а у слабыхъ людей табачный дымъ производитъ чахотку и другія болѣзни. Вотъ дядя Игнатій умеръ отъ чахотки. Если бы онъ не курилъ, то, быть можетъ, жилъ бы до сегодня.

Сережа задумчиво поглядѣлъ на лампу, потрогалъ пальцемъ абажуръ и вздохнулъ.

— Дядя Игнатій хорошо игралъ на скрипкѣ! — сказалъ онъ. — Его скрипка теперь у Григорьевыхъ.

Сережа опять облокотился о край стола и задумался. На блѣдномъ лицѣ его застыло такое выраженіе, какъ будто онъ прислушивался, или же слѣдилъ за развитіемъ собственныхъ мыслей; печаль и что-то похожее на испугъ показались въ его большихъ, не мигающихъ глазахъ. Вѣроятно, онъ думалъ теперь о смерти, которая такъ недавно взяла къ себѣ его мать и дядю Игнатія. Смерть уноситъ на тотъ свѣтъ матерей и дядей, а ихъ дѣти и скрипки остаются на землѣ. Покойники живутъ на небѣ гдѣ-то около звѣздъ и глядятъ оттуда на землю. Выносятъ ли они разлуку?

«Что я ему скажу? — думалъ Евгеній Петровичъ. — Онъ меня не слушаетъ. Очевидно, онъ не считаетъ важными ни своихъ проступковъ, ни моихъ доводовъ. Какъ втолковать ему?»

Прокуроръ поднялся и заходилъ по кабинету.

«Прежде, въ мое время, эти вопросы рѣшались замѣчательно просто, — размышлялъ онъ. — Всякаго мальчугу, уличеннаго въ куреніи, сѣкли. Малодушные и трусы, дѣйствительно, бросали курить, кто же похрабрѣе и умнѣе, тотъ послѣ порки начиналъ табакъ носить въ голенищѣ, а курить въ сараѣ. Когда его ловили въ сараѣ и опять пороли, онъ уходилъ курить на рѣку... и такъ далѣе, до тѣхъ поръ, пока малый не выросталъ. Моя мать, чтобы я не курилъ, задаривала меня деньгами и конфектами.

Теперь же эти средства представляются ничтожными и безнравственными. Становясь на почву логики, современный педагогъ старается, чтобы ребенокъ воспринималъ добрыя начала не изъ страха, не изъ желанія отличиться или получить награду, а сознательно».

Пока онъ ходилъ и думалъ, Сережа взобрался съ ногами на стулъ сбоку стола и началъ рисовать. Чтобы онъ не пачкалъ дѣловыхъ бумагъ и не трогалъ чернилъ, на столѣ лежала пачка четвертухъ, нарѣзанныхъ нарочно для него, и синій карандашъ.

— Сегодня кухарка шинковала капусту и обрѣзала себѣ палецъ, — сказалъ онъ, рисуя домикъ и двигая бровями. — Она такъ крикнула, что мы всѣ перепугались и побѣжали въ кухню. Такая глупая! Наталья Семеновна велитъ ей мочить палецъ въ холодную воду, а она его сосетъ... И какъ она можетъ грязный палецъ брать въ ротъ! Папа, вѣдь это неприлично!

Дальше онъ разсказалъ, что во время обѣда во дворъ заходилъ шарманщикъ съ дѣвочкой, которая пѣла и плясала подъ музыку.

«У него свое теченіе мыслей! — думалъ прокуроръ. — У него въ головѣ свой мірокъ, и онъ по-своему знаетъ, что важно и не важно. Чтобы овладѣть его вниманіемъ и сознаніемъ, недостаточно подтасовываться подъ его языкъ, но нужно также умѣть и мыслить на его манеръ. Онъ отлично бы понялъ меня, если бы мнѣ въ самомъ дѣлѣ было жаль табаку, если бы я обидѣлся, заплакалъ... Потому-то матери незамѣнимы при воспитаніи, что онѣ умѣютъ

заодно съ ребятами чувствовать, плакать, хохотать... Логикой же и моралью ничего не подѣлаешь. Ну, что я ему еще скажу? Что?»

И Евгенію Петровичу казалось страннымъ и смѣшнымъ, что онъ, опытный правовѣдъ, полжизни упражнявшійся во всякаго рода пресѣченіяхъ, предупрежденіяхъ и наказаніяхъ, рѣшительно терялся и не зналъ, что сказать мальчику.

— Послушай, дай мнѣ честное слово, что ты больше не будешь курить, — сказалъ онъ.

— Че-естное слово! — запѣлъ Сережа, сильно наваливая карандашъ и нагибаясь къ рисунку. — Че-естное сло-во! Во! во!

«А знаетъ ли онъ, что значитъ честное слово? — спросилъ себя Быковскій. — Нѣтъ, плохой я наставникъ! Если бы кто-нибудь изъ педагоговъ, или изъ нашихъ судейскихъ заглянулъ сейчасъ ко мнѣ въ голову, то назвалъ бы меня тряпкой и, пожалуй, заподозрилъ бы въ излишнемъ мудрованіи... Но вѣдь въ школѣ и въ судѣ всѣ эти канальскіе вопросы рѣшаются гораздо проще, чѣмъ дома: тутъ имѣешь дѣло съ людьми, которыхъ безъ ума любишь, а любовь требовательна и осложняетъ вопросъ. Если бы этотъ мальчишка былъ не сыномъ, а моимъ ученикомъ, или подсудимымъ, я не трусилъ бы такъ, и мои мысли не разбѣгались бы!..»

Евгеній Петровичъ сѣлъ за столъ и потянулъ къ себѣ одинъ изъ рисунковъ Сережи. На этомъ рисункѣ былъ изображенъ домъ съ кривой крышей и съ дымомъ, который, какъ молнія, зигзагами шелъ изъ трубъ до самаго края четвертухи; возлѣ дома стоялъ солдатъ съ точками

вмѣсто глазъ и со штыкомъ, похожимъ на цифру 4.

— Человѣкъ не можетъ быть выше дома, — сказалъ прокуроръ. — Погляди: у тебя крыша приходится по плечо солдату.

Сережа полѣзъ на его колѣни и долго двигался, чтобы усѣсться поудобнѣй.

— Нѣтъ, папа! — сказалъ онъ, посмотрѣвъ на свой рисунокъ. — Если ты нарисуешь солдата маленькимъ, то у него не будетъ видно глазъ.

Нужно ли было оспаривать его? Изъ ежедневныхъ наблюденій надъ сыномъ прокуроръ убѣдился, что у дѣтей, какъ у дикарей, свои художественныя воззрѣнія и требованія своеобразныя, недоступныя пониманію взрослыхъ. При внимательномъ наблюденіи взрослому Сережа могъ показаться ненормальнымъ. Онъ находилъ возможнымъ и разумнымъ рисовать людей выше домовъ, передавать карандашомъ, кромѣ предметовъ, и свои ощущенія. Такъ, звуки оркестра онъ изображалъ въ видѣ сферическихъ, дымчатыхъ пятенъ, свистъ — въ видѣ спиральной нити... Въ его понятіи звукъ тѣсно соприкасался съ формой и цвѣтомъ, такъ что, раскрашивая буквы, онъ всякій разъ неизмѣнно звукъ Л красилъ въ желтый цвѣтъ, М — въ красный, А — въ черный и т. д.

Бросивъ рисунокъ, Сережа еще разъ подвигался, принялъ удобную позу и занялся отцовской бородой. Сначала онъ старательно разгладилъ ее, потомъ раздвоилъ и сталъ зачесывать ее въ видѣ бакеновъ.

— Теперь ты похожъ на Ивана Степановича,

— бормоталъ онъ: — а вотъ сейчасъ будешь похожъ... на нашего швейцара. Папа, зачѣмъ это швейцары стоятъ около дверей? Чтобъ воровъ не пускать?

Прокуроръ чувствовалъ на лицѣ его дыханіе, то-и-дѣло касался щекой его волосъ, и на душѣ у него становилось тепло и мягко, такъ мягко, какъ будто не однѣ руки, а вся душа его лежала на бархатѣ Сережиной куртки. Онъ заглядывалъ въ большіе темные глаза мальчика, и ему казалось, что изъ широкихъ зрачковъ глядѣли на него и мать, и жена, и все, что онъ любилъ когда-либо.

«Вотъ тутъ и пори его... — думалъ онъ. — Вотъ тутъ и изволь измышлять наказанія! Нѣтъ, куда ужъ намъ въ воспитатели лѣзть. Прежде люди просты были, меньше думали, потому и вопросы рѣшали храбро. А мы думаемъ слишкомъ много, логика насъ заѣла... Чѣмъ развитѣе человѣкъ, чѣмъ больше онъ размышляетъ и вдается въ тонкости, тѣмъ онъ нерѣшительнѣе, мнительнѣе и тѣмъ съ бо́льшею робостью приступаетъ къ дѣлу. Въ самомъ дѣлѣ, если поглубже вдуматься, сколько надо имѣть храбрости и вѣры въ себя, чтобы браться учить, судить, сочинять толстую книгу...»

Пробило десять часовъ.

— Ну, мальчикъ, спать пора, — сказалъ прокуроръ. — Прощайся и иди.

— Нѣтъ, папа, — поморщился Сережа: — я еще посижу. Разскажи мнѣ что-нибудь! Разскажи сказку.

— Изволь, только послѣ сказки — сейчасъ же спать.

Въ свободные вечера Евгеній Петровичъ имѣлъ обыкновеніе разсказывать Сережѣ сказки. Какъ и большинство дѣловыхъ людей, онъ не зналъ наизусть ни одного стихотворенія и не помнилъ ни одной сказки, такъ что всякій разъ ему приходилось импровизировать. Обыкновенно онъ начиналъ съ шаблона. «Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ», далѣе громоздилъ всякій невинный вздоръ и, разсказывая начало, совсѣмъ не зналъ, каковы будутъ середина и конецъ. Картины, лица и положенія брались наудачу, экспромтомъ, а фабула и мораль вытекали какъ-то сами собой, помимо воли разсказчика. Сережа очень любилъ такія импровизаціи, и прокуроръ замѣчалъ, что чѣмъ скромнѣе и незатѣйливѣе выходила фабула, тѣмъ сильнѣе она дѣйствовала на мальчика.

— Слушай, — началъ онъ, поднимая глаза къ потолку. — Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ себѣ старый, престарѣлый царь съ длинной, сѣдой бородой и... и съ этакими усищами. Ну-съ, жилъ онъ въ стеклянномъ дворцѣ, который сверкалъ и сіялъ на солнцѣ, какъ большой кусокъ чистаго льда. Дворецъ же, братецъ ты мой, стоялъ въ громадномъ саду, гдѣ, знаешь, росли апельсины... бергамоты, черешни... цвѣли тюльпаны, розы, ландыши, пѣли разноцвѣтныя птицы... Да... На деревьяхъ висѣли стеклянные колокольчики, которые, когда дулъ вѣтеръ, звучали такъ нѣжно, что можно было заслушаться. Стекло даетъ болѣе мягкій и нѣжный звукъ, чѣмъ металлъ... Ну-съ, что же еще? Въ саду били фонтаны... Помнишь, ты видѣлъ на дачѣ у тети Сони фон-

танъ? Вотъ точно такіе же фонтаны стояли въ царскомъ саду, но только въ гораздо большихъ размѣрахъ и струя воды достигала верхушки самаго высокаго тополя.

Евгеній Петровичъ подумалъ и продолжалъ:

— У стараго царя былъ единственный сынъ и наслѣдникъ царства — мальчикъ, такой же маленькій, какъ ты. Это былъ хорошій мальчикъ. Онъ никогда не капризничалъ, рано ложился спать, ничего не трогалъ на столѣ и... и вообще былъ умница. Одинъ только былъ у него недостатокъ — онъ курилъ...

Сережа напряженно слушалъ и, не мигая, глядѣлъ отцу въ глаза. Прокуроръ продолжалъ и думалъ: «Что же дальше?» Онъ долго, какъ говорится, размазывалъ да жевалъ, и кончилъ такъ:

— Отъ куренія царевичъ заболѣлъ чахоткой и умеръ, когда ему было 20 лѣтъ. Дряхлый и болѣзненный старикъ остался безъ всякой помощи. Некому было управлять государствомъ и защищать дворецъ. Пришли непріятели, убили старика, разрушили дворецъ и ужъ въ саду теперь нѣтъ ни черешень, ни птицъ, ни колокольчиковъ... Такъ-то, братецъ...

Такой конецъ самому Евгенію Петровичу казался смѣшнымъ и наивнымъ, но на Сережу вся сказка произвела сильное впечатлѣніе. Опять его глаза подернулись печалью и чѣмъ-то похожимъ на испугъ: минуту онъ глядѣлъ задумчиво на темное окно, вздрогнулъ и сказалъ упавшимъ голосомъ:

— Не буду я больше курить...

Когда онъ простился и пошелъ спать, его

отецъ тихо ходилъ изъ угла въ уголъ и улыбался.

«Скажутъ, что тутъ подѣйствовала красота, художественная форма, — размышлялъ онъ: — пусть такъ, но это не утѣшительно. Все-таки это не настоящее средство... Почему мораль и истина должны подноситься не въ сыромъ видѣ, а съ примѣсями, непремѣнно въ обсахаренномъ и позолоченномъ видѣ, какъ пилюли? Это не нормально... Фальсификація, обманъ... фокусы...»

Вспомнилъ онъ присяжныхъ засѣдателей, которымъ непремѣнно нужно говорить «рѣчь», публику, усваивающую исторію только по былинамъ и историческимъ романамъ, себя самого, почерпавшаго житейскій смыслъ не изъ проповѣдей и законовъ, а изъ басенъ, романовъ, стиховъ...

«Лѣкарство должно быть сладкое, истина красивая... И эту блажь напустилъ на себя человѣкъ со временъ Адама... Впрочемъ... быть можетъ, все это естественно и такъ и быть должно... Мало ли въ природѣ цѣлесообразныхъ обмановъ, иллюзій...»

Онъ принялся работать, а лѣнивыя, домашнія мысли долго еще бродили въ его головѣ. За потолкомъ не слышались уже гаммы, но обитатель второго этажа все еще шагалъ изъ угла въ уголъ...

1887.

Вѣрочка

Иванъ Алексѣевичъ Огневъ помнитъ, какъ въ тотъ августовскій вечеръ онъ со звономъ отворилъ стеклянную дверь и вышелъ на террасу. На немъ была тогда легкая крылатка и широкополая соломенная шляпа, та самая, которая вмѣстѣ съ ботфортами валяется теперь въ пыли подъ кроватью. Въ одной рукѣ онъ держалъ большую вязку книгъ и тетрадей, въ другой — толстую, суковатую палку.

За дверью, освѣщая ему путь лампой, стоялъ хозяинъ дома Кузнецовъ, лысый старикъ съ длинной, сѣдой бородой и въ бѣломъ, какъ снѣгъ, пикейномъ пиджакѣ. Старикъ благодушно улыбался и кивалъ головой.

— Прощайте, старче! — крикнулъ ему Огневъ.

Кузнецовъ поставилъ лампу на столикъ и вышелъ на террасу. Двѣ длинныя, узкія тѣни шагнули черезъ ступени къ цвѣточнымъ клумбамъ, закачались и уперлись головами въ стволы липъ.

— Прощайте, и еще разъ спасибо, голубчикъ! — сказалъ Иванъ Алексѣичъ. — Спасибо вамъ за ваше радушіе, за ваши ласки, за вашу любовь... Никогда, во вѣки вѣковъ не забуду вашего гостепріимства. И вы хорошій и дочка ваша хорошая, и всѣ у васъ тутъ добрые, веселые, радушные... Такая великолѣпная публика, что и сказать не умѣю!

Отъ избытка чувствъ и подъ вліяніемъ только-что выпитой наливки, Огневъ говорилъ пѣвучимъ семинарскимъ голосомъ и былъ такъ растроганъ, что выражалъ свои чувства не столько словами, сколько морганьемъ глазъ и подергиваньемъ плечъ. Кузнецовъ, тоже подвыпившій и растроганный, потянулся къ молодому человѣку и поцѣловался съ нимъ.

— Привыкъ я къ вамъ, какъ лягавый! — продолжалъ Огневъ. — Почти каждый день къ вамъ шлялся, разъ десять ночевалъ, а наливки выпилъ столько, что теперь вспоминать страшно. А главное, за что спасибо, Гавріилъ Петровичъ, такъ это за ваше содѣйствіе и помощь. Безъ васъ я со своей статистикой до октября бы тутъ возился. Такъ и напишу въ предисловіи: «Считаю долгомъ выразить мою благодарность предсѣдателю N—ской уѣздной земской управы Кузнецову за его любезное содѣйствіе». У статистики блестящая будущность! Вѣрѣ Гавриловнѣ нижайшій поклонъ, а докторамъ, обоимъ слѣдователямъ и вашему секретарю передайте, что никогда не забуду ихъ помощи! А теперь, старче, обымемъ другъ друга и сотворимъ послѣднее лобзаніе.

Раскисшій Огневъ еще разъ поцѣловался со старикомъ и сталъ спускаться внизъ. На послѣдней ступени онъ оглянулся и спросилъ:

— Увидимся еще когда-нибудь?

— Богъ знаетъ! — отвѣтилъ старикъ. — Вѣроятно, никогда!

— Да, правда! Въ Питеръ васъ и калачомъ не заманишь, а я едва ли еще попаду когда-нибудь въ этотъ уѣздъ. Ну, прощайте!

— Вы бы книги тутъ оставили! — крикнулъ ему вслѣдъ Кузнецовъ. — Что вамъ за охота тащить такую тяжесть? Я вамъ завтра ихъ съ человѣкомъ прислалъ бы.

Но Огневъ уже не слушалъ и быстро удалялся отъ дома. На душѣ его, подогрѣтой виномъ, было и весело, и тепло, и грустно... Онъ шелъ и думалъ о томъ, какъ часто приходится въ жизни встрѣчаться съ хорошими людьми и какъ жаль, что отъ этихъ встрѣчъ не остается ничего больше, кромѣ воспоминаній. Бываетъ такъ, что на горизонтѣ мелькнутъ журавли, слабый вѣтеръ донесетъ ихъ жалобно-восторженный крикъ, а черезъ минуту, съ какою жадностью ни вглядывайся въ синюю даль, не увидишь ни точки, не услышишь ни звука — такъ точно люди съ ихъ лицами и рѣчами мелькаютъ въ жизни и утопаютъ въ нашемъ прошломъ, не оставляя ничего больше, кромѣ ничтожныхъ слѣдовъ памяти. Живя съ самой весны въ N—скомъ уѣздѣ и бывая почти каждый день у радушныхъ Кузнецовыхъ, Иванъ Алексѣичъ привыкъ, какъ къ роднымъ, къ старику, къ его дочери, къ прислугѣ, изучилъ до тонкостей весь домъ, уютную террасу, изгибы аллей, силуэты деревьевъ надъ кухней и баней; но выйдетъ онъ сейчасъ за калитку, и все это обратится въ воспоминаніе и утеряетъ для него навсегда свое реальное значеніе, а пройдетъ годъ — два, и всѣ эти милые образы потускнѣютъ въ сознаніи наравнѣ съ вымыслами и плодами фантазіи.

«Въ жизни ничего нѣтъ дороже людей! — думалъ растроганный Огневъ, шагая по аллеѣ къ калиткѣ. — Ничего!»

Въ саду было тихо и тепло. Пахло резедой, табакомъ и геліотропомъ, которые еще не успѣли отцвѣсти на клумбахъ. Промежутки между кустами и стволами деревьевъ были полны тумана, не густого, нѣжнаго, пропитаннаго насквозь луннымъ свѣтомъ, и, что надолго осталось въ памяти Огнева, клочья тумана, похожіе на привидѣнія, тихо, но замѣтно для глаза, ходили другъ за дружкой поперекъ аллей. Луна стояла высоко надъ садомъ, а ниже ея куда-то на востокъ неслись прозрачныя туманныя пятна. Весь міръ, казалось, состоялъ только изъ черныхъ силуэтовъ и бродившихъ бѣлыхъ тѣней, а Огневъ, наблюдавшій туманъ въ лунный августовскій вечеръ чуть ли не первый разъ въ жизни, думалъ, что онъ видитъ не природу, а декорацію, гдѣ неумѣлые пиротехники, желая освѣтить садъ бѣлымъ бенгальскимъ огнемъ, засѣдали подъ кусты и вмѣстѣ со свѣтомъ напустили въ воздухъ и бѣлаго дыма.

Когда Огневъ подходилъ къ садовой калиткѣ, отъ невысокаго палисадника отдѣлилась темная тѣнь и пошла къ нему навстрѣчу.

— Вѣра Гавриловна! — обрадовался онъ. — Вы тутъ? А я искалъ-искалъ, хотѣлъ проститься... Прощайте, я ухожу!

— Такъ рано? Вѣдь еще одиннадцать часовъ.

— Нѣтъ, пора! Идти пять верстъ, да еще укладываться нужно. Завтра рано вставать...

Передъ Огневымъ стояла дочь Кузнецова, Вѣра, дѣвушка 21 года, по обыкновенію грустная, небрежно одѣтая и интересная. Дѣвушки, которыя много мечтаютъ и по цѣлымъ днямъ

читаютъ лежа и лѣниво все, что попадется имъ подъ руки, которыя скучаютъ и грустятъ, одѣваются вообще небрежно. Тѣмъ изъ нихъ, которыхъ природа одарила вкусомъ и инстинктомъ красоты, эта легкая небрежность въ одеждѣ придаетъ особую прелесть. По крайней мѣрѣ Огневъ, вспоминая впослѣдствіи о хорошенькой Вѣрочкѣ, не могъ себѣ представить ее безъ просторной кофточки, которая мялась у таліи въ глубокія складки и все-таки не касалась стана, безъ локона, выбившагося на лобъ изъ высокой прически, безъ того краснаго вязанаго платка съ мохнатыми шариками по краямъ, который вечерами, какъ флагъ въ тихую погоду, уныло виснулъ на плечѣ Вѣрочки, а днемъ валялся скомканный въ передней, около мужскихъ шапокъ, или же въ столовой на сундукѣ, гдѣ безцеремонно спала на немъ старая кошка. Отъ этого платка и отъ складокъ кофточки и вѣяло свободною лѣнью, домосѣдствомъ, благодушіемъ. Быть можетъ, оттого, что Вѣра нравилась Огневу, онъ въ каждой пуговкѣ и оборочкѣ умѣлъ читать что-то теплое, уютное, наивное, что-то такое хорошее и поэтичное, чего именно не хватаетъ у женщинъ неискреннихъ, лишенныхъ чувства красоты и холодныхъ.

Вѣрочка была хорошо сложена, имѣла правильный профиль и красивые вьющіеся волосы. Огневу, который на своемъ вѣку мало видѣлъ женщинъ, она казалась красавицей.

— Уѣзжаю! — говорилъ онъ, прощаясь съ нею около калитки. — Не поминайте лихомъ! Спасибо за все!

Тѣмъ же пѣвучимъ семинарскимъ голосомъ,

какимъ онъ бесѣдовалъ со старикомъ, такъ же моргая и подергивая плечами, сталъ онъ благодарить Вѣру за гостепріимство, ласки и радушіе.

— О васъ писалъ я матери въ каждомъ письмѣ, — говорилъ онъ. — Если бы всѣ такіе были, какъ вы да вашъ батька, то не житье было бы на свѣтѣ, а масленая. У васъ вся публика великолѣпная! Народъ все простой, сердечный, искренній.

— Вы теперь куда ѣдете? — спросила Вѣра.

— Теперь ѣду къ матери въ Орелъ, побуду у нея недѣльки двѣ, а тамъ — въ Питеръ на работу.

— А потомъ?

— Потомъ? Всю зиму проработаю, а весной опять куда-нибудь въ уѣздъ матеріалы собирать. Ну, будьте счастливы, живите сто лѣтъ... не поминайте лихомъ. Больше не увидимся.

Огневъ нагнулся и поцѣловалъ Вѣрочкину руку. Затѣмъ въ молчаливомъ волненіи онъ поправилъ на себѣ крылатку, взялъ поудобнѣе вязку книгъ, помолчалъ и сказалъ:

— Туману-то сколько навалило!

— Да. Вы у насъ ничего не забыли?

— Что же? Кажется, ничего...

Нѣсколько секундъ Огневъ постоялъ молча, потомъ неуклюже повернулся къ калиткѣ и вышелъ изъ сада.

— Постойте, я васъ до нашего лѣса провожу, — сказала Вѣра, выходя за нимъ.

Они пошли по дорогѣ. Теперь ужъ деревья не заслоняли простора, и можно было видѣть небо и даль. Точно прикрытая вуалью, вся природа пряталась за прозрачную матовую дымку,

сквозь которую весело смотрѣла ея красота; туманъ, что погуще и побѣлѣе, неравномѣрно ложился около копенъ и кустовъ, или клочьями бродилъ черезъ дорогу, жался къ землѣ и какъ будто старался не заслонять собой простора. Сквозь дымку видна была вся дорога до лѣса съ темными канавами по бокамъ и съ мелкими кустами, которые росли въ канавахъ и мѣшали бродить туманнымъ клочьямъ. Въ полуверстѣ отъ калитки темнѣла полоса кузнецовскаго лѣса.

«Зачѣмъ она со мной пошла? Вѣдь ее придется провожать назадъ!» — подумалъ Огневъ, но, поглядѣвъ на профиль Вѣры, онъ ласково улыбнулся и сказалъ:

— Не хочется уѣзжать въ такую хорошую погоду! Вечеръ настоящій романическій, съ луной, съ тишиной и со всѣми онерами. Знаете что, Вѣра Гавриловна? Живу я на свѣтѣ 29 лѣтъ, но у меня въ жизни ни разу романа не было. Во всю жизнь ни одной романической исторіи, такъ что съ рандеву, съ аллеями вздоховъ и поцѣлуями я знакомъ только по наслышкѣ. Ненормально! Въ городѣ, когда сидишь у себя въ номерѣ, не замѣчаешь этого пробѣла, но тутъ, на свѣжемъ воздухѣ, онъ сильно чувствуется... Какъ-то обидно дѣлается!

— Отчего же вы такъ?

— Не знаю. Вѣроятно, всю жизнь некогда было, а можетъ быть, просто встрѣчаться не приходилось съ такими женщинами, которыя... Вообще у меня мало знакомыхъ, и я нигдѣ не бываю.

Шаговъ триста молодые люди прошли молча.

Огневъ поглядывалъ на открытую голову и платокъ Вѣрочки, и въ душѣ его одинъ за другимъ воскресали весенніе и лѣтніе дни; то было время, когда вдали отъ своего сѣраго петербургскаго номера, наслаждаясь ласками хорошихъ людей, природой и любимымъ трудомъ, не успѣвалъ онъ замѣчать, какъ утреннія зори смѣнялись вечерними и какъ одинъ за другимъ, пророча конецъ лѣта, переставали пѣть сначала соловей, потомъ перепелъ, а немного позже коростель... Время летѣло незамѣтно, значитъ, жилось хорошо и легко... Сталъ онъ припоминать вслухъ о томъ, съ какою неохотою онъ, небогатый, непривычный къ движеніямъ и людямъ, въ концѣ апрѣля ѣхалъ сюда въ N—скій уѣздъ, гдѣ ожидалъ встрѣтить скуку, одиночество и равнодушіе къ статистикѣ, которая, по его мнѣнію, среди наукъ занимаетъ теперь самое видное мѣсто. Пріѣхавъ апрѣльскимъ утромъ въ уѣздный городишко N, онъ остановился на постояломъ дворѣ старовѣра Рябухина, гдѣ за двугривенный въ сутки ему дали свѣтлую и чистую комнату съ условіемъ, что курить онъ будетъ на улицѣ. Отдохнувъ и справившись, кто въ уѣздѣ состоитъ предсѣдателемъ земской управы, онъ немедля пошелъ пѣшкомъ къ Гавріилу Петровичу. Пришлось идти четыре версты роскошными лугами и молодыми рощами. Подъ облаками, заливая воздухъ серебряными звуками, дрожали жаворонки, а надъ зеленѣющими пашнями, солидно и чинно взмахивая крыльями, носились грачи.

— Господи, — удивлялся тогда Огневъ: — неужели тутъ всегда дышатъ такимъ воздухомъ,

или это такъ пахнетъ только сегодня, ради моего пріѣзда?

Ожидая сухого дѣлового пріема, къ Кузнецовымъ вошелъ онъ не смѣло, глядя исподлобья и застѣнчиво теребя свою бородку. Старикъ сначала морщилъ лобъ и не понималъ, зачѣмъ это молодому человѣку и его статистикѣ могла понадобиться земская управа, но когда тотъ пространно объяснилъ ему, что такое статистическій матеріалъ и гдѣ онъ собирается, Гавріилъ Петровичъ оживился, заулыбался и съ ребяческимъ любопытствомъ сталъ заглядывать въ его тетрадки... Вечеромъ того же дня Иванъ Алексѣичъ уже сидѣлъ у Кузнецовыхъ за ужиномъ, быстро хмелѣлъ отъ крѣпкой наливки и, глядя на покойныя лица и лѣнивыя движенія своихъ новыхъ знакомыхъ, чувствовалъ во всемъ своемъ тѣлѣ сладкую, дремотную лѣнь, когда хочется спать, потягиваться, улыбаться. А новые знакомые благодушно оглядывали его и спрашивали, живы ли у него отецъ и мать, сколько онъ зарабатываетъ въ мѣсяцъ, часто ли бываетъ въ театрахъ...

Припомнилъ Огневъ свои разъѣзды по волостямъ, пикники, рыбныя ловли, поѣздку всѣмъ обществомъ въ дѣвичій монастырь къ игуменьѣ Марѳѣ, которая каждому изъ гостей подарила по бисерному кошельку, припомнилъ горячіе, нескончаемые, чисто-русскіе споры, когда спорщики, брызжа и стуча кулаками по столу, не понимаютъ и перебиваютъ другъ друга, сами того не замѣчая, противорѣчатъ себѣ въ каждой фразѣ, то-и-дѣло мѣняютъ тему и, поспоривъ часа два-три, смѣются:

— Чортъ знаетъ, изъ-за чего мы споръ подняли! Начали о здравіи, а кончили за упокой!

— А помните, какъ я, вы и докторъ ѣздили верхомъ въ Шестово? — говорилъ Иванъ Алексѣичъ Вѣрѣ, подходя съ нею къ лѣсу. — Тогда еще намъ юродивый встрѣтился. Я далъ ему пятакъ, а онъ три раза перекрестился и бросилъ мой пятакъ въ рожь. Господи, сколько я увожу съ собой впечатлѣній, что если бы можно было собрать ихъ въ компактную массу, то получился бы хорошій слитокъ золота! Не понимаю, зачѣмъ это умные и чувствующіе люди тѣснятся въ столицахъ и не идутъ сюда? Развѣ на Невскомъ и въ большихъ сырыхъ домахъ больше простора и правды, чѣмъ здѣсь? Право, мнѣ мои меблированныя комнаты, сверху до низу начиненныя художниками, учеными и журналистами, всегда казались предразсудкомъ.

Въ двадцати шагахъ отъ лѣса черезъ дорогу лежалъ небольшой узкій мостикъ со столбиками по угламъ, который всегда во время вечернихъ прогулокъ служилъ Кузнецовымъ и ихъ гостямъ маленькой станціей. Отсюда желающіе могли дразнить лѣсное эхо, и видно было, какъ дорога исчезала въ черной просѣкѣ.

— Ну, вотъ и мостикъ! — сказалъ Огневъ. — Тутъ вамъ поворачивать назадъ...

Вѣра остановилась и перевела духъ.

— Давайте посидимъ, — сказала она, садясь на одинъ изъ столбиковъ. — Передъ отъѣздомъ, когда прощаются, обыкновенно всѣ садятся.

Огневъ примостился возлѣ нея на своей

вязкѣ книгъ и продолжалъ говорить. Она тяжело дышала отъ ходьбы и глядѣла не на Ивана Алексѣича, а куда-то въ сторону, такъ что ему не видно было ея лица.

— И вдругъ лѣтъ черезъ десять мы встрѣтимся, — говорилъ онъ. — Какіе мы тогда будемъ? Вы будете уже почтенною матерью семейства, а я авторомъ какого-нибудь почтеннаго, никому не нужнаго статистическаго сборника, толстаго, какъ сорокъ тысячъ сборниковъ. Встрѣтимся и вспомянемъ старину... Теперь мы чувствуемъ настоящее, оно насъ наполняетъ и волнуетъ, а тогда, при встрѣчѣ, мы ужъ не будемъ помнить ни числа, ни мѣсяца, ни даже года, когда видѣлись въ послѣдній разъ на этомъ мостикѣ. Вы, пожалуй, измѣнитесь... Послушайте, вы измѣнитесь?

Вѣра вздрогнула и повернулась къ нему лицомъ.

— Что? — спросила она.

— Я васъ спрашивалъ сейчасъ...

— Простите, я не слышала, что вы говорили.

Тутъ только Огневъ замѣтилъ въ Вѣрѣ перемѣну. Она была блѣдна, задыхалась и дрожь ея дыханія сообщалась и рукамъ, и губамъ, и головѣ, и изъ прически выбивался на лобъ не одинъ локонъ, какъ всегда, а два... Видимо, она избѣгала глядѣть прямо въ глаза и, стараясь замаскировать волненіе, то поправляла воротничокъ, который какъ будто рѣзалъ ей шею, то перетаскивала свой красный платокъ съ одного плеча на другое...

— Вамъ, кажется, холодно, — сказалъ

Огневъ. — Сидѣть въ туманѣ не совсѣмъ-то здорово. Давайте-ка я провожу васъ нахъ-гаузъ.

Вѣра молчала.

— Что съ вами? — улыбнулся Иванъ Алексѣичъ. — Вы молчите и не отвѣчаете на вопросы. Нездоровы вы, или сердитесь? А?

Вѣра крѣпко прижала ладонь къ щекѣ, обращенной въ сторону Огнева, и тотчасъ же рѣзко отдернула ее.

— Ужасное положеніе . . . — прошептала она съ выраженіемъ сильной боли на лицѣ. — Ужасное!

— Чѣмъ же оно ужасное? — спросилъ Огневъ, пожимая плечами и не скрывая своего удивленія. — Въ чемъ дѣло?

Все еще тяжело дыша и вздрагивая плечами, Вѣра повернулась къ нему спиной, полминуты глядѣла на небо и сказала:

— Мнѣ нужно поговорить съ вами, Иванъ Алексѣичъ . . .

— Я слушаю.

— Вамъ, можетъ быть, покажется страннымъ . . . вы удивитесь, но мнѣ все равно . . .

Огневъ еще разъ пожалъ плечами и приготовился слушать.

— Вотъ что . . . — начала Вѣрочка, наклоняя голову и теребя пальцами шарикъ платка. — Видите ли, я вамъ вотъ что . . . хотѣла сказать . . . Вамъ покажется страннымъ и . . . глупымъ, а я . . . я больше не могу.

Рѣчь Вѣры перешла въ неясное бормотанье и вдругъ оборвалась плачемъ. Дѣвушка закрыла лицо платкомъ, еще ниже нагнулась и горько

заплакала. Иванъ Алексѣичъ смущенно крякнулъ и, изумляясь, не зная, что говорить и дѣлать, безнадежно поглядѣлъ вокругъ себя. Отъ непривычки къ плачу и слезамъ у него у самого зачесались глаза.

— Ну, вотъ еще! — забормоталъ онъ растерянно. — Вѣра Гавриловна, ну къ чему это, спрашивается? Голубушка, вы... вы больны? Или васъ кто обидѣлъ? Вы скажите, быть можетъ, я того... сумѣю помочь...

Когда онъ, пытаясь утѣшить ее, позволилъ себѣ осторожно отнять отъ ея лица руки, она улыбнулась ему сквозь слезы и проговорила:

— Я... я люблю васъ!

Эти слова, простыя и обыкновенныя, были сказаны простымъ человѣческимъ языкомъ, но Огневъ въ сильномъ смущеніи отвернулся отъ Вѣры, поднялся и вслѣдъ за смущеніемъ почувствовалъ испугъ.

Грусть, теплота и сентиментальное настроеніе, навѣянныя на него прощаніемъ и наливкой, вдругъ исчезли, уступивъ мѣсто рѣзкому, непріятному чувству неловкости. Точно перевернулась въ немъ душа, онъ косился на Вѣру, и теперь она, послѣ того какъ, объяснившись ему въ любви, сбросила съ себя неприступность, которая такъ краситъ женщину, казалась ему какъ будто ниже ростомъ, проще, темнѣе.

«Что же это такое? — ужаснулся онъ про себя. — Но вѣдь я же ее... люблю, или нѣтъ? Вотъ задача-то!»

А она, когда самое главное и тяжелое, наконецъ, было сказано, дышала уже легко и свободно. Она тоже поднялась и, глядя прямо въ

лицо Ивана Алексѣича, стала говорить быстро, неудержимо, горячо.

Какъ человѣкъ, внезапно испуганный, не можетъ потомъ вспомнить порядка, съ какимъ чередовались звуки ошеломившей его катастрофы, такъ и Огневъ не помнитъ словъ и фразъ Вѣры. Ему памятны только содержаніе ея рѣчи, она сама и то ощущеніе, которое производила въ немъ ея рѣчь. Онъ помнитъ, какъ будто придушенный, нѣсколько сиплый отъ волненія голосъ и необыкновенную музыку и страстность въ интонаціи. Плача, смѣясь, сверкая слезинками на рѣсницахъ, она говорила ему, что съ первыхъ же дней знакомства онъ поразилъ ее своею оригинальностью, умомъ, добрыми, умными глазами, своими задачами и цѣлями жизни, что она полюбила его страстно, безумно и глубоко; что когда, бывало, лѣтомъ она входила изъ сада въ домъ и видѣла въ передней его крылатку, или слышала издали его голосъ, то сердце ея обливалось холодкомъ, предчувствіемъ счастья; его даже пустыя шутки заставляли ее хохотать, въ каждой цифрѣ его тетрадокъ она видѣла что-то необыкновенно разумное и грандіозное, его суковатая палка представлялась ей прекраснѣй деревьевъ.

И лѣсъ, и туманные клочья, и черныя канавы по бокамъ дороги, казалось, притихли, слушая ее, а въ душѣ Огнева происходило что-то нехорошее и странное... Объясняясь въ любви, Вѣра была плѣнительно хороша, говорила красиво и страстно, но онъ испытывалъ не наслажденіе, не жизненную радость, какъ бы хотѣлъ, а только чувство состраданія къ Вѣрѣ, боль и

сожалѣніе, что изъ-за него страдаетъ хорошій человѣкъ. Богъ его знаетъ, заговорилъ ли въ немъ книжный разумъ, или сказалась неодолимая привычка къ объективности, которая такъ часто мѣшаетъ людямъ жить, но только восторги и страданіе Вѣры казались ему приторными, не серьезными, и въ то же время чувство возмущалось въ немъ и шептало, что все, что онъ видитъ и слышитъ теперь, съ точки зрѣнія природы и личнаго счастья, серьезнѣе всякихъ статистикъ, книгъ, истинъ... И онъ злился и винилъ себя, хотя и не понималъ, въ чемъ именно заключается вина его.

Въ довершеніе неловкости онъ рѣшительно не зналъ, что ему говорить, а говорить было необходимо. Сказать прямо: «я васъ не люблю» ему было не подъ силу, а сказать «да» онъ не могъ, потому что, какъ ни рылся, не находилъ въ своей душѣ даже искорки...

Онъ молчалъ, а она между тѣмъ говорила, что для нея нѣтъ выше счастья, какъ видѣть его, идти за нимъ, хоть сейчасъ, куда онъ хочетъ, быть его женой и помощницей, что если онъ уйдетъ отъ нея, то она умретъ съ тоски...

— Я не могу здѣсь оставаться! — сказала она, ломая руки. — Мнѣ опостылѣли и домъ, и этотъ лѣсъ, и воздухъ. Я не выношу постояннаго покоя и безцѣльной жизни, не выношу нашихъ безцвѣтныхъ и блѣдныхъ людей, которые всѣ похожи одинъ на другого, какъ капли воды! Всѣ они сердечны и добродушны, потому что сыты, не страдаютъ, не борются... А я хочу именно въ большіе, сырые дома, гдѣ страдаютъ, ожесточены трудомъ и нуждой...

И это казалось Огневу приторнымъ и не серьезнымъ. Когда Вѣра кончила, онъ все еще не зналъ, что говорить, но молчать нельзя было, и онъ забормоталъ:

— Я, Вѣра Гавриловна, очень благодаренъ вамъ, хотя чувствую, что ничѣмъ не заслужилъ такого... съ вашей стороны... чувства. Во-вторыхъ, какъ честный человѣкъ, я долженъ сказать, что... счастье основано на равновѣсіи, то-есть когда обѣ стороны... одинаково любятъ...

Но тотчасъ же Огневъ устыдился своего бормотанія и замолчалъ. Онъ чувствовалъ, что въ это время лицо у него было глупо, виновато, плоско, что оно было напряжено и натянуто... Вѣра, должно быть, сумѣла прочесть на его лицѣ правду, потому что стала вдругъ серьезной, поблѣднѣла и поникла головой.

— Вы извините меня, — пробормоталъ Огневъ, не вынося молчанія. — Я васъ настолько уважаю, что... мнѣ больно!

Вѣра рѣзко повернулась и быстро пошла назадъ къ усадьбѣ. Огневъ послѣдовалъ за ней.

— Нѣтъ, не надо! — сказала Вѣра, махнувъ ему кистью руки. — Не идите, я сама дойду...

— Нѣтъ, все-таки... нельзя не проводить...

Что ни говорилъ Огневъ, все до послѣдняго слова казалось ему отвратительнымъ и плоскимъ. Чувство вины росло въ немъ съ каждымъ шагомъ. Онъ злился, сжималъ кулаки и проклиналъ свою холодность и неумѣніе держать себя съ женщинами. Стараясь возбудить себя, онъ глядѣлъ на красивый станъ Вѣрочки, на ея косу и слѣды, которые оставляли на пыльной дорогѣ

ея маленькія ножки, припоминалъ ея слова и слезы, но все это только умиляло, но не раздражало его души.

«Ахъ, да нельзя же насильно полюбить! — убѣждалъ онъ себя и въ то же время думалъ: — когда же я полюблю не насильно? Вѣдь мнѣ уже подъ 30! Лучше Вѣры я никогда не встрѣчалъ женщинъ и никогда не встрѣчу... О, собачья старость! Старость въ 30 лѣтъ!»

Вѣра шла впереди него все быстрѣе и быстрѣе, не оглядываясь и поникнувъ головой. Ему казалось, что съ горя она осунулась, сузилась въ плечахъ...

«Воображаю, что творится теперь у нея на душѣ! — думалъ онъ, глядя ей въ спину. — Небось и стыдно, и больно до того, что умирать хочется! Господи, сколько во всемъ этомъ жизни, поэзіи, смысла, что камень бы тронулся, а я... я глупъ и нелѣпъ!»

У калитки Вѣра мелькомъ взглянула на него и, согнувшись, кутаясь въ платокъ, быстро пошла по аллеѣ.

Иванъ Алексѣичъ остался одинъ. Возвращаясь назадъ къ лѣсу, онъ шелъ медленно, то-и-дѣло останавливался и оглядывался на калитку съ такимъ выраженіемъ во всей своей фигурѣ, какъ будто не вѣрилъ себѣ. Онъ искалъ глазами по дорогѣ слѣдовъ Вѣрочкиныхъ ногъ и не вѣрилъ, что дѣвушка, которая такъ нравилась ему, только-что объяснилась ему въ любви и что онъ такъ неуклюже и топорно «отказалъ» ей! Первый разъ въ жизни ему приходилось убѣдиться на опытѣ, какъ мало зависитъ человѣкъ отъ своей доброй воли, и испытать на

себѣ самомъ положеніе порядочнаго и сердечнаго человѣка, противъ воли причиняющаго своему ближнему жестокія, незаслуженныя страданія.

У него болѣла совѣсть, а когда скрылась Вѣра, ему стало казаться, что онъ потерялъ что-то очень дорогое, близкое, чего уже не найти ему. Онъ чувствовалъ, что съ Вѣрой ускользнула отъ него часть его молодости, и что минуты, которыя онъ такъ безплодно пережилъ, уже болѣе не повторятся.

Дойдя до мостика, онъ остановился и задумался. Ему хотѣлось найти причину своей странной холодности. Что она лежала не внѣ, а въ немъ самомъ, для него было ясно. Искренно сознался онъ передъ собой, что это не разсудочная холодность, которою такъ часто хвастаютъ умные люди, не холодность себялюбиваго глупца, а просто безсиліе души, неспособность воспринимать глубоко красоту, ранняя старость, пріобрѣтенная путемъ воспитанія, безпорядочной борьбы изъ-за куска хлѣба, номерной безсемейной жизни.

Съ мостика онъ медленно, словно нехотя, пошелъ въ лѣсъ. Здѣсь, гдѣ на черныхъ, густыхъ потемкахъ тамъ и сямъ обозначались рѣзкими пятнами, проблески луннаго свѣта, гдѣ онъ ничего не ощущалъ, кромѣ своихъ мыслей, ему страстно захотѣлось вернуть потерянное.

И помнитъ Иванъ Алексѣичъ, что онъ опять вернулся. Подзадоривая себя воспоминаніями, рисуя насильно въ своемъ воображеніи Вѣру, онъ быстро шагалъ къ саду. По дорогѣ и въ саду тумана уже не было, и ясная луна глядѣла съ

неба, какъ умытая, только лишь востокъ туманился и хмурился... Помнитъ Огневъ свои осторожные шаги, темныя окна, густой запахъ геліотропа и резеды. Знакомый Каро, дружелюбно помахивая хвостомъ, подошелъ къ нему и понюхалъ его руку... Это было единственное живое существо, видѣвшее, какъ онъ раза два прошелся вокругъ дома, постоялъ у темнаго окна Вѣры и, махнувъ рукой, съ глубокимъ вздохомъ пошелъ изъ сада.

Черезъ часъ уже онъ былъ въ городкѣ, и утомленный, разбитый, прислонившись туловищемъ и горячимъ лицомъ къ воротамъ постоялаго двора, стучалъ скобкой. Гдѣ-то въ городкѣ спросонокъ лаяла собака и точно въ отвѣтъ на его стукъ около церкви зазвонили въ чугунную доску...

— Шляешься по ночамъ... — ворчалъ хозяинъ-старовѣръ въ длинной, словно женской сорочкѣ, отворяя ему ворота. — Чѣмъ шляться-то, лучше бы Богу молился.

Войдя къ себѣ въ комнату, Иванъ Алексѣичъ опустился на постель и долго-долго глядѣлъ на огонь, потомъ встряхнулъ головой и сталъ укладываться...

1887.

Враги

Въ десятомъ часу темнаго сентябрьскаго ве-
чера у земскаго доктора Кирилова скончался
отъ дифтерита его единственный сынъ, шести-
лѣтній Андрей. Когда докторша опустилась на
колѣни передъ кроваткой умершаго ребенка и
ею овладѣлъ первый приступъ отчаянія, въ пе-
редней рѣзко прозвучалъ звонокъ.

По случаю дифтерита вся прислуга еще съ
утра была выслана изъ дому. Кириловъ, какъ
былъ, безъ сюртука, въ разстегнутой жилеткѣ,
не вытирая мокраго лица и рукъ, обожженныхъ
карболкой, пошелъ самъ отворять дверь. Въ
передней было темно, и въ человѣкѣ, который
вошелъ, можно было различить только средній
ростъ, бѣлое кашнэ и большое, чрезвычайно блѣд-
ное лицо, такое блѣдное, что, казалось, отъ по-
явленія этого лица въ передней стало свѣт-
лѣе...

— Докторъ у себя? — быстро спросилъ во-
шедшій.

— Я дома, — отвѣтилъ Кириловъ. — Что
вамъ угодно?

— А, это вы? Очень радъ! — обрадовался
вошедшій и сталъ искать въ потемкахъ руку
доктора, нашелъ ее и крѣпко стиснулъ въ сво-
ихъ рукахъ. — Очень... очень радъ! Мы съ
вами знакомы!.. Я — Абогинъ... имѣлъ удо-
вольствіе видѣть васъ лѣтомъ у Гнучева. Очень
радъ, что засталъ... Бога ради, не откажите

поѣхать сейчасъ со мной... У меня опасно заболѣла жена... И экипажъ со мной...

По голосу и движеніямъ вошедшаго замѣтно было, что онъ находился въ сильно возбужденномъ состояніи. Точно испуганный пожаромъ или бѣшеной собакой, онъ едва сдерживалъ свое частое дыханіе и говорилъ быстро, дрожащимъ голосомъ, и что-то неподдѣльно-искреннее, дѣтски-малодушное звучало въ его рѣчи. Какъ всѣ испуганные и ошеломленные, онъ говорилъ короткими, отрывистыми фразами и произносилъ много лишнихъ, совсѣмъ не идущихъ къ дѣлу словъ.

— Я боялся не застать васъ, — продолжалъ онъ. — Пока ѣхалъ къ вамъ, изстрадался душой... Одѣвайтесь и ѣдемте, ради Бога... Произошло это такимъ образомъ. Пріѣзжаетъ ко мнѣ Папчинскій, Александръ Семеновичъ, котораго вы знаете... Поговорили мы... потомъ сѣли чай пить; вдругъ жена вскрикиваетъ, хватаетъ себя за сердце и падаетъ на спинку стула. Мы отнесли ее на кровать и... я ужъ и нашатырнымъ спиртомъ теръ ей виски, и водой брызгалъ... лежитъ, какъ мертвая... Боюсь, что это аневризма... Поѣдемте... У нея и отецъ умеръ отъ аневризмы...

Кириловъ слушалъ и молчалъ, какъ будто не понималъ русской рѣчи.

Когда Абогинъ еще разъ упомянулъ про Папчинскаго и про отца своей жены и еще разъ началъ искать въ потемкахъ руку, докторъ встряхнулъ головой и сказалъ, апатично растягивая каждое слово:

— Извините, я не могу ѣхать... Минутъ пять назадъ у меня... умеръ сынъ...

— Неужели? — прошепталъ Абогинъ, дѣлая шагъ назадъ. — Боже мой, въ какой недобрый часъ я попалъ! Удивительно несчастный день... удивительно! Какое совпаденіе... и какъ нарочно.

Абогинъ взялся за ручку двери и въ раздумьи поникъ головой. Онъ видимо колебался и не зналъ, что дѣлать: уходить, или продолжать просить доктора.

— Послушайте, — горячо сказалъ онъ, хватая Кирилова за рукавъ: — я отлично понимаю ваше положеніе! Видитъ Богъ, мнѣ стыдно, что я въ такія минуты пытаюсь овладѣть вашимъ вниманіемъ, но что же мнѣ дѣлать? Судите сами, къ кому я поѣду? Вѣдь, кромѣ васъ, здѣсь нѣтъ другого врача. Поѣдемте ради Бога! Не за себя я прошу... Не я боленъ!

Наступило молчаніе. Кириловъ повернулся спиной къ Абогину, постоялъ и медленно вышелъ изъ передней въ залу. Судя по его невѣрной, машинальной походкѣ, по тому вниманію, съ какимъ онъ въ залѣ поправилъ на негорѣвшей лампѣ мохнатый абажуръ и заглянулъ въ толстую книгу, лежавшую на столѣ, въ эти минуты у него не было ни намѣреній, ни желаній, ни о чемъ онъ не думалъ и, вѣроятно, уже не помнилъ, что у него въ передней стоитъ чужой человѣкъ. Сумерки и тишина залы, повидимому, усилили его ошалѣлость. Идя изъ залы къ себѣ въ кабинетъ, онъ поднималъ правую ногу выше, чѣмъ слѣдуетъ, искалъ руками дверныхъ косяковъ, и въ это время во

всей его фигурѣ чувствовалось какое-то недоумѣніе, точно онъ попалъ въ чужую квартиру, или же первый разъ въ жизни напился пьянъ и теперь съ недоумѣніемъ отдавался своему новому ощущенію. По одной стѣнѣ кабинета, черезъ шкапы съ книгами, тянулась широкая полоса свѣта; вмѣстѣ съ тяжелымъ, спертымъ запахомъ карболки и эѳира, этотъ свѣтъ шелъ изъ слегка отворенной двери, ведущей изъ кабинета въ спальню... Докторъ опустился въ кресло передъ столомъ; минуту онъ сонливо глядѣлъ на свои освѣщенныя книги, потомъ поднялся и пошелъ въ спальню.

Здѣсь, въ спальнѣ, царилъ мертвый покой. Все до послѣдней мелочи краснорѣчиво говорило о недавно пережитой бурѣ, объ утомленіи, и все отдыхало. Свѣчка, стоявшая на табуретѣ въ тѣсной толпѣ стклянокъ, коробокъ и баночекъ, и большая лампа на комодѣ ярко освѣщали всю комнату. На кровати, у самаго окна лежалъ мальчикъ съ открытыми глазами и удивленнымъ выраженіемъ лица. Онъ не двигался, но открытые глаза его, казалось, съ каждымъ мгновеніемъ все болѣе темнѣли и уходили во внутрь черепа. Положивъ руки на его туловище и спрятавъ лицо въ складки постели, передъ кроватью стояла на колѣняхъ мать. Подобно мальчику, она не шевелилась, но сколько живого движенія чувствовалось въ изгибахъ ея тѣла и въ рукахъ! Припадала она къ кровати всѣмъ своимъ существомъ, съ силой и жадностью, какъ будто боялась нарушить покойную и удобную позу, которую, наконецъ, нашла для своего утомленнаго тѣла. Одѣяла, тряпки, тазы, лужи

на полу, разбросанныя повсюду кисточки и ложки, бѣлая бутыль съ известковой водой, самый воздухъ, удушливый и тяжелый — все замерло и казалось погруженнымъ въ покой.

Докторъ остановился около жены, засунулъ руки въ карманы брюкъ и, склонивъ голову на бокъ, устремилъ взглядъ на сына. Лицо его выражало равнодушіе, только по росинкамъ, блестѣвшимъ на его бородѣ, и замѣтно было, что онъ недавно плакалъ.

Тотъ отталкивающій ужасъ, о которомъ думаютъ, когда говорятъ о смерти, отсутствовалъ въ спальнѣ. Во всеобщемъ столбнякѣ, въ позѣ матери, въ равнодушіи докторскаго лица лежало что-то притягивающее, трогающее сердце, именно та тонкая, едва уловимая красота человѣческаго горя, которую не скоро еще научатся понимать и описывать и которую умѣетъ передавать, кажется, одна только музыка. Красота чувствовалась и въ угрюмой тишинѣ. Кириловъ и его жена молчали, не плакали, какъ будто, кромѣ тяжести потери, сознавали также и весь лиризмъ своего положенія: какъ когда-то, въ свое время, прошла ихъ молодость, какъ теперь, вмѣстѣ съ этимъ мальчикомъ, уходило навсегда въ вѣчность и ихъ право имѣть дѣтей! Доктору 44 года, онъ уже сѣдъ и выглядитъ старикомъ; его поблекшей и больной женѣ 35 лѣтъ. Андрей былъ не только единственнымъ, но и послѣднимъ.

Въ противоположность своей женѣ, докторъ принадлежалъ къ числу натуръ, которыя во время душевной боли чувствуютъ потребность въ движеніи. Постоявъ около жены минутъ

пять, онъ, высоко поднимая правую ногу, изъ спальни прошелъ въ маленькую комнату, наполовину занятую большимъ, широкимъ диваномъ; отсюда прошелъ въ кухню. Поблуждавъ около печки и кухаркиной постели, онъ нагнулся и сквозь маленькую дверцу вышелъ въ переднюю.

Тутъ онъ опять увидѣлъ бѣлое кашнэ и блѣдное лицо.

— Наконецъ-то! — вздохнулъ Абогинъ, берясь за ручку двери. — Ѣдемте, пожалуйста!

Докторъ вздрогнулъ, поглядѣлъ на него и вспомнилъ...

— Послушайте, вѣдь я уже сказалъ вамъ, что мнѣ нельзя ѣхать! — сказалъ онъ, оживляясь. — Какъ странно!

— Докторъ, я не истуканъ, отлично понимаю ваше положеніе... сочувствую вамъ! — сказалъ умоляющимъ голосомъ Абогинъ, прикладывая къ своему кашнэ руку. — Но вѣдь я не за себя прошу... Умираетъ моя жена! Если бы вы слышали этотъ крикъ, видѣли ея лицо, то поняли бы мою настойчивость! Боже мой, а ужъ я думалъ, что вы пошли одѣваться! Докторъ, время дорого! Ѣдемте, прошу васъ!

— Ѣхать я не могу! — сказалъ съ разстановкой Кириловъ и шагнулъ въ залу.

Абогинъ пошелъ за нимъ и схватилъ его за рукавъ.

— У васъ горе, я понимаю, но вѣдь приглашаю я васъ не зубы лѣчить, не въ эксперты, а спасать жизнь человѣческую! — продолжалъ онъ умолять, какъ нищій. — Эта жизнь выше

всякаго личнаго горя! Ну, я прошу мужества, подвига! Во имя человѣколюбія!

— Человѣколюбіе — палка о двухъ концахъ, — раздраженно сказалъ Кириловъ. — Во имя того же человѣколюбія я прошу васъ не увозить меня. И какъ странно, ей-Богу! Я едва на ногахъ стою, а вы человѣколюбіемъ пугаете! Никуда я сейчасъ не годенъ... не поѣду ни за что, да и на кого я жену оставлю? Нѣтъ, нѣтъ...

Кириловъ замахалъ кистями рукъ и попятился назадъ.

— И... и не просите! — продолжалъ онъ испуганно. — Извините меня... По XIII тому законовъ я обязанъ ѣхать, и вы имѣете право тащить меня за шиворотъ... Извольте, тащите, но... я не годенъ... Даже говорить не въ состояніи... Извините...

— Напрасно, докторъ, вы говорите со мной такимъ тономъ! — сказалъ Абогинъ, опять беря доктора за рукавъ. — Богъ съ нимъ, съ XIII томомъ! Насиловать вашей воли я не имѣю никакого права. Хотите — поѣзжайте, не хотите — Богъ съ вами, но я не къ волѣ вашей обращаюсь, а къ чувству. Умираетъ молодая женщина! Сейчасъ, вы говорите, у васъ умеръ сынъ, кому же, какъ не вамъ, понять мой ужасъ?

Голосъ Абогина дрожалъ отъ волненія; въ этой дрожи и въ тонѣ было гораздо больше убѣдительности, чѣмъ въ словахъ. Абогинъ былъ искрененъ, но замѣчательно, какія бы фразы онъ ни говорилъ, всѣ онѣ выходили у него ходульными, бездушными, неумѣстно цвѣтистыми и какъ будто даже оскорбляли и воздухъ доктор-

ской квартиры, и умирающую гдѣ-то женщину. Онъ и самъ это чувствовалъ, а потому, боясь быть непонятымъ, изо всѣхъ силъ старался придать своему голосу мягкость и нѣжность, чтобы взять если не словами, то хотя бы искренностью тона. Вообще фраза, какъ бы она ни была красива и глубока, дѣйствуетъ только на равнодушныхъ, но не всегда можетъ удовлетворить тѣхъ, кто счастливъ, или несчастливъ, потому-то высшимъ выраженіемъ счастья, или несчастья является чаще всего безмолвіе; влюбленные понимаютъ другъ друга лучше, когда молчатъ, а горячая, страстная рѣчь, сказанная на могилѣ, трогаетъ только постороннихъ, вдовѣ же и дѣтямъ умершаго кажется она холодной и ничтожной.

Кириловъ стоялъ и молчалъ. Когда Абогинъ сказалъ еще нѣсколько фразъ о высокомъ призваніи врача, о самопожертвованіи и проч., докторъ спросилъ угрюмо:

— Далеко ѣхать?

— Что-то около 13—14 верстъ. У меня отличныя лошади, докторъ! Даю вамъ честное слово, что доставлю васъ туда и обратно въ одинъ часъ. Только одинъ часъ!

Послѣднія слова подѣйствовали на доктора сильнѣе, чѣмъ ссылки на человѣколюбіе или призваніе врача. Онъ подумалъ и сказалъ со вздохомъ:

— Хорошо, ѣдемте!

Онъ быстро, уже вѣрною походкой пошелъ къ своему кабинету и, немного погодя, вернулся въ длинномъ сюртукѣ. Мелко сѣменя возлѣ него и шаркая ногами, обрадованный Абогинъ помогъ

надѣть ему пальто и вмѣстѣ съ нимъ вышелъ изъ дома.

На дворѣ было темно, но свѣтлѣе, чѣмъ въ передней. Въ темнотѣ уже ясно вырисовывалась высокая, сутуловатая фигура доктора съ длинной, узкой бородой и съ орлинымъ носомъ. У Абогина, кромѣ блѣднаго лица, теперь видна была его большая голова и маленькая, студенческая шапочка, едва прикрывавшая темя. Кашнэ бѣлѣло только спереди, позади же оно пряталось за длинными волосами.

— Вѣрьте, я сумѣю оцѣнить ваше великодушіе, — бормоталъ Абогинъ, подсаживая доктора въ коляску. — Мы живо домчимся. Ты же, Лука, голубчикъ, поѣзжай какъ можно скорѣе! Пожалуйста!

Кучеръ ѣхалъ быстро. Сначала тянулся рядъ невзрачныхъ построекъ, стоявшихъ вдоль больничнаго двора; всюду было темно, только въ глубинѣ двора, изъ чьего-то окна, сквозь палисадникъ, пробивался яркій свѣтъ, да три окна верхняго этажа больничнаго корпуса казались блѣднѣе воздуха. Затѣмъ коляска въѣхала въ густыя потемки; тутъ пахло грибной сыростью и слышался шопотъ деревьевъ; вороны, разбуженныя шумомъ колесъ, закопошились въ листвѣ и подняли тревожный жалобный крикъ, какъ будто знали, что у доктора умеръ сынъ, а у Абогина больна жена. Но вотъ замелькали отдѣльныя деревья, кустарникъ; сверкнулъ угрюмо прудъ, на которомъ спали большія черныя тѣни — и коляска покатила по гладкой равнинѣ. Крикъ воронъ слышался уже глухо, далеко сзади и скоро совсѣмъ умолкъ.

Почти всю дорогу Кириловъ и Абогинъ молчали. Только разъ Абогинъ глубоко вздохнулъ и пробормоталъ:

— Мучительное состояніе! Никогда такъ не любишь близкихъ, какъ въ то время, когда рискуешь потерять ихъ.

И когда коляска тихо переѣзжала рѣку, Кириловъ вдругъ встрепенулся, точно его испугалъ плескъ воды, и задвигался.

— Послушайте, отпустите меня, — сказалъ онъ тоскливо. — Я къ вамъ потомъ пріѣду. Мнѣ бы только фельдшера къ женѣ послать. Вѣдь она одна!

Абогинъ молчалъ. Коляска, покачиваясь и стуча о камни, проѣхала песочный берегъ и покатила далѣе. Кириловъ заметался въ тоскѣ и поглядѣлъ вокругъ себя. Позади, сквозь скудный свѣтъ звѣздъ, видна была дорога и исчезавшія въ потемкахъ прибрежныя ивы. Направо лежала равнина, такая же ровная и безграничная, какъ небо; далеко на ней тамъ и сямъ, вѣроятно на торфяныхъ болотахъ, горѣли тусклые огоньки. Налѣво, параллельно дорогѣ, тянулся холмъ, кудрявый отъ мелкаго кустарника, а надъ холмомъ неподвижно стоялъ большой полумѣсяцъ, красный, слегка подернутый туманомъ и окруженный мелкими облачками, которыя, казалось, оглядывали его со всѣхъ сторонъ и стерегли, чтобы онъ не ушелъ.

Во всей природѣ чувствовалось что-то безнадежное, больное; земля, какъ падшая женщина, которая одна сидитъ въ темной комнатѣ и старается не думать о прошломъ, томилась воспоминаніями о веснѣ и лѣтѣ и апатично ожидала

неизбѣжной зимы. Куда ни взглянешь, всюду природа представлялась темной, безгранично-глубокой и холодной ямой, откуда не выбраться ни Кирилову, ни Абогину, ни красному полумѣсяцу . . .

Чѣмъ ближе къ цѣли была коляска, тѣмъ нетерпѣливѣе становился Абогинъ. Онъ двигался, вскакивалъ, вглядывался черезъ плечо кучера впередъ. А когда, наконецъ, коляска остановилась у крыльца, красиво задрапированнаго полосатой холстиной, и когда онъ поглядѣлъ на освѣщенныя окна второго этажа, слышно было, какъ дрожало его дыханіе.

— Если что случится, то . . . я не переживу, — сказалъ онъ, входя съ докторомъ въ переднюю и въ волненіи потирая руки. — Но не слышно суматохи, значитъ, пока еще благополучно, — прибавилъ онъ, вслушиваясь въ тишину.

Въ передней не слышно было ни голосовъ, ни шаговъ, и весь домъ казался спавшимъ, несмотря на яркое освѣщеніе. Теперь ужъ докторъ и Абогинъ, бывшіе до сего времени въ потемкахъ, могли разглядѣть другъ друга. Докторъ былъ высокъ, сутуловатъ, одѣтъ неряшливо и лицо имѣлъ некрасивое. Что-то непріятно рѣзкое, неласковое и суровое выражали его толстыя, какъ у негра, губы, орлиный носъ и вялый, равнодушный взглядъ. Его нечесаная голова, впалые виски, преждевременныя сѣдины на длинной, узкой бородѣ, сквозь которую просвѣчивалъ подбородокъ, блѣдно-сѣрый цвѣтъ кожи и небрежныя, угловатыя манеры — все это своею черствостью наводило на мысль о пережитой нуждѣ, бездольѣ, объ утомленіи жизнью и люд-

ми. Глядя на всю его сухую фигуру, не вѣрилось, чтобы у этого человѣка была жена, чтобы онъ могъ плакать о ребенкѣ. Абогинъ же изображалъ изъ себя нѣчто другое. Это былъ плотный, солидный блондинъ съ большой головой и крупными, но мягкими чертами лица, одѣтый изящно, по самой послѣдней модѣ. Въ его осанкѣ, въ плотно застегнутомъ сюртукѣ, въ гривѣ и въ лицѣ чувствовалось что-то благородное, львиное; ходилъ онъ держа прямо голову и выпятивъ впередъ грудь, говорилъ пріятнымъ баритономъ, и въ манерахъ, съ какими онъ снималъ свое кашнэ или поправлялъ волосы на головѣ, сквозило тонкое, почти женское изящество. Даже блѣдность и дѣтскій страхъ, съ какими онъ, раздѣваясь, поглядывалъ вверхъ на лѣстницу, не портили его осанки и не умаляли сытости, здоровья и апломба, какими дышала вся его фигура.

— Никого нѣтъ и ничего не слышно, — сказалъ онъ, идя по лѣстницѣ. — Суматохи нѣтъ. Дай-то Богъ!

Онъ провелъ доктора черезъ переднюю въ большую залу, гдѣ темнѣлъ черный рояль и висѣла люстра въ бѣломъ чехлѣ; отсюда оба они прошли въ маленькую, очень уютную и красивую гостиную, полную пріятнаго розоваго полумрака.

— Ну, посидите тутъ, докторъ, — сказалъ Абогинъ: — а я... сейчасъ. Я пойду, погляжу и предупрежу.

Кириловъ остался одинъ. Роскошь гостиной, пріятный полумракъ и само его присутствіе въ чужомъ, незнакомомъ домѣ, имѣвшее характеръ приключенія, повидимому, не тро-

гали его. Онъ сидѣлъ въ креслѣ и разглядывалъ свои обожженныя карболкой руки. Только мелькомъ увидѣлъ онъ ярко-красный абажуръ, футляръ отъ віолончели, да, покосившись въ ту сторону, гдѣ тикали часы, онъ замѣтилъ чучело волка, такого же солиднаго и сытаго, какъ самъ Абогинъ.

Было тихо... Гдѣ-то далеко въ сосѣднихъ комнатахъ кто-то громко произнесъ звукъ «а!», прозвенѣла стеклянная дверь, вѣроятно шкапа, и опять все стихло. Подождавъ минутъ пять, Кириловъ пересталъ оглядывать свои руки и поднялъ глаза на ту дверь, за которой скрылся Абогинъ.

У порога этой двери стоялъ Абогинъ, но не тотъ, который вышелъ. Выраженіе сытости и тонкаго изящества исчезло на немъ, лицо его, и руки, и поза были исковерканы отвратительнымъ выраженіемъ не то ужаса, не то мучительной физической боли. Его носъ, губы, усы, всѣ черты двигались и, казалось, старались оторваться отъ лица, глаза же какъ будто смѣялись отъ боли...

Абогинъ тяжело и широко шагнулъ на середину гостиной, согнулся, простоналъ и потрясъ кулаками.

— Обманула! — крикнулъ онъ, сильно напирая на слогѣ *ну*. — Обманула! Ушла! Заболѣла и услала меня за докторомъ для того только, чтобы бѣжать съ этимъ шутомъ Папчинскимъ! Боже мой!

Абогинъ тяжело шагнулъ къ доктору, протянулъ къ его лицу свои бѣлые мягкіе кулаки и, потрясая ими, продолжалъ вопить:

— Ушла!! Обманула! Ну, къ чему же эта ложь?! Боже мой! Боже мой! Къ чему этотъ грязный, шулерскій фокусъ, эта дьявольская, змѣиная игра? Что я ей сдѣлалъ? Ушла!

Слезы брызнули у него изъ глазъ. Онъ перевернулся на одной ногѣ и зашагалъ по гостиной. Теперь въ своемъ короткомъ сюртукѣ, въ модныхъ, узкихъ брюкахъ, въ которыхъ ноги казались не по корпусу тонкими, со своей большой головой и гривой онъ чрезвычайно походилъ на льва. На равнодушномъ лицѣ доктора засвѣтилось любопытство. Онъ поднялся и оглядѣлъ Абогина.

— Позвольте, гдѣ же больная? — спросилъ онъ.

— Больная! Больная! — крикнулъ Абогинъ, смѣясь, плача и все еще потрясая кулаками. — Это не больная, а проклятая! Низость! Подлость, гаже чего не придумалъ бы, кажется, самъ сатана! Услала затѣмъ, чтобы бѣжать, бѣжать съ шутомъ, тупымъ клоуномъ, альфонсомъ! О, Боже, лучше бы она умерла! Я не вынесу! Не вынесу я!

Докторъ выпрямился. Его глаза замигали, налились слезами, узкая борода задвигалась направо и налѣво вмѣстѣ съ челюстью.

— Позвольте, какъ же это? — спросилъ онъ, съ любопытствомъ оглядываясь. — У меня умеръ ребенокъ, жена въ тоскѣ, одна на весь домъ... самъ я едва стою на ногахъ, три ночи не спалъ... и что же? Меня заставляютъ играть въ какой-то пошлой комедіи, играть роль бутафорской вещи! Не... не понимаю!

Абогинъ разжалъ одинъ кулакъ, швырнулъ

на полъ скомканную записку и наступилъ на нее, какъ на насѣкомое, которое хочется раздавить.

— И я не видѣлъ... не понималъ! — говорилъ онъ сквозь сжатые зубы, потрясая около своего лица однимъ кулакомъ и съ такимъ выраженіемъ, какъ будто ему наступили на мозоль. — Я не замѣчалъ, что онъ ѣздитъ каждый день, не замѣтилъ, что онъ сегодня пріѣхалъ въ каретѣ! Зачѣмъ въ каретѣ? И я не видѣлъ! Колпакъ!

— Не... не понимаю! — бормоталъ докторъ. — Вѣдь это что же такое! Вѣдь это глумленіе надъ личностью, издѣвательство надъ человѣческими страданіями! Это что-то невозможное... первый разъ въ жизни вижу!

Съ тупымъ удивленіемъ человѣка, который только-что сталъ понимать, что его тяжело оскорбили, докторъ пожалъ плечами, развелъ руками и, не зная, что говорить, что дѣлать, въ изнеможеніи опустился въ кресло.

— Ну, разлюбила, полюбила другого — Богъ съ тобой, но къ чему же обманъ, къ чему этотъ подлый, измѣнническій фортель? — говорилъ плачущимъ голосомъ Абогинъ. — Къ чему? И за что? Что я тебѣ сдѣлалъ? Послушайте, докторъ, — горячо сказалъ онъ, подходя къ Кирилову. — Вы были невольнымъ свидѣтелемъ моего несчастья, и я не стану скрывать отъ васъ правду. Клянусь вамъ, что я любилъ эту женщину, любилъ набожно, какъ рабъ! Для нея я пожертвовалъ всѣмъ: поссорился съ родней, бросилъ службу и музыку, прощалъ ей то, чего не сумѣлъ бы простить матери, или сестрѣ...

Ни разу я не поглядѣлъ на нее косо... не подавалъ никакого повода! За что же эта ложь? Я не требую любви, но зачѣмъ этотъ гнусный обманъ? Не любишь, такъ скажи прямо, честно, тѣмъ болѣе, что знаешь мои взгляды на этотъ счетъ...

Со слезами на глазахъ, дрожа всѣмъ тѣломъ, Абогинъ искренно изливалъ передъ докторомъ свою душу. Онъ говорилъ горячо, прижимая обѣ руки къ сердцу, разоблачалъ свои семейныя тайны безъ малѣйшаго колебанія и какъ будто даже радъ былъ, что, наконецъ, эти тайны вырвались наружу изъ его груди. Поговори онъ такимъ образомъ часъ, другой, вылей свою душу, и несомнѣнно ему стало бы легче. Кто знаетъ, выслушай его докторъ, посочувствуй ему дружески, быть можетъ, онъ, какъ это часто случается, примирился бы со своимъ горемъ безъ протеста, не дѣлая ненужныхъ глупостей... Но случилось иначе. Пока Абогинъ говорилъ, оскорбленный докторъ замѣтно мѣнялся. Равнодушіе и удивленіе на его лицѣ мало-по-малу уступили мѣсто выраженію горькой обиды, негодованія и гнѣва. Черты лица его стали еще рѣзче, черствѣе и непріятнѣе. Когда Абогинъ поднесъ къ его глазамъ карточку молодой женщины съ красивымъ, но сухимъ и невыразительнымъ, какъ у монашенки, лицомъ, и спросилъ, можно ли, глядя на это лицо, допустить, что оно способно выражать ложь, докторъ вдругъ вскочилъ, сверкнулъ глазами и сказалъ, грубо отчеканивая каждое слово:

— Зачѣмъ вы все это говорите мнѣ? Не желаю я слушать! Не желаю! — крикнулъ онъ

и стукнулъ кулакомъ по столу. — Не нужны мнѣ ваши пошлыя тайны, чортъ бы ихъ взялъ! Не смѣете вы говорить мнѣ эти пошлости! Или вы думаете, что я еще недостаточно оскорбленъ? Что я лакей, котораго до конца можно оскорблять? Да?

Абогинъ попятился отъ Кирилова и изумленно уставился на него.

— Зачѣмъ вы меня сюда привезли? — продолжалъ докторъ, тряся бородой. — Если вы съ жиру женитесь, съ жиру бѣситесь и разыгрываете мелодрамы, то при чемъ тутъ я? Что у меня общаго съ вашими романами? Оставьте меня въ покоѣ! Упражняйтесь въ благородномъ кулачествѣ, рисуйтесь гуманными идеями, играйте (докторъ покосился на футляръ съ віолончелью) — играйте на контрабасахъ и тромбонахъ, жирѣйте, какъ каплуны, но не смѣйте глумиться надъ личностью! Не умѣете уважать ее, такъ хоть избавьте ее отъ вашего вниманія!

— Позвольте, что это все значитъ? — спросилъ Абогинъ, краснѣя.

— А то значитъ, что низко и подло играть такъ людьми! Я врачъ, вы считаете врачей и вообще рабочихъ, отъ которыхъ не пахнетъ духами и проституціей, своими лакеями и моветонами, ну, и считайте, но никто не далъ вамъ права дѣлать изъ человѣка, который страдаетъ, бутафорскую вещь!

— Какъ вы смѣете говорить мнѣ это? — спросилъ тихо Абогинъ, и его лицо опять запрыгало и на этотъ разъ уже ясно отъ гнѣва.

— Нѣтъ, какъ вы, зная, что у меня горе, смѣли привезти меня сюда выслушивать пошло-

сти? — крикнулъ докторъ и опять стукнулъ кулакомъ по столу. — Кто вамъ далъ право такъ издѣваться надъ чужимъ горемъ?

— Вы съ ума сошли! — крикнулъ Абогинъ. — Не великодушно! Я самъ глубоко несчастливъ и... и...

— Несчастливъ, — презрительно ухмыльнулся докторъ. — Не трогайте этого слова, оно васъ не касается. Шалопаи, которые не находятъ денегъ подъ вексель, тоже называютъ себя несчастными. Каплунъ, котораго давитъ лишній жиръ, тоже несчастливъ. Ничтожные люди!

— Милостивый государь, вы забываетесь! — взвизгнулъ Абогинъ. — За такія слова... бьютъ! Понимаете?

Абогинъ торопливо полѣзъ въ боковой карманъ, вытащилъ оттуда бумажникъ и, доставъ двѣ бумажки, швырнулъ ихъ на столъ.

— Вотъ вамъ за вашъ визитъ! — сказалъ онъ, шевеля ноздрями. — Вамъ заплачено!

— Не смѣете вы предлагать мнѣ деньги! — крикнулъ докторъ и смахнулъ со стола на полъ бумажки. — За оскорбленіе деньгами не платятъ!

Абогинъ и докторъ стояли лицомъ къ лицу и въ гнѣвѣ продолжали наносить другъ другу незаслуженныя оскорбленія. Кажется, никогда въ жизни, даже въ бреду они не сказали столько несправедливаго, жестокаго и нелѣпаго. Въ обоихъ сильно сказался эгоизмъ несчастныхъ. Несчастные эгоистичны, злы, несправедливы, жестоки и менѣе, чѣмъ глупцы, способны понимать другъ друга. Не соединяетъ, а разъединяетъ лю-

дей несчастье, и даже тамъ, гдѣ, казалось бы, люди должны быть связаны однородностью горя, продѣлывается гораздо больше несправедливостей и жестокостей, чѣмъ въ средѣ сравнительно довольной.

— Извольте отправить меня домой! — крикнулъ докторъ, задыхаясь.

Абогинъ рѣзко позвонилъ. Когда на его зовъ никто не явился, онъ еще разъ позвонилъ и сердито швырнулъ колокольчикъ на полъ; тотъ глухо ударился о коверъ и издалъ жалобный, точно предсмертный стонъ. Явился лакей.

— Гдѣ вы попрятались, чортъ бы васъ взялъ?! — набросился на него хозяинъ, сжимая кулаки. — Гдѣ ты былъ сейчасъ? Пошелъ, скажи, чтобы этому господину подали коляску, а для меня вели заложить карету! Постой! — крикнулъ онъ, когда лакей повернулся уходить. — Завтра чтобъ ни одного предателя не оставалось въ домѣ! Всѣ вонъ! Нанимаю новыхъ! Гадины!

Въ ожиданіи экипажей Абогинъ и докторъ молчали. Къ первому уже вернулись и выраженіе сытости, и тонкое изящество. Онъ шагалъ по гостиной, изящно встряхивалъ головой и, очевидно, что-то замышлялъ. Гнѣвъ его еще не остылъ, но онъ старался показывать видъ, что не замѣчаетъ своего врага... Докторъ же стоялъ, держался одной рукой о край стола и глядѣлъ на Абогина съ тѣмъ глубокимъ, нѣсколько циничнымъ и некрасивымъ презрѣніемъ, съ какимъ умѣютъ глядѣть только горе и бездолье, когда видятъ передъ собой сытость и изящество.

Когда, немного погодя, докторъ сѣлъ въ ко-

ляску и поѣхалъ, глаза его все еще продолжали глядѣть презрительно. Было темно, гораздо темнѣе, чѣмъ часъ тому назадъ. Красный полумѣсяцъ уже ушелъ за холмъ, и сторожившія его тучи темными пятнами лежали около звѣздъ. Карета съ красными огнями застучала по дорогѣ и перегнала доктора. Это ѣхалъ Абогинъ протестовать, дѣлать глупости...

Всю дорогу докторъ думалъ не о женѣ, не объ Андреѣ, а объ Абогинѣ и людяхъ, жившихъ въ домѣ, который онъ только-что оставилъ. Мысли его были несправедливы и нечеловѣчно жестоки. Осудилъ онъ и Абогина, и его жену, и Папчинскаго, и всѣхъ, живущихъ въ розовомъ полумракѣ и пахнущихъ духами, и всю дорогу ненавидѣлъ ихъ и презиралъ до боли въ сердцѣ. И въ умѣ его сложилось крѣпкое убѣжденіе объ этихъ людяхъ.

Пройдетъ время, пройдетъ и горе Кирилова, но это убѣжденіе, несправедливое, недостойное человѣческаго сердца, не пройдетъ и останется въ умѣ доктора до самой могилы.

1887.

Счастье

Посвящается Я. П. Полонскому

У широкой степной дороги, называемой большимъ шляхомъ, ночевала отара овецъ. Стерегли ее два пастуха. Одинъ, старикъ лѣтъ восьмидесяти, беззубый, съ дрожащимъ лицомъ, лежалъ на животѣ у самой дороги, положивъ локти на пыльные листья подорожника; другой — молодой парень, съ густыми черными бровями и безусый, одѣтый въ рядно, изъ котораго шьютъ дешевыя мѣшки, лежалъ на спинѣ, положивъ руки подъ голову, и глядѣлъ вверхъ на небо, гдѣ надъ самымъ его лицомъ тянулся млечный путь и дремали звѣзды.

Пастухи были не одни. На сажень отъ нихъ въ сумракѣ, застилавшемъ дорогу, темнѣла осѣдланная лошадь, а возлѣ нея, опираясь на сѣдло, стоялъ мужчина въ большихъ сапогахъ и короткой чумаркѣ, по всѣмъ видимостямъ, господскій объѣздчикъ. Судя по его фигурѣ, прямой и неподвижной, по манерамъ, по обращенію съ пастухами, лошадью, это былъ человѣкъ серьезный, разсудительный и знающій себѣ цѣну; даже въ потемкахъ были замѣтны въ немъ слѣды военной выправки и то величаво-снисходительное выраженіе, какое пріобрѣтается отъ частаго обращенія съ господами и управляющими.

Овцы спали. На сѣромъ фонѣ зари, начинавшей уже покрывать восточную часть неба, тамъ и сямъ видны были силуэты не спавшихъ

овецъ; онѣ стояли и, опустивъ головы, о чемъ-то думали. Ихъ мысли, длительныя, тягучія, вызываемыя представленіями только о широкой степи и небѣ, о дняхъ и ночахъ, вѣроятно, поражали и угнетали ихъ самихъ до безчувствія, и онѣ, стоя теперь, какъ вкопанныя, не замѣчали ни присутствія чужого человѣка, ни безпокойства собакъ.

Въ сонномъ, застывшемъ воздухѣ стоялъ монотонный шумъ, безъ котораго не обходится степная лѣтняя ночь; непрерывно трещали кузнечики, пѣли перепела, да на версту отъ отары, въ балкѣ, въ которой текъ ручей и росли вербы, лѣниво посвистывали молодые соловьи.

Объѣздчикъ остановился, чтобы попросить у пастуховъ огня для трубки. Онъ молча закурилъ и выкурилъ всю трубку, потомъ, ни слова не сказавъ, облокотился о сѣдло и задумался. Молодой пастухъ не обратилъ на него никакого вниманія; онъ продолжалъ лежать и глядѣть на небо, старикъ же долго оглядывалъ объѣздчика и спросилъ:

— Никакъ Пантелей изъ Макаровской экономіи?

— Я самый, — отвѣтилъ объѣздчикъ.

— То-то я вижу. Не узналъ — богатымъ быть. Откуда Богъ несетъ?

— Изъ Ковылевскаго участка.

— Далече. Подъ скопчину отдаете участокъ?

— Разное. И подъ скопчину, и въ аренду, и подъ бакчи. Я собственно на мельницу ѣздилъ.

Большая старая овчарка грязно-бѣлаго цвѣ-

та, лохматая, съ клочьями шерсти у глазъ и носа, стараясь казаться равнодушной къ присутствію чужихъ, раза три покойно обошла вокругъ лошади и вдругъ неожиданно съ злобнымъ, старческимъ хрипѣньемъ бросилась сзади на объѣздчика; остальныя собаки не выдержали и повскакали со своихъ мѣстъ.

— Цыцъ, проклятая! — крикнулъ старикъ, поднимаясь на локтѣ. — А, чтобъ ты лопнула, бѣсова тварь!

Когда собаки успокоились, старикъ принялъ прежнюю позу и сказалъ покойнымъ голосомъ:

— А въ Ковыляхъ, на самый Вознесеньевъ день, Ефимъ Жменя померъ. Не къ ночи будь сказано, грѣхъ такихъ людей сгадывать, поганый старикъ былъ. Небось, слыхалъ.

— Нѣтъ, не слыхалъ.

— Ефимъ Жменя, кузнеца Степки дядя. Вся округа его знаетъ. У, да и проклятый же старикъ! Я его годовъ шестьдесятъ знаю, съ той поры, какъ царя Александра, что француза гналъ, изъ Таганрога на подводахъ въ Москву везли. Мы вмѣстѣ ходили покойника царя встрѣчать, а тогда большой шляхъ не на Бахмутъ шелъ, а съ Есауловки на Городище, и тамъ, гдѣ теперь Ковыли, дудачьи гнѣзды были — что ни шагъ, то гнѣздо дудачье. Тогда еще я примѣтилъ, что Жменя душу свою сгубилъ и нечистая сила въ немъ. Я такъ замѣчаю: ежели который человѣкъ мужицкаго званія все больше молчитъ, старушечьими дѣлами занимается, да норовитъ въ одиночку жить, то тутъ хорошаго мало, а Ефимка, бывало, смолоду все молчитъ и молчитъ, да на тебя косо глядитъ, все

онъ словно дуется и пыжится, какъ пивень передъ куркою. Чтобы онъ въ церковь пошелъ, или на улицу съ ребятами гулять, или въ кабакъ — не было у него такой моды, а все больше одинъ сидитъ, или со старухами шепчется. Молодымъ былъ, а ужъ въ пасѣчники да въ бакчевники нанимался. Бывало, придутъ къ нему добрые люди на бакчи, а у него арбузы и дыни свистятъ. Разъ тоже поймалъ при людяхъ щуку, а она — го-го-го-го! захохотала...

— Это бываетъ, — сказалъ Пантелей.

Молодой пастухъ повернулся на бокъ и пристально, поднявъ свои черныя брови, поглядѣлъ на старика.

— А ты слыхалъ, какъ арбузы свистятъ? — спросилъ онъ.

— Слыхать не слыхалъ, Богъ миловалъ, — вздохнулъ старикъ: — а люди сказывали. Мудренаго мало... Захочетъ нечистая сила, такъ и въ камнѣ свистѣть начнетъ. Передъ волей у насъ три дня и три ночи скеля[1]) гудѣла. Самъ слыхалъ. А щука хохотала, потому Жменя замѣсто щуки бѣса поймалъ.

Старикъ что-то вспомнилъ. Онъ быстро поднялся на колѣни и, пожимаясь, какъ отъ холода, нервно засовывая руки въ рукава, залепеталъ въ носъ, бабьей скороговоркой:

— Спаси насъ, Господи, и помилуй! Шелъ я разъ бережкомъ въ Новопавловку. Гроза собиралась, и такая была буря, что сохрани Царица Небесная, Матушка... Поспѣшаю я, что есть мочи, гляжу, а по дорожкѣ, промежъ терновыхъ кустовъ — теренъ тогда въ цвѣту былъ

[1]) Скала.

— бѣлый волъ идетъ. Я и думаю: чей это волъ? Зачѣмъ его сюда занесла нелегкая? Идетъ онъ, хвостомъ машетъ и му-у-у! Только, это самое, братцы, догоняю его, подхожу близко, глядь! — а ужъ это не волъ, а Жменя. Святъ, святъ, святъ! Сотворилъ я крестное знаменіе, а онъ глядитъ на меня и бормочетъ, бѣльмы выпучивши. Испужался я, страсть! Пошли рядомъ, боюсь я ему слово сказать, — громъ гремитъ, молонья небо полосуетъ, вербы къ самой водѣ гнутся, — вдругъ, братцы, накажи меня Богъ, чтобъ мнѣ безъ покаянія померѣть, бѣжитъ поперекъ дорожки заяцъ... Бѣжитъ, остановился и говоритъ по-человѣчьи: «Здорово, мужики!» Пошла, проклятая! — крикнулъ старикъ на лохматаго пса, который опять пошелъ обходомъ вокругъ лошади. — А, чтобъ ты издохла!

— Это бываетъ, — сказалъ объѣздчикъ, все еще опираясь на сѣдло и не шевелясь; сказалъ онъ это беззвучнымъ, глухимъ голосомъ, какимъ говорятъ люди, погруженные въ думу.

— Это бываетъ, — повторилъ онъ глубокомысленно и убѣжденно.

— У, стервячій былъ старикъ! — продолжалъ старикъ уже не такъ горячо. — Лѣтъ черезъ пять послѣ воли его міромъ въ конторѣ посѣкли, такъ онъ, чтобы значитъ злобу свою доказать, взялъ да и напустилъ на всѣ Ковыли горловую болѣзнь. Повымерло тогда народу безъ счету, видимо-невидимо, словно въ холеру...

— А какъ онъ болѣзнь напустилъ? — спросилъ молодой пастухъ послѣ нѣкотораго молчанія.

— Извѣстно, какъ. Тутъ ума большого не надо, была бы охота. Жменя людей гадючьимъ жиромъ морилъ. А это такое средство, что не то что отъ жиру, даже отъ духу народъ мретъ.

— Это вѣрно, — согласился Пантелей.

— Хотѣли его тогда ребята убить, да старики не дали. Нельзя его было убивать; онъ зналъ мѣсто, гдѣ клады есть. А кромѣ него ни одна душа не знала. Клады тутъ заговоренные, такъ что найдешь и не увидишь, а онъ видѣлъ. Бывало, идетъ бережкомъ, или лѣсомъ, а подъ кустами и скелями огоньки, огоньки, огоньки... Огоньки такіе, какъ будто словно отъ сѣры. Я самъ видѣлъ. Всѣ такъ ждали, что Жменя людямъ мѣста укажетъ, или самъ выроетъ, а онъ — сказано, сама собака не ѣстъ и другимъ не даетъ — такъ и померъ: ни самъ не вырылъ, ни людямъ не показалъ.

Объѣздчикъ закурилъ трубку и на мгновеніе освѣтилъ свои большіе усы и острый, строгаго, солиднаго вида носъ. Мелкіе круги свѣта прыгнули отъ его рукъ къ картузу, побѣжали черезъ сѣдло по лошадиной спинѣ и исчезли въ гривѣ около ушей.

— Въ этихъ мѣстахъ много кладовъ, — сказалъ онъ.

И, медленно затянувшись, онъ поглядѣлъ вокругъ себя, остановилъ свой взглядъ на бѣлѣющемъ востокѣ и добавилъ:

— Должны быть клады.

— Что и говорить, — вздохнулъ старикъ. — По всему видать, что есть, только, братъ, копать ихъ некому. Никто настоящихъ мѣстовъ не знаетъ, да по нынѣшнему время, почитай,

всѣ клады заговоренные. Чтобъ его найти и увидать, талисманъ надо такой имѣть, а безъ талисмана ничего, паря, не подѣлаешь. У Жмени были талисманы, да нешто у него, у чорта лысаго, выпросишь? Онъ и держалъ-то ихъ, чтобъ никому не досталось.

Молодой пастухъ подползъ шага на два къ старику и, подперевъ голову кулаками, устремилъ на него неподвижный взглядъ. Младенческое выраженіе страха и любопытства засвѣтилось въ его темныхъ глазахъ и, какъ казалось въ сумеркахъ, растянуло и сплющило крупныя черты его молодого, грубаго лица. Онъ напряженно слушалъ.

— И въ писаніяхъ писано, что кладовъ тутъ много, — продолжалъ старикъ. — Это что и говорить... и говорить нечего. Одному новоплавскому старику-солдату въ Ивановкѣ ярлыкъ показывали, такъ въ томъ ярлыкѣ напечатано и про мѣсто, и даже сколько пудовъ золота, и въ какой посудѣ; давно бъ по этому ярлыку кладъ достали, да только кладъ заговоренный, не подступишься.

— Отчего же, дѣдъ, не подступишься? — спросилъ молодой.

— Должно, причина какая есть, не сказывалъ солдатъ. Заговоренный... Талисманъ надо.

Старикъ говорилъ съ увлеченіемъ, какъ будто изливалъ передъ проѣзжимъ свою душу. Онъ гнусавилъ отъ непривычки говорить много и быстро, заикался и, чувствуя такой недостатокъ своей рѣчи, старался скрасить его жестикуляціей головы, рукъ и тощихъ плечъ; при каждомъ движеніи его холщевая рубаха мялась въ

складки, ползла къ плечамъ и обнажала черную отъ загара и старости спину. Онъ обдергивалъ ее, а она тотчасъ же опять лѣзла. Наконецъ, старикъ, точно выведенный изъ терпѣнія непослушной рубахой, вскочилъ и заговорилъ съ горечью:

— Есть счастье, а что съ него толку, если оно въ землѣ зарыто? Такъ и пропадаетъ добро задаромъ, безъ всякой пользы, какъ полова или овечій пометъ! А вѣдь счастья много, такъ много, парень, что его на всю бы округу хватило, да не видитъ его ни одна душа! Дождутся люди, что его паны выроютъ, или казна отберетъ. Паны ужъ начали курганы копать... Почуяли! Берутъ ихъ завидки на мужицкое счастье! Казна тоже себѣ на умѣ. Въ законѣ такъ писано, что ежели который мужикъ найдетъ кладъ, то чтобъ къ начальству его представить. Ну, это погоди — не дождешься! Есть квасъ, да не про васъ!

Старикъ презрительно засмѣялся и сѣлъ на землю. Объѣздчикъ слушалъ со вниманіемъ и соглашался, но по выраженію его фигуры и по молчанію видно было, что все, что разсказывалъ ему старикъ, было не ново для него, что это онъ давно уже передумывалъ и зналъ гораздо больше того, что было извѣстно старику.

— На своемъ вѣку я, признаться, разъ десять искалъ счастья, — сказалъ старикъ, конфузливо почесываясь. — На настоящихъ мѣстахъ искалъ, да, знать, попадалъ все на заговоренные клады. И отецъ мой искалъ, и братъ искалъ — ни шута не находили, такъ и умерли безъ счастья. Брату моему Ильѣ, царство ему

небесное, одинъ монахъ открылъ, что въ Таганрогѣ, въ крѣпости, въ одномъ мѣстѣ подъ тремя камнями кладъ есть, и что кладъ этотъ заговоренный, а въ тѣ поры — было это, помню, въ тридцать восьмомъ году — въ Матвѣевомъ Курганѣ армяшка жилъ, талисманы продавалъ. Купилъ Илья талисманъ, взялъ двухъ ребятъ съ собой и пошелъ въ Таганрогъ. Только, братъ, подходитъ онъ къ мѣсту въ крѣпости, а у самаго мѣста солдатъ съ ружьемъ стоитъ.

Въ тихомъ воздухѣ, разсыпаясь по степи, пронесся звукъ. Что-то вдали грозно ахнуло, ударилось о камень и побѣжало по степи, издавая: «тахъ! тахъ! тахъ! тахъ!» Когда звукъ замеръ, старикъ вопросительно поглядѣлъ на равнодушнаго, неподвижно стоявшаго Пантелея.

— Это въ шахтахъ бадья сорвалась, — сказалъ молодой, подумавъ.

Уже свѣтало. Млечный путь блѣднѣлъ и мало-по-малу таялъ, какъ снѣгъ, теряя свои очертанія. Небо становилось хмурымъ и мутнымъ, когда не разберешь, чисто оно, или покрыто сплошь облаками, и только по ясной, глянцовитой полосѣ на востокѣ и по кое-гдѣ уцѣлѣвшимъ звѣздамъ поймешь, въ чемъ дѣло.

Первый утренній вѣтерокъ безъ шороха, осторожно шевеля молочаемъ и бурыми стеблями прошлогодняго бурьяна, пробѣжалъ вдоль дороги.

Объѣздчикъ очнулся отъ мыслей и встряхнулъ головой. Обѣими руками онъ потрясъ сѣдло, потрогалъ подпругу и, какъ бы не рѣшаясь сѣсть на лошадь, опять остановился въ раздумьѣ.

— Да, — сказалъ онъ: — близокъ локоть

да не укусишь... Есть счастье, да нѣтъ ума искать его.

И онъ повернулся лицомъ къ пастухамъ. Строгое лицо его было грустно и насмѣшливо, какъ у разочарованнаго.

— Да, такъ и умрешь, не повидавши счастья, какое оно такое есть... — сказалъ онъ съ разстановкой, поднимая лѣвую ногу къ стремени. — Кто помоложе, можетъ, и дождется, а намъ ужъ и думать пора бросить.

Поглаживая свои длинные, покрытые росой усы, онъ грузно усѣлся на лошади и съ такимъ видомъ, какъ будто забылъ что-то или не досказалъ, прищурилъ глаза на даль. Въ синеватой дали, гдѣ послѣднiй видимый холмъ сливался съ туманомъ, ничто не шевелилось; сторожевые и могильные курганы, которые тамъ и сямъ высились надъ горизонтомъ и безграничною степью, глядѣли сурово и мертво; въ ихъ неподвижности и беззвучiи чувствовались вѣка и полное равнодушiе къ человѣку; пройдетъ еще тысяча лѣтъ, умрутъ миллiарды людей, а они все еще будутъ стоять, какъ стояли, нимало не сожалѣя объ умершихъ, не интересуясь живыми, и ни одна душа не будетъ знать, зачѣмъ они стоятъ и какую степную тайну прячутъ подъ собой.

Проснувшiеся грачи, молча и въ одиночку, летали надъ землей. Ни въ лѣнивомъ полетѣ этихъ долговѣчныхъ птицъ, ни въ утрѣ, которое повторяется аккуратно каждыя сутки, ни въ безграничности степи — ни въ чемъ не видно было смысла. Объѣздчикъ усмѣхнулся и сказалъ:

— Экая ширь, Господи помилуй! Пойди-ка, найди счастье! Тутъ, — продолжалъ онъ, пони-

зивъ голосъ и дѣлая лицо серьезнымъ: — тутъ навѣрняка зарыты два клада. Господа про нихъ не знаютъ, а старымъ мужикамъ, особливо солдатамъ, до точности про нихъ извѣстно. Тутъ, гдѣ-то на этомъ кряжѣ (объѣздчикъ указалъ въ сторону нагайкой), когда-то во время оно разбойники напали на караванъ съ золотомъ; золото это везли изъ Петербурга Петру императору, который тогда въ Воронежѣ флотъ строилъ. Разбойники побили возчиковъ, а золото закопали, да потомъ и не нашли. Другой же кладъ наши донскіе казаки зарыли. Въ двѣнадцатомъ году они у француза всякаго добра, серебра и золота награбили видимо-невидимо. Когда ворочались къ себѣ домой, то прослышали дорогой, что начальство хочетъ у нихъ отобрать все золото и серебро. Чѣмъ начальству такъ зря отдавать добро, они, молодцы, взяли и зарыли его, чтобъ хоть дѣтямъ досталось, а гдѣ зарыли — неизвѣстно.

— Я слышалъ про эти клады, — угрюмо пробормоталъ старикъ.

— Да, — задумался опять Пантелей. — Такъ...

Наступило молчаніе. Объѣздчикъ задумчиво поглядѣлъ на даль, усмѣхнулся и тронулъ повода все съ тѣмъ же выраженіемъ, какъ будто забылъ что-то или не досказалъ. Лошадь неохотно пошла шагомъ. Проѣхавъ шаговъ сто, Пантелей рѣшительно встряхнулъ головой, очнулся отъ мыслей и, стегнувъ по лошади, поскакалъ рысью.

Пастухи остались одни.

— Это Пантелей изъ Макаровской экономіи, — сказалъ старикъ. — Полтораста въ годъ

получаетъ, на хозяйскихъ харчахъ. Образованный человѣкъ...

Проснувшіяся овцы — ихъ было около трехъ тысячъ — неохотно, отъ нечего дѣлать принялись за невысокую, на половину утоптанную траву. Солнце еще не взошло, но уже были видны всѣ курганы и далекая, похожая на облако, Сауръ-Могила съ остроконечной верхушкой. Если взобраться на эту могилу, то съ нея видна была равнина, такая же ровная и безграничная, какъ небо, видны барскія усадьбы, хутора нѣмцевъ и молоканъ, деревни, а дальнозоркій калмыкъ увидитъ даже городъ и поѣзда желѣзныхъ дорогъ. Только отсюда и видно, что на этомъ свѣтѣ, кромѣ молчаливой степи и вѣковыхъ кургановъ, есть другая жизнь, которой нѣтъ дѣла до закрытаго счастья и овечьихъ мыслей.

Старикъ нащупалъ возлѣ себя свою «герлыгу», длинную палку съ крючкомъ на верхнемъ концѣ, и поднялся. Онъ молчалъ и думалъ. Съ лица молодого еще не сошло младенческое выраженіе страха и любопытства. Онъ находился подъ впечатлѣніемъ слышаннаго и съ нетерпѣніемъ ждалъ новыхъ разсказовъ.

— Дѣдъ, — спросилъ онъ, поднимаясь и беря свою герлыгу: — что же твой братъ Илья съ солдатомъ сдѣлалъ?

Старикъ не разслышалъ вопроса. Онъ разсѣянно поглядѣлъ на молодого и отвѣтилъ, пошамкавъ губами:

— А я, Санька, все думаю про тотъ ярлыкъ, что въ Ивановкѣ солдату показывали. Я Пантелею не сказалъ, Богъ съ нимъ, а вѣдь въ ярлыкѣ обозначено такое мѣсто, что даже баба

найдетъ. Знаешь, какое мѣсто? Въ Богатой Балочкѣ, въ томъ, знаешь, мѣстѣ, гдѣ балка, какъ гусиная лапка, расходится на три балочки; такъ въ средней.

— Что жъ, будешь рыть?

— Попытаю счастья...

— Дѣдъ, а что ты станешь дѣлать съ кладомъ, когда найдешь его?

— Я-то? — усмѣхнулся старикъ. — Гм!.. Только бы найти, а то... показалъ бы я всѣмъ Кузькину мать... Гм!.. Знаю, что дѣлать...

И старикъ не сумѣлъ отвѣтить, что онъ будетъ дѣлать съ кладомъ, если найдетъ его. За всю жизнь этотъ вопросъ представился ему въ это утро, вѣроятно, впервые, а судя по выраженію лица, легкомысленному и безразличному, не казался ему важнымъ и достойнымъ размышленія. Въ головѣ Саньки копошилось еще одно недоумѣніе: почему клады ищутъ только старики и къ чему сдалось земное счастье людямъ, которые каждый день могутъ умереть отъ старости? Но недоумѣніе это Санька не умѣлъ вылить въ вопросъ, да едва ли бы старикъ нашелъ, что отвѣтить ему.

Окруженное легкою мутью, показалось громадное багровое солнце. Широкія полосы свѣта, еще холодныя, купаясь въ росистой травѣ, потягиваясь и съ веселымъ видомъ, какъ будто стараясь показать, что это не надоѣло имъ, стали ложиться по землѣ. Серебристая полынь, голубые цвѣты свинячей цыбульки, желтая сурѣпа, васильки — все это радостно запестрѣло, принимая свѣтъ солнца за свою собственную улыбку.

Старикъ и Санька разошлись и стали по краямъ отары. Оба стояли, какъ столбы, не шевелясь, глядя въ землю и думая. Перваго не отпускали мысли о счастьѣ, второй же думалъ о томъ, что говорилось ночью; интересовало его не самое счастье, которое было ему не нужно и непонятно, а фантастичность и сказочность человѣческаго счастья.

Сотня овецъ вздрогнула и въ какомъ-то непонятномъ ужасѣ, какъ по сигналу, бросилась въ сторону отъ отары. И Санька, какъ будто бы мысли овецъ, длительныя и тягучія, на мгновеніе сообщились и ему, въ такомъ же непонятномъ, животномъ ужасѣ бросился въ сторону, но тотчасъ же пришелъ въ себя и крикнулъ:

— Тю, скаженныя! Перебѣсились, нѣтъ на васъ погибели!

А когда солнце, обѣщая долгій, непобѣдимый зной, стало припекать землю, все живое, что ночью двигалось и издавало звуки, погрузилось въ полусонъ. Старикъ и Санька со своими герлыгами стояли у противоположныхъ краевъ отары, стояли не шевелясь, какъ факиры на молитвѣ, и сосредоточенно думали. Они уже не замѣчали другъ друга, и каждый изъ нихъ жилъ своей собственной жизнью. Овцы тоже думали...

1887.

Тифъ

Въ почтовомъ поѣздѣ, шедшемъ изъ Петербурга въ Москву, въ отдѣленіи для курящихъ ѣхалъ молодой поручикъ Климовъ. Противъ него сидѣлъ пожилой человѣкъ съ бритой шкиперской физіономіей, по всѣмъ видимостямъ, зажиточный чухонецъ или шведъ, всю дорогу сосавшій трубку и говорившій на одну и ту же тему:

— Га, вы официръ! У меня тоже братъ официръ, но только онъ морьякъ... Онъ морьякъ и служитъ въ Кронштадтъ. Вы зачѣмъ ѣдете въ Москву?

— Я тамъ служу.

— Га! А вы семейный?

— Нѣтъ, я живу съ теткой и сестрой.

— Мой братъ тоже официръ, морьякъ, но онъ семейный, имѣетъ жена и три ребенка! Га!

Чухонецъ чему-то удивлялся, идіотски-широко улыбался, когда восклицалъ: «га!», и то-и-дѣло продувалъ свою вонючую трубку. Климовъ, которому нездоровилось и тяжело было отвѣчать на вопросы, ненавидѣлъ его всей душой. Онъ мечталъ о томъ, что хорошо бы вырвать изъ его рукъ сипѣвшую трубку и швырнуть ее подъ диванъ, а самого чухонца прогнать куда-нибудь въ другой вагонъ.

«Противный народъ эти чухонцы и... греки, — думалъ онъ. — Совсѣмъ лишній, ни къ чему не нужный, противный народъ. Занима-

ютъ только на земномъ шарѣ мѣсто. Къ чему они?»

И мысль о чухонцахъ и грекахъ производила во всемъ его тѣлѣ что-то въ родѣ тошноты. Для сравненія хотѣлъ онъ думать о французахъ и итальянцахъ, но воспоминаніе объ этихъ народахъ вызывало въ немъ представленіе почему-то только о шарманщикахъ, голыхъ женщинахъ и заграничныхъ олеографіяхъ, которыя висятъ дома у тетки надъ комодомъ.

Вообще офицеръ чувствовалъ себя ненормальнымъ. Руки и ноги его какъ-то не укладывались на диванѣ, хотя весь диванъ былъ къ его услугамъ, во рту было сухо и липко, въ головѣ стоялъ тяжелый туманъ; мысли его, казалось, бродили не только въ головѣ, но и внѣ черепа, межъ дивановъ и людей, окутанныхъ въ ночную мглу. Сквозь головную муть, какъ сквозь сонъ, слышалъ онъ бормотанье голосовъ, стукъ колесъ, хлопанье дверей. Звонки, свистки, кондуктора, бѣготня публики по платформѣ слышались чаще, чѣмъ обыкновенно. Время летѣло быстро, незамѣтно, и потому казалось, что поѣздъ останавливался около станцій каждую минуту, и то-и-дѣло извнѣ доносились металлическіе голоса:

— Готова почта?

— Готова!

Казалось, что слишкомъ часто истопникъ входилъ и поглядывалъ на термометръ, что шумъ встрѣчнаго поѣзда и грохотъ колесъ по мосту слышались безъ перерыва. Шумъ, свистки, чухонецъ, табачный дымъ — все это, мѣшаясь съ угрозами и миганьемъ туманныхъ образовъ,

форму и характеръ которыхъ не можетъ припомнить здоровый человѣкъ, давило Климова невыносимымъ кошмаромъ. Въ страшной тоскѣ онъ поднималъ тяжелую голову, взглядывалъ на фонарь, въ лучахъ котораго кружились тѣни и туманныя пятна, хотѣлъ просить воды, но высохшій языкъ едва шевелился, и едва хватало силы отвѣчать на вопросы чухонца. Онъ старался поудобнѣе улечься и уснуть, но это ему не удавалось; чухонецъ нѣсколько разъ засыпалъ, просыпался и закуривалъ трубку, обращался къ нему со своимъ «га!» и вновь засыпалъ, а ноги поручика все никакъ не укладывались на диванѣ и грозящіе образы все стояли передъ глазами.

Въ Спировѣ онъ вышелъ на станцію, чтобы выпить воды. Онъ видѣлъ, какъ за столомъ сидѣли люди и спѣшили ѣсть.

«И какъ они могутъ ѣсть!» — думалъ онъ, стараясь не нюхать воздуха, пахнущаго жаренымъ мясомъ, и не глядѣть на жующіе рты, — то и другое казалось ему противнымъ до тошноты.

Какая-то красивая дама громко бесѣдовала съ военнымъ въ красной фуражкѣ и, улыбаясь, показывала великолѣпные бѣлые зубы; и улыбка, и зубы, и сама дама произвели на Климова такое же отвратительное впечатлѣніе, какъ окорокъ и жареныя котлеты. Онъ не могъ понять, какъ это военному въ красной фуражкѣ не жутко сидѣть возлѣ нея и глядѣть на ея здоровое, улыбающееся лицо.

Когда онъ, выпивъ воды, вернулся въ вагонъ, чухонецъ сидѣлъ и курилъ. Его трубка

сипѣла и всхлипывала, какъ дырявая калоша въ сырую погоду.

— Га! — удивился онъ. — Это какая станція?

— Не знаю, — отвѣтилъ Климовъ, ложась и закрывая ротъ, чтобы не дышать ѣдкимъ табачнымъ дымомъ.

— А въ Твери когда мы будемъ?

— Не знаю. Извините, я... я не могу отвѣчать. Я боленъ, простудился сегодня.

Чухонецъ постучалъ трубкой объ оконную раму и сталъ говорить о своемъ братѣ-морякѣ. Климовъ ужъ болѣе не слушалъ его и съ тоской вспоминалъ о своей мягкой, удобной постели, о графинѣ съ холодной водой, о сестрѣ Катѣ, которая такъ умѣетъ уложить, успокоить, подать воды. Онъ даже улыбнулся, когда въ его воображеніи мелькнулъ денщикъ Павелъ, снимающій съ барина тяжелые, душные сапоги и ставящій на столикъ воду. Ему казалось, что стоитъ только лечь въ свою постель, выпить воды, и кошмаръ уступилъ бы свое мѣсто крѣпкому, здоровому сну.

— Почта готова? — донесся издали глухой голосъ.

— Готова! — отвѣтилъ басъ почти у самаго окна.

Это была уже вторая или третья станція отъ Спирова.

Время летѣло быстро, скачками, и казалось, что звонкамъ, свисткамъ и остановкамъ не будетъ конца. Климовъ въ отчаяніи уткнулся лицомъ въ уголъ дивана, обхватилъ руками голову и сталъ опять думать о сестрѣ Катѣ и денщикѣ Павлѣ,

но сестра и денщикъ смѣшались съ туманными образами, завертѣлись и исчезли. Его горячее дыханіе, отражаясь отъ спинки дивана, жгло ему лицо, ноги лежали неудобно, въ спину дуло отъ окна, но, какъ ни мучительно было, ему ужъ не хотѣлось перемѣнять свое положеніе... Тяжелая, кошмарная лѣнь мало-по-малу овладѣла имъ и сковала его члены.

Когда онъ рѣшился поднять голову, въ вагонѣ было уже свѣтло. Пассажиры надѣвали шубы и двигались. Поѣздъ стоялъ. Артельщики въ бѣлыхъ фартукахъ и съ бляхами суетились возлѣ пассажировъ и хватали ихъ чемоданы. Климовъ надѣлъ шинель, машинально вслѣдъ за другими вышелъ изъ вагона, и ему казалось, что идетъ не онъ, а вмѣсто него кто-то другой, посторонній, и онъ чувствовалъ, что вмѣстѣ съ нимъ вышли изъ вагона его жаръ, жажда и тѣ грозящіе образы, которые всю ночь не давали ему спать. Машинально онъ получилъ багажъ и нанялъ извозчика. Извозчикъ запросилъ съ него до Поварской рубль съ четвертью, но онъ не торговался, а безпрекословно, послушно сѣлъ въ сани. Разницу въ числахъ онъ еще понималъ, но деньги для него уже не имѣли никакой цѣны.

Дома Климова встрѣтили тетка и сестра Катя, восемнадцатилѣтняя дѣвушка. Въ рукахъ Кати, когда она здоровалась, была тетрадка и карандашъ, и онъ вспомнилъ, что она готовится къ учительскому экзамену. Не отвѣчая на вопросы и привѣтствія, а только отдуваясь отъ жара, онъ безъ всякой цѣли прошелся по всѣмъ комнатамъ и, дойдя до своей кровати, повалился

на подушку. Чухонецъ, красная фуражка, дама съ бѣлыми зубами, запахъ жаренаго мяса, мигающія пятна заняли его сознаніе и уже онъ не зналъ, гдѣ онъ, и не слышалъ встревоженныхъ голосовъ.

Очнувшись, онъ увидѣлъ себя въ своей постели, раздѣтымъ, увидѣлъ графинъ съ водой и Павла, но отъ этого ему не было ни прохладнѣе, ни мягче, ни удобнѣе. Ноги и руки попрежнему не укладывались, языкъ прилипалъ къ нёбу и слышалось всхлипыванье чухонской трубки... Возлѣ кровати, толкая своей широкой спиной Павла, суетился плотный, чернобородый докторъ.

— Ничего, ничего, юноша! — бормоталъ онъ. — Отлично, отлично... Тэкъ, тэкъ...

Докторъ называлъ Климова юношей, вмѣсто «такъ» говорилъ «тэкъ», вмѣсто «да» — «дэ»...

— Дэ, дэ, дэ, — сыпалъ онъ. — Тэкъ, тэкъ... Отлично, юноша... Не надо унывать!

Быстрая, небрежная рѣчь доктора, его сытая физіономія и снисходительное «юноша» раздражили Климова.

— Зачѣмъ вы зовете меня юношей? — простоналъ онъ. — Что за фамильярность? Къ чорту!

И онъ испугался своего голоса. Этотъ голосъ былъ до того сухъ, слабъ и пѣвучъ, что его нельзя было узнать.

— Отлично, отлично, — забормоталъ докторъ, нисколько не обижаясь. — Не надо сердиться... Дэ, дэ, дэ...

И дома время летѣло такъ же поразительно быстро, какъ и въ вагонѣ.. Дневной свѣтъ въ спальной то-и-дѣло смѣнялся ночными сумер-

ками. Докторъ, казалось, не отходилъ отъ кровати и каждую минуту слышалось его «дэ, дэ, дэ». Черезъ спальную непрерывно тянулся рядъ лицъ. Тутъ были: Павелъ, чухонецъ, штабсъ-капитанъ Ярошевичъ, фельдфебель Максименко, красная фуражка, дама съ бѣлыми зубами, докторъ. Всѣ они говорили, махали руками, курили, ѣли. Разъ даже при дневномъ свѣтѣ Климовъ видѣлъ своего полкового священника о. Александра, который въ эпитрахили и съ требникомъ въ рукахъ стоялъ передъ кроватью и бормоталъ что-то съ такимъ серьезнымъ лицомъ, какого раньше Климовъ не наблюдалъ у него. Поручикъ вспомнилъ, что о. Александръ всѣхъ офицеровъ-католиковъ пріятельски обзывалъ «ляхами», и, желая посмѣшить его, крикнулъ:

— Батя, ляхъ Ярошевичъ до лясу бѣжалъ!

Но о. Алескандръ, человѣкъ смѣшливый и веселый, не засмѣялся, а сталъ еще серьезнѣе и перекрестилъ Климова. Ночью разъ за разомъ безшумно входили и выходили двѣ тѣни. То были тетка и сестра. Тѣнь сестры становилась на колѣни и молилась: она кланялась образу, кланялась на стѣнѣ и ея сѣрая тѣнь, такъ что Богу молились двѣ тѣни. Все время пахло жаренымъ мясомъ и трубкой чухонца, но разъ Климовъ почувствовалъ рѣзкій запахъ ладана. Онъ задвигался отъ тошноты и сталъ кричать:

— Ладанъ! Унесите ладанъ!

Отвѣта не было. Слышно было только, какъ гдѣ-то не громко пѣли священники и какъ кто-то бѣгалъ по лѣстницѣ.

Когда Климовъ очнулся отъ забытья, въ спальной не было ни души. Утреннее солнце

било въ окно сквозь спущенную занавѣску, и дрожащій лучъ, тонкій и граціозный, какъ лезвіе, игралъ на графинѣ. Слышался стукъ колесъ — значитъ, снѣга уже не было на улицѣ. Поручикъ поглядѣлъ на лучъ, на знакомую мебель, на дверь и первымъ дѣломъ засмѣялся. Грудь и животъ задрожали отъ сладкаго, счастливаго и щекочущаго смѣха. Всѣмъ его существомъ, отъ головы до ногъ, овладѣло ощущеніе безконечнаго счастья и жизненной радости, какую, вѣроятно, чувствовалъ первый человѣкъ, когда былъ созданъ и впервые увидѣлъ міръ. Климовъ страстно захотѣлъ движенія, людей, рѣчей. Тѣло его лежало неподвижнымъ пластомъ, шевелились однѣ только руки, но онъ это едва замѣтилъ и все вниманіе свое устремилъ на мелочи. Онъ радовался своему дыханію, своему смѣху, радовался, что существуетъ графинъ, потолокъ, лучъ, тесемка на занавѣскѣ. Міръ Божій даже въ такомъ тѣсномъ уголкѣ, какъ спальня, казался ему прекраснымъ, разнообразнымъ, великимъ. Когда явился докторъ, поручикъ думалъ о томъ, какая славная штука медицина, какъ милъ и симпатиченъ докторъ, какъ вообще хороши и интересны люди.

— Дэ, дэ, дэ... — сыпалъ докторъ. — Отлично, отлично... Теперь ужъ мы здоровы... Тэкъ, тэкъ.

Поручикъ слушалъ и радостно смѣялся. Вспомнилъ онъ чухонца, даму съ бѣлыми зубами, окорокъ, и ему захотѣлось курить, ѣсть.

— Докторъ, — сказалъ онъ: — прикажите дать мнѣ корочку ржаного хлѣба съ солью и... и сардинъ.

Докторъ отказалъ, Павелъ не послушался приказанія и не пошелъ за хлѣбомъ. Поручикъ не вынесъ этого и заплакалъ, какъ капризный ребенокъ.

— Малюточка! — засмѣялся докторъ. — Мама, бай, а-а!

Климовъ тоже засмѣялся и, по уходѣ доктора, крѣпко уснулъ. Проснулся онъ съ тою же радостью и съ ощущеніемъ счастья. Возлѣ постели сидѣла тетка.

— А, тетя! — обрадовался онъ. — Что у меня было?

— Сыпной тифъ.

— Вотъ что. А теперь мнѣ хорошо, очень хорошо! Гдѣ Катя?

— Дома нѣтъ. Вѣроятно, зашла куда-нибудь съ экзамена.

Старуха сказала это и нагнулась къ чулку; губы ея затряслись, она отвернулась и вдругъ зарыдала. Въ отчаяніи, забывъ запрещеніе доктора, она проговорила:

— Ахъ, Катя, Катя! Нѣтъ нашего ангела! Нѣтъ!

Она уронила чулокъ и нагнулась за нимъ, и въ это время съ головы ея свалился чепецъ. Взглянувъ на ея сѣдую голову и ничего не понимая, Климовъ испугался за Катю и спросилъ:

— Гдѣ же она? Тетя!

Старуха, которая уже забыла про Климова и помнила только свое горе, сказала:

— Заразилась отъ тебя тифомъ и... и умерла. Третьяго дня похоронили.

Эта страшная, неожиданная новость цѣликомъ вошла въ сознаніе Климова, но какъ ни

была она страшна и сильна, она не могла побороть животной радости, наполнявшей выздоравливающаго поручика. Онъ плакалъ, смѣялся и скоро сталъ браниться за то, что ему не даютъ ѣсть.

Только спустя недѣлю, когда онъ въ халатишкѣ, поддерживаемый Павломъ, подошелъ къ окну, поглядѣлъ на пасмурное весеннее небо и прислушался къ непріятному стуку старыхъ рельсовъ, которые провозили мимо, сердце его сжалось отъ боли, онъ заплакалъ и припалъ лбомъ къ оконной рамѣ.

— Какой я несчастный! — забормоталъ онъ. — Боже, какой я несчастный!

И радость уступила свое мѣсто обыденной скукѣ и чувству невозвратимой потери.

1887.

Свирѣль

Разморенный духотою еловой чащи, весь въ паутинѣ и въ хвойныхъ иглахъ, пробирался съ ружьемъ къ опушкѣ приказчикъ изъ Дементьева хутора, Мелитонъ Шишкинъ. Его Дамка — помѣсь дворняги съ сетеромъ — необыкновенно худая и беременная, поджимая подъ себя мокрый хвостъ, плелась за хозяиномъ и всячески старалась не наколоть себѣ носа. Утро было нехорошее, пасмурное. Съ деревьевъ, окутанныхъ легкимъ туманомъ, и съ папоротника сыпались крупныя брызги, лѣсная сырость издавала острый запахъ гнили.

Впереди, гдѣ кончалась чаща, стояли березы, а сквозь ихъ стволы и вѣтви видна была туманная даль. Кто-то за березами игралъ на самодѣлковой, пастушеской свирѣли. Игрокъ бралъ не болѣе пяти-шести нотъ, лѣниво тянулъ ихъ, не стараясь связать ихъ въ мотивъ, но тѣмъ не менѣе въ его пискѣ слышалось что-то суровое и чрезвычайно тоскливое.

Когда чаща порѣдѣла и елки уже мѣшались съ молодой березой, Мелитонъ увидѣлъ стадо. Спутанныя лошади, коровы и овцы бродили между кустовъ и, потрескивая сучьями, обнюхивали лѣсную траву. На опушкѣ, прислонившись къ мокрой березкѣ, стоялъ старикъ-пастухъ, тощій, въ рваной сермягѣ и безъ шапки. Онъ глядѣлъ въ землю, о чемъ-то думалъ и игралъ на свирѣли, повидимому, машинально.

— Здравствуй, дѣдъ! Богъ на помощь! — привѣтствовалъ его Мелитонъ тонкимъ, сиплымъ голоскомъ, который совсѣмъ не шелъ къ его громадному росту и большому, мясистому лицу. — А ловко ты на дудочкѣ дудишь! Чье стадо пасешь?

— Артамоновское, — нехотя отвѣтилъ пастухъ и сунулъ свирѣль за пазуху.

— Стало быть, и лѣсъ артамоновскій? — спросилъ Мелитонъ, оглядываясь. — И впрямь артамоновскій, скажи на милость... Совсѣмъ было заблудился. Всю харю себѣ въ чепыгѣ исцарапалъ.

Онъ сѣлъ на мокрую землю и сталъ лѣпить изъ газетной бумаги папиросу.

Подобно жиденькому голоску, все у этого человѣка было мелко и не соотвѣтствовало его росту, ширинѣ и мясистому лицу: и улыбка, и глазки, и пуговки, и картузикъ, едва державшійся на жирной, стриженой головѣ. Когда онъ говорилъ и улыбался, то въ его бритомъ, пухломъ лицѣ и во всей фигурѣ чувствовалось что-то бабье, робкое и смиренное.

— Ну, погода, не дай Богъ! — сказалъ онъ и покрутилъ головой. — Люди еще овса не убрали, а дождикъ словно нанялся, Богъ съ нимъ.

Пастухъ поглядѣлъ на небо, откуда моросилъ дождь, на лѣсъ, на мокрую одежду приказчика, подумалъ и ничего не сказалъ.

— Все лѣто такое было... — вздохнулъ Мелитонъ. — И мужикамъ плохо, и господамъ никакого удовольствія.

Пастухъ еще разъ поглядѣлъ на небо, по-

думалъ и сказалъ съ разстановкой, точно разжевывая каждое слово:

— Все къ одному клонится... Добра не жди.

— Какъ у васъ тутъ? — спросилъ Мелитонъ, закуривая. — Не видалъ въ артамоновской сѣчи тетеревиныхъ выводковъ?

Пастухъ отвѣтилъ не сразу. Онъ опять поглядѣлъ на небо и въ стороны, подумалъ, поморгалъ глазами... Повидимому, своимъ словамъ придавалъ онъ не малое значеніе и, чтобы усугубить имъ цѣну, старался произносить ихъ въ растяжку, съ нѣкоторою торжественностью. Выраженіе лица его было старчески острое, степенное и оттого, что носъ былъ перехваченъ поперекъ сѣдлообразной выемкой и ноздри глядѣли кверху, казалось хитрымъ и насмѣшливымъ.

— Нѣтъ, кажись, не видалъ, — отвѣтилъ онъ. — Нашъ охотникъ Еремка сказывалъ, будто на Ильинъ день согналъ около Пустошья одинъ выводокъ, да должно, брешетъ. Мало птицы.

— Да, братъ, мало... Вездѣ мало! Охота, ежели здоровомысленно разсудить, ничтожная и нестоющая. Дичи совсѣмъ нѣтъ, а которая есть, такъ объ ту сейчасъ нечего и рукъ маратъ — не выросла еще! Такая еще мелочь, что глядѣть совѣстно.

Мелитонъ усмѣхнулся и махнулъ рукой.

— Такое дѣлается на этомъ свѣтѣ, что просто смѣхъ, да и только! Птица нынче стала несообразная, поздно на яйца садится, и есть такія, которыя еще на Петровъ день съ яицъ не вставали. Ей-Богу!

— Все къ одному клонится, — сказалъ пастухъ, поднимая вверхъ лицо. — Лѣтошній годъ мало дичи было, въ этомъ году еще меньше, а лѣтъ черезъ пять, почитай, ея вовсе не будетъ. Я такъ примѣчаю, что скоро не то что дичи, а никакой птицы не останется.

— Да, — согласился Мелитонъ, подумавъ. — Это вѣрно.

Пастухъ горько усмѣхнулся и покачалъ головой.

— Удивленіе! — сказалъ онъ. — И куда оно все дѣвалось? Лѣтъ двадцать назадъ, помню, тутъ и гуси были, и журавли, и утки, и тетерева — туча-тучей! Бывало, съѣдутся господа на охоту, такъ только и слышишь: пу-пу-пу! пу-пу-пу! Дупелямъ, бекасамъ да кроншпилямъ переводу не было, а мелкіе чирята да кулики все равно, какъ скворцы или, скажемъ, воробцы — видимо-невидимо! И куда оно все дѣвалось! Даже злой птицы не видать. Пошли прахомъ и орлы, и соколы, и филины... Меньше стало и всякаго звѣрья. Нынче, братъ, волкъ и лисица въ диковинку, а не то, что медвѣдь или норка. А вѣдь прежде даже лоси были! лѣтъ сорокъ я примѣчаю изъ года въ годъ Божьи дѣла и такъ понимаю, что все къ одному клонится.

— Къ чему?

— Къ худу, паря. Надо думать, къ гибели... Пришла пора Божьему міру погибать.

Старикъ надѣлъ картузъ и сталъ глядѣть на небо.

— Жалко! — вздохнулъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія. — И, Боже, какъ жалко! Оно,

конечно, Божья воля, не нами міръ сотворенъ, а все-таки, братушка, жалко. Ежели одно дерево высохнетъ, или, скажемъ, одна корова падетъ, и то жалость беретъ, а каково, добрый человѣкъ, глядѣть, коли весь міръ идетъ прахомъ? Сколько добра, Господи Іисусе! И солнце, и небо, и лѣса, и рѣки, и твари — все вѣдь это сотворено, приспособлено, другъ къ дружкѣ прилажено. Всякое до дѣла доведено и свое мѣсто знаетъ. И всему этому пропадать надо!

На лицѣ пастуха вспыхнула грустная улыбка и вѣки его заморгали.

— Ты говоришь — міру погибель... — сказалъ Мелитонъ, думая. — Можетъ, и скоро конецъ свѣта, а только нельзя по птицѣ судя. Это наврядъ, чтобы птица могла обозначать.

— Не одни птицы, — сказалъ пастухъ. — И звѣри тоже, и скотина, и пчелы, и рыба... Мнѣ не вѣришь, спроси стариковъ; каждый тебѣ скажетъ, что рыба теперь совсѣмъ не та, что была. И въ моряхъ, и въ озерахъ, и въ рѣкахъ рыбы изъ года въ годъ все меньше и меньше. Въ нашей Песчанкѣ, помню, щука въ аршинъ ловилась, и налимы водились, и язь, и лещъ, и у каждой рыбины видимость была, а нынче ежели и поймалъ щуренка или окунька въ четверть, то благодари Бога. Даже ерша настоящаго нѣтъ. Съ каждымъ годомъ все хуже и хуже, а погоди немного, такъ и совсѣмъ рыбы не будетъ. А взять таперя рѣки... Рѣки-то, небось, сохнутъ!

— Это вѣрно, что сохнутъ.

— То-то вотъ и есть. Съ каждымъ годомъ все мельче и мельче, и ужъ, братушка, нѣтъ

тѣхъ омутовъ, что были. Эвона, видишь кусты? — спросилъ старикъ, указывая въ сторону. — За ними старое русло, заводиной называется: при отцѣ моемъ тамъ Песчанка текла, а таперя погляди, куда ее нечистые занесли! Мѣняетъ русло и, гляди, домѣняется до той поры, покеда совсѣмъ высохнетъ. За Кургасовымъ болота и пруды были, а нынче гдѣ они? А куда ручьи дѣвались? У насъ вотъ въ этомъ самомъ лѣсу ручей текъ, и такой ручей, что мужики въ немъ верши ставили и щукъ ловили, дикая утка около него зимовала, а нынче въ немъ и въ половодье не бываетъ путевой воды. Да, братъ, куда ни взглянь, вездѣ сухо. Вездѣ!

Наступило молчаніе. Мелитонъ задумался и уставилъ глаза въ одну точку. Ему хотѣлось вспомнить хоть одно мѣсто въ природѣ, котораго еще не коснулась всеохватывающая гибель. По туману и косымъ дождевымъ полосамъ, какъ по матовымъ стекламъ, заскользили свѣтлыя пятна, но тотчасъ же угасли, — это восходившее солнце старалось пробиться сквозь облака и взглянуть на землю.

— Да и лѣса тоже... — пробормоталъ Мелитонъ.

— И лѣса тоже... — повторилъ пастухъ. — И рубятъ ихъ, и горятъ они, и сохнутъ, а новое не растетъ. Что и выраститъ, то сейчасъ его рубятъ; сегодня взошло, а завтра, гляди, и срубили люди — такъ безъ конца краю, покеда ничего не останется. Я, добрый человѣкъ, съ самой воли хожу съ обчественнымъ стадомъ, до воли тоже былъ у господъ въ пастухахъ, пасъ на этомъ самомъ мѣстѣ и, покеда живу, не помню

того лѣтняго дня, чтобы меня тутъ не было. И все время я Божьи дѣла примѣчаю. Приглядѣлся я, братъ, за свой вѣкъ и такъ теперь понимаю, что всякая растенія на убыль пошла. Рожь ли взять, овощь ли, цвѣтикъ ли какой, все къ одному клонится.

— Зато народъ лучше сталъ, — замѣтилъ приказчикъ.

— Чѣмъ это лучше?

— Умнѣй.

— Умнѣй-то умнѣй, это вѣрно, паря, да что съ того толку? На кой прахъ людямъ умъ передъ погибелью-то? Пропадать и безъ всякаго ума можно. Къ чему охотнику умъ, коли дичи нѣтъ? Я такъ разсуждаю, что Богъ человѣку умъ далъ, а силу взялъ. Слабъ народъ сталъ, до чрезвычайности слабъ. Къ примѣру меня взять... Грошъ мнѣ цѣна, во всей деревнѣ я самый послѣдній мужикъ, а все-таки, паря, сила есть. Ты вотъ гляди, мнѣ седьмой десятокъ, а я день-денской пасу, да еще ночное стерегу за двугривенный и спать не сплю, и не зябну; сынъ мой умнѣй меня, а поставь его замѣсто меня, такъ онъ завтра же прибавки запроситъ, или лѣчиться пойдетъ. Такъ-то-сь. Я, акромѣ хлѣбушка, ничего не потребляю, потому «хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь», и отецъ мой, акромѣ хлѣба, ничего не ѣлъ, и дѣдъ, а нынѣшнему мужику и чаю давай, и водки, и булки, и чтобы спать ему отъ зари до зари, и лѣчиться, и всякое баловство. А почему? Слабъ сталъ, силы въ немъ нѣтъ вытерпѣть. Онъ и радъ бы не спать, да глаза липнутъ — ничего не подѣлаешь.

— Это вѣрно, — согласился Мелитонъ. — Нестоющій нынче мужикъ.

— Нечего грѣха таить, плошаемъ изъ года въ годъ. Ежели теперича въ разсужденіи господъ, то тѣ пуще мужика ослабли. Нынѣшній баринъ все превзошелъ, такое знаетъ, чего бы и знать не надо, а что толку? Поглядѣть на него, такъ жалость беретъ... Худенькій, мозглявенькій, словно венгерецъ какой или французъ, ни важности въ немъ, ни вида — одно только званіе, что баринъ. Нѣтъ у него сердешнаго ни мѣста, ни дѣла, и не разберешь, что ему надо. Али оно съ удочкой сидитъ и рыбку ловитъ, али оно лежитъ вверхъ пузомъ и книжку читаетъ, али промежъ мужиковъ топчется и разныя слова говоритъ, а которое голодное, то въ писаря нанимается. Такъ и живетъ пустякомъ, и нѣтъ того въ умѣ, чтобы себя къ настоящему дѣлу приспособить. Прежніе баре наполовину генералы были, а нынѣшніе — сплошной мездрюшка!

— Обѣдняли сильно, — сказалъ Мелитонъ.

— Потому и обѣдняли, что Богъ силу отнялъ. Супротивъ Бога-то не пойдешь.

Мелитонъ опять уставился въ одну точку. Подумавъ немного, онъ вздохнулъ, какъ вздыхаютъ степенные, разсудительные люди, покачалъ головой и сказалъ:

— А все отчего? Грѣшимъ много, Бога забыли... и такое, значитъ, время подошло, чтобы всему конецъ. И то сказать, не вѣкъ же міру вѣковать — пора и честь знать.

Пастухъ вздохнулъ и, какъ бы желая пре-

кратить непріятный разговоръ, отошелъ отъ березы и сталъ считать глазами коровъ.

— Ге-ге-гей! — крикнулъ онъ. — Ге-ге-гей! А чтобъ васъ, нѣтъ на васъ переводу! Занесла въ чепыгу нечистая сила! Тю-лю-лю!

Онъ сдѣлалъ сердитое лицо и пошелъ къ кустамъ собирать стадо. Мелитонъ поднялся и тихо побрелъ по опушкѣ. Онъ глядѣлъ себѣ подъ ноги и думалъ; ему все еще хотѣлось вспомнить хоть что-нибудь, чего еще не коснулась бы смерть. По косымъ дождевымъ полосамъ опять поползли свѣтлыя пятна; они прыгнули на верхушки лѣса и угасли въ мокрой листвѣ. Дамка нашла подъ кустомъ ежа и, желая обратить на него вниманіе хозяина, подняла воющій лай.

— Было у васъ затменіе, аль нѣтъ? — крикнулъ изъ-за кустовъ пастухъ.

— Было! — отвѣтилъ Мелитонъ.

— Такъ. Вездѣ народъ жалуется, что было. Значитъ, братушка, и въ небѣ непорядокъ-то! Недаромъ оно... Ге-ге-гей! гей!

Согнавъ стадо на опушку, пастухъ прислонился къ березѣ, поглядѣлъ на небо, не спѣша вытащилъ изъ-за пазухи свирѣль и заигралъ. Попрежнему игралъ онъ машинально и бралъ не больше пяти-шести нотъ; какъ будто свирѣль попала ему въ руки только первый разъ, звуки вылетали изъ нея нерѣшительно, въ безпорядкѣ, не сливаясь въ мотивъ, но Мелитону, думавшему о погибели міра, слышалось въ игрѣ что-то очень тоскливое и противное, чего бы онъ охотно не слушалъ. Самыя высокія пискливыя ноты, которыя дрожали и обрывались, казалось, неутѣш-

но плакали, точно свирѣль была больна и испугана, а самыя нижнія ноты почему-то напоминали туманъ, унылыя деревья, сѣрое небо. Такая музыка казалась къ лицу и погодѣ, и старику, и его рѣчамъ.

Мелитону захотѣлось жаловаться. Онъ подошелъ къ старику и, глядя на его грустное, насмѣшливое лицо и на свирѣль, забормоталъ:

— И жить хуже стало, дѣдъ. Совсѣмъ не въ моготу жить. Неурожаи, бѣдность . . . падежи то-и-дѣло, болѣзни . . . Одолѣла нужда.

Пухлое лицо приказчика побагровѣло и приняло тоскующее, бабье выраженіе. Онъ пошевелилъ пальцами, какъ бы ища словъ, чтобы передать свое неопредѣленное чувство, и продолжалъ:

— Восемь человѣкъ дѣтей, жена . . . и мать еще живая, а жалованья всего на всего десять рублей въ мѣсяцъ на своихъ харчахъ. Отъ бѣдности жена осатанѣла . . . самъ я запоемъ. Человѣкъ я разсудительный, степенный, образованіе имѣю. Мнѣ бы дома сидѣть, въ спокойствіи, а я цѣлый день, какъ собака, съ ружьемъ, потому нѣтъ никакой моей возможности: опротивѣлъ домъ!

Чувствуя, что языкъ бормочетъ вовсе не то, что хотѣлось бы высказать, приказчикъ махнулъ рукой и сказалъ съ горечью:

— Коли погибать міру, такъ ужъ скорѣй бы! Нечего канителить и людей попусту мучить . . .

Старикъ отнялъ отъ губъ свирѣль и, прищуривъ одинъ глазъ, поглядѣлъ въ ея малое отверстіе. Лицо его было грустное и, какъ сле-

зами, покрыто крупными брызгами. Онъ улыбнулся и сказалъ:

— Жалко, братушка! И, Боже, какъ жалко! Земля, лѣсъ, небо... тварь всякая — все вѣдь это сотворено, приспособлено, во всемъ умственность естъ. Пропадаетъ все ни за грошъ. А пуще всего людей жалко.

Въ лѣсу, приближаясь къ опушкѣ, зашумѣлъ крупный дождь. Мелитонъ поглядѣлъ въ сторону шума, застегнулся на всѣ пуговицы и сказалъ:

— Пойду на деревню. Прощай, дѣдъ. Тебя какъ звать?

— Лука Бѣдный!

— Ну, прощай, Лука! Спасибо на добромъ словѣ. Дамка, иси!

Простившись съ пастухомъ, Мелитонъ поплелся по опушкѣ, а потомъ внизъ по лугу, который постепенно переходилъ въ болото. Подъ ногами всхлипывала вода, и ржавая осока, все еще зеленая и сочная, склонялась къ землѣ, какъ бы боясь, что ее затопчутъ ногами. За болотомъ на берегу Песчанки, о которой говорилъ дѣдъ, стояли ивы, а за ивами въ туманѣ синѣла господская рига. Чувствовалась близость того несчастнаго, ничѣмъ не предотвратимаго времени, когда поля становятся темны, земля грязна и холодна, когда плакучая ива кажется еще печальнѣе, и по стволу ея ползутъ слезы, и лишь одни журавли уходятъ отъ общей бѣды, да и тѣ, точно боясь оскорбить унылую природу выраженіемъ своего счастья, оглашаютъ поднебесье грустной, тоскливой пѣсней.

Мелитонъ плелся къ рѣкѣ и слушалъ, какъ

позади него мало-по-малу замирали звуки свирѣли. Ему все еще хотѣлось жаловаться. Печально поглядывалъ онъ по сторонамъ, и ему становилось невыносимо жаль и небо, и землю, и солнце, и лѣсъ, и свою Дамку, а когда самая высокая нотка свирѣли пронеслась протяжно въ воздухѣ и задрожала, какъ голосъ плачущаго человѣка, ему стало чрезвычайно горько и обидно на непорядокъ, который замѣчался въ природѣ.

Высокая нотка задрожала, оборвалась, и свирѣль смолкла.

1887.

Перекати-поле

Путевой набросокъ

Я возвращался со всенощной. Часы на святогорской колокольнѣ, въ видѣ предисловія, проиграли свою тихую, мелодичную музыку и вслѣдъ за этимъ пробили двѣнадцать. Большой монастырскій дворъ, расположенный на берегу Донца, у подножія Святой Горы, и огороженный, какъ стѣною, высокими гостиными корпусами, теперь, въ ночное время, когда его освѣщали только тусклые фонари, огоньки въ окнахъ да звѣзды, представлялъ изъ себя живую кашу, полную движенія, звуковъ и оригинальнѣйшаго безпорядка. Весь онъ, отъ края до края, куда только хватало зрѣніе, былъ густо запруженъ всякаго рода телѣгами, кибитками, фургонами, арбами, колымагами, около которыхъ толпились темныя и бѣлыя лошади, рогатые волы, суетились люди, сновали во всѣ стороны черные, длиннополые послушники; по возамъ, по головамъ людей и лошадей двигались тѣни и полосы свѣта, бросаемыя изъ оконъ — и все это въ густыхъ сумеркахъ принимало самыя причудливыя, капризныя формы: то поднятыя оглобли вытягивались до неба, то на мордѣ лошади показывались огненные глаза, то у послушника вырастали черныя крылья... Слышались говоръ, фырканье и жеванье лошадей, дѣтскій пискъ, скрипъ. Въ ворота входили новыя толпы и въѣзжали запоздавшія телѣги.

Сосны, которыя громоздились на отвѣсной горѣ одна надъ другой и склонялись къ крышѣ гостинаго корпуса, глядѣли во дворъ, какъ въ глубокую яму, и удивленно прислушивались; въ ихъ темной чащѣ, не умолкая, кричали кукушки и соловьи... Глядя на сумятицу, прислушиваясь къ шуму, казалось, что въ этой живой кашѣ никто никого не понимаетъ, всѣ чего-то ищутъ и не находятъ, и что этой массѣ телѣгъ, кибитокъ и людей едва ли удастся когда-нибудь разъѣхаться.

Къ днямъ Іоанна Богослова и Николая Чудотворца въ Святыя Горы стеклось болѣе десяти тысячъ. Были биткомъ набиты не только гостиные корпуса, но даже пекарня, швальня, столярная, каретная... Тѣ, которые явились къ ночи, въ ожиданіи, пока имъ укажутъ мѣсто для ночлега, какъ осеннія мухи, жались у стѣнъ, у колодцевъ, или же въ узкихъ коридорчикахъ гостиницы. Послушники, молодые и старые, находились въ непрерывномъ движеніи безъ отдыха и безъ надежды на смѣну. Днемъ и позднею ночью они одинаково производили впечатлѣніе людей, куда-то спѣшащихъ и чѣмъ-то встревоженныхъ, лица ихъ, несмотря на крайнее изнеможеніе, одинаково были бодры и привѣтливы, голосъ ласковъ, движенія быстры... Каждому пріѣхавшему и пришедшему они должны были найти и указать мѣсто для ночлега, дать ему поѣсть и напиться; кто былъ глухъ, безтолковъ, или щедръ на вопросы, тому нужно было долго и мучительно объяснять, почему нѣтъ пустыхъ номеровъ, въ какіе часы бываетъ служба, гдѣ продаются просфоры и т. д. Нужно было

бѣгать, носить, неумолкаемо говорить, но мало того, нужно еще быть любезнымъ, тактичнымъ, стараться, чтобы маріупольскіе греки, живущіе комфортабельнѣе, чѣмъ хохлы, помѣщались не иначе, какъ съ греками, чтобы какая-нибудь бахмутская или лисичанская мѣщанка, одѣтая «благородно», не попала въ одно помѣщеніе съ мужиками и не обидѣлась. То-и-дѣло слышались возгласы: «Батюшка, благословите кваску! Благословите сѣнца!» Или же: — «Батюшка, можно мнѣ послѣ исповѣди воды напиться?» И послушникъ долженъ былъ выдавать квасъ, сѣна, или же отвѣчать: — «Обратитесь, матушка, къ духовнику. Мы не имѣемъ власти разрѣшать». Слѣдовалъ новый вопросъ: — «А гдѣ духовникъ?» И нужно было объяснять, гдѣ келія духовника... При такой хлопотливой дѣятельности хватало еще времени ходить въ церковь на службу, служить на дворянской половинѣ и пространно отвѣчать на массу праздныхъ и непраздныхъ вопросовъ, какими любятъ сыпать интеллигентные богомольцы. Приглядываясь къ нимъ въ теченіе сутокъ, трудно было понять, когда сидятъ и когда спятъ эти черныя, движущіяся фигуры.

Когда я, возвращаясь со всенощной, подошелъ къ корпусу, въ которомъ мнѣ было отведено помѣщеніе, на порогѣ стоялъ монахъ-гостиникъ, а возлѣ него толпилось на ступеняхъ нѣсколько мужчинъ и женщинъ въ городскомъ платьѣ.

— Господинъ, — остановилъ меня гостиникъ: — будьте добры, позвольте вотъ этому молодому человѣку переночевать въ вашемъ но-

мерѣ! Сдѣлайте милость! Народу много, а мѣстъ нѣтъ — просто бѣда!

И онъ указалъ на невысокую фигуру въ легкомъ пальто и въ соломенной шляпѣ. Я согласился, и мой случайный сожитель отправился за мной. Отпирая у своей двери висячій замочекъ, я всякій разъ, хочешь не хочешь, долженъ былъ смотрѣть на картину, висѣвшую у самаго косяка на уровнѣ моего лица. Эта картина, съ заглавіемъ «Размышленіе о смерти», изображала колѣнопреклоненнаго монаха, который глядѣлъ въ гробъ и на лежавшій въ немъ скелетъ, за спиной монаха стоялъ другой скелетъ покрупнѣе и съ косою.

— Кости такія не бываютъ, — сказалъ мой сожитель, указывая на то мѣсто скелета, гдѣ долженъ быть тазъ. — Вообще, знаете ли, духовная пища, которую подаютъ народу, не перваго сорта, — добавилъ онъ и испустилъ носомъ протяжный, очень печальный вздохъ, который долженъ былъ показать мнѣ, что я имѣю дѣло съ человѣкомъ, знающимъ толкъ въ духовной пищѣ.

Пока я искалъ спички и зажигалъ свѣчу, онъ еще разъ вздохнулъ и сказалъ:

— Въ Харьковѣ я нѣсколько разъ бывалъ въ анатомическомъ театрѣ и видѣлъ кости. Былъ даже въ мертвецкой. Я не стѣсняю васъ?

Мой номеръ былъ малъ и тѣсенъ, безъ стола и стульевъ, весь занятый комодомъ у окна, печью и двумя деревянными диванчиками, стоявшими у стѣнъ другъ противъ друга и отдѣленными узкимъ проходомъ. На диванчикахъ лежали тощіе, порыжѣвшіе матрасики и мои вещи. Дива-

новъ было два, — значитъ, номеръ предназначался для двоихъ, на что я и указалъ сожителю.

— Впрочемъ, скоро зазвонятъ къ обѣднѣ, — сказалъ онъ: — и мнѣ недолго придется стѣснять васъ.

Все еще думая, что онъ меня стѣсняетъ, и чувствуя неловкость, онъ виноватою походкою пробрался къ своему диванчику, виновато вздохнулъ и сѣлъ. Когда сальная свѣчка, кивая своимъ лѣнивымъ и тусклымъ огнемъ, достаточно разгорѣлась и освѣтила насъ обоихъ, я могъ уже разглядѣть его. Это былъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати двухъ, круглолицый, миловидный, съ темными дѣтскими глазами, одѣтый по-городски во все сѣренькое и дешевое и, какъ можно было судить по цвѣту лица и по узкимъ плечамъ, не знавшій физическаго труда. Типа онъ казался самаго неопредѣленнаго. Его нельзя было принять ни за студента, ни за торговаго человѣка, ни тѣмъ паче за рабочаго, а глядя на миловидное лицо и дѣтскіе, ласковые глаза, не хотѣлось думать, что это одинъ изъ тѣхъ праздношатаевъ-пройдохъ, которыми во всѣхъ общежительныхъ пустыняхъ, гдѣ кормятъ и даютъ ночлегъ, хоть прудъ пруди, и которые выдаютъ себя за семинаристовъ, исключенныхъ за правду, или за бывшихъ пѣвчихъ, потерявшихъ голосъ... Было въ его лицѣ что-то характерное, типичное, очень знакомое, но что именно, — я никакъ не могъ понять, ни вспомнить.

Онъ долго молчалъ и о чемъ-то думалъ. Вѣроятно, послѣ того, какъ я не оцѣнилъ его замѣчанія насчетъ костей и мертвецкой, ему казалось, что я сердитъ и не радъ его присут-

ствію. Вытащивъ изъ кармана колбасу, онъ повертѣлъ ее передъ глазами и сказалъ нерѣшительно:

— Извините, я васъ побезпокою... У васъ нѣтъ ножика?

Я далъ ему ножъ.

— Колбаса отвратительная, — поморщился онъ, отрѣзывая себѣ кусочекъ. — Въ здѣшней лавочкѣ продаютъ дрянь, но дерутъ ужасно... Я бы вамъ одолжилъ кусочекъ, но вы едва ли согласитесь кушать. Хотите?

Въ его «одолжилъ» и «кушать» слышалось тоже что-то типичное, имѣвшее очень много общаго съ характернымъ въ лицѣ, но что именно, я все еще не могъ никакъ понять. Чтобы внушить къ себѣ довѣріе и показать, что я вовсе не сержусь, я взялъ предложенный имъ кусочекъ. Колбаса, дѣйствительно, была ужасная; чтобы сладить съ ней, нужно было имѣть зубы хорошей цѣпной собаки. Работая челюстями, мы разговорились. Начали съ того, что пожаловались другъ другу на продолжительность службы.

— Здѣшній уставъ приближается къ аѳонскому, — сказалъ я: — но на Аѳонѣ обыкновенная всенощная продолжается 10 часовъ, а подъ большіе праздники — 14. Вотъ тамъ бы вамъ помолиться!

— Да! — сказалъ мой сожитель и покрутилъ головой. — Я здѣсь три недѣли живу. И знаете ли, каждый день служба, каждый день служба... Въ будни въ 12 часовъ звонятъ къ заутренѣ, въ 5 часовъ къ ранней обѣднѣ, въ 9 — къ поздней. Спать совсѣмъ невозможно. Днемъ же акаѳисты, правила, вечерни... А ко-

гда я говѣлъ, такъ просто падалъ отъ утомленія. — Онъ вздохнулъ и продолжалъ: — А не ходить въ церковь неловко... Даютъ монахи номеръ, кормятъ, и какъ-то, знаете ли, совѣстно не ходить. Оно ничего, день, два, пожалуй, можно постоять, но три недѣли тяжело! Очень тяжело! Вы надолго сюда?

— Завтра вечеромъ уѣзжаю.

— А я еще двѣ недѣли проживу.

— Но здѣсь, кажется, не принято такъ долго жить? — сказалъ я.

— Да, это вѣрно, кто здѣсь долго живетъ и объѣдаетъ монаховъ, того просятъ уѣхать. Судите сами, если позволить пролетаріямъ жить здѣсь сколько имъ угодно, то не останется ни одного свободнаго номера, и они весь монастырь съѣдятъ. Это вѣрно. Но для меня монахи дѣлаютъ исключеніе и, надѣюсь, еще не скоро меня отсюда прогонятъ. Я, знаете ли, новообращенный.

— То-есть?

— Я еврей, выкрестъ... Недавно принялъ православіе.

Теперь я уже понялъ то, чего раньше никакъ не могъ понять на его лицѣ: и толстыя губы, и манеру во время разговора приподнимать правый уголъ рта и правую бровь, и тотъ особенный маслянистый блескъ глазъ, который присущъ однимъ только семитамъ, понялъ я и «одолжилъ», и «кушать»... Изъ дальнѣйшаго разговора я узналъ, что его зовутъ Александромъ Иванычемъ, а раньше звали Исаакомъ, что онъ уроженецъ Могилевской губерніи и въ

Святыя Горы попалъ изъ Новочеркасска, гдѣ принималъ православіе.

Одолѣвъ колбасу, Александръ Иванычъ всталъ и, приподнявъ правую бровь, помолился на образъ. Бровь такъ и осталась приподнятой, когда онъ затѣмъ опять сѣлъ на диванчикъ и сталъ разсказывать мнѣ вкратцѣ свою длинную біографію.

— Съ самаго ранняго дѣтства я питалъ любовь къ ученію, — началъ онъ такимъ тономъ, какъ будто говорилъ не о себѣ, а о какомъ-то умершемъ великомъ человѣкѣ. — Мои родители — бѣдные евреи, занимаются грошевой торговлей, живутъ, знаете ли, по-нищенски, грязно. Вообще, весь народъ тамъ бѣдный и суевѣрный, ученія не любятъ, потому что образованіе, понятно, отдаляетъ человѣка отъ религіи... Фанатики страшные... Мои родители ни за что не хотѣли учить меня, а хотѣли, чтобы я тоже занялся торговлей и не зналъ ничего, кромѣ талмуда... Но всю жизнь биться изъ-за куска хлѣба, болтаясь въ грязи, жевать этотъ талмудъ, согласитесь, не всякій можетъ. Бывало, въ корчму къ папашѣ заѣзжали офицеры и помѣщики, которые разсказывали много такого, чего я тогда и во снѣ не видалъ, ну, конечно, было соблазнительно и разбирала зависть. Я плакалъ и просилъ, чтобы меня отдали въ школу, а меня выучили читать по-еврейски и больше ничего. Разъ я нашелъ русскую газету, принесъ ее домой, чтобы изъ нея сдѣлать змѣй, такъ меня побили за это, хотя я и не умѣлъ читать по-русски. Конечно, безъ фанатизма нельзя, потому что каждый народъ инстинктивно бережетъ свою

народность, но я тогда этого не зналъ и очень возмущался...

Сказавъ такую умную фразу, бывшій Исаакъ отъ удовольствія поднялъ правую бровь еще выше и поглядѣлъ на меня какъ-то бокомъ, какъ пѣтухъ на зерно, и съ такимъ видомъ, точно хотѣлъ сказать: «Теперь, наконецъ, вы убѣдились, что я умный человѣкъ?» Поговоривъ еще о фанатизмѣ и о своемъ непреодолимомъ стремленіи къ просвѣщенію, онъ продолжалъ:

— Что было дѣлать! Я взялъ и бѣжалъ въ Смоленскъ. А тамъ у меня былъ двоюродный братъ, который лудилъ посуду и дѣлалъ жестянки. Понятно, я нанялся къ нему въ подмастерья, такъ какъ жить мнѣ было нечѣмъ, ходилъ я босикомъ и оборванный... Думалъ такъ, что днемъ буду работать, а ночью и по субботамъ учиться. Я такъ и дѣлалъ, но узнала полиція, что я безъ паспорта, и отправила меня по этапу назадъ къ отцу...

Александръ Иванычъ пожалъ однимъ плечомъ и вздохнулъ.

— Что будешь дѣлать! — продолжалъ онъ, и чѣмъ ярче воскресало въ немъ прошлое, тѣмъ сильнѣе чувствовался въ его рѣчи еврейскій акцентъ. — Родители наказали меня и отдали дѣдушкѣ, старому еврею-фанатику, на исправленіе. Но я ночью ушелъ въ Шкловъ. А когда въ Шкловѣ ловилъ меня мой дядя, я пошелъ въ Могилевъ; тамъ пробылъ два дня и съ товарищемъ пошелъ въ Стародубъ.

Далѣе разсказчикъ перебралъ въ своихъ воспоминаніяхъ Гомель, Кіевъ, Бѣлую Церковь,

Умань, Балту, Бендеры и, наконецъ, добрался до Одессы.

— Въ Одессѣ я цѣлую недѣлю ходилъ безъ дѣла и голодный, пока меня не приняли евреи, которые ходятъ по городу и покупаютъ старое платье. Я ужъ умѣлъ тогда читать и писать, зналъ ариѳметику до дробей и хотѣлъ поступить куда-нибудь учиться, но не было средствъ. Что дѣлать! Полгода ходилъ я по Одессѣ и покупалъ старое платье, но евреи, мошенники, не дали мнѣ жалованья, я обидѣлся и ушелъ. Потомъ на пароходѣ я уѣхалъ въ Перекопъ.

— Зачѣмъ?

— Такъ. Одинъ грекъ обѣщалъ мнѣ дать тамъ мѣсто. Однимъ словомъ, до 16-ти лѣтъ ходилъ я такъ, безъ опредѣленнаго дѣла и безъ почвы, пока не попалъ въ Полтаву. Тутъ одинъ студентъ-еврей узналъ, что я желаю учиться, и далъ мнѣ письмо къ харьковскимъ студентамъ. Конечно, я пошелъ въ Харьковъ. Студенты посовѣтовались и начали готовить меня въ техническое училище. И знаете, я вамъ скажу, студенты мнѣ попались такіе, что я не забуду ихъ до самой смерти. Не говорю ужъ про то, что они дали мнѣ квартиру и кусокъ хлѣба, они поставили меня на настоящую дорогу, заставили меня мыслить, указали цѣль жизни. Между ними были умные, замѣчательные люди, которые ужъ и теперь извѣстны. Напримѣръ, вы слыхали про Грумахера?

— Нѣтъ, не слыхалъ.

— Не слыхали... Писалъ очень умныя статьи въ харьковскихъ газетахъ и готовился въ профессора. Ну, я много читалъ, участво-

валъ въ студенческихъ кружкахъ, гдѣ не услышишь пошлостей. Приготовлялся я полгода, но такъ какъ для техническаго училища нужно знать весь гимназическій курсъ математики, то Грумахеръ посовѣтовалъ мнѣ готовиться въ ветеринарный институтъ, куда принимаютъ изъ шестого класса гимназіи. Конечно, я сталъ готовиться. Я не желалъ быть ветеринаромъ, но мнѣ говорили, что кончившихъ курсъ въ институтѣ принимаютъ безъ экзамена на третій курсъ медицинскаго факультета. Я выучилъ всего Кюнера, ужъ читалъ аливруверъ Корнелія Непота и по греческому языку прошелъ почти всего Курціуса, но, знаете ли, то да се... студенты разъѣхались, неопредѣленность положенія, а тутъ еще я услыхалъ, что пріѣхала моя мамаша и ищетъ меня по всему Харькову. Тогда я взялъ и уѣхалъ. Что будешь дѣлать! Но къ счастью, я узналъ, что здѣсь на донецкой дорогѣ есть горное училище. Отчего не поступить? Вѣдь вы знаете, горное училище даетъ права штегера — должность великолѣпная, а я знаю шахты, гдѣ штегера получаютъ полторы тысячи въ годъ. Отлично... Я поступилъ.

Александръ Иванычъ съ выраженіемъ благоговѣйнаго страха на лицѣ перечислилъ дюжины двѣ замысловатыхъ наукъ, преподаваемыхъ въ горномъ училищѣ, и описалъ самое училище, устройство шахтъ, положеніе рабочихъ... Затѣмъ онъ разсказалъ страшную исторію, похожую на вымыселъ, но которой я не могъ не повѣрить, потому что ужъ слишкомъ искрененъ былъ тонъ разсказчика и слишкомъ откровенно выраженіе ужаса на его семитическомъ лицѣ.

— А во время практическихъ занятій, какой однажды былъ со мной случай! — разсказывалъ онъ, поднявъ обѣ брови. — Былъ я на однѣхъ шахтахъ тутъ, въ Донецкомъ округѣ. А вы вѣдь видѣли, какъ люди спускаются въ самый рудникъ. Помните, когда гонятъ лошадь и приводятъ въ движеніе воротъ, то по блоку одна бадья спускается въ рудникъ, а другая поднимается, когда же начнутъ поднимать первую, тогда опускается вторая — все равно, какъ въ колодцѣ съ двумя ушатами. Ну, сѣлъ я однажды въ бадью, начинаю спускаться внизъ, и можете себѣ представить, вдругъ слышу — трррр! Цѣпь разорвалась и я полетѣлъ къ чорту вмѣстѣ съ бадьей и обрывкомъ цѣпи... Упалъ съ трехсаженной вышины прямо грудью и животомъ, а бадья, какъ болѣе тяжелая вещь, упала раньше меня и я ударился вотъ этимъ плечомъ объ ея ребро. Лежу, знаете, огорошенный, думаю, что убился на смерть, и вдругъ вижу — новая бѣда: другая бадья, что поднималась вверхъ, потеряла противовѣсъ и съ грохотомъ опускается внизъ прямо на меня... Что будете дѣлать? Видя такой фактъ, я прижался къ стѣнѣ, съежился, жду что вотъ-вотъ сейчасъ эта бадья со всего размаха трахнетъ меня по головѣ, вспоминаю папашу и мамашу, и Могилевъ, и Грумахера... молюсь Богу, но къ счастью... Даже вспомнить страшно.

Александръ Иванычъ насильно улыбнулся и вытеръ ладонью лобъ.

— Но къ счастью, она упала возлѣ и только слегка зацѣпила этотъ бокъ... Содрала, знаете, съ этого бока сюртукъ, сорочку и кожу... Сила

страшная. Потомъ я былъ безъ чувствъ. Меня вытащили и отправили въ больницу. Лѣчился я четыре мѣсяца, и доктора сказали, что у меня будетъ чахотка. Я теперь всегда кашляю, грудь болитъ и страшное психологическое разстройство... Когда я остаюсь одинъ въ комнатѣ, мнѣ бываетъ очень страшно. Конечно, при такомъ здоровьѣ уже нельзя быть штегеромъ. Пришлось бросить горное училище...

— А теперь чѣмъ вы занимаетесь? — спросилъ я.

— Я держалъ экзаменъ на сельскаго учителя. Теперь вѣдь я православный и имѣю право быть учителемъ. Въ Новочеркасскѣ, гдѣ я крестился, во мнѣ приняли большое участіе и обѣщали мѣсто въ церковно-приходской школѣ. Черезъ двѣ недѣли поѣду туда и опять буду просить.

Александръ Иванычъ снялъ пальто и остался въ одной сорочкѣ съ вышитымъ русскимъ воротомъ и съ шерстянымъ поясомъ.

— Спать пора, — сказалъ онъ, кладя въ изголовье свое пальто и зѣвая. — Я, знаете ли, до послѣдняго времени совсѣмъ не зналъ Бога. Я былъ атеистъ. Когда лежалъ въ больницѣ, я вспомнилъ о религіи и началъ думать на эту тему. По моему мнѣнію, для мыслящаго человѣка возможна только одна религія, а именно христіанская. Если не вѣришь въ Христа, то ужъ больше не во что вѣрить... Не правда ли? Іудаизмъ отжилъ свой вѣкъ и держится еще только благодаря особенностямъ еврейскаго племени. Когда цивилизація коснется евреевъ, то изъ іудаизма не останется и слѣда. Вы замѣтьте, всѣ

молодые евреи уже атеисты. Новый Завѣтъ есть естественное продолженіе Ветхаго. Не правда ли?

Я сталъ вывѣдывать у него причины, побудившія его на такой серьезный и смѣлый шагъ, какъ перемѣна религіи, но онъ твердилъ мнѣ только одно, что «Новый Завѣтъ есть естественное продолженіе Ветхаго» — фразу, очевидно, чужую и заученную, и которая совсѣмъ не разъясняла вопроса. Какъ я ни бился и ни хитрилъ, причины остались для меня темными. Если можно было вѣрить, что онъ, какъ утверждалъ, принялъ православіе по убѣжденію, то въ чемъ состояло и на чемъ зиждилось это убѣжденіе — изъ его словъ понять было невозможно; предположить же, что онъ перемѣнилъ вѣру ради выгоды, было тоже нельзя: дешевая, поношенная одежонка, проживаніе на монастырскихъ хлѣбахъ и неопредѣленное будущее мало походили на выгоды. Оставалось только помириться на мысли, что перемѣнить религію побудилъ моего сожителя тотъ же самый безпокойный духъ, который бросалъ его, какъ щепку, изъ города въ городъ, и который онъ, по общепринятому шаблону, называлъ стремленіемъ къ просвѣщенію.

Передъ тѣмъ какъ ложиться спать, я вышелъ въ коридоръ, чтобы напиться воды. Когда я вернулся, мой сожитель стоялъ среди номера и испуганно глядѣлъ на меня. Лицо его было блѣдно-сѣро и на лбу блестѣлъ потъ.

— У меня ужасно нервы разстроены, — пробормоталъ онъ, болѣзненно улыбаясь: — ужасно! Сильное психологическое разстройство. Впрочемъ, все это пустяки.

И онъ опять сталъ толковать о томъ, что Но-

вый Завѣтъ есть естественное продолженіе Ветхаго, что іудаизмъ отжилъ свой вѣкъ. Подбирая фразы, онъ какъ будто старался собрать всѣ силы своего убѣжденія и заглушить ими безпокойство души, доказать себѣ, что, перемѣнивъ религію отцовъ, онъ не сдѣлалъ ничего страшнаго и особеннаго, а поступилъ, какъ человѣкъ мыслящій и свободный отъ предразсудковъ, и что поэтому онъ смѣло можетъ оставаться въ комнатѣ одинъ на одинъ со своею совѣстью. Онъ убѣждалъ себя и глазами просилъ у меня помощи...

Между тѣмъ на сальной свѣчкѣ нагорѣлъ большой, неуклюжій фитиль. Уже свѣтало. Въ хмурое, посинѣвшее окошко видны были уже оба берега Донца и дубовая роща за рѣкой. Нужно было спать.

— Завтра здѣсь будетъ очень интересно, — сказалъ мой сожитель, когда я потушилъ свѣчку и легъ. — Послѣ ранней обѣдни крестный ходъ поѣдетъ на лодкахъ изъ монастыря въ скитъ.

Поднявъ правую бровь и склонивъ голову на бокъ, онъ помолился образу и, не раздѣваясь, легъ на свой диванчикъ.

— Да, — сказалъ онъ, повернувшись на другой бокъ.

— Что — да? — спросилъ я.

— Когда я въ Новочеркасскѣ принялъ православіе, моя мамаша искала меня въ Ростовѣ. Она чувствовала, что я хочу перемѣнить вѣру. — Онъ вздохнулъ и продолжалъ: — Уже шесть лѣтъ, какъ я не былъ тамъ, въ Могилевской губерніи. Сестра, должно быть, уже замужъ вышла.

Помолчавъ немного и видя, что я еще не

уснулъ, онъ сталъ тихо говорить о томъ, что скоро, слава Богу, ему дадутъ мѣсто, и онъ, наконецъ, будетъ имѣть свой уголъ, опредѣленное положенiе, опредѣленную пищу на каждый день... Я же, засыпая, думалъ, что этотъ человѣкъ никогда не будетъ имѣть ни своего угла, ни опредѣленнаго положенiя, ни опредѣленной пищи. Объ учительскомъ мѣстѣ онъ мечталъ вслухъ, какъ объ обѣтованной землѣ; подобно большинству людей, онъ питалъ предубѣжденiе къ скитальчеству и считалъ его чѣмъ-то необыкновеннымъ, чуждымъ и случайнымъ, какъ болѣзнь, и искалъ спасенiя въ обыкновенной будничной жизни. Въ тонѣ его голоса слышались сознанiе своей ненормальности и сожалѣнiе. Онъ какъ будто оправдывался и извинялся.

Не далѣе какъ на аршинъ отъ меня лежалъ скиталецъ; за стѣнами въ номерахъ и во дворѣ, около телѣгъ, среди богомольцевъ не одна сотня такихъ же скитальцевъ ожидала утра, а еще дальше, если сумѣть представить себѣ всю русскую землю, какое множество такихъ же перекати-поле, ища гдѣ лучше, шагало теперь по большимъ и проселочнымъ дорогамъ или, въ ожиданiи разсвѣта, дремало въ постоялыхъ дворахъ, корчмахъ, гостиницахъ, на травѣ подъ небомъ... Засыпая, я воображалъ себѣ, какъ бы удивились и, быть можетъ, даже обрадовались всѣ эти люди, если бы нашлись разумъ и языкъ, которые сумѣли бы доказать имъ, что ихъ жизнь такъ же мало нуждается въ оправданiи, какъ и всякая другая.

Во снѣ я слышалъ, какъ за дверями жалобно, точно заливаясь горючими слезами, про-

звонилъ колокольчикъ, и послушникъ прокричалъ нѣсколько разъ:

— Господи Іисусе Христе Сыне Божій, помилуй насъ! Пожалуйте къ обѣднѣ!

Когда я проснулся, моего сожителя уже не было въ номерѣ. Было солнечно и за окномъ шумѣлъ народъ. Выйдя, я узналъ, что обѣдня уже кончилась и крестный ходъ давно уже отправился въ скитъ. Народъ толпами бродилъ по берегу и, чувствуя себя празднымъ, не зналъ, чѣмъ занять себя; ѣсть и пить было нельзя, такъ какъ въ скиту еще не кончилась поздняя обѣдня; монастырскія лавки, гдѣ богомольцы такъ любятъ толкаться и прицѣниваться, были еще заперты. Многіе, несмотря на утомленіе, отъ скуки брели въ скитъ. Тропинка отъ монастыря до скита, куда я отправился, змѣей вилась по высокому крутому берегу то вверхъ, то внизъ, огибая дубы и сосны. Внизу блестѣлъ Донецъ и отражалъ въ себѣ солнце, вверху бѣлѣлъ мѣловой скалистый берегъ и ярко зеленѣла на немъ молодая зелень дубовъ и сосенъ, которые, нависая другъ надъ другомъ, какъ-то ухитряются расти почти на отвѣсной скалѣ и не падать. По тропинкѣ гуськомъ тянулись богомольцы. Всего больше было хохловъ изъ сосѣднихъ уѣздовъ, но было много и дальнихъ, пришедшихъ пѣшкомъ изъ Курской и Орловской губерній; въ пестрой вереницѣ попадались и маріупольскіе греки-хуторяне, сильные, степенные и ласковые люди, далеко непохожіе на тѣхъ своихъ хилыхъ и вырождающихся единоплеменниковъ, которые наполняютъ наши южные приморскіе города; были тутъ и донцы съ красными лампасами, и таври-

чане, выселенцы изъ Таврической губерніи. Было здѣсь много богомольцевъ и неопредѣленнаго типа, въ родѣ моего Александра Иваныча: что они за люди и откуда, нельзя было понять ни по лицамъ, ни по одеждѣ, ни по рѣчамъ.

Тропинка оканчивалась у маленькаго плота, отъ котораго, прорѣзывая гору, шло влѣво къ скиту неширокое шоссе. У плота стояли двѣ большія, тяжелыя лодки, угрюмаго вида, въ родѣ тѣхъ новозеландскихъ пирогъ, которыя можно видѣть въ книгахъ Жюля Верна. Одна лодка, съ коврами на скамьяхъ, предназначалась для духовенства и пѣвчихъ, другая безъ ковровъ — для публики. Когда крестный ходъ плылъ обратно въ монастырь, я находился въ числѣ избранныхъ, сумѣвшихъ протискаться во вторую. Избранныхъ набралось такъ много, что лодка еле двигалась, и всю дорогу приходилось стоять, не шевелиться и спасать свою шляпу отъ ломки. Путь казался прекраснымъ. Оба берега — одинъ высокій, крутой, бѣлый съ нависшими соснами и дубами, съ народомъ, спѣшившимъ обратно по тропинкѣ, и другой — отлогій, съ зелеными лугами и дубовой рощей, — залитые свѣтомъ, имѣли такой счастливый и восторженный видъ, какъ будто только имъ однимъ было обязано майское утро своею прелестью. Отраженіе солнца въ быстро текущемъ Донцѣ дрожало, расползалось во всѣ стороны, и его длинные лучи играли на ризахъ духовенства, на хоругвяхъ, въ брызгахъ, бросаемыхъ веслами. Пѣніе пасхальнаго канона, колокольный звонъ, удары веселъ по водѣ, крикъ птицъ — все это мѣшалось въ воздухѣ въ нѣчто гармоническое и нѣжное. Лодка съ

духовенствомъ и хоругвями плыла впереди. На ея кормѣ, неподвижно, какъ статуя, стоялъ черный послушникъ.

Когда крестный ходъ приближался къ монастырю, я замѣтилъ среди избранныхъ Александра Иваныча. Онъ стоялъ впереди всѣхъ и, раскрывъ ротъ отъ удовольствія, поднявъ вверхъ правую бровь, глядѣлъ на процессію. Лицо его сіяло; вѣроятно, въ эти минуты, когда кругомъ было столько народу и такъ свѣтло, онъ былъ доволенъ и собой, и новой вѣрой, и своею совѣстью.

Когда, немного погодя, мы сидѣли въ номерѣ и пили чай, онъ все еще сіялъ довольствомъ; лицо его говорило, что онъ доволенъ и чаемъ, и мной, вполнѣ цѣнитъ мою интеллигентность, но что и самъ не ударитъ лицомъ въ грязь, если рѣчь зайдетъ о чемъ-нибудь этакомъ...

— Скажите, какую бы мнѣ почитать психологію? — началъ онъ умный разговоръ, сильно морща носъ.

— А для чего вамъ?

— Безъ знанія психологіи нельзя быть учителемъ. Прежде чѣмъ учить мальчика, я долженъ узнать его душу.

Я сказалъ ему, что одной психологіи мало для того, чтобы узнать душу мальчика, и къ тому же психологія для такого педагога, который еще не усвоилъ себѣ техническихъ пріемовъ обученія грамотѣ и ариѳметикѣ, является такою же роскошью, какъ высшая математика. Онъ охотно согласился со мной и сталъ описывать, какъ тяжела и отвѣтственна должность

учителя, какъ трудно искоренить въ мальчикѣ наклонность къ злу и суевѣрію, заставить его мыслить самостоятельно и честно, внушить ему истинную религію, идею личности, свободы и проч. Въ отвѣтъ на это я сказалъ ему что-то. Онъ опять согласился. Вообще онъ очень охотно соглашался. Очевидно, все «умное» непрочно сидѣло въ его головѣ.

До самаго моего отъѣзда мы вмѣстѣ слонялись около монастыря и коротали длинный, жаркій день. Онъ не отставалъ отъ меня ни на шагъ; привязался ли онъ ко мнѣ, или же боялся одиночества, Богъ его знаетъ! Помню, мы сидѣли вмѣстѣ подъ кустами желтой акаціи въ одномъ изъ садиковъ, разбросанныхъ по горѣ.

— Черезъ двѣ недѣли я уйду отсюда, — сказалъ онъ. — Пора!

— Вы пѣшкомъ?

— Отсюда до Славянска пѣшкомъ, потомъ по желѣзной дорогѣ до Никитовки. Отъ Никитовки начинается вѣтвь донецкой дороги. По этой вѣтви я до Хацепетовки дойду пѣшкомъ, а тамъ дальше провезетъ меня знакомый кондукторъ.

Я вспомнилъ голую, пустынную степь между Никитовкой и Хацепетовкой и вообразилъ себѣ шагающаго по ней Александра Иваныча съ его сомнѣніями, тоской по родинѣ и страхомъ одиночества... Онъ прочелъ на моемъ лицѣ скуку и вздохнулъ.

«А сестра, должно быть, уже замужъ вышла!» — подумалъ онъ вслухъ и тотчасъ же, желая отвязаться отъ грустныхъ мыслей, указалъ на верхушку скалы и сказалъ:

— Съ этой горы Изюмъ видно.

Во время прогулки по горѣ съ нимъ случилось маленькое несчастье: вѣроятно спотыкнувшись, онъ порвалъ свои сарпинковыя брюки и сбилъ съ башмака подошву.

— Тс... — поморщился онъ, снимая башмакъ и показывая босую ногу безъ чулка. — Непріятно... Это, знаете ли, такое осложненіе, которое... Да!

Вертя передъ глазами башмакъ и какъ бы не вѣря, что подошва погибла навѣки, онъ долго морщился, вздыхалъ и причмокивалъ. У меня въ чемоданѣ были полуштиблеты старые, но модные, съ острыми носами и тесемками; я бралъ ихъ съ собою на всякій случай и носилъ только въ сырую погоду. Вернувшись въ номеръ, я придумалъ фразу подипломатичнѣе и предложилъ ему эти полуштиблеты. Онъ принялъ и сказалъ важно:

— Я бы поблагодарилъ васъ, но знаю, что вы благодарность считаете предразсудкомъ.

Острые носы и тесемки полуштиблетовъ растрогали его, какъ ребенка, и даже измѣнили его планы.

— Теперь я пойду въ Новочеркасскъ не черезъ двѣ недѣли, а черезъ недѣлю, — размышлялъ онъ вслухъ. — Въ такихъ башмакахъ не совѣстно будетъ явиться къ крестному папашѣ. Я собственно не уѣзжалъ отсюда потому, что у меня приличной одежи нѣтъ...

Когда ямщикъ выносилъ мой чемоданъ, вошелъ послушникъ съ хорошимъ насмѣшливымъ лицомъ, чтобы подмести въ номерѣ. Александръ

Иванычъ какъ-то заторопился, сконфузился и робко спросилъ у него:

— Мнѣ здѣсь оставаться, или въ другое мѣсто идти?

Онъ не рѣшался занять своею особою цѣлый номеръ и, повидимому, уже стыдился того, что жилъ на монастырскихъ хлѣбахъ. Ему очень не хотѣлось разставаться со мной; чтобы по возможности отдалить одиночество, онъ попросилъ позволенія проводить меня.

Дорога изъ монастыря, прорытая въ мѣловой горѣ и стоившая не малыхъ трудовъ, шла вверхъ, въ объѣздъ горы, почти спирально, по корнямъ, подъ нависшими суровыми соснами... Сначала скрылся съ глазъ Донецъ, за нимъ монастырскій дворъ съ тысячами людей, потомъ зеленыя крыши... Оттого, что я поднимался, все казалось мнѣ исчезавшимъ въ ямѣ. Соборный крестъ, раскаленный отъ лучей заходящаго солнца, ярко сверкнулъ въ пропасти и исчезъ. Остались одни только сосны, дубы и бѣлая дорога. Но вотъ коляска въѣхала на ровное поле, и все это осталось внизу и позади; Александръ Иванычъ спрыгнулъ и, грустно улыбнувшись, взглянулъ на меня въ послѣдній разъ своими дѣтскими глазами, сталъ спускаться внизъ и исчезъ для меня навсегда...

Святогорскія впечатлѣнія стали уже воспоминаніями, и я видѣлъ новое: ровное поле, бѣловато-бурую даль, рощицу у дороги, а за нею вѣтряную мельницу, которая стояла не шевелясь и, казалось, скучала оттого, что по случаю праздника ей не позволяютъ махать крыльями.

1887.

Задача

Чтобы фамильная тайна Усковыхъ не проскользнула какъ-нибудь изъ дома на улицу, приняты строжайшія мѣры. Одна половина прислуги отпущена въ театръ и въ циркъ, другая — безвыходно сидитъ въ кухнѣ. Отданъ приказъ никого не принимать. Жена дяди-полковника, ея сестра и гувернантка, хотя и посвящены въ тайну, но дѣлаютъ видъ, что ничего не знаютъ; онѣ сидятъ въ столовой и не показываются ни въ гостиную, ни въ залу.

Саша Усковъ, молодой человѣкъ 25-ти лѣтъ, изъ-за котораго весь сыръ-боръ загорѣлся, давно уже пришелъ и, какъ совѣтовалъ ему его заступникъ, дядя по матери, добрѣйшій Иванъ Марковичъ, смиренно сидитъ въ залѣ около двери, идущей въ кабинетъ, и готовитъ себя къ откровенному, искреннему объясненію.

За дверью въ кабинетѣ происходитъ семейный совѣтъ. Разговоръ идетъ на очень непріятную и щекотливую тему. Дѣло въ томъ, что Саша Усковъ учелъ въ одной изъ банкирскихъ конторъ фальшивый вексель, которому три дня тому назадъ минулъ срокъ, и теперь двое дядей по отцу и Иванъ Марковичъ — дядя по матери — рѣшаютъ задачу: заплатить ли имъ по векселю и спасти фамильную честь, или же умыть руки и предоставить дѣло судебной власти?

Для людей постороннихъ и не заинтересо-

ванныхъ подобные вопросы представляются легкими; для тѣхъ же, на долю которыхъ выпадаетъ несчастье рѣшать ихъ серьезно, они чрезвычайно трудны. Дяди говорятъ уже давно, но рѣшеніе задачи не подвинулось впередъ ни на шагъ.

— Господа! — говоритъ дядя-полковникъ, и въ голосѣ его слышатся утомленіе и горечь. — Господа, кто говоритъ, что фамильная честь предразсудокъ? Я этого вовсе не говорю. Я только предостерегаю васъ отъ ложнаго взгляда, указываю на возможность непростительной ошибки. Какъ вы этого не поймете? Вѣдь я не по-китайски говорю, а по-русски!

— Голубчикъ, мы понимаемъ, — кротко заявляетъ Иванъ Марковичъ.

— Какъ же вы понимаете, если говорите, что я отрицаю фамильную честь? Повторяю еще разъ: фа-миль-ная честь, лож-но по-ни-ма-е-мая, есть предразсудокъ. Ложно понимаемая! Вотъ что я говорю! Изъ какихъ бы то ни было побужденій укрывать и оставлять безнаказаннымъ мошенника, кто бы онъ ни былъ, это противозаконно и недостойно порядочнаго человѣка, это — не спасеніе фамильной чести, а гражданская трусость! Возьмите вы въ примѣръ армію... Честь арміи для насъ дороже всякихъ другихъ честей, однако же мы не укрываемъ своихъ преступныхъ членовъ, а судимъ ихъ. И что же? Развѣ отъ этого страдаетъ честь арміи? Напротивъ!

Другой дядя по отцу, чиновникъ казенной палаты, человѣкъ молчаливый, недалекій и ревматическій, молчитъ, или же говоритъ только о томъ, что въ случаѣ возникновенія процесса

фамилія Усковыхъ попадетъ въ газеты; по его мнѣнію, дѣло слѣдуетъ потушить въ самомъ началѣ и не предавать его огласкѣ, но, кромѣ ссылокъ на газеты, онъ ничѣмъ другимъ не поясняетъ этого своего мнѣнія.

Дядя по матери, добрѣйшій Иванъ Марковичъ, говоритъ плавно, мягко и съ дрожью въ голосѣ. Начинаетъ онъ съ того, что молодость имѣетъ свои права и что ей свойственны увлеченія. Кто изъ насъ не былъ молодъ и кто не увлекался? Не говоря ужъ объ обыкновенныхъ смертныхъ, даже великіе умы въ молодости не избѣгали увлеченій и ошибокъ. Возьмите, напримѣръ, біографіи великихъ писателей. Кто изъ нихъ, будучи молодымъ, не проигрывалъ, не пропивалъ, не навлекалъ на себя гнѣва людей здравомыслящихъ? Если же увлеченіе Саши граничитъ съ преступленіемъ, то нужно принять во вниманіе, что онъ, Саша, не получилъ почти никакого образованія: его исключили изъ пятаго класса гимназіи. Родителей лишился онъ въ раннемъ дѣтствѣ и такимъ образомъ въ самомъ нѣжномъ возрастѣ былъ лишенъ надзора и хорошихъ, благотворныхъ вліяній. Человѣкъ онъ нервный, легко возбуждающійся, не имѣющій подъ собою почвы, а главное — обойденный счастьемъ. Если и виновенъ онъ, то во всякомъ случаѣ заслуживаетъ снисхожденія и участія всѣхъ сострадательныхъ душъ. Наказать его, конечно, слѣдуетъ, но онъ и такъ уже наказанъ своею совѣстью и мученіями, которыя онъ переживаетъ теперь, ожидая приговора своихъ родственниковъ. Сравненіе съ арміей, которое сдѣлалъ полковникъ, прелестно и дѣлаетъ

честь его высокому уму; призывъ къ гражданскому чувству говоритъ о благородствѣ его души, но не надо забывать, что гражданинъ въ каждомъ отдѣльномъ индивидуумѣ тѣсно связанъ съ христіаниномъ...

— Нарушимъ ли мы гражданскій долгъ, — вдохновенно восклицаетъ Иванъ Марковичъ: — если вмѣсто того, чтобы казнить преступника-мальчика, мы протянемъ ему руку помощи?

Далѣе Иванъ Марковичъ говоритъ о фамильной чести. Самъ онъ не имѣетъ чести принадлежать къ роду Усковыхъ, но отлично знаетъ, что этотъ знаменитый родъ ведетъ свое начало съ XIII вѣка; онъ также ни на минуту не забываетъ, что его незабвенная, горячо любимая сестра была женою одного изъ представителей этого рода. Однимъ словомъ, этотъ родъ для него дорогъ по многимъ причинамъ, и онъ не допускаетъ мысли, чтобы изъ-за какихъ-нибудь тысячи пятисотъ рублей упала тѣнь на стоящее внѣ всякой цѣны геральдическое дерево. Если всѣ изложенные мотивы недостаточно убѣдительны, то въ заключеніе онъ, Иванъ Марковичъ, предлагаетъ слушателямъ уяснить себѣ: что такое собственно преступленіе? Преступленіе есть безнравственное дѣйствіе, имѣющее въ своемъ основаніи злую волю. Но свободна ли человѣческая воля? На этотъ вопросъ наука еще не дала положительнаго отвѣта. Ученые держатся различныхъ взглядовъ. Напримѣръ: новѣйшая школа Ломброзо не признаетъ свободной воли и каждое преступленіе считаетъ продуктомъ чисто анатомическихъ особенностей индивидуума.

— Иванъ Марковичъ! — говоритъ умоляюще полковникъ. — Мы говоримъ серьезно, о важномъ дѣлѣ, а вы — Ломброзо! Умный человѣкъ, подумайте: для чего вы все это говорите? Неужели вы думаете, что всѣ эти погремушки и ваша риторика дадутъ намъ отвѣтъ на вопросъ?

Саша Усковъ сидитъ у двери и слушаетъ. Онъ не чувствуетъ ни страха, ни стыда, ни скуки, а одну только усталость и душевную пустоту. Ему кажется, что для него рѣшительно все равно: простятъ его, или не простятъ; пришелъ же онъ сюда ждать приговора и объясняться только потому, что его упросилъ придти добрѣйшій Иванъ Марковичъ. Будущаго онъ не боится. Для него все равно, гдѣ ни быть: здѣсь ли въ залѣ, въ тюрьмѣ ли, въ Сибири ли.

«Сибирь такъ Сибирь — чортъ съ ней!»

Жизнь надоѣла и стала невыносимо тяжелой. Онъ невылазно запутался въ долгахъ, въ карманахъ у него ни гроша, родня опротивѣла, съ пріятелями и съ женщинами рано или поздно придется разстаться, такъ какъ они ужъ слишкомъ презрительно стали относиться къ его прихлебательской роли. Будущее пасмурно.

Саша равнодушенъ, и волнуетъ его только одно обстоятельство, а именно: за дверью величаютъ его негодяемъ и преступникомъ. Каждую минуту онъ готовъ вскочить, ворваться въ кабинетъ и въ отвѣтъ на противный, металлическій голосъ полковника крикнуть:

— Вы лжете!

Преступникъ — слово страшное. Такъ называются убійцы, воры, грабители, вообще люди злые и нравственно отпѣтые. А Саша слишкомъ

далекъ отъ всего этого... Правда, онъ много долженъ и не платитъ долговъ. Но вѣдь долгъ — не преступленіе, и рѣдкій человѣкъ не долженъ. Полковникъ и Иванъ Марковичъ — оба въ долгахъ...

«Въ чемъ же я еще грѣшенъ?» — думаетъ Саша.

Онъ учелъ фальшивый вексель. Но вѣдь это дѣлаютъ всѣ знакомые ему молодые люди. Напримѣръ, Хандриковъ и фонъ-Бурстъ всякій разъ, когда у нихъ не бываетъ денегъ, учитываютъ фальшивые векселя родителей или знакомыхъ и потомъ, получивъ деньги изъ дому, выкупаютъ ихъ до срока. Саша сдѣлалъ то же самое, но не выкупилъ векселя, потому что не получилъ денегъ, которыя обѣщалъ дать ему взаймы Хандриковъ. Виноватъ не онъ, а обстоятельства. Правда, пользованіе чужой подписью считается предосудительнымъ; но все-таки это не преступленіе, а общепринятый маневръ, некрасивая формальность, ни для кого не обидная и безвредная, такъ какъ Саша, поддѣлывая подпись полковника, не имѣлъ въ виду причинить кому-либо зло или убытокъ.

«Нѣтъ, это не значитъ, что я преступникъ... — думаетъ Саша. — И не такой у меня характеръ, чтобы рѣшиться на преступленіе. Я мягокъ, чувствителенъ... когда бываютъ деньги, помогаю бѣднымъ...»

Саша думаетъ въ этомъ родѣ, а за дверью все еще говорятъ.

— Господа, но вѣдь это безконечно! — горячится полковникъ. — Представьте, что мы простили его и уплатили по векселю. Но вѣдь

послѣ этого онъ не перестанетъ вести безпутную жизнь, мотать, дѣлать долги, ходить къ нашимъ портнымъ и отъ нашего имени заказывать себѣ платье! Можете ли вы поручиться, что эта продѣлка его послѣдняя? Что касается меня, то я глубоко не вѣрю въ его исправленіе!

Въ отвѣтъ ему что-то бормочетъ чиновникъ казенной палаты, послѣ него плавно и мягко начинаетъ говорить Иванъ Марковичъ. Полковникъ нетерпѣливо двигаетъ стуломъ и заглушаетъ его слова своимъ противнымъ, металлическимъ голосомъ. Наконецъ дверь отворяется, и изъ кабинета выходитъ Иванъ Марковичъ; на его тощемъ, бритомъ лицѣ выступили красныя пятна.

— Пойдемъ! — говоритъ онъ, беря Сашу за руку. — Поди и чистосердечно объяснись. Безъ гордости, голубчикъ, а покорно и отъ души.

Саша идетъ въ кабинетъ. Чиновникъ казенной палаты сидитъ; полковникъ, заложивъ руки въ карманы и держа одно колѣно на стулѣ, стоитъ передъ столомъ. Въ кабинетѣ накурено и душно. Саша не глядитъ ни на чиновника, ни на полковника; ему вдругъ становится совѣстно и жутко. Онъ безпокойно оглядываетъ Ивана Марковича и бормочетъ:

— Я заплачу... Я отдамъ...

— На что ты надѣялся, когда учитывалъ вексель? — слышитъ онъ металлическій голосъ.

— Я... мнѣ обѣщалъ къ этому времени дать взаймы Хандриковъ.

Больше ничего не можетъ сказать Саша. Онъ выходитъ изъ кабинета и опять садится на стулъ у двери. Сейчасъ онъ охотно бы ушелъ

совсѣмъ, но его душитъ ненависть и ему ужасно хочется остаться, чтобы оборвать полковника, сказать ему какую-нибудь дерзость. Онъ сидитъ и придумываетъ, что бы такое сильное и вѣское сказать ненавистному дядѣ, а въ это время въ дверяхъ гостиной, окутанная сумерками, показывается женская фигура. Эта жена полковника. Она манитъ къ себѣ Сашу и, ломая руки, плача, говоритъ:

— Alexandre, я знаю, вы меня не любите, но... выслушайте меня, выслушайте, прошу васъ... Мой другъ, какъ это могло случиться? Вѣдь это ужасно, ужасно! Ради Бога просите ихъ, оправдывайтесь, умоляйте.

Саша глядитъ на ея вздрагивающія плечи, на крупныя слезы, которыя текутъ по ея щекамъ, слышитъ сзади себя глухіе, нервные голоса утомленныхъ, измученныхъ людей, и пожимаетъ плечами. Онъ никакъ не ожидалъ, чтобы его аристократическая родня подняла бурю изъ-за какихъ-нибудь тысячи пятисотъ рублей! Не понятны ему ни слезы, ни дрожь голосовъ.

Черезъ часъ слышитъ онъ, что полковникъ беретъ верхъ: дяди, наконецъ, склоняются къ тому, чтобы передать дѣло судебной власти.

— Рѣшено! — говоритъ полковникъ, вздыхая. — Баста!

Послѣ такого рѣшенія всѣ дяди, даже настойчивый полковникъ, замѣтно падаютъ духомъ. Наступаетъ тишина.

— Господи, Господи! — вздыхаетъ Иванъ Марковичъ. — Бѣдная моя!

И онъ начинаетъ тихо говорить о томъ, что вѣроятно теперь въ кабинетѣ невидимо присут-

ствуетъ его сестра, Сашина мать. Онъ чувствуетъ душою, какъ эта несчастная, святая женщина плачетъ, тоскуетъ и проситъ за своего мальчика. Ради ея загробнаго покоя слѣдовало бы пощадить Сашу.

Слышатся всхлипыванья, Иванъ Марковичъ плачетъ и бормочетъ что-то, чего нельзя разобрать сквозь дверь. Полковникъ встаетъ и шагаетъ изъ угла въ уголъ. Длинный разговоръ начинается снова.

Но вотъ въ гостиной часы бьютъ два. Семейный совѣтъ конченъ. Полковникъ, чтобы не видѣть человѣка, испортившаго ему столько крови, идетъ изъ кабинета не въ залу, а черезъ переднюю... Иванъ Марковичъ входитъ въ залу... Онъ взволнованъ и радостно потираетъ руки. Его заплаканные глаза глядятъ весело и ротъ кривится въ улыбку.

— Отлично! — говоритъ онъ Сашѣ. — Слава Богу! Ты, мой другъ, можешь идти домой и спать покойно. Рѣшили мы заплатить по векселю, но съ условіемъ, что ты раскаешься и завтра же поѣдешь ко мнѣ въ деревню заниматься дѣломъ.

Черезъ минуту Иванъ Марковичъ и Саша, въ пальто и въ шапкахъ, спускаются внизъ по лѣстницѣ. Дядя бормочетъ что-то назидательное. Саша не слушаетъ и чувствуетъ, какъ постепенно съ его плечъ сваливается что-то тяжелое и жуткое. Его простили, онъ свободенъ! Радость, какъ вѣтеръ, врывается въ его грудь и обдаетъ сладкимъ холодкомъ его сердце. Ему хочется дышать, быстро двигаться, жить! Взглянувъ на уличные фонари и на черное небо, онъ

вспоминаетъ, что сегодня у «Медвѣдя» фонъ-Бурстъ справляетъ свои именины, и снова радость охватываетъ его душу...

«Ѣду!» — рѣшаетъ онъ.

Но тутъ вспоминаетъ онъ, что у него нѣтъ ни копейки, что товарищи, къ которымъ онъ поѣдетъ сейчасъ, презираютъ его за безденежье. Надо достать денегъ во что бы то ни стало!

— Дядя, дай мнѣ взаймы сто рублей! — говоритъ онъ Ивану Марковичу.

Дядя удивленно глядитъ ему въ лицо и пятится къ фонарному столбу.

— Дай! — говоритъ Саша, нетерпѣливо переминаясь съ ноги на ногу и начиная задыхаться. — Дядя, я прошу! Дай сто рублей!

Лицо его перекосило; онъ дрожитъ и ужъ наступаетъ на дядю...

— Не дашь? — спрашиваетъ онъ, видя, что тотъ все еще удивленъ и не понимаетъ. — Послушай, если не дашь, то завтра же я донесу на себя! Я не дамъ вамъ заплатить по векселю! Завтра же я учту новый фальшивый вексель!

Ошеломленный Иванъ Марковичъ въ ужасѣ, бормоча что-то несвязное, достаетъ изъ бумажника сторублевую бумажку и подаетъ ее Сашѣ. Тотъ беретъ и быстро отходитъ отъ него...

Нанявъ извозчика, Саша успокаивается и чувствуетъ, какъ въ его грудь опять врывается радость. Права молодости, о которыхъ говорилъ на семейномъ совѣтѣ добрѣйшій Иванъ Марковичъ, проснулись и заговорили. Саша рисуетъ себѣ предстоящую попойку, и въ его головѣ межъ

бутылокъ, женщинъ и пріятелей мелькаетъ мыслишка:

«Теперь вижу, что я преступенъ. Да, я преступенъ».

1887.

Письмо

Благочинный о. Ѳедоръ Орловъ, благообразный, хорошо упитанный мужчина, лѣтъ пятидесяти, какъ всегда важный и строгій, съ привычнымъ, никогда не сходящимъ съ лица выраженіемъ достоинства, но до крайности утомленный, ходилъ изъ угла въ уголъ по своей маленькой залѣ и напряженно думалъ объ одномъ: когда, наконецъ, уйдетъ его гость? Эта мысль томила и не оставляла его ни на минуту. Гость отецъ Анастасій, священникъ одного изъ подгородныхъ селъ, часа три тому назадъ пришелъ къ нему по своему дѣлу, очень непріятному и скучному, засидѣлся и теперь, положивъ локоть на толстую счетную книгу, сидѣлъ въ углу за круглымъ столикомъ и, повидимому, не думалъ уходить, хотя уже былъ девятый часъ вечера.

Не всякій умѣетъ во-время замолчать и во-время уйти. Нерѣдко случается, что даже свѣтски воспитанные, политичные люди не замѣчаютъ, какъ ихъ присутствіе возбуждаетъ въ утомленномъ или занятомъ хозяинѣ чувство, похожее на ненависть, и какъ это чувство напряженно прячется и покрывается ложью. Отецъ же Анастасій отлично видѣлъ и понималъ, что его присутствіе тягостно и неумѣстно, что благочинный, служившій ночью утреню, а въ полдень длинную обѣдню, утомленъ и хочетъ покоя; каждую минуту онъ собирался подняться и уйти, но не поднимался, сидѣлъ и какъ будто ждалъ

чего-то. Это былъ старикъ 65-ти лѣтъ, дряхлый не по лѣтамъ, костлявый и сутуловатый, съ старчески-темнымъ, исхудалымъ лицомъ, съ красными вѣками и длинной, узкой, какъ у рыбы, спиной; одѣтъ онъ былъ въ щегольскую свѣтлолиловую, но слишкомъ просторную для него рясу (подаренную ему вдовою одного недавно умершаго молодого священника), въ суконный кафтанъ съ широкимъ кожанымъ поясомъ и въ неуклюжіе сапоги, размѣръ и цвѣтъ которыхъ ясно показывалъ, что о. Анастасій обходился безъ калошъ. Несмотря на санъ и почтенные годы, что-то жалкенькое, забитое и униженное выражали его красные, мутноватые глаза, сѣдыя съ зеленымъ отливомъ косички на затылкѣ, большія лопатки на тощей спинѣ... Онъ молчалъ, не двигался и кашлялъ съ такою осторожностью, какъ будто боялся, чтобы отъ звуковъ кашля его присутствіе не стало замѣтнѣе.

У благочиннаго старикъ бывалъ по дѣлу. Мѣсяца два назадъ ему запретили служить впредь до разрѣшенія и назначили надъ нимъ слѣдствіе. Грѣховъ за нимъ числилось много. Онъ велъ нетрезвую жизнь, не ладилъ съ причтомъ и съ міромъ, небрежно велъ метрическія записи и отчетность — въ этомъ его обвиняли формально, но кромѣ того, еще съ давнихъ поръ носились слухи, что онъ вѣнчалъ за деньги недозволенные браки и продавалъ пріѣзжавшимъ къ нему изъ города чиновникамъ и офицерамъ свидѣтельства о говѣніи. Эти слухи держались тѣмъ упорнѣе, что онъ былъ бѣденъ и имѣлъ девять человѣкъ дѣтей, жившихъ на его шеѣ и такихъ же неудачниковъ, какъ и онъ самъ. Сыновья были

необразованы, избалованы и сидѣли безъ дѣла, а некрасивыя дочери не выходили замужъ.

Не имѣя силы быть откровеннымъ, благочинный ходилъ изъ угла въ уголъ, молчалъ, или же говорилъ намеками.

— Значитъ, вы нынче не поѣдете къ себѣ домой? — спросилъ онъ, останавливаясь около темнаго окна и просовывая мизинецъ къ спящей, надувшейся канарейкѣ.

О. Анастасій встрепенулся, осторожно кашлянулъ и сказалъ скороговоркой:

— Домой? Богъ съ нимъ, не поѣду, Ѳедоръ Ильичъ. Сами знаете, служить мнѣ нельзя, такъ что-же я тамъ буду дѣлать? Нарочито я уѣхалъ, чтобъ людямъ въ глаза не глядѣть. Сами знаете, совѣстно не служить. Да и дѣло тутъ мнѣ есть, Ѳедоръ Ильичъ. Хочу завтра послѣ розговѣнья съ отцомъ-слѣдователемъ обстоятельно поговорить.

— Такъ... — зѣвнулъ благочинный. — А вы гдѣ остановились?

— У Зявкина.

О. Анастасій вдругъ вспомнилъ, что часа черезъ два благочинному предстоитъ служить пасхальную утреню, и ему стало такъ стыдно своего непріятнаго, стѣсняющаго присутствія, что онъ рѣшилъ немедленно уйти и дать утомленному человѣку покой. И старикъ поднялся, чтобы уйти, но прежде чѣмъ начать прощаться, онъ минуту откашливался и пытливо, все съ тѣмъ же выраженіемъ неопредѣленнаго ожиданія во всей фигурѣ, глядѣлъ на спину благочиннаго; на лицѣ его заиграли стыдъ, робость и жалкій, принужденный смѣхъ, какимъ смѣются люди, не

уважающіе себя. Какъ-то рѣшительно махнувъ рукой, онъ сказалъ съ сиплымъ дребезжащимъ смѣхомъ:

— Отецъ Ѳедоръ, продлите вашу милость до конца, велите на прощанье дать мнѣ ... рюмочку водочки!

— Не время теперь пить водку, — строго сказалъ благочинный. — Стыдъ надо имѣть.

Отецъ Анастасій еще больше сконфузился, засмѣялся и, забывъ про свое рѣшеніе уходить домой, опустился на стулъ. Благочинный взглянулъ на его растерянное, сконфуженное лицо, на согнутое тѣло, и ему стало жаль старика.

— Богъ дастъ завтра выпьемъ, — сказалъ онъ, желая смягчить свой строгій отказъ. — Все хорошо во-время.

Благочинный вѣрилъ въ исправленіе людей, но теперь, когда въ немъ разгоралось чувство жалости, ему стало казаться, что этотъ подслѣдственный, испитой, опутанный грѣхами и немощами старикъ погибъ для жизни безвозвратно, что на землѣ нѣтъ уже силы, которая могла бы разогнуть его спину, дать взгляду ясность, задержать непріятный, робкій смѣхъ, какимъ онъ нарочно смѣялся, чтобы сгладить хотя немного производимое имъ на людей отталкивающее впечатлѣніе.

Старикъ казался уже о. Ѳедору не виновнымъ и не порочнымъ, а униженнымъ, оскорбленнымъ, несчастнымъ; вспомнилъ благочинный его попадью, девять человѣкъ дѣтей, грязныя нищенскія полати у Зявкина, вспомнилъ почему-то тѣхъ людей, которые рады видѣть пьяныхъ священниковъ и уличаемыхъ начальниковъ, и

подумалъ, что самое лучшее, что могъ бы сдѣлать теперь о. Анастасій, это — какъ можно скорѣе умереть, навсегда уйти съ этого свѣта.

Послышались шаги.

— О. Ѳедоръ, вы не отдыхаете? — спросилъ изъ передней басъ.

— Нѣтъ, дьяконъ, войди.

Въ залу вошелъ сослуживецъ Орлова, дьяконъ Любимовъ, человѣкъ старый, съ плѣшью во все темя, но еще крѣпкій, черноволосый и съ густыми черными, какъ у грузина, бровями. Онъ поклонился Анастасію и сѣлъ.

— Что скажешь хорошаго? — спросилъ благочинный.

— Да что хорошаго? — отвѣтилъ дьяконъ и, помолчавъ немного, продолжалъ съ улыбкой: — Малыя дѣти — малое горе, большія дѣти — большое горе. Тутъ такая исторія, о. Ѳедоръ, что никакъ не опомнюсь. Комедія, да и только.

Онъ еще немного помолчалъ, улыбнулся шире и сказалъ:

— Нынче Николай Матвѣичъ изъ Харькова вернулся. Про моего Петра мнѣ разсказывалъ. Былъ, говоритъ, у него раза два.

— Что же онъ тебѣ разсказывалъ?

— Встревожилъ, Богъ съ нимъ. Хотѣлъ меня порадовать, а какъ я раздумался, то выходитъ, что мало тутъ радости. Скорбѣть надо, а не радоваться... «Твой, говоритъ, Петрушка шибко живетъ, рукой, говоритъ, до него теперь не достанешь». Ну, и слава Богу, говорю. «Я, говоритъ, у него обѣдалъ и весь образъ его жизни видѣлъ. Живетъ, говоритъ, благородно, лучше

и не надо». Мнѣ, извѣстно, любопытно, я и спрашиваю: а что за обѣдомъ у него подавали? «Сначала, говоритъ, рыбное, словно какъ бы на манеръ ухи, потомъ языкъ съ горошкомъ, а потомъ, говоритъ, индѣйку жареную». Это въ постъ-то индѣйку? Хороша, говорю, радость. Въ Великій постъ-то индѣйку? А?

— Удивительнаго мало, — сказалъ благочинный, насмѣшливо щуря глаза.

И заложивъ большіе пальцы обѣихъ рукъ за поясъ, онъ выпрямился и сказалъ тономъ, какимъ говорилъ обыкновенно проповѣди или объяснялъ ученикамъ въ уѣздномъ училищѣ Законъ Божій:

— Люди, не соблюдающіе постовъ, дѣлятся на двѣ различныя категоріи: одни не исполняютъ по легкомыслію, другіе же по невѣрію. Твой Петръ не исполняетъ по невѣрію. Да.

Дьяконъ робко поглядѣлъ на строгое лицо о. Ѳедора и сказалъ:

— Дальше — больше... Поговорили, потолковали, то да се, и оказывается еще, что мой невѣряка-сынокъ съ какой-то мадамой живетъ, съ чужой женой. Она у него на квартирѣ замѣсто жены и хозяйки, чай разливаетъ, гостей принимаетъ и остальное прочее, какъ вѣнчаная. Уже третій годъ, какъ съ этой гадюкой хороводится. Комедія, да и только. Три года живутъ, а дѣтей нѣту.

— Стало быть, въ цѣломудріи живутъ! — захихикалъ о. Анастасій, сипло кашляя. — Есть дѣти, отецъ дьяконъ, есть, да дома не держатъ! Въ воспитательные пріюты отсылаютъ! Хе-хе-хе... (Анастасій закашлялся).

— Не суйтесь, о. Анастасій, — строго сказалъ благочинный.

— Николай Матвѣичъ и спрашиваетъ его: «Какая это такая у васъ мадама за столомъ супъ разливаетъ?» — продолжалъ дьяконъ, мрачно оглядывая согнутое тѣло Анастасія. — А онъ ему: это, говоритъ, моя жена. А тотъ и спроси: «Давно ли изволили вѣнчаться?» Петръ и отвѣчаетъ: «Мы вѣнчались въ кондитерской Куликова».

Глаза благочиннаго гнѣвно вспыхнули и на вискахъ выступила краска. Помимо своей грѣховности, Петръ былъ ему несимпатиченъ, какъ человѣкъ вообще. О. Ѳедоръ имѣлъ противъ него, что называется, зубъ. Онъ помнилъ его еще мальчикомъ-гимназистомъ, помнилъ отчетливо, потому что и тогда еще онъ казался ему ненормальнымъ. Петруша-гимназистъ стыдился помогать въ алтарѣ, обижался, когда говорили ему «ты», входя въ комнаты, не крестился и, что памятнѣе всего, любилъ много и горячо говорить, а, по мнѣнію о. Ѳедора, многословіе дѣтямъ неприлично и вредно; кромѣ того, Петрушка презрительно и критически относился къ рыбной ловлѣ, до которой благочинный и дьяконъ были большіе охотники. Студентъ же Петръ вовсе не ходилъ въ церковь, спалъ до полудня, смотрѣлъ свысока на людей и съ какимъ-то особеннымъ задоромъ любилъ поднимать щекотливые, неразрѣшимые вопросы.

— Что же ты хочешь? — спросилъ благочинный, подходя къ дьякону и сердито глядя на него. — Что же ты хочешь? Этого слѣдовало ожидать! Я всегда зналъ и былъ увѣренъ, что

изъ твоего Петра ничего путнаго не выйдетъ! Говорилъ я тебѣ и говорю. Что посѣялъ, то и пожинай теперь! Пожинай!

— Да что же я посѣялъ, о. Өедоръ? — тихо спросилъ дьяконъ, глядя снизу вверхъ на благочиннаго.

— А кто же виноватъ, какъ не ты? Ты родитель, твое чадо! Ты долженъ былъ наставлять, внушать страхъ Божій. Учить надо! Родить-то вы родите, а наставлять не наставляете. Это грѣхъ! Нехорошо! Стыдно!

Благочинный забылъ про свое утомленіе, шагалъ и продолжалъ говорить. На голомъ темени и на лбу дьякона выступили мелкія капли. Онъ поднялъ виноватые глаза на благочиннаго и сказалъ:

— Да развѣ я не наставлялъ, о. Өедоръ? Господи помилуй, развѣ я не отецъ своему дитю? Сами вы знаете, я для него ничего не жалѣлъ, всю жизнь старался и Бога молилъ, чтобъ ему настоящее образованіе дать. Онъ у меня и въ гимназіи былъ, и репетиторовъ я ему нанималъ, и въ университетѣ онъ кончилъ. А что ежели я его умъ направить не могъ, о. Өедоръ, такъ вѣдь, судите сами, на это у меня способности нѣтъ! Бывало, когда онъ студентомъ сюда пріѣзжалъ, я начну ему по-своему внушать, а онъ не слушаетъ. Скажешь ему: ходи въ церковь, а онъ: «зачѣмъ ходить?» Станешь ему объяснять, а онъ: «почему? зачѣмъ?» Или похлопаетъ меня по плечу и скажетъ: «Все на этомъ свѣтѣ относительно, приблизительно и условно. Ни я ничего не знаю, ни вы ничесоже не знаете, папаша».

О. Анастасій сипло разсмѣялся, закашлялся и шевельнулъ въ воздухѣ пальцами, какъ бы собираясь что-то сказать. Благочинный взглянулъ на него и сказалъ строго:

— Не суйтесь, о. Анастасій.

Старикъ смѣялся, сіялъ и видимо съ удовольствіемъ слушалъ дьякона, точно радъ былъ, что на этомъ свѣтѣ и кромѣ него есть еще грѣшные люди. Дьяконъ говорилъ искренно, съ сокрушеннымъ сердцемъ и даже слезы выступили у него на глазахъ. О. Ѳедору стало жаль его.

— Виноватъ ты, дьяконъ, виноватъ, — сказалъ онъ, но уже не такъ строго и горячо. — Умѣлъ родить, умѣй и наставить. Надо было еще въ дѣтствѣ его наставлять, а студента поди-ка, исправь!

Наступило молчаніе. Дьяконъ всплеснулъ руками и сказалъ со вздохомъ:

— А вѣдь мнѣ же за него отвѣчать придется!

— То-то вотъ оно и есть!

Помолчавъ немного, благочинный и зѣвнулъ, и вздохнулъ въ одно и то же время, и спросилъ:

— Кто «Дѣянія» читаетъ?

— Евстратъ. Всегда Евстратъ читаетъ.

Дьяконъ поднялся и, умоляюще глядя на благочиннаго, спросилъ:

— О. Ѳедоръ, что же мнѣ теперь дѣлать?

— Что хочешь, то и дѣлай. Не я отецъ, а ты. Тебѣ лучше знать.

— Ничего я не знаю, о. Ѳедоръ! Научите меня, сдѣлайте милость! Вѣрите ли, душа истомилась! Теперь я ни спать не могу, ни сидѣть

спокойно, и праздникъ мнѣ не въ праздникъ. Научите, о. Ѳедоръ!

— Напиши ему письмо.

— Что же я ему писать буду?

— А напиши, что такъ нельзя. Кратко напиши, но строго и обстоятельно, не смягчая и не умаляя его вины. Это твоя родительская обязанность. Напишешь, исполнишь свой долгъ и успокоишься.

— Это вѣрно, но что же я ему напишу? Въ какихъ смыслахъ? Я ему напишу, а онъ мнѣ въ отвѣтъ: «почему? зачѣмъ? почему это грѣхъ?»

О. Анастасій опять сипло засмѣялся и шевельнулъ пальцами.

— Почему? Зачѣмъ? Почему это грѣхъ? — визгливо заговорилъ онъ. — Исповѣдую я разъ одного господина и говорю ему, что излишнее упованіе на милосердіе Божіе есть грѣхъ, а онъ спрашиваетъ: почему? Хочу ему отвѣтить, а тутъ, — Анастасій хлопнулъ себя по лбу: — а тутъ-то у меня и нѣту! Хи-и-хе-хе-хе...

Слова Анастасія, его сиплый, дребезжащій смѣхъ надъ тѣмъ, что не смѣшно, подѣйствовали на благочиннаго и дьякона непріятно. Благочинный хотѣлъ было сказать старику «не суйтесь», но не сказалъ, а только поморщился.

— Не могу я ему писать! — вздохнулъ дьяконъ.

— Ты не можешь, такъ кто же можетъ?

— О. Ѳедоръ! — сказалъ дьяконъ, склоняя голову на бокъ и прижимая руку къ сердцу. — Я человѣкъ необразованный, слабоумный, васъ же Господь надѣлилъ разумомъ и мудростью. Вы

все знаете и понимаете, до всего умомъ доходите, я же путемъ слова сказать не умѣю. Будьте великодушны, наставьте меня въ разсужденiи письма! Научите, какъ его и что...

— Что жъ тутъ учить? Учить нечему. Сѣлъ да написалъ.

— Нѣтъ, ужъ сдѣлайте милость, отецъ-настоятель! Молю васъ. Я знаю, вашего письма онъ убоится и послушается, потому вѣдь вы тоже образованный. Будьте такiе добрые! Я сяду, а вы мнѣ подиктуйте. Завтра писать грѣхъ, а нынче бы самое въ пору, я бы успокоился.

Благочинный поглядѣлъ на умоляющее лицо дьякона, вспомнилъ несимпатичнаго Петра и согласился диктовать. Онъ усадилъ дьякона за свой столъ и началъ:

— Ну, пиши... Христосъ воскресъ, любезный сынъ... знакъ восклицанiя. Дошли до меня, твоего отца, слухи... далѣе въ скобкахъ... а изъ какого источника, тебя это не касается... скобка... Написалъ?.. что ты ведешь жизнь несообразную ни съ божескими, ни съ человѣческими законами. Ни комфортабельность, ни свѣтское великолѣпiе, ни образованность, коими ты наружно прикрываешься, не могутъ скрыть твоего языческаго вида. Именемъ ты христiанинъ, но по сущности своей язычникъ, столь же жалкiй и несчастный, какъ и всѣ прочiе язычники, даже еще жалчѣе, ибо: тѣ язычники, не зная Христа, погибаютъ отъ невѣдѣнiя, ты же погибаешь отъ того, что обладаешь сокровищемъ, но небрежешь имъ. Не стану перечислять здѣсь твоихъ пороковъ, кои тебѣ достаточно извѣстны, скажу только, что

причину твоей погибели вижу я въ твоемъ невѣріи. Ты мнишь себя мудрымъ быти, похваляешься знаніемъ наукъ, а того не хочешь понять, что наука безъ вѣры не только не возвышаетъ человѣка, но даже низводитъ его на степень низменнаго животнаго, ибо...

Все письмо было въ такомъ родѣ. Кончивъ писать, дьяконъ прочелъ его вслухъ, просіялъ и вскочилъ.

— Даръ, истинно даръ! — сказалъ онъ, восторженно глядя на благочиннаго и всплескивая руками. — Пошлетъ же Господь такое дарованіе! А? Мать Царица! Во сто лѣтъ бы, кажется, такого письма не сочинилъ! Спаси васъ Господи!

О. Анастасій тоже пришелъ въ восторгъ.

— Безъ дара такъ не напишешь! — сказалъ онъ, вставая и шевеля пальцами. — Не напишешь! Тутъ такая риторика, что любому философу можно запятую поставить и въ носъ ткнуть. Умъ! Свѣтлый умъ! Не женились бы, о. Ѳедоръ, давно бы вы въ архіереяхъ были, истинно, были бы!

Изливъ свой гнѣвъ въ письмѣ, благочинный почувствовалъ облегченіе. Къ нему вернулись и утомленіе, и разбитость. Дьяконъ былъ свой человѣкъ, и благочинный не постѣснился сказать ему:

— Ну, дьяконъ, ступай съ Богомъ. Я съ полчасика на диванѣ подремлю, отдохнуть надо.

Дьяконъ ушелъ и увелъ съ собою Анастасія. Какъ всегда бываетъ наканунѣ Свѣтлаго дня, на улицѣ было темно, но все небо сверкало яркими, лучистыми звѣздами. Въ тихомъ не-

подвижномъ воздухѣ пахло весной и праздникомъ.

— Сколько времени онъ диктовалъ? — изумлялся дьяконъ. — Минутъ десять, не больше! Другой бы и въ мѣсяцъ такого письма не сочинилъ. А? Вотъ умъ! Такой умъ, что я и сказать не умѣю! Удивленіе! Истинно, удивленіе!

— Образованіе! — вздохнулъ Анастасій, при переходѣ черезъ грязную улицу поднимая до пояса полы своей рясы. — Не намъ съ нимъ равняться. Мы изъ дьячковъ, а вѣдь онъ науки проходилъ. Да. Настоящій человѣкъ, что и говоритъ.

— А вы послушайте, какъ онъ нынче въ обѣднѣ Евангеліе будетъ читать по-латынски! И по-латынски онъ знаетъ, и по-гречески знаетъ... А Петруха, Петруха! — вдругъ вспомнилъ дьяконъ. — Ну, теперь онъ поче-ешется! Закуситъ языкъ! Будетъ помнить Кузькину матъ! Теперь уже не спроситъ: «почему?» Вотъ ужъ именно дока на доку наскочилъ! Ха-ха-ха!

Дьяконъ весело и громко разсмѣялся. Послѣ того, какъ письмо къ Петру было написано, онъ повеселѣлъ и успокоился. Сознаніе исполненнаго родительскаго долга и вѣра въ силу письма вернули къ нему и его смѣшливость, и добродушіе.

— Петръ въ переводѣ значитъ камень, — говорилъ онъ, подходя къ своему дому. — Мой же Петръ не камень, а тряпка. Гадюка на него насѣла, а онъ съ ней няньчится, спихнуть ее не можетъ. Тьфу! Есть же, прости Господи, такія женщины! А? Гдѣ жъ въ ней стыдъ?

Насѣла на парня, прилипла и около юбки держитъ... къ шутамъ ее на пасѣку!

— А можетъ, не она его держитъ, а онъ ее?

— Все-таки, значитъ, въ ней стыда нѣтъ! А Петра я не защищаю... Ему достанется... Прочтетъ письмо и почешетъ затылокъ! Сгоритъ со стыда!

— Письмо славное, но только того... не посылать бы его, отецъ дьяконъ. Богъ съ нимъ!

— А что? — испугался дьяконъ.

— Да такъ! Не посылай, дьяконъ! Что толку? Ну, ты пошлешь, онъ прочтетъ, а... а дальше что? Встревожишь только. Прости, Богъ съ нимъ!

Дьяконъ удивленно поглядѣлъ на темное лицо Анастасія, на его распахнувшуюся рясу, похожую въ потемкахъ на крылья, и пожалъ плечами.

— Какъ же такъ прощать? — спросилъ онъ. — Вѣдь я же за него Богу отвѣчать буду.

— Хоть и такъ, а все же прости. Право! А Богъ за твою доброту и тебя проститъ.

— Да вѣдь онъ мнѣ сынъ? Долженъ я его учить, или нѣтъ?

— Учить? Отчего не учить? Учить можно, а только зачѣмъ язычникомъ обзывать? Вѣдь ему, дьяконъ, обидно...

Дьяконъ былъ вдовъ и жилъ въ маленькомъ, трехъоконномъ домикѣ. Хозяйствомъ у него завѣдывала его старшая сестра, дѣвушка, года три тому назадъ лишившаяся ногъ и потому не сходившая съ постели; онъ ея боялся, слушался и ничего не дѣлалъ безъ ея совѣтовъ. О. Анастасій зашелъ къ нему. Увидѣвъ у него столъ, уже

покрытый куличами и красными яйцами, онъ почему-то, вѣроятно вспомнивъ про свой домъ, заплакалъ и, чтобы обратить эти слезы въ шутку, тотчасъ же сипло засмѣялся.

— Да, скоро разговляться, — сказалъ онъ. — Да... Оно бы, дьяконъ, и сейчасъ не мѣшало... рюмочку выпить. Можно? Я такъ выпью, — зашепталъ онъ, косясь на дверь: — что старушка... не услышитъ... ни-ни...

Дьяконъ молча пододвинулъ къ нему графинъ и рюмку, развернулъ письмо и сталъ читать вслухъ. И теперь письмо ему такъ же понравилось, какъ и въ то время, когда благочинный диктовалъ его. Онъ просіялъ отъ удовольствія и, точно попробовавъ что-то очень сладкое, покрутилъ головой.

— Ну, письмо-о! — сказалъ онъ. — И не снилось Петрухѣ такое письмо. Такое вотъ и надо ему, чтобъ въ жаръ его бросило... во!

— Знаешь, дьяконъ? Не послушай! — сказалъ Анастасій, наливая какъ бы въ забывчивости вторую рюмку. — Прости, Богъ съ нимъ! Я тебѣ... вамъ по совѣсти. Ежели отецъ родной его не проститъ, то кто жъ его проститъ? Такъ и будетъ, значитъ, безъ прощенія жить? А ты, дьяконъ, разсуди: наказующіе и безъ тебя найдутся, а ты бы для родного сына милующихъ поискалъ! Я... я, братушка, выпью... Послѣдняя... Прямо такъ возьми и напиши ему: прощаю тебя, Петръ! Онъ пойме-етъ! Почу-вствуетъ! Я, братъ... я, дьяконъ, по себѣ это понимаю. Когда жилъ какъ люди, и горя мнѣ было мало, а теперь, когда образъ и подобіе потерялъ, только одного и хочу, чтобъ меня добрые

люди простили. Да и то разсуди, не праведниковъ прощать надо, а грѣшниковъ. Для чего тебѣ старушку твою прощать, ежели она не грѣшная? Нѣтъ, ты такого прости, на котораго глядѣть жалко... да!

Анастасій подперъ голову кулакомъ и задумался.

— Бѣда, дьяконъ, — вздохнулъ онъ, видимо борясь съ желаніемъ выпить. — Бѣда! Во грѣсѣхъ роди мя мати моя, во грѣсѣхъ жилъ, во грѣсѣхъ и помру... Господи, прости меня грѣшнаго! Запутался я, дьяконъ! Нѣтъ мнѣ спасенія! И не то чтобы въ жизни запутался, а въ самой старости передъ смертью... Я...

Старикъ махнулъ рукой и еще выпилъ, потомъ всталъ и пересѣлъ на другое мѣсто. Дьяконъ, не выпуская изъ рукъ письма, заходилъ изъ угла въ уголъ. Онъ думалъ о своемъ сынѣ. Недовольство, скорбь и страхъ уже не безпокоили его: все это ушло въ письмо. Теперь онъ только воображалъ себѣ Петра, рисовалъ его лицо, вспоминалъ прошлые годы, когда сынъ пріѣзжалъ гостить на праздники. Думалось одно лишь хорошее, теплое, грустное, о чемъ можно думать, не утомляясь, хоть всю жизнь. Скучая по сынѣ, онъ еще разъ прочелъ письмо и вопросительно поглядѣлъ на Анастасія.

— Не посылай! — сказалъ тотъ, махнувъ кистью руки.

— Нѣтъ, все-таки... надо. Все-таки оно го того... немножко на умъ наставитъ. Не ишнее...

Дьяконъ досталъ изъ стола конвертъ, но режде чѣмъ вложилъ въ него письмо, сѣлъ за

столъ, улыбнулся и прибавилъ отъ себя внизу письма: «А къ намъ новаго штатнаго смотрителя прислали. Этотъ пошустрѣй прежняго. И плясунъ, и говорунъ, и на всѣ руки, такъ что говоровскія дочки отъ него безъ ума. Воинскому начальнику Костыреву тоже, говорятъ, скоро отставка. Пора!» И очень довольный, не понимая, что этой припиской онъ вконецъ испортилъ строгое письмо, дьяконъ написалъ адресъ и положилъ письмо на самое видное мѣсто стола.

1887.

Поцѣлуй

20-го мая, въ 8 часовъ вечера, всѣ шесть батарей N—ой резервной артиллерійской бригады, направлявшейся въ лагерь, остановились на ночевку въ селѣ Мѣстечкахъ. Въ самый разгаръ суматохи, когда одни офицеры хлопотали около пушекъ, а другіе, съѣхавшись на площади около церковной ограды, выслушивали квартирьеровъ, изъ-за церкви показался верховой въ штатскомъ платьѣ и на странной лошади. Лошадь буланая и маленькая, съ красивой шеей и съ короткимъ хвостомъ, шла не прямо, а какъ-то бокомъ, и выдѣлывала ногами маленькія, плясовыя движенія, какъ будто её били хлыстомъ по ногамъ. Подъѣхавъ къ офицерамъ, верховой приподнялъ шляпу и сказалъ:

— Его превосходительство генералъ-лейтенантъ фонъ-Раббекъ, здѣшній помѣщикъ, приглашаетъ господъ офицеровъ пожаловать къ нему сію минуту на чай...

Лошадь поклонилась, затанцовала и попятилась бокомъ назадъ; верховой еще разъ приподнялъ шляпу и черезъ мгновеніе вмѣстѣ со своею странною лошадью исчезъ за церковью.

— Чортъ знаетъ что такое! — ворчали нѣкоторые офицеры, расходясь по квартирамъ. — Спать хочется, а тутъ этотъ фонъ-Раббекъ со своимъ чаемъ! Знаемъ, какой тутъ чай!

Офицерамъ всѣхъ шести батарей живо припомнился прошлогодній случай, когда во время

маневровъ они, и съ ними офицеры одного казачьяго полка, такимъ же вотъ образомъ были приглашены на чай однимъ помѣщикомъ-графомъ, отставнымъ военнымъ; гостепріимный и радушный графъ обласкалъ ихъ, накормилъ, напоилъ и не пустилъ въ деревню на квартиры, а оставилъ ночевать у себя. Все это, конечно, хорошо, лучшаго и не нужно, но бѣда въ томъ, что отставной военный обрадовался молодежи не въ мѣру. Онъ до самой зари разсказывалъ офицерамъ эпизоды изъ своего хорошаго прошлаго, водилъ ихъ по комнатамъ, показывалъ дорогія картины, старыя гравюры, рѣдкое оружіе, читалъ подлинныя письма высокопоставленныхъ людей, а измученные, утомленные офицеры слушали, глядѣли и, тоскуя по постелямъ, осторожно зѣвали въ рукава; когда, наконецъ, хозяинъ отпустилъ ихъ, спать было уже поздно.

Не таковъ ли и этотъ фонъ-Раббекъ? Таковъ или не таковъ, но дѣлать было нечего. Офицеры пріодѣлись, почистились и гурьбою пошли искать помѣщичій домъ. На площади, около церкви, имъ сказали, что къ господамъ можно пройти низомъ — за церковью спуститься къ рѣкѣ и идти берегомъ до самаго сада, а тамъ аллеи доведутъ куда нужно, или же вѐрхомъ — прямо отъ церкви по дорогѣ, которая въ полуверстѣ отъ деревни упирается въ господскіе амбары. Офицеры рѣшили идти верхомъ.

— Какой же это фонъ-Раббекъ? — разсуждали они дорогой. — Не тотъ ли, что подъ Плевной командовалъ N—й кавалерійской дивизіей?

— Нѣтъ, тотъ не фонъ-Раббекъ, а просто Раббе, и безъ фонъ.

— А какая хорошая погода!

У перваго господскаго амбара дорога раздваивалась: одна вѣтвь шла прямо и исчезала въ вечерней мглѣ, другая — вела вправо къ господскому дому. Офицеры повернули вправо и стали говорить тише... По обѣ стороны дороги тянулись каменные амбары съ красными крышами, тяжелые и суровые, очень похожіе на казармы уѣзднаго города. Впереди свѣтились окна господскаго дома.

— Господа, хорошая примѣта! — сказалъ кто-то изъ офицеровъ. — Нашъ сетеръ идетъ впереди всѣхъ; значитъ, чуетъ, что будетъ добыча!..

Шедшій впереди всѣхъ поручикъ Лобытко, высокій и плотный, но совсѣмъ безусый (ему было болѣе 25 лѣтъ, но на его кругломъ, сытомъ лицѣ почему-то еще не показывалась растительность), славившійся въ бригадѣ своимъ чутьемъ и умѣньемъ угадывать на разстояніи присутствіе женщинъ, обернулся и сказалъ:

— Да, здѣсь женщины должны быть. Это я инстинктомъ чувствую.

У порога дома офицеровъ встрѣтилъ самъ фонъ-Раббекъ, благообразный старикъ лѣтъ шестидесяти, одѣтый въ штатское платье. Пожимая гостямъ руки, онъ сказалъ, что онъ очень радъ и счастливъ, но убѣдительно, ради Бога, проситъ господъ офицеровъ извинить его за то, что онъ не пригласилъ ихъ къ себѣ ночевать; къ нему пріѣхали двѣ сестры съ дѣтьми, братья и сосѣди, такъ что у него не осталось ни одной свободной комнаты.

Генералъ пожималъ всѣмъ руки, просилъ

извиненія и улыбался, но по лицу его видно было, что онъ былъ далеко не такъ радъ гостямъ, какъ прошлогодній графъ, и что пригласилъ онъ офицеровъ только потому, что этого, по его мнѣнію, требовало приличіе. И сами офицеры, идя вверхъ по мягкой лѣстницѣ и слушая его, чувствовали, что они приглашены въ этотъ домъ только потому, что было бы неловко не пригласить ихъ, и при видѣ лакеевъ, которые спѣшили зажигать огни внизу у входа и наверху въ передней, имъ стало казаться, что они внесли съ собою въ этотъ домъ безпокойство и тревогу. Тамъ, гдѣ, вѣроятно ради какого-нибудь семейнаго торжества или событія, съѣхались двѣ сестры съ дѣтьми, братья и сосѣди, можетъ ли понравиться присутствіе девятнадцати незнакомыхъ офицеровъ?

Наверху, у входа въ залу, гости были встрѣчены высокой и стройной старухой съ длиннымъ, чернобровымъ лицомъ, очень похожей на императрицу Евгенію. Привѣтливо и величественно улыбаясь, она говорила, что рада и счастлива видѣть у себя гостей, и извинялась, что она и мужъ лишены на этотъ разъ возможности пригласить гг. офицеровъ къ себѣ ночевать. По ея красивой, величественной улыбкѣ, которая мгновенно исчезала съ лица всякій разъ, когда она отворачивалась зачѣмъ-нибудь отъ гостей, видно было, что на своемъ вѣку она видѣла много гг. офицеровъ, что ей теперь не до нихъ, а если она пригласила ихъ къ себѣ въ домъ и извиняется, то только потому, что этого требуетъ ея воспитаніе и положеніе въ свѣтѣ.

Въ большой столовой, куда вошли офицеры

на одномъ краю длиннаго стола сидѣло за чаемъ съ десятокъ мужчинъ и дамъ, пожилыхъ и молодыхъ. За ихъ стульями, окутанная легкимъ сигарнымъ дымомъ, темнѣла группа мужчинъ; среди нея стоялъ какой-то худощавый молодой человѣкъ съ рыжими бачками и, картавя, о чемъ-то громко говорилъ по-англійски. Изъза группы, сквозь дверь, видна была свѣтлая комната съ голубою мебелью.

— Господа, васъ такъ много, что представлять нѣтъ никакой возможности! — сказалъ громко генералъ, стараясь казаться очень веселымъ. — Знакомьтесь, господа, сами попросту!

Офицеры — одни съ очень серьезными и даже строгими лицами, другіе, натянуто улыбаясь, и всѣ вмѣстѣ чувствуя себя очень неловко, кое-какъ раскланялись и сѣли за чай.

Больше всѣхъ чувствовалъ себя неловко штабсъ-капитанъ Рябовичъ, маленькій, сутуловатый офицеръ, въ очкахъ и съ бакенами, какъ у рыси. Въ то время, какъ одни изъ его товарищей дѣлали серьезныя лица, а другіе натянуто улыбались, его лицо, рысьи бакены и очки какъ бы говорили: «Я самый робкій, самый скромный и самый безцвѣтный офицеръ во всей бригадѣ!» На первыхъ порахъ, входя въ столовую и потомъ сидя за чаемъ, онъ никакъ не могъ остановить своего вниманія на какомъ-нибудь одномъ лицѣ или предметѣ. Лица, платья, граненые графинчики съ коньякомъ, паръ отъ стакановъ, лѣпные карнизы — все это сливалось въ одно общее, громадное впечатлѣніе, вселявшее въ Рябовича тревогу и желаніе спрятать свою голову. Подобно чтецу, впервые выступаю-

щему передъ публикой, онъ видѣлъ все, что было у него передъ глазами, но видимое какъ-то плохо понималось (у физіологовъ такое состояніе, когда субъектъ видитъ, но не понимаетъ, называется «психической слѣпотой»). Немного же погодя, освоившись, Рябовичъ прозрѣлъ и сталъ наблюдать. Ему, какъ человѣку робкому и необщественному, прежде всего бросилось въ глаза то, чего у него никогда не было, а именно — необыкновенная храбрость новыхъ знакомыхъ. Фонъ-Раббекъ, его жена, двѣ пожилыя дамы, какая-то барышня въ сиреневомъ платьѣ и молодой человѣкъ съ рыжими бачками, оказавшійся младшимъ сыномъ Раббека, очень хитро, точно у нихъ ранѣе была репетиція, размѣстились среди офицеровъ и тотчасъ же подняли горячій споръ, въ который не могли не вмѣшаться гости. Сиреневая барышня стала горячо доказывать, что артиллеристамъ живется гораздо легче, чѣмъ кавалеріи и пѣхотѣ, а Раббекъ и пожилыя дамы утверждали противное. Начался перекрестный разговоръ. Рябовичъ глядѣлъ на сиреневую барышню, которая очень горячо спорила о томъ, что было для нея чуждо и вовсе не интересно, и слѣдилъ, какъ на ея лицѣ появлялись и исчезали неискреннія улыбки.

Фонъ-Раббекъ и его семья искусно втягивали офицеровъ въ споръ, а сами между тѣмъ зорко слѣдили за ихъ стаканами и ртами, всѣ ли они пьютъ, у всѣхъ ли сладко, и отчего такой-то не ѣстъ бисквитовъ или не пьетъ коньяку. И чѣмъ больше Рябовичъ глядѣлъ и слушалъ, тѣмъ больше нравилась ему эта неискренняя, но прекрасно дисциплинированная семья.

Послѣ чая офицеры пошли въ залъ. Чутье не обманула поручика Лобытко: въ залѣ было много барышенъ и молодыхъ дамъ. Сетеръ-поручикъ уже стоялъ около одной очень молоденькой блондинки въ черномъ платьѣ и, ухарски изогнувшись, точно опираясь на невидимую саблю, улыбался и кокетливо игралъ плечами. Онъ говорилъ, вѣроятно, какой-нибудь очень интересный вздоръ, потому что блондинка снисходительно глядѣла на его сытое лицо и равнодушно спрашивала: «Неужели?» И по этому безстрастному «неужели» сетеръ, если бы былъ уменъ, могъ бы заключить, что ему едва ли крикнуть «пиль!»

Загремѣлъ рояль; грустный вальсъ изъ залы полетѣлъ въ настежь открытыя окна, и всѣ почему-то вспомнили, что за окнами теперь весна, майскій вечеръ. Всѣ почувствовали, что въ воздухѣ пахнетъ молодой листвой тополя, розами и сиренью. Рябовичъ, въ которомъ, подъ вліяніемъ музыки, заговорилъ выпитый коньякъ, покосился на окно, улыбнулся и сталъ слѣдить за движеніями женщинъ, и ему уже казалось, что запахъ розъ, тополя и сирени идетъ не изъ сада, а отъ женскихъ лицъ и платьевъ.

Сынъ Раббека пригласилъ какую-то тощую дѣвицу и сдѣлалъ съ нею два тура. Лобытко, скользя по паркету, подлетѣлъ къ сиреневой барышнѣ и понесся съ нею по залѣ. Танцы начались... Рябовичъ стоялъ около двери среди нетанцующихъ и наблюдалъ. Во всю свою жизнь онъ ни разу не танцовалъ и ни разу въ жизни ему не приходилось обнимать талію порядочной женщины. Ему ужасно нравилось, когда чело-

вѣкъ у всѣхъ на глазахъ бралъ незнакомую дѣвушку за талію и подставлялъ ей для руки свое плечо, но вообразить себя въ положеніи этого человѣка онъ никакъ не могъ. Было время, когда онъ завидовалъ храбрости и прыти своихъ товарищей и болѣлъ душою; сознаніе, что онъ робокъ, сутуловатъ и безцвѣтенъ, что у него длинная талія и рысьи бакены, глубоко оскорбляло его, но съ лѣтами это сознаніе стало привычнымъ, и теперь онъ, глядя на танцующихъ или громко говорящихъ, уже не завидовалъ, а только грустно умилялся.

Когда началась кадриль, молодой фонъ-Раббекъ подошелъ къ нетанцующимъ и пригласилъ двухъ офицеровъ сыграть на бильярдѣ. Офицеры согласились и пошли съ нимъ изъ залы. Рябовичъ отъ нечего дѣлать, желая принять хоть какое-нибудь участіе въ общемъ движеніи, поплелся за ними. Изъ залы они прошли въ гостиную, потомъ въ узкій стеклянный коридоръ, отсюда въ комнату, гдѣ, при появленіи ихъ, быстро вскочили съ дивановъ три сонныя лакейскія фигуры. Наконецъ, пройдя цѣлый рядъ комнатъ, молодой Раббекъ и офицеры вошли въ небольшую комнату, гдѣ стоялъ бильярдъ. Началась игра.

Рябовичъ, никогда не игравшій ни во что, кромѣ картъ, стоялъ возлѣ бильярда и равнодушно глядѣлъ на игроковъ, а они, въ разстегнутыхъ сюртукахъ, съ кіями въ рукахъ, шагали, каламбурили и выкрикивали непонятныя слова. Игроки не замѣчали его, и только изрѣдка кто-нибудь изъ нихъ, толкнувъ его локтемъ, или зацѣпивъ нечаянно кіемъ, оборачивался и го-

ворилъ: «pardon!» Первая партія еще не кончилась, а ужъ онъ соскучился и ему стало казаться, что онъ лишній и мѣшаетъ... Его потянуло обратно въ залу, и онъ вышелъ.

На обратномъ пути ему пришлось пережить маленькое приключеніе. На полдорогѣ онъ замѣтилъ, что идетъ не туда, куда нужно. Онъ отлично помнилъ, что на пути ему должны встрѣтиться три сонныя лакейскія фигуры, но прошелъ онъ пять-шесть комнатъ, эти фигуры точно сквозь землю провалились. Замѣтивъ свою ошибку, онъ прошелъ немного назадъ, взялъ вправо и очутился въ полутемномъ кабинетѣ, какого не видалъ, когда шелъ въ бильярдную; постоявъ здѣсь полминуты, онъ рѣшительно отворилъ первую попавшуюся ему на глаза дверь и вошелъ въ совершенно темную комнату. Прямо видна была дверная щель, въ которую билъ яркій свѣтъ; изъ-за двери доносились глухіе звуки грустной мазурки. Тутъ такъ же, какъ и въ залѣ, окна были открыты настежь и пахло тополемъ, сиренью и розами...

Рябовичъ остановился въ раздумьи... Въ это время неожиданно для него послышались торопливые шаги и шуршанье платья, женскій задыхающійся голосъ прошепталъ: «наконецъ-то!» и двѣ мягкія, пахучія, несомнѣнно женскія руки охватили его шею; къ его щекѣ прижалась теплая щека и одновременно раздался звукъ поцѣлуя. Но тотчасъ же цѣловавшая слегка вскрикнула и, какъ показалось Рябовичу, съ отвращеніемъ отскочила отъ него. Онъ тоже едва не вскрикнулъ и бросился къ яркой дверной щели...

Когда онъ вернулся въ залу, сердце его билось, и руки дрожали такъ замѣтно, что онъ поторопился спрятать ихъ за спину. На первыхъ порахъ его мучили стыдъ и страхъ, что весь залъ знаетъ о томъ, что его сейчасъ обнимала и цѣловала женщина, онъ ежился и безпокойно оглядывался по сторонамъ, но, убѣдившись, что въ залѣ попрежнему преспокойно пляшутъ и болтаютъ, онъ весь предался новому, до сихъ поръ ни разу въ жизни не испытанному ощущенію. Съ нимъ дѣлалось что-то странное... Его шея, которую только-что обхватывали мягкія пахучія руки, казалось ему, была вымазана масломъ; на щекѣ около лѣваго уса, куда поцѣловала незнакомка, дрожалъ легкій, пріятный холодокъ, какъ отъ мятныхъ капель, и чѣмъ больше онъ теръ это мѣсто, тѣмъ сильнѣе чувствовался этотъ холодокъ, весь же онъ отъ головы до пятъ былъ полонъ новаго страннаго чувства, которое все росло и росло... Ему захотѣлось плясать, говорить, бѣжать въ садъ, громко смѣяться... Онъ совсѣмъ забылъ, что онъ сутуловатъ и безцвѣтенъ, что у него рысьи бакены и «неопредѣленная наружность» (такъ однажды была названа его наружность въ дамскомъ разговорѣ, который онъ нечаянно подслушалъ). Когда мимо него проходила жена Раббека, онъ улыбнулся ей такъ широко и ласково, что она остановилась и вопросительно поглядѣла на него.

— Вашъ домъ мнѣ ужасно нравится!.. — сказалъ онъ, поправляя очки.

Генеральша улыбнулась и разсказала, что этотъ домъ принадлежалъ еще ея отцу, потомъ она спросила, живы ли его родители, давно ли

онъ на службѣ, отчего такъ тощъ и проч. Получивъ отвѣты на свои вопросы, она пошла дальше, а онъ послѣ разговора съ нею сталъ улыбаться еще ласковѣе и думать, что его окружаютъ великолѣпнѣйшіе люди....

За ужиномъ Рябовичъ машинально ѣлъ все, что ему предлагали, пилъ и, не слыша ничего, старался объяснить себѣ недавнее приключеніе... Это приключеніе носило характеръ таинственный и романическій, но объяснить его было не трудно. Навѣрное, какая-нибудь барышня или дама назначила кому-нибудь свиданіе въ темной комнатѣ, долго ждала и, будучи нервно возбуждена, приняла Рябовича за своего героя; это тѣмъ болѣе вѣроятно, что Рябовичъ, проходя черезъ темную комнату, остановился въ раздумьи, то-есть имѣлъ видъ человѣка, который тоже чего-то ждетъ... Такъ и объяснилъ себѣ Рябовичъ полученный поцѣлуй.

«А кто же она? — думалъ онъ, оглядывая женскія лица. — Она должна быть молода, потому что старыя не ходятъ на свиданія. Затѣмъ, что она интеллигентна, чувствовалось по шороху платья, по запаху, по голосу...»

Онъ остановилъ взглядъ на сиреневой барышнѣ, и она ему очень понравилась; у нея были красивыя плечи и руки, умное лицо и прекрасный голосъ. Рябовичу, глядя на нее, захотѣлось, чтобы именно она, а не кто другая, была тою незнакомкой... Но она какъ-то неискренно засмѣялась и поморщила свой длинный носъ, который показался ему старообразнымъ; тогда онъ перевелъ взглядъ на блондинку въ черномъ платьѣ. Эта была моложе, попроще и искрен-

нѣе, имѣла прелестные виски и очень красиво пила изъ рюмки. Рябовичу теперь захотѣлось, чтобы она была тою. Но скоро онъ нашелъ, что ея лицо плоско, и перевелъ глаза на ея сосѣдку...

«Трудно угадать, — думалъ онъ, мечтая. — Если отъ сиреневой взять только плечи и руки, прибавить виски блондинки, а глаза взять у этой, что сидитъ налѣво отъ Лобытко, то...»

Онъ сдѣлалъ въ умѣ сложеніе и у него получился образъ дѣвушки, цѣловавшей его, тотъ образъ, котораго онъ хотѣлъ, но никакъ не могъ найти за столомъ...

После ужина гости, сытые и охмелѣвшіе, стали прощаться и благодарить. Хозяева опять начали извиняться, что не могутъ оставить ихъ у себя ночевать.

— Очень, очень радъ, господа! — говорилъ генералъ, и на этотъ разъ искренно (вѣроятно оттого, что, провожая гостей, люди бываютъ гораздо искреннѣе и добрѣе, чѣмъ встрѣчая). — Очень радъ! Милости просимъ на обратномъ пути! Безъ церемоніи! Куда же вы? Хотите вѐрхомъ идти? Нѣтъ, идите черезъ садъ, низомъ — здѣсь ближе.

Офицеры вышли въ садъ. Послѣ яркаго свѣта и шума въ саду показалось имъ очень темно и тихо. До самой калитки шли они молча. Были они полупьяны, веселы, довольны, но потемки и тишина заставили ихъ на минуту призадуматься. Каждому изъ нихъ, какъ Рябовичу, вѣроятно, пришла одна и та же мысль: настанетъ ли и для нихъ когда-нибудь время, когда они, подобно Раббеку, будутъ имѣть большой

домъ, семью, садъ, когда и они будутъ имѣть также возможность, хотя бы неискренно, ласкать людей, дѣлать ихъ сытыми, пьяными, довольными?

Выйдя изъ калитки, они всѣ сразу заговорили и безъ причины стали громко смѣяться. Теперь ужъ они шли по тропинкѣ, которая спускалась внизъ къ рѣкѣ и потомъ бѣжала у самой воды, огибая прибрежные кусты, промоины и вербы, нависшія надъ водой. Берегъ и тропинка были еле видны, а другой берегъ весь тонулъ въ потемкахъ. Кое-гдѣ на темной водѣ отражались звѣзды; онѣ дрожали и расплывались — и только по этому можно было догадаться, что рѣка текла быстро. Было тихо. На томъ берегу стонали сонные кулики, а на этомъ, въ одномъ изъ кустовъ, не обращая никакого вниманія на толпу офицеровъ, громко заливался соловей. Офицеры постояли около куста, потрогали его, а соловей все пѣлъ.

— Каковъ? — послышались одобрительные возгласы. — Мы стоимъ возлѣ, а онъ ноль вниманія! Этакая шельма!

Въ концѣ пути тропинка шла вверхъ и около церковной ограды впадала въ дорогу. Здѣсь офицеры, утомленные ходьбой на гору, посидѣли, покурили. На другомъ берегу показался красный, тусклый огонекъ, и они отъ нечего дѣлать долго рѣшали, костеръ ли это, огонь ли въ окнѣ, или что-нибудь другое... Рябовичъ тоже глядѣлъ на огонь, и ему казалось, что этотъ огонь улыбался и подмигивалъ ему съ такимъ видомъ, какъ будто зналъ о поцѣлуѣ.

Придя на квартиру, Рябовичъ поскорѣе раз-

дѣлся и легъ. Въ одной избѣ съ нимъ остановились Лобытко и поручикъ Мерзляковъ, тихій, молчаливый малый, считавшійся въ своемъ кружкѣ образованнымъ офицеромъ и всегда, гдѣ только было возможно, читавшій «Вѣстникъ Европы», который возилъ всюду съ собою. Лобытко раздѣлся, долго ходилъ изъ угла въ уголъ, съ видомъ человѣка, который не удовлетворенъ, и послалъ денщика за пивомъ. Мерзляковъ легъ, поставилъ у изголовья свѣчу и погрузился въ чтеніе «Вѣстника Европы».

«Кто же она?» — думалъ Рябовичъ, глядя на закопченный потолокъ.

Шея его все еще, казалось ему, была вымазана масломъ и около рта чувствовался холодокъ, какъ отъ мятныхъ капель. Въ воображеніи его мелькали плечи и руки сиреневой барышни, виски и искренніе глаза блондинки въ черномъ, таліи, платья, броши. Онъ старался остановить свое вниманіе на этихъ образахъ, а они прыгали, расплывались, мигали. Когда на широкомъ черномъ фонѣ, который видитъ каждый человѣкъ, закрывая глаза, совсѣмъ исчезали эти образы, онъ начиналъ слышать торопливые шаги, шорохъ платья, звукъ поцѣлуя и — сильная, безпричинная радость овладѣла имъ... Предаваясь этой радости, онъ слышалъ, какъ денщикъ вернулся и доложилъ, что пива нѣтъ. Лобытко страшно возмутился и опять зашагалъ.

— Ну, не идіотъ ли? — говорилъ онъ, останавливаясь то передъ Рябовичемъ, то передъ Мерзляковымъ. — Какимъ надо быть болваномъ и дуракомъ, чтобы не найти пива? А? Ну, не каналья ли?

— Конечно, здѣсь нельзя найти пива, — сказалъ Мерзляковъ, не отрывая глазъ отъ «Вѣстника Европы».

— Да? Вы такъ думаете? — приставалъ Лобытко. — Господи, Боже мой, забросьте меня на луну, такъ я сейчасъ же найду вамъ и пива, и женщинъ! Вотъ пойду сейчасъ и найду... Назовите меня подлецомъ, если не найду!

Онъ долго одѣвался и натягивалъ большіе сапоги, потомъ молча выкурилъ папироску и пошелъ.

— Раббекъ, Граббекъ, Лаббекъ, — забормоталъ онъ, останавливаясь въ сѣняхъ. — Не хочется идти одному, чортъ возьми. Рябовичъ, не хотите ли променажъ сдѣлать? А?

Не получивъ отвѣта, онъ вернулся, медленно раздѣлся и легъ. Мерзляковъ вздохнулъ, сунулъ въ сторону «Вѣстникъ Европы» и потушилъ свѣчу.

— Н-да-съ... — пробормоталъ Лобытко, закуривая въ потемкахъ папиросу.

Рябовичъ укрылся съ головой и, свернувшись калачикомъ, сталъ собирать въ воображеніи мелькающіе образы и соединять ихъ въ одно цѣлое. Но у него ничего не получилось. Скоро онъ уснулъ и послѣдней его мыслью было то, что кто-то обласкалъ и обрадовалъ его, что въ его жизни совершилось что-то необыкновенное, глупое, но чрезвычайно хорошее и радостное. Эта мысль не оставляла его и во снѣ.

Когда онъ проснулся, ощущенія масла на шеѣ и мятнаго холодка около губъ ужъ не было, но радость по-вчерашнему волной ходила въ груди. Онъ съ восторгомъ поглядѣлъ на оконныя

рамы, позолоченныя восходящимъ солнцемъ, и прислушивался къ движенію, происходившему на улицѣ. У самыхъ оконъ громко разговаривали. Батарейный командиръ Рябовича, Лебедецкій, только-что догнавшій бригаду, очень громко, отъ непривычки говорить тихо, бесѣдовалъ со своимъ фельдфебелемъ.

— А еще что? — кричалъ командиръ.

— При вчерашней перековкѣ, ваше высокоблагородіе, Голубчика заковали. Фельдшеръ приложилъ глины съ уксусомъ. Ведутъ теперь въ поводу сторонкой. А также, ваше высокоблагородіе, вчерась мастеровой Артемьевъ напился, и поручикъ велѣли посадить его на передокъ запасного лафета.

Фельдфебель доложилъ еще, что Карповъ забылъ новые шнуры къ трубамъ и колья къ палаткамъ, и что гг. офицеры вчерашній вечеръ изволили быть въ гостяхъ у генерала фонъ-Раббека. Среди разговора въ окнѣ показалась рыжебородая голова Лебедецкаго. Онъ пощурилъ близорукіе глаза на сонныя физіономіи офицеровъ и поздо́ровался.

— Все благополучно? — спросилъ онъ.

— Коренная подсѣдельная набила себѣ холку, — отвѣтилъ Лобытко, зѣвая: — новымъ хомутомъ.

Командиръ вздохнулъ, подумалъ и сказалъ громко:

— А я еще думаю къ Александрѣ Евграфовнѣ съѣздить. Надо ее провѣдать. Ну, прощайте. Къ вечеру я васъ догоню.

Черезъ четверть часа бригада тронулась въ путь. Когда она двигалась по дорогѣ мимо го-

сподскихъ амбаровъ, Рябовичъ поглядѣлъ вправо на домъ. Окна были закрыты жалюзи. Очевидно, въ домѣ всѣ еще спали. Спала и та, которая вчера цѣловала Рябовича. Онъ захотѣлъ вообразить ее спящею. Открытое настежь окно спальни, зеленыя вѣтки, заглядывающія въ это окно, утреннюю свѣжесть, запахъ тополя, сирени и розъ, кровать, стулъ и на немъ платье, которое вчера шуршало, туфельки, часики на столѣ — все это нарисовалъ онъ себѣ ясно и отчетливо; но черты лица, милая сонная улыбка, именно то, что важно и характерно, ускользало отъ его воображенія, какъ ртуть изъ-подъ пальца. Проѣхавъ полверсты, онъ оглянулся назадъ: желтая церковь, домъ, рѣка и садъ были залиты свѣтомъ; рѣка со своими ярко-зелеными берегами, отражая въ себѣ голубое небо и кое-гдѣ серебрясь на солнцѣ, была очень красива. Рябовичъ взглянулъ въ послѣдній разъ на Мѣстечки, и ему стало такъ грустно, какъ будто онъ разставался съ чѣмъ-то очень близкимъ и роднымъ.

А на пути передъ глазами лежали однѣ только давно знакомыя, неинтересныя картины... Направо и налѣво поля молодой ржи и гречихи съ прыгающими грачами; взглянешь впередъ — видишь пыль и затылки, оглянешься назадъ — видишь ту же пыль и лица... Впереди всѣхъ шагаютъ четыре человѣка съ шашками — это авангардъ. За ними толпа пѣсельниковъ, а за пѣсельниками трубачи верхами. Авангардъ и пѣсельники, какъ факельщики въ похоронной процессіи, то-и-дѣло забываютъ объ уставномъ разстояніи и заходятъ далеко впередъ... Рябовичъ

находится у перваго орудія пятой батареи. Ему видны всѣ четыре батареи, идущія впереди его. Для человѣка невоеннаго эта длинная, тяжелая вереница, какою представляется движущаяся бригада, кажется мудреной и мало понятной кашей, непонятно, почему около одного орудія столько людей и почему его везутъ столько лошадей, опутанныхъ странной сбруей, точно оно и въ самомъ дѣлѣ такъ страшно и тяжело. Для Рябовича же все понятно, а потому крайне неинтересно. Онъ давно уже знаетъ, для чего впереди каждой батареи рядомъ съ офицеромъ ѣдетъ солидный фейерверкеръ и почему онъ называется уноснымъ; вслѣдъ за спиной этого фейерверкера видны ѣздовые перваго, потомъ средняго выноса; Рябовичъ знаетъ, что лѣвыя лошади, на которыхъ они сидятъ, называются подсѣдельными, а правыя подручными — это очень неинтересно. За ѣздовымъ слѣдуютъ двѣ коренныя лошади. На одной изъ нихъ сидитъ ѣздовой со вчерашней пылью на спинѣ и съ неуклюжей, очень смѣшной деревяжкой на правой ногѣ; Рябовичъ знаетъ назначеніе этой деревяжки, и она не кажется ему смѣшною. Ѣздовые, всѣ, сколько ихъ есть, машинально взмахиваютъ нагайками и изрѣдка покрикиваютъ. Само орудіе некрасиво. На передкѣ лежали мѣшки съ овсомъ, прикрытые брезентомъ, а орудіе все завѣшано чайниками, солдатскими сумками, мѣшочками, и имѣетъ видъ маленькаго безвреднаго животнаго, которое неизвѣстно для чего окружили люди и лошади. По бокамъ его, съ подвѣтреной стороны, размахивая руками, шагаютъ шесть человѣкъ прислуги. За орудіемъ опять начина-

ются новые уносные, ѣздовые, коренные, а за ними тянется новое орудіе, такое же некрасивое и невнушительное, какъ и первое. За вторымъ слѣдуетъ третье, четвертое; около четвертаго офицеръ и т. д. Всѣхъ батарей въ бригадѣ шесть, а въ каждой батареѣ по четыре орудія. Вереница тянется на полверсты. Заканчивается она обозомъ, около котораго задумчиво, понуривъ свою длинноухую голову, шагаетъ въ высшей степени симпатичная рожа — оселъ Магаръ, вывезенный однимъ батарейнымъ командиромъ изъ Турціи.

Рябовичъ равнодушно глядѣлъ впередъ и назадъ, на затылки и на лица; въ другое время онъ задремалъ бы, но теперь онъ весь погрузился въ свои новыя, пріятныя мысли. Сначала, когда бригада только-что двинулась въ путь, онъ хотѣлъ убѣдить себя, что исторія съ поцѣлуемъ можетъ быть интересна только какъ маленькое, таинственное приключеніе, что по существу она ничтожна и думать о ней серьезно, по меньшей мѣрѣ, глупо; но скоро онъ махнулъ на логику рукой и отдался мечтамъ... То онъ воображалъ себя въ гостиной у Раббека, рядомъ съ дѣвушкой, похожей на сиреневую барышню и на блондинку въ черномъ; то закрывалъ глаза и видѣлъ себя съ другою, совсѣмъ незнакомою дѣвушкою съ очень неопредѣленными чертами лица; мысленно онъ говорилъ, ласкалъ, склонялся къ плечу, представлялъ себѣ войну и разлуку, потомъ встрѣчу, ужинъ съ женой, дѣтей...

«Къ валькамъ!», — раздавалась команда всякій разъ при спускѣ съ горы.

Онъ тоже кричалъ «къ валькамъ!» и боялся,

чтобы этотъ крикъ не порвалъ его мечты и не вызвалъ бы его къ дѣйствительности...

Проѣзжая мимо какого-то помѣщичьяго имѣнія, Рябовичъ поглядѣлъ черезъ палисадникъ въ садъ. На глаза ему попалась длинная, прямая, какъ линейка, аллея, посыпанная желтымъ пескомъ и обсаженная молодыми березками... Съ жадностью размечтавшагося человѣка онъ представилъ себѣ маленькія женскія ноги, идущія по желтому песку, и совсѣмъ неожиданно въ его воображеніи ясно вырисовалась та, которая цѣловала его и которую онъ сумѣлъ представить себѣ вчера за ужиномъ. Этотъ образъ остановился въ его мозгу и ужъ не оставлялъ его.

Въ полдень, сзади, около обоза, раздался крикъ:

— Смирно! Глаза налѣво! Гг. офицеры!

Въ коляскѣ, на парѣ бѣлыхъ лошадей, прокатилъ бригадный генералъ. Онъ остановился около второй батареи и закричалъ что-то такое, чего никто не понялъ. Къ нему поскакали нѣсколько офицеровъ, въ томъ числѣ и Рябовичъ.

— Ну, какъ? Что? — спросилъ генералъ, моргая красными глазами. — Есть больные?

Получивъ отвѣты, генералъ, маленькій и тощій, пожевалъ, подумалъ и сказалъ, обращаясь къ одному изъ офицеровъ:

— У васъ коренной ѣздовой третьяго орудія снялъ наколѣнникъ и повѣсилъ его, каналья, на передокъ. Взыщите съ него.

Онъ поднялъ глаза на Рябовича и продолжалъ:

— А у васъ, кажется, нашильники слишкомъ длинны...

Сдѣлавъ еще нѣсколько скучныхъ замѣчаній, генералъ поглядѣлъ на Лобытко и усмѣхнулся.

— А у васъ, поручикъ Лобытко, сегодня очень грустный видъ, — сказалъ онъ. — По Лопуховой скучаете? А? Господа, онъ по Лопуховой соскучился!

Лопухова была очень полная и очень высокая дама, давно уже перевалившая за сорокъ. Генералъ, питавшій пристрастіе къ крупнымъ особамъ, какого бы возраста онѣ ни были, подозрѣвалъ въ этомъ пристрастіи и своихъ офицеровъ. Офицеры почтительно улыбнулись. Бригадный, довольный тѣмъ, что сказалъ что-то смѣшное и ядовитое, громко захохоталъ, коснулся кучерской спины и сдѣлалъ подъ козырекъ. Коляска покатила дальше...

«Все, о чемъ я теперь мечтаю и что мнѣ теперь кажется невозможнымъ и неземнымъ, въ сущности очень обыкновенно, — думалъ Рябовичъ, глядя на облака пыли, бѣжавшія за генеральской коляской. — Все это очень обыкновенно и переживается всѣми... Напримѣръ, этотъ генералъ въ свое время любилъ, теперь женатъ, имѣетъ дѣтей. Капитанъ Вахтеръ тоже женатъ и любимъ, хотя у него очень некрасивый красный затылокъ и нѣтъ таліи... Сальмановъ грубъ и слишкомъ татаринъ, но у него былъ романъ, кончившійся женитьбой... Я такой же, какъ и всѣ, и переживу рано или поздно то же самое, что и всѣ...»

И мысль, что онъ обыкновенный человѣкъ и что жизнь его обыкновенна, обрадовала и подбодрила его. Онъ уже смѣло, какъ хотѣлъ, ри-

совалъ *ее* и свое счастье и ничѣмъ не стѣснялъ своего воображенія...

Когда вечеромъ бригада прибыла къ мѣсту и офицеры отдыхали въ палаткахъ, Рябовичъ, Мерзляковъ и Лобытко сидѣли вокругъ сундука и ужинали. Мерзляковъ не спѣша ѣлъ и, медленно жуя, читалъ «Вѣстникъ Европы», который держалъ на колѣняхъ. Лобытко безъ-умолку говорилъ и подливалъ въ стаканъ пиво, а Рябовичъ, у котораго отъ цѣлодневныхъ мечтаній стоялъ туманъ въ головѣ, молчалъ и пилъ. Послѣ трехъ стакановъ онъ охмелѣлъ, ослабѣлъ и ему неудержимо захотѣлось подѣлиться съ товарищами своимъ новымъ ощущеніемъ.

— Странный случился со мной случай у этихъ Раббековъ... — началъ онъ, стараясь придать своему голосу равнодушный и насмѣшливый тонъ. — Пошелъ я, знаете ли, въ бильярдную...

Онъ сталъ разсказывать очень подробно исторію съ поцѣлуемъ и черезъ минуту умолкъ... Въ эту минуту онъ разсказалъ все, и его страшно удивило, что для разсказа понадобилось такъ мало времени. Ему казалось, что о поцѣлуѣ можно разсказывать до самаго утра. Выслушавъ его, Лобытко, много лгавшій, а потому никому не вѣрившій, недовѣрчиво посмотрѣлъ на него и усмѣхнулся. Мерзляковъ пошевелилъ бровями и покойно, не отрывая глазъ отъ «Вѣстника Европы», сказалъ:

— Богъ знаетъ что!.. Бросается на шею, не окликнувъ... Должно быть, психопатка какая-нибудь.

— Да, должно быть, психопатка... — согласился Рябовичъ.

— Подобный же случай былъ однажды со мной... — сказалъ Лобытко, дѣлая испуганные глаза. — Ѣду я въ прошломъ году въ Ковно... Беру билетъ II класса... Вагонъ биткомъ набитъ и спать невозможно. Даю кондуктору полтину... Тотъ беретъ мой багажъ и ведетъ меня въ купэ... Ложусь и укрываюсь одѣяломъ... Темно, понимаете ли. Вдругъ слышу, кто-то трогаетъ меня за плечо и дышитъ мнѣ на лицо. Я этакъ сдѣлалъ движеніе рукой и чувствую чей-то локоть... Открываю глаза и, можете себѣ представить, — женщина! Черные глаза, губы красныя, какъ хорошая семга, ноздри дышатъ страстью, грудь — буфера.

— Позвольте, — перебилъ покойно Мерзляковъ: — насчетъ груди я понимаю, но какъ вы могли увидѣть губы, если было темно?

Лобытко сталъ изворачиваться и смѣяться надъ несообразительностью Мерзлякова. Это покоробило Рябовича. Онъ отошелъ отъ сундука, легъ и далъ себѣ слово никогда не откровенничать.

Наступила лагерная жизнь... Потекли дни, очень похожіе другъ на друга. Во всѣ эти дни Рябовичъ чувствовалъ, мыслилъ и держалъ себя, какъ влюбленный. Каждое утро, когда денщикъ подавалъ ему умываться, онъ, обливая голову холодной водой, всякій разъ вспоминалъ, что въ его жизни есть что-то хорошее и теплое.

Вечерами, когда товарищи начинали разговоръ о любви и о женщинахъ, онъ прислушивался, подходилъ ближе и принималъ такое вы-

раженіе, какое бываетъ на лицахъ солдатъ, когда они слушаютъ разсказъ о сраженіи, въ которомъ сами участвовали. А въ тѣ вечера, когда подгулявшее оберъ-офицерство, съ сетеромъ-Лобытко во главѣ, дѣлало донъ-жуанскіе набѣги на «слободку», Рябовичъ, принимавшій участіе въ набѣгахъ, всякій разъ бывалъ грустенъ, чувствовалъ себя глубоко виноватымъ и мысленно просилъ у *нея* прощенія... Въ часы бездѣлья или въ безсонныя ночи, когда ему приходила охота вспоминать дѣтство, отца, мать, вообще родное и близкое, онъ непремѣнно вспоминалъ и Мѣстечки, странную лошадь, Раббека, его жену, похожую на императрицу Евгенію, темную комнату, яркую щель въ двери...

31-го августа онъ возвращался изъ лагеря, но уже не со всей бригадой, а съ двумя батареями. Всю дорогу онъ мечталъ и волновался, точно ѣхалъ на родину. Ему страстно хотѣлось опять увидѣть странную лошадь, церковь, неискреннюю семью Раббековъ, темную комнату; «внутренній голосъ», такъ часто обманывающій влюбленныхъ, шепталъ ему почему-то, что онъ непремѣнно увидитъ ее... И его мучили вопросы: какъ онъ встрѣтится съ ней? о чемъ будетъ съ ней говорить? не забыла ли она о поцѣлуѣ? На худой конецъ, думалъ онъ, если бы даже она не встрѣтилась ему, то для него было бы пріятно уже одно то, что онъ пройдется по темной комнатѣ и вспомнитъ...

Къ вечеру на горизонтѣ показались знакомая церковь и бѣлые амбары. У Рябовича забилось сердце... Онъ не слушалъ офицера, ѣхавшаго рядомъ и что-то говорившаго ему, про все

забылъ и съ жадностью всматривался въ блестѣвшую вдали рѣку, въ крышу дома, въ голубятню, надъ которой кружились голуби, освѣщенные заходившимъ солнцемъ.

Подъѣзжая къ церкви и потомъ выслушивая квартирьера, онъ ждалъ каждую секунду, что изъ-за ограды покажется верховой и пригласитъ офицеровъ къ чаю, но... докладъ квартирьеровъ кончился, офицеры спѣшились и побрели въ деревню, а верховой не показывался...

«Сейчасъ Раббекъ узнаетъ отъ мужиковъ, что мы пріѣхали, и пришлетъ за нами», — думалъ Рябовичъ, входя въ избу и не понимая, зачѣмъ это товарищъ зажигаетъ свѣчу и зачѣмъ денщики спѣшатъ ставить самовары...

Тяжелое безпокойство овладѣло имъ. Онъ легъ, потомъ всталъ и поглядѣлъ въ окно, не ѣдетъ ли верховой? Но верхового не было. Онъ опять легъ, черезъ полчаса всталъ и, не выдержавъ безпокойства, вышелъ на улицу и зашагалъ къ церкви. На площади, около ограды, было темно и пустынно... Какіе-то три солдата стояли рядомъ у самаго спуска и молчали. Увидѣвъ Рябовича, они встрепенулись и отдали честь. Онъ откозырялъ имъ въ отвѣтъ и сталъ спускаться внизъ по знакомой тропинкѣ.

На томъ берегу все небо было залито багровой краской: восходила луна; какія-то двѣ бабы, громко разговаривая, ходили по огороду и рвали капустные листья; за огородами темнѣло нѣсколько избъ... А на этомъ берегу было все то же, что и въ маѣ: тропинка, кусты, вербы, нависшія надъ водой... только не слышно было

храбраго соловья, да не пахло тополемъ и молодой травой.

Дойдя до сада, Рябовичъ заглянулъ въ калитку. Въ саду было темно и тихо... Видны были только бѣлые стволы ближайшихъ березъ, да кусочекъ аллеи; все же остальное мѣшалось въ черную массу. Рябовичъ жадно вслушивался и всматривался, но, простоявъ съ четверть часа и не дождавшись ни звука, ни огонька, поплелся назадъ...

Онъ подошелъ къ рѣкѣ. Передъ нимъ бѣлѣли генеральская купальня и простыни, висѣвшія на перилахъ мостика... Онъ взошелъ на мостикъ, постоялъ и безъ всякой надобности потрогалъ простыню. Простыня оказалась шершавой и холодной. Онъ поглядѣлъ внизъ на воду... Рѣка бѣжала быстро и едва слышно журчала около сваенъ купальни. Красная луна отражалась у лѣваго берега; маленькія волны бѣжали по ея отраженію, растягивали его, разрывали на части и, казалось, хотѣли унести...

«Какъ глупо! Какъ глупо! — думалъ Рябовичъ, глядя на бѣгущую воду. — Какъ все это не умно!»

Теперь, когда онъ ничего не ждалъ, исторія съ поцѣлуемъ, его нетерпѣніе, неясныя надежды и разочарованіе представлялись ему въ ясномъ свѣтѣ. Ему ужъ не казалось страннымъ, что онъ не дождался генеральскаго верхового и что никогда не увидитъ той, которая случайно поцѣловала его вмѣсто другого; напротивъ, было бы странно, если бы онъ увидѣлъ ее...

Вода бѣжала неизвѣстно куда и зачѣмъ. Бѣжала она такимъ же образомъ и въ маѣ; изъ

рѣчки въ маѣ мѣсяцѣ она влилась въ большую рѣку, изъ рѣки въ море, потомъ испарилась, обратилась въ дождь и, быть можетъ, она, та же самая вода, опять бѣжитъ теперь передъ глазами Рябовича... Къ чему? Зачѣмъ?

И весь міръ, вся жизнь показались Рябовичу непонятной, безцѣльной шуткой... А отведя глаза отъ воды и взглянувъ на небо, онъ опять вспомнилъ, какъ судьба въ лицѣ незнакомой женщины нечаянно обласкала его, вспомнилъ свои лѣтніе мечты и образы, и его жизнь показалась ему необыкновенно скудной, убогой и безцвѣтной...

Когда онъ вернулся къ себѣ въ избу, то не засталъ ни одного товарища. Денщикъ доложилъ ему, что всѣ они ушли къ «генералу Фонтрябкину», приславшему за ними верхового!.. На мгновеніе въ груди Рябовича вспыхнула радость, но онъ тотчасъ же потушилъ ее, легъ въ постель и назло своей судьбѣ, точно желая досадить ей, не пошелъ къ генералу.

1887.

Каштанка

I

Дурное поведеніе

Молодая, рыжая собака — помѣсь такса съ дворняжкой — очень похожая мордой на лисицу, бѣгала взадъ и впередъ по тротуару и безпокойно оглядывалась по сторонамъ. Изрѣдка она останавливалась и, плача, приподнимая то одну озябшую лапу, то другую, старалась дать себѣ отчетъ: какъ это могло случиться, что она заблудилась?

Она отлично помнила, какъ она провела день и какъ, въ концѣ концовъ, попала на этотъ незнакомый тротуаръ.

День начался съ того, что ея хозяинъ, столяръ Лука Александрычъ, надѣлъ шапку, взялъ подъ мышку какую-то деревянную штуку, завернутую въ красный платокъ, и крикнулъ:

— Каштанка, пойдемъ!

Услыхавъ свое имя, помѣсь такса съ дворняжкой вышла изъ-подъ верстака, гдѣ она спала на стружкахъ, сладко потянулась и побѣжала за хозяиномъ. Заказчики Луки Александрыча жили ужасно далеко, такъ что, прежде чѣмъ дойти до каждаго изъ нихъ, столяръ долженъ былъ по нѣскольку разъ заходить въ трактиръ и подкрѣпляться. Каштанка помнила, что по дорогѣ она вела себя крайне неприлично. Отъ радости, что ее взяли гулять, она прыгала, бросалась съ лаемъ на вагоны конно-желѣзки, за-

бѣгала во дворы и гонялась за собаками. Столяръ то-и-дѣло терялъ ее изъ виду, останавливался и сердито кричалъ на нее. Разъ даже онъ съ выраженіемъ алчности на лицѣ забралъ въ кулакъ ея лисье ухо, потрепалъ и проговорилъ съ разстановкой:

— Чтобъ... ты... из...дох...ла, холера!

Побывавъ у заказчиковъ, Лука Александрычъ зашелъ на минутку къ сестрѣ, у которой пилъ и закусывалъ; отъ сестры пошелъ онъ къ знакомому переплетчику, отъ переплетчика въ трактиръ, изъ трактира къ куму и т. д. Однимъ словомъ, когда Каштанка попала на незнакомый тротуаръ, то уже вечерѣло и столяръ былъ пьянъ, какъ сапожникъ. Онъ размахивалъ руками и, глубоко вздыхая, бормоталъ:

— Во грѣсѣхъ роди мя мати во утробѣ моей! Охъ, грѣхи, грѣхи! Теперь вотъ мы по улицѣ идемъ и на фонарики глядимъ, а какъ помремъ — въ геенѣ огненной горѣть будемъ...

Или же онъ впадалъ въ добродушный тонъ, подзывалъ къ себѣ Каштанку и говорилъ ей:

— Ты, Каштанка, насѣкомое существо и больше ничего. Супротивъ человѣка ты все равно, что плотникъ супротивъ столяра...

Когда онъ разговаривалъ съ нею такимъ образомъ, вдругъ загремѣла музыка. Каштанка оглянулась и увидѣла, что по улицѣ прямо на нее шелъ полкъ солдатъ. Не вынося музыки, которая разстраивала ей нервы, она заметалась и завыла. Къ великому ея удивленію, столяръ вмѣсто того, чтобы испугаться, завизжать и залаять, широко улыбнулся, вытянулся во фрунтъ и всей пятерней сдѣлалъ подъ козырекъ. Видя,

что хозяинъ не протестуетъ, Каштанка еще громче завыла и, не помня себя, бросилась черезъ дорогу на другой тротуаръ.

Когда она опомнилась, музыка уже не играла и полка не было. Она перебѣжала дорогу къ тому мѣсту, гдѣ оставила хозяина, но, увы! столяра уже тамъ не было. Она бросилась впередъ, потомъ назадъ, еще разъ перебѣжала дорогу, но столяръ точно сквозь землю провалился... Каштанка стала обнюхивать тротуаръ, надѣясь найти хозяина по запаху его слѣдовъ, но раньше какой-то негодяй прошелъ въ новыхъ резиновыхъ калошахъ, и теперь всѣ тонкіе запахи мѣшались съ острою каучуковою вонью, такъ что ничего нельзя было разобрать.

Каштанка бѣгала взадъ и впередъ и не находила хозяина, а между тѣмъ становилось темно. По обѣ стороны улицы зажглись фонари и въ окнахъ домовъ показались огни. Шелъ крупный, пушистый снѣгъ и красилъ въ бѣлое мостовую, лошадиныя спины, шапки извозчиковъ, и чѣмъ больше темнѣлъ воздухъ, тѣмъ бѣлѣе становились предметы. Мимо Каштанки, заслоняя ей поле зрѣнія и толкая ее ногами, безостановочно взадъ и впередъ проходили незнакомые заказчики. (Все человѣчество Каштанка дѣлила на двѣ очень неравныя части: на хозяевъ и на заказчиковъ; между тѣми и другими была существенная разница: первые имѣли право бить ее, а вторыхъ она сама имѣла право хватать за икры). Заказчики куда-то спѣшили и не обращали на нее никакого вниманія.

Когда стало совсѣмъ темно, Каштанкою овладѣли отчаяніе и ужасъ. Она прижалась къ

какому-то подъѣзду и стала горько плакать. Цѣлодневное путешествіе съ Лукой Александрычемъ утомило ее, уши и лапы ея озябли, и къ тому же еще она была ужасно голодна. За весь день ей приходилось жевать только два раза: покушала у переплетчика немножко клейстеру да въ одномъ изъ трактировъ около прилавка нашла колбасную кожину — вотъ и все. Если бы она была человѣкомъ, то навѣрное подумала бы:

«Нѣтъ, такъ жить невозможно! Нужно застрѣлиться!»

II

Таинственный незнакомецъ

Но она ни о чемъ не думала и только плакала. Когда мягкій, пушистый снѣгъ совсѣмъ облѣпилъ ея спину и голову, и она отъ изнеможенія погрузилась въ тяжелую дремоту, вдругъ подъѣздная дверь щелкнула, запищала и ударила ее по боку. Она вскочила. Изъ отворенной двери вышелъ какой-то человѣкъ, принадлежащій къ разряду заказчиковъ. Такъ какъ Каштанка взвизгнула и попала ему подъ ноги, то онъ не могъ не обратить на нее вниманія. Онъ нагнулся къ ней и спросилъ:

— Псина, ты откуда? Я тебя ушибъ? О, бѣдная, бѣдная... Ну, не сердись, не сердись... Виноватъ.

Каштанка поглядѣла на незнакомца сквозь снѣжинки, нависшія на рѣсницы, и увидѣла передъ собой коротенькаго и толстенькаго человѣчка съ бритымъ, пухлымъ лицомъ, въ цилиндрѣ и въ шубѣ нараспашку.

— Что же ты скулишь? — продолжалъ онъ, сбивая пальцемъ съ ея спины снѣгъ. — Гдѣ твой хозяинъ? Должно быть, ты потерялась? Ахъ, бѣдный песикъ! Что же мы теперь будемъ дѣлать?

Уловивъ въ голосѣ незнакомца теплую, душевную нотку, Каштанка лизнула ему руку и заскулила еще жалостнѣе.

— Ахъ ты хорошая, смѣшная! — сказалъ незнакомецъ. — Совсѣмъ лисица! Ну, что жъ, дѣлать нечего, пойдемъ со мной! Можетъ быть, ты и сгодишься на что-нибудь... Ну, фюйть!

Онъ чмокнулъ губами и сдѣлалъ Каштанкѣ знакъ рукой, который могъ означать только одно: «пойдемъ!» Каштанка пошла.

Не больше, какъ черезъ полчаса, она уже сидѣла на полу въ большой, свѣтлой комнатѣ и, склонивъ голову на бокъ, съ умиленіемъ и съ любопытствомъ глядѣла на незнакомца, который сидѣлъ за столомъ и обѣдалъ. Онъ ѣлъ и бросалъ ей кусочки... Сначала онъ далъ ей хлѣба и зеленую корочку сыра, потомъ кусочекъ мяса, полъ-пирожка, куриныхъ костей, а она съ голодухи все это съѣла такъ быстро, что не успѣла разобрать вкуса. И чѣмъ больше она ѣла, тѣмъ сильнѣе чувствовался голодъ.

— Однако, плохо же кормятъ тебя твои хозяева! — говорилъ незнакомецъ, глядя, съ какою свирѣпою жадностью она глотала неразжеванные куски. — И какая ты тощая! Кожа да кости...

Каштанка съѣла много, но не наѣлась, а только опьянѣла отъ ѣды. Послѣ обѣда она разлеглась среди комнаты, протянула ноги и,

чувствуя во всемъ тѣлѣ пріятную истому, завиляла хвостомъ. Пока ея новый хозяинъ, развалившись въ креслѣ, курилъ сигару, она виляла хвостомъ и рѣшала вопросъ: гдѣ лучше — у незнакомца или у столяра? У незнакомца обстановка бѣдная и некрасивая; кромѣ креселъ, дивана, лампы и ковровъ, у него нѣтъ ничего, и комната кажется пустою; у столяра же вся квартира биткомъ набита вещами: у него есть столъ, верстакъ, куча стружекъ, рубанки, стамезки, пилы, клѣтка съ чижикомъ, лохань... У незнакомца не пахнетъ ничѣмъ, у столяра же въ квартирѣ всегда стоитъ туманъ и великолѣпно пахнетъ клеемъ, лакомъ и стружками. Зато у незнакомца есть одно очень важное преимущество — онъ даетъ много ѣсть и, надо отдать ему полную справедливость, когда Каштанка сидѣла передъ столомъ и умильно глядѣла на него, онъ ни разу не ударилъ ее, не затопалъ ногами и ни разу не крикнулъ: «По-ошла вонъ, треклятая!»

Выкуривъ сигару, новый хозяинъ вышелъ и черезъ минуту вернулся, держа въ рукахъ маленькій матрасикъ.

— Эй, ты, песъ, поди сюда! — сказалъ онъ, кладя матрасикъ въ углу около дивана. — Ложись здѣсь. Спи!

Затѣмъ онъ потушилъ лампу и вышелъ. Каштанка разлеглась на матрасикѣ и закрыла глаза; съ улицы послышался лай, и она хотѣла отвѣтить на него, но вдругъ неожиданно ею овладѣла грусть. Она вспомнила Луку Александрыча, его сына Ѳедюшку, уютное мѣстечко подъ верстакомъ... Вспомнила она, что въ длин-

ные зимніе вечера, когда столяръ строгалъ или читалъ вслухъ газету, Ѳедюшка обыкновенно игралъ съ нею... Онъ вытаскивалъ ее за заднія лапы изъ-подъ верстака и выдѣлывалъ съ нею такіе фокусы, что у нея зеленѣло въ глазахъ и болѣло во всѣхъ суставахъ. Онъ заставлялъ ее ходить на заднихъ лапахъ, изображалъ изъ нея колоколъ, то-есть сильно дергалъ ее за хвостъ, отчего она визжала и лаяла, давалъ ей нюхать табаку... Особенно мучителенъ былъ слѣдующій фокусъ: Ѳедюшка привязывалъ на ниточку кусочекъ мяса и давалъ его Каштанкѣ, потомъ же, когда она проглатывала, онъ съ громкимъ смѣхомъ вытаскивалъ его обратно изъ ея желудка. И чѣмъ ярче были воспоминанія, тѣмъ громче и тоскливѣе скулила Каштанка.

Но скоро утомленіе и теплота взяли верхъ надъ грустью... Она стала засыпать. Въ ея воображеніи забѣгали собаки; пробѣжалъ, между прочимъ, и мохнатый, старый пудель, котораго она видѣла сегодня на улицѣ, съ бѣльмомъ на глазу и съ клочьями шерсти около носа. Ѳедюшка, съ долотомъ въ рукѣ, погнался за пуделемъ, потомъ вдругъ самъ покрылся мохнатой шерстью, весело залаялъ и очутился около Каштанки. Каштанка и онъ добродушно понюхали другъ другу носы и побѣжали на улицу...

III

Новое, очень пріятное знакомство

Когда Каштанка проснулась, было уже свѣтло, и съ улицы доносился шумъ, какой бываетъ только днемъ. Въ комнатѣ не было ни души.

Каштанка потянулась, зѣвнула и, сердитая, угрюмая, прошлась по комнатѣ. Она обнюхала углы и мебель, заглянула въ переднюю и не нашла ничего интереснаго. Кромѣ двери, которая вела въ переднюю, была еще одна дверь. Подумавъ, Каштанка поцарапала ее обѣими лапами, отворила и вошла въ слѣдующую комнату. Тутъ на кровати, укрывшись байковымъ одѣяломъ, спалъ заказчикъ, въ которомъ она узнала вчерашняго незнакомца.

«Рррр...» — заворчала она, но, вспомнивъ про вчерашній обѣдъ, завиляла хвостомъ и стала нюхать.

Она понюхала одежду и сапоги незнакомца и нашла, что они очень пахнутъ лошадью. Изъ спальни вела куда-то еще одна дверь, тоже затворенная. Каштанка поцарапала эту дверь, налегла на нее грудью, отворила и тотчасъ же почувствовала странный, очень подозрительный запахъ. Предчувствуя непріятную встрѣчу, ворча и оглядываясь, Каштанка вошла въ маленькую комнатку съ грязными обоями и въ страхѣ попятилась назадъ. Она увидѣла нѣчто неожиданное и страшное. Пригнувъ къ землѣ шею и голову, растопыривъ крылья и шипя, прямо на нее шелъ сѣрый гусь. Нѣсколько въ сторонѣ отъ него, на матрасикѣ, лежалъ бѣлый котъ; увидѣвъ Каштанку, онъ вскочилъ, выгнулъ спину въ дугу, задралъ хвостъ, взъерошилъ шерсть и тоже зашипѣлъ. Собака испугалась не на шутку, но, не желая выдавать своего страха, громко залаяла и бросилась къ коту... Котъ еще сильнѣе выгнулъ спину, зашипѣлъ и ударилъ Каштанку лапой по головѣ.

Каштанка отскочила, присѣла на всѣ четыре лапы и, протягивая къ коту морду, залилась громкимъ, визгливымъ лаемъ; въ это время гусь подошелъ сзади и больно долбанулъ ее клювомъ въ спину. Каштанка вскочила и бросилась на гуся...

— Это что такое? — послышался громкій, сердитый голосъ, и въ комнату вошелъ незнакомецъ въ халатѣ и съ сигарой въ зубахъ. — Что это значитъ? На мѣсто!

Онъ подошелъ къ коту, щелкнулъ его по выгнутой спинѣ и сказалъ:

— Ѳедоръ Тимоѳеичъ, это что значитъ? Драку подняли? Ахъ, ты, старая каналья! Ложись!

И, обратившись къ гусю, онъ крикнулъ:

— Иванъ Иванычъ, на мѣсто!

Котъ покорно легъ на свой матрасикъ и закрылъ глаза. Судя по выраженію его морды и усовъ, онъ самъ былъ недоволенъ, что погорячился и вступилъ въ драку. Каштанка обиженно заскулила, а гусь вытянулъ шею и заговорилъ о чемъ-то быстро, горячо и отчетливо, но крайне непонятно.

— Ладно, ладно! — сказалъ хозяинъ, зѣвая. — Надо жить мирно и дружно. — Онъ погладилъ Каштанку и продолжалъ: — А ты, рыжикъ, не бойся... Это хорошая публика, не обидитъ. Постой, какъ же мы тебя звать будемъ? Безъ имени нельзя, братъ.

Незнакомецъ подумалъ и сказалъ:

— Вотъ что... Ты будешь — Тетка... Понимаешь? Тетка?

И, повторивъ нѣсколько разъ слово «Тет-

ка», онъ вышелъ. Каштанка сѣла и стала наблюдать. Котъ неподвижно сидѣлъ на матрасикѣ и дѣлалъ видъ, что спитъ. Гусь, вытягивая шею и топчась на одномъ мѣстѣ, продолжалъ говорить о чемъ-то быстро и горячо. Повидимому, это былъ очень умный гусь; послѣ каждой длинной тирады, онъ всякій разъ удивленно пятился назадъ и дѣлалъ видъ, что восхищается своею рѣчью... Послушавъ его и отвѣтивъ ему: «рррр...», Каштанка принялась обнюхивать углы. Въ одномъ изъ угловъ стояло маленькое корытце, въ которомъ она увидѣла моченый горохъ и размокшія ржаныя корки. Она попробовала горохъ — не вкусно, попробовала корки — и стала ѣсть. Гусь нисколько не обидѣлся, что незнакомая собака поѣдаетъ его кормъ, а, напротивъ, заговорилъ еще горячѣе и, чтобы показать свое довѣріе, самъ подошелъ къ корытцу и съѣлъ нѣсколько горошинокъ.

IV

Чудеса въ рѣшетѣ

Немного погодя, опять вошелъ незнакомецъ и принесъ съ собою какую-то странную вещь, похожую на ворота и на букву П. На перекладинѣ этого деревяннаго, грубо сколоченнаго П висѣлъ колоколъ и былъ привязанъ пистолетъ; отъ языка колокола и отъ курка пистолета тянулись веревочки. Незнакомецъ поставилъ П посреди комнаты, долго что-то развязывалъ и завязывалъ, потомъ посмотрѣлъ на гуся и сказалъ:

— Иванъ Иванычъ, пожалуйте!

Гусь подошелъ къ нему и остановился въ ожидательной позѣ.

— Ну-съ, — сказалъ незнакомецъ: — начнемъ съ самаго начала. Прежде всего поклонись и сдѣлай реверансъ! Живо!

Иванъ Иванычъ вытянулъ шею, закивалъ во всѣ стороны и шаркнулъ лапкой.

— Такъ, молодецъ... Теперь умри!

Гусь легъ на спину и задралъ вверхъ лапы. Продѣлавъ еще нѣсколько подобныхъ неважныхъ фокусовъ, незнакомецъ вдругъ схватилъ себя за голову, изобразилъ на своемъ лицѣ ужасъ и закричалъ:

— Караулъ! Пожаръ! Горимъ!

Иванъ Иванычъ подбѣжалъ къ П, взялъ въ клювъ веревку и зазвонилъ въ колоколъ.

Незнакомецъ остался очень доволенъ. Онъ погладилъ гуся по шеѣ и сказалъ:

— Молодецъ, Иванъ Иванычъ! Теперь представь, что ты ювелиръ и торгуешь золотомъ и брильянтами. Представь теперь, что ты приходишь къ себѣ въ магазинъ и застаешь въ немъ воровъ. Какъ бы ты поступилъ въ данномъ случаѣ?

Гусь взялъ въ клювъ другую веревочку и потянулъ, отчего тотчасъ же раздался оглушительный выстрѣлъ. Каштанкѣ очень понравился звонъ, а отъ выстрѣла она пришла въ такой восторгъ, что забѣгала вокругъ П и залаяла.

— Тетка, на мѣсто! — крикнулъ ей незнакомецъ. — Молчать!

Работа Ивана Иваныча не кончилась стрѣльбой. Цѣлый часъ потомъ незнакомецъ гонялъ его

вокругъ себя на кордѣ и хлопалъ бичомъ, причемъ гусь долженъ былъ прыгать черезъ барьеръ и сквозь обручъ, становиться на дыбы, то-есть садиться на хвостъ и махать лапками. Каштанка не отрывала глазъ отъ Ивана Иваныча, завывала отъ восторга и нѣсколько разъ принималась бѣгать за нимъ со звонкимъ лаемъ. Утомивъ гуся и себя, незнакомецъ вытеръ со лба потъ и крикнулъ:

— Марья, позови-ка сюда Хавронью Ивановну!

Черезъ минуту послышалось хрюканье... Каштанка заворчала, приняла очень храбрый видъ и на всякій случай подошла поближе къ незнакомцу. Отворилась дверь, въ комнату поглядѣла какая-то старуха и, сказавъ что-то, впустила черную, очень некрасивую свинью. Не обращая никакого вниманія на ворчанье Каштанки, свинья подняла вверхъ свой пятачокъ и весело захрюкала. Повидимому, ей было очень пріятно видѣть своего хозяина, кота и Ивана Иваныча. Когда она подошла къ коту и слегка толкнула его подъ животъ своимъ пятачкомъ и потомъ о чемъ-то заговорила съ гусемъ, въ ея движеніяхъ, въ голосѣ и въ дрожаніи хвостика чувствовалось много добродушія. Каштанка сразу поняла, что ворчать и лаять на такихъ субъектовъ — безполезно.

Хозяинъ убралъ П и крикнулъ:

— Ѳедоръ Тимоѳеичъ, пожалуйте!

Котъ поднялся, лѣниво потянулся и нехотя, точно дѣлая одолженіе, подошелъ къ свиньѣ.

— Ну-съ, начнемъ съ египетской пирамиды, — началъ хозяинъ.

Онъ долго объяснялъ что-то, потомъ скомандовалъ: «разъ... два... три!» Иванъ Иванычъ при словѣ «три» взмахнулъ крыльями и вскочилъ на спину свиньи... Когда онъ, балансируя крыльями и шеей, укрѣпился на щетинистой спинѣ, Ѳедоръ Тимоѳеичъ вяло и лѣниво, съ явнымъ пренебреженіемъ и съ такимъ видомъ, какъ будто онъ презираетъ и ставитъ ни въ грошъ свое искусство, полѣзъ на спину свиньи, потомъ нехотя взобрался на гуся и сталъ на заднія лапы. Получилось то, что незнакомецъ называлъ египетской пирамидой. Каштанка взвизгнула отъ восторга, но въ это время старикъ-котъ зѣвнулъ и, потерявъ равновѣсіе, свалился съ гуся. Иванъ Иванычъ пошатнулся и тоже свалился. Незнакомецъ закричалъ, замахалъ руками и сталъ опять что-то объяснять. Провозившись цѣлый часъ съ пирамидой, неутомимый хозяинъ принялся учить Ивана Иваныча ѣздить верхомъ на котѣ, потомъ сталъ учить кота курить и т. п.

Ученье кончилось тѣмъ, что незнакомецъ вытеръ со лба потъ и вышелъ, Ѳедоръ Тимоѳеичъ брезгливо фыркнулъ, легъ на матрасикъ и закрылъ глаза, Иванъ Иванычъ направился къ корытцу, а свинья была уведена старухой. Благодаря массѣ новыхъ впечатлѣній, день прошелъ для Каштанки незамѣтно, а вечеромъ она со своимъ матрасикомъ была уже водворена въ комнатѣ съ грязными обоями и ночевала въ обществѣ Ѳедора Тимоѳеича и гуся.

V

Талантъ! Талантъ!

Прошелъ мѣсяцъ.

Каштанка уже привыкла къ тому, что ее каждый вечеръ кормили вкуснымъ обѣдомъ и звали Теткой. Привыкла она и къ незнакомцу, и къ своимъ новымъ сожителямъ. Жизнь потекла, какъ по маслу.

Всѣ дни начинались одинаково. Обыкновенно раньше всѣхъ просыпался Иванъ Иванычъ и тотчасъ же подходилъ къ Теткѣ или къ коту, выгибалъ шею и начиналъ говорить о чемъ-то горячо и убѣдительно, но попрежнему непонятно. Иной разъ онъ поднималъ вверхъ голову и произносилъ длинные монологи. Въ первые дни знакомства Каштанка думала, что онъ говоритъ много потому, что очень уменъ, но прошло немного времени, и она потеряла къ нему всякое уваженіе; когда онъ подходилъ къ ней со своими длинными рѣчами, она ужъ не виляла хвостомъ, а третировала его, какъ надоѣдливаго болтуна, который не даетъ никому спать, и безъ всякой церемоніи отвѣчала ему: «рррр»...

Ѳедоръ же Тимоѳеичъ былъ иного рода господинъ. Этотъ, проснувшись, не издавалъ никакого звука, не шевелился и даже не открывалъ глазъ. Онъ охотно бы не просыпался, потому что, какъ видно было, онъ не долюбливалъ жизни. Ничто его не интересовало, ко всему онъ относился вяло и небрежно, все презиралъ и даже, поѣдая сбой вкусный обѣдъ, брезгливо фыркалъ.

Проснувшись, Каштанка начинала ходить по комнатамъ и обнюхивать углы. Только ей

и коту позволялось ходить по всей квартирѣ; гусь же не имѣлъ права переступать порогъ комнатки съ грязными обоями, а Хавронья Ивановна жила гдѣ-то на дворѣ въ сарайчикѣ и появлялась только во время ученья. Хозяинъ просыпался поздно и, напившись чаю, тотчасъ же принимался за свои фокусы. Каждый день въ комнатку вносились П, бичъ, обручи и каждый день продѣлывалось почти одно и то же. Ученье продолжалось часа три-четыре, такъ что иной разъ Ѳедоръ Тимоѳеичъ отъ утомленія пошатывался, какъ пьяный, Иванъ Иванычъ раскрывалъ клювъ и тяжело дышалъ, а хозяинъ становился краснымъ и никакъ не могъ стереть со лба потъ.

Ученье и обѣдъ дѣлали дни очень интересными, вечера же проходили скучновато. Обыкновенно вечерами хозяинъ уѣзжалъ куда-то и увозилъ съ собою гуся и кота. Оставшись одна, Тетка ложилась на матрасикъ и начинала грустить... Грусть подкрадывалась къ ней какъ-то незамѣтно и овладѣвала ею постепенно, какъ потемки комнатой. Начиналось съ того, что у собаки пропадала всякая охота лаять, ѣсть, бѣгать по комнатамъ и даже глядѣть, затѣмъ въ воображеніи ея появлялись какія-то двѣ неясныя фигуры, не то собаки, не то люди, съ физіономіями симпатичными, милыми, но непонятными; при появленіи ихъ, Тетка виляла хвостомъ и ей казалось, что она ихъ гдѣ-то когда-то видѣла и любила... А засыпая, она всякій разъ чувствовала, что отъ этихъ фигуръ пахнетъ клеемъ, стружками и лакомъ.

Когда она совсѣмъ уже свыклась съ но-

вой жизнью и изъ тощей, костлявой дворняжки обратилась въ сытаго, выхоленнаго пса, однажды передъ ученьемъ хозяинъ погладилъ ее и сказалъ:

— Пора намъ, Тетка, дѣломъ заняться. Довольно тебѣ бить баклуши. Я хочу изъ тебя артистку сдѣлать... Ты хочешь быть артисткой?

И онъ сталъ учить ее разнымъ наукамъ. Въ первый урокъ она училась стоять и ходить на заднихъ лапахъ, что ей ужасно нравилось. Во второй урокъ она должна была прыгать на заднихъ лапахъ и хватать сахаръ, который высоко надъ ея головой держалъ учитель. Затѣмъ въ слѣдующіе уроки она плясала, бѣгала на кордѣ, выла подъ музыку, звонила и стрѣляла, а черезъ мѣсяцъ уже могла съ успѣхомъ замѣнять Ѳедора Тимоѳеича въ «египетской пирамидѣ». Училась она очень охотно и была довольна своими успѣхами; бѣганье съ высунутымъ языкомъ на кордѣ, прыганье въ обручъ и ѣзда верхомъ на старомъ Ѳедорѣ Тимоѳеичѣ доставляли ей величайшее наслажденіе. Всякій удавшійся фокусъ она сопровождала звонкимъ, восторженнымъ лаемъ, а учитель удивлялся, приходилъ тоже въ восторгъ и потиралъ руки.

— Талантъ! Талантъ! — говорилъ онъ. — Несомнѣнный талантъ! Ты положительно будешь имѣть успѣхъ!

И Тетка такъ привыкла къ слову «талантъ», что всякій разъ, когда хозяинъ произносилъ его, вскакивала и оглядывалась, какъ будто оно было ея кличкой.

VI

Безпокойная ночь

Теткѣ приснился собачій сонъ, будто за нею гонится дворникъ съ метлой, и она проснулась отъ страха.

Въ комнаткѣ было тихо, темно и очень душно. Кусались блохи. Тетка раньше никогда не боялась потемокъ, но теперь почему-то ей стало жутко и захотѣлось лаять. Въ сосѣдней комнатѣ громко вздохнулъ хозяинъ, потомъ, немного погодя, въ своемъ сарайчикѣ хрюкнула свинья, и опять все смолкло. Когда думаешь о ѣдѣ, то на душѣ становится легче, и Тетка стала думать о томъ, какъ она сегодня украла у Ѳедора Тимоѳеича куриную лапку и спрятала ее въ гостиной между шкапомъ и стѣной, гдѣ очень много паутины и пыли. Не мѣшало бы теперь пойти и посмотрѣть: цѣла ли лапка, или нѣтъ? Очень можетъ быть, что хозяинъ нашелъ ее и скушалъ. Но раньше утра нельзя выходить изъ комнатки — такое правило. Тетка закрыла глаза, чтобы поскорѣе уснуть, такъ какъ она знала по опыту, что чѣмъ скорѣе уснешь, тѣмъ скорѣе наступитъ утро. Но вдругъ недалеко отъ нея раздался странный крикъ, который заставилъ ее вздрогнуть и вскочить на всѣ четыре лапы. Это крикнулъ Иванъ Иванычъ, и крикъ его былъ не болтливый и убѣдительный, какъ обыкновенно, а какой-то дикій, пронзительный и неестественный, похожій на скрипъ отворяемыхъ воротъ. Ничего не разглядѣвъ въ потемкахъ и не понявъ, Тетка почувствовала еще большій страхъ и проворчала:

«Ррррр...»

Прошло много времени, сколько его требуется на то, чтобы обглодать хорошую кость; крикъ не повторялся. Тетка мало-по-малу успокоилась и задремала. Ей приснились двѣ большія черныя собаки съ клочьями прошлогодней шерсти на бедрахъ и на бокахъ; онѣ изъ большой лохани съ жадностью ѣли помои, отъ которыхъ шелъ бѣлый паръ и очень вкусный запахъ; изрѣдка онѣ оглядывались на Тетку, скалили зубы и ворчали: — «А тебѣ мы не дадимъ!» Но изъ дому выбѣжалъ мужикъ въ шубѣ и прогналъ ихъ кнутомъ; тогда Тетка подошла къ лохани и стала кушать, но какъ только мужикъ ушелъ за ворота, обѣ черныя собаки съ ревомъ бросились на нее, и вдругъ опять раздался пронзительный крикъ.

«К-ге! К-ге-ге!» — крикнулъ Иванъ Иванычъ.

Тетка проснулась, вскочила и, не сходя съ матрасика, залилась воющимъ лаемъ. Ей уже казалось, что кричитъ не Иванъ Иванычъ, а кто-то другой, посторонній. И почему-то въ сарайчикѣ опять хрюкнула свинья.

Но вотъ послышалось шарканье туфель, и въ комнатку вошелъ хозяинъ въ халатѣ и со свѣчой. Мелькающій свѣтъ запрыгалъ по грязнымъ обоямъ и по потолку и прогналъ потемки. Тетка увидѣла, что въ комнаткѣ нѣтъ никого посторонняго. Иванъ Иванычъ сидѣлъ на полу и не спалъ. Крылья у него были растопырены и клювъ раскрытъ, и вообще онъ имѣлъ такой видъ, какъ будто очень утомился и хотѣлъ пить.

Старый Өедоръ Тимоөеичъ тоже не спалъ. Должно быть, и онъ былъ разбуженъ крикомъ.

— Иванъ Иванычъ, что съ тобой? — спросилъ хозяинъ у гуся. — Что ты кричишь? Ты боленъ?

Гусь молчалъ. Хозяинъ потрогалъ его за шею, погладилъ по спинѣ и сказалъ:

— Ты чудакъ. И самъ не спишь, и другимъ не даешь.

Когда хозяинъ вышелъ и унесъ съ собою свѣтъ, опять наступили потемки. Теткѣ было страшно. Гусь не кричалъ, но ей опять стало чудиться, что въ потемкахъ стоитъ кто-то чужой. Страшнѣе всего было то, что этого чужого нельзя было укусить, такъ какъ онъ былъ невидимъ и не имѣлъ формы. И почему-то она думала, что въ эту ночь должно непремѣнно произойти что-то очень худое. Өедоръ Тимоөеичъ тоже былъ не покоенъ. Тетка слышала, какъ онъ возился на своемъ матрасикѣ, зѣвалъ и встряхивалъ головой.

Гдѣ-то на улицѣ застучали въ ворота и въ сарайчикѣ хрюкнула свинья. Тетка заскулила, протянула переднія лапы и положила на нихъ голову. Въ стукѣ воротъ, въ хрюканьѣ не спавшей почему-то свиньи, въ потемкахъ и въ тишинѣ почудилось ей что-то такое же тоскливое и страшное, какъ въ крикѣ Ивана Иваныча. Все было въ тревогѣ и въ безпокойствѣ, но отчего? Кто этотъ чужой, котораго не было видно? Вотъ около Тетки на мгновеніе вспыхнули двѣ тусклыя, зеленыя искорки. Это въ первый разъ за все время знакомства подошелъ къ ней Өедоръ Тимоөеичъ. Что ему нужно было? Тет-

ка лизнула ему лапу и, не спрашивая, зачѣмъ онъ пришелъ, завыла тихо и на разные голоса.

«К-ге!» — крикнулъ Иванъ Иванычъ. — «К-ге-ге!»

Опять отворилась дверь, и вошелъ хозяинъ со свѣчой. Гусь сидѣлъ въ прежней позѣ, съ разинутымъ клювомъ и растопыривъ крылья. Глаза у него были закрыты.

— Иванъ Иванычъ! — позвалъ хозяинъ.

Гусь не шевельнулся. Хозяинъ сѣлъ передъ нимъ на полу, минуту глядѣлъ на него молча и сказалъ:

— Иванъ Иванычъ! Что же это такое? Умираешь ты, что ли? Ахъ, я теперь вспомнилъ, вспомнилъ! — вскрикнулъ онъ и схватилъ себя за голову. — Я знаю, отчего это! Это оттого, что сегодня на тебя наступила лошадь! Боже мой, Боже мой!

Тетка не понимала, что говоритъ хозяинъ, но по его лицу видѣла, что и онъ ждетъ чего-то ужаснаго. Она протянула морду къ темному окну, въ которое, какъ казалось ей, глядѣлъ кто-то чужой, и завыла.

— Онъ умираетъ, Тетка! — сказалъ хозяинъ и всплеснулъ руками. — Да, да, умираетъ! Къ вамъ въ комнату пришла смерть. Что намъ дѣлать?

Блѣдный, встревоженный хозяинъ, вздыхая и покачивая головой, вернулся къ себѣ въ спальню. Теткѣ жутко было оставаться въ потемкахъ, и она пошла за нимъ. Онъ сѣлъ на кровать и нѣсколько разъ повторилъ:

— Боже мой, что же дѣлать?

Тетка ходила около его ногъ и, не понимая, отчего это у нея такая тоска и отчего всѣ такъ безпокоятся, и стараясь понять, слѣдила за каждымъ его движеніемъ. Ѳедоръ Тимоѳеичъ, рѣдко покидавшій свой матрасикъ, тоже вошелъ въ спальню хозяина и сталъ тереться около его ногъ. Онъ встряхивалъ головой, какъ будто хотѣлъ вытряхнуть изъ нея тяжелыя мысли, и подозрительно заглядывалъ подъ кроватъ.

Хозяинъ взялъ блюдечко, налилъ въ него изъ рукомойника воды и опять пошелъ къ гусю.

— Пей, Иванъ Иванычъ! — сказалъ онъ нѣжно, ставя передъ нимъ блюдечко. — Пей, голубчикъ.

Но Иванъ Иванычъ не шевелился и не открывалъ глазъ. Хозяинъ пригнулъ его голову къ блюдечку и окунулъ клювъ въ воду, но гусь не пилъ, еще шире растопырилъ крылья и голова его такъ и осталась лежать въ блюдечкѣ.

— Нѣтъ, ничего уже нельзя сдѣлать! — вздохнулъ хозяинъ. — Все кончено. Пропалъ Иванъ Иванычъ!

И по его щекамъ поползли внизъ блестящія капельки, какія бываютъ на окнахъ во время дождя. Не понимая, въ чемъ дѣло, Тетка и Ѳедоръ Тимоѳеичъ жались къ нему и съ ужасомъ смотрѣли на гуся.

— Бѣдный Иванъ Иванычъ! — говорилъ хозяинъ, печально вздыхая. — А я-то мечталъ, что весной повезу тебя на дачу и буду гулять съ тобой по зеленой травкѣ. Милое животное, хорошій мой товарищъ, тебя уже нѣтъ! Какъ же я теперь буду обходиться безъ тебя?

Теткѣ казалось, что и съ нею случится то

же самое, то-есть, что и она тоже вотъ такъ, неизвѣстно отчего, закроетъ глаза, протянетъ лапы, оскалитъ ротъ, и всѣ на нее будутъ смотрѣть съ ужасомъ. Повидимому, такія же мысли бродили и въ головѣ Ѳедора Тимоѳеича. Никогда раньше старый котъ не былъ такъ угрюмъ и мраченъ, какъ теперь.

Начинался разсвѣтъ, и въ комнаткѣ уже не было того невидимаго чужого, который пугалъ такъ Тетку. Когда совсѣмъ разсвѣло, пришелъ дворникъ, взялъ гуся за лапы и унесъ его куда-то. А немного погодя, явилась старуха и вынесла корытце.

Тетка пошла въ гостиную и посмотрѣла за шкапъ: хозяинъ не скушалъ куриной лапки, она лежала на своемъ мѣстѣ, въ пыли и паутинѣ. Но Теткѣ было скучно, грустно и хотѣлось плакать. Она даже не понюхала лапки, а пошла подъ диванъ, сѣла тамъ и начала скулить тихо, тонкимъ голоскомъ:

«Ску-ску-ску...»

VII

Неудачный дебютъ

Въ одинъ прекрасный вечеръ хозяинъ вошелъ въ комнатку съ грязными обоями и, потирая руки, сказалъ:

— Ну-съ...

Что-то онъ хотѣлъ еще сказать, но не сказалъ и вышелъ. Тетка, отлично изучившая во время уроковъ его лицо и интонацію, догадалась, что онъ былъ взволнованъ, озабоченъ и,

кажется, сердитъ. Немного погодя, онъ вернулся и сказалъ:

— Сегодня я возьму съ собой Тетку и Θедора Тимоθеича. Въ египетской пирамидѣ ты, Тетка, замѣнишь сегодня покойнаго Ивана Иваныча. Чортъ знаетъ что! Ничего не готово, не выучено, репетицій было мало! Осрамимся, провалимся!

Затѣмъ онъ опять вышелъ и черезъ минуту вернулся въ шубѣ и въ цилиндрѣ. Подойдя къ коту, онъ взялъ его за переднія лапы, поднялъ и спряталъ его на груди подъ шубу, причемъ Θедоръ Тимоθеичъ казался очень равнодушнымъ и даже не потрудился открыть глазъ. Для него, повидимому, было рѣшительно все равно: лежать ли, или быть поднятымъ за ноги, валяться ли на матрасикѣ, или покоиться на груди хозяина подъ шубой...

— Тетка, пойдемъ, — сказалъ хозяинъ.

Ничего не понимая и виляя хвостомъ, Тетка пошла за нимъ. Черезъ минуту она уже сидѣла въ саняхъ около ногъ хозяина и слушала, какъ онъ, пожимаясь отъ холода и волненія, бормоталъ:

— Осрамимся! Провалимся!

Сани остановились около большого, страннаго дома, похожаго на опрокинутый супникъ. Длинный подъѣздъ этого дома съ тремя стеклянными дверями былъ освѣщенъ дюжиной яркихъ фонарей. Двери со звономъ отворялись и, какъ рты, глотали людей, которые сновали у подъѣзда. Людей было много, часто къ подъѣзду подбѣгали и лошади, но собакъ не было видно.

Хозяинъ взялъ на руки Тетку и сунулъ ее

на грудь, подъ шубу, гдѣ находился Өедоръ Тимоөеичъ. Тутъ было темно и душно, но тепло. На мгновеніе вспыхнули двѣ тусклыя, зеленыя искорки — это открылъ глаза котъ, обезпокоенный холодными, жесткими лапами сосѣдки. Тетка лизнула его ухо и, желая усѣсться возможно удобнѣе, безпокойно задвигалась, смяла его подъ себя холодными лапами и нечаянно высунула изъ-подъ шубы голову, но тотчасъ же сердито заворчала и нырнула подъ шубу. Ей показалось, что она увидѣла громадную, плохо освѣщенную комнату, полную чудовищъ; изъ-за перегородокъ и рѣшетокъ, которыя тянулись по обѣ стороны комнаты, выглядывали страшныя рожи: лошадиныя, рогатыя, длинноухія и какая-то одна толстая, громадная рожа съ хвостомъ вмѣсто носа и съ двумя длинными обглоданными костями, торчащими изо рта.

Котъ сипло замяукалъ подъ лапами Тетки, но въ это время шуба распахнулась, хозяинъ сказалъ «гопъ!» и Өедоръ Тимоөеичъ съ Теткою прыгнули на полъ. Они уже были въ маленькой комнатѣ съ сѣрыми, дощатыми стѣнами; тутъ, кромѣ небольшого столика съ зеркаломъ, табурета и тряпья, развѣшаннаго по угламъ, не было никакой другой мебели, и вмѣсто лампы или свѣчи, горѣлъ яркій вѣерообразный огонекъ, придѣланный къ трубочкѣ, вбитой въ стѣну. Өедоръ Тимоөеичъ облизалъ свою шубу, помятую Теткой, пошелъ подъ табуретъ и легъ. Хозяинъ, все еще волнуясь и потирая руки, сталъ раздѣваться... Онъ раздѣлся такъ, какъ обыкновенно раздѣвался у себя дома, готовясь лечь подъ байковое одѣяло, то-есть снялъ все, кромѣ бѣлья,

потомъ сѣлъ на табуретъ и, глядя въ зеркало начал выдѣлывать надъ собой удивительныя шутки. Прежде всего онъ надѣлъ на голову парикъ съ проборомъ и съ двумя вихрами, похожими на рога, потомъ густо намазалъ лицо чѣмъ-то бѣлымъ и сверхъ бѣлой краски нарисовалъ еще брови, усы и румяны. Затѣи его этимъ не кончились. Опачкавши лицо и шею, онъ сталъ облачаться въ какой-то необыкновенный, ни съ чѣмъ несообразный костюмъ, какого Тетка никогда не видала раньше ни въ домахъ, ни на улицѣ. Представьте вы себѣ широчайшія панталоны, сшитыя изъ ситца съ крупными цвѣтами, какой употребляется въ мѣщанскихъ домахъ для занавѣсокъ и обивки мебели, панталоны, которыя застегиваются у самыхъ подмышекъ; одна панталона сшита изъ коричневаго ситца, другая изъ свѣтло-желтаго. Утонувши въ нихъ, хозяинъ надѣлъ еще ситцевую курточку съ большимъ зубчатымъ воротникомъ и съ золотой звѣздой на спинѣ, разноцвѣтные чулки и зеленые башмаки...

У Тетки запестрило въ глазахъ и въ душѣ. Отъ бѣлолицей, мѣшковатой фигуры пахло хозяиномъ, голосъ у нея былъ тоже знакомый хозяйскій, но бывали минуты, когда Тетку мучили сомнѣнія, и тогда она готова была бѣжать отъ пестрой фигуры и лаять. Новое мѣсто, вѣерообразный огонекъ, запахъ, метаморфоза, случившаяся съ хозяиномъ — все это вселяло въ нее неопредѣленный страхъ и предчувствіе, что она непремѣнно встрѣтится съ какимъ-нибудь ужасомъ въ родѣ толстой рожи съ хвостомъ вмѣсто носа. А тутъ еще гдѣ-то за стѣной далек-

грала ненавистная музыка и слышался времеами непонятный ревъ. Одно только и успокаиало ее — это невозмутимость Өедора Тимоеича. Онъ преспокойно дремалъ подъ табуреомъ и не открывалъ глазъ, даже когда двиался табуретъ.

Какой-то человѣкъ во фракѣ и въ бѣлой жилеткѣ заглянулъ въ комнатку и сказалъ:

— Сейчасъ выходъ миссъ Арабеллы. Послѣ ея — вы.

Хозяинъ ничего не отвѣтилъ. Онъ вытащилъ изъ-подъ стола небольшой чемоданъ, сѣлъ сталъ ждать. По губамъ и по рукамъ его ыло замѣтно, что онъ волновался, и Тетка слыала, какъ дрожало его дыханіе.

— M-r Жоржъ, пожалуйте! — крикнулъ кто- за дверью.

Хозяинъ всталъ и три раза перекрестился, этомъ досталъ изъ-подъ табурета кота и суулъ его въ чемоданъ.

— Иди, Тетка! — сказалъ онъ тихо.

Тетка, ничего не понимая, подошла къ его камъ; онъ поцѣловалъ ее въ голову и положилъ рядомъ съ Өедоромъ Тимоѳеичемъ. За симъ аступили потемки... Тетка топталась по коту, арапала стѣнки чемодана и отъ ужаса не могла роизнести ни звука, а чемоданъ покачивался, къ на волнахъ, и дрожалъ...

— А вотъ и я! — громко крикнулъ хозяинъ. А вотъ и я!

Тетка почувствовала, что послѣ этого крика моданъ ударился о что-то твердое и пересталъ чаться. Послышался громкій густой ревъ: по мъ-то хлопали и этотъ кто-то, вѣроятно рожа

съ хвостомъ вмѣсто носа, ревѣлъ и хохоталъ такъ громко, что задрожали замочки у чемодана. Въ отвѣтъ на ревъ раздался пронзительный, визгливый смѣхъ хозяина, какимъ онъ никогда не смѣялся дома.

— Га! — крикнулъ онъ, стараясь перекричать ревъ. — Почтеннѣйшая публика! Я сейчасъ только съ вокзала! У меня издохла бабушка и оставила мнѣ наслѣдство! Въ чемоданѣ что-то очень тяжелое — очевидно, золото... Гэ-а! И вдругъ здѣсь милліонъ! Сейчасъ мы откроемъ и посмотримъ...

Въ чемоданѣ щелкнулъ замокъ. Яркій свѣтъ ударилъ Тетку по глазамъ; она прыгнула вонъ изъ чемодана и, оглушенная ревомъ, быстро, во всю прыть забѣгала вокругъ своего хозяина и залилась звонкимъ лаемъ.

— Га! — закричалъ хозяинъ. — Дядюшка Ѳедоръ Тимоѳеичъ! Дорогая Тетушка! Милые родственники, чортъ бы васъ взялъ!

Онъ упалъ животомъ на песокъ, схватилъ кота и Тетку и принялся обнимать ихъ. Тетка, пока онъ тискалъ ее въ своихъ объятіяхъ, мелькомъ оглядѣла тотъ міръ, въ который занесла ее судьба, и, пораженная его грандіозностью, на минуту застыла отъ удивленія и восторга, потомъ вырвалась изъ объятій хозяина и отъ остроты впечатлѣнія, какъ волчокъ, закружилась на одномъ мѣстѣ. Новый міръ былъ великъ и полонъ яркаго свѣта; куда ни взглянешь, всюду, отъ пола до потолка, видны были одни только лица, лица, лица и больше ничего.

— Тетушка, прошу васъ сѣсть! — крикнулъ хозяинъ.

Помня, что это значитъ, Тетка вскочила на стулъ и сѣла. Она поглядѣла на хозяина. Глаза его, какъ всегда, глядѣли серьезно и ласково, но лицо, въ особенности ротъ и зубы, были изуродованы широкой неподвижной улыбкой. Самъ онъ хохоталъ, прыгалъ, подергивалъ плечами и дѣлалъ видъ, что ему очень весело въ присутствіи тысячей лицъ. Тетка повѣрила его веселости, вдругъ почувствовала всѣмъ своимъ тѣломъ, что на нее смотрятъ эти тысячи лицъ, подняла вверхъ свою лисью морду и радостно завыла.

— Вы Тетушка, посидите, — сказалъ ей хозяинъ: — а мы съ дядюшкой попляшемъ камаринскаго.

Ѳедоръ Тимоѳеичъ въ ожиданіи, когда его заставятъ дѣлать глупости, стоялъ и равнодушно поглядывалъ по сторонамъ. Плясалъ онъ вяло, небрежно, угрюмо, и видно было по его движеніямъ, по хвосту и по усамъ, что онъ глубоко презиралъ и толпу, и яркій свѣтъ, и хозяина, и себя... Протанцовавъ свою порцію, онъ зѣвнулъ и сѣлъ.

— Ну-съ, Тетушка, — сказалъ хозяинъ: — сначала мы съ вами споемъ, а потомъ попляшемъ. Хорошо?

Онъ вынулъ изъ кармана дудочку и заигралъ. Тетка, не вынося музыки, безпокойно задвигалась на стулѣ и завыла. Со всѣхъ сторонъ послышались ревъ и аплодисменты. Хозяинъ поклонился и, когда все стихло, продолжалъ играть... Во время исполненія одной очень высокой ноты, гдѣ-то наверху среди публики кто-то громко ахнулъ.

— Тятька! — крикнулъ дѣтскій голосъ. — А вѣдь это Каштанка!

— Каштанка и есть! — подтвердилъ пьяненькій дребезжащій тенорокъ. — Каштанка! Ѳедюшка, это, накажи Богъ, Каштанка! Фюйть!

Кто-то на галлереѣ свистнулъ, и два голоса, одинъ — дѣтскій, другой — мужской, громко позвали:

— Каштанка! Каштанка!

Тетка вздрогнула и посмотрѣла туда, гдѣ кричали. Два лица: одно волосатое, пьяное и ухмыляющееся, другое — пухлое, краснощекое и испуганное — ударили ее по глазамъ, какъ раньше ударилъ яркій свѣтъ... Она вспомнила, упала со стула и забилась на пескѣ, потомъ вскочила и съ радостнымъ визгомъ бросилась къ этимъ лицамъ. Раздался оглушительный ревъ, пронизанный насквозь свистками и пронзительнымъ дѣтскимъ крикомъ:

— Каштанка! Каштанка!

Тетка прыгнула черезъ барьеръ, потомъ черезъ чье-то плечо, очутилась въ ложѣ; чтобы попасть въ слѣдующій ярусъ, нужно было перескочить высокую стѣну; Тетка прыгнула, но не допрыгнула и поползла назадъ по стѣнѣ. Затѣмъ она переходила съ рукъ на руки, лизала чьи-то руки и лица, подвигалась все выше и выше и, наконецъ, попала на галерку...

Спустя полчаса, Каштанка шла уже по улицѣ за людьми, отъ которыхъ пахло клеемъ и лакомъ. Лука Александрычъ покачивался и инстинктивно, наученный опытомъ, старался держаться подальше отъ канавы.

— Въ безднѣ грѣховней валяюся во утробѣ моей... — бормоталъ онъ. — А ты, Каштанка, — недоумѣніе. Супротивъ человѣка ты все равно, что плотникъ супротивъ столяра.

Рядомъ съ нимъ шагалъ Ѳедюшка въ отцовскомъ картузѣ. Каштанка глядѣла имъ обоимъ въ спины, и ей казалось, что она давно уже идетъ за ними и радуется, что жизнь ея не обрывалась ни на минуту.

Вспоминала она комнатку съ грязными обоями, гуся, Ѳедора Тимоѳеича, вкусные обѣды, ученье, циркъ, но все это представлялось ей теперь, какъ длинный, перепутанный, тяжелый сонъ...

1887.

Почта

Было три часа ночи. Почтальонъ, совсѣмъ ужe готовый въ дорогу, въ фуражкѣ, въ пальто и съ заржавленной саблей въ рукахъ, стоялъ около двери и ждалъ, когда ямщики кончатъ укладывать почту на только-что поданную тройку. Заспанный пріемщикъ сидѣлъ за своимъ столомъ, похожимъ на прилавокъ, что-то писалъ на бланкѣ и говорилъ:

— Мой племянникъ студентъ просится сейчасъ ѣхать на станцію. Такъ ты того, Игнатьевъ, посади его съ собой на тройку и довези. Хоть это и не дозволено, чтобъ постороннихъ съ почтой возить, ну, да что жъ дѣлать! Чѣмъ лошадей для него нанимать, такъ пусть лучше даромъ проѣдетъ.

«Готово!» — послышался крикъ со двора.

— Ну, поѣзжай съ Богомъ, — сказалъ пріемщикъ. — Который ямщикъ ѣдетъ?

— Семенъ Глазовъ.

— Поди распишись.

Почтальонъ расписался и вышелъ. У входа въ почтовое отдѣленіе темнѣла тройка. Лошади стояли неподвижно, только одна изъ пристяжныхъ безпокойно переминалась съ ноги на ногу и встряхивала головой, отчего изрѣдка позвякивалъ колокольчикъ. Тарантасъ съ тюками казался чернымъ пятномъ, возлѣ него лѣниво двигались два силуэта: студентъ съ чемоданомъ въ рукахъ и ямщикъ. Послѣдній курилъ носогрѣйку; ого-

некъ носогрѣйки двигался въ потемкахъ, потухалъ и вспыхивалъ; на мгновеніе освѣщалъ онъ то кусокъ рукава, то мохнатые усы съ большимъ, мѣдно-краснымъ носомъ, то нависшія, суровыя брови.

Почтальонъ помялъ руками тюки, положилъ на нихъ саблю и вскочилъ на тарантасъ. Студентъ нерѣшительно полѣзъ за нимъ и, толкнувъ его нечаянно локтемъ, сказалъ робко и вѣжливо: «Виноватъ!» Носогрѣйка потухла. Изъ почтоваго отдѣленія вышелъ пріемщикъ, какъ былъ, въ одной жилеткѣ и въ туфляхъ; пожимаясь отъ ночной сырости и покрякивая, онъ прошелся около тарантаса и сказалъ:

— Ну, съ Богомъ! Кланяйся, Михайло, матери! Всѣмъ кланяйся. А ты, Игнатьевъ, не забудь передать пакетъ Быстрецову... Трогай!

Ямщикъ забралъ вожжи въ одну руку, высморкался и, поправивъ подъ собою сидѣнье, чмокнулъ.

— Кланяйся же! — повторилъ пріемщикъ.

Колокольчикъ что-то прозвякалъ бубенчикамъ, бубенчики ласково отвѣтили ему. Тарантасъ взвизгнулъ, тронулся, колокольчикъ заплакалъ, бубенчики засмѣялись. Ямщикъ, приподнявшись, два раза хлестнулъ по безпокойной пристяжной, и тройка глухо застучала по пыльной дорогѣ. Городишко спалъ. По обѣ стороны широкой улицы чернѣли дома и деревья, и не было видно ни одного огонька. По небу, усѣянному звѣздами, кое-гдѣ тянулись узкія облака и тамъ, гдѣ скоро долженъ былъ начаться разсвѣтъ, стоялъ узкій лунный серпъ; но ни звѣзды, которыхъ было много, ни полумѣсяцъ, казавшійся

бѣлымъ, не проясняли ночного воздуха. Было холодно, сыро и пахло осенью.

Студентъ, считавшій долгомъ вѣжливости ласково поговорить съ человѣкомъ, который не отказался взять его съ собой, началъ:

— Лѣтомъ въ это время уже свѣтло, а теперь еще даже зари не видно. Прошло лѣто!

Студентъ поглядѣлъ на небо и продолжалъ:

— Даже по небу видно, что уже осень. Посмотрите направо. Видите три звѣзды, которыя стоятъ рядомъ по одной линіи? Это созвѣздіе Оріона, которое появляется на нашемъ полушаріи только въ сентябрѣ.

Почтальонъ, засунувшій руки въ рукава и по уши ушедшій въ воротникъ своего пальто, не пошевельнулся и не взглянулъ на небо. Повидимому, созвѣздіе Оріона не интересовало его. Онъ привыкъ видѣть звѣзды и, вѣроятно, онѣ давно уже надоѣли ему. Студентъ помолчалъ немного и сказалъ:

— Холодно! Пора бы ужъ быть разсвѣту. Вамъ извѣстно, въ которомъ часу восходитъ теперь солнце?

— Что-съ?

— Въ которомъ часу восходитъ солнце?

— Въ шестомъ! — отвѣтилъ ямщикъ.

Тройка выѣхала изъ города. Теперь уже по обѣ стороны видны были только плетни огородовъ и одинокія ветлы, а впереди все застилала мгла. Здѣсь на просторѣ полумѣсяцъ казался болѣе и звѣзды сіяли ярче. Но вотъ пахнуло сыростью; почтальонъ глубже ушелъ въ воротникъ, и студентъ почувствовалъ, какъ непріятный холодъ пробѣжалъ сначала около ногъ,

потомъ по тюкамъ, по рукамъ, по лицу. Тройка пошла тише; колокольчикъ замеръ, точно и онъ озябъ. Послышался плескъ воды, и подъ ногами лошадей, и около колесъ запрыгали звѣзды, отражавшіяся въ водѣ.

А минутъ черезъ десять стало такъ темно, что ужъ не было видно ни звѣздъ, ни полумѣсяца. Это тройка въѣхала въ лѣсъ. Колючія еловыя вѣтви то-и-дѣло били студента по фуражкѣ и паутина садилась ему на лицо. Колеса и копыта стучали по корневищамъ и тарантасъ покачивался, какъ пьяный.

— Вези по дорогѣ! — сказалъ сердито почтальонъ. — Что по краю везешь? Мнѣ всю рожу вѣтками расцарапало! Бери правѣй!

Но тутъ едва не произошло несчастье. Тарантасъ вдругъ подскочилъ, точно его передернула судорога, задрожалъ и съ визгомъ, сильно накрениваясь то вправо, то влѣво, съ страшной быстротой понесся по просѣкѣ. Лошади чего-то испугались и понесли.

— Тпррр! Тпррр! — испуганно закричалъ ямщикъ. — Тпррр... дьяволы!

Подскакивавшій студентъ, чтобы сохранить равновѣсіе и не вылетѣть изъ тарантаса, нагнулся впередъ и сталъ искать, за что бы ухватиться, но кожаные тюки были скользки, и ямщикъ, за поясъ котораго ухватился было студентъ, самъ подскакивалъ и каждое мгновеніе готовъ былъ свалиться. Сквозь шумъ колесъ и визгъ тарантаса послышалось, какъ слетѣвшая сабля звякнула о землю, потомъ, немного погодя, что-то раза два глухо ударилось позади тарантаса.

— Тпррр! — раздирающимъ голосомъ кричалъ ямщикъ, перегибаясь назадъ. — Стой!

Студентъ упалъ лицомъ на его сидѣнье и ушибъ себѣ лобъ, но тотчасъ же его перегнуло назадъ, подбросило, и онъ сильно ударился спиной о задокъ тарантаса. «Падаю!» — мелькнуло въ его головѣ, но въ это время тройка вылетѣла изъ лѣса на просторъ, круто повернула направо и, застучавъ по бревенчатому мосту, остановилась, какъ вкопанная, и отъ такой внезапной остановки студента по инерціи опять перегнуло впередъ.

Ямщикъ и студентъ — оба задыхались. Почтальона въ тарантасѣ не было. Онъ вылетѣлъ вмѣстѣ съ саблей, чемоданомъ студента и однимъ тюкомъ.

— Стой, подлецъ! Сто-ой! — послышался изъ лѣса его крикъ. — Сволочь проклятая! — кричалъ онъ, подбѣгая къ тарантасу, и въ его плачущемъ голосѣ слышались боль и злоба. — Анаѳема, чтобъ ты издохъ! — крикнулъ онъ, подскакивая къ ямщику и замахиваясь на него кулакомъ.

— Экая исторія, Господи помилуй! — бормоталъ ямщикъ виноватымъ голосомъ, поправляя что-то около лошадиныхъ мордъ. — А все чортова пристяжная! Молодая проклятая, только недѣля, какъ въ упряжкѣ ходитъ. Ничего идетъ, а какъ только съ горы — бѣда! Ссадить бы ей морду раза три, такъ не стала бы баловать... Сто-ой! А, чортъ!

Пока ямщикъ приводилъ въ порядокъ лошадей и искалъ по дорогѣ чемоданъ, тюкъ и саблю, почтальонъ продолжалъ плачущимъ, виз-

жащимъ отъ злобы голосомъ осыпать его ругательствами. Уложивъ кладь, ямщикъ безъ всякой надобности провелъ лошадей шаговъ сто, поворчалъ на безпокойную пристяжную и вскочилъ на козлы.

Когда страхъ прошелъ, студенту стало смѣшно и весело. Первый разъ въ жизни ѣхалъ онъ ночью на почтовой тройкѣ, и только-что пережитая встряска, полетъ почтальона и боль въ спинѣ ему казались интереснымъ приключеніемъ. Онъ закурилъ папиросу и сказалъ со смѣхомъ:

— А вѣдь этакъ можно себѣ шею свернуть! Я едва-едва не слетѣлъ и даже не замѣтилъ, какъ вы вылетѣли. Воображаю, какая ѣзда должна быть осенью!

Почтальонъ молчалъ.

— А вы давно ѣздите съ почтой? — спросилъ студентъ.

— Одиннадцать лѣтъ.

— Ого! Каждый день?

— Каждый. Отвезу эту почту и сейчасъ же назадъ ѣхать. А что?

За одиннадцать лѣтъ, при ежедневной ѣздѣ, навѣрное, было пережито не мало интересныхъ приключеній. Въ ясныя лѣтнія и въ суровыя осеннія ночи, или зимою, когда тройку съ воемъ кружитъ злая метель, трудно уберечься отъ страшнаго, жуткаго. Небось, не разъ носили лошади, увязалъ въ промоинѣ тарантасъ, нападали злые люди, сбивала съ пути вьюга...

— Воображаю, сколько приключеній было у васъ за одиннадцать лѣтъ! — сказалъ студентъ. — Что, должно быть, страшно ѣздить?

Онъ говорилъ и ждалъ, что почтальонъ раз-

скажетъ ему что-нибудь, но тотъ угрюмо молчалъ и уходилъ въ свой воротникъ. Начинало между тѣмъ свѣтать. Было не замѣтно, какъ небо мѣняло свой цвѣтъ; оно все еще казалось темнымъ, но уже видны были и лошади, и ямщикъ, и дорога. Лунный серпъ становился все бѣлѣе и бѣлѣе, а растянувшееся подъ нимъ облако, похожее на пушку съ лафетомъ, чуть-чуть желтѣло на своемъ нижнемъ краѣ. Скоро стало видно лицо почтальона. Оно было мокро отъ росы, сѣро и неподвижно, какъ у мертваго. На немъ застыло выраженіе тупой, угрюмой злобы, точно почтальонъ все еще чувствовалъ боль и продолжалъ сердиться на ямщика.

— Слава Богу, уже свѣтаетъ! — сказалъ студентъ, вглядываясь въ его злое, озябшее лицо. — Я совсѣмъ замерзъ. Ночи въ сентябрѣ холодныя, а стоитъ только взойти солнцу, и холода какъ не бывало. Мы скоро пріѣдемъ на станцію?

Почтальонъ поморщился и сдѣлалъ плачущее лицо.

— Какъ вы любите говорить, ей-Богу! — сказалъ онъ. — Развѣ не можете молча ѣхать?

Студентъ сконфузился и ужъ не трогалъ его всю дорогу. Утро наступало быстро. Мѣсяцъ поблѣднѣлъ и слился съ мутнымъ, сѣрымъ небомъ, облако все стало желто, звѣзды потухли, но востокъ все еще былъ холоденъ, такого же цвѣта, какъ и все небо, такъ что не вѣрилось, что за нимъ пряталось солнце...

Холодъ утра и угрюмость почтальона сообщились мало-по-малу и озябшему студенту. Онъ апатично глядѣлъ на природу, ждалъ солнечнаго

тепла и думалъ только о томъ, какъ, должно быть, жутко и противно бѣднымъ деревьямъ и травѣ переживать холодныя ночи. Солнце взошло мутное, заспанное и холодное. Верхушки деребьевъ не золотились отъ восходящаго солнца, какъ пишутъ обыкновенно, лучи не ползли по землѣ и въ полетѣ сонныхъ птицъ не замѣтно было радости. Каковъ былъ холодъ ночью, такимъ онъ остался и при солнцѣ...

Студентъ сонно и хмуро поглядѣлъ на завѣшенныя окна усадьбы, мимо которой проѣзжала тройка. За окнами, подумалъ онъ, вѣроятно, спятъ люди самымъ крѣпкимъ, утреннимъ сномъ и не слышатъ почтовыхъ звонковъ, не ощущаютъ холода, не видятъ злого лица почтальона; а если и разбудитъ колокольчикъ какую-нибудь барышню, то она повернется на другой бокъ, улыбнется отъ избытка тепла и покоя и, поджавъ ноги, положивъ руку подъ щеку, заснетъ еще крѣпче.

Поглядѣлъ студентъ на прудъ, который блестѣлъ около усадьбы, и вспомнилъ о карасяхъ и щукахъ, которые находятъ возможнымъ жить въ холодной водѣ...

— Постороннихъ не велѣно возить... — заговорилъ неожиданно почтальонъ. — Не дозволено! А ежели не дозволено, то и не-зачѣмъ садиться... Да. Мнѣ, положимъ, все равно, а только я этого не люблю и не желаю.

— Отчего же вы раньше молчали, если это вамъ не нравится?

Почтальонъ ничего не отвѣтилъ и продолжалъ глядѣть недружелюбно, со злобой. Когда, немного погодя, тройка остановилась у подъѣзда

станціи, студентъ поблагодарилъ и вылѣзъ изъ тарантаса. Почтовый поѣздъ еще не приходилъ. На запасномъ пути стоялъ длинный товарный поѣздъ; на тендерѣ машинистъ и его помощникъ, съ лицами влажными отъ росы, пили изъ грязнаго жестяного чайника чай. Вагоны, платформа, скамьи — все было мокро и холодно. До прихода поѣзда студентъ стоялъ у буфета и пилъ чай, а почтальонъ, засунувъ руки въ рукава, все еще со злобой на лицѣ, одиноко шагалъ по платформѣ и глядѣлъ себѣ подъ ноги.

На кого онъ сердился? На людей, на нужду, на осеннія ночи?

1887.

Володя

Въ одно изъ лѣтнихъ воскресеній, часовъ въ пять вечера, Володя, семнадцатилѣтній юноша, некрасивый, болѣзненный и робкій, сидѣлъ въ бесѣдкѣ на дачѣ у Шумихиныхъ и скучалъ. Его невеселыя мысли текли по тремъ направленіямъ. Во-первыхъ, назавтра, въ понедѣльникъ, ему предстояло держать экзаменъ по математикѣ; онъ зналъ, что если завтра ему не удастся рѣшить письменную задачу, то его исключатъ, такъ какъ сидѣлъ онъ въ шестомъ классѣ два года и имѣлъ годовую отмѣтку по алгербѣ $2^3/_4$. Во-вторыхъ, его пребываніе у Шумихиныхъ, людей богатыхъ и претендующихъ на аристократизмъ, причиняло постоянную боль его самолюбію. Ему казалось, что m-me Шумихина и ея племянницы глядятъ на него и его maman, какъ на бѣдныхъ родственниковъ и приживаловъ, что онѣ не уважаютъ maman и смѣются надъ ней. Разъ онъ нечаянно подслушалъ, какъ m-me Шумихина говорила на террасѣ своей кузинѣ Аннѣ Ѳедоровнѣ, что его maman продолжаетъ еще молодиться и наводить на себя красоту, что она никогда не платитъ проигрыша и имѣетъ пристрастіе къ чужимъ ботинкамъ и къ чужому табаку. Каждый день Володя умолялъ maman не ѣздить къ Шумихинымъ, описывалъ ей, какую обидную роль играетъ она у этихъ господъ, убѣждалъ, говорилъ дерзости, но та, легкомысленная, избалованная, прожившая на

своемъ вѣку два состоянія — свое и мужнино, всегда тяготѣвшая къ высшему обществу, не понимала его, и Володя раза два въ недѣлю долженъ былъ провожать ее на ненавистную дачу.

Въ-третьихъ, юноша ни на минуту не могъ отдѣлаться отъ страннаго, непріятнаго чувства, которое было для него совершенно ново... Ему казалось, что онъ былъ влюбленъ въ кузину и гостью Шумихиной, Анну Ѳедоровну. Это была подвижная, голосистая и смѣшливая барынька, лѣтъ тридцати, здоровая, крѣпкая, розовая, съ круглыми плечами, съ круглымъ жирнымъ подбородкомъ и съ постоянной улыбкой на тонкихъ губахъ. Она была некрасива и немолода — Володя отлично зналъ это, но почему-то онъ былъ не въ силахъ не думать о ней, не глядѣть на нее, когда она, играя въ крокетъ, пожимала своими круглыми плечами и двигала гладкой спиной, или же, послѣ долгаго смѣха и бѣготни по лѣстницамъ, падала въ кресло и, зажмуривъ глаза, тяжело дыша, дѣлала видъ, что ея груди тѣсно и душно. Она была замужемъ. Ея мужъ, солидный архитекторъ, разъ въ недѣлю пріѣзжалъ на дачу, отлично высыпался и возвращался назадъ въ городъ. Странное чувство началось у Володи съ того, что онъ безпричинно возненавидѣлъ этого архитектора и радовался всякій разъ, когда тотъ уѣзжалъ въ городъ.

Теперь, сидя въ бесѣдкѣ и думая о завтрашнемъ экзаменѣ и о maman, надъ которой смѣются, онъ чувствовалъ сильное желаніе видѣть Нюту (такъ Шумихины называли Анну Ѳедоровну), слышать ея смѣхъ, шорохъ ея платья... Это желаніе не походило на ту чистую, поэтическую

любовь, которая была знакома ему по романамъ и о которой онъ мечталъ каждый вечеръ, ложась спать; оно было странно, непонятно, онъ стыдился его и боялся, какъ чего-то очень нехорошаго и нечистаго, въ чемъ тяжело сознаваться передъ самимъ собой...

«Это не любовь, — говорилъ онъ себѣ. — Въ тридцатилѣтнихъ и замужнихъ не влюбляются... Это просто маленькая интрижка... Да, интрижка...»

Думая объ интрижкѣ, онъ вспоминалъ про свою непобѣдимую робость, про отсутствіе усовъ, веснушки, узкіе глаза, ставилъ себя въ воображеніи рядомъ съ Нютою — и эта пара казалась ему невозможной; тогда спѣшилъ онъ вообразить себя красивымъ, смѣлымъ, остроумнымъ, одѣтымъ по самой послѣдней модѣ...

Въ самый разгаръ мечтаній, когда онъ, сгорбившись и глядя въ землю, сидѣлъ въ темномъ уголкѣ бесѣдки, послышались легкіе шаги. Кто-то не спѣша шелъ по аллеѣ. Скоро шаги затихли, и у входа мелькнуло что-то бѣлое.

— Есть здѣсь кто-нибудь? — спросилъ женскій голосъ.

Володя узналъ этотъ голосъ и испуганно поднялъ голову.

— Кто тутъ? — спрашивала Нюта, входя въ бесѣдку. — Ахъ, это вы, Володя? Что вы здѣсь дѣлаете? Думаете? И какъ это можно все думать, думать, думать... этакъ можно съ ума сойти!

Володя поднялся и растерянно поглядѣлъ на Нюту. Она только-что вернулась изъ купальни. На ея плечахъ висѣли простыня и мохнатое поло-

тенце, и изъ-подъ бѣлаго шелковаго платка на головѣ выглядывали мокрые волосы, прилипшіе ко лбу. Отъ нея шелъ влажный, прохладный запахъ купальни и миндальнаго мыла. Отъ быстрой ходьбы она запыхалась. Верхняя пуговка ея блузы была разстегнута, такъ что юноша видѣлъ и шею, и грудь.

— Что же вы молчите? — спросила Нюта, оглядывая Володю. — Невѣжливо молчать, когда съ вами говоритъ дама. Какой вы, однако, тюлень, Володя! Вы все сидите, молчите, думаете, какъ философъ какой-нибудь. Въ васъ совсѣмъ нѣтъ жизни и огня! Противный вы, право... Въ ваши годы нужно жить, прыгать, болтать, ухаживать за женщинами, влюбляться.

Володя глядѣлъ на простыню, которую поддерживала бѣлая, пухлая рука, и думалъ...

— Молчитъ! — удивлялась Нюта. — Это даже странно... Послушайте, будьте мужчиной! Ну, хоть улыбнитесь! Фуй, противный философъ! — засмѣялась она. — А знаете, Володя, отчего вы такой тюлень? Оттого, что не ухаживаете за женщинами. Отчего вы не ухаживаете? Правда, здѣсь барышенъ нѣтъ, но вѣдь вамъ ничто не мѣшаетъ ухаживать за дамами! Отчего вы, напримѣръ, за мной не ухаживаете?

Володя слушалъ и въ тяжеломъ, напряженномъ раздумьѣ почесывалъ себѣ високъ.

— Молчатъ и любятъ уединеніе только очень гордые люди, — продолжала Нюта, отдергивая его руку отъ виска. — Вы гордецъ, Володя. Почему вы глядите исподлобья? Извольте мнѣ глядѣть прямо въ лицо! Да ну же, тюлень!

Володя рѣшилъ заговорить. Желая улыб-

нуться, онъ задергалъ нижней губой, замигалъ глазами и опять потянулъ руку къ виску.

— Я... я люблю васъ! — проговорилъ онъ.

Нюта удивленно подняла брови и засмѣялась.

— Что слышу я?! — запѣла она, какъ поютъ оперные пѣвцы, когда слышатъ что-нибудь ужасное. — Какъ? Что вы сказали? Повторите, повторите...

— Я... я люблю васъ! — повторилъ Володя.

И ужъ безъ всякаго участія своей воли, ничего не понимая и не соображая, онъ сдѣлалъ полшага къ Нютѣ и взялъ ее за руку выше кисти. Въ глазахъ его помутилось и выступили слезы, весь міръ обратился въ одно большое, мохнатое полотенце, отъ котораго пахло купальней.

— Браво, браво! — услышалъ онъ веселый смѣхъ. — Что же вы молчите? Мнѣ хочется, чтобы вы говорили! Ну?

Видя, что ему не мѣшаютъ держать руку, Володя взглянулъ на смѣющееся лицо Нюты и неуклюже, неудобно взялъ обѣими руками ее за талію, причемъ кисти обѣихъ рукъ его сошлись на ея спинѣ. Онъ держалъ ее обѣими руками за талію, а она, закинувъ на затылокъ руки и показывая ямочки на локтяхъ, поправляла подъ платкомъ прическу и говорила покойнымъ голосомъ:

— Надо, Володя, быть ловкимъ, любезнымъ, милымъ, а такимъ можно сдѣлаться подъ вліяніемъ только женскаго общества. Однако, какое у васъ нехорошее... злое лицо. Надо говорить, смѣяться... Да, Володя, не будьте бу-

кой, вы молоды и успѣете еще нафилософствоваться. Ну, пустите меня, я пойду. Пустите же!

Она безъ усилія освободила свою талію и, что-то напѣвая, вышла изъ бесѣдки. Володя остался одинъ. Онъ пригладилъ свои волосы, улыбнулся и раза три прошелся изъ угла въ уголъ, потомъ сѣлъ на скамью и улыбнулся еще разъ. Ему было невыносимо стыдно, такъ что даже онъ удивлялся, что человѣческій стыдъ можетъ достигать такой остроты и силы. Отъ стыда онъ улыбался, шепталъ какія-то несвязныя слова и жестикулировалъ.

Ему было стыдно, что съ нимъ только-что обошлись, какъ съ мальчикомъ, стыдно за свою робость, а главное за то, что онъ осмѣлился взять порядочную замужнюю женщину за талію, хотя ни по возрасту, ни по своимъ наружнымъ качествамъ, ни по общественному положенію онъ, какъ ему казалось, не имѣлъ на это никакого права.

Онъ вскочилъ, вышелъ изъ бесѣдки и, не оглядываясь, пошелъ въ глубину сада подальше отъ дома.

«Ахъ, поскорѣе бы уѣхать отсюда! — думалъ онъ, хватая себя за голову. — Боже, поскорѣе бы!»

Поѣздъ, на которомъ долженъ былъ ѣхать Володя съ maman, отходилъ въ восемь часовъ сорокъ минутъ. Оставалось до поѣзда около трехъ часовъ, но онъ съ наслажденіемъ ушелъ бы на станцію сейчасъ же, не дожидаясь maman.

Въ восьмомъ часу онъ подходилъ къ дому. Вся его фигура изображала рѣшимость: что будетъ, то будетъ! Онъ рѣшился войти смѣло, гля-

дѣтъ прямо, говорить громко, несмотря ни на что.

Онъ прошелъ террасу, большую залу, гостиную и остановился въ послѣдней, чтобы перевести духъ. Отсюда слышно было, какъ въ сосѣдней столовой пили чай. M-me Шумихина, maman и Нюта о чемъ-то говорили и смѣялись.

Володя прислушался.

— Увѣряю васъ! — говорила Нюта. — Я своимъ глазамъ не вѣрила! Когда онъ сталъ объясняться мнѣ въ любви и даже, представьте, взялъ меня за талію, я не узнала его. И знаете, у него есть манера! Когда онъ сказалъ, что влюбленъ въ меня, то въ лицѣ у него было что-то звѣрское, какъ у черкеса.

— Неужели! — ахнула maman, закатываясь протяжнымъ смѣхомъ. — Неужели! Какъ онъ напоминаетъ мнѣ своего отца!

Володя побѣжалъ назадъ и выскочилъ на свѣжій воздухъ.

«И какъ онѣ могутъ говорить вслухъ объ этомъ! — мучился онъ, всплескивая руками и съ ужасомъ глядя на небо. — Говорятъ вслухъ, хладнокровно... И maman смѣялась... maman! Боже мой, зачѣмъ ты далъ мнѣ такую мать? Зачѣмъ?

Но идти въ домъ нужно было, во что бы то ни стало. Онъ раза три прошелся по аллеѣ, немного успокоился и вошелъ въ домъ.

— Что же вы не приходите во-время чай пить? — строго спросила m-me Шумихина.

— Виноватъ, мнѣ... мнѣ пора ѣхать, — забормоталъ онъ, не поднимая глазъ. — Maman, ужъ восемь часовъ!

— Поѣзжай самъ, мой милый! — сказала томно maman: — я остаюсь ночевать у Лили. Прощай мой другъ... Дай я тебя перекрещу...

Она перекрестила сына и сказала по-французски, обращаясь къ Нютѣ:

— Онъ немного похожъ на Лермонтова... Не правда ли?

Кое-какъ простившись и не взглянувъ ни на чье лицо, Володя вышелъ изъ столовой. Черезъ десять минутъ онъ ужъ шагалъ по дорогѣ къ станціи и былъ радъ этому. Теперь ужъ ему не было ни страшно, ни стыдно, дышалось легко и свободно.

Въ полуверстѣ отъ станціи онъ сѣлъ на камень у дороги и сталъ глядѣть на солнце, которое больше чѣмъ наполовину спряталось за насыпь. На станціи ужъ кое-гдѣ зажглись огни, замелькалъ одинъ мутный, зеленый огонекъ, но поѣзда еще не было видно. Володѣ пріятно было сидѣть, не двигаться и прислушиваться къ тому, какъ мало-по-малу наступалъ вечеръ. Сумракъ бесѣдки, шаги, запахъ купальни, смѣхъ и талія — все это съ поразительною ясностью предстало въ его воображеніи и все это ужъ не было такъ страшно и значительно, какъ раньше...

«Пустяки... Она не отдернула руку и смѣялась, когда я держалъ ее за талію, — думалъ онъ: — значитъ, ей это нравилось. Если бъ ей это было противно, то она разсердилась бы...»

И теперь Володѣ стало досадно, что тамъ, въ бесѣдкѣ, у него было недостаточно смѣлости. Ему стало жаль, что онъ такъ глупо уѣзжаетъ, и ужъ онъ былъ увѣренъ, что если бы

тотъ случай повторился, то онъ былъ бы смѣлѣе и проще смотрѣлъ бы на вещи.

А случаю повториться не трудно. У Шумихиныхъ послѣ ужина долго гуляютъ. Если Володя пойдетъ гулять съ Нютой по темному саду, то — вотъ и случай!

«Вернусь, — думалъ онъ: — а уѣду завтра съ утреннимъ поѣздомъ... Скажу, что опоздалъ къ поѣзду».

И онъ вернулся... M-me Шумихина, maman, Нюта и одна изъ племянницъ сидѣли на террасѣ и играли въ винтъ. Когда Володя солгалъ имъ, что опоздалъ къ поѣзду, онѣ обезпокоились, какъ бы онъ завтра не опоздалъ къ экзамену, и посовѣтовали ему встать пораньше. Все время, пока онѣ играли въ карты, онъ сидѣлъ въ сторонѣ, жадно оглядывалъ Нюту и ждалъ... Въ его головѣ ужъ готовъ былъ планъ: онъ подойдетъ въ потемкахъ къ Нютѣ, возьметъ ее за руку, потомъ обниметъ; говорить ничего не нужно, такъ какъ обоимъ все будетъ понятно безъ разговоровъ.

Но послѣ ужина дамы не пошли гулять въ садъ и продолжали играть въ карты. Играли онѣ до часа ночи и потомъ разошлись спать.

«Какъ это все глупо! — досадовалъ Володя, ложась въ постель. — Но ничего, погожу завтрашняго дня... Завтра опять въ бесѣдкѣ. Ничего...»

Онъ не старался уснуть, а сидѣлъ въ постели, обнявъ руками колѣни, и думалъ. Мысль объ экзаменѣ была ему противна. Онъ ужъ рѣшилъ, что его исключатъ и что въ этомъ исключеніи нѣтъ ничего ужаснаго. Напротивъ, все

очень хорошо, даже очень. Завтра онъ будетъ свободенъ, какъ птица, надѣнетъ партикулярное платье, будетъ курить явно, ѣздить сюда и ухаживать за Нютой, когда угодно; и ужъ онъ будетъ не гимназистомъ, а «молодымъ человѣкомъ». А остальное, что называется карьерой и будущимъ, такъ ясно: Володя поступитъ въ вольноопредѣляющіеся, въ телеграфисты, наконецъ, въ аптеку, гдѣ дослужится до провизора... мало ли должностей? Прошелъ часъ-другой, а онъ все сидѣлъ и думалъ.

Въ третьемъ часу, когда ужъ свѣтало, дверь осторожно скрипнула, и въ комнату вошла maman.

— Ты не спишь? — спросила она, зѣвая. — Спи, спи, я на минутку... Я только капли возьму...

— Зачѣмъ вамъ?

— У бѣдной Лили опять спазмы. Спи, дитя мое, у тебя завтра экзаменъ...

Она достала изъ шкапчика флаконъ съ чѣмъ-то, подошла къ окну, прочла сигнатурку и вышла.

— Марья Леонтьевна, это не тѣ капли! — услышалъ черезъ минуту Володя женскій голосъ. — Это ландышъ, а Лили проситъ морфинъ. Вашъ сынъ спитъ? Попросите его, чтобы онъ отыскалъ...

Это былъ голосъ Нюты. Володя похолодѣлъ. Онъ быстро надѣлъ брюки, накинулъ на плечи шинель и пошелъ къ двери.

— Понимаете? Морфинъ! — объясняла шопотомъ Нюта. — Тамъ должно быть написано по-латыни. Разбудите Володю, онъ найдетъ...,

Maman открыла дверь, и Володя увидѣлъ Нюту. Она была въ той же самой блузѣ, въ какой ходила купаться. Волосы ея были не причесаны, разбросаны по плечамъ, лицо заспанное, смуглое отъ сумерекъ...

— Вотъ Володя не спитъ... — сказала она. — Володя, поищите, голубчикъ, въ шкапѣ морфинъ! Наказаніе съ этой Лили... Вѣчно у нея что-нибудь.

Maman что-то пробормотала, зѣвнула и ушла.

— Ищите же, — сказала Нюта. — Что стоите?

Володя пошелъ къ шкапчику, присѣлъ на колѣни и сталъ перебирать флаконы и коробки съ лѣкарствами. Руки у него дрожали, а въ груди и въ животѣ было такое ощущеніе, какъ будто по всѣмъ его внутренностямъ бѣгали холодныя волны. Отъ запаха эѳира, карболовой кислоты и разныхъ травъ, за которыя онъ безъ всякой надобности хватался дрожащими руками и которыя разсыпались отъ этого, ему было душно и кружилась голова.

«Кажется, maman ушла, — думалъ онъ. — Это хорошо... хорошо...»

— Скоро же? — спросила протяжно Нюта.

— Сейчасъ... Вотъ это, кажется, морфинъ... — сказалъ Володя, прочитавъ на одной изъ сигнатуръ слово «morph...» — Извольте!

Нюта стояла въ дверяхъ такъ, что одна нога была въ коридорѣ, а другая въ его комнатѣ. Она поправляла свои волосы, которые трудно было поправить — такъ они были густы и длинны! — и разсѣянно глядѣла на Володю. Въ просторной блузѣ, заспанная, съ распущенными во-

лосами, при томъ скудномъ свѣтѣ, какой шел
въ комнату отъ бѣлаго, но еще не освѣщенна
солнцемъ неба, она показалась Володѣ обаятел
ной, роскошной... Очарованный, дрожа всѣм
тѣломъ и съ наслажденіемъ вспоминая о томъ
какъ онъ обнималъ это чудное тѣло въ бесѣдкѣ
онъ подалъ ей капли и сказалъ:

— Какая вы...

— Что?

Она вошла въ комнату.

— Что? — спросила она, улыбаясь.

Онъ молчалъ и смотрѣлъ на нее, потомъ
какъ тогда въ бесѣдкѣ, взялъ за руку... А он
смотрѣла на него, улыбалась и ждала: что бу
детъ дальше?

— Я васъ люблю... — прошепталъ онъ.

Она перестала улыбаться, подумала и ска
зала:

— Погодите, кажется, кто-то идетъ. Охъ
ужъ эти мнѣ гимназисты! — говорила она впол
голоса, идя къ двери и выглядывая въ кори
доръ. — Нѣтъ, никого не видно...

Она вернулась...

Затѣмъ Володѣ показалось, что комната, Ню
та, разсвѣтъ и самъ онъ — все слилось въ одн
ощущеніе остраго, необыкновеннаго, небывала
счастья, за которое можно отдать всю жизн
и пойти на вѣчную муку, но прошло полминуты
и все это вдругъ исчезло. Володя видѣлъ одн
только полное, некрасивое лицо, искаженное вы
раженіемъ гадливости, и самъ вдругъ почувств
валъ отвращеніе къ тому, что произошло.

— Однако мнѣ нужно уходить, — сказал

Нюта, брезгливо оглядывая Володю. — Какой некрасивый, жалкій... фи, гадкій утенокъ!

Какъ теперь Володѣ казались безобразны ея длинные волосы, просторная блуза, ея шаги, голосъ!..

«Гадкій утенокъ... — думалъ онъ послѣ того, какъ она ушла. — Въ самомъ дѣлѣ я гадокъ... Все гадко».

На дворѣ ужъ восходило солнце, громко пѣли птицы; слышно было, какъ въ саду шагалъ садовникъ и какъ скрипѣла его тачка... А немного погодя послышалось мычанье коровъ и звуки пастушеской свирѣли. Солнечный свѣтъ и звуки говорили, что гдѣ-то на этомъ свѣтѣ есть жизнь чистая, изящная, поэтическая. Но гдѣ она? О ней никогда не говорили Володѣ ни maman, ни всѣ тѣ люди, которые окружали его.

Когда лакей будилъ его къ утреннему поѣзду, онъ представился спящимъ...

«Ну его, все къ чорту!» — думалъ онъ.

Всталъ онъ съ постели въ одиннадцатомъ часу. Причесываясь передъ зеркаломъ и глядя на свое некрасивое, блѣдное отъ безсонной ночи лицо, онъ подумалъ:

«Совершенно вѣрно... Гадкій утенокъ».

Когда maman увидѣла его и ужаснулась, что онъ не на экзаменѣ, Володя сказалъ:

— Я проспалъ, maman... Но вы не безпокойтесь, я представлю медицинское свидѣтельство.

M-me Шумихина и Нюта проснулись въ первомъ часу. Володя слышалъ, какъ проснувшаяся m-me Шумихина со звономъ открыла у себя

окно, какъ на ея грубый голосъ отвѣтила Нюта раскатистымъ смѣхомъ. Онъ видѣлъ, какъ отворилась дверь и изъ гостиной потянулась къ завтраку вереница племянницъ и приживалокъ (въ толпѣ послѣднихъ была и maman), какъ замелькало умытое, смѣющееся лицо Нюты, а рядомъ съ ея лицомъ черныя брови и борода только-что пріѣхавшаго архитектора.

Нюта была въ малороссійскомъ костюмѣ, который совсѣмъ не шелъ къ ней и дѣлалъ ее неуклюжею; архитекторъ острилъ пошло и плоско; въ котлетахъ, что подавали за завтракомъ, было очень много луку — такъ казалось Володѣ. Ему также казалось, что Нюта нарочно громко хохотала и поглядывала въ его сторону, чтобы этимъ дать понять ему, что воспоминаніе о ночи нисколько не безпокоитъ ея и что она не замѣчаетъ присутствія за столомъ гадкаго утенка.

Въ четвертомъ часу Володя ѣхалъ съ maman на станцію. Грязныя воспоминанія, безсонная ночь, предстоящее исключеніе изъ гимназіи, угрызенія совѣсти — все это возбуждало въ немъ теперь тяжелую, мрачную злобу. Онъ глядѣлъ на тощій профиль maman, на ея маленькій носикъ, на ватерпруфъ, подаренный ей Нютою, и бормоталъ:

— Зачѣмъ вы пудритесь? Это не пристало въ ваши годы! Вы наводите на себя красоту, не платите проигрыша, курите чужой табакъ... противно! Я васъ не люблю... не люблю!

Онъ оскорблялъ ее, а она испуганно поводила своими глазками, всплескивала ручками и шептала въ ужасѣ:

— Что ты, другъ мой? Боже мой, кучеръ

услышитъ! Замолчи, а то кучеръ услышитъ! Ему все слышно!

— Не люблю... не люблю! — продолжалъ онъ, задыхаясь. — Вы безнравственная, бездушная... Не смѣйте носить этого ватерпруфа! Слышите? А то я изорву его въ клочки...

— Опомнись, дитя мое! — заплакала maman. — Кучеръ услышитъ!

— А гдѣ состоянiе моего отца? Гдѣ ваши деньги? Вы все промотали! Мнѣ не стыдно своей бѣдности, но стыдно, что у меня такая мать... Когда мои товарищи спрашиваютъ о васъ, я всегда краснѣю.

На поѣздѣ пришлось ѣхать до города двѣ станцiи. Все время Володя стоялъ на площадкѣ и дрожалъ всѣмъ тѣломъ. Ему не хотѣлось входить въ вагонъ, такъ какъ тамъ сидѣла мать, которую онъ ненавидѣлъ. Ненавидѣлъ онъ самого себя, кондукторовъ, дымъ отъ паровоза, холодъ, которому приписывалъ свою дрожь... И чѣмъ тяжелѣе становилось у него на душѣ, тѣмъ сильнѣе онъ чувствовалъ, что гдѣ-то на этомъ свѣтѣ, у какихъ-то людей есть жизнь чистая, благородная, теплая, изящная, полная любви, ласкъ, веселья, раздолья... Онъ чувствовалъ это и тосковалъ такъ сильно, что даже одинъ пассажиръ, пристально поглядѣвъ ему въ лицо, спросилъ:

— Вѣроятно, у васъ зубы болятъ?

Въ городѣ maman и Володя жили у Марьи Петровны, дамы-дворянки, которая нанимала большую квартиру и отъ себя сдавала ее жильцамъ. Maman нанимала двѣ комнаты: въ одной съ окнами, гдѣ стояла ея кровать и висѣли на

стѣнахъ двѣ картины въ золотыхъ рамахъ, жила она сама, а въ другой, смежной, маленькой и темной, жилъ Володя. Тутъ стоялъ диванъ, на которомъ онъ спалъ, и кромѣ этого дивана не было никакой другой мебели: вся комната была занята плетеными корзинами съ платьемъ, картонками отъ шляпъ и всякимъ хламомъ, который для чего-то берегла maman. Уроки приготовлялъ Володя въ комнатѣ матери или въ «общей» — такъ называлась большая комната, куда всѣ жильцы сходились во время обѣда и по вечерамъ.

Вернувшись домой, онъ легъ на диванъ и укрылся одѣяломъ, чтобы унять дрожь. Картонки отъ шляпъ, плетенки и хламъ напомнили ему, что у него нѣтъ своей комнаты, нѣтъ пріюта, гдѣ бы онъ могъ спрятаться отъ maman, отъ ея гостей и отъ голосовъ, которые доносились теперь изъ «общей»; ранецъ и книги, разбросанныя по угламъ, напомнили ему объ экзаменѣ, на которомъ онъ не былъ... Почему-то совсѣмъ некстати пришла ему на память Ментона, гдѣ онъ жилъ со своимъ покойнымъ отцомъ, когда былъ семи лѣтъ; припомнились ему Біаррицъ и двѣ дѣвочки-англичанки, съ которыми онъ бѣгалъ по песку... Захотѣлось возобновить въ памяти цвѣта неба и океана, высоту волнъ и свое тогдашнее настроеніе, но это не удалось ему, дѣвочки-англичанки промелькнули въ воображеніи, какъ живыя, все же остальное смѣшалось, безпорядочно расплылось...

«Нѣтъ, здѣсь холодно», — подумалъ Володя, всталъ, надѣлъ шинель и пошелъ въ «общую».

Въ «общей» пили чай. За самоваромъ си-

дѣли трое: maman, учительница музыки, старушка въ черепаховомъ pince-nez и Августинъ Михайловичъ, пожилой, очень толстый французъ, служившій на парфюмерной фабрикѣ.

— Я сегодня не обѣдала, — говорила maman. — Надо бы горничную послать за хлѣбомъ.

— Дуняшъ! — крикнулъ французъ.

Оказалось, что горничную услала куда-то хозяйка.

— О, это ничего не означаетъ, — сказалъ французъ, широко улыбаясь. — Я сейчасъ самъ схожу за хлѣбомъ. О, это ничего!

Онъ положилъ свою крѣпкую, вонючую сигару на видное мѣсто, надѣлъ шляпу и вышелъ. По уходѣ его, maman стала разсказывать учительницѣ музыкѣ о томъ, какъ она гостила у Шумихиныхъ и какъ хорошо ее тамъ принимали.

— Вѣдь Лили Шумихина моя родственница... — говорила она. — Ея покойный мужъ, генералъ Шумихинъ, приходится кузеномъ моему мужу. А сама она урожденная баронесса Кольбъ...

— Maman, это неправда! — сказалъ раздраженно Володя. — Зачѣмъ лгать?

Онъ зналъ отлично, что maman говоритъ правду; въ ея разсказѣ о генералѣ Шумихинѣ и урожденной баронессѣ Кольбъ не было ни одного слова лжи, но тѣмъ не менѣе, все-таки онъ чувствовалъ, что она лжетъ. Ложь чувствовалась въ ея манерѣ говорить, въ выраженіи лица, во взглядѣ, во всемъ.

— Вы лжете! — повторилъ Володя и ударилъ кулакомъ по столу съ такой силой, что

задрожала вся посуда и у maman расплескался чай. — Для чего вы разсказываете про генераловъ и баронессъ? Все это ложь!

Учительница музыки растерялась и закашляла въ платокъ, дѣлая видъ, что она поперхнулась, а maman заплакала.

«Куда уйти?» — подумалъ Володя.

На улицѣ онъ ужъ былъ; къ товарищамъ идти стыдно. Опять некстати припомнились ему двѣ дѣвочки-англичанки... Онъ прошелся изъ угла въ уголъ по «общей» и вошелъ въ комнату Августина Михайлыча. Тутъ сильно пахло эѳирными маслами и глицериновымъ мыломъ. На столѣ, на окнахъ и даже на стульяхъ стояло множество флаконовъ, стаканчиковъ и рюмокъ съ разноцвѣтными жидкостями. Володя взялъ со стола газету, развернулъ ее и прочелъ заглавіе: «Figaro»... Газета издавала какой-то сильный и пріятный запахъ. Потомъ онъ взялъ со стола револьверъ...

— Полноте, не обращайте вниманія! — утѣшала въ сосѣдней комнатѣ учительница музыки maman. — Онъ еще такъ молодъ! Въ его годы молодые люди всегда позволяютъ себѣ лишнее. Съ этимъ надо мириться.

— Нѣтъ, Евгенія Андреевна, онъ слишкомъ испорченъ! — говорила maman нараспѣвъ. — Надъ нимъ нѣтъ старшаго, а я слаба и ничего не могу сдѣлать. Нѣтъ, я несчастна!

Володя вложилъ дуло револьвера въ ротъ, нащупалъ что-то похожее на курокъ или собачку и надавилъ пальцемъ... Потомъ нащупалъ еще какой-то выступъ и еще разъ надавилъ. Вынувъ дуло изо рта, онъ вытеръ его о полу ши-

нели, оглядѣлъ замокъ; раньше онъ никогда въ жизни не бралъ въ руки оружія...

— Кажется, это надо поднять... — соображалъ онъ. — Да, кажется...

Въ «общую» вошелъ Августинъ Михайлычъ и, хохоча, сталъ разсказывать о чемъ-то. Володя опять вложилъ дуло въ ротъ, сжалъ его зубами и надавилъ что-то пальцемъ. Раздался выстрѣлъ... Что-то съ страшною силою ударило Володю по затылку, и онъ упалъ на столъ, лицомъ прямо въ рюмки и во флаконы. Затѣмъ онъ увидѣлъ, какъ его покойный отецъ въ цилиндрѣ съ широкой, черной лентой, носившій въ Ментонѣ трауръ по какой-то дамѣ, вдругъ охватилъ его обѣими руками, и оба они полетѣли въ какую-то очень темную, глубокую пропасть.

Потомъ все смѣшалось и исчезло...

1887.

Холодная кровь

Длинный товарный поѣздъ давно уже стоитъ у полустанка. Паровозъ не издаетъ ни звука, точно потухъ; около поѣзда и въ дверяхъ полустанка ни души.

Отъ одного изъ вагоновъ идетъ блѣдная полоса свѣта и скользитъ по рельсамъ запаснаго пути. Въ этомъ вагонѣ на разостланной буркѣ сидятъ двое: одинъ — старый съ широкой, сѣдой бородой, въ полушубкѣ и въ высокой, мерлушковой шапкѣ, похожей на папаху, другой — молодой, безусый, въ потертомъ драповомъ пиджакѣ и въ высокихъ, грязныхъ сапогахъ. Это грузоотправители. Старикъ сидитъ, протянувъ впередъ ноги, молчитъ и о чемъ-то думаетъ; молодой полулежитъ и едва слышно пиликаетъ на дешевой гармоникѣ. Около нихъ на стѣнѣ виситъ фонарь съ сальной свѣчкой.

Вагонъ полонъ груза. Если сквозь тусклый свѣтъ фонаря вглядѣться въ этотъ грузъ, то въ первую минуту глазамъ представится что-то безформенно-чудовищное и несомнѣнно живое, что-то очень похожее на гигантскихъ раковъ, которые шевелятъ клешнями и усами, тѣснятся и безшумно карабкаются по скользкой стѣнѣ вверхъ къ потолку; но вглядишься попристальнѣе, и въ сумеркахъ начинаютъ явственно вырастать рога и ихъ отраженія, затѣмъ тощія, длинныя спины, грязная шерсть, хвосты, глаза. Это быки и ихъ тѣни. Всѣхъ быковъ въ ва-

гонѣ восемь. Одни изъ нихъ, обернувшись, глядятъ на людей и помахиваютъ хвостами, другіе стараются лечь или стать поудобнѣе. Имъ тѣсно. Если одинъ ложится, то остальные должны стоять и жаться другъ къ другу. Нѣтъ ни яслей, ни коновязей, ни подстилокъ и ни клочка сѣна [1])...

Послѣ долгаго молчанія старикъ вытаскиваетъ изъ кармана серебряную луковицу и справляется, который часъ: четверть третьяго.

— Ужъ второй часъ стоимъ, — говоритъ онъ, зѣвая. — Пойти поторопить ихъ, а то до утра будемъ здѣсь стоять. Они позаснули, или Богъ ихъ знаетъ, что они тамъ.

Старикъ встаетъ и вмѣстѣ со своею длинною тѣнью осторожно спускается изъ вагона въ потемки. Онъ пробирается вдоль поѣзда къ локомотиву и, пройдя десятка два вагоновъ, видитъ раскрытую, красную печь; противъ печи неподвижно сидитъ человѣческая фигура; ея козырекъ, носъ и колѣни выкрашены въ багровый цвѣтъ, все же остальное черно и едва вырисовывается изъ потемокъ.

— Долго еще тутъ стоять будемъ? — спрашиваетъ старикъ.

Отвѣта нѣтъ. Неподвижная фигура, очевидно, спитъ. Старикъ нетерпѣливо крякаетъ и, пожимаясь отъ ѣдкой сырости, обходитъ локомотивъ, причемъ яркій свѣтъ двухъ фонарей на мгновеніе бьетъ ему въ глаза, а ночь отъ этого становится для него еще чернѣе; онъ идетъ къ полустанку.

---

[1]) На многихъ дорогахъ, во избѣжаніе несчастныхъ случаевъ, запрещается держать въ вагонахъ сѣно, а потому живой грузъ во все время пути остается безъ корма.

Платформа и ступени полустанка мокры. Кое-гдѣ бѣлѣетъ недавно выпавшій, тающій снѣгъ. Въ самомъ полустанкѣ свѣтло и натоплено жарко, какъ въ банѣ. Пахнетъ керосиномъ. Кромѣ десятичныхъ вѣсовъ и небольшого, желтаго дивана, на которомъ спитъ какой-то человѣкъ въ кондукторской формѣ, въ помѣщеніи нѣтъ никакой мебели. Налѣво двѣ настежь открытыя двери. Въ одну изъ нихъ видны телеграфный станокъ и лампа съ зеленымъ колпакомъ, въ другую — небольшая комнатка, наполовину занятая темнымъ шкапомъ. Въ этой комнаткѣ, на подоконникѣ сидятъ оберъ-кондукторъ и машинистъ. Оба они мнутъ въ рукахъ какую-то шапку и спорятъ.

— Это не настоящій боберъ, а польскій, — говоритъ машинистъ. — Настоящіе бобры не такіе бываютъ. Всей этой шапкѣ, ежели желаете знать, красная цѣна — пять цѣлковыхъ!

— Понимаете вы много... — обижается оберъ-кондукторъ. — Пять цѣлковыхъ! А вотъ мы сейчасъ купца спросимъ. Господинъ Малахинъ, — обращается онъ къ старику: — какъ по-вашему: польскій это боберъ, или настоящій?

Старикъ Малахинъ беретъ въ руки шапку и съ видомъ знатока щупаетъ мѣхъ, дуетъ, нюхаетъ и на сердитомъ лицѣ его вдругъ вспыхиваетъ презрительная улыбка.

— Стало быть, польскій! — говоритъ онъ радостно. — Польскій и есть.

Начинается споръ. Оберъ-кондукторъ доказываетъ, что на шапкѣ боберъ настоящій, а машинистъ и Малахинъ стараются убѣдить его въ

противномъ. Среди спора старикъ вдругъ вспоминаетъ о цѣли своего прихода.

— Боберъ бобромъ, шапка шапкой, а поѣздъ стоитъ, господа! — говоритъ онъ. — Что жъ? Кого ждемъ? Поѣдемъ!

— Поѣдемъ, — соглашается оберъ-кондукторъ. — Выкуримъ еще по папироскѣ и поѣдемъ. Только спѣшить нечего... Все равно насъ задержатъ на станціи!

— Это съ какой стати?

— А такъ... Запоздали слишкомъ... Если на одной станціи опоздаешь, то на другихъ поневолѣ будутъ задерживать, чтобъ дать ходъ встрѣчнымъ. Поѣзжай хоть сейчасъ, хоть утромъ, а все равно намъ ужъ не придется ѣхать четырнадцатымъ номеромъ. Поѣдемъ, должно быть, двадцат третьимъ.

— Это же по-каковски?

— А по-таковски.

Малахинъ пытливо глядитъ на оберъ-кондуктора, думаетъ и бормочетъ машинально, какъ бы про себя:

— Накажи меня Богъ, считалъ и даже въ книжку записалъ: за всю дорогу простояли мы лишнихъ тридцать четыре часа. Доведете вы, господа, до той точки, что у меня или быки подохнутъ, или мнѣ за мясо, когда до мѣста доѣду, и двухъ рублей не дадутъ. Это не ѣзда, а чистое разоренье!

Оберъ-кондукторъ поднимаетъ брови и вздыхаетъ съ такимъ выраженіемъ, какъ будто хочетъ сказать: «Къ сожалѣнію, все это правда!» Машинистъ молчитъ и задумчиво оглядываетъ шапку. По лицамъ обоихъ видно, что у нихъ есть

какая-то общая тайная мысль, которую они не высказываютъ не потому, что хотятъ скрыть ее, а потому, что подобныя мысли передаются молчаніемъ гораздо лучше, чѣмъ на словахъ. И старикъ понимаетъ. Онъ лѣзетъ въ карманъ, достаетъ оттуда десятирублевку и безъ предисловій, не мѣняя ни тона голоса, ни выраженія лица, а съ увѣренностью и прямотою, съ какими даютъ и берутъ взятки, вѣроятно, одни только русскіе люди, подаетъ бумажку оберъ-кондуктору. Тотъ молча беретъ, складываетъ ее вчетверо и, не спѣша, кладетъ въ карманъ. Послѣ этого всѣ трое выходятъ изъ комнатки и, разбудивъ на пути спящаго кондуктора, идутъ на платформу.

— Погода! — крякаетъ оберъ-кондукторъ, вздрагивая плечами. — Зги не видать!

— Да, волчья погода...

Въ окно видно, какъ около зеленой лампы и телеграфнаго станка появляется бѣлокурая голова телеграфиста; около нея показывается скоро другая голова, бородатая и въ красной фуражкѣ — должно быть, начальника полустанка. Начальникъ нагнулся къ столу, читаетъ что-то на синемъ бланкѣ и быстро водитъ папиросой вдоль строкъ... Малахинъ идетъ къ своему вагону.

Его спутникъ, молодой человѣкъ, попрежнему полулежитъ и едва слышно пиликаетъ на гармоникѣ. Онъ безусъ, почти еще мальчикъ; полное, бѣлое лицо его съ широкими скулами дѣтски задумчиво, глаза глядятъ не какъ у взрослыхъ, а грустно и покорно, но весь онъ широкъ, крѣпокъ, тяжелъ и грубъ такъ же, какъ старикъ; онъ не шевелится и не мѣняетъ своей позы, точно ему не подъ-силу приводить въ движеніе свое

крупное тѣло. Пошевелись онъ, и тотчасъ, кажется, на немъ что-нибудь лопнетъ или раздастся стукъ, котораго испугаются быки и онъ самъ. Изъ-подъ его большихъ, толстыхъ пальцевъ, неповоротливо перебирающихъ клавиши и клапаны гармоники, непрерывно текутъ мелкіе, жиденькіе звуки и сливаются въ немудрый, однообразный мотивчикъ; онъ слушаетъ и, повидимому, очень доволенъ своей музыкой.

Слышится звонокъ, но такъ глухо, какъ будто бы звонятъ не вблизи, а гдѣ-то очень далеко. За нимъ тотчасъ же слѣдуетъ торопливый второй звонокъ, потомъ третій и свистъ оберъ-кондуктора. Проходитъ минута въ глубокомъ молчаніи; вагонъ не движется, стоитъ на мѣстѣ, но изъ-подъ него начинаютъ слышаться какіе-то неопредѣленные звуки, похожіе на скрипъ снѣга подъ полозьями; вагонъ вздрагиваетъ и звуки стихаютъ. Наступаетъ опять тишина. Но вотъ раздается лязгъ буферовъ, отъ сильнаго толчка вагонъ вздрагиваетъ, точно дѣлаетъ прыжокъ, и всѣ быки падаютъ другъ на друга.

— Чтобъ тебя на томъ свѣтѣ такъ дернуло! — ворчитъ старикъ, поправляя свою высокую шапку, съѣхавшую отъ толчка на затылокъ. — Этакъ онъ у меня всю скотину перекалѣчитъ!

Яша молча встаетъ и, взявъ одного упавшаго быка за рога, помогаетъ ему подняться на ноги... Вслѣдъ за толчкомъ опять наступаетъ тишина. Изъ-подъ вагона слышатся звуки скрипящаго снѣга, и кажется, что поѣздъ тронулся слегка назадъ.

— Сейчасъ опять дернетъ, — говоритъ старикъ.

И дѣйствительно, по поѣзду проносится судорога, раздается трескъ, вагонъ вздрагиваетъ и быки опять падаютъ другъ на друга.

— Задача! — говоритъ Яша, прислушиваясь. — Должно, поѣздъ тяжелый. Никакъ не сдвинетъ.

— Раньше не былъ тяжелый, а теперь вдругъ потяжелѣлъ. Нѣтъ, братъ, это значитъ оберъ-кондукторъ съ нимъ не подѣлился. Поди-ка снеси ему, а то онъ до утра будетъ дергать.

Яша беретъ у старика трехрублевую бумажку и прыгаетъ изъ вагона. Его тяжелые шаги глухо раздаются внѣ вагона и постепенно стихаютъ. Тишина... Въ сосѣднемъ вагонѣ протяжно и тихо мычитъ быкъ, точно поетъ.

Яша возвращается. Въ вагонъ влетаетъ сырой, холодный вѣтеръ.

— Закрой-ка, Яша, дверь, да будемъ ложиться, — говоритъ старикъ. — Что даромъ свѣчку жечь?

Яша задвигаетъ тяжелую дверь; раздается свистъ локомотива и поѣздъ трогается.

— Холодно! — бормочетъ старикъ, растягиваясь на буркѣ и кладя голову на узелъ. — То ли дѣло дома! И тепло, и чисто, и мягко, и Богу есть гдѣ помолиться, а тутъ хуже свиней всякихъ. Ужъ четверо сутокъ какъ сапогъ не снимали.

Яша, пошатываясь отъ вагонной качки, открываетъ фонарь и мокрыми пальцами сдавливаетъ фитиль. Свѣчка вспыхиваетъ, шипитъ, какъ сковорода, и тухнетъ.

— Да, братъ... — продолжаетъ Малахинъ, слыша, какъ Яша ложится рядомъ и своей громадной спиной прижимается къ его спинѣ. — Холодно. Изъ всѣхъ щелей такъ и дуетъ. Поспи тутъ твоя мать или сестра одну ночь, такъ къ утру бы ноги протянули. Такъ-то, братъ, не хотѣлъ учиться и въ гимназію ходить, какъ братья, ну вотъ и вози съ отцомъ быковъ. Самъ виноватъ, на себя и ропщи... Братья-то теперь на постеляхъ спятъ, одѣялами укрылись, а ты, нерадивый и лѣнивый, на одной линіи съ быками... Да...

Изъ-за шума поѣзда не слышно словъ старика, но онъ еще долго бормочетъ, вздыхаетъ и крякаетъ. Холодный воздухъ въ вагонѣ становится все гуще и душнѣе. Острый запахъ свѣжаго навоза и свѣчная гарь дѣлаютъ его такимъ противнымъ и ѣдкимъ, что у засыпающаго Яши начинаетъ чесаться въ горлѣ и внутри груди. Онъ перхаетъ и чихаетъ, а привычный старикъ, какъ ни въ чемъ не бывало, дышитъ всею грудью и только покрякиваетъ.

Судя по качкѣ вагона и по стуку колесъ, поѣздъ летитъ быстро и неровно. Паровозъ тяжело дышитъ, пыхтитъ не въ тактъ шуму поѣзда и въ общемъ получается какое-то клокотанье. Быки безпокойно тѣснятся и стучатъ рогами о стѣны.

Когда старикъ просыпается, въ щели вагона и въ открытое оконце глядитъ синее небо ранняго утра. Холодно невыносимо, въ особенности спинѣ и ногамъ. Поѣздъ стоитъ. Яша заспанный и угрюмый возится около быковъ.

Старикъ просыпается не въ духѣ. Нахму-

ренный и суровый, онъ сердито крякаетъ и глядитъ исподлобья на Яшу, который подперъ своимъ могучимъ плечомъ подъ грудь быка и, слегка приподнявъ его, старается распутать ему ногу.

— Говорилъ вчерась, что веревки длинныя, — ворчитъ старикъ: — такъ нѣтъ — «не длинныя, папаша!» Ничего нельзя заставить, все посвоему дѣлаешь... Болванъ.

Онъ сердито выдвигаетъ дверь, и въ вагонъ врывается свѣтъ. Какъ разъ противъ двери стоитъ пассажирскій поѣздъ, а за нимъ красное зданіе съ навѣсомъ — какая-то большая станція съ буфетомъ. Крыши и площадки вагоновъ, земля, шпалы — все покрыто тонкимъ слоемъ пушистаго, недавно выпавшаго снѣга. Въ промежутки между вагонами пассажирскаго поѣзда видно, какъ снуютъ пассажиры и прохаживается рыжій, краснолицый жандармъ; лакей во фракѣ и въ бѣлой, какъ снѣгъ, манишкѣ, не выспавшійся, озябшій и, вѣроятно, очень недовольный своею жизнью, бѣжитъ по платформѣ и несетъ на подносѣ стаканъ чаю съ двумя сухарями.

Старикъ поднимается и начинаетъ молиться на востокъ. Яша, покончивъ съ быкомъ и поставивъ въ уголъ лопату, становится рядомъ съ нимъ и тоже молится. Онъ только шевелитъ губами и крестится, отецъ же громко шепчетъ и конецъ каждой молитвы произноситъ вслухъ и отчетливо.

— ... и жизни будущаго вѣка аминь! — говоритъ громко старикъ, втягиваетъ въ себя воздухъ и тотчасъ же шепчетъ другую молитву и въ концѣ отчеканиваетъ твердо и ясно: — и возложатъ на алтарь твой тельцы!

Прочитавъ свои молитвы, Яша торопливо крестится и говоритъ:

— Пожалуйте пять копеекъ.

И, получивъ пятакъ, онъ беретъ красный мѣдный чайникъ и бѣжитъ на станцію за кипяткомъ. Широко прыгая черезъ шпалы и рельсы, оставляя на пушистомъ снѣгу громадные слѣды и выливая на пути изъ чайника вчерашній чай, онъ подбѣгаетъ къ буфету и звонко стучитъ пятакомъ по своей посудѣ. Изъ вагона видно, какъ буфетчикъ отстраняетъ рукой его большой чайникъ и не соглашается отдать за пятакъ почти половину своего самовара, но Яша самъ отворачиваетъ кранъ и, разставивъ локти, чтобы ему не мѣшали, наливаетъ себѣ кипятку полный чайникъ.

— Сволочь проклятая! — кричитъ ему вслѣдъ буфетчикъ, когда онъ бѣжитъ обратно къ вагону.

За чаемъ хмурое лицо старика Малахина немного проясняется.

— Пить и ѣсть мы умѣемъ, а дѣла не помнимъ, — говоритъ онъ. — Вчерась цѣлый день только и знали, что пили да ѣли, а небось забыли расходы записать. Экая память, Господи!

Старикъ припоминаетъ вслухъ вчерашніе расходы и записываетъ въ истрепанной записной книжкѣ, гдѣ и сколько было дано кондукторамъ, машинистамъ, смазчикамъ...

Между тѣмъ пассажирскій поѣздъ давно уже ушелъ, и по свободному пути взадъ и впередъ, какъ кажется, безъ всякой опредѣленной цѣли, а просто радуясь своей свободѣ, бѣгаетъ дежурный локомотивъ. Солнце уже взошло и играетъ

по снѣгу; съ навѣса станціи и съ крышъ вагоновъ падаютъ свѣтлыя капли.

Напившись чаю, старикъ лѣниво плетется изъ вагона на станцію. Тутъ среди залы перваго класса стоятъ знакомый оберъ-кондукторъ и начальникъ станціи, молодой человѣкъ съ красивой бородкой и въ великолѣпномъ, шершавомъ пальто. Молодой человѣкъ, вѣроятно, отъ непривычки стоять на одномъ мѣстѣ, граціозно, какъ хорошій скаковой конь, переминается съ ноги на ногу, глядитъ по сторонамъ, дѣлаетъ подъ козырекъ всѣмъ мимо проходящимъ, улыбается, щуритъ глаза... Онъ румянъ, здоровъ, веселъ, лицо его дышитъ вдохновеніемъ и такою свѣжестью, какъ будто онъ только-что свалился съ неба вмѣстѣ съ пушистымъ снѣгомъ. Увидѣвъ Малахина, оберъ-кондукторъ виновато вздыхаетъ и разводитъ руками.

— Не придется намъ ѣхать четырнадцатымъ номеромъ! — говоритъ онъ. — Опоздали сильно. Ужъ другой поѣздъ пошелъ съ этимъ номеромъ.

Начальникъ станціи быстро просматриваетъ какіе-то бланки, потомъ переводитъ свои голубые, восторженные глаза на Малахина и, улыбаясь, дыша на него свѣжестью, осыпаетъ его вопросами:

— Вы господинъ Малахинъ? У васъ быки? Восемь вагоновъ? Какъ же теперь быть? Вы опоздали, и четырнадцатый номеръ уже пущенъ мною ночью. Что же мы теперь будемъ дѣлать?

Молодой человѣкъ двумя розовыми пальцами осторожно беретъ Малахина за мѣхъ полушубка и, переминаясь съ ноги на ногу, ласково и убѣдительно объясняетъ ему, что такіе-то номера уже

ушли, а такіе-то пойдутъ, что онъ готовъ сдѣлать для Малахина все отъ него зависящее. И по лицу его видно, что онъ дѣйствительно готовъ сдѣлать пріятное не только Малахину, но даже всему свѣту — такъ онъ счастливъ, доволенъ и радъ! Старикъ слушаетъ и хотя ровно ничего не понимаетъ въ замысловатой поѣздной номераціи, но одобрительно киваетъ головой и самъ касается двумя пальцами нѣжной ворсы шаршаваго пальто. Ему пріятно видѣть и слушать приличнаго и ласковаго молодого человѣка. Чтобы съ своей стороны показать ему свое расположеніе, онъ вынимаетъ десятирублевку, подумавъ, прибавляетъ къ ней еще двѣ рублевыя бумажки и подаетъ ихъ начальнику станціи. Тотъ беретъ, дѣлаетъ подъ козырекъ и граціозно суетъ себѣ въ карманъ.

— Вотъ что, господа, не устроить ли намъ такимъ образомъ? — говоритъ онъ, озаренный новою, только-что мелькнувшей идеей. — Воинскій поѣздъ опоздалъ... его, какъ видите, нѣтъ... Такъ не отправиться ли вамъ воинскимъ[1]) поѣздомъ? А воинскій я ужъ пущу двадцать восьмымъ номеромъ. А?

— Пожалуй, — соглашается оберъ-кондукторъ.

— И отлично! — радуется начальникъ станціи. — Въ такомъ случаѣ вамъ нечего тутъ ждать, сейчасъ и поѣзжайте! Я васъ сейчасъ и отправлю! Отлично!

---

[1]) Воинскимъ называется номеръ поѣзда, предназначеннаго спеціально для перевозки войскъ; когда войскъ не бываетъ, онъ везетъ товаръ и идетъ быстрѣе обыкновенныхъ товарныхъ поѣздовъ.

Онъ дѣлаетъ Малахину подъ козырекъ и, читая на пути бланки, бѣжитъ къ себѣ. Старикъ очень доволенъ только-что бывшимъ разговоромъ; онъ улыбается и оглядываетъ всю залу, какъ бы ища: нѣтъ ли тутъ еще чего-нибудь пріятнаго?

— А мы все-таки выпьемъ, — говоритъ онъ, беря оберъ-кондуктора подъ руку.

— Какъ будто бы еще рановато пить.

— Нѣтъ, ужъ вы позвольте мнѣ угостить васъ изъ любезности.

Оба идутъ къ буфету. Выпивши, оберъ-кондукторъ долго выбираетъ, чѣмъ бы закусить.

Это человѣкъ пожилой, чрезвычайно полный, съ полинявшимъ, пухлымъ лицомъ. Полнота у него непріятная, обрюзглая, съ желтизною, какая бываетъ у людей, много пьющихъ и спящихъ не вѡ-время.

— А теперь и по второй можно выпить, — говоритъ Малахинъ. — Теперь время холодное, не грѣхъ выпить. Кушайте, покорнѣйше прошу. Такъ, значитъ, я на васъ надѣюсь, господинъ оберъ-кондукторъ, что всю дорогу не будетъ никакихъ препятствій и непріятностей. Потому, знаете, въ нашемъ скотопромышленномъ дѣлѣ каждый часъ дорогъ. Сегодня одна цѣна мясу, а завтра, гляди, другая. Опоздаешь на день — на два и не попадешь въ цѣну, да вмѣсто того, чтобъ пользу взять, гляди, и пріѣдешь домой, извините, безъ брюковъ. Кушайте, покорнѣйше прошу... Я на васъ надѣюсь, а насчетъ угощенія, или чего желаете, я изъ любезности могу во всякое время васъ уважить.

Накормивъ оберъ-кондуктора, Малахинъ возвращается къ себѣ въ вагонъ.

— Сейчасъ я себѣ воинскій номеръ вымакла-чилъ, — говоритъ онъ сыну. — Шибко поѣдемъ. Кондукторъ говоритъ, что если все время съ этимъ номеромъ будемъ ѣхать, то завтра въ 8 часовъ вечера будемъ на мѣстѣ. Не похлопочешь, братъ, не получишь... Такъ-то... Гляди вотъ и пріучайся...

Послѣ перваго звонка къ дверямъ вагона подходитъ человѣкъ съ лицомъ, чернымъ отъ сажи, въ блузѣ и въ грязныхъ, потертыхъ панталонахъ на выпускъ. Это смазчикъ, который только-что лазилъ подъ вагонами и стучалъ молоткомъ по колесамъ.

— Господа, это ваши вагоны съ быками? — спрашиваетъ онъ.

— Наши, а что?

— А то, что два вагона больные. Нельзя ихъ пущать, надо тутъ въ починку оставить.

— Ну да, бреши больше! Просто выпить хочется, хабару взять... Такъ и говорилъ бы.

— Какъ вамъ угодно, а только я сейчасъ обязанъ доложить.

Не возмущаясь и не протестуя, а спокойно, почти машинально старикъ достаетъ изъ кармана два двугривенныхъ и подаетъ ихъ смазчику. Тотъ тоже очень спокойно беретъ ихъ и, добродушно глядя на старика, заводитъ разговоръ:

— Поторговать, стало быть, ѣдете... Хорошее дѣло!

Малахинъ вздыхаетъ и, спокойно глядя на черное лицо смазчика, разсказываетъ, что тор-

говля быками прежде была дѣйствительно вы-
годна, теперь же она составляетъ дѣло риско-
ванное и убыточное.

— Тутъ у меня товарищъ есть, — переби-
ваетъ его смазчикъ. — Такъ вы бы, господа
купцы, и ему сколько-нибудь презентовали..

Малахинъ даетъ и на товарища... Воин-
скій поѣздъ идетъ быстро и стоитъ на станціяхъ
сравнительно недолго. Старикъ доволенъ. Пріятное впечатлѣніе, оставленное молодымъ человѣкомъ въ шершавомъ пальто, крѣпко засѣло въ немъ, выпитая водка слегка туманитъ голову, погода великолѣпная и, повидимому, все обстоитъ прекрасно. Онъ безъ-умолку говоритъ и во время каждой остановки бѣгаетъ къ буфету. Чувствуя потребность въ слушателяхъ, онъ тащитъ къ буфету то оберъ-кондуктора, то машиниста, и пьетъ не просто, а длинно, съ причитываніями и съ чоканьемъ.

— У васъ свое дѣло, у насъ свое... — говоритъ онъ благодушно, улыбаясь. — Дай Богъ и намъ, и вамъ, и чтобъ не какъ намъ угодно, а какъ Богу...

Отъ водки онъ мало-по-малу возбуждается и впадаетъ въ дѣловой азартъ. Ему хочется хлопотать, торопиться, наводить справки, безъ-умолку говорить. Онъ то роется въ карманахъ и въ узлахъ, и ищетъ какой-то бланокъ, то что-то вспоминаетъ и никакъ не можетъ вспомнить, то вынимаетъ бумажникъ и безъ всякой надобности пересчитываетъ свои деньги. Онъ суетится, охаетъ, ужасается, всплескиваетъ руками... Разложивъ передъ собою письма и телеграммы столичныхъ мясоторговцевъ, счеты, почтовыя и те-

леграфныя расписки, бланки, свою записную книжку, онъ соображаетъ вслухъ и требуетъ, чтобы Яша слушалъ.

А когда надоѣдаетъ ему читать бланки и говорить о цѣнахъ, онъ во время остановокъ бѣгаетъ по вагонамъ, гдѣ стоятъ его быки, ничего не дѣлаетъ, а только всплескиваетъ руками и ужасается.

— Ахъ, Боже мой, Боже мой! — говоритъ онъ жалобнымъ голосомъ. — Священномученикъ Власій! Хоть оно и быкъ, хоть оно и тварь, а вѣдь тоже, какъ и люди, хочетъ и пить, и ѣсть. Ужъ четверо сутокъ, какъ не пили и не ѣли. Ахъ, Боже мой, Боже мой!

Яша, какъ послушный сынъ, ходитъ за нимъ и исполняетъ его приказанія. Ему не нравится, что старикъ часто бѣгаетъ къ буфету. Хоть онъ и боится отца, но не можетъ удержаться отъ замѣчанія.

— А вы ужъ начали! — говоритъ онъ, сурово оглядывая старика. — Съ какой это радости? Именинники вы, что ли?

— Не смѣешь ты родному отцу указывать.

— Ишь, моду какую взяли...

Когда не нужно бываетъ ходить за отцомъ, Яша все время сидитъ неподвижно на буркѣ и пиликаетъ на гармоникѣ. Изрѣдка онъ выйдетъ изъ вагона и лѣниво пройдется вдоль поѣзда; остановится онъ около локомотива и устремитъ долгій, неподвижный взглядъ на колеса или на рабочихъ, бросающихъ полѣнья на тендеръ; горячій локомотивъ сипитъ, падающія полѣнья издаютъ сочный, здоровый звукъ свѣжаго дерева; машинистъ и его помощникъ, люди очень

хладнокровные и равнодушные, дѣлаютъ какія-то непонятныя движенія и не спѣшатъ. Постоявъ около паровоза, Яша лѣниво плетется на станцію; тутъ онъ оглядитъ закуски въ буфетѣ, прочтетъ для себя вслухъ какое-нибудь очень неинтересное объявленіе и не спѣша возвращается въ вагонъ. Лицо его не выражаетъ ни скуки, ни желаній; ему, повидимому, рѣшительно все равно, гдѣ ни быть: дома ли, въ вагонѣ, около ли паровоза...

Къ вечеру поѣздъ останавливается около большой станціи. Огни по линіи только-что зажжены; на синѣющемъ фонѣ, въ свѣжемъ, прозрачномъ воздухѣ огни ярки и блѣдны, какъ звѣзды; красны и лучисты они только подъ навѣсомъ, гдѣ уже темно. Всѣ пути запружены вагонами и, кажется, приди новый поѣздъ, для него не найдется мѣста. Яша бѣжитъ на станцію за кипяткомъ для вечерняго чая. На платформѣ гуляютъ хорошо одѣтыя дамы и гимназисты. По обѣ стороны вокзала, если поглядѣть съ платформы вдаль, мелькаютъ въ вечерней мглѣ далекіе огоньки — это городъ. Какой? Яшѣ не интересно знать. Онъ видитъ только тусклые огни и жалкія постройки за вокзаломъ, слышитъ крикъ извозчиковъ, чувствуетъ на лицѣ рѣзкій, холодный вѣтеръ и думаетъ, что этотъ городъ, вѣроятно, не хорошій, не уютный и скучный...

Во время чая, когда уже совсѣмъ стемнѣло и на стѣнѣ вагона по-вчерашнему виситъ фонарь, поѣздъ вздрагиваетъ отъ легкаго толчка и тихо идетъ назадъ. Пройдя немного, онъ останавливается; слышатся неясные крики, кто-то

стучитъ цѣпями около буферовъ и кричитъ: «готово!» Поѣздъ трогается и идетъ впередъ. Минутъ черезъ десять его опять тащатъ назадъ.

Выйдя изъ вагона, Малахинъ не узнаетъ своего поѣзда. Его восемь вагоновъ съ быками стоятъ въ одномъ ряду съ невысокими вагонами-платформами, какихъ раньше не было въ поѣздѣ. На двухъ-трехъ платформахъ наваленъ бутъ, а остальныя пусты. Вдоль поѣзда снуютъ незнакомые кондуктора. На вопросы они отвѣчаютъ неохотно и глухо. Имъ не до Малахина; они торопятся составить поѣздъ, чтобы поскорѣе отдѣлаться и идти въ тепло.

— Какой это номеръ? — спрашиваетъ Малахинъ.

— Восемнадцатый!

— А гдѣ же воинскій? Зачѣмъ меня отъ воинскаго отцѣпили?

Не получивъ отвѣта, старикъ идетъ на станцію. Онъ ищетъ сначала знакомаго оберъ-кондуктора и, не найдя его, идетъ къ начальнику станціи. Начальникъ сидитъ у себя въ комнатѣ за столомъ и перебираетъ пальцами пачку какихъ-то бланковъ. Онъ занятъ и дѣлаетъ видъ, что не замѣчаетъ вошедшаго. Наружность у него внушительная: голова черная, стриженая, уши оттопыренныя, носъ длинный, съ горбиной, лицо смуглое; выраженіе у него суровое и какъ будто оскорбленное. Малахинъ начинаетъ длинно излагать ему свою претензію.

— Что-съ? — спрашиваетъ начальникъ. — Какъ? — онъ откидывается на спинку стула и продолжаетъ, возмущаясь: — что-съ? А почему же вамъ не ѣхать съ восемнадцатымъ номеромъ?

Говорите яснѣе, я ничего не понимаю! Какъ? Прикажете мнѣ разорваться на части?

Онъ сыплетъ вопросами и безъ всякой видимой причины становится все строже и строже. Малахинъ уже лѣзетъ въ карманъ за бумажникомъ, но начальникъ, вконецъ оскорбленный и возмущенный, неизвѣстно чѣмъ, вскакиваетъ со стула и выбѣгаетъ изъ комнаты. Малахинъ, пожимая плечами, выходитъ и ищетъ, съ кѣмъ бы еще поговорить.

Отъ скуки ли, изъ желанія ли завершить хлопотливый день еще какой-нибудь новой хлопотой, или просто потому, что на глаза ему попадается оконце съ вывѣской «Телеграфъ», онъ подходитъ къ окну и заявляетъ желаніе послать телеграмму. Взявши перо, онъ думаетъ и пишетъ на синемъ бланкѣ: «Срочная. Начальнику движенія. Восемь вагоновъ живымъ грузомъ. Задерживаютъ на каждой станціи. Прошу дать скорый номеръ. Отвѣтъ уплоченъ. Малахинъ».

Пославъ телеграмму, онъ опять идетъ въ комнату начальника станціи. Тутъ на диванчикѣ, обитомъ сѣрымъ сукномъ, сидитъ какой-то благообразный господинъ съ бакенами, въ очкахъ и въ енотовой шапкѣ; на немъ какая-то странная шубка, очень похожая на женскую, съ мѣховой опушкой, съ аксельбантами и съ разрѣзами на рукавахъ. Передъ нимъ стоитъ другой господинъ, сухой и жилистый, въ формѣ контролера.

— Помилуйте, — разсказываетъ контролеръ, обращаясь къ господину въ странной шубкѣ. — Я сейчасъ разскажу вамъ случай такой, что мое вамъ почтеніе! Z—я дорога преспокойнѣй-

шимъ образомъ украла у N—ской дороги триста товарныхъ вагоновъ. Это фактъ-съ! Клянусь Богомъ! Завезла къ себѣ, перекрасила, выставила свои литеры и — сдѣлайте ваше одолженіе! N—ская дорога шлетъ всюду агентовъ, ищетъ, ищетъ, и вдругъ, можете себѣ представить, попадается ей больной вагонъ Z—ской дороги. Она чинитъ его у себя въ депо и вдругъ, мое вамъ почтеніе, видитъ на колесахъ и осяхъ свое клеймо. Каково-съ? А? Сдѣлай это я, меня въ Сибирь сошлютъ, а желѣзнымъ дорогамъ — пссс!

Малахину пріятно поговорить съ интеллигентными, образованными людьми. Онъ разглаживаетъ бороду и солидно вмѣшивается въ разговоръ.

— Взять теперь, господа, къ примѣру хоть такой случай, — говоритъ онъ. — Я везу быковъ въ Х. Восемь вагоновъ. Хорошо-съ... Скажемъ теперь такъ: берутъ съ меня за каждый вагонъ, какъ за 600 пудовъ тяги. Въ восьми быкахъ не будетъ шести сотъ пудовъ, а гораздо меньше, они же не принимаютъ этого себѣ во вниманіе...

Въ это время въ комнату входитъ Яша, ищущій отца. Онъ слушаетъ и хочетъ сѣсть на стулъ, но, вѣроятно, вспомнивъ про свою тяжесть, отходитъ отъ стула и садится на подоконникъ.

— А они не принимаютъ это себѣ во вниманіе, — продолжаетъ Малахинъ: — и берутъ еще съ меня и съ сына за то, что мы при быкахъ ѣдемъ, сорокъ два рубля, какъ за III классъ. Это мой сынъ Іаковъ; есть у меня дома еще двое, да тѣ по ученой части. Ну-съ, и кромѣ

того, я такъ понимаю, что желѣзныя дороги разорили скотопромышленниковъ. Прежде, когда гурты гоняли, лучше было.

Говоритъ старикъ протяжно и длинно. Послѣ каждой фразы онъ взглядываетъ на Яшу, какъ бы желая сказать: гляди, какъ я съ умными людьми разговариваю!

— Помилуйте! — перебиваетъ его контролеръ. — Никто не возмущается, никто не критикуетъ! А почему? Очень просто! Мерзость возмущаетъ и рѣжетъ глаза только тамъ, гдѣ она случайна, гдѣ ею нарушается порядокъ; здѣсь же, гдѣ она, мое вамъ почтеніе, составляетъ давно заведенную программу и входитъ въ основу самаго порядка, гдѣ каждая шпала носитъ ея слѣдъ и издаетъ ея запахъ, она слишкомъ скоро входитъ въ привычку! Да-съ!

Бьетъ второй звонокъ. Господинъ въ странной шубкѣ поднимается. Контролеръ беретъ его подъ руку и, продолжая горячо говорить, уходитъ съ нимъ на платформу. Послѣ третьяго звонка въ комнату вбѣгаетъ начальникъ станціи и садится за свой столъ.

— Послушайте, съ какимъ же номеромъ я поѣду? — спрашиваетъ Малахинъ.

Начальникъ глядитъ въ бланокъ и говоритъ, возмущаясь:

— Вы Малахинъ? Восемь вагоновъ? Съ васъ по рублю за вагонъ и шесть двадцать за марки. У васъ марокъ нѣтъ. Итого 14 руб. 20 коп.

Получивъ деньги, онъ записываетъ что-то, засыпаетъ пескомъ и, сердито рванувъ со стола пачку бланковъ, быстро выходитъ изъ комнаты.

Въ 10 часовъ вечера Малахинъ получаетъ отвѣтъ начальника движенія: «Дать преимущество». Прочитавъ эту телеграмму, старикъ значительно подмигиваетъ глазомъ и, очень довольный собою, кладетъ ее въ карманъ.

— Вотъ, — говоритъ онъ Яшѣ. — Гляди и пріучайся.

Въ полночь его поѣздъ идетъ дальше. Ночь, какъ вчера темная и холодная, стоянки долгія. Яша сидитъ на буркѣ и невозмутимо пиликаетъ на гармоникѣ, а старику все еще хочется хлопотать. На одной изъ станцій ему приходитъ охота составить протоколъ. По его требованію, жандармъ садится и пишетъ: «188* года ноября 10 я, унтеръ-офицеръ Z-го отдѣленія N-скаго жандармскаго полицейскаго управленія желѣзныхъ дорогъ Илья Чередъ, на основаніи 11 статьи закона 19-го мая 1871 года, составилъ сей протоколъ на станціи X. въ нижеслѣдующемъ...»

— Дальше что писать? — спрашиваетъ жандармъ.

Малахинъ выкладываетъ передъ нимъ бланки, почтовыя и телеграфныя расписки, счеты... Что ему нужно отъ жандарма, онъ самъ опредѣленно не знаетъ; ему хочется описать въ протоколѣ не какой-нибудь отдѣльный эпизодъ, а все свое путешествіе, всѣ свои убытки, разговоры съ начальниками станцій, описать длинно и язвительно.

— А на станціи Z., — говоритъ онъ: — напишите: начальникъ станціи отцѣпилъ мои вагоны отъ воинскаго поѣзда, потому что моя физіономія ему не понравилась.

И ему хочется, чтобы жандармъ непремѣнно

упомянулъ о физіономіи. Тотъ утомленно слушаетъ и, не дослушавъ, продолжаетъ писать. Свой протоколъ онъ заканчиваетъ такъ: «Вышеизложенное я, унтеръ-офицеръ Чередъ, записалъ въ сей протоколъ и постановилъ представить оный начальнику Z-го отдѣленія, а копію онаго выдать мѣщанину Гаврилѣ Малахину». Старикъ беретъ копію, пріобщаетъ ее къ бумагамъ, которыми набитъ его боковой карманъ, и очень довольный идетъ къ себѣ въ вагонъ.

Утромъ Малахинъ опять просыпается не въ духѣ, но уже гнѣвъ свой изливаетъ не на Яшѣ, а на быкахъ.

— Пропали быки! — ворчитъ онъ. — Пропали! Они передохнутъ! Накажи меня Богъ, передохнутъ всѣ! Тьфу!

Быки, давно уже не пившіе, мучимые жаждою, лижутъ иней на стѣнахъ и, когда подходитъ къ нимъ Малахинъ, начинаютъ лизать его холодный полушубокъ. По ихъ свѣтлымъ слезящимся глазамъ видно, что они изнеможены жаждой и вагонной качкой, голодны и тоскуютъ.

— Вотъ, вози васъ, проклятыхъ! — ворчитъ Малахинъ. — Ужъ издыхали бы поскорѣй, что ли! Глядѣть на васъ противно.

Въ полдень поѣздъ останавливается у большой станціи, гдѣ, по правиламъ, для живого груза устраивается водопой. Быкамъ Малахина даютъ пить, но быки не пьютъ: вода оказывается слишкомъ холодной...

Проходитъ еще двое сутокъ и наконецъ вдали, въ смугломъ туманѣ показывается столица. Путь конченъ. Поѣздъ останавливается, не до-

ѣзжая города, около товарной станціи. Быки, выпущенные изъ вагоновъ на волю, пошатываются и спотыкаются, точно идутъ по скользкому льду.

Покончивъ съ выгрузкой и ветеринарнымъ осмотромъ, Малахинъ и Яша поселяются въ грязныхъ, дешевыхъ номерахъ на окраинѣ города, на той самой площади, гдѣ производится торгъ скотомъ. Живутъ они въ грязи, ѣдятъ отвратительно, какъ никогда не ѣли у себя дома, спятъ подъ рѣзкіе звуки плохого оркестріона, день и ночь играющаго въ трактирѣ подъ номерами. Старикъ съ утра уходитъ куда-то искать покупателей, а Яша по цѣлымъ днямъ сидитъ въ номерѣ, или же выходитъ на улицу поглядѣть столичный городъ. Онъ видитъ грязную, унавоженную площадь, трактирныя вывѣски, зубчатую стѣну монастыря въ туманѣ... Изрѣдка перебѣжитъ онъ улицу и заглянетъ въ окно бакалейной лавочки, полюбуется на банки съ разноцвѣтными пряниками, зѣвнетъ и лѣниво поплетется къ себѣ въ номеръ. Столица не интересуетъ его.

Наконецъ быковъ продаютъ какому-то купцу. Малахинъ нанимаетъ погонщиковъ. Всѣхъ быковъ дѣлятъ на партіи по десяти головъ въ каждой и гонятъ ихъ на другой конецъ города. Быки, понуривъ головы, утомленные, идутъ по шумнымъ улицамъ и равнодушно глядятъ на то, что видятъ они первый и послѣдній разъ въ жизни. Оборванные погонщики идутъ за ними, тоже понуривъ головы. Имъ скучно... Изрѣдка какой-нибудь погонщикъ встрепенется отъ думъ, вспомнитъ, что впереди его идутъ ввѣрен-

ные ему быки, и, чтобы показать себя занятымъ человѣкомъ, со всего размаха ударитъ палкой по спинѣ быка. Быкъ спотыкнется отъ боли, пробѣжитъ шаговъ десять впередъ и поглядитъ въ стороны съ такимъ выраженіемъ, какъ будто ему совѣстно, что его бьютъ при чужихъ людяхъ.

Продавъ быковъ и накупивъ для семьи гостинцевъ, какіе можно было бы купить у себя дома, Малахинъ и Яша собираются въ обратный путъ. За три часа до отхода поѣзда, старикъ, уже выпившій съ покупателемъ, а потому хлопотливый, спускается съ Яшей въ трактиръ и садится пить чай. Какъ всѣ провинціалы, онъ не можетъ одинъ пить и ѣсть: ему нужна компанія, такая же хлопотливая и разсудительная, какъ онъ самъ.

— Позови хозяина! — говоритъ онъ половому. — Скажи, что я его угостить желаю изъ любезности.

Хозяинъ, человѣкъ сытый и совершенно равнодушный къ своимъ постояльцамъ, приходитъ и садится за столъ.

— Ну, поторговали! — говоритъ ему Малахинъ, смѣясь. — Промѣняли козу на ястреба. Какъ же, уѣхали сюда — было мясо по три девяносто, а пріѣзжаемъ — оно ужъ по три съ четвертакомъ. Говорятъ, опоздали, было бы тремя днями раньше пріѣзжать, потому что теперь на мясо спросъ не тотъ, Филипповъ постъ пришелъ... А? Чистая катавасія! На каждомъ быкѣ взялъ убытку четырнадцать рублей. Да вы посудите: провозъ быка сколько стоитъ? Пятнадцать рублей тарифа, да шесть рублей кла-

дите на каждаго быка — шахеръ-махеръ, взятки, угощенія, то да се...

Хозяинъ изъ приличія слушаетъ и неохотно хлебаетъ чай. Малахинъ охаетъ, всплескиваетъ руками, подшучиваетъ надъ своей неудачей, но по всему видно, что понесенный имъ убытокъ мало волнуетъ его. Ему все равно, что убытокъ, что польза, лишь бы только были у него слушатели, было бы о чемъ хлопотать, да не опоздать бы какъ-нибудь на поѣздъ.

Черезъ часъ Малахинъ и Яша, навьюченные мѣшками и чемоданами, спускаются изъ номеровъ внизъ къ выходу, чтобы садиться на извозчика и ѣхать на вокзалъ. Ихъ провожаютъ хозяинъ, коридорные и какія-то бабы. Старикъ растроганъ. Онъ тычетъ во всѣ стороны гривенники и говоритъ нараспѣвъ:

— Прощайте, оставайтесь здоровы! Дай Богъ вамъ, чтобъ все было, какъ надо. Богъ дастъ, коли будемъ живы и здоровы, опять пріѣдемъ къ Великому посту. Прощайте! Спасибо... дай Богъ!

Сѣвши въ санки, старикъ снимаетъ шапку и долго крестится въ ту сторону, гдѣ въ туманѣ темнѣетъ монастырская стѣна. Яша садится рядомъ съ нимъ на краешекъ сидѣнья и свѣшиваетъ ногу въ сторону. Его лицо попрежнему безстрастно и не выражаетъ ни скуки, ни желаній. Онъ не радуется, что ѣдетъ домой, и не жалѣетъ, что не успѣлъ поглядѣть на столицу.

— Трогай!

Извозчикъ бьетъ по лошадкѣ и, обернувшись, начинаетъ браниться за тяжелый и громоздкій багажъ.

1887.

Шампанское

Разсказъ проходимца

Въ тотъ годъ, съ котораго начинается мой разсказъ, я служилъ начальникомъ полустанка на одной изъ нашихъ юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ. Весело мнѣ жилось на полустанкѣ или скучно, вы можете видѣть изъ того, что на 20 верстъ вокругъ не было ни одного человѣческаго жилья, ни одной женщины, ни одного порядочнаго кабака, а я въ тѣ поры былъ молодъ, крѣпокъ, горячъ, взбалмошенъ и глупъ. Единственнымъ развлеченіемъ могли быть только окна пассажирскихъ поѣздовъ да поганая водка, въ которую жиды подмѣшивали дурманъ. Бывало, мелькнетъ въ окнѣ вагона женская головка, а ты стоишь, какъ статуя, не дышишь и глядишь до тѣхъ поръ, пока поѣздъ не обратится въ едва видимую точку; или же выпьешь, сколько влѣзетъ, противной водки, очертенѣешь и не чувствуешь, какъ бѣгутъ длинные часы и дни. На меня, уроженца сѣвера, степь дѣйствовала, какъ видъ заброшеннаго татарскаго кладбища. Лѣтомъ она со своимъ торжественнымъ покоемъ — этотъ монотонный трескъ кузнечиковъ, прозрачный лунный свѣтъ, отъ котораго никуда не спрячешься, — наводила на меня унылую грусть, а зимою безукоризненная бѣлизна степи, ея холодная даль, длинныя ночи и волчій вой давили меня тяжелымъ кошмаромъ.

На полустанкѣ жило нѣсколько человѣкъ: я съ женой, глухой и золотушный телеграфистъ да три сторожа. Мой помощникъ, молодой, чахоточный человѣкъ, ѣздилъ лѣчиться въ городъ, гдѣ жилъ по цѣлымъ мѣсяцамъ, предоставляя мнѣ свои обязанности вмѣстѣ съ правомъ пользоваться его жалованьемъ. Дѣтей у меня не было, гостей, бывало, ко мнѣ никакимъ калачомъ не заманишь, а самъ я могъ ѣздить въ гости только къ сослуживцамъ по линіи, да и то не чаще одного раза въ мѣсяцъ. Вообще, прескучнѣйшая жизнь.

Помню, встрѣчалъ я съ женою Новый годъ. Мы сидѣли за столомъ, лѣниво жевали и слушали, какъ въ сосѣдней комнатѣ монотонно постукивалъ на своемъ аппаратѣ глухой телеграфистъ. Я уже выпилъ рюмокъ пять водки съ дурманомъ и, подперевъ свою тяжелую голову кулакомъ, думалъ о своей непобѣдимой, невылазной скукѣ, а жена сидѣла рядомъ и не отрывала отъ моего лица глазъ. Глядѣла она на меня такъ, какъ можетъ глядѣть только женщина, у которой на этомъ свѣтѣ нѣтъ ничего, кромѣ красиваго мужа. Любила она меня безумно, рабски и не только мою красоту, или душу, но мои грѣхи, мою злобу и скуку, и даже мою жестокость, когда я въ пьяномъ изступленіи, не зная на комъ излить свою злобу, терзалъ ее попреками.

Несмотря на скуку, которая ѣла меня, мы готовились встрѣтить Новый годъ съ необычайной торжественностью и ждали полночи съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ. Дѣло въ томъ, что у насъ были припасены двѣ бутылки шампанскаго,

самаго настоящаго, съ ярлыкомъ вдовы Клико; это сокровище я выигралъ на пари еще осенью у начальника дистанціи, гуляя у него на крестинахъ. Бываетъ, что во время урока математики, когда даже воздухъ стынетъ отъ скуки, въ классъ со двора влетаетъ бабочка; мальчуганы встряхиваютъ головами и начинаютъ съ любопытствомъ слѣдить за полетомъ, точно видятъ передъ собой не бабочку, а что-то новое, странное; такъ точно и обыкновенное шампанское, попавъ случайно въ нашъ скучный полустанокъ, забавляло насъ. Мы молчали и поглядывали то на часы, то на бутылки.

Когда стрѣлка показывала безъ пяти двѣнадцать, я сталъ медленно раскупоривать бутылку. Не знаю, ослабѣлъ ли я отъ водки, или же бутылка была слишкомъ влажна, но только помню, когда пробка съ трескомъ полетѣла къ потолку, моя бутылка выскользнула у меня изъ рукъ и упала на полъ. Пролилось вина не болѣе стакана, такъ какъ я успѣлъ подхватить бутылку и заткнуть ей шипящее горло пальцемъ.

— Ну, съ Новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ! — сказалъ я, наливая два стакана. — Пей.

Жена взяла свой стаканъ и уставилась на меня испуганными глазами. Лицо ея поблѣднѣло и выражало ужасъ.

— Ты уронилъ бутылку? — спросила она.

— Да, уронилъ. Ну, такъ что же изъ этого?

— Нехорошо, — сказала она, ставя свой стаканъ и еще больше блѣднѣя. — Нехорошая примѣта. Это значитъ, что въ этомъ году съ нами случится что-нибудь недоброе.

— Какая ты баба! — вздохнулъ я. — Умная женщина, а бредишь, какъ старая нянька. Пей.

— Дай Богъ, чтобъ я бредила, но... непремѣнно случится что-нибудь! Вотъ увидишь!

Она даже не пригубила своего стакана, отошла въ сторону и задумалась. Я сказалъ нѣсколько старыхъ фразъ насчетъ предразсудковъ, выпилъ полбутылки, пошагалъ изъ угла въ уголъ и вышелъ.

На дворѣ во всей своей холодной, нелюдимой красѣ стояла тихая морозная ночь. Луна и около нея два бѣлыхъ пушистыхъ облачка неподвижно, какъ приклеенныя, висѣли въ вышинѣ надъ самымъ полустанкомъ и какъ будто чего-то ждали. Отъ нихъ шелъ легкій прозрачный свѣтъ и нѣжно, точно боясь оскорбить стыдливость, касался бѣлой земли, освѣщая все: сугробы, насыпь... Было тихо.

Я шелъ вдоль насыпи.

«Глупая женщина! — думалъ я, глядя на небо, усыпанное яркими звѣздами. — Если даже допустить, что примѣты иногда говорятъ правду, то что же недоброе можетъ случиться съ нами? Тѣ несчастья, которыя уже испытаны и которыя есть теперь налицо, такъ велики, что трудно придумать что-нибудь еще хуже. Какое еще зло можно причинить рыбѣ, которая уже поймана, изжарена и подана на столъ подъ соусомъ?»

Тополь, высокій, покрытый инеемъ, показался въ синеватой мглѣ, какъ великанъ, одѣтый въ саванъ. Онъ поглядѣлъ на меня сурово и уныло, точно, подобно мнѣ, понималъ свое одиночество. Я долго глядѣлъ на него.

«Молодость моя погибла ни за грошъ, какъ ненужный окурокъ, — продолжалъ я думать. — Родители мои умерли, когда я былъ еще ребенкомъ, изъ гимназіи меня выгнали. Родился я въ дворянской семьѣ, но не получилъ ни воспитанія, ни образованія, и знаній у меня не больше, чѣмъ у любого смазчика. Нѣтъ у меня ни пріюта, ни близкихъ, ни друзей, ни любимаго дѣла. Ни на что я не способенъ и въ расцвѣтѣ силъ сгодился только на то, чтобы мною заткнули мѣсто начальника полустанка. Кромѣ неудачъ и бѣдъ, ничего другого не зналъ я въ жизни. Что же еще недоброе можетъ случиться?»

Вдали показались красные огни. Мнѣ навстрѣчу шелъ поѣздъ. Уснувшая степь слушала его шумъ. Мои мысли были такъ горьки, что мнѣ казалось, что я мыслилъ вслухъ, что стонъ телеграфа и шумъ поѣзда передаютъ мои мысли.

«Что же еще недоброе можетъ случиться? Потеря жены? — спрашивалъ я себя. — И это не страшно. Отъ своей совѣсти нельзя прятаться: не люблю я жены! Женился я на ней, когда еще былъ мальчишкой. Теперь я молодъ, крѣпокъ, а она осунулась, состарилась, поглупѣла, отъ головы до пятъ набита предразсудками. Что хорошаго въ ея приторной любви, впалой груди, въ вяломъ взглядѣ? Я терплю ее, но не люблю. Что же можетъ случиться? Молодость моя пропадаетъ, какъ говорится, ни за понюшку табаку. Женщины мелькаютъ передо мной только въ окнахъ вагоновъ, какъ падающія звѣзды. Любви не было и нѣтъ. Гибнетъ мое мужество, моя смѣлость, сердечность... Все

гибнетъ, какъ соръ, и мои богатства здѣсь, въ степи, не стоятъ гроша мѣднаго».

Поѣздъ съ шумомъ пролетѣлъ мимо меня и равнодушно посвѣтилъ мнѣ своими красными окнами. Я видѣлъ, какъ онъ остановился у зеленыхъ огней полустанка, постоялъ минуту и покатилъ далѣе. Пройдя версты двѣ, я вернулся назадъ. Печальныя мысли не оставили меня. Какъ ни горько было мнѣ, но, помнится, я какъ будто старался, чтобы мои мысли были печальнѣе и мрачнѣе. Знаете, у недалекихъ и самолюбивыхъ людей бываютъ моменты, когда сознаніе, что они несчастны, доставляетъ имъ нѣкоторое удовольствіе, и они даже кокетничаютъ передъ самими собой своими страданіями. Много въ моихъ мысляхъ было правды, но много и нелѣпаго, хвастливаго и что-то мальчишески вызывающее было въ моемъ вопросѣ: «Что же можетъ случиться недоброе?»

«Да, что же случится? — спрашивалъ я себя, возвращаясь. — Кажется, все пережито. И болѣлъ я, и деньги терялъ, и выговоры каждый день отъ начальства получаю, и голодаю, и волкъ бѣшеный забѣгалъ во дворъ полустанка. Что еще? Меня оскорбляли, унижали... и я оскорблялъ на своемъ вѣку. Вотъ развѣ только преступникомъ никогда не былъ, но на преступленіе я, кажется, неспособенъ, суда же не боюсь».

Два облачка уже отошли отъ луны и стояли поодаль съ такимъ видомъ, какъ будто шептались о чемъ-то такомъ, чего не должна знать луна. Легкій вѣтерокъ пробѣжалъ по степи, неся глухой шумъ ушедшаго поѣзда.

У порога дома встрѣтила меня жена. Глаза

ея весело смѣялись и все лицо дышало удовольствіемъ.

— А у насъ новость! — зашептала она. — Ступай скорѣе въ свою комнату и надѣнь новый сюртукъ: у насъ гостья!

— Какая гостья?

— Сейчасъ съ поѣздомъ пріѣхала тетя Наталья Петровна.

— Какая Наталья Петровна?

— Жена моего дяди Семена Ѳедорыча. Ты ея не знаешь. Она очень добрая и хорошая...

Вѣроятно, я нахмурился, потому что жена сдѣлала серьезное лицо и зашептала быстро:

— Конечно, странно, что она пріѣхала, но ты, Николай, не сердись и взгляни снисходительно. Она вѣдь несчастная. Дядя Семенъ Ѳедорычъ въ самомъ дѣлѣ деспотъ и злой, съ нимъ трудно ужиться. Она говоритъ, что только три дня у насъ проживетъ, пока не получитъ письма отъ своего брата.

Жена долго еще шептала мнѣ какую-то чепуху про деспота-дядюшку, про слабость человѣческую вообще и молодыхъ женъ въ частности, про обязанность нашу давать пріютъ всѣмъ, даже большимъ грѣшникамъ, и проч. Не понимая ровно ничего, я надѣлъ новый сюртукъ и пошелъ знакомиться съ «тетей».

За столомъ сидѣла маленькая женщина съ большими, черными глазами. Мой столъ, сѣрыя стѣны, топорный диванъ... кажется, все до малѣйшей пылинки помолодѣло и повеселѣло въ присутствіи этого существа, новаго, молодого, издавашаго какой-то мудреный запахъ, красиваго и порочнаго. А что гостья была порочна, я по-

нялъ по улыбкѣ, по запаху, по особой манерѣ глядѣть и играть рѣсницами, по тону, съ какимъ она говорила съ моей женой — порядочной женщиной... Не нужно ей было разсказывать мнѣ, что она бѣжала отъ мужа, что мужъ ея старъ и деспотъ, что она добра и весела. Я все понялъ съ перваго взгляда, да едва ли въ Европѣ есть еще мужчины, которые не умѣютъ отличить съ перваго взгляда женщину извѣстнаго темперамента.

— А я не знала, что у меня есть такой крупный племянничекъ! — сказала тетя, протягивая мнѣ руку и улыбаясь.

— А я не зналъ, что у меня есть такая хорошенькая тетя! — сказалъ я.

Снова начался ужинъ. Пробка съ трескомъ вылетѣла изъ второй бутылки, и моя тетя залпомъ выпила полстакана, а когда моя жена вышла куда-то на минутку, тетя уже не церемонилась и выпила цѣлый стаканъ. Опьянѣлъ я и отъ вина, и отъ присутствія женщины. Вы помните романсъ?

Очи черныя, очи страстныя,
Очи жгучія и прекрасныя,
Какъ люблю я васъ,
Какъ боюсь я васъ!

Не помню, что было потомъ. Кому угодно знать, какъ начинается любовь, тотъ пусть читаетъ романы и длинныя повѣсти, а я скажу только немного и словами все того же глупаго романса:

Знать увидѣлъ васъ
Я не въ добрый часъ...

Все полетѣло къ чорту верхнимъ концомъ

внизъ. Помнится мнѣ страшный, бѣшеный вихрь, который закружилъ меня, какъ перышко. Кружилъ онъ долго и стеръ съ лица земли и жену, и самую тетю, и мою силу. Изъ степного полустанка, какъ видите, онъ забросилъ меня на эту темную улицу.

Теперь скажите: что еще недоброе можетъ со мной случиться?

1887.

Отецъ

— Признаться, я выпивши... Извини, зашелъ дорогой въ портерную и по случаю жары выпилъ двѣ бутылочки. Жарко, братъ!

Старикъ Мусатовъ вытащилъ изъ кармана какую-то тряпочку и вытеръ ею свое бритое, испитое лицо.

— Я къ тебѣ, Боренька, ангелъ мой, на минуточку, — продолжалъ онъ, не глядя на сына: — по весьма важному дѣлу. Извини, можетъ быть, помѣшалъ. Нѣтъ ли у тебя, душа моя, до вторника десяти рублей? Понимаешь ли, вчера еще нужно было платить за квартиру, а денегъ, понимаешь ли... во! Хоть зарѣжь!

Молодой Мусатовъ молча вышелъ и сталъ за дверью шептаться со своею дачною хозяйкой и съ сослуживцами, которые вмѣстѣ съ нимъ сообща нанимали дачу. Черезъ три минуты онъ вернулся и молча подалъ отцу десятирублевку. Тотъ, не поглядѣвъ, небрежно сунулъ ее въ карманъ и сказалъ:

— Мерси. Ну, какъ живешь? Давно ужъ не видались.

— Да, давно. Съ самой Святой.

— Разъ пять собирался къ тебѣ, да все некогда. То одно дѣло, то другое... просто смерть! Впрочемъ, вру... Все это я вру. Ты мнѣ не вѣрь, Боренька. Сказалъ — во вторникъ отдамъ десять рублей, тоже не вѣрь. Ни одному моему слову не вѣрь. Никакихъ у меня дѣловъ нѣтъ,

а просто лѣнь, пьянство и совѣстно въ такомъ одѣяніи на улицу показаться. Ты меня, Боренька, извини. Тутъ я раза три къ тебѣ дѣвчонку за деньгами присылалъ и жалостныя письма писалъ. За деньги спасибо, а письмамъ не вѣрь: вралъ. Совѣстно мнѣ обирать тебя, ангелъ мой; знаю, что самъ ты едва концы съ концами сводишь и акридами питаешься, но ничего я со своимъ нахальствомъ не подѣлаю. Такой нахалъ, что хоть за деньги показывай!.. Ты извини меня, Боренька. Говорю тебѣ всю эту правду, потому не могу равнодушно твоего ангельскаго лица видѣть.

Прошла минута въ молчаніи. Старикъ глубоко вздохнулъ и сказалъ:

— Угостилъ бы ты меня пивкомъ, что ли.

Сынъ молча вышелъ, а за дверями опять послышался шопотъ. Когда, немного погодя, принесли пиво, старикъ при видѣ бутылокъ оживился и рѣзко измѣнилъ свой тонъ.

— Былъ, братецъ ты мой, намедни я на скачкахъ, — разсказывалъ онъ, дѣлая испуганные глаза. — Насъ было трое, и взяли мы въ тотализаторѣ одинъ трехрублевый билетъ на Шустраго. И спасибо этому Шустрому. На рубль намъ выдали по тридцать два рубля. Не могу, братъ, безъ скачекъ. Удовольствіе благородное. Моя бабенція всегда задаетъ мнѣ трепку за скачки, а я хожу. Люблю, хоть ты что!

Борисъ, молодой человѣкъ, бѣлокурый, съ меланхолическимъ, неподвижнымъ лицомъ, тихо ходилъ изъ угла въ уголъ и молча слушалъ. Когда старикъ прервалъ свой разсказъ, чтобы откашляться, онъ подошелъ къ нему и сказалъ:

— На-дняхъ, папаша, я купилъ себѣ штиблеты, которыя оказались для меня слишкомъ узки. Не возьмешь ли ты ихъ у меня? Я уступлю тебѣ ихъ дешевле.

— Пожалуй, — согласился старикъ, дѣлая гримасу: — только за ту же цѣну, безъ уступокъ.

— Хорошо. Я тебѣ это взаймы даю.

Сынъ полѣзъ подъ кровать и досталъ оттуда новыя штиблеты. Отецъ снялъ свои неуклюжіе, бурые, очевидно, чужіе сапоги и сталъ примѣривать новую обувь.

— Какъ разъ! — сказалъ онъ. — Ладно, пускай у меня остаются. А во вторникъ, когда получу пенсію, пришлю тебѣ за нихъ. Впрочемъ, вру, — продолжалъ онъ, вдругъ опять впадая въ прежній слезливый тонъ. — И про тотализаторъ вру, и про пенсію вру. И ты меня обманываешь, Боренька... Я вѣдь чувствую твою великодушную политику. Насквозь я тебя понимаю! Штиблеты потому оказались узки, что душа у тебя широкая. Ахъ, Боря, Боря! Все я понимаю и все чувствую!

— Вы на новую квартиру перебрались? — прервалъ его сынъ, чтобы перемѣнить разговоръ.

— Да, братъ, на новую. Каждый мѣсяцъ перебираюсь. Моя бабенція со своимъ характеромъ не можетъ долго на одномъ мѣстѣ ужиться.

— Я у васъ былъ на старой квартирѣ, хотѣлъ васъ къ себѣ на дачу пригласить. Съ вашимъ здоровьемъ вамъ не мѣшало бы пожить на чистомъ воздухѣ.

— Нѣтъ! — махнулъ рукой старикъ. — Баба не пуститъ, да и самъ не хочу. Разъ сто вы

пытались вытащить меня изъ ямы, и самъ я пытался, да ни черта не вышло. Бросьте! Въ ямѣ и околѣвать мнѣ. Сейчасъ вотъ сижу съ тобой, гляжу на твое ангельское лицо, а самого такъ и тянетъ домой въ яму. Такая ужъ, знать, судьба. Навознаго жука не затащишь на розу. Нѣтъ. Однако, братецъ, мнѣ пора ужъ. Темно становится.

— Такъ постойте же, я васъ провожу. Мнѣ самому сегодня нужно въ городъ.

Старикъ и молодой надѣли свои пальто и вышли. Когда, немного погодя, они ѣхали на извозчикѣ, было уже темно, и въ окнахъ замелькали огни.

— Обобралъ я тебя, Боренька! — бормоталъ отецъ. — Бѣдныя, бѣдныя дѣти! Должно быть, великое горе имѣть такого отца! Боренька, ангелъ мой, не могу врать, когда вижу твое лицо. Извини... До чего доходитъ мое нахальство, Боже мой! Сейчасъ вотъ я тебя обобралъ, конфужу тебя своимъ пьянымъ видомъ, братьевъ твоихъ тоже обираю и конфужу, а поглядѣлъ бы ты на меня вчера! Не скрою, Боренька! Сошлись вчера къ моей бабенціи сосѣди и всякая шваль, напился и я съ ними и давай на чемъ свѣтъ стоитъ честить васъ, моихъ дѣточекъ. И ругалъ я васъ, и жаловался, что будто вы меня бросили. Хотѣлъ, видишь ли, пьяныхъ бабъ разжалобить и разыграть изъ себя несчастнаго отца. Такая ужъ у меня манера: когда хочу свои пороки скрыть, то всю бѣду на невинныхъ дѣтей взваливаю. Не могу я врать тебѣ, Боренька, и скрывать. Шелъ къ тебѣ гоголемъ, а какъ увидѣлъ твою кротость и милосердіе твое, языкъ

прилипъ къ гортани и всю мою совѣсть вверхъ тормашкой перевернуло.

— Полно, папаша, давайте говорить о чемъ-нибудь другомъ.

— Матерь Божія, какія у меня дѣти! — продолжалъ старикъ, не слушая сына. — Какую Господь мнѣ роскошь послалъ! Такихъ бы дѣтей не мнѣ, непутевому, а настоящему бы человѣку съ душой и чувствами! Недостоинъ я!

Старикъ снялъ свой маленькій картузикъ съ пуговкой и нѣсколько разъ перекрестился.

— Слава Тебѣ, Господи! — вздохнулъ онъ, оглядываясь по сторонамъ и какъ бы ища образа. — Замѣчательныя, рѣдкія дѣти! Три у меня сына, и всѣ какъ одинъ. Трезвые, степенные, дѣловые, а какіе умы! Извозчикъ, какіе умы! У одного Григорія ума столько, что на десять человѣкъ хватитъ. Онъ и по-французски, онъ и по-нѣмецки, а говоритъ, такъ куда тебѣ твои адвокаты — заслушаешься... Дѣти мои, дѣти, не вѣрю я, что вы мои! Не вѣрю! Ты у меня, Боренька, мученикъ. Разоряю я тебя и буду разорять... Даешь ты мнѣ безъ конца, хотя и знаешь, что деньги твои идутъ не на дѣло. Намедни прислалъ я тебѣ жалостное письмо, болѣзнь описывалъ свою, а вѣдь вралъ: деньги я у тебя на ромъ просилъ. А даешь ты мнѣ потому, что боишься меня отказомъ оскорбить. Все это я знаю и чувствую. Гриша тоже мученикъ. Въ четвергъ, братецъ ты мой, пошелъ я къ нему въ присутствіе пьяный, грязный, оборванный... водкой отъ меня, какъ изъ погреба. Прихожу прямо, этакая фигура, лѣзу къ нему съ подлыми разговорами, а тутъ кругомъ его товарищи, на-

чальство, просители. Осрамилъ на всю жизнь. А онъ хоть бы тебѣ капельку сконфузился, только чуточку поблѣднѣлъ, но улыбнулся и подошелъ ко мнѣ какъ ни въ чемъ не бывало, даже товарищамъ отрекомендовалъ. Потомъ проводилъ меня до самаго дома и хоть бы однимъ словомъ попрекнулъ! Обираю я его пуще, чѣмъ тебя. Взять теперь брата твоего Сашу, вѣдь тоже мученикъ! Женился онъ, знаешь, на полковницкой дочкѣ изъ аристократическаго круга, приданое взялъ... Кажется, не до меня ему. Нѣтъ, братъ, какъ только женился, послѣ свадьбы со своею молодою супругой мнѣ первому визитъ сдѣлалъ... въ моей ямѣ... Ей-Богу!

Старикъ всхлипнулъ и тотчасъ же засмѣялся.

— А въ ту пору, какъ нарочно, у насъ тертую рѣдьку съ квасомъ ѣли и рыбу жарили, и такая вонь была въ квартирѣ, что чорту тошно. Я лежалъ выпивши, бабенція моя выскочила къ молодымъ съ красною рожей... безобразіе, однимъ словомъ. А Саша все превозмогъ.

— Да, нашъ Саша хорошій человѣкъ, — сказалъ Борисъ.

— Великолѣпнѣйшій! Всѣ вы у меня золото: и ты, и Гриша, и Саша, и Соня. Мучу я васъ, терзаю, срамлю, обираю, а за всю жизнь не слыхалъ отъ васъ ни одного слова упрека, не видалъ ни одного косого взгляда. Добро бы, отецъ порядочный былъ, а то — тьфу! Не видали вы отъ меня ничего, кромѣ зла. Я человѣкъ нехорошій, распутный... Теперь еще, слава Богу, присмирѣлъ и характера у меня нѣтъ, а вѣдь прежде, когда вы маленькими были, во мнѣ положительность сидѣла, характеръ. Что

я ни дѣлалъ и ни говорилъ, все казалось мнѣ, какъ будто такъ и надо. Бывало, вернусь ночью домой изъ клуба пьяный, злой, и давай твою покойницу мать попрекать за расходы. Цѣлую ночь ѣмъ ее поѣдомъ и думаю, что это такъ и надо; бывало, утромъ вы встанете и въ гимназію уйдете, а я все еще надъ ней свой характеръ показываю. Царство небесное, замучилъ я ее, мученицу! А когда, бывало, вернетесь вы изъ гимназіи, а я сплю, вы не смѣете обѣдать, пока я не встану. За обѣдомъ опять музыка. Небось, помнишь. Не дай Богъ никому такого отца. Вамъ меня Богъ на подвигъ послалъ. Именно, на подвигъ! Тяните ужъ, дѣтки, до конца. Чти отца твоего и долголѣтенъ будеши. За вашъ подвигъ, можетъ, Господь пошлетъ вамъ жизнь долгую. Извозчикъ, стой!

Старикъ спрыгнулъ съ пролетки и побѣжалъ въ портерную. Черезъ полчаса онъ вернулся, пьяно крякнулъ и сѣлъ рядомъ съ сыномъ.

— А гдѣ теперь Соня? — спросилъ онъ. — Все еще въ пансіонѣ?

— Нѣтъ, въ маѣ она кончила и теперь у Сашиной тещи живетъ.

— Во! — удивился старикъ. — Молодецъ-дѣвка, стало быть, въ братьевъ пошла. Эхъ, нѣту, Боренька, матери, некому утѣшаться. Послушай, Боренька, она... она знаетъ, какъ я живу? А?

Борисъ ничего не отвѣтилъ. Прошло минутъ пять въ глубокомъ молчаніи. Старикъ всхлипнулъ, утерся своей тряпочкой и сказалъ:

— Люблю я ее, Боренька! Вѣдь единственная дочь, а въ старости лучшаго утѣшенія нѣтъ,

какъ дочка. Повидаться бы мнѣ съ ней. Можно, Боренька?

— Конечно, когда хотите.

— Ей-Богу? А она ничего?

— Полноте, она сама искала васъ, чтобъ повидаться.

— Ей-Богу? Вотъ дѣти! Извозчикъ, а? Устрой, Боренька, голубчикъ! Она теперь барышня, деликатесъ, консуме и все такое, на благородный манеръ, и я не желаю показываться ей въ такомъ подлѣйшемъ видѣ. Мы, Боренька, всю эту механику такъ устроимъ. Денька три я воздержусь отъ спиртуозовъ, чтобы поганое пьяное рыло мое пришло въ порядокъ, потомъ приду къ тебѣ, и ты дашь мнѣ на время какой-нибудь свой костюмчикъ; побреюсь я, постригусь, потомъ ты съѣздишь и привезешь ее къ себѣ. Ладно?

— Хорошо.

— Извозчикъ, стой!

Старикъ опять спрыгнулъ съ пролетки и побѣжалъ въ портерную. Пока Борисъ доѣхалъ съ нимъ до его квартиры, онъ еще раза два прыгалъ, и сынъ всякій разъ молча и терпѣливо ожидалъ его. Когда они, отпустивъ извозчика, пробирались длиннымъ грязнымъ дворомъ къ квартирѣ «бабенціи», старикъ принялъ въ высшей степени сконфуженный и виноватый видъ, сталъ робко крякать и причмокивать губами.

— Боренька, — сказалъ онъ заискивающимъ тономъ: — если моя бабенція начнетъ говорить тебѣ что-нибудь такое, то ты не обращай вниманія и... и обойдись съ ней, знаешь, этакъ, попривѣтливѣй. Она у меня невѣжественна и

дерзка, но все-таки хорошая баба. У нея въ груди бьется доброе, горячее сердце!

Длинный дворъ кончился, и Борисъ вошелъ въ темныя сѣни. Заскрипѣла дверь на блокѣ, пахнуло кухней и самоварнымъ дымомъ, послышались рѣзкіе голоса. Проходя изъ сѣней черезъ кухню, Борисъ видѣлъ только темный дымъ, веревку съ развѣшенннымъ бѣльемъ и самоварную трубу, сквозь щели которой сыпались золотыя искры.

— А вотъ и моя келья, — сказалъ старикъ, нагибаясь и входя въ маленькую комнату съ низкимъ потолкомъ и съ атмосферой, невыносимо душной отъ сосѣдства съ кухней.

Здѣсь за столомъ сидѣли какія-то три бабы и угощались. Увидѣвъ гостя, онѣ переглянулись и перестали ѣсть.

— Что жъ, досталъ? — спросила сурово одна изъ нихъ, повидимому, сама «бабенція».

— Досталъ, досталъ, — забормоталъ старикъ. — Ну, Борисъ, милости просимъ, садись! У насъ, братъ, молодой человѣкъ, просто... Мы въ простотѣ живемъ.

Онъ какъ-то безъ-толку засуетился. Ему было совѣстно сына и въ то же время, повидимому, ему хотѣлось держать себя около бабъ, какъ всегда, «гоголемъ» и несчастнымъ, брошеннымъ отцомъ.

— Да, братецъ ты мой, молодой человѣкъ, мы живемъ просто, безъ затѣй, — бормоталъ онъ. — Мы люди простые, молодой человѣкъ... Мы не то, что вы, не любимъ пыль въ глаза пускать. Да-съ... Развѣ водки выпить?

Одна изъ бабъ (ей было совѣстно пить при чужомъ человѣкѣ) вздохнула и сказала:

— А я черезъ грибы еще выпью... Такіе грибы, что не захочешь, такъ выпьешь. Иванъ Герасимычъ, пригласите ихъ, можетъ, и они выпьютъ!

Послѣднее слово она произнесла такъ: випьютъ.

— Выпей, молодой человѣкъ! — сказалъ старикъ, не глядя на сына. — У насъ, братъ, винъ и ликеровъ нѣтъ, мы попросту.

— Имъ у насъ не ндравится! — вздохнула «бабенція».

— Ничего, ничего, онъ выпьетъ!

Чтобы не обидѣть отца отказомъ, Борисъ взялъ рюмку и молча выпилъ. Когда принесли самоваръ, онъ молча, съ меланхолическимъ лицомъ, въ угоду старику, выпилъ двѣ чашки противнаго чаю. Молча онъ слушалъ, какъ «бабенція» намеками говорила о томъ, что на этомъ свѣтѣ есть жестокія и безбожныя дѣти, которыя бросаютъ своихъ родителей.

— Я знаю, что ты теперь думаешь! — говорилъ подвыпившій старикъ, входя въ свое обычное пьяное возбужденное состояніе. — Ты думаешь: я опустился, погрязъ, я жалокъ, а помоему эта простая жизнь гораздо нормальнѣе твоей жизни, молодой человѣкъ. Ни въ комъ я не нуждаюсь и... и не намѣренъ унижаться... Терпѣть не могу, если какой-нибудь мальчишка глядитъ на меня съ сожалѣніемъ.

Послѣ чаю онъ чистилъ селедку и посыпалъ ее лукомъ съ такимъ чувствомъ, что даже на глазахъ у него выступили слезы умиленія.

Онъ опять заговорилъ о тотализаторѣ, о выигрышахъ, о какой-то шляпѣ изъ панамской соломы, за которую онъ вчера заплатилъ 16 рублей. Лгалъ онъ съ такимъ же аппетитомъ, съ какимъ ѣлъ селедку и пилъ. Сынъ молча высидѣлъ часъ и сталъ прощаться.

— Не смѣю удерживать! — сказалъ надменно старикъ. — Извините, молодой человѣкъ, что я живу не такъ, какъ вамъ хочется!

Онъ хорохорился, съ достоинствомъ фыркалъ и подмигивалъ бабамъ.

— Прощайте-съ, молодой человѣкъ! — говорилъ онъ, провожая сына до сѣней. — Атанде!

Въ сѣняхъ же, гдѣ было темно, онъ вдругъ прижался лицомъ къ рукаву сына и всхлипнулъ.

— Поглядѣть бы мнѣ Сонюшку! — зашепталъ онъ. — Устрой, Боренька, ангелъ мой! Я побреюсь, надѣну твой костюмчикъ... строгое лицо сдѣлаю... Буду при ней молчать. Ей-ей, буду молчать!

Онъ робко оглянулся на дверь, за которой слышались голоса бабъ, задержалъ рыданіе и сказалъ громко:

— Прощайте, молодой человѣкъ! Атанде!

1887.

Красавицы

I

Помню, будучи еще гимназистомъ V или VI класса, я ѣхалъ съ дѣдушкой изъ села Большой Крѣпкой, Донской области, въ Ростовъ-на-Дону. День былъ августовскій, знойный, томительно-скучный. Отъ жара и сухого, горячаго вѣтра, гнавшаго намъ навстрѣчу облака пыли, слипались глаза, сохло во рту; не хотѣлось ни глядѣть, ни говорить, ни думать, и когда дремавшій возница, хохолъ Карпо, замахиваясь на лошадь, хлесталъ меня кнутомъ по фуражкѣ, я не протестовалъ, не издавалъ ни звука и только, очнувшись отъ полусна, уныло и кротко поглядывалъ вдаль: не видать ли сквозь пыль деревни? Кормить лошадей остановились мы въ большомъ армянскомъ селѣ Бахчи-Салахъ у знакомаго дѣдушкѣ богатаго армянина. Никогда въ жизни я не видѣлъ ничего карикатурнѣе этого армянина. Представьте себѣ маленькую, стриженую головку съ густыми низко нависшими бровями, съ птичьимъ носомъ, съ длинными, сѣдыми усами и съ широкимъ ртомъ, изъ котораго торчитъ длинный, черешневый чубукъ; головка эта неумѣло приклеена къ тощему, горбатому туловищу, одѣтому въ фантастическій костюмъ: въ куцую, красную куртку и въ широкія, ярко-голубыя шаровары; ходила эта фигура разставя ноги и шаркая туфлями, говорила не вынимая изо рта чубука, а держала себя съ чисто-армянскимъ

достоинствомъ: не улыбалась, пучила глаза и старалась обращать на своихъ гостей какъ можно меньше вниманія.

Въ комнатахъ армянина не было ни вѣтра, ни пыли, но было такъ же непріятно, душно и скучно, какъ въ степи и по дорогѣ. Помню, запыленный и изморенный зноемъ, сидѣлъ я въ углу на зеленомъ сундукѣ. Некрашенныя, деревянныя стѣны, мебель и наохренные полы издавали запахъ сухого дерева, прижженнаго солнцемъ. Куда ни взглянешь, всюду мухи, мухи, мухи... Дѣдушка и армянинъ вполголоса говорили о попасѣ, о толокѣ, объ овцахъ... Я зналъ, что самоваръ будутъ ставить цѣлый часъ, что дѣдушка будетъ пить чай не менѣе часа и потомъ заляжетъ спать часа на два, на три, что у меня четверть дня уйдетъ на ожиданіе, послѣ котораго опять жара, пыль, тряскія дороги. Я слушалъ бормотанье двухъ голосовъ, и мнѣ начинало казаться, что армянина, шкапъ съ посудой, мухъ, окна, въ которыя бьетъ горячее солнце, я вижу давно-давно и перестану ихъ видѣть въ очень далекомъ будущемъ, и мною овладѣла ненависть къ степи, къ солнцу, къ мухамъ...

Хохлушка въ платкѣ внесла подносъ съ посудой, потомъ самоваръ. Армянинъ не спѣша вышелъ въ сѣни и крикнулъ:

— Маша! Ступай наливай чай! Гдѣ ты? Маша!

Послышались торопливые шаги, и въ комнату вошла дѣвушка лѣтъ шестнадцати, въ простомъ ситцевомъ платьѣ и въ бѣломъ платочкѣ. Моя посуду и наливая чай, она стояла ко мнѣ

спиной, и я замѣтилъ только, что она была тонка въ таліи, боса, и что маленькія, голыя пятки прикрывались низко опущенными панталонами.

Хозяинъ пригласилъ меня пить чай. Садясь за столъ, я взглянулъ въ лицо дѣвушки, подававшей мнѣ стаканъ, и вдругъ почувствовалъ, что точно вѣтеръ пробѣжалъ по моей душѣ и сдунулъ съ нея всѣ впечатлѣнія дня съ ихъ скукой и пылью. Я увидѣлъ обворожительныя черты прекраснѣйшаго изъ лицъ, какія когда-либо встрѣчались мнѣ наяву и чудились во снѣ. Передо мною стояла красавица, и я понялъ это съ перваго взгляда, какъ понимаю молнію.

Я готовъ клясться, что Маша, или какъ звалъ отецъ, Машя, была настоящая красавица, но доказать этого не умѣю. Иногда бываетъ, что облака въ безпорядкѣ толпятся на горизонтѣ, и солнце, прячась за нихъ, краситъ ихъ и небо во всевозможные цвѣта: въ багряный, оранжевый, золотой, лиловый, грязно-розовый; одно облачко похоже на монаха, другое на рыбу, третье на турка въ чалмѣ. Зарево охватило треть неба, блеститъ въ церковномъ крестѣ и въ стеклахъ господскаго дома, отсвѣчиваетъ въ рѣкѣ и въ лужахъ, дрожитъ на деревьяхъ; далеко-далеко на фонѣ зари летитъ куда-то ночевать стая дикихъ утокъ... И подпасокъ, гоняющій коровъ, и землемѣръ, ѣдущій въ бричкѣ черезъ плотину, и гулящіе господа — всѣ глядятъ на закатъ и всѣ до одного находятъ, что онъ страшно красивъ, но никто не знаетъ и не скажетъ, въ чемъ тутъ красота.

Не я одинъ находилъ, что армяночка красива. Мой дѣдушка, восьмидесятилѣтній ста-

рикъ, человѣкъ крутой, равнодушный къ женщинамъ и красотамъ природы, цѣлую минуту ласково глядѣлъ на Машу и спросилъ:

— Это ваша дочка, Аветъ Назарычъ?

— Дочка. Это дочка... — отвѣтилъ хозяинъ.

— Хорошая барышня, — похвалилъ дѣдушка.

Красоту армяночки художникъ назвалъ бы классической и строгой. Это была именно та красота, созерцаніе которой, Богъ вѣсть откуда, вселяетъ въ васъ увѣренность, что вы видите черты правильныя, что волосы, глаза, носъ, ротъ, шея, грудь и всѣ движенія молодого тѣла слились вмѣстѣ въ одинъ цѣльный, гармоническій аккордъ, въ которомъ природа не ошиблась ни на одну малѣйшую черту; вамъ кажется почему-то, что у идеально красивой женщины долженъ быть именно такой носъ, какъ у Маши, прямой и съ небольшой горбинкой, такіе большіе, темные глаза, такіе же длинныя рѣсницы, такой же томный взглядъ, что ея черные, кудрявые волосы и брови такъ же идутъ къ нѣжному, бѣлому цвѣту лба и щекъ, какъ зеленый камышъ къ тихой рѣчкѣ; бѣлая шея Маши и ея молодая грудь слабо развиты, но чтобы сумѣть изваять ихъ, вамъ кажется, нужно обладать громаднымъ творческимъ талантомъ. Глядите вы, и мало-по-малу вамъ приходитъ желаніе сказать Машѣ что-нибудь необыкновенно пріятное, искреннее, красивое, такое же красивое, какъ она сама.

Сначала мнѣ было обидно и стыдно, что Маша не обращаетъ на меня никакого вниманія

и смотритъ все время внизъ; какой-то особый воздухъ, казалось мнѣ, счастливый и гордый, отдѣлялъ ее отъ меня и ревниво заслонялъ отъ моихъ взглядовъ.

«Это оттого, — думалъ я: — что я весь въ пыли, загорѣлъ, и оттого, что я еще мальчикъ».

Но потомъ я мало-по-малу забылъ о себѣ самомъ и весь отдался ощущенію красоты. Я ужъ не помнилъ о степной скукѣ, о пыли, не слышалъ жужжанья мухъ, не понималъ вкуса чая и только чувствовалъ, что черезъ столъ отъ меня стоитъ красивая дѣвушка.

Ощущалъ я красоту какъ-то странно. Не желанія, не восторгъ и не наслажденіе возбуждала во мнѣ Маша, а тяжелую, хотя и пріятную, грусть. Эта грусть была неопредѣленная, смутная, какъ сонъ. Почему-то мнѣ было жаль и себя, и дѣдушки, и армянина, и самой армяночки, и было во мнѣ такое чувство, какъ будто мы всѣ четверо потеряли что-то важное и нужное для жизни, чего ужъ больше никогда не найдемъ. Дѣдушка тоже сгрустнулъ. Онъ ужъ не говорилъ о толокѣ и объ овцахъ, а молчалъ и задумчиво поглядывалъ на Машу.

Послѣ чаю дѣдушка легъ спать, а я вышелъ изъ дому и сѣлъ на крылечкѣ. Домъ, какъ и всѣ дома въ Бахчи-Салахъ, стоялъ на припекѣ; не было ни деревьевъ, ни навѣсовъ, ни тѣней. Большой дворъ армянина, поросшій лебедой и калачикомъ, несмотря на сильный зной, былъ оживленъ и полонъ веселья. За однимъ изъ невысокихъ плетней, тамъ и сямъ пересѣкавшихъ большой дворъ, происходила молотьба. Вокругъ столба, вбитаго въ самую середку гумна,

запряженныя въ рядъ и образуя одинъ длинный радіусъ, бѣгали двѣнадцать лошадей. Возлѣ ходилъ хохолъ въ длинной жилеткѣ и въ широкихъ шароварахъ, хлопалъ бичомъ и кричалъ такимъ тономъ, какъ будто хотѣлъ подразнить лошадей и похвастать своею властью надъ ними:

— А-а-а, окаянныя! А-а-а... нѣту на васъ холеры! Боитесь?

Лошади, гнѣдыя, бѣлыя и пѣгія, не понимая, зачѣмъ это заставляютъ ихъ кружить на одномъ мѣстѣ и мять пшеничную солому, бѣгали неохотно, точно черезъ силу, и обиженно помахивая хвостами. Изъ-подъ ихъ копытъ вѣтеръ поднималъ цѣлыя облака золотистой половы и уносилъ ее далеко черезъ плетень. Около высокихъ, свѣжихъ скирдъ копошились бабы съ граблями и двигались арбы, а за скирдами, въ другомъ дворѣ, бѣгала вокругъ столба другая дюжина такихъ же лошадей и такой же хохолъ хлопалъ бичомъ и насмѣхался надъ лошадями.

Ступени, на которыхъ я сидѣлъ, были горячи; на жидкихъ перильцахъ и на оконныхъ рамахъ кое-гдѣ выступилъ отъ жары древесный клей; подъ ступеньками и подъ ставнями въ полоскахъ тѣни жались другъ къ другу красныя козявки. Солнце пекло мнѣ и въ голову, и въ грудь, и въ спину, но я не замѣчалъ этого и только чувствовалъ, какъ сзади меня въ сѣняхъ и въ комнатахъ стучали по дощатому полу босыя ноги. Убравъ чайную посуду, Маша пробѣжала по ступенямъ, пахнувъ на меня вѣтромъ, и, какъ птица, полетѣла къ небольшой, закопченой пристройкѣ, должно быть, кухнѣ, откуда шелъ запахъ жареной баранины и слышался сер-

дитый армянскій говоръ. Она исчезла въ темной двери и вмѣсто ея на порогѣ показалась старая, сгорбленная армянка съ краснымъ лицомъ и въ зеленыхъ шароварахъ. Старуха сердилась и кого-то бранила. Скоро на порогѣ показалась Маша, покраснѣвшая отъ кухоннаго жара и съ большимъ чернымъ хлѣбомъ на плечѣ; красиво изгибаясь подъ тяжестью хлѣба, она побѣжала черезъ дворъ къ гумну, шмыгнула черезъ плетень и, окунувшись въ облако золотистой половы, скрылась за арбами. Хохолъ, подгонявшій лошадей, опустилъ бичъ, умолкъ и минуту молча глядѣлъ въ сторону арбъ, потомъ, когда армяночка опять мелькнула около лошадей и перескочила черезъ плетень, онъ проводилъ ее глазами и крикнулъ на лошадей такимъ тономъ, какъ будто былъ очень огорченъ:

— А, чтобъ вамъ пропасть, нечистая сила!

И все время потомъ слышалъ я не переставая шаги ея босыхъ ногъ, видѣлъ, какъ она съ серьезнымъ, озабоченнымъ лицомъ носилась по двору. Пробѣгала она то по ступенямъ, обдавая меня вѣтромъ, то въ кухню, то на гумно, то за ворота, и я едва успѣвалъ поворачивать голову, чтобы слѣдить за нею.

И чѣмъ чаще она со своей красотой мелькала у меня передъ глазами, тѣмъ сильнѣе становилась моя грусть. Мнѣ было жаль и себя, и ея, и хохла, грустно провожавшаго ее взглядомъ всякій разъ, когда она сквозь облако половы бѣгала къ арбамъ. Была ли это у меня зависть къ ея красотѣ, или я жалѣлъ, что эта дѣвочка не моя и никогда не будетъ моею, и что я для нея чужой, или смутно чувствовалъ

я, что ея рѣдкая красота случайна, не нужна и, какъ все на землѣ, не долговѣчна, или, быть можетъ, моя грусть была тѣмъ особеннымъ чувствомъ, которое возбуждается въ человѣкѣ созерцаніемъ настоящей красоты, Богъ знаетъ!

Три часа ожиданія прошли незамѣтно. Мнѣ казалось, не успѣлъ я наглядѣться на Машу, какъ Карпо съѣздилъ къ рѣкѣ, выкупалъ лошадь и ужъ сталъ запрягать. Мокрая лошадь фыркала отъ удовольствія и стучала копытами по оглоблямъ. Карпо кричалъ на нее «наза-адъ!» Проснулся дѣдушка. Маша со скрипомъ отворила намъ ворота, мы сѣли на дроги и выѣхали со двора. Ѣхали мы молча, точно сердились другъ на друга.

Когда часа черезъ два, или три вдали показались Ростовъ и Нахичевань, Карпо, все время молчавшій, быстро оглянулся и сказалъ:

— А славная у армяшки дѣвка!

И хлестнулъ по лошади.

II

Въ другой разъ, будучи уже студентомъ, ѣхалъ я по желѣзной дорогѣ на югъ. Былъ май. На одной изъ станцій, кажется, между Бѣлгородомъ и Харьковомъ, вышелъ я изъ вагона прогуляться по платформѣ.

На станціонный садикъ, на платформу и на поле легла уже вечерняя тѣнь; вокзалъ заслонялъ собою закатъ, но по самымъ верхнимъ клубамъ дыма, выходившаго изъ паровоза и окрашеннаго въ нѣжный розовый цвѣтъ, видно было, что солнце еще не совсѣмъ спряталось.

Прохаживаясь по платформѣ, я замѣтилъ, что большинство гулявшихъ пассажировъ ходило и стояло только около одного вагона второго класса, и съ такимъ выраженіемъ, какъ будто въ этомъ вагонѣ сидѣлъ какой-нибудь знаменитый человѣкъ. Среди любопытныхъ, которыхъ я встрѣтилъ около этого вагона, между прочимъ находился и мой спутникъ, артиллерійскій офицеръ, малый умный, теплый и симпатичный, какъ всѣ, съ кѣмъ мы знакомимся въ дорогѣ случайно и не надолго.

— Что вы тутъ смотрите? — спросилъ я.

Онъ ничего не отвѣтилъ и только указалъ мнѣ глазами на одну женскую фигуру. Это была еще молодая дѣвушка, лѣтъ 17—18, одѣтая въ русскій костюмъ, съ непокрытой головой и съ мантилькой, небрежно наброшенной на одно плечо, не пассажирка, а должно быть, дочь, или сестра начальника станціи. Она стояла около вагоннаго окна и разговаривала съ какой-то пожилой пассажиркой. Прежде чѣмъ я успѣлъ дать себѣ отчетъ въ томъ, что я вижу, мною вдругъ овладѣло чувство, какое я испыталъ когда-то въ армянской деревнѣ.

Дѣвушка была замѣчательная красавица, и въ этомъ не сомнѣвались ни я и ни тѣ, кто вмѣстѣ со мной смотрѣлъ на нее.

Если, какъ принято, описывать ея наружность по частямъ, то дѣйствительно прекраснаго у нея были одни только бѣлокурые, волнистые, густые волосы, распущенные и перевязанные на головѣ черной ленточкой, все же остальное было или неправильно, или же очень обыкновенно. Отъ особой ли манеры кокетничать, или отъ

близорукости, глаза ея были прищурены, носъ былъ нерѣшительно вздернутъ, ротъ малъ, профиль слабо и вяло очерченъ, плечи узки не по лѣтамъ, но тѣмъ не менѣе дѣвушка производила впечатлѣніе настоящей красавицы, и, глядя на нее, я могъ убѣдиться, что русскому лицу для того, чтобы казаться прекраснымъ, нѣтъ надобности въ строгой правильности чертъ, мало того, даже если бы дѣвушкѣ вмѣсто ея вздернутаго носа поставили другой — правильный и пластически непогрѣшимый, какъ у армяночки, то, кажется, отъ этого лицо ея утеряло бы всю свою прелесть.

Стоя у окна и разговаривая, дѣвушка, пожимаясь отъ вечерней сырости, то-и-дѣло оглядывалась на насъ, то подбоченивалась, то поднимала къ головѣ руки, чтобы поправить волосы, говорила, смѣялась, изображала на своемъ лицѣ то удивленіе, то ужасъ, и я не помню того мгновенія, когда бы ея тѣло и лицо находились въ покоѣ. Весь секретъ и волшебство ея красоты заключались именно въ этихъ мелкихъ, безконечно изящныхъ движеніяхъ, въ улыбкѣ, въ игрѣ лица, въ быстрыхъ взглядахъ на насъ, въ сочетаніи тонкой граціи этихъ движеній съ молодостью, свѣжестью, съ чистотою души, звучавшею въ смѣхѣ и въ голосѣ, и съ тою слабостью, которую мы такъ любимъ въ дѣтяхъ, въ птицахъ, въ молодыхъ оленяхъ, въ молодыхъ деревьяхъ.

Это была красота мотыльковая, къ которой такъ идутъ вальсъ, порханье по саду, смѣхъ, веселье и которая не вяжется съ серьезной мыслью, печалью и покоемъ; и, кажется, сто-

итъ только пробѣжать по платформѣ хорошему вѣтру, или пойти дождю, чтобы хрупкое тѣло вдругъ поблекло и капризная красота осыпалась, какъ цвѣточная пыль.

— Тэкъ-съ... — пробормоталъ со вздохомъ офицеръ, когда мы послѣ второго звонка направились къ своему вагону.

А что значило это «тэкъ-съ», не берусь судить.

Быть можетъ, ему было грустно и не хотѣлось уходить отъ красавицы и весенняго вечера въ душный вагонъ, или, быть можетъ, ему, какъ и мнѣ, было безотчетно жаль и красавицы, и себя, и меня, и всѣхъ пассажировъ, которые вяло и нехотя брели къ своимъ вагонамъ. Проходя мимо станціоннаго окна, за которымъ около своего аппарата сидѣлъ блѣдный, рыжеволосый телеграфистъ съ высокими кудрями и полинявшимъ, скуластымъ лицомъ, офицеръ вздохнулъ и сказалъ:

— Держу пари, что этотъ телеграфистъ влюбленъ въ ту хорошенькую. Жить среди поля подъ одной крышей съ этимъ воздушнымъ созданіемъ и не влюбиться — выше силъ человѣческихъ. А какое, мой другъ, несчастіе, какая насмѣшка, быть сутулымъ, лохматымъ, сѣренькимъ, порядочнымъ и неглупымъ, и влюбиться въ эту хорошенькую и глупенькую дѣвочку, которая на васъ ноль вниманія! Или еще хуже: представьте, что этотъ телеграфистъ влюбленъ и въ то же время женатъ и что жена у него такая же сутулая, лохматая и порядочная, какъ онъ самъ... Пытка!

Около нашего вагона, облокотившись о за-

городку площадки, стоялъ кондукторъ и глядѣлъ въ ту сторону, гдѣ стояла красавица, и его испитое, обрюзглое, непріятное сытое, утомленное безсонными ночами и вагонной качкой лицо выражало умиленіе и глубочайшую грусть, какъ будто въ дѣвушкѣ онъ видѣлъ свою молодость, счастье, свою трезвость, чистоту, жену, дѣтей, какъ будто онъ каялся и чувствовалъ всѣмъ своимъ существомъ, что дѣвушка эта не его и что до обыкновеннаго человѣческаго, пассажирскаго счастья ему съ его преждевременной старостью, неуклюжестью и жирнымъ лицомъ такъ же далеко, какъ до неба.

Пробилъ третій звонокъ, раздались свистки и поѣздъ лѣниво тронулся. Въ нашихъ окнахъ промелькнули сначала кондукторъ, начальникъ станціи, потомъ садъ, красавица со своей чудной, дѣтски-лукавой улыбкой...

Высунувшись наружу и глядя назадъ, я видѣлъ, какъ она, проводивъ глазами поѣздъ, прошлась по платформѣ мимо окна, гдѣ сидѣлъ телеграфистъ, поправила свои волосы и побѣжала въ садъ. Вокзалъ ужъ не загораживалъ запада, поле было открыто, но солнце уже сѣло, и дымъ черными клубами стлался по зеленой бархатной озими. Было грустно и въ весеннемъ воздухѣ, и на темнѣвшемъ небѣ, и въ вагонѣ.

Знакомый кондукторъ вошелъ въ вагонъ и сталъ зажигать свѣчи.

1888.

Безъ заглавія

Въ V вѣкѣ, какъ и теперь, каждое утро вставало солнце и каждый вечеръ оно ложилось спать. Утромъ, когда съ росою цѣловались первые лучи, земля оживала, воздухъ наполнялся звуками радости, восторга и надежды, а вечеромъ та же земля затихала и тонула въ суровыхъ потемкахъ. День походилъ на день, ночь на ночь. Изрѣдка набѣгала туча и сердито гремѣлъ громъ, или падала съ неба зазѣвавшаяся звѣзда, или пробѣгалъ блѣдный монахъ и разсказывалъ братіи, что недалеко отъ монастыря онъ видѣлъ тигра — и только, а потомъ опять день походилъ на день, ночь на ночь.

Монахи работали и молились Богу, а ихъ настоятель старикъ игралъ на органѣ, сочинялъ латинскіе стихи и писалъ ноты. Этотъ чудный старикъ обладалъ необычайнымъ даромъ. Онъ игралъ на органѣ съ такимъ искусствомъ, что даже самые старые монахи, у которыхъ къ концу жизни притупился слухъ, не могли удержать слезъ, когда изъ его кельи доносились звуки органа. Когда онъ говорилъ о чемъ-нибудь, даже самомъ обыкновенномъ, напримѣръ, о деревьяхъ, звѣряхъ или о морѣ, его нельзя было слушать безъ улыбки или безъ слезъ, и казалось, что въ душѣ его звучали такія же струны, какъ и въ органѣ. Если же онъ гнѣвался, или предавался сильной радости, или начиналъ говорить о чемъ-нибудь ужасномъ и великомъ, то

страстное вдохновеніе овладѣвало имъ, на сверкающихъ глазахъ выступали слезы, лицо румянилось, голосъ гремѣлъ, какъ громъ, и монахи, слушая его, чувствовали, какъ его вдохновеніе сковывало ихъ души; въ такія великолѣпныя, чудныя минуты власть его бывала безгранична, и если бы онъ приказалъ своимъ старцамъ броситься въ море, то они всѣ до одного съ восторгомъ поспѣшили бы исполнить его волю.

Его музыка, голосъ и стихи, въ которыхъ онъ славилъ Бога, небо и землю, были для монаховъ источникомъ постоянной радости. Бывало такъ, что при однообразіи жизни имъ прискучивали деревья, цвѣты, весна, осень, шумъ моря утомлялъ ихъ слухъ, становилось непріятнымъ пѣніе птицъ, но таланты старика-настоятеля, подобно хлѣбу, нужны были каждый день.

Проходили десятки лѣтъ, и все день походилъ на день, ночь на ночь. Кромѣ дикихъ птицъ и звѣрей, около монастыря не показывалась ни одна душа. Ближайшее человѣческое жилье находилось далеко и, чтобы пробраться къ нему отъ монастыря или отъ него въ монастырь, нужно было пройти верстъ сто пустыней. Проходить пустыню рѣшались только люди, которые презирали жизнь, отрекались отъ нея и шли въ монастырь, какъ въ могилу.

Каково же поэтому было удивленіе монаховъ, когда однажды ночью въ ихъ ворота постучался человѣкъ, который оказался горожаниномъ и самымъ обыкновеннымъ грѣшникомъ, любящимъ жизнь! Прежде чѣмъ попросить у настоятеля благословенія и помолиться, этотъ человѣкъ потребовалъ вина и ѣсть. На вопросъ,

какъ онъ попалъ изъ города въ пустыню, онъ отвѣчалъ длинной охотничьей исторіей: пошелъ на охоту, выпилъ лишнее и заблудился. На предложенie поступить въ монахи и спасти свою душу, онъ отвѣтилъ улыбкой и словами: «Я вамъ не товарищъ».

Наѣвшись и напившись, онъ оглядѣлъ монаховъ, которые прислуживали ему, покачалъ укоризненно головой и сказалъ:

— Ничего вы не дѣлаете, монахи. Только и знаете, что ѣдите да пьете. Развѣ такъ спасаютъ душу? Подумайте: въ то время, какъ вы сидите тутъ въ покоѣ, ѣдите, пьете и мечтаете о блаженствѣ, ваши ближніе погибаютъ и идутъ въ адъ. Поглядите-ка, что дѣлается въ городѣ! Одни умираютъ съ голоду, другіе, не зная, куда дѣвать свое золото, топятъ себя въ развратѣ и гибнутъ, какъ мухи, вязнущія въ меду. Нѣтъ въ людяхъ ни вѣры, ни правды! Чье же дѣло спасать ихъ? Чье дѣло проповѣдывать? Не мнѣ ли, который отъ утра до вечера пьянъ? Развѣ смиренный духъ, любящее сердце и вѣру Богъ далъ вамъ на то, чтобы вы сидѣли здѣсь въ четырехъ стѣнахъ и ничего не дѣлали?

Пьяныя слова горожанина были дерзки и неприличны, но страннымъ образомъ подѣйствовали на настоятеля. Старикъ переглянулся со своими монахами, поблѣднѣлъ и сказалъ:

— Братья, а вѣдь онъ правду говоритъ! Въ самомъ дѣлѣ, бѣдные люди по неразумію и слабости гибнутъ въ порокѣ и невѣріи, а мы не двигаемся съ мѣста, какъ будто насъ это не касается. Отчего бы мнѣ не пойти и не напомнить имъ о Христѣ, котораго они забыли?

Слова горожанина увлекли старика; на другой же день онъ взялъ свою трость, простился съ братіей и отправился въ городъ. И монахи остались безъ музыки, безъ его рѣчей и стиховъ.

Проскучали они мѣсяцъ, другой, а старикъ не возвращался. Наконецъ, послѣ третьяго мѣсяца послышался знакомый стукъ его трости. Монахи бросились къ нему навстрѣчу и осыпали его вопросами, но онъ вмѣсто того, чтобы обрадоваться имъ, горько заплакалъ и не сказалъ ни одного слова. Монахи замѣтили: онъ сильно состарился и похудѣлъ; лицо его было утомлено и выражало глубокую скорбь, а когда онъ заплакалъ, то имѣлъ видъ человѣка, котораго оскорбили.

Монахи тоже заплакали и съ участіемъ стали разспрашивать, зачѣмъ онъ плачетъ, отчего лицо его такъ угрюмо, но онъ не сказалъ ни слова и заперся въ своей кельѣ. Семь дней сидѣлъ онъ у себя, ничего не ѣлъ, не пилъ, не игралъ на органѣ и плакалъ. На стукъ въ его дверь и на просьбы монаховъ выйти и подѣлиться съ ними своею печалью онъ отвѣчалъ глубокимъ молчаніемъ.

Наконецъ, онъ вышелъ. Собравъ вокругъ себя всѣхъ монаховъ, онъ съ заплаканнымъ лицомъ и съ выраженіемъ скорби и негодованія началъ разсказывать о томъ, что было съ нимъ въ послѣдніе три мѣсяца. Голосъ его былъ спокоенъ, и глаза улыбались, когда онъ описывалъ свой путь отъ монастыря до города. На пути, говорилъ онъ, ему пѣли птицы, журчали ручьи, и сладкія, молодыя надежды волновали его душу; онъ шелъ и чувствовалъ себя солдатомъ,

который идетъ на бой и увѣренъ въ побѣдѣ; мечтая, онъ шелъ и слагалъ стихи и гимны и не замѣтилъ, какъ кончился путь.

Но голосъ его дрогнулъ, глаза засверкали, и весь онъ распалился гнѣвомъ, когда сталъ говорить о городѣ и людяхъ. Никогда въ жизни онъ не видѣлъ, даже не дерзалъ воображать себѣ то, что онъ встрѣтилъ, войдя въ городъ. Только тутъ, первый разъ въ жизни, на старости лѣтъ, онъ увидѣлъ и понялъ, какъ могучъ дьяволъ, какъ прекрасно зло и какъ слабы, малодушны и ничтожны люди. По несчастной случайности, первое жилище, въ которое онъ вошелъ, былъ домъ разврата. Съ полсотни человѣкъ, имѣющихъ много денегъ, ѣли и безъ мѣры пили вино. Опьяненные виномъ, они пѣли пѣсни и смѣло говорили страшныя, отвратительныя слова, которыхъ не рѣшится сказать человѣкъ, боящійся Бога; безгранично свободные, бодрые, счастливые, они не боялись ни Бога, ни дьявола, ни смерти, а говорили и дѣлали все, что хотѣли, и шли туда, куда гнала ихъ похоть. А вино, чистое, какъ янтарь, подернутое золотыми искрами, вѣроятно было нестерпимо сладко и пахуче, потому что каждый пившій блаженно улыбался и хотѣлъ еще пить. На улыбку человѣка оно отвѣчало тоже улыбкой и, когда его пили, радостно искрилось, точно знало, какую дьявольскую прелесть таитъ оно въ своей сладости.

Старикъ, все больше распаляясь и плача отъ гнѣва, продолжалъ описывать то, что онъ видѣлъ. На столѣ, среди пировавшихъ, говорилъ онъ, стояла полунагая блудница. Трудно представить себѣ и найти въ природѣ что-нибудь болѣе

прекрасное и плѣнительное. Эта гадина, молодая, длинноволосая, смуглая, съ черными глазами и съ жирными губами, безстыдная и наглая, оскалила свои бѣлые, какъ снѣгъ, зубы и улыбалась, какъ будто хотѣла сказать: «Поглядите, какая я наглая, какая красивая!» Шелкъ и парча красивыми складками спускались съ ея плечъ, но красота не хотѣла прятаться подъ одеждой, а какъ молодая зелень изъ весенней почвы жадно пробивалась сквозь складки. Наглая женщина пила вино, пѣла пѣсни и отдавалась всякому, кто только хотѣлъ.

Далѣе старикъ, гнѣвно потрясая руками, описалъ конскія ристалища, бой быковъ, театры, мастерскія художниковъ, гдѣ пишутъ и лѣпятъ изъ глины нагихъ женщинъ. Говорилъ онъ вдохновенно, красиво и звучно, точно игралъ на невидимыхъ струнахъ, а монахи, оцѣпенѣвшіе, жадно внимали его рѣчамъ и задыхались отъ восторга... Описавъ всѣ прелести дьявола, красоту зла и плѣнительную грацію отвратительнаго женскаго тѣла, старикъ проклялъ дьявола, повернулъ назадъ и скрылся за своею дверью...

Когда онъ на другое утро вышелъ изъ кельи, въ монастырѣ не оставалось ни одного монаха. Всѣ они бѣжали въ городъ.

1888.

Непріятность

Земскій врачъ Григорій Ивановичъ Овчинниковъ, человѣкъ лѣтъ 35, худосочный и нервный, извѣстный своимъ товарищамъ небольшими работами по медицинской статистикѣ и горячею привязанностью къ такъ-называемымъ «бытовымъ вопросамъ», какъ-то утромъ дѣлалъ у себя въ больницѣ обходъ палатъ. За нимъ, по обыкновенію, слѣдовалъ его фельдшеръ Михаилъ Захаровичъ, пожилой человѣкъ, съ жирнымъ лицомъ, плоскими сальными волосами и съ серьгой въ ухѣ.

Едва докторъ началъ обходъ, какъ ему стало казаться очень подозрительнымъ одно пустое обстоятельство, а именно: жилетка фельдшера топорщилась въ складки и упрямо задиралась вверхъ, несмотря на то, что фельдшеръ то-и-дѣло обдергивалъ и поправлялъ ее. Сорочка у фельдшера была помята и тоже топорщилась; на черномъ, длинномъ сюртукѣ, на панталонахъ и даже на галстукѣ кое-гдѣ бѣлѣлъ пухъ... Очевидно, фельдшеръ спалъ всю ночь не раздѣваясь и, судя по выраженію, съ какимъ онъ теперь обдергивалъ жилетку и поправлялъ галстукъ, одежда стѣсняла его.

Докторъ пристально поглядѣлъ на него и понялъ въ чемъ дѣло. Фельдшеръ не шатался, отвѣчалъ на вопросы складно, но угрюмо-тупое лицо, тусклые глаза, дрожь, пробѣгавшая по шеѣ и рукамъ, безпорядокъ въ одеждѣ, а главное —

напряженныя усилія надъ самимъ собой и желаніе замаскировать свое состояніе свидѣтельствовали, что онъ только-что всталъ съ постели, не выспался и былъ пьянъ, пьянъ тяжело, со вчерашняго... Онъ переживалъ мучительное состояніе «перегара», страдалъ и, повидимому, былъ очень недоволенъ собой.

Докторъ, не любившій фельдшера и имѣвшій на то свои причины, почувствовалъ сильное желаніе сказать ему: — «Я вижу, вы пьяны!» Ему вдругъ стали противны жилетка, длиннополый сюртукъ, серьга въ мясистомъ ухѣ, но онъ сдержалъ свое злое чувство и сказалъ мягко и вѣжливо, какъ всегда:

— Давали Герасиму молока?

— Давали-съ... — отвѣтилъ Михаилъ Захарычъ тоже мягко.

Разговаривая съ больнымъ Герасимомъ, докторъ взглянулъ на листокъ, гдѣ записывалась температура, и, почувствовавъ новый приливъ ненависти, сдержалъ дыханіе, чтобы не говорить, но не выдержалъ и спросилъ грубо и задыхаясь:

— Отчего температура не записана?

— Нѣтъ, записана-съ! — сказалъ мягко Михаилъ Захарычъ, но, поглядѣвъ въ листокъ и убѣдившись, что температура въ самомъ дѣлѣ не записана, онъ растерянно пожалъ плечами и пробормоталъ: — Не знаю-съ, это, должно быть, Надежда Осиповна...

— И вчерашняя вечерняя не записана! — продолжалъ докторъ. — Только пьянствуете, чортъ васъ возьми! И сейчасъ вы пьяны, какъ сапожникъ! Гдѣ Надежда Осиповна?

Акушерки Надежды Осиповны не было въ

палатахъ, хотя она должна была каждое утро присутствовать при перевязкахъ. Докторъ поглядѣлъ вокругъ себя, и ему стало казаться, что въ палатѣ не убрано, что все разбросано, ничего, что нужно, не сдѣлано и что все такъ же топорщится, мнется и покрыто пухомъ, какъ противная жилетка фельдшера, и ему захотѣлось сорвать съ себя бѣлый фартукъ, накричать, бросить все, плюнуть и уйти. Но онъ сдѣлалъ надъ собою усиліе и продолжалъ обходъ.

За Герасимомъ слѣдовалъ хирургическій больной съ воспаленіемъ клѣтчатки во всей правой рукѣ. Этому нужно было сдѣлать перевязку. Докторъ сѣлъ передъ нимъ на табуретъ и занялся рукой.

«Это вчера они гуляли на именинахъ... — думалъ онъ, медленно снимая повязку. — Погодите, я покажу вамъ именины! Впрочемъ, что я могу сдѣлать? Ничего я не могу».

Онъ нащупалъ на вспухшей, багровой рукѣ гнойникъ и сказалъ:

— Скальпель!

Михаилъ Захарычъ, старавшійся показать, что онъ крѣпко стоитъ на ногахъ и годенъ для дѣла, рванулся съ мѣста и быстро подалъ скальпель.

— Не этотъ! Дайте изъ новыхъ, — сказалъ докторъ.

Фельдшеръ засѣменилъ къ стулу, на которомъ стоялъ ящикъ съ перевязочнымъ матеріаломъ, и сталъ торопливо рыться въ немъ. Онъ долго шептался о чемъ-то съ сидѣлками, двигалъ ящикомъ по стулу, шуршалъ, что-то раза два уронилъ, а докторъ сидѣлъ, ждалъ и чувствовалъ

въ своей спинѣ сильное раздраженіе отъ шопота и шороха.

— Скоро же? — спросилъ онъ. — Вы, должно быть, ихъ внизу забыли...

Фельдшеръ подбѣжалъ къ нему и подалъ два скальпеля, причемъ не уберегся и дыхнулъ въ его сторону.

— Это не тѣ! — сказалъ раздраженно докторъ. — Я говорю вамъ русскимъ языкомъ, дайте изъ новыхъ. Впрочемъ, ступайте и проспитесь, отъ васъ несетъ, какъ изъ кабака! Вы невмѣняемы!

— Какихъ же вамъ еще ножей нужно? — спросилъ раздраженно фельдшеръ и медленно пожалъ плечами.

Ему было досадно на себя и стыдно, что на него въ упоръ глядятъ больные и сидѣлки, и чтобы показать, что ему не стыдно, онъ принужденно усмѣхнулся и повторилъ:

— Какихъ же вамъ еще ножей нужно?

Докторъ почувствовалъ на глазахъ слезы и дрожь въ пальцахъ. Онъ сдѣлалъ надъ собой усиліе и проговорилъ дрожащимъ голосомъ:

— Ступайте проспитесь! Я не желаю говорить съ пьянымъ...

— Вы можете только за дѣло съ меня взыскивать, — продолжалъ фельдшеръ: — а ежели я, положимъ, выпивши, то никто не имѣетъ права мнѣ указывать. Вѣдь я служу? Что жъ вамъ еще! Вѣдь служу?

Докторъ вскочилъ и, не отдавая себѣ отчета въ своихъ движеніяхъ, размахнулся и изо всей силы ударилъ фельдшера по лицу. Онъ не понималъ, для чего онъ это дѣлаетъ, но почув-

ствовалъ большое удовольствіе оттого, что ударъ кулака пришелся какъ разъ по лицу и что человѣкъ солидный, положительный, семейный, набожный и знающій себѣ цѣну, покачнулся, подпрыгнулъ, какъ мячикъ, и сѣлъ на табуретъ. Ему страстно захотѣлось ударить еще разъ, но, увидѣвъ около ненавистнаго лица блѣдныя, встревоженныя лица сидѣлокъ, онъ пересталъ ощущать удовольствіе, махнулъ рукой и выбѣжалъ изъ палаты.

Во дворѣ встрѣтилась ему шедшая въ больницу Надежда Осиповна, дѣвица лѣтъ 27, съ блѣдно-желтымъ лицомъ и съ распущенными волосами. Ея розовое ситцевое платье было сильно стянуто въ подолѣ и отъ этого шаги ея были очень мелки и часты. Она шуршала платьемъ, подергивала плечами въ тактъ каждому своему шагу и покачивала головой такъ, какъ будто напѣвала мысленно что-то веселенькое.

«Ага, русалка!» — подумалъ докторъ, вспомнивъ, что въ больницѣ акушерку дразнятъ русалкой, и ему стало пріятно отъ мысли, что онъ сейчасъ оборветъ эту мелкошагающую, влюбленную въ себя франтиху.

— Гдѣ это вы пропадаете? — крикнулъ онъ, поровнявшись съ ней. — Отчего вы не въ больницѣ? Температура не записана, вездѣ безпорядокъ, фельдшеръ пьянъ, вы спите до двѣнадцати часовъ!.. Извольте искать себѣ другое мѣсто! Здѣсь вы больше не служите!

Придя на квартиру, докторъ сорвалъ съ себя бѣлый фартукъ и полотенце, которымъ былъ подпоясанъ, со злобой швырнулъ то и другое въ уголъ и заходилъ по кабинету.

«Боже, что за люди, что за люди! — проговорилъ онъ. — Это не помощники, а враги дѣла! Нѣтъ силъ служить больше! Не могу! Я уйду!»

Сердце его сильно билось, онъ весь дрожалъ и хотѣлъ плакать и, чтобы избавиться отъ этихъ ощущеній, онъ началъ успокаивать себя мыслями о томъ, какъ онъ правъ и какъ хорошо сдѣлалъ, что ударилъ фельдшера. Прежде всего гадко то, думалъ докторъ, что фельдшеръ поступилъ въ больницу не просто, а по протекціи своей тетки, служащей въ нянюшкахъ у предсѣдателя земской управы (противно бываетъ глядѣть на эту вліятельную тетушку, когда она, пріѣзжая лѣчиться, держитъ себя въ больницѣ какъ дома и претендуетъ на то, чтобы ее принимали не въ очередь). Дисциплинированъ фельдшеръ плохо, знаетъ мало и совсѣмъ не понимаетъ того, что знаетъ. Онъ нетрезвъ, дерзокъ, нечистоплотенъ, беретъ съ больныхъ взятки и тайкомъ продаетъ земскія лѣкарства. Всѣмъ также извѣстно, что онъ занимается практикой и лѣчитъ у молодыхъ мѣщанъ секретныя болѣзни, причемъ употребляетъ какія-то собственныя средства. Добро бы это былъ просто шарлатанъ, какихъ много, но это шарлатанъ убѣжденный и втайнѣ протестующій. Тайкомъ отъ доктора онъ ставитъ приходящимъ больнымъ банки и пускаетъ имъ кровь, на операціяхъ присутствуетъ съ неумытыми руками, ковыряетъ въ ранахъ всегда грязнымъ зондомъ — этого достаточно, чтобы понять, какъ глубоко и храбро презираетъ онъ докторскую медицину съ ея ученостью и педантизмомъ.

Дождавшись, когда пальцы перестали дрожать, докторъ сѣлъ за столъ и написалъ письмо къ предсѣдателю управы: «Уважаемый Левъ Трофимовичъ! Если, по полученіи этого письма, ваша управа не уволитъ фельдшера Смирновскаго и не предоставитъ мнѣ права самому выбирать себѣ помощниковъ, то я сочту себя вынужденнымъ (не безъ сожалѣнія, конечно) просить васъ не считать уже меня болѣе врачомъ N—ской больницы и озаботиться пріисканіемъ мнѣ преемника. Почтеніе Любовь Ѳедоровнѣ и Юсу. Уважающій Г. Овчинниковъ». Прочитавъ это письмо, докторъ нашелъ, что оно коротко и недостаточно холодно. Къ тому же почтеніе Любовь Ѳедоровнѣ и Юсу (такъ дразнили младшаго сына предсѣдателя) въ дѣловомъ, офиціальномъ письмѣ было болѣе чѣмъ неумѣстно.

«Какой тутъ къ чорту Юсъ?» — подумалъ докторъ, изорвалъ письмо и сталъ придумывать другое. — «Милостивый государь»... — думалъ онъ, садясь у открытаго окна и глядя на утокъ съ утятами, которыя, покачиваясь и спотыкаясь, спѣшили по дорогѣ, должно быть, къ пруду; одинъ утенокъ подобралъ на дорогѣ какую-то кишку, подавился и поднялъ тревожный пискъ; другой подбѣжалъ къ нему, вытащилъ у него изо рта кишку и тоже подавился... Далеко около забора въ кружевной тѣни, какую бросали на траву молодыя липы, бродила кухарка Дарья и собирала щавель для зеленыхъ щей... Слышались голоса... Кучеръ Зотъ съ уздечкой въ рукѣ и больничный мужикъ Мануйло въ грязномъ фартукѣ стояли около сарая, о чемъ-то разговаривали и смѣялись.

«Это они о томъ, что я фельдшера ударилъ.. — думалъ докторъ. — Сегодня уже весь уѣздъ будетъ знать объ этомъ скандалѣ... Итакъ: Милостивый государь! Если ваша управа не уволитъ»...

Докторъ отлично зналъ, что управа ни въ какомъ случаѣ не промѣняетъ его на фельдшера и скорѣе согласится не имѣть ни одного фельдшера во всемъ уѣздѣ, чѣмъ лишиться такого превосходнаго человѣка, какъ докторъ Овчинниковъ. Навѣрное, тотчасъ же по полученіи письма Левъ Трофимовичъ прикатитъ къ нему на тройкѣ и начнетъ: — «Да что вы это, батенька, вздумали? Голубушка, что же это такое, Христосъ съ вами? Зачѣмъ? Съ какой стати? Гдѣ онъ? Подать его сюда, каналью! Прогнать! Обязательно прогнать. Чтобъ завтра же его, подлеца, здѣсь не было!» — Потомъ онъ пообѣдаетъ съ докторомъ, а послѣ обѣда ляжетъ вотъ на этомъ малиновомъ диванѣ животомъ вверхъ, закроетъ лицо газетой и захрапитъ; выспавшись, напьется чаю и увезетъ къ себѣ доктора ночевать. И вся исторія кончится тѣмъ, что и фельдшеръ останется въ больницѣ, и докторъ не подастъ въ отставку.

Доктору же въ глубинѣ души хотѣлось не такой развязки. Ему хотѣлось, чтобы фельдшерская тетушка восторжествовала и чтобы управа, не взирая на его восьмилѣтнюю, добросовѣстную службу, безъ разговоровъ и даже съ удовольствіемъ приняла бы его отставку. Онъ мечталъ о томъ, какъ онъ будетъ уѣзжать изъ больницы, къ которой привыкъ, какъ напишетъ

письмо въ газету «Врачъ», какъ товарищи поднесутъ ему сочувственный адресъ...

На дорогѣ показалась русалка. Мелко шагая и шурща платьемъ, она подошла къ окну и спросила:

— Григорій Иванычъ, сами будете принимать больныхъ, или безъ васъ прикажете?

А глаза ея говорили: — «Ты погорячился, но теперь успокоился и тебѣ стыдно, но я великодушна и не замѣчаю этого».

— Хорошо, я сейчасъ, — сказалъ докторъ.

Онъ опять надѣлъ фартукъ, подпоясался полотенцемъ и пошелъ въ больницу.

«Не хорошо, что я убѣжалъ, когда ударилъ его... — думалъ онъ дорогой. — Вышло, какъ будто я сконфузился или испугался... Гимназиста разыгралъ... Очень нехорошо!»

Ему казалось, что когда онъ войдетъ въ палату, то больнымъ будетъ неловко глядѣть на него и ему самому станетъ совѣстно, но когда онъ вошелъ, больные покойно лежали на кроватяхъ и едва обратили на него вниманіе. Лицо чахоточнаго Герасима выражало совершенное равнодушіе и какъ бы говорило: — «Онъ тебѣ не потрафилъ, ты его маненько поучилъ... безъ этого, батюшка, нельзя».

Докторъ вскрылъ на багровой рукѣ два гнойника и наложилъ повязку, потомъ отправился въ женскую половину, гдѣ сдѣлалъ одной бабѣ операцію въ глазу, и все время за нимъ ходила русалка и помогала ему съ такимъ видомъ, какъ будто ничего не случилось и все обстояло благополучно. Послѣ обхода па-

латъ началась пріемка приходящихъ больныхъ. Въ маленькой пріемной доктора окно было открыто настежь. Стоило только сѣсть на подоконникъ и немножко нагнуться, чтобы увидѣть на аршинъ отъ себя молодую траву. Вчера вечеромъ былъ сильный ливень съ грозой, а потому трава немного помята и лоснится. Тропинка, которая бѣжитъ недалеко отъ окна и ведетъ къ оврагу, кажется умытой, и разбросанная по сторонамъ ея битая аптекарская посуда, тоже умытая, играетъ на солнцѣ и испускаетъ ослѣпительно-яркіе лучи. А дальше за тропинкой жмутся другъ къ другу молодыя елки, одѣтыя въ пышныя, зеленыя платья, за ними стоятъ березы съ бѣлыми, какъ бумага, стволами, а сквозь слегка трепещущую отъ вѣтра зелень березъ видно голубое, бездонное небо. Когда выглянешь въ окно, то скворцы, прыгающіе по тропинкѣ, поворачиваютъ въ сторону окна свои глупые носы и рѣшаютъ: испугаться, или нѣтъ? И, рѣшивъ испугаться, они одинъ за другимъ, съ веселымъ крикомъ, точно потѣшаясь надъ докторомъ, не умѣющимъ летать, несутся къ верхушкамъ березъ...

Сквозь тяжелый запахъ іодоформа чувствуется свѣжесть и ароматъ весенняго дня... Хорошо дышать!

— Анна Спиридонова! — вызвалъ докторъ.

Въ пріемную вошла молодая баба въ красномъ платьѣ и помолилась на образъ.

— Что болитъ? — спросилъ докторъ.

Баба недовѣрчиво покосилась на дверь, въ которую вошла, и на дверцу, ведущую въ аптеку, подошла поближе къ доктору и шепнула:

— Дѣтей нѣту!

— Кто еще не записывался? — крикнула въ аптекѣ русалка. — Подходите записываться!

«Онъ уже тѣмъ скотина, — думалъ докторъ, изслѣдуя бабу: — что заставилъ меня драться первый разъ въ жизни. Я отродясь не дрался».

Анна Спиридонова ушла. Послѣ нея пришелъ старикъ съ дурной болѣзнью, потомъ баба съ тремя ребятишками въ чесоткѣ, и работа закипѣла. Фельдшеръ не показывался. За дверцей въ аптекѣ, шурша платьемъ и звеня посудой, весело щебетала русалка; то-и-дѣло она входила въ пріемную, чтобы помочь на операціи или взять рецепты, и все съ такимъ видомъ, какъ будто все было благополучно.

«Она рада, что я ударилъ фельдшера, — думалъ докторъ, прислушиваясь къ голосу акушерки. — Вѣдь она жила съ фельдшеромъ, какъ кошка съ собакой, и для нея праздникъ, если его уволятъ. И сидѣлки, кажется, рады . . . Какъ это противно!»

Въ самый разгаръ пріемки ему стало казаться, что и акушерка, и сидѣлки, и даже больные нарочно стараются придать себѣ равнодушное и веселое выраженіе. Они какъ будто понимали, что ему стыдно и больно, но изъ деликатности дѣлали видъ, что не понимаютъ. И онъ, желая показать имъ, что ему вовсе не стыдно, кричалъ сердито:

— Эй, вы, тамъ! Затворяйте дверь, а то сквозитъ!

А ему ужъ было стыдно и тяжело. Принявши сорокъ пять больныхъ, онъ не спѣша вышелъ изъ больницы. Акушерка, уже успѣв-

шая побывать у себя на квартирѣ и надѣть на плечи ярко-пунцовый платокъ, съ папироской въ зубахъ и съ цвѣткомъ въ распущенныхъ волосахъ, спѣшила куда-то со двора, вѣроятно, на практику или въ гости. На порогѣ больницы сидѣли больные и молча грѣлись на солнышкѣ. Скворцы попрежнему шумѣли и гонялись за жуками. Докторъ глядѣлъ по сторонамъ и думалъ, что среди этихъ ровныхъ, безмятежныхъ жизней, какъ два испорченныхъ клавиша въ фортепіано, рѣзко выдѣлялись и никуда не годились только двѣ жизни: фельдшера и его. Фельдшеръ теперь, навѣрное, легъ, чтобы проспаться, но никакъ не можетъ уснуть отъ мысли, что онъ виноватъ, оскорбленъ и потерялъ мѣсто. Положеніе его мучительно. Докторъ же, ранѣе никогда никого не бившій, чувствовалъ себя такъ, какъ будто навсегда потерялъ невинность. Онъ уже не обвинялъ фельдшера и не оправдывалъ себя, а только недоумѣвалъ: какъ это могло случиться, что онъ, порядочный человѣкъ, никогда не бившій даже собакъ, могъ ударить? Придя къ себѣ на квартиру, онъ легъ въ кабинетѣ на диванъ, лицомъ къ спинкѣ, и сталъ думать такимъ образомъ:

«Онъ человѣкъ нехорошій, вредный для дѣла; за три года, пока онъ служитъ, у меня накипѣло въ душѣ, но тѣмъ не менѣе мой поступокъ ничѣмъ не можетъ быть оправданъ. Я воспользовался правомъ сильнаго. Онъ мой подчиненный, виноватъ и къ тому же пьянъ, а я его начальникъ, правъ и трезвъ... Значитъ, я сильнѣе. Во-вторыхъ, я ударилъ его при людяхъ, которые считаютъ меня авторитетомъ, и

такимъ образомъ я подалъ имъ отвратительный примѣръ»...

Доктора позвали обѣдать... Онъ съѣлъ нѣсколько ложекъ щей и, вставши изъ-за стола, опять легъ на диванъ.

«Что же теперь дѣлать? — продолжалъ онъ думать. — Надо возможно скорѣе дать ему удовлетвореніе... Но какимъ образомъ? Дуэли онъ, какъ практическій человѣкъ, считаетъ глупостью или не понимаетъ ихъ. Если въ той самой палатѣ, при сидѣлкахъ и больныхъ попросить у него извиненія, то это извиненіе удовлетворитъ только меня, а не его; онъ, человѣкъ дурной, пойметъ мое извиненіе какъ трусость и боязнь, что онъ пожалуется на меня начальству. Къ тому же, это мое извиненіе въ конецъ расшатаетъ больничную дисциплину. Предложить ему денегъ? Нѣтъ, это безнравственно и похоже на подкупъ. Если теперь, положимъ, обратиться за разрѣшеніемъ вопроса къ нашему прямому начальству, то-есть къ управѣ... Она могла бы объявить мнѣ выговоръ, или уволить меня... Но этого она не сдѣлаетъ. Да и не совсѣмъ удобно вмѣшивать въ интимныя дѣла больницы управу, которая кстати же не имѣетъ на это никакого права»...

Часа черезъ три послѣ обѣда докторъ шелъ къ пруду купаться и думалъ:

«А не поступить ли мнѣ такъ, какъ поступаютъ всѣ при подобныхъ обстоятельствахъ? То-есть, пусть онъ подастъ на меня въ судъ. Я безусловно виноватъ, оправдываться не стану, и мировой присудитъ меня къ аресту. Такимъ образомъ оскорбленный будетъ удовлетворенъ и

тѣ, которые считаютъ меня авторитетомъ, увидятъ, что я былъ не правъ».

Эта идея улыбнулась ему. Онъ обрадовался и сталъ думать, что вопросъ рѣшенъ благополучно и что болѣе справедливаго рѣшенія не можетъ быть.

«Что жъ, превосходно! — думалъ онъ, полѣзая въ воду и глядя, какъ отъ него убѣгали стаи мелкихъ, золотистыхъ карасиковъ. — Пусть подаетъ... Это для него тѣмъ болѣе удобно, что наши служебныя отношенія уже порваны и одному изъ насъ послѣ этого скандала все равно ужъ нельзя оставаться въ больницѣ»...

Вечеромъ докторъ приказалъ заложить шарабанъ, чтобы ѣхать къ воинскому начальнику играть въ винтъ. Когда онъ, въ шляпѣ и въ пальто, совсѣмъ уже готовый въ путь, стоялъ у себя посреди кабинета и надѣвалъ перчатки, наружная дверь со скрипомъ отворилась, и кто-то безшумно вошелъ въ переднюю.

— Кто тамъ? — спросилъ докторъ.

— Это я-съ... — глухо отвѣтилъ вошедшій.

У доктора вдругъ застучало сердце и весь онъ похолодѣлъ отъ стыда и какого-то непонятнаго страха. Фельдшеръ Михаилъ Захарычъ (это былъ онъ) тихо кашлянулъ и несмѣло вошелъ въ кабинетъ. Помолчавъ немного, онъ сказалъ глухимъ, виноватымъ голосомъ:

— Простите меня, Григорій Иванычъ!

Докторъ растерялся и не зналъ, что сказать. Онъ понялъ, что фельдшеръ пришелъ къ нему унижаться и просить прощенія не изъ христіанскаго смиренія и не ради того, чтобы своимъ

смиреніемъ уничтожить оскорбителя, а просто изъ расчета: «сдѣлаю надъ собой усиліе, попрошу прощенія и, авось, меня не прогонятъ и не лишатъ куска хлѣба»... Что можетъ быть оскорбительнѣй для человѣческаго достоинства?

— Простите... — повторилъ фельдшеръ.

— Послушайте... — заговорилъ докторъ, стараясь не глядѣть на него и все еще не зная, что сказать. — Послушайте... Я васъ оскорбилъ и... и долженъ понести наказаніе, то-есть удовлетворить васъ... Дуэлей вы не признаете... Впрочемъ, я самъ не признаю дуэлей. Я васъ оскорбилъ и вы... вы можете подать на меня жалобу мировому судьѣ, и я понесу наказаніе... А оставаться намъ тутъ вдвоемъ нельзя... Кто-нибудь изъ насъ, я или вы, долженъ выйти! (Богъ мой! Я не то говорю! — ужаснулся докторъ. — Какъ глупо, какъ глупо!) Однимъ словомъ, подавайте прошеніе! А служить вмѣстѣ мы уже не можемъ!.. Я, или вы... Завтра же подавайте!

Фельдшеръ поглядѣлъ исподлобья на доктора, и въ его темныхъ, мутныхъ глазахъ вспыхнуло самое откровенное презрѣніе. Онъ всегда считалъ доктора не практическимъ, капризнымъ мальчишкой, а теперь презиралъ его за дрожь, за непонятную суету въ словахъ...

— И подамъ, — сказалъ онъ угрюмо и злобно.

— Да, и подавайте!

— А что жъ вы думаете? Не подамъ? И подамъ... Вы не имѣете права драться. Да и стыдились бы! Дерутся только пьяные мужики, а вы образованный...

Въ груди доктора неожиданно встрепенулась вся его ненависть, и онъ закричалъ не своимъ голосомъ:

— Убирайтесь вонъ!

Фельдшеръ нехотя тронулся съ мѣста (ему какъ будто хотѣлось еще что-то сказать), пошелъ въ переднюю и остановился тамъ въ раздумьѣ. И что-то надумавъ, онъ рѣшительно вышелъ...

«Какъ глупо, какъ глупо! — бормоталъ докторъ по уходѣ его. — Какъ все это глупо и пошло!»

Онъ чувствовалъ, что велъ себя сейчасъ съ фельдшеромъ какъ мальчишка, и ужъ понималъ, что всѣ его мысли насчетъ суда не умны, не рѣшаютъ вопроса, а только осложняютъ его.

«Какъ глупо! — думалъ онъ, сидя въ шарабанѣ и потомъ играя у воинскаго начальника въ винтъ. — Неужели я такъ мало образованъ и такъ мало знаю жизнь, что не въ состоянiи рѣшить этого простого вопроса? Ну, что дѣлать?»

На другой день утромъ докторъ видѣлъ, какъ жена фельдшера садилась въ повозку, чтобы куда-то ѣхать, и подумалъ: «Это она къ тетушкѣ. Пусть!»

Больница обходилась безъ фельдшера. Нужно было написать заявленiе въ управу, но докторъ все еще никакъ не могъ придумать формы письма. Теперь смыслъ письма долженъ былъ быть таковъ: «Прошу уволить фельдшера, хотя виноватъ не онъ, а я». Изложить же эту мысль такъ, чтобы вышло не глупо и не стыдно — для порядочнаго человѣка почти невозможно.

Дня черезъ два или три доктору донесли, что фельдшеръ былъ съ жалобой у Льва Трофимовича. Предсѣдатель не далъ ему сказать ни одного слова, затопалъ ногами и проводилъ его крикомъ: «Знаю я тебя! Вонъ! Не желаю слушать!» Отъ Льва Трофимовича фельдшеръ поѣхалъ въ управу и подалъ тамъ ябеду, въ которой, не упоминая о пощечинѣ и ничего не прося для себя, доносилъ управѣ, что докторъ нѣсколько разъ въ его присутствіи неодобрительно отзывался объ управѣ и предсѣдателѣ, что лѣчитъ докторъ не такъ, какъ нужно, ѣздитъ на участки неисправно и проч. Узнавъ объ этомъ, докторъ засмѣялся и подумалъ: «Этакой дуракъ!» и ему стало стыдно и жаль, что фельдшеръ дѣлаетъ глупости; чѣмъ больше глупостей дѣлаетъ человѣкъ въ свою защиту, тѣмъ онъ, значитъ, беззащитнѣе и слабѣе.

Ровно черезъ недѣлю послѣ описаннаго утра докторъ получилъ повѣстку отъ мирового судьи.

«Это ужъ совсѣмъ глупо... — думалъ онъ, расписываясь въ полученіи. — Глупѣе и придумать ничего нельзя».

И когда онъ въ пасмурное, тихое утро ѣхалъ къ мировому, ему ужъ было не стыдно, а досадно и противно. Онъ злился и на себя, и на фельдшера, и на обстоятельства...

— Возьму и скажу на судѣ: убирайтесь вы всѣ къ чорту! — злился онъ. — Вы всѣ ослы и ничего не понимаете!

Подъѣхавъ къ камерѣ мирового, онъ увидѣлъ на порогѣ трехъ своихъ сидѣлокъ, вызванныхъ въ качествѣ свидѣтельницъ, и русалку. При видѣ сидѣлокъ и жизнерадостной акушерки, ко-

торая отъ нетерпѣнія переминалась съ ноги на ногу и даже вспыхнула отъ удовольствія, когда увидѣла главнаго героя предстоящаго процесса, сердитому доктору захотѣлось налетѣть на нихъ ястребомъ и ошеломить: «Кто вамъ позволилъ уходить изъ больницы? Извольте сію минуту убираться домой!», но онъ сдержалъ себя и, стараясь казаться покойнымъ, пробрался сквозь толпу мужиковъ въ камеру. Камера была пуста и цѣпь мирового висѣла на спинкѣ кресла. Докторъ пошелъ въ комнатку письмоводителя. Тутъ онъ увидѣлъ молодого человѣка съ тощимъ лицомъ и въ коломенковомъ пиджакѣ съ оттопыренными карманами — это былъ письмоводитель, и фельдшера, который сидѣлъ за столомъ и отъ нечего дѣлать перелистывалъ справки о судимости. При входѣ доктора, письмоводитель поднялся; фельдшеръ сконфузился и тоже поднялся.

— Александръ Архиповичъ еще не приходилъ? — спросилъ докторъ, конфузясь.

— Нѣтъ еще. Они дома... — отвѣтилъ письмоводитель.

Камера помѣщалась въ усадьбѣ мирового судьи, въ одномъ изъ флигелей, а самъ судья жилъ въ большомъ домѣ. Докторъ вышелъ изъ камеры и не спѣша направился къ дому. Александра Архиповича засталъ онъ въ столовой за самоваромъ. Мировой безъ сюртука и безъ жилетки, съ разстегнутой на груди рубахой стоялъ около стола и, держа въ обѣихъ рукахъ чайникъ, наливалъ себѣ въ стаканъ темнаго, какъ кофе, чаю; увидѣвъ гостя, онъ быстро придвинулъ къ себѣ другой стаканъ, налилъ его и, не здороваясь, спросилъ:

— Вамъ съ сахаромъ или безъ сахару?

Когда-то, очень давно, мировой служилъ въ кавалеріи; теперь ужъ онъ за свою долголѣтнюю службу по выборамъ состоялъ въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго, но все еще не бросалъ ни своего военнаго мундира, ни военныхъ привычекъ. У него были длинные, полицмейстерскіе усы, брюки съ кантами, и всѣ его поступки и слова были проникнуты военной граціей. Говорилъ онъ, слегка откинувъ назадъ голову и уснащая рѣчь сочнымъ, генеральскимъ «мнэ-э-э...», поводилъ плечами и игралъ глазами; здороваясь или давая закурить, шаркалъ подошвами и при ходьбѣ такъ осторожно и нѣжно звякалъ шпорами, какъ будто каждый звукъ шпоръ причинялъ ему невыносимую боль. Усадивъ доктора за чай, онъ погладилъ себя по широкой груди и по животу, глубоко вздохнулъ и сказалъ:

— Н-да-съ... Можетъ быть, желаете мнэ-э... водки выпить и закусить? Мнэ-э?

— Нѣтъ, спасибо, я сытъ.

Оба чувствовали, что имъ не миновать разговора о больничномъ скандалѣ, и обоимъ было неловко. Докторъ молчалъ. Мировой граціознымъ маніемъ руки поймалъ комара, укусившаго его въ грудь, внимательно оглядѣлъ его со всѣхъ сторонъ и выпустилъ, потомъ глубоко вздохнулъ, поднялъ глаза на доктора и спросилъ съ разстановкой:

— Послушайте, отчего вы его не прогоните?

Докторъ уловилъ въ его голосѣ сочувственную нотку; ему вдругъ стало жаль себя и онъ почувствовалъ утомленіе и разбитость отъ передрягъ, пережитыхъ въ послѣднюю недѣлю. Съ

такимъ выраженіемъ, какъ будто терпѣніе его наконецъ лопнуло, онъ поднялся изъ-за стола и, раздраженно морщась, пожимая плечами, сказалъ:

— Прогнать! Какъ вы всѣ разсуждаете, ей-Богу... Удивительно, какъ вы всѣ разсуждаете! Да развѣ я могу его прогнать? Вы тутъ сидите и думаете, что въ больницѣ я у себя хозяинъ и дѣлаю все, что хочу! Удивительно, какъ вы всѣ разсуждаете! Развѣ я могу прогнать фельдшера, если его тетка служитъ въ нянькахъ у Льва Трофимыча и если Льву Трофимычу нужны такіе шептуны и лакеи, какъ этотъ Захарычъ? Что я могу сдѣлать, если земство ставитъ насъ, врачей, ни въ грошъ, если оно на каждомъ шагу бросаетъ намъ подъ ноги полѣнья? Чортъ ихъ подери, я не желаю служить, вотъ и все! Не желаю!

— Ну, ну, ну... Вы, душа моя, придаете ужъ слишкомъ много значенія, такъ сказать...

— Предводитель изо всѣхъ силъ старается доказать, что всѣ мы нигилисты, шпіонитъ и третируетъ насъ, какъ своихъ писарей. Какое онъ имѣетъ право пріѣзжать въ мое отсутствіе въ больницу и допрашивать тамъ сидѣлокъ и больныхъ? Развѣ это не оскорбительно? А этотъ вашъ юродивый Семенъ Алексѣичъ, который самъ пашетъ и не вѣруетъ въ медицину, потому что здоровъ и сытъ, какъ быкъ, громогласно и въ глаза обзываетъ насъ дармоѣдами и попрекаетъ кускомъ хлѣба! Да чортъ его возьми! Я работаю отъ утра до ночи, отдыха не знаю, я нужнѣе здѣсь, чѣмъ всѣ эти вмѣстѣ взятые юродивые, святоши, реформаторы и прочіе клоуны!

Я потерялъ на работѣ здоровье, а меня вмѣсто благодарности попрекаютъ кускомъ хлѣба! Покорнѣйше васъ благодарю! И каждый считаетъ себя въ правѣ совать свой носъ не въ свое дѣло, учить, контролировать! Этотъ вашъ членъ управы Камчатскій въ земскомъ собраніи дѣлалъ врачамъ выговоръ за то, что у насъ выходитъ много іодистаго калія и рекомендовалъ намъ быть осторожными при употребленіи кокаина! Что онъ понимаетъ, я васъ спрашиваю? Какое ему дѣло? Отчего онъ не учитъ васъ судить?

— Но... но вѣдь онъ хамъ, душа моя, холуй... На него нельзя обращать вниманіе...

— Хамъ, холуй, однако же вы выбрали этого свистуна въ члены и позволяете ему всюду совать свой носъ! Вы вотъ улыбаетесь! По-вашему все это мелочи, пустяки, но поймите же, что этихъ мелочей такъ много, что изъ нихъ сложилась вся жизнь, какъ изъ песчинокъ гора! Я больше не могу! Силъ нѣтъ, Александръ Архипычъ! Еще немного и, увѣряю васъ, я не только бить по мордасамъ, но и стрѣлять въ людей буду! Поймите, что у меня не проволоки, а нервы. Я такой же человѣкъ, какъ и вы...

Глаза доктора налились слезами и голосъ дрогнулъ; онъ отвернулся и сталъ глядѣть въ окно. Наступило молчаніе.

— Н-да-съ, почтеннѣйшій... — пробормоталъ мировой въ раздумьѣ. — Съ другой же стороны, если разсудить хладнокровно, то... (мировой поймалъ комара и, сильно прищуривъ глаза, оглядѣлъ его со всѣхъ сторонъ, придавилъ и бросилъ въ полоскательную чашку)... то, видите ли, и прогонять его нѣтъ резона. Прогоните, а

на его мѣсто сядетъ другой такой же, да еще, пожалуй, хуже. Перемѣните вы сто человѣкъ, а хорошаго не найдете... Всѣ мерзавцы (мировой погладилъ себя подъ мышками и медленно закурилъ папиросу). Съ этимъ зломъ надо мириться. Я долженъ вамъ сказать, что-о въ настоящее время честныхъ и трезвыхъ работниковъ, на которыхъ вы можете положиться, можно найти только среди интеллигенціи и мужиковъ, то-есть среди двухъ этихъ крайностей и только. Вы, такъ сказать, можете найти честнѣйшаго врача, превосходнѣйшаго педагога, честнѣйшаго пахаря или кузнеца, но средніе люди, то-есть, если такъ выразиться, люди, ушедшіе отъ народа и не дошедшіе до интеллигенціи, составляютъ элементъ ненадежный. Весьма трудно поэтому найти честнаго и трезваго фельдшера, писаря, приказчика и прочее. Чрезвычайно трудно! Я служу-съ въ юстиціи со временъ царя Гороха и во все время своей службы не имѣлъ еще ни разу честнаго и трезваго писаря, хотя и прогналъ ихъ на своемъ вѣку видимо-невидимо. Народъ безъ всякой моральной дисциплины, не говоря ужъ о-о-о-о принципахъ, такъ сказать...

«Зачѣмъ онъ это говоритъ? — подумалъ докторъ. — Не то мы съ нимъ говоримъ, что нужно».

— Вотъ не дальше, какъ въ прошлую пятницу, — продолжалъ мировой: — мой Дюжинскій учинилъ такую, можете себѣ представить, штуку. Созвалъ онъ къ себѣ вечеромъ какихъ-то пьяницъ, чортъ ихъ знаетъ, кто они такіе, и всю ночь пропьянствовалъ съ ними въ камерѣ. Какъ вамъ это понравится? Я ничего не имѣю противъ питья. Чортъ съ тобой, пей, но

зачѣмъ пускать въ камеру неизвѣстныхъ людей? Вѣдь, судите сами, выкрасть изъ дѣлъ какой-нибудь документъ, вексель и прочее — минутное дѣло! И что жъ вы думаете? Послѣ той оргіи я долженъ былъ дня два провѣрять всѣ дѣла, не пропало ли что... Ну, что жъ вы подѣлаете со стервецомъ? Прогнать? Хорошо-съ... А чѣмъ вы поручитесь, что другой не будетъ хуже?

— Да и какъ его прогонишь? — сказалъ докторъ. — Прогнать человѣка легко только на словахъ... Какъ я прогоню и лишу его куска хлѣба, если знаю, что онъ семейный, голодный? Куда онъ дѣнется со своей семьей?

«Чортъ знаетъ что, не то я говорю! — подумалъ онъ, и ему показалось страннымъ, что онъ никакъ не можетъ укрѣпить свое сознаніе на какой-нибудь одной, опредѣленной мысли, или на какомъ-нибудь одномъ чувствѣ. — Это оттого, что я не глубокъ и не умѣю мыслить», — подумалъ онъ.

— Средній человѣкъ, какъ вы назвали, не надеженъ, — продолжалъ онъ. — Мы его гонимъ, бранимъ, бьемъ по физіономіи, но вѣдь надо же войти и въ его положеніе. Онъ ни мужикъ, ни баринъ, ни рыба, ни мясо; прошлое у него горькое, въ настоящемъ у него только 25 рублей въ мѣсяцъ, голодная семья и подчиненность, въ будущемъ тѣ же 25 рублей и зависимое положеніе, прослужи онъ хоть сто лѣтъ. У него ни образованія, ни собственности; читать и ходить въ церковь ему некогда, насъ онъ не слышитъ, потому что мы не подпускаемъ его къ себѣ близко. Такъ и живетъ изо дня въ день до самой смерти безъ надеждъ на луч-

шее, обѣдая впроголодь, боясь, что вотъ-вотъ его прогонятъ изъ казенной квартиры, не зная, куда приткнуть своихъ дѣтей. Ну, какъ тутъ, скажите, не пьянствовать, не красть? Гдѣ тутъ взяться принципамъ!

«Мы, кажется, ужъ соціальные вопросы рѣшаемъ, — подумалъ онъ. — И какъ нескладно, Господи! Да и къ чему все это?»

Послышались звонки. Кто-то въѣхалъ во дворъ и подкатилъ сначала къ камерѣ, потомъ къ крыльцу большого дома.

— Самъ пріѣхалъ, — сказалъ мировой, поглядѣвъ въ окно. — Ну, будетъ вамъ на орѣхи!

— А вы, пожалуйста, отпустите меня поскорѣе... — попросилъ докторъ. — Если можно, то разсмотрите мое дѣло не въ очередь. Ей-Богу, некогда.

— Хорошо, хорошо... Только я еще не знаю, батенька, подсудно ли мнѣ это дѣло. Отношенія вѣдь у васъ съ фельдшеромъ, такъ сказать, служебныя и къ тому же вы смазали его при исполненіи служебныхъ обязанностей. Впрочемъ, не знаю хорошенько. Спросимъ сейчасъ у Льва Трофимовича.

Послышались торопливые шаги и тяжелое дыханіе, и въ дверяхъ показался Левъ Трофимовичъ, предсѣдатель, сѣдой и лысый старикъ съ длинной бородой и красными вѣками.

— Мое почтеніе... — сказалъ онъ, задыхаясь. — Уфъ, батюшки! Вели-ка, судья, подать мнѣ квасу! Смерть моя...

Онъ опустился въ кресло, но тотчасъ же быстро вскочилъ, подбѣжалъ къ доктору и, сер-

дито таращa на него глаза, заговорилъ визгливымъ тенором:

— Очень и чрезвычайно вамъ благодаренъ, Григорій Иванычъ! Одолжили, благодарю васъ! Во вѣки вѣковъ аминь не забуду! Такъ пріятели не дѣлаютъ! Какъ угодно, а это даже недобросовѣстно съ вашей стороны! Отчего вы меня не извѣстили? Что я вамъ? Кто? Врагъ, или посторонній человѣкъ? Врагъ я вамъ? Развѣ я вамъ когда-нибудь въ чемъ отказывалъ? А?

Тараща глаза и шевеля пальцами, предсѣдатель напился квасу, быстро вытеръ губы и продолжалъ:

— Очень, очень вамъ благодаренъ! Отчего вы меня не извѣстили? Если бы вы имѣли ко мнѣ чувства, пріѣхали бы ко мнѣ и по-дружески: «Голубушка, Левъ Трофимычъ, такъ и такъ, молъ... Такого сорта исторія и прочее...» Я бы вамъ въ одинъ мигъ все устроилъ и не понадобилось бы этого скандала... Тотъ дуракъ, словно бѣлены объѣлся, шляется по уѣзду, кляузничаетъ да сплетничаетъ съ бабами, а вы, срамъ сказать, извините за выраженіе, затѣяли чортъ знаетъ что, заставили того дурака подать въ судъ! Срамъ, чистый срамъ! Всѣ меня спрашиваютъ, въ чемъ дѣло, какъ и что, а я, предсѣдатель, и ничего не знаю, что у васъ тамъ дѣлается. Вамъ до меня и надобности нѣтъ! Очень, очень вамъ благодаренъ, Григорій Иванычъ!

Предсѣдатель поклонился такъ низко, что даже побагровѣлъ весь, потомъ подошелъ къ окну и крикнулъ:

— Жигаловъ, позови сюда Михаила Заха-

рыча! Скажи, чтобъ сію минуту сюда шелъ! Не хорошо-съ! — сказалъ онъ, отходя отъ окна. — Даже жена моя обидѣлась, а ужъ на что, кажется, благоволитъ къ вамъ. Ужъ очень вы, господа, умствуете! Все норовите, какъ бы это по-умному, да по принципамъ, да со всякими выкрутасами, а выходитъ у васъ только одно: тѣнь наводите...

— Вы норовите все не по-умному, а у васъ то что выходитъ? — спросилъ докторъ.

— Что у насъ выходитъ? А то выходитъ, что если бы я сейчасъ сюда не пріѣхалъ, то вы бы и себя осрамили, и насъ... Счастье ваше, что я пріѣхалъ!

Вошелъ фельдшеръ и остановился у порога. Предсѣдатель сталъ къ нему бокомъ, засунулъ руки въ карманы, откашлялся и сказалъ:

— Проси сейчасъ у доктора прощенія!

Докторъ покраснѣлъ и выбѣжалъ въ другую комнату.

— Вотъ видишь, докторъ не хочетъ принимать твоихъ извиненій! — продолжалъ предсѣдатель. — Онъ желаетъ, чтобъ ты не на словахъ, а на дѣлѣ высказалъ свое раскаяніе. Даешь слово, что съ сегодняшняго дня будешь слушаться и вести трезвую жизнь?

— Даю... — угрюмо пробасилъ фельдшеръ.

— Смотри же! Бо-оже тебя сохрани! У меня въ одинъ мигъ потеряешь мѣсто! Если что случится, не проси милости... Ну, ступай домой...

Для фельдшера, который уже помирился со своимъ несчастьемъ, такой поворотъ дѣла былъ

неожиданнымъ сюрпризомъ. Онъ даже поблѣднѣлъ отъ радости. Что-то онъ хотѣлъ сказать и протянулъ впередъ руку, но ничего не сказалъ, а тупо улыбнулся и вышелъ.

— Вотъ и все! — сказалъ предсѣдатель. — И суда никакого не нужно.

Онъ облегченно вздохнулъ и съ такимъ видомъ, какъ будто только-что совершилъ очень трудное и важное дѣло, оглядѣлъ самоваръ и стаканы, потеръ руки и сказалъ:

— Блажени миротворцы... Налей-ка мнѣ, Саша, стаканчикъ. А впрочемъ, вели сначала дать чего-нибудь закусить... Ну, и водочки...

— Господа, это невозможно! — сказалъ докторъ, входя въ столовую, все еще красный и ломая руки. — Это... это комедія! Это гадко! Я не могу. Лучше двадцать разъ судиться, чѣмъ рѣшать вопросы такъ водевильно. Нѣтъ, я не могу!

— Что же вамъ нужно? — огрызнулся на него предсѣдатель. — Прогнать? Извольте, я прогоню...

— Нѣтъ, не прогнать... Я не знаю, что мнѣ нужно, но такъ, господа, относиться къ жизни... ахъ, Боже мой! Это мучительно!

Докторъ нервно засуетился и сталъ искать своей шляпы и, не найдя ея, въ изнеможеніи опустился въ кресло.

— Гадко! — повторилъ онъ.

— Душа моя, — зашепталъ мировой: — отчасти я васъ не понимаю, такъ сказать... Вѣдь вы виноваты въ этомъ инцидентѣ. Хлобыстать по физіономіи въ концѣ девятнадцатаго вѣка — это, нѣкоторымъ образомъ, какъ хотите, не

того... Онъ мерзавецъ, но-о-о, согласитесь, и вы поступили неосторожно...

— Конечно! — согласился предсѣдатель.

Подали водку и закуску. На прощанье докторъ машинально выпилъ рюмку и закусилъ редиской. Когда онъ возвращался къ себѣ въ больницу, мысли его заволакивались туманомъ, какъ трава въ осеннее утро.

«Неужели, — думалъ онъ: — въ послѣднюю недѣлю было такъ много выстрадано, передумано и сказано только для того, чтобы все кончилось такъ нелѣпо и пошло! Какъ глупо! Какъ глупо!»

Ему было стыдно, что въ свой личный вопросъ онъ впуталъ постороннихъ людей, стыдно за слова, которыя онъ говорилъ этимъ людямъ, за водку, которую онъ выпилъ по привычкѣ пить и жить зря, стыдно за свой не понимающій, не глубокій умъ... Вернувшись въ больницу, онъ тотчасъ же принялся за обходъ палатъ. Фельдшеръ ходилъ около него, ступая мягко, какъ котъ, и мягко отвѣчая на вопросы... И фельдшеръ, и русалка, и сидѣлки дѣлали видъ, что ничего не случилось и что все было благополучно. И самъ докторъ изо всѣхъ силъ старался казаться равнодушнымъ. Онъ приказывалъ, сердился, шутилъ съ больными, а въ мозгу его копошилось:

«Глупо, глупо, глупо...»

1888.

Спать хочется

Ночь. Нянька Варька, дѣвочка лѣтъ тринадцати, качаетъ колыбель, въ которой лежитъ ребенокъ, и чуть слышно мурлычетъ:

Баю-баюшки-баю,
А я пѣсенку спою . . .

Передъ образомъ горитъ зеленая лампадка; черезъ всю комнату отъ угла до угла тянется веревка, на которой висятъ пеленки и большія черныя панталоны. Отъ лампадки ложится на потолокъ большое зеленое пятно, а пеленки и панталоны бросаютъ длинныя тѣни на печку, колыбель, на Варьку . . . Когда лампадка начинаетъ мигать, пятно и тѣни оживаютъ и приходятъ въ движеніе, какъ отъ вѣтра. Душно. Пахнетъ щами и сапожнымъ товаромъ.

Ребенокъ плачетъ. Онъ давно уже осипъ и изнемогъ отъ плача, но все еще кричитъ, и неизвѣстно, когда онъ уймется. А Варькѣ хочется спать. Глаза ея слипаются, голову тянетъ внизъ, шея болитъ. Она не можетъ шевельнуть ни вѣками, ни губами, и ей кажется, что лицо ея высохло и одеревенѣло, что голова стала маленькой, какъ булавочная головка.

«Баю-баюшки-баю, — мурлычетъ она: — тебѣ кашки наварю . . .»

Въ печкѣ кричитъ сверчокъ. Въ сосѣдней комнатѣ, за дверью, похрапываютъ хозяинъ и подмастерье Аѳанасій . . . Колыбель жалобно скрипитъ, сама Варька мурлычетъ — и все это

сливается въ ночную, убаюкивающую музыку, которую такъ сладко слушать, когда ложишься въ постель. Теперь же эта музыка только раздражаетъ и гнететъ, потому что она вгоняетъ въ дремоту, а спать нельзя; если Варька, не дай Богъ, уснетъ, то хозяева прибьютъ ее.

Лампадка мигаетъ. Зеленое пятно и тѣни приходятъ въ движеніе, лѣзутъ въ полуоткрытые, неподвижные глаза Варьки и въ ея наполовину уснувшемъ мозгу складываются въ туманныя грезы. Она видитъ темныя облака, которыя гоняются другъ за другомъ по небу и кричатъ, какъ ребенокъ. Но вотъ подулъ вѣтеръ, пропали облака, и Варька видитъ широкое шоссе, покрытое жидкою грязью; по шоссе тянутся обозы, плетутся люди съ котомками на спинахъ, носятся взадъ и впередъ какія-то тѣни; по обѣ стороны сквозь холодный, суровый туманъ видны лѣса. Вдругъ люди съ котомками и тѣнями падаютъ на землю въ жидкую грязь. — «Зачѣмъ это?» — спрашиваетъ Варька. — «Спать, спать!» — отвѣчаютъ ей. И они засыпаютъ крѣпко, спятъ сладко, а на телеграфныхъ проволокахъ сидятъ вороны и сороки, кричатъ, какъ ребенокъ, и стараются разбудить ихъ.

«Баю-баюшки-баю, а я пѣсенку спою...» — мурлычетъ Варька и уже видитъ себя въ темной, душной избѣ.

На полу ворочается ея покойный отецъ Ефимъ Степановъ. Она не видитъ его, но слышитъ, какъ онъ катается отъ боли по полу и стонетъ. У него, какъ онъ говоритъ, «разыгралась грыжа». Боль такъ сильна, что онъ не

можетъ выговорить ни одного слова и только втягиваетъ въ себя воздухъ и отбиваетъ зубами барабанную дробь:

«Бу-бу-бу-бу...»

Мать Пелагея побѣжала въ усадьбу къ господамъ сказать, что Ефимъ помираетъ. Она давно уже ушла и пора бы ей вернуться. Варька лежитъ на печи, не спитъ и прислушивается къ отцовскому «бу-бу-бу». Но вотъ слышно, кто-то подъѣхалъ къ избѣ. Это господа прислали молодого доктора, который пріѣхалъ къ нимъ изъ города въ гости. Докторъ входитъ въ избу; его не видно въ потемкахъ, но слышно, какъ онъ кашляетъ и щелкаетъ дверью.

— Засвѣтите огонь! — говоритъ онъ.

— Бу-бу-бу... — отвѣчаетъ Ефимъ.

Пелагея бросается къ печкѣ и начинаетъ искать черепокъ со спичками. Проходитъ минута въ молчаніи. Докторъ, порывшись въ карманахъ, зажигаетъ свою спичку.

— Сейчасъ, батюшка, сейчасъ, — говоритъ Пелагея, бросается вонъ изъ избы и, немного погодя, возвращается съ огаркомъ.

Щеки у Ефима розовыя, глаза блестятъ и взглядъ какъ-то особенно остръ, точно Ефимъ видитъ насквозь и избу, и доктора.

— Ну, что? Что ты это вздумалъ? — говоритъ докторъ, нагибаясь къ нему. — Эге! Давно ли это у тебя?

— Чего-съ? Помирать, ваше благородіе, пришло время... Не быть мнѣ въ живыхъ...

— Полно вздоръ говорить... Вылѣчимъ!

— Это какъ вамъ угодно, ваше благородіе,

благодаримъ покорно, а только мы понимаемъ... Коли смерть пришла, что ужъ тутъ.

Докторъ съ четверть часа возится съ Ефимомъ; потомъ поднимается и говоритъ:

— Я ничего не могу подѣлать... Тебѣ нужно въ больницу ѣхать, тамъ тебѣ операцію сдѣлаютъ. Сейчасъ же поѣзжай... Непремѣнно поѣзжай! Немножко поздно, въ больницѣ всѣ уже спятъ, но это ничего, я тебѣ записочку дамъ. Слышишь?

— Батюшка, да на чемъ же онъ поѣдетъ? — говоритъ Пелагея. — У насъ нѣтъ лошади.

— Ничего, я попрошу господъ, они дадутъ лошадь.

Докторъ уходитъ, свѣча тухнетъ и опять слышится «бу-бу-бу»... Спустя полчаса, къ избѣ кто-то подъѣзжаетъ. Это господа прислали телѣжку, чтобы ѣхать въ больницу. Ефимъ собирается и ѣдетъ...

Но вотъ наступаетъ хорошее, ясное утро. Пелагеи нѣтъ дома: она пошла въ больницу узнать, что дѣлается съ Ефимомъ. Гдѣ-то плачетъ ребенокъ и Варька слышитъ, какъ кто-то ея голосомъ поетъ:

«Баю-баюшки-баю, а я пѣсенку спою...»

Возвращается Пелагея; она крестится и шепчетъ:

— Ночью вправили ему, а къ утру Богу душу отдалъ... Царство небесное, вѣчный покой... Сказываютъ, поздно захватили... Надо бы раньше...

Варька ѣдетъ въ лѣсъ и плачетъ тамъ, но вдругъ кто-то бьетъ ее по затылку съ такой

силой, что она стукается лбомъ о березу. Она поднимаетъ глаза и видитъ передъ собой хозяина-сапожника.

— Ты что же это, паршивая? — говоритъ онъ. — Дитё плачетъ, а ты спишь?

Онъ больно треплетъ ее за ухо, а она встряхиваетъ головой, качаетъ колыбель и мурлычетъ свою пѣсню. Зеленое пятно и тѣни отъ панталонъ и пеленокъ колеблются, мигаютъ ей и скоро опять овладѣваютъ ея мозгомъ. Опять она видитъ шоссе, покрытое жидкою грязью. Люди съ котомками на спинахъ и тѣни разлеглись и крѣпко спятъ. Глядя на нихъ, Варькѣ страстно хочется спать; она легла бы съ наслажденіемъ, но мать Пелагея идетъ рядомъ и торопитъ ее. Обѣ онѣ спѣшатъ въ городъ наниматься.

— Подайте милостыньки Христа-ради! — проситъ мать у встрѣчныхъ. — Явите божескую милость, господа милосердные!

— Подай сюда ребенка! — отвѣчаетъ ей чей-то знакомый голосъ. — Подай сюда ребенка! — повторяетъ тотъ же голосъ, но уже сердито и рѣзко. — Спишь, подлая?

Варька вскакиваетъ и, оглядѣвшись, понимаетъ, въ чемъ дѣло: нѣтъ ни шоссе, ни Пелагеи, ни встрѣчныхъ, а стоитъ посреди комнаты одна только хозяйка, которая пришла покормить своего ребенка. Пока толстая, плечистая хозяйка кормитъ и унимаетъ ребенка, Варька стоитъ, глядитъ на нее и ждетъ, когда она кончитъ. А за окнами уже синѣетъ воздухъ, тѣни и зеленое пятно на потолкѣ замѣтно блѣднѣютъ. Скоро утро.

— Возьми! — говоритъ хозяйка, застегивая на груди сорочку. — Плачетъ. Должно, сглазили.

Варька беретъ ребенка, кладетъ его въ колыбель и опять начинаетъ качать. Зеленое пятно и тѣни мало-по-малу исчезаютъ и ужъ некому лѣзть въ ея голову и туманить мозгъ. А спать хочется попрежнему, ужасно хочется! Варька кладетъ голову на край колыбели и качается всѣмъ туловищемъ, чтобы пересилить сонъ, но глаза все-таки слипаются и голова тяжела.

— Варька, затопи печку! — раздается за дверью голосъ хозяина.

Значитъ, уже пора вставать и приниматься за работу. Варька оставляетъ колыбель и бѣжитъ въ сарай за дровами. Она рада. Когда бѣгаешь и ходишь, спять уже не такъ хочется, какъ въ сидячемъ положенiи. Она приноситъ дрова, топитъ печь и чувствуетъ, какъ расправляется ея одеревенѣвшее лицо и какъ проясняются мысли.

— Варька, поставь самоваръ! — кричитъ хозяйка.

Варька колетъ лучину, но едва успѣваетъ зажечь ихъ и сунуть въ самоваръ, какъ слышится новый приказъ:

— Варька, почисть хозяину калоши!

Она садится на полъ, чиститъ калоши и думаетъ, что хорошо бы сунуть голову въ большую, глубокую калошу и подремать въ ней немножко... И вдругъ калоша растетъ, пухнетъ, наполняетъ собою всю комнату, Варька роняетъ щетку, но тотчасъ же встряхиваетъ головой, пу-

читъ глаза и старается глядѣть такъ, чтобы предметы не росли и не двигались въ ея глазахъ.

— Варька, помой снаружи лѣстницу, а то отъ заказчиковъ совѣстно!

Варька моетъ лѣстницу, убираетъ комнаты, потомъ топитъ другую печь и бѣжитъ въ лавочку. Работы много, нѣтъ ни одной минуты свободной.

Но ничто такъ не тяжело, какъ стоять на одномъ мѣстѣ передъ кухоннымъ столомъ и чистить картошку. Голову тянетъ къ столу, картошка рябитъ въ глазахъ, ножъ валится изъ рукъ, а возлѣ ходитъ толстая, сердитая хозяйка съ засученными руками и говоритъ такъ громко, что звенитъ въ ушахъ. Мучительно также прислуживать за обѣдомъ, стирать, шить. Бываютъ минуты, когда хочется, ни на что не глядя, повалиться на полъ и спать.

День проходитъ. Глядя, какъ темнѣютъ окна, Варька сжимаетъ себѣ деревенѣющіе виски и улыбается, сама не зная чего ради. Вечерняя мгла ласкаетъ ея слипающіеся глаза и обѣщаетъ ей скорый, крѣпкій сонъ. Вечеромъ къ хозяевамъ приходятъ гости.

— Варька, ставь самоваръ! — кричитъ хозяйка.

Самоваръ у хозяевъ маленькій и прежде, чѣмъ гости напиваются чаю, приходится подогрѣвать его разъ пять. Послѣ чаю Варька стоитъ цѣлый часъ на одномъ мѣстѣ, глядитъ на гостей и ждетъ приказаній.

— Варька, сбѣгай купи три бутылки пива!

Она срывается съ мѣста и старается бѣжать быстрѣе, чтобы прогнать сонъ.

— Варька, сбѣгай за водкой! Варька, гдѣ штопоръ? Варька, почисть селедку!

Но вотъ, наконецъ, гости ушли; огни тушатся, хозяева ложатся спать.

— Варька, покачай ребенка! — раздается послѣдній приказъ.

Въ печкѣ кричитъ сверчокъ; зеленое пятно на потолкѣ и тѣни отъ панталонъ и пеленокъ опять лѣзутъ въ полуоткрытые глаза Варьки, мигаютъ и туманятъ ей голову.

«Баю-баюшки-баю, — мурлычетъ она: — а я пѣсенку спою...»

А ребенокъ кричитъ и изнемогаетъ отъ крика. Варька видитъ опять грязное шоссе, людей съ котомками, Пелагею, отца Ефима. Она все понимаетъ, всѣхъ узнаетъ, но сквозь полусонъ она не можетъ только никакъ понять той силы, которая сковываетъ ее по рукамъ и по ногамъ, давитъ ее и мѣшаетъ ей жить. Она оглядывается, ищетъ эту силу, чтобы избавиться отъ нея, но не находитъ. Наконецъ, измучившись, она напрягаетъ всѣ свои силы и зрѣніе, глядитъ вверхъ на мигающее зеленое пятно и, прислушавшись къ крику, находитъ врага, мѣшающаго ей жить.

Этотъ врагъ — ребенокъ.

Она смѣется. Ей удивительно: какъ это раньше она не могла понять такого пустяка? Зеленое пятно, тѣни и сверчокъ тоже, кажется, смѣются и удивляются.

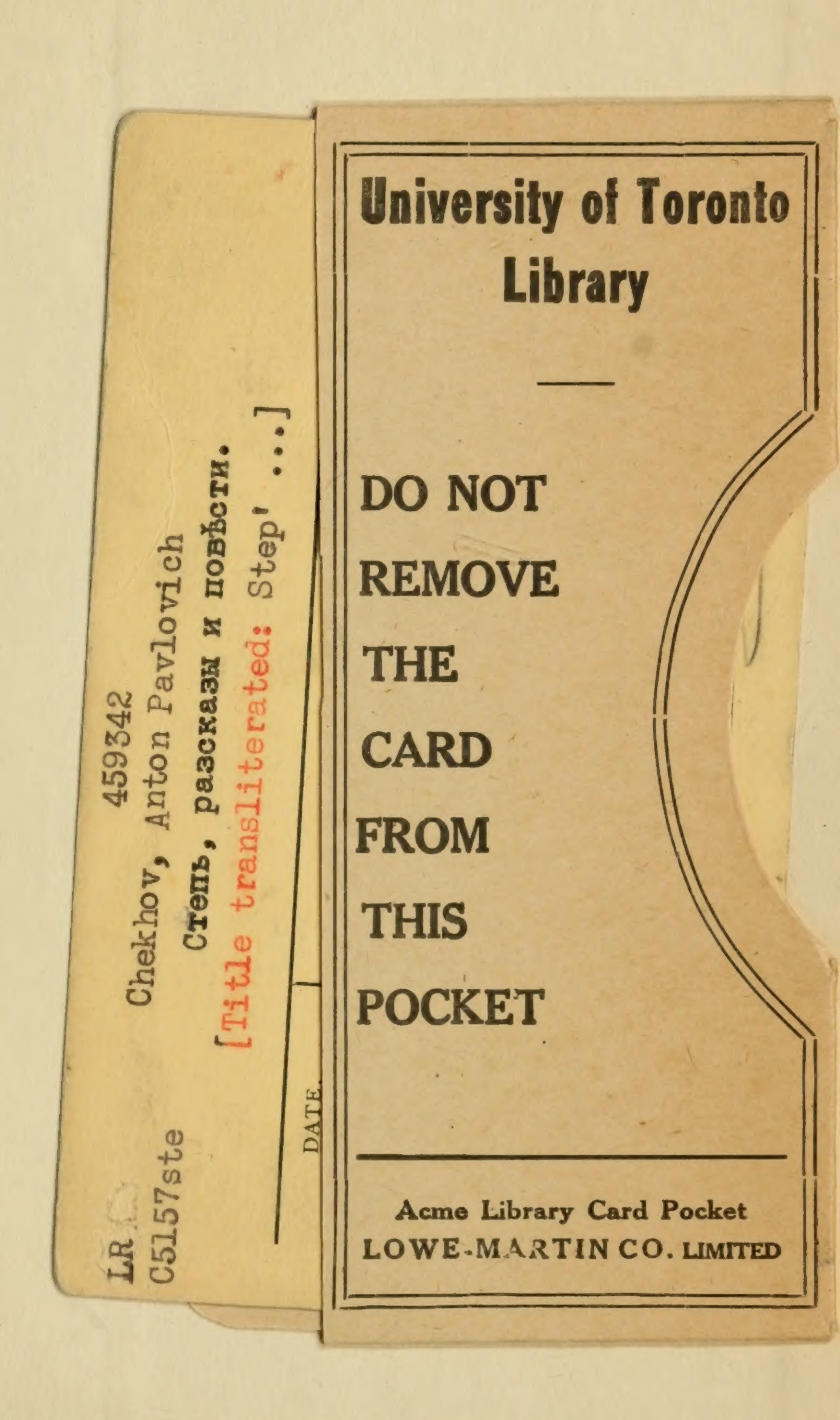
Ложное представленіе овладѣваетъ Варькой. Она встаетъ съ табурета и, широко улыбаясь, не мигая глазами, прохаживается по комнатѣ. Ей пріятно и щекотно отъ мысли, что она сейчасъ избавится отъ ребенка, сковывающаго ее

по рукамъ и ногамъ... Убить ребенка, а потомъ спать, спать, спать...

Смѣясь, подмигивая и грозя зеленому пятну пальцами, Варька подкрадывается къ колыбели и наклоняется къ ребенку. Задушивъ его, она быстро ложится на полъ, смѣется отъ радости, что ей можно спать, и черезъ минуту спитъ уже крѣпко, какъ мертвая...

1888.

Оглавленіе



LR
C5157ste
459342
Chekhov, Anton Pavlovich
Степь, разсказы и повѣсти.
[Title transliterated: Step' ...]
DATE
University of Toronto
Library
DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET
Acme Library Card Pocket
LOWE-MARTIN CO. LIMITED